

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

Владикавказский научный центр РАН и Правительства РСО-Алания
Отдел культурной антропологии южных осетин ВНЦ РАН и РСО-Алания

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

ТОМ
2

Ответственный редактор
Л.А. Чибиров

Владикавказ
2014

Президиум Владикавказского научного центра
благодарит генерального директора ООО «Ирис» (Москва)
Эдуарда Александровича Цховребова
за подготовку к изданию трудов
проф. Г.Д. Тогошвили в двух томах

Перевод с грузинского Н.М. Хабалова

Составление
и систематизация научного аппарата
канд.ист.наук. А.Л. Чибирова

Примечания и комментарии
доктора ист.наук, проф. Л.А. Чибирова

Тогошвили Г.Д.

Т–50 Избранные труды по кавказоведению: Т. 2 [Текст] / Владикавказский научный центр РАН и Правительства РСО-Алания; отдел культурной антропологии южных осетин ВНЦ РАН и РСО-Алания – Владикавказ: Ир, 2014

Т. 2 /отв. ред. Л.А. Чибиров – 2014 – 473 с.

ISBN 978-5-7534-1431-1

Во второй том избранных трудов Г.Д. Тогошвили вошли его монографии: «Сослан-Давид» и «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах», а также другие работы о грузино-осетинских и грузино-северокавказских исторических взаимоотношениях.

Т $\frac{0503020900-7}{М131(03)-14}$ 27–14

63.3(5Гру)

ISBN 978-5-7534-1431-1

От редактора

В первый том избранных трудов профессора Г.Д. Тогошвили вошли три его известные монографии, в которых исследуются грузино-осетинские исторические взаимоотношения с древнейших времен по начало XX века.

Второй том трудов состоит из трех разделов.

В первый раздел вошли труды ученого, посвященные грузино-осетинским историческим взаимоотношениям.

Это, прежде всего, монография «Сослан-Давид» и известное исследование «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах». В разделе также представлены выполненная в соавторстве с доцентом И.В. Хабалашвили брошюра – критическая статья «Население Осетии» на работу В.Н. Гамрекели, посвященная вопросу о времени и условиях переселения осетин на территорию Грузии, и главы из «Очерков по истории Юго-Осетинской автономной области».

Во второй раздел вошли труды Г.Д. Тогошвили, посвященные истории народов Северного Кавказа.

В третий раздел вошла статья проф. М.Р. Гасанова об авторе книги. Возглавляя долгие годы отдел истории народов Кавказа в Институте истории, археологии и этнографии АН ГССР, Георгий Давидович проявил себя компетентным специалистом по средневековой и новой истории горских народов Северного Кавказа. Включенные в настоящее издание работы о народах Кавказа хронологически охватывают большой отрезок времени – с XI по XV и XVIII–XIX столетия включительно.

Остается сожалеть, что не все научное наследие Г.Д. Тогошвили вошло в настоящее издание. За бортом остались заслуживающие внимания научные статьи, рецензии, публицистика: перечень основных трудов прилагается в Приложении.

Будем надеяться, что со временем найдется спонсор, который осуществит издание оставшихся трудов ученого отдельным томом.

В первом томе книги допущена неточность. Автором вводной статьи «Г.Д. Тогошвили и его кавказоведческие исследования» является не А.Л. Чибиров, а доктор исторических наук Л.А. Чибиров.

Царица Тамара и Сослан-Давид.
С картины худ. Г.С. Котаева и Б.И. Санакоева

РАЗДЕЛ I

ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

СОСЛАН-ДАВИД

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

Осетинский царевич, муж и соправитель прославленной царицы Грузии Тамар, Сослан-Давид – «человек, исполненный всякого добра, божеского и человеческого, прекрасный на вид, в сражениях и на войне храбрый и мужественный, щедрый, смиренный и превознесенный в добродетелях» (Картлис Цховреба, 1959. С. 100; История и восхваление, 1954. С. 80), играл большую роль в политической жизни грузинского феодального государства в конце XII–начале XIII века. Верный супруг и соправитель Тамар, «соучастник всех побед и деяний» царицы (Картлис Цховреба, 1955. С. 369), главнокомандующий войсками Грузии – самого сильного тогда государства на Кавказе и Ближнем Востоке – Сослан-Давид своими громкими победами над внешними врагами Грузии прославил грузинское оружие и, вместе с тем, себя, свой родной осетинский народ. Сослан-Давид выступает носителем самых лучших качеств осетинского народа. Именно так воспринимали его современные ему грузинские историки, когда для объяснения выбора Сослана-Давида в супруги царицы подчеркивали, что «овсы (осетины) мужи могущественные и сильные в боях». Придворный поэт Чахрухадзе восторженно называл Сослана-Давида «великим осетином».

Личность Сослана-Давида по своей значимости, обаянию и многим другим качествам высоко оценивалась современниками. Его подвиги и деяния воспевались историками и поэтами. Имя Сослана вместе с именем Тамар прочно вошло в устное народное творчество как грузинского, так и осетинского народов, ибо оно олицетворяло и символизировало дружбу и братство двух искони соседних народов, исторические судьбы которых издревле тесно переплелись.

Основы грузино-осетинских дружественных взаимоотношений были заложены в глубокой древности. Однако их характерной особенностью является не продолжительность, исчисляемая десятками столетий, а тесный, прочный, многогранный характер, совпадение и переплетение жизненных интересов грузинского и осетинского народов, общность их исторических судеб. Как отмечал великий грузинский писатель и мыслитель И. Чавчавадзе, «ни общность языка,

ни общность вероисповедания и происхождения так не сплачивают людей, как общность истории» (Чавчавадзе, 1987. С. 9).

Археологический материал наглядно свидетельствует о тесных экономических и культурных связях между населением Центрального Предкавказья и народами Грузии и других государств Закавказья уже с древнейших времен. По словам известного кавказоведа Е.И. Крупнова, «весь наличный материал говорит о какой-то общности культурного развития древнейших поселенцев центральной зоны Северного Кавказа и племен Предкавказья, Южного Кавказа и особенно Западной Грузии. Причем эта общность проявилась еще с энеолита и эпохи ранней бронзы» (Крупнов, 1951. С. 70).

Особенно усиливаются эти связи в I тысячелетии до н. э., в период господства в центральной части Северного Кавказа известной кобанской культуры, отражающей весьма тесные культурно-хозяйственные контакты с синхронными культурами Восточной и, особенно, Западной Грузии.

Проникновение в центральную часть Северного Кавказа ираноязычных скифов (преемниками которых являлись сарматы, затем аланы – непосредственные предки осетин) не только не привело к прекращению его экономических и культурных связей с Закавказьем, а наоборот, сделало их еще более интенсивными, что подтверждается как археологическими, так и письменными историческими источниками.

Примечательно, что по грузинской исторической традиции, зафиксированной Леонтием Мровели, историком XI века, грузино-осетинские взаимоотношения начинаются на заре появления грузинской государственности. Феодальная историография главное внимание уделяла военно-политическим аспектам деятельности исторических личностей, и когда мы обращаемся к грузино-осетинским отношениям в прошлом, то убеждаемся, что и здесь в письменных источниках наиболее полное отражение нашли именно военно-союзнические отношения между Грузией и Осетией.

По сведениям Леонтия Мровели, Фарнаваз, отпрыск знатных кругов города Мцхета, возглавивший борьбу грузинского народа против завоевателя страны Азона, обратился за помощью к осетинскому царю. Осетины с готовностью откликнулись на призыв Фарнаваза и его союзника – эгрисского эристава Куджи, так как Азон угрожал и их независимости. В результате упорных боев союзники разбили иноземного насильника и освободили Грузию от его господства. Фарнаваз стал царем – родоначальником первой царской династии в Грузии – Фарнавазианов. Фарнаваз укрепил свои позиции многосторонним династическим родством – выдал одну сестру за осетинского царя, другую – за эгрисского эристава Куджи, а сам

женился на дочери царя дзурдзуков (предков нынешних чеченцев и ингушей) (Картлис цховреба, 1955. С. 24—25).

Таким образом, по грузинской исторической традиции грузино-осетинские политические отношения начинаются в форме совместной борьбы с иноземными завоевателями и приводят к династическому родству между царями обеих стран. Установление династического родства со своими северными соседями — осетинами и дзурдзуками — обеспечивало Фарнавазу и его наследникам их военную поддержку как в борьбе против внешних врагов, так и в борьбе за укрепление своей власти внутри страны. Так, уже наследнику Фарнаваза Саурмагу пришлось обратиться за помощью к осетинам и дзурдзукам для борьбы со своими же эриставами, лишившими его престола, и только силами осетин и дзурдзуков он смог вновь завладеть престолом Грузии (Картлис цховреба, 1955. С. 27).

Грузинские, армянские, греко-римские и другие письменные исторические источники содержат ценные сведения о грузино-осетинских (аланских) военно-политических связях с I в. н.э. Грузины в союзе с осетинами неоднократно выступали против вражеских сил, стремившихся установить свое господство в Закавказье.

Так, римский историк Корнелий Тацит (55—120 гг.) писал, что в 35 году аланы (так называли осетин негрузинские исторические источники) выступили союзниками Иберийского (восточно-грузинского) царя Фарсмана в его борьбе против парфянского царя Артабана (Тацит, 1987. С. 280—281). В 68 году, по сведениям историка Иосифа Флавия, аланы договорились с царем Иберии, который открыл им Дарьяльскую дорогу, и вторглись в Мидию — основную базу экспансии Парфии в Закавказье (Вестник древней истории, 1947. С. 277).

Известно, что с I в. н.э. Римское государство развернуло активные действия за установление своего господства в Закавказье. В борьбе против своего конкурента в этом, Парфии, Рим стремился использовать силы осетин. Он достигал этого с помощью Иберии, контролирующей перевальные пути через Кавказский хребет, в первую очередь — Дарьяльскую дорогу. Римские завоеватели учитывали значение добрососедских отношений Иберии с воинственными народами Северного Кавказа, среди которых аланы (осетины) занимали главенствующую роль. И чтобы грузинские цари не открыли им дорогу и не направили их для опустошения римских владений в Закавказье и Передней Азии, правители Римского государства проводили в отношении грузинских царей лояльную политику.

Основной тенденцией грузино-осетинских взаимоотношений с древнейших времен являлась совместная борьба против иноземных завоевателей. Эта тенденция прослеживается в описанной Леонтием Мровели борьбе царей Картли Азорка и Армазели с помощью осе-

тин за возвращение утерянных ими на юге территорий. Эта продолжительная совместная борьба (в конце I в. н. э.) завершилась оформлением грузино-армяно-осетинского союза, направленного против иноземных завоевателей. По словам историка, «стали друзьями армяне, грузины и осетины, и они совместно вели борьбу против врагов» (Картлис цховреба, 1955. С. 49). О такой совместной борьбе грузин, армян и осетин против персов, имевшей место во второй половине III в. н. э., сообщает Леонтий Мровели. Вдохновителем этой совместной борьбы выступает царь Грузии – Асфагур, скончавшийся в Осетии, куда он прибыл для подготовки осетин к очередному походу против Персии (Там же. С. 59–62).

Академик Г.А. Меликишвили подчеркивает, что союзнические отношения с северокавказскими аланами, а еще раньше – с сарматскими союзами племен играли выдающуюся роль в военной политике картлийских царей. Эти союзнические отношения не исчерпывались лишь привлечением северокавказских племен к военным операциям. Ученый предполагает наличие аланских военных отрядов в постоянном войске Картли.

В эпиграфических материалах из Мцхета-Армази, датируемых I–II вв., встречаются собственные имена, схожие с сармато-аланскими: Зевах, Хсефарнуг, Шарагас, Иодманган, Аспаурукия и др. Наличие этих имен в среде картлийской знати было результатом интенсивных связей между грузинами и алано-осетинами (Меликишвили, 1959. С. 471–472).

Совершенно естественно, что союзнические отношения между грузинами и осетинами строились на взаимовыгодной основе. Грузия нуждалась во вспомогательных военных силах в борьбе с иноземными завоевателями, а осетин привлекала плата за военную помощь и военная добыча, сопровождавшая все успешно завершенные военные акции. Римский историк IV в. Аммиан Марцеллин, характеризуя алан, отмечал, что «как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении» (Скитский, 1949. С. 10).

Воинственность осетин, их постоянная готовность к походам ранее и в эпоху Марцеллина определялась той ступенью общественного развития, на которой они стояли и которая называется «военной демократией». На этом этапе, по словам Ф. Энгельса, «война и организация для войны становятся нормальными функциями народной жизни» (Маркс, Энгельс, 1961. С. 64).

Воинственный характер осетины сохранили и в последующие за «военной демократией» стадии исторического развития, что было обусловлено тяжелыми условиями их жизни, постоянной борьбой за существование и самобытность.

Осетины выступали союзниками Грузии в ее длительной борьбе против персидских и византийских завоевателей в VI в., а затем, с VII в., против арабов. В период борьбы грузинских царств и княжеств за объединение Грузии в единое феодальное государство (IX–X вв.) осетины выступают союзниками Абхазского (западно-грузинского) царства. Правящие круги этого царства проводили мероприятия для укрепления связей с осетинами. Так, царь Георгий II (921–956 гг.) сыграл важную роль в деле утверждения христианства в качестве государственной религии в Осетинском царстве.

Христианизация осетинского народа исторически имела положительное значение. Осетия еще теснее связалась с Грузией и Византией – со странами высокой христианской культуры; кроме того, христианство способствовало дальнейшему развитию прогрессивных по тому времени феодальных отношений.

В XI–XIII вв., в период существования могущественной объединенной феодальной монархии Грузии, грузино-осетинские взаимоотношения становятся особенно интенсивными. В эту эпоху Осетия представляла собой сильное в военном отношении царство, наиболее развитое из всех северокавказских политических единиц. В этот период дальнейшее развитие получили грузино-осетинские экономические, культурные и особенно политические связи. Заметно активизировалась роль Осетии в качестве союзника Грузии и, в частности, посредника в ее взаимоотношениях с соседними народами.

С начала XI в. между правящими династиями Грузии и Осетии возрождается старая практика династических браков, гарантировавших в ту эпоху сотрудничество и взаимную поддержку. Так, царь Грузии Георгий I (1014–1027 гг.) был женат вторым браком на осетинской царевне Альде; сын Георгия, царь Баграт IV (1027–1072 гг.), женился на дочери осетинского царя Урдуре, сестре Дорголеля – Борене. Одна из дочерей Давида Строителя (1089–1125 гг.) была выдана замуж за представителя царского рода Осетии, по линии которой, согласно историку царицы Тамар, Сослан-Давид приходился родственником тетке Тамар – Русудан. Царь Грузии Георгий III, отец Тамар, еще будучи царевичем, при жизни отца царя Димитрия, был женат на дочери осетинского царя Худана Бурдухан, которой грузинские историки-современники дают восторженную оценку. В ряду этих частых династических браков между представителями царствующих династий Грузии и Осетии брак Тамар с Сосланом-Давидом предстает обычным явлением. Однако этот брак по своему содержанию, значимости и последствиям резко выделяется из приведенных фактов династического родства, поэтому заслуживает более пристального внимания.

Грузинские правящие круги умело использовали дружественные и родственные связи с соответствующими осетинскими круга-

ми в своих политических интересах. Грузинские исторические сочинения: «Летопись (Матиане) Картли», «История царя царей Давида», «История и восхваление венценосцев», «Жизнь царицы цариц Тамар» Басили сообщают немало фактов о тесных добрососедских отношениях между Грузией и Осетией. Грузино-осетинские взаимоотношения выступают как действенные, мирные, взаимовыгодные и дружественные. Характер и масштабы этих отношений определялись процессами внутреннего и внешнего порядка обоих государств.

В книге, предлагаемой вниманию читателей, мы стремились как можно полнее осветить все вопросы, связанные с жизнью и деятельностью выдающегося военного и политического деятеля своего времени Сослана-Давида, олицетворяющего грузино-осетинские дружественные отношения в историческом прошлом. На этом прочном фундаменте грузино-осетинских исторических отношений выросла дружба грузинского и осетинского народов – неотъемлемая составная часть дружбы народов СССР.

Говоря о Сослане-Давиде, мы не забываем, что он был военным и государственным деятелем грузинского единого феодального государства в эпоху его наибольшего могущества. Но тот факт, что он был осетином, делал и делает его родным и близким осетинскому народу. Верным служением интересам феодальной Грузии, царице Тамар Сослан-Давид укреплял свои позиции как царь-соправитель и, вместе с тем, прославил свой народ, снискал ему честь и уважение грузинской общественности. Мы согласны с мнением писателя С. Кетелаури, справедливо считавшего, что если у народа есть великий сын, он должен уметь ценить его заслуги независимо от того, где он проявил себя и где покрыл себя славой – на собственной родине или за ее пределами. Слава и признание такого деятеля больше принадлежат родившему его народу, нежели стране, которой он, волею обстоятельств, служил (Кетелаури, 1981. С.164).

Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, будучи первым секретарем ЦК КП Грузии, в своей речи на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования Юго-Осетинской автономной области, 26 июня 1982 года в Цхинвали отметил: «Истоки дружбы грузинского и осетинского народов уходят в глубь веков... Грузины и осетины, совместно, плечом к плечу сражались против иноземных завоевателей за свою свободу и независимость, отстаивая общие интересы, общие светлые идеалы. Много, очень много добрых, сердечных, проникновенных слов сказано об осетинах в древнегрузинских летописях.

Здесь можно было привести много имен. Назову лишь Давида-Сослана, который сыграл немаловажную роль в истории Грузии. Для своего времени он был высокообразованным человеком. В ис-

тории он остался как блестящий полководец, прославившийся во многих крупных сражениях с общими врагами» («Заря Востока»,1982.27.06). Не случайно имя Сослана-Давида прочно вошло в сознание осетинского народа, в его устное народное творчество как родное имя, которое из века в век вдохновляло народ на мужество, на верность в дружбе, на рыцарское преклонение перед женщиной, на героическую борьбу за свободу и независимость родины.

Мы, историки, еще в долгу перед нашими славными предками. Без прошлого нет настоящего. Пусть эта книга будет скромной данью памяти человека, который своим талантом полководца и государственного деятеля, всей своей деятельностью способствовал возвышению международного авторитета Грузии и Осетии, дальнейшему укреплению грузино-осетинских дружественных взаимоотношений.

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СОСЛАНА-ДАВИДА

Генеалогия Сослана-Давида уже давно занимает внимание историков. К сожалению, биография этого интересного человека нам мало известна, что и послужило поводом для различных толкований его генеалогии.

Современники Сослана-Давида, историки царицы Тамар сообщают о нем коротко, так как те круги, для которых предназначались их труды, хорошо были осведомлены об осетинском царском дворе, о родственных связях царствующих династий Грузии и Осетии и не находили нужным подробно рассказывать об их отдельных представителях.

Первый историк Тамар, автор «Истории и восхваления венценосцев», в связи со вторым замужеством царицы рассказывает: «Во дворце царицы Русудан был витязь из сынов Ефрема, то есть овсов (осетин.– *Т.Г.*), мужей могущественных и сильных в боях. Так как он доводился Русудан родственником по линии ее тетки, дочери Давида (царя Грузии в 1089–1125 гг. Давида Строителя. – *Т.Г.),* выданной замуж в Осетию, она, Русудан, привезла его в свой собственный дворец на воспитание. Приезжавшие туда или оттуда видели, что юноша этот, по отцу и матери царского происхождения, был сложен хорошо, плечист, на вид красивый, ростом умеренный» (Картлис цховреба, 1959. С. 46; История и восхваление, 1954. С. 46).

Второй историк Тамар – Басили по тому же поводу пишет: «А был сын осетинского царя, воспитанный царицей Русудан, юноша прекрасный по наружности, как подобает царскому сыну. Прекрасен и в других отношениях: хорошо воспитанный, мужественный, воин могущественный, рыцарь, не имеющий равного, стрелок отважный, телом мощный, совершенный во всех добродетелях» (Картлис цховреба, 1959. С. 121–122; Басили, 1985. С. 31).

И, наконец, о Сослане-Давиде сообщается в т. н. «Летописи времен Лаша-Георгия»: «Муж Тамар – Давид был царем овсов, из родни Багратионов, витязь и лев удивительный, очевидец и соучастник всех их побед и деяний, доблестный и бойкий воин»[1] (Карт-

[1] В грузинской историографии высказана мысль о том, что «Летопись» нужно датировать эпохой не ранее XVI–XVII вв.; См.: Шошиашвили Н. Датировка копии списка царицы Анны «Жития грузин»//Мравалтави (историко-филологические разыскания), V, Тбилиси, 1975. С. 51, 55.

лис цховреба, 1955. С. 369). В так называемой «Абхазской хронике» под 1189 годом читаем: «1189 г. Здесь взошел на престол осетин Давид» (Хроники, 1897. С. 277).

О Сослане-Давиде сообщают и современные ему армянские историки, обычно хорошо осведомленные о событиях, имевших место в Грузии.

Так, в приписке-завещании (ишатакаране) армянского ученого Мхитара Гоша, датируемой 1188 годом, говорится: «Тамар, дочь царя Георгия, разошлась с первым мужем, русским царевичем, и вышла замуж за человека из Аланского царства, ее родственника со стороны матери, по имени Сослан, которого после воцарения назвали Давидом» (Мурадян, 1969. С. 130; Абадаладзе, 1974. С.145; Отхмезури, 1981. С. 22).

Вардан Великий, армянский историк, современник Тамар и Сослана-Давида, сообщает, что Тамар оставила своего русского мужа и вышла замуж за осетина Аслана (он путает имена: Сослана ошибочно называет Асланом, Сосланом же называет Юрия Боголюбского) (Всеобщая история, 1861. С. 171). Об этом факте сообщает и другой армянский историк Степанос Орбелиани. Второго мужа Тамар он называет только именем Сослан (Histore, 1864. С. 221—222).

Как первый историк Тамар, так и армянский ученый Мхитар Гош отмечает родство Сослана-Давида с царской династией Грузии Багратидов. Историк Тамар говорит о родстве Сослана-Давида с теткой Русудан, указывая, что оно идет от дочери Давида Строителя, тетки Русудан, выданной замуж в Осетию. Мхитар Гош же отмечает родство по другой линии — по линии матери Тамар — Бурдухан (на родство по линии матери Тамар указывает, как увидим, и Вахушти Багратиони).

Кто же из этих двух авторов прав? Думается, есть все основания считать, что правы оба автора. Родство Сослана-Давида с Русудан по линии дочери Давида Строителя и его же с Тамар по линии царицы Бурдухан (матери Тамар) не противоречат друг другу и выглядят вполне закономерными в условиях интенсивных грузино-осетинских политических взаимоотношений и частых династических браков между представителями правящих династий Грузии и Осетии.

Совершенно иную картину происхождения Сослана-Давида рисует известный грузинский историк I пол. XVIII в. Вахушти Багратиони. Относительно второго замужества Тамар он пишет: «Тогда нашли витязя, происходившего от сына (!) Ефрема, царя овсов. Его воспитала Русудан, тетка Тамар. Этот Давид происходил от Димитрия, сына царя Георгия, которого упомянули прежде, так как у Димитрия в Анакопии, в Абхазии, остался сын и он вместе с бабкой бежал в Осетию. Тут, усыновленный, женился на дочери царя овсов

и сын его, находившийся в Осетии с отцом, был назван царем овсов. И правнука Димитрия и отца этого Давида (Сослана. – *Т.Г.)* женили на Русудан, которая полюбила девственность до 80 лет. Впрочем, этим не удивляйтесь, ибо эти обе Русудан были сестрами: воспитательница Тамар была супругой Хорасанского султана, а сестра ее Русудан же, полюбившая девственность, была невесткой царя овсов, сестры обе находились у себя дома. У мужа этой от другой жены был сын Давид, которого Русудан привезла с собой и воспитала своим сыном, и этот доводился родственником Тамар по матери, ибо мать Тамар была дочерью царя овсов. И со стороны матери Тамар Давид доводился ей (Тамар.– *Т.Г.*) родственником в третьем колене, а по Димитрию – в пятом колене. И отличался (Давид. – *Т.Г.)* красотой, представительностью, совершенством в духовном и военном отношениях... Узнав обо всем этом, Тамар согласилась и справили пышную свадьбу в Дидубе» (Картлис цховреба, 1973. С. 176).

Причину того, что историки Тамар не указали принадлежность Давида к потомкам Димитрия (отпрыска Багратионов), Вахушти объясняет тем, будто родство между Давидом и Тамар по линии Димитрия уже прошло и довольствовались указанием на родство по линии матери, как на более близкое родство. Вахушти продолжает, что «источник тут же объявляет Давида потомком Димитрия... Тамар... узнала о его принадлежности к Багратионам и не отвергла его, как других. Свидетельством этого является небольшая церковь в Касарском ущелье, где нарисованы с надписями Димитрий и его сын Давид, сын Давида – Атон, сын Атона – Джадарон, сын Джадарона – Сослан-Давид, который был мужем Тамар. Не удивляйся, что они названы потомками Ефрема. Так как они обосновались в Осетии, упомянул (источник) их тамошнюю фамилию, а не Багратионами по Димитрию» (Там же. С. 176–177).

Как видно, мнения историков Тамар и современных им армянских историков относительно происхождения Давида кардинально отличаются от версии Вахушти Багратиони. Напрашивается вопрос, кто же прав? Кому отдать предпочтение? На каком основании Вахушти противоречит придворным историкам Тамар, современникам описанных ими событий и прекрасно информированных о них, глубоко образованных для своего времени людей?

Автор «Истории и восхваления венценосцев» прямо и недвусмысленно подчеркивает, что тетка Тамар Русудан, вдова султана, возвратившаяся на родину, привела в свой дворец на воспитание родственника своего по линии своей тетки, дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию. Давид и по происхождению (как по отцовской, так и по материнской линии был царского происхождения), и по своим личным качествам удовлетворял требованиям, предъявляемым к кандидатуре в супруги Тамар. Поэтому их поженили.

Басили же отмечает, что Давид был сыном осетинского царя, обладал высокими личными качествами, что Тамар согласилась выйти за него замуж потому, что хорошо знала его.

Следует остановиться на т. н. «Летописи времен Лаша-Георгия», где Сослан-Давид неточно назван «царем овсов». Что касается фразы, что был «из родни Багратионов», это, по нашему мнению, вовсе не означает, что анонимный историк считал его Багратионом по отцовской линии. По всем данным Сослан был родственником Багратионов по линии дочери Давида Строителя и этого было вполне достаточно, чтобы назвать его «t'omi Bagrationta». В древнегрузинском слово «t'omi» (букв. «племя») употреблялось в значении и родственника, и этнической принадлежности. Так что упоминание этим историком (независимо от датировки его сочинения) Сослана-Давида как «родни Багратионов» представляет передачу другими словами смысла выражения первого историка Тамар относительно того, что он (Сослан) приходился родственником Русудан.

Чтобы увязать Сослана-Давида с династией Багратионов, Вахушти выдвинул чрезвычайно сложную и искусственную генеалогическую схему. По этой схеме у Георгия I, царя Грузии (1014–1027 гг.), было два сына от разных жен – Баграт и Димитрий (последний добивался престола, но безрезультатно). Впоследствии он скончался. Эти факты подтверждаются данными «Летописи Грузии» («Матиане Картлиса») и ими ограничиваются сведения источника относительно Димитрия. Вахушти же продолжает рассказывать, что у Димитрия остался малолетний сын, которого бабушка увезла в Осетию – на родину. Там его усыновил осетинский царь, затем выдал за него замуж свою дочь. Их сын стал царем Осетии. Праправнука Димитрия, отца Сослана-Давида, женили на тетке Тамар – Русудан. Но она была бездетна (Вахушти два раза подчеркивает, что она полюбила девственность за свои 80 лет) и сына своего мужа от другой жены – Давида – забрала с собою в Грузию на воспитание. Давид был родственником Тамар и по линии ее матери – осетинской царевны Бурдухан. Заслуживает внимания и сообщение Вахушти, будто Тамар согласилась на брак с Давидом лишь после того, как узнала о его принадлежности к роду Багратионов. Однако вызывает полное недоумение суждение Вахушти по этому поводу. Дело в том, что если Давид был отпрыском Димитрия, пасынком и воспитанником тетки Тамар – Русудан (то, что Вахушти путается относительно двух теток Тамар, двух Русудан, несомненно. Эту его ошибку давно раскрыл В. Д. Дондуа) (Дондуа, 1967. С.79–87), то, стало быть, и Тамар, и ее окружение должны были хорошо знать об этом, и тогда не было бы надобности в особых обстоятельствах, могущих раскрыть принадлежность Сослана-Давида к роду Багратионов. Очевидно, что сам Вахушти чувствовал,

что эта его схема была лишена доказательной силы и потому сослался на фрески из церкви в Касарском ущелье, где якобы нарисованы портреты Димитрия и его потомков до Сослана-Давида.

Еще М. Броссе, касаясь данных Вахушти по интересующему нас вопросу и видя их запутанность, ставил вопрос: «Точны ли эти разъяснения Вахушти?» и сам же отвечал, что «именно этого нельзя сказать» (Brosset, 1949. С. 421, прим.). Позже и В. Пфаф в связи с этим отмечал, что Вахушти в данном случае «сильно запутывает дело» (Пфаф, 1871. С. 32).

Н. Я. Марр солидаризировался с И. А. Джавахишвили в том, что Сослан-Давид был сыном осетинского царя, по матери Багратидом. Он впервые обратил внимание на то, что в списке «Картлис цховреба» XVII в., принадлежавшем царице Марии (изд. Е. Такайшвили), нет места, указывающего на происхождение Сослана-Давида от Димитрия. На этой почве он высказал сомнение в «Багратидстве» Сослана-Давида и в знак согласия с М. Броссе относительно точности версии Вахушти о происхождении мужа Тамар, повторил вышеприведенные его слова (Марр, 1926. С. 474, 476).

Однако версия Вахушти о происхождении Сослана-Давида нашла распространение в грузинской специальной литературе. Она незамедлительно вошла в новые рукописи «Картлис цховреба», а в старых рукописях была вписана на полях соответствующих мест. Например, в румянцевском списке «Картлис цховреба», там, где упоминается сын Георгия I Димитрий, на полях имеется позднейшая приписка: «Сын этого Георгия, брат царя Баграта, Димитрий, о котором написали здесь, от его потомков был муж царицы Тамар». Там же, в другом месте, написано той же рукою: 1) «Удивляюсь, ведь муж царицы Тамар был из рода этого Димитрия, почему же не написали, в каком возрасте умер или же от чьей дочери остался у него ребенок». 2) «Тут уразумей, был или не был Давид из Багратионов. Он был из шестого поколения от Димитрия» (Картлис цховреба, 1955. С. 291, сн. 2. С. 301, сн. 2).

В сочинении «История и восхваление венценосцев», там где говорится о браке Тамар и Сослана-Давида, в послевахтанговских (после Вахтанга VI—1703—1724 гг.) списках (за исключением списка царевича Теймураза) прибавлены следующие слова: «Так как сын царя овсов был витязь и по роду Багратиони. Так как Димитрий, сын царя Георгия, который остался от осетинской царевны. От этого Димитрия происходил (Сослан-Давид. — *Т.Г.*) в шестом поколении. А Русудан была бездетна» (Картлис цховреба, 1959. С. 46, сн. 4).

Те же слова повторяются в сочинении Басили там, где говорится о воспитаннике Русудан — Сослане-Давиде (Там же. С. 121, сн. 6).

Таких приписок нет в списке «Картлис цховреба» XVII в. и, как отмечал академик АН Грузинской ССР С.Г. Каухчишвили, осу-

ществивший академическое издание свода «Картлис цховреба», они характерны только для послевахтанговских списков (Там же). Сам Вахтанг VI, отец Вахушти Багратиони, в 1703 году составил генеалогическое древо Багратионов, начиная с библейского Якова (Багратиони своим родоначальником считали сына Якова – еврейского царя Давида) и кончая своими сыновьями. Вахтанг показывает и боковые ветви Багратионов, однако, хотя на генеалогическом древе указан и Димитрий, на нем обрывается эта ветвь (Чкония, 1947, вставка). Это указывает на отсутствие у Вахтанга данных о том, были ли потомки у Димитрия.

Кроме Вахушти Багратиони интерес к генеалогии Сослана-Давида проявили и другие представители рода Багратионов – двоюродный брат Вахушти – Антон, патриарх Картли и Кахети (XVIII в.), глубоко образованный для своего времени человек, а несколько позже царевич Иоан Багратиони – внук царя Ираклия II.

Антон Багратиони в своей краткой «Истории Грузии», написанной по просьбе кизлярского коменданта Фрауендорфа, говорит, что Давид был сыном мтавара осетин, из рода Давидиан-Багратионов. По версии Антония, были в Грузии два брата из потомков Гурама Багратиони. Из них Димитрий был царем, но брат Георгий отнял у него престол, а его малолетнего сына отдал в заложники осетинскому мтавару. Мтавар этот, будучи бездетным, усыновил сына Димитрия и сделал его наследником своим. Впоследствии царь Георгий, отец Тамар, отдал свою сестру Русудан за осетинского мтавара из рода утвердившихся там Багратионов, потомка усыновленного прежде ребенка. Русудан скоро овдовела и вернулась к брату в Грузию, привезла сына своего деверя – Давида и воспитала его. Георгий и свою дочь Тамар отдал на воспитание сестре Русудан. Когда же встал вопрос о замужестве Тамар, «было сказано, что юноша этот – Давид – родственник царей наших Багратионов, благовоспитанный и храбрый, и выбрали его женихом Тамар. Она одобрила этот выбор и справили свадьбу» (Институт рукописей, ф. н., № 1292, л. 6).

По версии же Иоана Багратиони (он при этом ссылается на сочинение некоего монаха из Олтиси, якобы подвизавшегося в Афонском грузинском монастыре в XI в.), Багратионом в Осетии был Ефрем, который усыновил сына Димитрия – Давида. Давид затем женился на дочери Ефрема и родился у них сын. Скоро жена Давида скончалась. Давид вернулся в Грузию, а его сына Атона воспитал дед Ефрем. Внуком этого Атона был Давид-Сослан. Ефремианом называют Давида потому, что его деда воспитал Ефрем (Кекелидзе, 1956. С. 314–315).

Таким образом, Иоан в общих чертах повторяет версию Вахушти, но вносит в нее существенные новые моменты. По этой версии,

Багратиони утвердились в Осетии еще раньше, до сына Димитрия. Однако когда и в каких условиях оказался в Осетии Ефрем Багратиони, кем он был на самом деле, как мог так свободно вернуться в Грузию сын Димитрия Давид – потенциальный претендент на грузинский престол – на эти вопросы мы не находим ответов у Иоана.

При ознакомлении с версиями трех представителей Багратионов о происхождении Сослана-Давида создается впечатление, что они не знакомы с соответствующими данными о Сослане-Давиде историков Тамар и исходят из какого-то другого источника, а также из уже существующих по этому вопросу версий (Атон с версией Вахушти, а Иоан с версиями Вахушти и Антония). Иоан ссылается на сочинение некоего монаха из Олтиси, но если даже существовало такое сочинение, оно не могло быть источником для Вахушти и Антония, так как их версии существенно отличаются как друг от друга, так и от версии Иоана.

Общим для всех этих трех авторов Багратионов является стремление во что бы то ни стало связать Сослана-Давида с Багратионами по отцовской линии. Мы исключаем возможность, что Антон и Иоан были незнакомы как с традиционной точкой зрения по этому вопросу, так и с версией Вахушти о происхождении Сослана-Давида. Из этих версий им импонировала версия Вахушти, однако видя искусственность и запутанность всего построения Вахушти на этот счет, они попытались придать ей убедительность и правдоподобие. Они даже представили более древним утверждение Багратионов в Осетии в качестве царской династии. Так, Иоан объявил Ефрема, якобы усыновившего и воспитавшего сына Димитрия, представителем рода Багратионов.

Закономерно поставить вопрос: чем объяснить такой запоздалый интерес к личности Сослана-Давида – своего предка – со стороны просвещенных царевичей Багратионов и их стремление непременно увязать его родословную с династией Багратионов? Объясняется это династическими соображениями отпрысков Багратионов, веривших в божественное происхождение своего рода и гордившихся былой славой своих предков. Тамар была одной из популярнейших правительниц феодальной Грузии, еще при жизни объявленная святой. С ее именем связывался наибольший политический, экономический и культурный подъем Грузии в прошлом. Популярным военно-политическим деятелем и соратником Тамар был и Сослан-Давид, через которого продолжилась династия Багратионов. Не случайно Тамар и Сослана-Давида воспевали современные им прославленные поэты-одописцы Шавтели и Чахрухадзе, гениальный Шота Руставели.

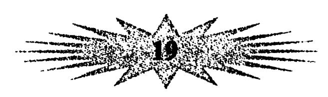
Однако минуло время блистательной эпохи Тамар. Ушло время расцвета феодального государства Грузии. Некогда единое и могу-

чее царство распалось на три отдельных царства и пять княжеств. Еще большие бедствия претерпела некогда могучая и дружественная Грузии Осетия. В результате монголо-татарских, а затем тимуровских нашествий она потеряла свою государственность, территорию и дошла до Вахушти и Антония в виде нескольких разрозненных горских обществ на обоих склонах Главного Кавказского хребта. Царская династия Осетии, некогда поддерживавшая интенсивные политические и династические связи с династией Багратионов, вовсе исчезла с политической арены.

В создавшихся условиях просвещенных потомков Багратионов уже не удовлетворяло упоминание Сослана-Давида только как потомка осетинского царя. Это вызвано тем, что, во-первых, уже не существовало ни того древнего осетинского государства, ни ее царской династии; во-вторых, тогда они должны были признать, что с вступлением Сослана-Давида в брак с Тамар династия Багратионов по мужской линии прервалась и фактически началась новая династия, которая была Багратионами только по материнской линии[2]. Раз нельзя было исключить Сослана-Давида из генеалогического древа Багратионов, то оставался один путь – «обагратионить» его. Это и сделано царевичами Багратионами – далекими потомками Тамар и Сослана-Давида.

Нам кажется не случайным такой повышенный интерес к генеалогии Сослана-Давида со стороны царевичей Багратионов, волею судьбы лишенных своих династических прав. Им оставалось гордиться былой славой своих предков. Из таких династических и патриотических соображений некоторые из них исправляли неприемлемые для них в новых условиях исторические факты (так, на-

[2] Так понимал этот вопрос известный грузинский педагог и общественный деятель Я.С. Гогебашвили. В его историческом рассказе (впервые напечатан в 1900 г.) «Сказочное приключение наследника престола» описываются события, связанные с внуком Тамар и Сослана-Давида – Давидом Георгиевичем. Давида – сына Георгия-Лаши – автор называет осетином, а Давида Нарина – сына Русудан и также внука Тамар и Сослана-Давида по дочери Русудан, рассматривает с позиции, что у него отец был чужеземцем, а мать (Русудан) также была большей частью осетинка, «в которой преобладала осетинская кровь». Этим автор объясняет некоторые черты характера как Давида Улу (Георгиевича), так и Русудан. Такое объяснение движущих мотивов деяний исторических личностей неправомерно, однако точка зрения Я. Гогебашвили об изменении реального содержания царской династии в Грузии опирается на действительные исторические факты. Это хорошо понимали вышеназванные царевичи Багратиони, проявившие столь запоздалый интерес к этому и ради этого интереса сочинившие разные невероятные версии о происхождении Сослана-Давида. В новом издании рассказ напечатан без этих мест. (См. Гогебашвили Я. Рассказы. Тбилиси, 1940).

пример, Теймураз Багратиони «исправил» многие места «Картлис цховреба» — изменил или вовсе изъял из нее неудовлетворяющие его патриотические чувства места (Месхия, 1939. С. 54; Такаишвили, 1906). Он же причислил гениального поэта Шота Руставели к Багратионам (Ратиани, 1975. С. 46—47, 377, 384). Поэтому нас не должно удивлять появление приведенных выше различных версий о происхождении Сослана-Давида. Неправомерна, на наш взгляд, позиция некоторых ученых, которые не проявляют критического подхода к этим искусственным и явно тенденциозным версиям царевичей Багратионов и пытаются «обосновать» их.

В XVII в., когда еще не было версии Вахушти Багратиони о «багратионовском» происхождении Сослана-Давида, этот вопрос решался в соответствии с данными историков Тамар. Так, историк XVII в. Парсадан Горгиджинидзе отметил, что когда встал вопрос о втором замужестве Тамар, ей показали сына осетинского государя, красивого, статного человека, по отцу и матери высокородного. Тамар понравился жених. Тетка Тамар Русудан привела Сослана-Давида в царскую палату, они полюбили друг друга (Институт рукописей, ф. н. № 2140, л. 17).

Царь Арчил (1647—1713) в своей поэме «Теймуразиани» («Спор царя Теймураза и Руставели»), написанной в конце XVII в., устами Руставели рассказывает о событиях в Грузии эпохи Тамар. Он точно следует данным историков Тамар. Для Арчила Сослан-Давид (он его называет или так, полным именем, или иногда «царем Давидом») «осетинский царевич, наделенный всякими добродетелями» (Арчилиани, 1937. С. 94). Никаких намеков на какое-либо родство Сослана-Давида с Багратионами у него нет.

Представляет определенный интерес, как ставится и решается вопрос о происхождении Сослана-Давида в исторической науке.

В дореволюционной грузинской исторической литературе генеалогия Сослана-Давида передавалась по схеме Вахушти Багратиони, т.е. непременно связывалась с пресловутым сыном Деметре, сводного брата Баграта IV. Мы не будем касаться всех дореволюционных авторов, приведем мнение на этот счет лишь некоторых из них.

С. Баратов (Бараташвили), без каких-либо оговорок, отмечал: «В 1193 году Тамар вступила во второй брак с Давидом-Сосланом. Он был потомком по отцу — Георгия I, а по матери — осетинского владетеля — Альды» (История Грузии, 1871. С. 65).

Известный грузинский историк Д.З. Бакрадзе, видимо, не очень верил версии Вахушти о происхождении Сослана-Давида. Так, в своих примечаниях к изданной им же книге Вахушти «История Грузии» в связи с упоминанием Вахушти двух теток Тамар, двух Русудан, Д.З. Бакрадзе отмечает: «Вторая Русудан совсем неизвестна и не видно, где нашел сведения о ней Вахушти. По этому пред-

мету и вообще о происхождении (генеалогии) Давида-Сослана смотрите мнение М. Броссе» (Вахушти, 1885. С. 202, прим. I).

М. Джанашвили в своей работе «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России» писал, что «при дворе Тамары с давнего времени жила ее тетка Русудан, вдова овского князя; с нею вместе в Грузии жил Давид-Сослан Багратион, сын царя овсов. Русудан была бездетна, и она, усыновив малолетнего Давида, привезла его в Грузию и воспитывала при дворе царя. Давид был юноша красивый, хорошо сложенный, широкоплечий, лицо красивое и умеренное телосложение, по своему происхождению он вполне был достоин быть царем, он хорошо воспитан и выдержан, был проворен и силен и превосходил всех своею отвагой и умением стрелять из лука, верховой ездой и гарцеванием, ученостью и добротой» (Джанашвили, 1897. С. 38—39).

М. Джанашвили подробно остановился на этом вопросе и в работе «Царица Тамар». Здесь он отмечает, что Сослан-Давид по происхождению был Ефремидом, т. е. потомком Ефрема, сына библейского Якова. Кроме того, он состоял в родстве с Багратионами и поскольку для укрепления Давида на престоле стало необходимо доказать это родство, обследовали и обнаружили предка Давида-Сослана, сына царя Грузии Георгия I (1014—1027 гг.) — Димитрия. От Димитрия произошел Давид, от Давида — Атон, от Атона —Джадарон и от Джадарона — Давид-Сослан» (Царица Тамар, 1917. С. 17).

Таким образом, в досоветской грузинской историографии генеалогию Сослана-Давида излагали по схеме Вахушти Багратиони. При этом М. Броссе, Д. Бакрадзе, В. Пфаф обратили внимание на искусственность и запутанность этой схемы, на противоречие приводимых в ней данных с известными достоверными фактами относительно окружения Тамар.

Выдающийся грузинский историк, блестящий знаток грузинских и негрузинских исторических источников И.А. Джавахишвили, высокая научная компетентность, объективность и истинный патриотизм которого всегда должны быть примером для подражания, в своей «Истории грузинского народа» писал: «В 1189 году женихом Тамар был выдвинут отпрыск осетинских царей, по матери сын дочери грузинских царей Багратионов — царевич Давид. Он воспитывался у Русудан, тетки Тамар, и характер, отвага и образованность его были хорошо известны всем. Поэтому этот выбор одобрили как придворные круги, так и сама Тамар» (Джавахишвили, 1945. С. 379).

То же самое повторил ученый в учебнике «История Грузии», вышедшего в 1940 году (с. 160). Однако в учебниках «История Грузии», выходящих после смерти И.А. Джавахишвили под редак-

цией С.Н. Джанашия с 1946 года, Сослан-Давид, осетинский царевич, выступал отпрыском боковой ветви династии Багратионов тавар (Бердзенишвили, 1946. С. 206).

В учебном пособии по истории Грузии, составленном авторским коллективом, под редакцией Н.А. Бердзенишвили, о Сослане-Давиде говорится, что он был сыном осетинского царя и воспитан при грузинском царском дворе (Бердзенишвили и др., 1951. С. 131). В последующих изданиях этого учебника о Сослане-Давиде дополнительно говорится, что он – сын осетинского царя – был родственником Багратионов (История Грузии, 1960. С. 120; История Грузии, 1961. С. 119; История грузии, 1966. С. 11).

В действующем школьном учебнике по истории Грузии, авторами которого являются Ш. А. Месхиа и В. Гучуа, выдержавшем около двух десятков изданий, Сослан-Давид объявляется «царевичем» Осетии, потомком Багратионов» (Гучуа, Месхиа, 1982. С.74).

В Грузинской Советской Энциклопедии (т. 3, с. 341) отмечается, что в историографии нет единого мнения относительно происхождения Сослана-Давида. Мысль о его происхождении из Царазоновых отвергается как устное предание и приводится мнение И. Лолашвили, полностью исходившего из приведенной выше концепции Вахушти Багратиони по этому вопросу.

В «Истории Грузии» (словарь) отмечается, что в литературе укрепилось предположение о том, что Сослан-Давид происходит из утвердившейся в Осетии ветви Багратионов (История Грузии, 1979. С. 262).

В вопросе генеалогии Сослана-Давида версии Вахушти придерживаются у М. Лордкипанидзе (Лордкипанидзе , 1977. С. 231), М. Бердзенишвили (Бердзенишвили, 1985. С. 55) и др., затрагивающие этот вопрос.

В капитальном труде «Очерки истории Грузии» (т. III, 1979. С. 313), в котором автором соответствующей главы является проф. Ш. Бадридзе, в отношении происхождения Сослана-Давида дается строго научная справка. Автор не соблазнился позднейшими версиями по этому вопросу и придерживается показаний историков Тамар. По мнению Ш. Бадридзе, Сослан-Давид – представитель осетинского царского двора, по отцу и матери высокого происхождения, в то же время являлся родственником грузинских Багратионов.

В настоящее время, несмотря на то, что версия Вахушти Багратиони о происхождении Сослана-Давида подверглась критическому анализу и, на наш взгляд, обоснованно была отвергнута, некоторые ученые продолжают следовать ей. Например, Л. Тухашвили в своих популярных газетных публикациях неправомерно называет Сослана-Давида Багратионом-Эпремидзе, придерживаясь далее в изложении его родословной версии Вахушти Багратиони (см. газ. «Соплис цховреба», 1989 г., 16 мая). В учебнике для средней школы «Исто-

рия Грузии», которая вышла в переработанном виде массовым тиражом, вновь повторяется указание, что Сослан-Давид был отпрыском Багратионов (История Грузии, 1988. С. 151).

Следует отметить, что известный ученый, профессор, член-корр. АН ГССР М.Д. Лордкипанидзе, ранее придерживавшаяся версии Вахушти, в своей недавней журнальной статье о царице Тамар говорит лишь о родстве Сослана-Давида с царским родом Багратионов, что вполне согласуется с показаниями современников Тамар и Сослана-Давида («Сакартвелос кали», № 12, 1988. С. 13—14).

Интерес к генеалогии Сослана-Давида особенно усилился с 1946 года. В этом году археолог Е.Г. Пчелина высказала предположение о связи Нузальской часовни с именем Сослана-Давида и о возможности захоронения в ней его тела.

Для проверки этого предположения в июне того же 1946 года под руководством Е.Г. Пчелиной были произведены раскопки внутри часовни, в результате которых там обнаружен скелет человека и некоторые предметы погребенного (меч, три железных кольца от портупей и кресало) (Пчелина, Архив СОНИИ. Ист. отд., ф. 6, оп. 1, № 10, 11).

Нузальская часовня впервые была упомянута в труде Вахушти Багратиони в связи с изложением его версии о происхождении Сослана-Давида из боковой ветви Багратионов. И хотя, по Вахушти, эта часовня расположена в Наре, однако она легко идентифицируется с памятником с. Нузал (Касарское ущелье Алагирского общества), где до сих пор сохранилась фресковая роспись и надписи к фрескам, выполненные грузинским письмом «асомтаврули».

В настоящей работе мы не считаем нужным подробно останавливаться на истории изучения этой часовни и сохранившихся там фресок и надписей. По этому вопросу уже накопилась большая литература. Для нашей цели необходимо отметить, что под одной из пяти т. н. ктиторских фресок имеется грузинская надпись «Сослан». Это обстоятельство дало повод исследователям считать, что ктиторские изображения — это предки Сослана, с которыми изображен и сам Сослан. На этом же основании Е. Г. Пчелина предположила, что в часовне был похоронен Сослан-Давид. Она считает, что это был склеп, впоследствии превращенный в часовню во время династического спора внуков Тамар и Сослана-Давида Улу и Давида Нарина, оспаривавших друг у друга престол Грузии. По ее же мнению, вопрос о династической принадлежности Давида-Сослана к Багратидам после смерти Давида Улу уже не имел государственного значения и был только занозой в сердцах последующих Багратидов и их почитателей, свидетельством чего она считает полемику Вахушти в его истории (Там же. Л. 25—27).

В связи с предположением Е.Г. Пчелиной о захоронении тела Сослана-Давида в Нузальской часовне выступил академик С. Н.

Джанашия. Следуя версии Вахушти о происхождении Сослана-Давида от боковой ветви Багратионов, он не допускал возможности погребения супруга Тамар в Нузале (Джанашия,1946, 21 июня). В этом с ним солидарен проф. М.К. Думбадзе (Думбадзе, 1966, 29 декабря).

В 1966 году вся наша страна и все прогрессивное человечество отмечало 800-летие со дня рождения гениального грузинского поэта Шота Руставели, автора бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре». В связи с юбилеем вновь встали вопросы истории эпохи Руставели, в том числе личности Сослана-Давида, ставшего, вместе с Тамар, предметом воспевания поэта.

Осетинский ученый медик Т.Б. Мамукаев, проявлявший большой интерес и к антропологии, палеопатологии, вопросам древней истории осетинского народа, изучал костные останки, обнаруженные в Нузальской часовне в результате вскрытия погребения, находившегося под полом, и принадлежащих, по предположению Е.Г. Пчелиной, Сослану-Давиду.

Результаты многолетних изысканий Т.Б. Мамукаева широко освещались в прессе, причем высказывались различные, весьма сенсационные соображения относительно обстоятельств гибели Сослана. Наконец, в 1969 году вышла его книга под названием «Тайна Нузальской часовни. Принадлежат ли исследуемые останки Давиду-Сослану». В предисловии к книге, принадлежавшем чл.-корр. АМН СССР проф. Д.Г. Рохлину и докт. мед. наук проф. А.В. Цагарейшвили, говорится, что в монографии Т.Б. Мамукаева на основе исторических и литературных данных представлены убедительные доказательства в пользу предположения, высказанного Е.Г. Пчелиной о возможном захоронении в Нузальской часовне тела Сослана-Давида.

В предисловии же отмечается, что «научно обоснованы и квалифицированно изложены главы, посвященные анатомическому и антропологическому исследованию костных останков, найденных в могиле указанной часовни. Весьма компетентной является палеопатологическая экспертиза костных останков. Автор Т.Б. Мамукаев, изучив особенности черепа погребенного, восстановил его лицо, ориентируясь на методику, разработанную М.М. Герасимовым. Качество этой работы (восстановление лица) было одобрено М.М. Герасимовым.

Установление личности Давида-Сослана выполнено Т.Б. Мамукаевым на основании сопоставления полученных им анатомо-антропологических данных с учетом исторических, литературных и фольклорных сведений и археологических данных.

Настоящая монография представляет несомненный интерес не только для работников судебной медицины, патологоанатомов и

палеопатологов, но и для широких кругов, интересующихся историей Грузии и Осетии и личностью легендарного героя Давида-Сослана» (Мамукаев, 1969. С. 5–6).

Т.Б. Мамукаев действительно проделал огромную работу по изучению всех вопросов, связанных с погребенным в Нузальской часовне человеком. Однако нам кажется, что приведенные автором данные для идентификации погребенного в часовне человека с Сосланом-Давидом, т. е. для установления личности Сослана-Давида, явно недостаточны и неубедительны. Сослан-Давид по своим личным качествам и активной политической и военно-полководческой деятельностью снискал большую популярность в Грузии. У него блестяще сложилась и семейная жизнь. Между Тамар и Сосланом-Давидом установились основанные на полном взаимопонимании глубоко доверительные отношения. Они имели наследника и дочь. Сослан-Давид скончался в таких условиях (если верить историкам той эпохи, а не верить им нет никаких оснований), которые исключают похороны или перезахоронение его вне пределов Грузии. Такой факт сильно ущемил бы престиж как Тамар, так и наследника престола Георгия Лаши, и они этого не допустили бы.

Подробно изложить ход суждений различных авторов по вопросам, связанным с личностью и происхождением Сослана-Давида, непросто. Дело в том, что вопросы эти в последнее время активно дискутируются в нашей науке. При этом наблюдается два подхода. Одни ученые (И. Джавахишвили, Н. Марр, В. Абаев, И. Мегрелидзе, Ю. Гаглойти, Г. Мамиев, Г. Тогошвили) решают эти вопросы согласно показаниям историков Тамар, считающих Сослана осетинским царевичем, состоявшим в родстве с Багратионами по линии дочери Давида Строителя, доводившейся теткой тетке Тамар – Русудан. Другие же без всякого критического разбора принимают за чистую правду вышеприведенную путаную, созданную по династическим соображениям версию Вахушти Багратиони, по которой Сослан-Давид – представитель боковой, осетинской ветви Багратионов, которой положил начало никому не известный Давид, сын известного царевича Димитрия, сводного брата Баграта IV, сына царя Грузии Георгия I (1014–1027 гг.).

Первым из советских историков версию Вахушти о происхождении Сослана-Давида возродил академик С. Джанашия. Вступая в полемику с Е. Пчелиной по вопросу захороненного в Нузальской церкви лица и личности Сослана-Давида, он полностью исходил из концепции обоснования в XI веке в Осетии боковой ветви Багратионов, родоначальником которой был сын царя Георгия I Димитрий (Джанашия, 1946, 21 июня). С этих же позиций рассмотрел вопрос о происхождении Сослана-Давида М. Думбадзе (Думбадзе, 1966, 29 декабря).

Проф. С. Какабадзе в своей монографии «Руставели и его «Вепхисткаосани» высказался и относительно происхождения Сослана-Давида. По его мнению, Сослан-Давид, носивший два имени — исконно осетинское и христианское, происходил от брата царя Баграта IV — Димитрия, который воцарился в Осетии, на Северном Кавказе. Сыном этого Димитрия должен был быть Ефрем, давший название роду. Сыном Ефрема был Давид, а сыном Давида — Атон, после Атона — Джадарон и его сын Давид. Род этот, как это обычно случалось с династиями, был уже обосетинившимся (иначе эти цари не закрепились бы в Осетии). Сослан и Тамар из шестого поколения от Георгия I, церковь же признавала родство до пятого поколения включительно (Какабадзе, 1966. С. 108).

Как можно убедиться, С. Какабадзе в основном следует версии Вахушти Багратиони в вопросе о происхождении Сослана-Давида, однако не совсем ясно, сознательно ли он внес коррективы в его схему, или отклонения от нее являются лишь результатом ошибки. Так, Димитрий не был царем даже по версии Вахушти. Более того, и по Вахушти, и по «Летописи Грузии» («Матиане Картлиса»), где сообщаются сведения о взаимоотношениях братьев — Баграта IV и Димитрия, у последнего нет никаких связей с Осетией, кроме того, что его мать Альда (имя ее сохранили нам византийские источники) была осетинкой. Затем, по Вахушти, сын Димитрия не Ефрем, а Давид.

Профессор Я.З. Цинцадзе в своей книге «Басианская битва», после подробного анализа всех данных относительно подготовки и проведения одной из самых крупных битв эпохи царствования Тамар и Сослана-Давида, заканчивает свое исследование суждением о личности Сослана-Давида, под руководством которого была одержана блестящая победа над грозным врагом. Он пишет: «Здесь же считаем нужным разъяснить читателю один вопрос, который известен только специалистам и может быть не известен всем. В Басианской битве и в других значительных сражениях активным участником выступает и выполняет важные ответственные задания муж царицы Тамар, царь Давид-Сослан. Кто по происхождению этот Давид-Сослан? Академиком Корнелием Кекелидзе этот вопрос подробно изучен, и мы теперь можем ознакомить читателя с ним. Давид-Сослан по матери и по отцу принадлежал грузинскому царскому роду. По матери — к роду грузинских Багратионов, по отцу же — утвердившимся в Осетии Багратионам. В Осетии грузинские Багратиони утвердились в качестве правящей династии со времени Давида, сына Димитрия, который был сыном Георгия I (царствовал в 1014—1027 гг.). У живущего в Абхазии Димитрия Георгиевича остался сын Давид. Этот Давид со своей бабкой, которая была осетинкой, переселился в Осетию. Здесь Давид Димитриевич женился на дочери осетинского царя и воцарился в Осетии. Давид Димитри-

евич положил начало династии осетинских Багратионов. У этого Давида Димитриевича родился сын Давид, который женился на дочери Давида Строителя Русудан. Их сын был Атон, от Атона произошел Джадарон. От этого Джадарона произошел, оказывается, Давид-Сослан, который воспитывался в Грузии, во дворце тетки Тамар – Русудан, в Самшвилде. И когда встал вопрос о втором замужестве Тамар, его, с согласия Тамар, пригласили ее мужем» (Цинцадзе, 1971. С. 45–46).

Я.З. Цинцадзе здесь почти точно передает версию о генеалогии Сослана-Давида, изложенную на основе схемы Вахушти Багратиони академиком К. Кекелидзе (Кекелидзе, 1936. С. 313). Поэтому мы не будем специально останавливаться на его работе.

По генеалогической схеме Вахушти Багратиони освещает вопрос о происхождении Сослана-Давида известный грузинский ученый и писатель Л. Саникидзе в изданной массовым тиражом книге «Сабли без ножен» (эпическая история Грузии).

Упомянув в книге о сыне царя Грузии Георгия I (1014–1027) от второй жены осетинки Альды – Деметре, автор предупреждает читателя: «Запомни, читатель, от Деметре, впоследствии, в шестом колене прейзойдет муж царицы Тамар – Давид-Сослан» (Саникидзе, 1976. С. 306).

Далее, сообщая уже о втором замужестве Тамар, Л. Саникидзе пишет, что появился достойный жених для царицы Тамар. Это был Давид-Сослан, сын осетинского царя Джадарона.

«По происхождению Давид принадлежал роду Багратионов. Вспомни, читатель, у царя Георгия 1, кроме царицы Мариан, была «вторая жена», Альда, дочь царя овсов, от которой родился Деметре. Альда и Деметре после смерти Георгия скрывались в г. Анакопии, в Абхазии. Деметре одно время с помощью византийского кесаря и Клдекарского эристава Липарита тщетно пытался овладеть грузинским троном. После смерти у него остался малолетний сын по имени Давид. Еще живая Альда забрала своего внука из Абхазии в Осетию, на свою родину. Давид Деметреевич воспитывался при дворе царя овсов, женился на единственной дочери царя и после смерти получил осетинский царский трон. После Давида Овсетией (конечно, под верховной властью царя Грузии) управлял его сын, по имени также Давид. Именно этот Давид Давидович был женат на младшей дочери Давида Строителя – Тамар. От этого брака произошел Атон, после же Атона на трон Овсетии вступил его сын Джадрон. Именно сыном этого Джадрона, шестого потомка Георгия I, являлся Давид-Сослан.

И без этого Давид-Сослан был усыновлен теткой Тамар – Русудан, был воспитан в ее дворце так же, как Тамар, которая во многом была обязана материнской заботе тетки» (Там же. С. 432–433).

Так же подробно излагает эту версию принадлежности Сослана-Давида к грузинской царской династии Багратионов писатель В.В. Челидзе в своих «Исторических хрониках Грузии». В изложении В.В. Челидзе все идет так же, как у Л. Саникидзе и других авторов, придерживающихся генеалогической схемы Вахушти Багратиони. И здесь у сына Деметре — Давида, женившегося на дочери царя Осетии, был сын Давид, который женился на дочери царя Давида Строителя — Русудан (Л. Саникидзе называет эту дочь Давида Строителя Тамар). Сослан-Давид, по его мнению, правнук Давида Строителя (Челидзе, 1980. С. 369—370).

Цель всех приведенных суждений ученых и писателей относительно происхождения Сослана-Давида — убедить читателя в том, что он был потомком Багратионов как по материнской, так и по отцовской линии. Причем дело здесь не обошлось без курьезов. Так, сыном Деметре у С. Какабадзе выступает Ефрем, у К. Кекелидзе, Я. Цинцадзе, Л. Саникидзе и В. Челидзе — Давид, как у Вахушти. Однако, в отличие от Вахушти, у них фигурирует и второй Давид, сын т. н. Давида Димитриевича, но откуда он взялся, неизвестно. У Вахушти фигурирует только один Давид. Думается, это ошибка механически перешла в их труды из книги К. Кекелидзе «Один момент грузинского политического мышления в литературе классической эпохи».

Однако недоразумения этим не исчерпываются. По Я. Цинцадзе, осетинский царь Давид Давидович, Багратид, внук Димитрия, женился на дочери Давида Строителя. Не говоря уже о том, что в «генеалогическую схему осетинских Багратидов» этот «лишний» Давид попал по ошибке или невнимательности авторов, совершенно непонятно, как допустила христианская церковь такой эндогамный брак. Вахушти специально разъясняет относительно Сослана-Давида, что он был родственником Тамар со стороны ее матери в третьем колене, а по Димитрию — в пятом колене. И будто бы только благодаря тому, что родство уже прошло, состоялся брак между Тамар и Сосланом-Давидом. Если все это было так относительно брака родственников, то внук Димитрия не мог жениться на дочери Давида Строителя. Кроме того, в источниках нигде не упоминается имя дочери Давида Строителя. Она косвенно, без имени, упоминается историком Тамар, автором «Истории и восхваления венценосцев», в связи с разъяснением вопроса о том, почему жених Тамар находился во дворце тетки Тамар Русудан. По этому разъяснению, Сослан-Давид доводился родственником Русудан по линии ее тетки, дочери Давида (Строителя), выданной замуж в Осетию. Больше о ней мы ничего не знаем. Поэтому установление имени дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию (Русудан — по Я. Цинцадзе и В. Челидзе, Тамар — по Л. Саникидзе), а также ее

мужа не имеет под собой каких-либо оснований, произвольно и не заслуживает доверия.

Выше уже упоминалось, что многие ученые не приняли искусственную и тенденциозную версию Вахушти Багратиони и других царевичей о принадлежности Сослана-Давида к боковой ветви грузинской царской династии Багратидов. И. Джавахишвили признавал Сослана-Давида родственником Багратидов только по материнской линии. Такого же мнения придерживается И. Мегрелидзе, посвятивший этому вопросу ряд статей (Мегрелидзе, 1966; Цигнис самкаро, 1971).

И. Мегрелидзе справедливо упрекал И. Лолашвили в предвзятом отношении к доводам и заключениям авторов противоположного мнения. Сам он, убежденный сторонник И. А. Джавахишвили в этом вопросе, приводит ряд новых соображений о том, что личность Деметре, с кем связывается утверждение в Осетии новой ветви династии Багратидов, не ясна, что соответствующая традиция была создана в XVIII веке. Ученый разъясняет значение слова *Царазон.* По его мнению, которое трудно разделить, Царазон является осетинским переводом слова *царевич* (буквально означает *сына царя, солнце-царь*). Однако, придерживаясь мнения И. Джавахишвили относительно происхождения Сослана-Давида, И. Мегрелидзе, вызывая недоумение, заключает, что Давид (Сослан) по фамилии был осетинским Багратионом (Багратонианом), что будто бы это не отрицают и сами осетины (Мамиев, 1967. С. 65–71). На фоне общей дискуссии по этому вопросу и высказанного ранее в этой же статье взгляда о происхождении Сослана-Давида это уже новый аспект, для постановки которого решительно нет никаких оснований.

В статье Г. Мамиева «Давид-Сослан» были приведены довольно веские соображения о принадлежности Сослана-Давида не к Багратидам, а к осетинскому правящему роду (Гаглойти, 1969. С. 120–127).

Особого внимания заслуживают статьи Ю. С. Гаглойти, посвященные Сослану-Давиду. О личности Сослана-Давида и его происхождении он впервые высказался в газете «Советон Ирыстон» («Советская Осетия») (1967, II/IV), затем последовали и журнальные статьи, среди которых выделяется работа «Средневековые летописи о Давиде-Сослане» (Гаглойти, 1969. С. 120–127). Это, пожалуй, первая статья, где проанализированы данные армянских и грузинских исторических источников о Сослане-Давиде и делается верное заключение о том, что грузинские исторические источники эпохи Тамар и Давида ничего не содержат о принадлежности Сослана к потомству грузинского царевича Деметре и что соответствующая версия была создана Вахушти Багратиони. От него эта версия была перенесена во французский перевод «Картлис цховреба» М. Броссе.

Оттуда ее привел М. Джанашвили в работе «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России». Отныне эта версия, якобы исходящая из грузинских исторических источников, фигурирует в научной литературе, хотя не имеет под собой научных оснований.

Мы согласны с выводом Ю.С. Гаглойти о том, что «средневековые грузинские летописи не подтверждают бытующее среди некоторых исследователей мнение о принадлежности Давида Сослана к фамилии Багратионов как по материнской, так и по отцовской линии. Данные этих летописей говорят о том, что Сослан принадлежал к осетинскому царствующему дому и был, по словам летописца, и по отцу, и по матери царского происхождения» (Там же. С. 125–126).

Думается, нет нужды подробно излагать суть полемики вокруг генеалогии Сослана-Давида, поднятой в последние годы. Она идет вокруг двух вопросов, тесно связанных друг с другом, – является ли Сослан-Давид выходцем из осетинской ветви Багратионов и кто похоронен в Нузальской часовне.

Следует признаться, что раньше и мы сами, под влиянием авторитета Вахушти Багратиони, К. Кекелидзе и других ученых, разделяли мнение о том, что Сослан-Давид был представителем боковой (осетинской) ветви Багратионов (Тогошвили, 1958. С. 151). Позже, когда глубже вникли в суть дела, в данные источников, полемики вокруг этого вопроса, окончательно убедились в справедливости мнения И. А. Джавахишвили, решившего этот вопрос согласно показаниям историков эпохи Тамар.

Свое отрицательное отношение к версии Вахушти Багратиони мы имели возможность изложить коротко в работе «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах». Подробно же рассмотрели этот вопрос в статье «Сослан-Давид (к вопросу о его генеалогии)» (Тогошвили, 1983. С. 102–113).

Вскоре после выхода вышеназванного труда Т.Б. Мамукаева вышла книга проф. И. Лолашвили «Тайна склепа Давида-Сослана». В книге, на наш взгляд, хорошо аргументированы доводы автора о том, что в Нузальской часовне не мог быть похоронен Сослан-Давид (Лолашвили, 1971. С. 64–73). Однако этого нельзя сказать относительно категоричного утверждения ныне покойного ученого о том, будто Сослан как по матери, так и по отцу был Багратиони. Его суждения по этому вопросу являются фактически единственной попыткой доказать научную достоверность искусственной версии Вахушти Багратиони о принадлежности Сослана-Давида к фамилии Багратиони как по материнской, так и по отцовской линии.

Отмеченное обстоятельство освобождает нас от необходимости рассматривать взгляды каждого автора в отдельности относительно

происхождения Сослана-Давида и довольствоваться анализом доводов И. Лолашвили на этот счет.

Выше мы уже привели место из т. н. «Летописи времен Лаша-Георгия», где Сослан-Давид называется «царем Осетии» и «из родни Багратионов». Мы глубоко убеждены, что фраза «из родни Багратионов» есть передача другими словами выражения «приходился родственником» тетке Тамар — Русудан. Ю.С. Гаглойти склонен думать, что историк называл Давида Багратионом из-за династических интересов Лаша-Георгия (Гаглойти, 1969. С. 123). С династической борьбой связывает возникновение вопроса о связи Сослана с Багратионами Е. Г. Пчелина. По ее мнению, при жизни Тамар принадлежность Сослана к Багратионам рассматривалась, но остротой не отличалась. Личность Сослана и его род — Царазоны — по своей военной организации имели такой авторитет, что принадлежность Сослана к Багратионам для брака с Тамар имела только политическое значение. Вопрос о династической принадлежности Сослана остро встал при Давиде Улу (1247—1269) — внуке Тамар и Сослана. Тогда речь шла о том, что в царствовании Тамар династия Багратионов по отцовской линии пресеклась. Другой внук Тамар и Сослана, сын Русудан Давид Нарин и его сторонники утверждали, что происхождение Сослана-Давида от Багратионов фиктивное, оба Давида только по материнской линии являются Багратионами и Давид Улу не имеет преимущественного права на престол (Пчелина. Архив СОНИИ, 1946. С. 23—24).

С приведенным мнением Ю.С. Гаглойти и Е.Г. Пчелиной можно было бы согласиться, если бы исторические источники той эпохи сохранили хотя бы косвенное отражение подобной династической полемики. Но мы не имеем в них даже намека на такую полемику, и взгляды названных авторов на этот счет не выходят за рамки предположений.

Профессор же И. Лолашвили категорически требовал принять за сущую правду указание анонимного историка эпохи Лаша-Георгия на то, что Сослан-Давид происходил из рода Багратионов. Ученый полагает, что и другие грузинские историки подтверждают это. Таким подтверждением он считает сообщение историка Тамар, по которому Давид был «по отцу и матери царского происхождения». Однако это сообщение не может служить таким аргументом. Здесь только подчеркивается, что Давид был и по линии отца, и по линии матери царского происхождения. По логике рассуждений И. Лолашвили получается, что царское происхождение историком Тамар приписывается только Багратионам. Однако нет оснований считать, что просвещенный историк был так наивен.

Чтобы доказать происхождение Сослана-Давида из Багратионов, серьезным аргументом выдвигают то обстоятельство, что ис-

точники называют его «сыном (потомком) Ефрема». Трудно, правда, представить по источникам действительное значение понятия «потомок Ефрема» — был ли этот Ефрем родоначальником осетинских царей, вообще осетинского народа или подразумевается потомство библейского Ефрема, как считали М. Джанашвили, К. Кекелидзе и вслед за ними И. Лолашвили. К. Кекелидзе считал, что, по библейскому преданию, Ефрем был сыном Иосифа, брата Иуды (Иосиф и Иуда были сыновьями Якова). Бог избрал потомство Иуды для царствования. Еврейский царь Давид был потомком Иуды. Грузинские Багратиони свое происхождение связывали с библейским Давидом. Когда же в XI в. образовалась новая ветвь — династия Багратионов в Осетии, грузинские Багратиони-Давидианы назвали их Ефремианами, чем подчеркивали их второстепенное положение и незаконность их притязаний на грузинский царский трон (Кекелидзе, 1956, С. 316—318; Лолашвили, 1971. С. 78).

Однако трудно доказать, действительно ли на такой почве возникло «ефремианство» осетинских царей. Вполне допустимо, что библейская легенда здесь ни при чем и Ефрем был мифическим или реальным предком осетинских царей или же вообще этнархом осетинского народа. До выдвижения гипотезы К. Кекелидзе именно так воспринимали понятие «Ефремидзе».

Выше мы видели, что, по Иоану Багратиони, Ефрем был царем осетин из фамилии Багратионов, который усыновил сына Димитрия Давида, затем же выдал за него замуж свою дочь. Она родила сына Атона, которого воспитал дед Ефрем, Давид же вернулся в Грузию. Сослан-Давид был внуком этого Атона. И Багратиони разъясняет, что Сослана-Давида называли Ефремианом потому, что его воспитал дед Ефрем. Однако, если принять за правду слова И. Багратиони, получается, что Сослана-Давида воспитал прапрадед, а не дед (дедом у него является Атон).

Профессор С. Какабадзе Ефрема принимал за сына Димитрия, брата царя Баграта IV. Произвольность этих допущений очевидна.

Гипотеза К. Кекелидзе об ефремианстве Сослана-Давида у И. Лолашвили выступает в категоричной форме, но от этого не становится убедительнее. Если бог не определил потомство Ефрема на царствование, как же нарушилась воля божья и они все же стали царями в Осетии? Или же как получилось, что «Давид» Георгий I в лице своего сына Димитрия положил начало династии «Эфремидов»? Думается, есть веское основание считать, что гипотеза о смысле «Ефремиана» искусственна и ошибочна. Однако все дело в том, что К. Кекелидзе, а затем И. Лолашвили в увязке «Ефремианства» Сослана-Давида с библейскими схемами находили дополнительный и сильный аргумент для того, чтобы доказать его принадлежность к грузинским Багратионам. И Лолашвили уверял, что «термины «Еф-

ремиан» и «потомок Ефрема» не только не исключают принадлежность к Багратионам Сослана-Давида, а подтверждают ее. Имеющий этот титул такой же Багратион, как любой Давидиан» (Лолашвили, 1971. С. 79).

Версию Вахушти об осетинской ветви Багратионов И. Лолашвили считал основательно аргументированной. «Все это так последовательно рассказал Вахушти, что, видно, он досконально изучил исторические источники и так составил историю осетинских Багратионов». Вслед за К. Кекелидзе он считает, что в конце XVIII или в начале XIX века существовало сочинение Георгия из Олтиси, в котором будто бы рассказывалось, как бежали в Осетию мать Димитрия Альда и его сын Давид, как обосновались они там и положили начало осетинским Багратионам. Георгий из Олтиси будто был монахом Афонского Иверийского монастыря в 1065—1075 гг. и, должно быть, хорошо знал о событиях Грузии от Липарита Орбелиана, постриженного в те времена в монахи. «Так что, — продолжал И. Лолашвили, — история осетинских Багратионов составлена на основе достоверных исторических источников. Ко всему этому осетинский историк должен относиться с доверием, если хочет объективно показать прошлое своего народа» (Там же. С. 81—82).

Однако призыв ученого к осетинским историкам носит явно декларативный характер. Все дело упирается в то, что неизвестны те «достоверные источники», по которым Вахушти Багратиони якобы составил историю «осетинских Багратионов». Осетинские историки не потому отвергают версию Вахушти, что «багратионство» царской фамилии Осетии для них унизительно. Наоборот, если бы было в моде гордиться «высоким происхождением своих царских династий», осетинские историки попытались бы не отстать от моды и ухватились бы за эту версию. Однако эта версия насквозь искусственная, что хорошо просматривается в сравнении с подобными, но еще более запутанными версиями Антона и Иоана Багратиони о том же.

Как мы видели выше, Иоан Багратион, ссылаясь на сочинение монаха из Олтиси, предлагает версию происхождения Сослана-Давида, которая резко отличается от соответствующей версии Вахушти Багратиони. Поэтому, если даже считать, что у Вахушти источником послужили сочинения Георгия Олтисели, мы вправе усомниться в достоверности сообщаемых им сведений относительно судьбы потомства Димитрия.

По мнению Иоана Багратиони, «ефремианство» Сослана-Давида означало его происхождение от реального Ефрема Багратиони, царя Осетии. По осетинским же преданиям, Епре (Ефрем) был основоположником одного из колен Царазонов (Пчелина. Архив СОНИИ, 1946. Л.10). Увязка этого имени с библейским персона-

жем Ефремом и объявление его появления в письменных источниках как отражение борьбы Баграта IV и Димитрия за грузинский престол принадлежит К. Кекелидзе. Эта гипотеза логически стройна, однако лишена фактической основы и ошибочна.

Несмотря на это, некоторые исследователи при рассуждениях по поводу второго брака Тамар «ефремианству» Сослана-Давида придают слишком важное значение. Так, Дж. Степнадзе пишет, что когда Тамар развелась с Юрием Боголюбским, необходимо было найти такого жениха, который бы продолжил династию Багратионов. «Принадлежность к Багратионам по материнской и отцовской линиям была самым большим преимуществом Давида-Сослана (Степнадзе, 1974. С. 118). Под влиянием сообщения Вахушти Багратиони о том, что Тамар согласилась выйти замуж за Давида лишь после того, как узнала о его принадлежности к Багратионам, Дж. Степнадзе считает, что Давид стал мужем Тамар только благодаря тому, что был Багратионом. Он идет дальше, когда утверждает, что «ефремианство» Давида чуть было не сорвало его брак с Тамар (Там же).

Однако на самом деле при решении вопроса о замужестве Тамар вовсе не ставилась во главу угла принадлежность жениха к роду Багратионов, наоборот, это могло стать помехой для брака.

Когда приглашали в Грузию в качестве мужа Тамар Юрия (Георгия) Боголюбского – русского княжича, то ни Тамар, ни ее окружение не видели препятствия в том, что он не имел никакого родства с Багратионами. Так должно быть и в отношении Сослана-Давида и любого другого кандидата в супруги Тамар. Если бы от Юрия у Тамар появился наследник, продолжилась бы династия Багратионов в Грузии? Конечно, да, хотя эта династия была бы таковой только по материнской линии. Внук Тамар и Давида, сын царицы Русудан – Давид Нарин был Багратионом только по матери, но он был наследником престола, продолжателем рода Багратионов. Таких фактов много не только в истории Грузии.

Дело в том, что между Грузией и Осетией исторически установились тесные, дружественные взаимоотношения, которые проявлялись и в частых династических браках между их царствующими фамилиями. Так, на осетинских царевнах были женаты, кроме уже названного Георгия I, Баграт IV (1027–1072), Георгий III (1156–1184) – отец Тамар, а дочь Давида Строителя была выдана замуж в Осетию. И если брак Тамар и Сослана-Давида по форме немного отличался от существующей практики династического родства (имеем в виду то обстоятельство, что через этот брак Сослан-Давид стал царем-соправителем Тамар), то по содержанию являлся продолжением установившейся традиции династических союзов. Если бы на самом деле Сослан-Давид был представителем боковой ветви Багратионов, то ни историки Тамар, ни придворные поэты-одописцы не

подчеркивали бы его осетинского происхождения. Наоборот, они были бы обязаны подробно передать его генеалогию, если о родстве его с Багратионами уже было забыто, как считает Вахушти, или же, по крайней мере, отметить этот факт, если о родстве его еще было хорошо известно. Упоминание в источниках Сослана-Давида «ефремианом» не может служить основанием для признания его Багратионом. Однако И. Лолашвили считает, что историки Тамар косвенно подтверждают его багратионство, когда отмечают, что он был царского происхождения как по отцовской, так и по материнской линии. По такой логике в мире существовала одна-единственная царская династия – Багратионы. Приписать такую наивность просвещенным историкам Тамар нам кажется по меньшей мере несправедливым. Сами представители династии Багратионов, несмотря на то, что кичились своим высоким происхождением, признавали осетинских царей (не из «боковой ветви Багратионов») равными себе и охотно устанавливали с ними династические связи.

Косвенным аргументом принадлежности Сослана-Давида к Багратионам, как это считает И. Лолашвили, не может служить и фраза из «Псалма», приведенная первым историком Тамар в связи с избранием Давида мужем и соправителем Тамар: «Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего, но сам господь взял меня и помазал меня елеем помазания своего» (Картлис цховреба, 1959. С. 46; История и восхваление, 1954. С. 46). Известно, что до первого замужества Тамар ее руки добивались осетинские царевичи (высказано мнение, что один из них был Сослан). Однако Тамар против своей воли была выдана замуж за русского княжича, и «намерение их осталось тщетным». Один из них, объятый пламенем любви к Тамар, скончался по возвращении в Никози и был похоронен там же (Картлис цховреба, 1959. С. 37–38; История и восхваление. С. 40–41). В таких условиях в фразе из «Псалма» возвышение Давида преподносится как проявление божьей воли. При выдвижении кандидатуры Сослана в супруги Тамар ей говорят: «Видит царское твое величество, что в жизни твоей проявляется промышление божье; в самом деле, сколько витязей – сынов властителей греческих, римских, султанских, скифских, персидских и овских – добивались счастья быть супругом твоим, но они, по справедливости, отвергнуты были все, потому что не было на это повеления божьего» (Картлис цховреба, 1959. С. 46; История и восхваление, 1954. С. 46).

Одним словом, победу Сослана над другими претендентами, среди которых были представители развитых и политических могучих царских династий, историки эпохи господства провиденциалистского мировоззрения могли объяснить только как проявление божьей милости к нему. Согласно этому мировоззрению, сама Тамар

была царицей «волею божьею», «богом установленная», Давид — «богом возвышенный», а оба вместе — «богом обожествленные».

Следует указать на одно место из сочинения первого историка Тамар «История и восхваление венценосцев». В связи с визитом в Тбилиси к царям Тамар и Сослану-Давиду ширванского шаха Ахсартана и его зятя Амир-Мирмана Пахлаванда, историк восторженно описывает величие грузинского царского двора и его хозяев. В отношении Сослана-Давида он патетически восклицает: «Кто удостоивался похвалы Давида Ефремида, подобного Бакатару и Тархану, славным, как Ростом и Гиви, исполинам и героям?» (Картлис цховреба, 1959. С. 65; История и восхваление, 1954. С. 58). Бакатар — это легендарный осетинский богатырь, современник и единоборец Вахтанга Горгасала (V в.), а Ростом и Гиви — персонажи «Шахнаме».

Сравнение Сослана-Давида с известным в грузинской истории осетинским витязем Бакатаром и его союзником Тарханом нам представляется косвенным указанием историка на связь Сослана с известным осетинским вождем и полководцем V в. Бакатаром. Примечательно, что по осетинским народным преданиям Сослан-Давид принадлежал роду Царазонов, а Царазон, вместе с Сидамоном, Кусагоном, Агузом и Цахилом, являлся сыном того Бакатара (Ванеев, 1956. С. 34; Осетинское народное, 1960. С. 550).

Таким образом, из изложенного становится ясно, что версии Вахушти, Антона и Иоана Багратионов о происхождении Сослана-Давида из грузинской царской династии Багратионов по отцовской линии лишены реальной фактической основы и поэтому, как необоснованные и противоречащие данным историков и других современников Тамар, не заслуживают доверия. Они непоследовательны, алогичны и тенденциозны, не соответствуют исторической действительности. Появление их можно объяснить только династическими соображениями царевичей.

Наше, казалось бы, категоричное суждение на этот счет исходит из вышеприведенной интерпретации данных выдающегося грузинского историка И.А. Джавахишвили. Историческая действительность Осетии эпохи XI—XIII вв., дошедшая до нас лишь в фрагментарном виде, также подтверждает несостоятельность рассмотренных выше версий царевичей об обосновании в XI в. в Осетии новой царской династии в лице внука царя Грузии Георгия I — Давида.

Что же мы знаем о тех «царях Осетии», которые, по Вахушти, представляли боковую ветвь Багратионов? Ничего. Эти «цари»: Давид (сын Димитрия), Атон, Джадарон (отец Сослана-Давида) в грузинских (да и негрузинских) исторических источниках вовсе не фигурируют, несмотря на то, что тогда между Грузией и Осетией существовали широкие многогранные взаимоотношения. Грузинс-

кие историки той эпохи упоминают осетинских царей: Урдуре (тестя царя Баграта IV); Дорголела – сына Урдуре, шурина Баграта IV; Худана – тестя Георгия III, деда Тамар по матери. Ни один из этих царей не был Багратионом, и никто из царевичей, проявивших интерес к генеалогии Сослана-Давида, не относит их к Багратионам. Царь Осетии Дорголел – современник, родственник (шурин) и союзник Баграта IV – предстает перед читателем как могучий властитель, оказавший большую услугу своему зятю Баграту в разгроме опасного и вероломного противника – эмира Гандзы Фадлона.

Согласно «Матиане Картлиса» («Летопись Грузии») Дорголел по просьбе Баграта IV выступил с сорокатысячным войском против Фадлона, взял мощную город-крепость Гандзу и, захватив много добычи и пленных, возвратился к себе, а вскоре нанес визит сестре – царице Грузии Борене в Кутаиси, оттуда перешел в окрестности Гори, где встретился с Багратом. Историк подробно описывает торжественную встречу и продолжительное празднование, которые были устроены по этому поводу. На этом мы останавливаемся лишь для того, чтобы обрисовать ситуацию, в которой якобы произошло воцарение в Осетии мнимого предка Сослана-Давида. Поистине трудно поверить, чтобы такой могучий царь, каким предстает Дорголел по «Матиане Картлиса», допустил бы утверждения в Осетии новой царской династии, тем более, враждебной интересам Баграта IV, а она должна была быть именно такой. Урдуре, Дорголел, Худан – известные осетинские цари, поддерживавшие династическое родство с царями объединенной грузинской феодальной монархии, – вряд ли допустили бы утверждение в Осетии новой царской династии, к тому же нежелательной и враждебной грузинской династии Багратионов. Последние не могли не рассматривать ее потенциальным противником-претендентом, если, конечно, все это произошло по схеме Вахушти Багратиони.

Кем были эти «осетинские Багратиони», чем они владели, над кем царствовали, если в действительности была такая династия? Об этом мы не имеем не только какого-нибудь прямого исторического свидетельства, но даже хотя бы косвенного указания. Тем не менее, некоторые ученые утверждают, что существовали два осетинских царства. Так, П. Ингороква считает, что «Северокавказская Осетия, находившаяся под протекторатом Грузии, представляла два царства» (Ингороква, 1963. С. 617–618). Упоминавшихся в эпитафии Давида Строителя 12 (вариант 7) царей, якобы рассаженных им во время приема за пиршественным столом, он расшифровывает как два осетинских, кахетинский, албанский, цанарский, три таойских, армянский, трапизонские и ширван-шах. Когда же речь идет о 7 царях, то перечисляются два осетинских, три таойских, армянский, трапизонские и щирван-шах (Абашмадзе , 1969. С. 311–312) (получается

вместо 7 царей 9). Произвольность такой разбивки, 12 или 7 царей (числа эти признаются сакральными и принимать их за реальные вряд ли возможно), вполне очевидна. А утверждение на основе таких произвольных допущений о существовании двух осетинских царств представляется лишенным научной достоверности[3].

* * *

Поскольку Вахушти Багратиони при передаче своей версии о происхождении Сослана-Давида ссылался на фресковые портреты из Нузальской часовни, считаем нужным коротко остановиться на них.

Приводя уже рассмотренную нами выше версию о генеалогии Сослана-Давида, Вахушти писал, что «свидетельством этого является малая церковь в Касарском ущелье, где нарисованы с надписями Димитрий и сын его Давид, сын Давида – Атон, сын Атона – Джадарон, сын Джадарона – Сослан-Давид, который был мужем Тамар» (Картлис цховреба, 1973. С. 176–177)[4].

И. Лолашвили закономерно ставил вопрос – под «малой церковью Касарского ущелья» подразумевается Нузальская часовня или какая-нибудь другая церковь? Возникновение такого вопроса правомерно, поскольку в Нузальских фресковых портретах нет Димитрия, нарушен также хронологический порядок расположения портретов. Сослан по хронологии пятый, изображен же на третьем месте, Джадарон изображен на шестом месте. В своем описании Касарского ущелья Вахушти Багратиони церковь не упоминает, что дает И. Лолашвили основание для сомнения – возможно, «малая церковь Касарского ущелья», где изображены осетинские Багратиони, эта не Нузальская часовня и ее местонахождение нужно искать где-то в другом месте или выше, в Нарской стороне? (Лолашвили, 1971. С. 64–66).

Однако для постановки такого вопроса нет веских аргументов. Сам И. Лолашвили прав, когда считает, что Вахушти лично не видел церковь и передает сведения о ней с чужих слов. Спрашивается, сколько таких церквей должно было существовать в Касарском ущелье с портретами т. н. «осетинских Багратионов»? Поскольку вся последующая традиция связывает это дело с Нузальской часовней, мы должны ориентироваться на эту посылку.

Действительно, в Нузальской часовне (на левом берегу р. Ардон, в Касарском ущелье, Северная Осетия) сохранились фреско-

---

[3] З. Чичинадзе считал, что существовали два осетинских царства – одно царство за Кавказским хребтом, другое – по сю сторону (к югу) от Кавказского хребта (Чичинадзе, 1915. С. 135).

[4] Справка эта приписана на поле рукописи. Видно, Вахушти приписал ее позже, а переписчики затем внесли ее в текст. (См. Лолашвили И. Тайна склепа Давида-Сослана,1971. С. 63–64.) Не исключено, что приписка эта принадлежит перу переписчика.

вые портреты в сильно поврежденном виде. Они совершенно по-разному интерпретируются специалистами. С Нузальской часовней связана не сохранившаяся до нас стихотворная надпись на грузинском языке, которая впервые была опубликована М. Броссе в 1830 году в Париже и с тех пор неоднократно издавалась, а в последнее время стала предметом оживленного обсуждения. Ниже приводим текст надписи: «Нас было девять братьев — Чарджонидзе-Чархилановых, овсетин: Багатар, Давид, Сослан, с четырьмя царствами боровшийся, Пидарос, Джадарос, Сакур и Георгий, грозно встречавшие врага; трое же из наших братьев — Исаак, Романоз и Басили — стали верными рабами Христа. Мы охраняем узкие дороги, проходящие из четырех углов. В Касарах я имею замок и таможенную заставу и здесь охраняю двери Хиди; веруя в загробную жизнь, в сем мире прочно стою: золотоносной земли и серебряной, подобно воде, много имею; Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся и похитил сестру грузинского царя, следуя нашему обычаю; он догнал меня, изменил клятвенно и грех мой принял на себя; Багатар отдан был течению воды, войско же овсетин истреблено. Кто из вас увидит этот стих, малостью пусть скажет поминание» (Джанашвили, 1897. С. 43—44).

М. Броссе считал, что в Нузальской надписи перечислены имена девяти братьев из Уаллаг-Ирского ущелья: Ос-Багатар, Давид-Сослан, Пидарос, Джадарос, Сокур, Георгий, Исаак, Романоз и Басил (три последних были служителями Христа) (Asiatiguee, 1830. С. 312—313). О Нузальской надписи накопилась огромная литература. Мы не имеем возможности передать весь ход суждений авторов по тем или иным вопросам, связанным с этой надписью. Прекрасное исследование по этому вопросу, выполненное З. М. Салагаевой (Салагаева, 1984. С. 104—154),[5] избавляет нас от сложного и для нашей цели необязательного обзора накопившейся вокруг надписи литературы. Однако нам придется коснуться некоторых высказываний авторов, имеющих отношение к Сослану-Давиду.

Е. Г. Пчелина считала, что упомянутых в надписи братьев не девять, а всего шесть. Солидаризуясь с этим мнением, Т. Мамукаев пишет: «Изучая фольклорную надпись, видим, что к первому из

---

[5] Автор, подытоживая результаты своего исследования, заключает: «Нас было девять братьев» — ранний памятник осетинской литературы на грузинском языке, ставший известным с середины XVIII в. как надпись на стене часовни. Это не подделка исторического документа, а подлинное художественное произведение, возникшее на основе исторических и фольклорных (осетинских и грузинских) источников, фресковой живописи и отдельных надписей Нузальской часовни, традиций письменной литературы — осетинской эпиграфики и поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

братьев Давиду-Сослану относятся слова: «Ос-Багатар Давид-Сослан, с четырьмя царствами боровшийся». «Багатаром» (осет. «отважный») его называет осетинский фольклор. Имена Пидарос и Джадарос, идущие вслед за Давидом-Сосланом, приходится объединить, так как Пидарос является искаженным осетинским словом «фидар», означающий — крепкий, сильный. Оно должно быть отнесено к имени Джадароса, которого в осетинском фольклоре называют Джада Багатар — военачальник Джада, являющийся отцом Давида-Сослана. Следующие затем имена Сокур и Георгий также должны быть увязаны вместе. Сокур по-осетински значит одноглазый, косой, что является осетинским прозвищем Георгия-Лаша, сына Давида-Сослана, у которого, как известно из грузинской летописи, один глаз был поврежден» (Мамукаев, 1969. С. 109).

И. Лолашвили считал, что Е.Г. Пчелина и Т.Б. Мамукаев заменили девять братьев шестью братьями намеренно, чтобы, по традиции, в Нузале или поблизости жившего Давида-Сослана по осетинским обычаям обязательно похоронить на родине. Однако такая произвольная этимология никому не нужна. Стихотворная надпись «Нас было девять братьев», бесспорно, касается девяти братьев и сочинена в честь Ос-Багатара и представляет эпитафию его надгробья, отражающую осетинское народное предание, что Нузальский склеп является усыпальницей Ос-Багатара — великого предка владетелей Ардонского ущелья (Лолашвили, 1971. С. 40).

В. Пфаф и вслед за ним многие наблюдатели отрицали существование надписи-эпитафии на стене Нузальской часовни (Пфаф, 1871.С. 61—62). Отмечая хронологические и фактические несоответствия в предполагаемой Нузальской надписи, И. Лолашвили считает, что, по традиции, отрицать которую мы не имеем права, когда церковь была покрыта фресками, тогда же была составлена стихотворная надпись-эпитафия. Помимо традиции это подтверждается и тем, что фресковая живопись соблюдает последовательность т. н. ктиторов в таком порядке, в каком они упоминаются в надписи, а надпись-стихотворение отображает содержание фресковой росписи и связанной с заграждением Касарского ущелья фольклорной традиции, которые выступают в единстве сути Нузальской часовни и покрыты тьмой в ее истории (Лолашвили, 1971. С. 49).

Пространный экскурс И. Лолашвили, ставивший попутно ряд чрезвычайно интересных и остроумных соображений по вопросам, связанным с Нузальской часовней, датировкой ее фресок и надписи-эпитафии, служит ему основанием для вывода, что история осетинских Багратионов составлена на основе заслуживающих доверия исторических источников. Ее достоверность якобы подтверждается и Нузальской фресковой росписью.

О степени достоверности сведений царевичей Багратионов о

генеалогии Сослана-Давида выше мы уже высказались. Что касается нузальской фресковой росписи, якобы подтверждающей достоверность показаний исторических источников, о ней имеются доказательные суждения авторитетных специалистов. В.А. Кузнецов посвятил Нузальской церкви ряд основательных исследований (Кузнецов, 1974. С. 62–80; он же: 1977. С. 129–151). По его мнению, фресковая живопись Нузальской часовни, выполненная на высоком профессиональном уровне, еще не подверглась специальному изучению и детальное ее исследование, поиски аналогий и всесторонне обоснованная датировка требуют усилий специалистов и остаются задачей будущего (Кузнецов, 1977. С. 130, 134, 145).

Не оспаривая мнение ученого, что Нузальская часовня требует к себе внимания специалистов, в настоящее время, уже сегодня, благодаря трудам В.А. Кузнецова, Г.Г. Гамбашидзе, З.М. Салагаевой и других можно смело заявить, что с помощью нузальских фресок и надписи доказать достоверность версии Вахушти о происхождении Сослана-Давида или установить личность погребенного в церкви человека – дело безнадежное и напрасное.

Путем тщательного анализа архитектуры часовни, ее отдельных деталей, обнаруженного при вскрытии захоронения археологического инвентаря (красноглиняный сосуд с линейным орнаментом, типичный для золотоордынской эпохи Северного Кавказа, кресало, нож), палеографии, фресок, В.А. Кузнецов убедительно обосновывает высказанные ранее предположения некоторых ученых относительно датировки памятника и заключает, что сооружение здания и роспись его интерьера фресками либо практически одновременны, либо отделены незначительным хронологическим интервалом и во всех случаях могут быть помещены в пределах второй половины XIII в. Такая датировка основана на комплексном учете всех существующих и совпадающих между собой данных (Там же. С. 147).

Предлагаемое ученым решение вопроса о времени строительства памятника и его росписи (вторая половина XIII в.), по его справедливому мнению, позволяет снять искусственно созданную и получившую в свое время характер сенсационности «проблему» Сослана-Давида, якобы захороненного в Нузальской церкви в начале XIII в. При столь явном хронологическом несоответствии даты смерти Сослана-Давида (1207 г.)[6] и даты постройки Нузальской церкви и погребения под ее полом версия о принадлежности последнего мужу и соправителю знаменитой царицы Тамар отпадает (Там же. С. 147).

Отправным пунктом, главным аргументом для сторонников того, что в Нузальской церкви погребен Сослан-Давид, послужило имя

---

[6] В последнее время датой смерти Сослана-Давида считается 1204 или 1205 г.

«Сослан», начертанное у головы третьего ктитора на стене церкви. В.А. Кузнецов в связи с этим правильно заметил, что в надписи указан только «Сослан», а не «Давид-Сослан». Имя «Сослан» широко распространено у осетин (Там же. С. 147–148; Кузнецов, 1974. С. 77–78).

Известный специалист по грузино-северокавказским культурно-историческим взаимоотношениям Г.Г. Гамбашидзе, изучая ктиторскую композицию на северной стене Нузальской церкви, обратил внимание на то, что в этой композиции, состоящей из шести фигур, третья и пятая (с востока на запад, т. е. справа налево) похожи друг на друга и отличаются от первой, второй и четвертой фигур. Первая и третья фигуры женские. От мужских фигур их отличают маленький овал лица без бороды, головные уборы, одежда, окружность нижней части талии. У третьей фигуры на руках младенец (это шестая фигура композиции), сильно поврежденная – от нее сохранились правая рука с кистью, часть правой ноги). На правой стороне головы младенца начертано имя «Сослан». Сослан, таким образом, имя ребенка (Гамбашидзе, 1976. С. 76).

Ученый справедливо заключает, что на северной стене Нузальской церкви изображен групповой семейный портрет ктиторов. Это трое мужчин, две женщины и один ребенок. Промежуток между постройкой церкви и фресковой росписи лишает убедительности историко-филологические построения, основанные на допущении связи этой композиции со стихом «Нас было девять братьев» (Там же. С. 77; Гамбашидзе, 1977. С. 6–7).

В.А. Кузнецов полностью согласен с интерпретацией ктиторской композиции, предложенной Г.Г. Гамбашидзе. Вслед за ним он также заключает, что «на северной стене Нузальской церкви помещены портретные изображения семьи ктиторов – трех мужчин, двух женщин и младенца Сослана, который, исходя из даты росписи, вряд ли может быть Давидом-Сосланом» (Кузнецов, 1977. С. 148).

Таким образом, ссылка Вахушти Багратиони (или переписчика его труда) на «малую церковь в Касарском ущелье, где нарисованы Димитрий и его сын Давид, сын Давида – Атон, сын Атона – Джадарон и сын Джадарона – Сослан-Давид, который был мужем Тамар (Картлис цховреба, 1973. С. 176–177)[7], как свидетельство о происхождении Сослана-Давида от Димитрия, сына царя Грузии Георгия I (1014–1027), не имеет основания. Отсюда еще раз явно выступает нереальный и искусственный характер всего построения Вахушти Багратиони (версии других отпрысков Багратиони – патриарха Антония и царевича Иоанна – не получили распространения

[7] В рукописи Вахушти она приписана на поле, там, где говорится о браке Тамар и Сослана-Давида.

из-за «низкого качества» этих версий. Они были слишком запутаны, алогичны и неправдоподобны). Поэтому строить на основе версии Вахушти Багратиони генеалогию Сослана-Давида, как якобы происходившего от утвердившейся в Осетии в XI в. боковой ветви Багратионов, неправомерно и ошибочно. Такой вывод не может быть поколеблен предположением насчет того, что раз сведения Вахушти и порядок портретов и надписи Нузальской часовни не совпадают, то, возможно, указанная «церковь в Касарском ущелье» не Нузальская церковь и ее нужно искать в другом месте — или в окрестностях Нузала, или в Нарском крае (Лолашвили, 1971. С. 63–66).

Неточность в локализации Нузальской церкви у Вахушти (или его переписчика) не является чем-то неожиданным, если учесть уровень географических знаний той эпохи и то неоспоримое обстоятельство, что Вахушти лично не видел памятника. Ошибки более серьезного характера в работе и на картах Вахушти Багратиони отмечены в литературе (Тогошвили, 1977. С. 20).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОСЛАНА-ДАВИДА ПО ОСЕТИНСКИМ ПРЕДАНИЯМ

После такого длинного экскурса в т. н. «багратионовскую» родословную Сослана-Давида естественно встает вопрос об осетинской версии его родовой принадлежности.

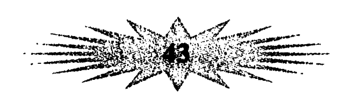
С самого начала заметим, что осетинская версия по интересующему нас вопросу — народная, фольклорная, так как осетинских письменных памятников не сохранилось. По этой устной версии, Сослан-Давид происходил из осетинской аристократической фамилии Царазоновых.

Согласно осетинским народным преданиям, все осетины делились в древности на пять фамилий:

Сидамоновы
Царазоновы
Агузовы
Кусагоновы
Цахиловы

Все современные осетинские фамилии, согласно этим преданиям, восходят в конечном итоге к одной из этих пяти фамилий. К роду Царазоновых относили жителей ряда селений Алагирского ущелья: Нузала, Мизура и др. (Ванеев, 1956; Абаев, 1982).

В осетинском фольклоре имеется целый цикл исторических легенд и преданий об Ос-Багатаре. Самая большая группа их связана с происхождением знатных осетинских фамилий Царазоновых, Цахиловых, Сидамоновых, Агузовых, Кусагоновых от Ос-Багатара

(Толстой, 1854. С.4; Пфаф, 1871. С. 59; Леонтович, 1883. С. 18–19; Пчелина, 1947. С. 138–140; Ванеев, 1956. С. 3–4; Ванеев, 1959. С. 106–111; Осетинское народное, т. I, 1960. С. 550–551; Осетинские народные, 1962. С. 309–319; Гаглойти, 1974. С. 128–134; Салагаева, 1984. С. 126–135 и др.).

В.И. Абаев в своей работе «Происхождение осетинских фамильных имен Cærazontæ и Æghuzatæ» обратил внимание на следующий любопытный факт: в осетинских «демократических» обществах, где не наблюдалось четкого классового расслоения, были фамилии, которые претендовали на особое, благородное, даже «царственное» происхождение. Особенно упорно и настойчиво заявляли о своем «царственном» происхождении представители тех фамилий, которые относили себя к кланам Царазоновых и Агузовых. На это обстоятельство указывали Коста Хетагуров в своем этнографическом очерке «Особа» и З.Н. Ванеев в книге «Народное предание о происхождении осетин». Однако, как с сожалением отмечает В.И. Абаев, они не сообщили, от каких именно царей или принцев вели свою генеалогию осетинские «аристократы». Такие указания В.И. Абаев находит у осетинского культурного и общественного деятеля Ивана Ялгузидзе (1775–1830) в написанной им на грузинском языке поэме «Алгузиани». Своего героя Алгуза (вариант имени Æghuz) он связывает с Августом Кесарем. Таким образом, по И. Ялгузидзе, фамилия Æghuzatæ происходит от Августа Кесаря.

В.И. Абаев справедливо считает, что И. Ялгузидзе не мог сам сочинить такую генеалогию, так как он в другом месте производит осетинского правителя от библейского Давида, и в этом случае только повторяет грузинскую традицию, согласно которой династия Багратидов вела начало от еврейского царя Давида. Ялгузидзе мог бы этим ограничиться: происхождение от царя Давида было достаточно почетным. Но у него были, видимо, другие источники, которые подсказывали ему другую генеалогию: от римских или византийских императоров. Источники, которыми пользовался Ялгузидзе для своей поэмы, убедительно раскрыты покойным академиком Корнелием Кекелидзе (История грузинской литературы, т. II, ч. 2, на груз. яз). Это, с одной стороны, осетинские народные легенды и предания, а также предания других северокавказских народов, с другой – сведения об Осетии и осетинах, разбросанные в грузинских летописях. Отдав дань грузинским источникам и введя царя Давида в генеалогию осетинских царей, Ялгузидзе обращается затем к осетинским преданиям и здесь находит иную генеалогию, ведущую от Августа Кесаря. Иными словами, предания о царственном происхождении некоторых осетинских фамилий, во времена Коста Хетагурова и З.Н. Ванеева носившие уже крайне смутный характер, во времена Ялгузидзе (конец XVIII в.) были еще в памяти

народа вполне конкретными и недвусмысленно приписывали осетинским знатным фамилиям происхождение от византийских или римских императоров.

Сравнивая формулу грузинской династической генеалогии Иесиан-Давитиан-Соломониани с полным заглавием поэмы Алгузиани «Ahust'ian-Alhuzian-Rusian-Carason-C'axiloni», В.И. Абаев в последнем видит тенденцию противопоставить традиционной грузинской царской генеалогии, ориентированной на библию, осетинскую, ориентированную на «Августа», т. е. на Рим (Абаев, 1982. С. 116–117).

Нельзя не согласиться с ученым, утверждавшим, что такая претенциозная генеалогия не могла возникнуть в новое время, когда Осетия в результате монгольского нашествия утратила свою государственность и превратилась из крупной политической в небольшую этнографическую единицу. Она была реминисценцией того далекого прошлого, когда аланское объединение было самой значительной силой на Северном Кавказе, а его правители чувствовали себя на равной ноге с киевскими князьями, хазарскими каганами, византийскими императорами и грузинскими царями.

Далее В.И. Абаев воспроизводит схему, как могли называть себя те аланские правители, которые первыми присвоили себе столь почетную генеалогию.

Тот аланский правитель, который стал претендовать на звание наследника Цезарей, должен был к позднелатинской форме Caesar прибавить патронимический формант -on и, стало быть, называть себя Caezaron, т. е. «сын (потомок) Цезарей». С перестановкой согласных z и r Cæzaron должно было превратиться в Cærazon, откуда занимающее нас фамильное имя Cærazontæ:

Caesar – Cæzaron – Cærazon.

В такой перестановке согласных ученый не видит ни малейшего произвола, так как подобные метатезы довольно обычны в осетинском и наблюдаются как в оригинальной лексике, так и в заимствованной. Это положение научно обосновано В.И. Абаевым (Там же. С. 117).

Далее, ставя вопрос, когда и в какой исторической ситуации в определенных кругах осетинской знати могла появиться претензия на «родство» с Цезарями, ученый уверенно и вполне определенно отвечает на него. Это могло иметь место только в домонгольскую эпоху, когда аланское государство настолько консолидировалось, что его правители уже не могли довольствоваться титулом ældar «князь» (алдаров было много). Чтобы поставить себя выше других местных алдаров, правители объединенной Алании нуждались в более престижном, более громком титуле, и они стали называть себя Cærazon – «наследниками Цезарей». Им приводятся соответствующие исторические аналогии: Иван Грозный в 1547 г. принял титул «царя»

(это стяженное Цезарь), чтобы этим титулом перекрыть «князей» и «великих князей». Правитель Болгарии Симеон принял титул царя в 917 году. В. И. Абаев допускает, что, возможно, к этому же времени (X в.) относится присвоение аланскими царями наименования Cærazon. Во всяком случае, это наименование уже существовало. Живший в то время осетинский царевич Сослан-Давид в стойкой народной традиции неизменно именуется Cæraгon (Там же. С. 118).

Фамилия (Æghuzatæ (Агузовы-Алгузовы) по преданию происходит от некоего царя Æghuz. В.И. Абаев производит это имя от Августа:

August (us)
Æghus Ælghus
Æghuz Ælghuz

Таким образом, путем всестороннего анализа фамильных имен Cærazontæ и Æghuzatæ ученый подтвердил свидетельство И. Ялгузидзе о том, что осетинские правители вели свою – разумеется, легендарную,– родословную от римских императоров (со времени Октавиана Августа все римские императоры принимали титул «Цезарь» и «Август») (Там же. С. 119).

Когда аланское (осетинское) государство было уничтожено монголами и народ вернулся в догосударственное состояние, эти «царственные» фамилии утратили всякие привилегии и растворились в общей массе народа. Но в их памяти продолжало держаться убеждение, что у них особое «царское» происхождение (Там же. С. 120).

В.И. Абаев указывает, что в домонгольский период осетинский Cærazon и Æghuzon по своему социальному и политическому значению соответствовали примерно парфянскому vispuhr «сын (царского) дома» и грузинскому bafonisvili «сын государя», т. е. указывали на принадлежность к правящему клану (Там же).

В.И. Абаев этим своим исследованием внес огромный вклад в осетинскую историографию, проливая свет на политическое мышление правящих кругов средневекового осетинского царства и, в частности, на генеалогию Сослана-Давида.

Ученый не только поддержал авторов, отстаивающих мнение средневековых историков о принадлежности Сослана-Давида к осетинской царской династии и отвергающих сочиненную в XVIII в. версию о его принадлежности к боковой («осетинской») ветви грузинской царской династии Багратионов. Тонким анализом сложных проблем, династических амбиций феодальных владетелей он внес ясность в казалось бы простое, но искусственно запутанное дело о генеалогии видного политического и военного деятеля Грузии и Осетии – Сослана-Давида.

В.И. Абаев так объясняет появление версии Вахушти о генеалогии Сослана-Давида: «Принадлежность Сослана к роду Cærazontæ

– во времена Вахушти не заключала уже ничего почетного и никак не оправдывала того, чтобы он стал мужем Тамары. Брак, который был равным в XII в., стал в XVIII в. казаться браком неравным, мезальянсом.

Вахушти Багратиони не мог допустить, чтобы Тамара вышла замуж за «простого» осетина. Надо было задним числом исправить положение. И Вахушти сделал это как умел. Снять с царицы пятно мезальянса – вот та высокая цель, ради которой Вахушти и его последователи не остановились перед тем, чтобы «исправить» исторические факты» (Там же. С. 122).

Исходя из существующей литературы по проблеме генеалогии Сослана-Давида (статьи И. Мегрелидзе, Ю. Гаглойти, Г. Тогошвили), В.И. Абаев заключает, что «с «багратидством» Давида-Сослана можно считать покончённым. Покончено и с никогда не существовавшей «осетинской ветвью» Багратидов. Брак Тамары и Сослана был не эндогамный брак внутри грузинской царской фамилии, а брачный союз двух равных по престижу, но разных по национальности правящих династий, грузинской и осетинской» (Там же).

Справедливо считая, что эти положения не нуждаются в дополнительных доказательствах, ученый в их защиту приводит еще одно соображение. По его мнению, «если бы существовала осетинская ветвь Багратионов и если бы Сослан принадлежал к этой ветви, он называл бы себя Bagraton, а не Carazon. Звание Багратида было достаточно почетным, и у Давида-Сослана не было никаких оснований скрывать его или отказываться от него. Между тем в фамильных преданиях, которыми богат осетинский фольклор, нет и намека на существование царского рода Bagraton, а Сослан стойко и неизменно зовется Carazon. Да и старые грузинские источники не дают основания считать, что в Осетии в домонгольский период правила грузинская династия Багратионов» (Там же. С. 123).

На этом считаем возможным закончить свой довольно пространный экскурс в родословную Сослана-Давида. Сослан-Давид был осетинским царевичем, род которого по династическим амбициям связывал свое происхождение с римским императором Кесарем Августом, в действительности же был выдвинувшимся из местной феодальной знати правящим кланом, состоявшим в тесных родственных и политических связях с князьями Киевской Руси, хазарскими царями (до разгрома их государства), византийским двором и, что главное, с царской династией соседней дружественной Грузии. Сослан-Давид был родственником грузинских Багратионов по линии дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию («История и восхваление венценосцев»), а также по линии матери Тамар Бурдухан (Мхитар Гош). Это двойное родство не является чем-то неожиданным. Наоборот, оно выступает естественным при тех конкретно-

исторических условиях, которые сложились во взаимоотношениях между Грузией и Осетией.

Что касается царского рода, к которому принадлежал Сослан-Давид, с грузинским царским родом Багратионов его связывала не общность происхождения, а общность интересов возглавляемых ими государств, другими словами, общность исторических судеб грузинского и осетинского народов.

К ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ СОСЛАН

Выше уже отмечалось, что, по мнению армянского ученого XII–XIII вв. Мхитара Гоша, хорошо информированного о событиях Грузии, муж Тамар, родственник ее со стороны матери, Сослан из Осетинского царства в царствовании звался Давидом (Мурадян, 1969. С. 130).

Конечно, Мхитара Гоша нельзя понимать так, что муж Тамар после вступления в брак расстался с именем Сослан и стал носить имя Давид. Мхитар Гош правильно подметил то обстоятельство, что муж Тамар имел двойное имя. Сослан – это его осетинское (или, как писал проф. С. Какабадзе, языческое) имя, а Давид – христианское. Став царем Грузии, он официально назывался Давидом (так подписывал документы, так чеканилось его имя на монетах, так упоминали его в большинстве случаев и историки), но и его осетинское имя не было предано забвению. Историки того времени нередко упоминали его под именем Давид-Сослани, в устном народном творчестве также закрепилось за ним имя Давид-Сослани, хотя правильной формой является Сослан-Давид. В такой форме также встречается это имя у царя-поэта Арчила в поэме «Теймуразиани», написанной в 80-х годах XVII в., у Вахушти, видного историка первой половины XVIII века.

Эти два имени Сослан-Давид носил с самого детства, вернее, крещения, ритуал которого в христианском мире совершался вскоре после рождения ребенка. Такой порядок вещей – ношение двух имен – осетинского (resp. языческого) и христианского – у осетин носил устойчивый характер и дошел почти до наших дней.

Мхитара Гоша нужно понимать так, что со вступлением в брак с Тамар и воцарением на престоле Грузии на первый план выдвинулось христианское (каноническое) имя Сослана.

Нет у нас прямых данных, но думается, что у всех осетинских царей XI–XII вв., упоминаемых в грузинских исторических источниках – Урдуре, Дорголела, Худана, – были и христианские имена, не зафиксированные в них.

Впервые, если не ошибаемся, этимологией имени Сослан заинтересовался Н. Я. Марр. Имя Сослан он выводил из Сос-алан, а

Сос считал производным из Сос-ре-ква (сын Соса) (Марр, 1926. С. 474—475). Однако у Н. Я. Марра не было полной уверенности в точности его построения. Это видно из того, что он не решался сказать — осетинского, абхазского или какого-нибудь другого происхождения имя Сослан. Он склонялся к тому, что *Сос* племенное имя рош-ов (рус-ов), и если бы мы не знали, что термином *оси* обозначали осетин, мы бы, мол, свободно посчитали его двойником *Сос-а* (resp. рош-а). Однако этому мешает, по мнению Н. Я. Марра, то обстоятельство, что *оси* в литературе встречается в форме *овси*. Если Сослан был осетином, почему его сына назвали абхазским именем, ставит вопрос ученый, и, не находя ответа на него, отмечает, что это результат тесных связей Осетии и Абхазии (Там же. С. 476). «Наличие сарматского... слоя свистящей породы в абхазском, как выясняется у нас в работе «Абхазоведение и абхазы», находит свое объяснение не в позднейшем общении с грузинами, а в доисторическом непосредственном происхождении их из северного края, впоследствии удела осетин, и в общении с сарматами, и в скрещении с ними» (Там же. С. 477—478).

Как видно, у Н.Я. Марра имя Сослан вызывает ассоциации с доисторическими этническими процессами на северо-западном Кавказе. Эти процессы действительно имели место, но как они могли определить абхазское происхождение Георгия Лаша, это, к сожалению, непонятно. В данном случае значение «Лаша» — «блестящий» (по-абхазски) не может служить доказательством такого утверждения.

Сослан — один из популярных героев осетинского нартовского эпоса. Имеется, как это считается в научной литературе по нартоведению, около двух десятков «этимологий» имени Сослан (нартовского), но как заявляет один из ведущих специалистов по осетинскому фольклору Т.А. Гуриев, они не отвечают элементарным требованиям методики научного исследования, совершенно оторваны от фактов истории и основаны на случайных звуковых сходствах (Гуриев, 1981. С. 25).

По мнению В. И. Абаева, имя Сослан — тюрко-монгольского происхождения. Soslan, ср. ногайский suslan — «иметь грозный вид», susl — «хмурый», «грозный». На осетинской почве имя Сослан свидетельствуется в XII в. в лице мужа прославленной грузинской царицы Тамар — Сослана-Давида. В этот период, предшествовавший монгольскому нашествию, аланы тесно общались с кипчакскими племенами, в состав которых входили и предки современных ногайцев, и именно тогда, наряду со множеством тюркизмов, могло появиться и имя Сослан (Абаев, 1979. С. 138—139).

Новую гипотезу относительно имени *Сослан* выдвинул Т.А. Гуриев. Ученый считает, что известнейший политический деятель и полководец XII—XIII вв. Давид-Сослан стал своеобразным прототипом

нартовского героя Сослана. Причем он считает, что этот факт героизации исторической личности и введение ее в круг эпических героев не должен нас удивлять, это вполне закономерно (Гуриев, 1981. С. 29).

Давид-Сослан вошел в осетинский эпос не ранее начала XIII в., и вошел он в эпос не как историческая личность, а как эпическая. Более того, он имя Сослан рассматривает как ориентир для определения начала формирования отдельного цикла о Сослане. Он же находит ряд параллелей между Сосланом историческим и Сосланом эпическим, которые будто бы поражают сходством. Одно из решающих сходств он видит в том, что захороненный в Нузальской церкви воин, скелет которого Т. Мамукаев подверг патологоанатомическому изучению и который идентифицируется с Сосланом-Давидом, получил ранение в ногу при жизни, и выявленные на нем следы остеомиелита позволяют считать, что «воин должен был хромать. Эта особенность его походки была известна всем, ибо такое едва ли останется незамеченным... Эпического Сослана знали именно таким». Его называли кривоногим. Но ученому этого еще мало. «Известно, что нартовский герой погиб от колеса Балсага, коварно перерезавшего ноги спящего. Теперь и этот нартовский сюжет получает историческое объяснение. Оказывается, ноги исторического Сослана были с переломами. Правда, Т. Мамукаев не это считает причиной его смерти» (Там же. С. 30—32).

Ученый не забыл отметить и то обстоятельство, что в эпосе нашел отражение исторический факт взятия Сосланом-Давидом Карской крепости, а в эпосе это приписывается то Сослану, то Батразу (эпическим героям) и, исходя из этого, делает вывод: «Осетинский эпический Сослан находит паспорт в лице исторического легендарного Давида-Сослана» (Там же. С. 33).

Относительно исторического Давида-Сослана Т.А. Гуриев полагает, что в этом сочетании Давид — собственное имя царя (в хрониках будто оно встречается чаще, так как хроники называют царей по имени). Сослан же, по его мнению, является обозначением рода, на что указывает конечное *-ан*, обозначающее в осетинском языке принадлежность к роду (Там же).

Далее ученый, путем привлечения различных данных из исторической действительности индоевропейского круга языков, приходит к заключению, что имя Сослан произошло от фамильного названия с//царазон или с//сезаран, где конечное *-ан* является исконно иранским суффиксом, при помощи которого оформляются осетинские родовые и фамильные названия. Форма Сослан является следствием комбинаторных изменений: с//цæзарон или с//цæзаран — Сосран / Солан (Там же. С. 38).

Признавая некомпетентность в этой области науки Т.А. Гуриева, при всем глубоком уважении к нему, нам очень трудно согла-

ситься с его выводами относительно соотношения исторического Сослана с эпическим Сосланом, а также с тем, будто Сослан выступает родовым именем человека, собственное имя которого Давид. Не могу судить, насколько безупречно с точки зрения законов лингвистики происхождение Сослана из с//цæразан или с//цæзаран. Суждения автора, привлеченные параллели и их сопоставление, безусловно, остроумны, но далеко не безупречны его исходные посылки. Неверные исходные данные не могут привести к верным выводам. Весьма проблематично отмеченное Т. Гуриевым физическое сходство исторического Сослана с эпическим Сосланом. Никто не доказал и не в состоянии доказать, что муж Тамар Сослан-Давид был хромым или у него были сломаны ноги. Наоборот, физическое совершенство Сослана-Давида особо подчеркивается как современными ему историками, так и поэтами. Его сравнивали с библейским Иосифом Прекрасным, эталоном мужской красоты. Могут возразить, что хромым Сослан-Давид стал позже, в результате ранения в какой-нибудь битве. Но такое не могло не отразиться в грузинской, армянской и мусульманской историографии той эпохи. Утверждение об идентичности захороненного в Нузальской церкви воина с Сосланом не имеет основания. Поэтому проведение параллелей между Сосланом историческим и Сосланом эпическим на этой зыбкой основе неправомерно.

Нам кажется неверной и вторая посылка ученого о том, что Давид – собственное имя, Сослан же обозначает род. Дело в том, что Сослан – собственное имя мужа и соправителя Тамар, причем первичное, осетинское (языческое), независимо от его происхождения. Давид также его собственное, христианское (каноническое) имя. Ношение двух имен у осетин — явление обычное как в прошлом, так и до недавнего времени (частично и в наше время)[8].

Таким образом, имя Сослан, независимо от своего происхождения, является собственным именем, получившим у осетин, как это обычно бывает, широкое распространение под влиянием популярности Сослана-Давида, замечательного военного и политического деятеля своей эпохи. И если у Сослана исторического и Сослана эпического встречаются отдельные черты сходства, то это следствие популярности Сослана исторического.

---

[8] В 1906 г. в Тифлисе на русском языке издавались сатирические журналы «Крапива», «Петушок», «Гроза». Издателем и редактором этих журналов был уроженец с. Ольгинского Владикавказского (Осетинского) уезда Александр Николаевич Мамсуров. Дома и в Осетии его звали Батырбеком Карасеевичем.

ГЛАВА II

БРАК ТАМАР И СОСЛАНА-ДАВИДА. ЭПИЗОДЫ ИХ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Правящая династия единой феодальной монархии Грузии, претендуя на политическое наследство одряхлевшей Византийской империи и выступающая в роли объединителя народов Кавказа в единый политический и культурный мир в условиях противостояния с агрессивным тюрко-сельджукским миром, естественно, нуждалась в верных союзниках. Учитывая непосредственное соседство Осетинского царства, располагающего большим военным потенциалом, исторически сложившиеся добрососедские отношения, правящие круги Грузии поддерживали весьма тесные, дружественные и взаимовыгодные связи с соответствующими кругами Осетии.

Важным средством поддержания и укрепления таких связей являлись издревле практикуемые династические браки между представителями царствующих династий Грузии и Осетии. Такие династические браки в XI–XII вв. стали обычным явлением.

Продолжая традицию дружбы и добрососедства с Осетией, сын Давида Строителя, царь Грузии Деметре I (1125–1156) женил своего младшего сына Георгия на осетинской царевне. По словам историка Тамар, автора «Истории и восхваления венценосцев», «будучи царем, отец (Деметре) привел Георгию в жены дочь царя Худана по имени Бурдухан, сообразную с солнцеликим и льву подобным мужем. Сама она была солнцем над солнцами по красоте... Она,... если исключить, что у нее был муж, благостью, мудростью, умением ходатайствовать и оказывать помощь, напоминала просветительницу неба и земли Марию» (Картлис цховреба,1959. С. 4; История и восхваление, 1954. С. 18–19). Второй историк Тамар Басили в связи с восшествием Тамар на престол писал: «Воссела волею божьею Тамар, дочь царя царей Георгия, сына Деметре, рожденная от жены Георгия Бурдухан – дочери осетинского царя, той, которая превосходила всех добродетельных женщин во всех отношениях, кроме того, она была матерью Тамар; другой, ей подобной невестки, в те времена не видела страна грузин, она достойна того, чтобы потомки чтили ее и из поколения в поколение восхваляли» (Картлис цховреба, 1959. С. 4; Жизнь царицы, 1985. С. 28).

Несмотря на то, что историки Тамар на первый план выдвигают красоту и личные качества царевны Бурдухан, мы вправе счи-

тать, что и этот династический брак был обусловлен политическими соображениями грузинского двора. Как известно, Деметре благоволил к младшему сыну Георгию и метил его в наследники на престол в обход старшего сына — наследника Давида. Одним словом, царь-отец исподволь готовил нарушение издревле установившегося закона о престолонаследовании. Он не мог не предвидеть, что за этим последуют политические осложнения и борьба за престол. Дальновидный царь заблаговременно укрепил позиции своего избранника. Давид попытался изменить положение в свою пользу. Он низложил отца, стал царем и начал жестоко расправляться над сторонниками отца и брата. Однако через шесть месяцев царствования Давид скоропостижно скончался. Георгий стал регентом его малолетнего сына, а затем закрепил за собой престол.

Источники не сохранили нам сведений о том, в какой форме и степени Осетинское царство помогало зятю Георгию. Отсутствие конкретных данных лишает нас возможности проследить весь ход событий, связанных с борьбой за престол. Однако закономерно предположить, что Георгию оказывалась нужная помощь. Такую помощь из Осетии Георгий получал всегда, когда возникала в ней необходимость. Так, когда объединенные силы мусульманских стран, собравшись в Аране, направились к южным областям Грузии, взяли крепость Гаги и опустошили пограничные земли, «царь Георгий собрал войска из семи царств своих, из Имерии и Америи, вывел осетин и жителей многих других земель и направился против султана, имевшего бесчисленное множество... войска» (Картлис цховреба, 1959. С. 11; История и восхваление, 1954. С. 24). Враг, испугавшись решительных действий со стороны Георгия, бросил все и отступил без боя. События эти развернулись в 1163—1165 гг. (Очерки истории, 1979. С. 270). И анонимный грузинский историк, т. н. летописей времен Лаша-Георгия, подтверждает, что Георгий III в необходимых случаях получал осетинские и кипчакские войска в нужном количестве (Картлис цховреба, 1959. С. 367).

В 1177 г. родовитыми феодалами Орбели было организовано крупное восстание против Георгия. Восставшие намеревались низложить царя Георгия и возвести на престол его племянника, царевича Деметре (Демну), зятя руководителя восстания Иване Орбели. Георгию удалось подавить восстание. Вскоре он возвел на престол в качестве соправительницы свою единственную дочь Тамар (Очерки истории, 1979. С. 291— 295).

Историк Тамар, автор «Истории и восхваления венценосцев», отмечает, что на втором году после подавления восстания, «собрав представителей из семи царств своих, он пригласил царицу цариц, счастливую супругу свою Бурдухан, а также дочь Тамар...

По обсуждении вопроса и заключении по нему ... он с согласия патриархов и всех епископов, вельмож из Америи и Имерии, вези-

ров, военачальников и полководцев, объявил Тамар царицей...» (Картлис цховреба, 1959. С. 20; История и восхваление, 1954. С. 30).

Вскоре после этого акта, как сообщает историк, «среди благоденствия и всеобщего счастья, наступило время уплаты долга миру сему, наступило не только неожиданно, но и безвременно, не сообразуясь даже с быстротечностью жизни: скончалась мать Тамары, равная матери сына божья. Какой язык в состоянии выразить, сколько горести и воздыханий было вызвано этим событием?.. Царю, пребывавшему в Гегути, сообщили о столь ужасном происшествии. Вырывая волосы и бороду, он, проливая потоки слез, тысячу и десять тысяч раз ударял себя в грудь и изводил себя. С выбритой головой и подавленным сердцем встречал он дочь свою, светозарный вид которой уже успел омрачиться. Когда они держали друг друга в объятиях, из четырех их глаз источались потоки слез... Царь утешил и обласкал дочь свою любезную и сверх меры красивую, успокоил ее проявлением обоюдосторонней любви и прекращением горя» (Там же. С. 22 и 31).

Через некоторое время скончался и Георгий III, отец Тамар. Тамар становится единоличной повелительницей большого и сильного государства.

Вступление на царский престол женщины в грузинской действительности не имело прецедента. В связи с этим, естественно, возникло много различных вопросов, которые нуждались в безотлагательном решении. Первым из них был вопрос о замужестве Тамар. Для нормального функционирования феодальному государству нужен был наследник престола, а войскам — предводитель, главнокомандующий, которым обычно являлся царь. Тамар, как женщина, конечно, не могла командовать войсками.

По инициативе одной группы феодальной верхушки в Грузию был привезен скрывавшийся у кипчаков на Северном Кавказе изгнанный из отечества своим дядей Всеволодом сын Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского Юрий[1] (по грузинским ис-

---

[1] Согласно русским историческим источникам, при дворе князя Андрея Боголюбского ключником был яс (осетин) Анбал. На его сестре был женат впоследствии Андрей Боголюбский. Г. Бутков полагал, что от этого брака родился Георгий (Юрий), впоследствии муж царицы Тамар.

Мать Юрия приняла участие в заговоре против мужа. Они с братом были казнены. В. Пфаф считает, что изгнанный Юрий бежал в Осетию, к родственникам матери, где, «по всей вероятности, познакомился с Тамарою. Впрочем нельзя совершенно определенно сказать, была ли это та же царская фамилия, от которой со стороны матери произошла Тамара, или нет. В этом случае Георгий Боголюбский мог бы быть двоюродным или троюродным братом царицы» (Пфаф, 1871. С. 41).

Кое-что в этом рассказе В. Пфафа перепутано. Юрий (Георгий) Андреевич не скрывался у осетин. Хорошо известно, что мать Юрия была осетинка (ясыня), но не обязательно, что состояла в родстве с осетинским царским родом, а через него и с Тамар.

торическим источникам — Георгий), и вопреки желанию Тамар женили его на ней.

Встает вопрос: чем было обусловлено то обстоятельство, что при решении вопроса о замужестве Тамар выбор пал на фактически неизвестного в Грузии княжича-изгнанника в то время, когда руки Тамар добивались многие высокородные принцы как из христианских, так и мусульманских стран? На этот вопрос попытался ответить известный исследователь русско-грузинских отношений Я.З. Цинцадзе. По мнению ученого, это было обусловлено рядом факторов: высоким родом Юрия (при обсуждении его кандидатуры утверждалось, что его отцу подчинялись 300 царей), его христианством и, наконец, главным образом, его бедственным положением (был изгнанником и не имел никакой опоры). Грузинская знать рассчитывала, что находившийся в тяжелых условиях в изгнании Юрий своим вступлением в царский дворец Грузии в качестве царя-супруга Тамар будет обязан им, будет нуждаться в их поддержке и в силу этого станет исполнителем их воли и желаний. Тамар же, и в ее лице центральная власть, вступлением в брак с Юрием ничего не приобретает (Цинцадзе, 1956. С. 96—99). Одним словом, по мысли Я.З. Цинцадзе, грузинская знать готовила супругу царицы неприглядную роль марионетки.

В грузинской историографии по-разному интерпретируются вопросы, связанные с браком и совместным царствованием Тамар и Юрия. Они обычно освещаются в аспекте острой борьбы за политическое преобладание в государственном управлении между различными группировками феодальной верхушки Грузии. Эта борьба, с одной стороны, между феодальными группировками, а, с другой стороны, между этими группировками и центральной властью, особенно обострившаяся в момент воцарения Тамар, рассматривается фактором, обусловившим сперва брак Тамар с Юрием Андреевичем, а через 2—2,5 года изгнание его из Грузии.

Историки Тамар объясняют расторжение брака Тамар с Юрием и удаление последнего из Грузии отрицательными качествами, которые проявлялись постепенно (пристрастие к пьянству, грубое обращение с Тамар и окружающими и другие грехи, отвадить от которых его не смогла Тамар). В грузинской историографии справедливо указывается, что официальная версия о расторжении брака Тамар и Юрия и изгнании его из Грузии является тенденциозной. Патологическую личность, каким его рисуют историки Тамар, не поддержали бы широкие круги, как это имело место позже, и не поставили бы вопрос о замене династии (Меликишвили, 1973. С. 97—98; Антелава, 1980. С. 219).

Как принято считать в нашей историографии, Юрий начал борьбу за реальную власть, за концентрацию в своих руках политичес-

кого руководства, за что был изгнан из Грузии. Все это было острой борьбой за политическую власть, а не узкосемейной ссорой (Антелава, 1980. С. 219–221).

В последнее время высказано и противоположное мнение относительно Юрия. Так, Дж. Степнадзе считает, что трудно разделить существующее в специальной литературе мнение о том, что Юрий с самого начала был кандидатом противников Тамар и с первых же дней пребывания в Грузии оказался в группе оппозиционно настроенных к Тамар вельмож. Между Тамар и Юрием сначала никаких противоречий не было. Конфликт между ними возник тогда, когда обнаружились отрицательные качества Юрия. Недоразумения между супругами носили скрытый характер и лишь через 2,5 года стали явными. Этот конфликт был семейным конфликтом. Нельзя предполагать наличие в Грузии группировки приверженцев Юрия не только до изгнания, но и после изгнания. Довольно длительное время Юрий разделял с Тамар высшую власть (Степнадзе, 1985. С. 110–111).

Как видно, мнение Дж. Степнадзе основывается на показаниях историков Тамар. В свете нового взгляда о значительной роли царя-супруга мнение Дж. Степнадзе выглядит довольно резонным.

Однако углубление в вопросы политических и личных отношений между Тамар и Юрием далеко нас уведет. Достаточно и того, что сказано, без чего многое во взаимоотношениях Тамар и Сослана-Давида оказалось бы непонятным.

В книге В.Е. Романовского «Очерки истории Грузии» (Тифлис, 1902) супругу Тамар Георгию (Юрию) на основе данных грузинских исторических источников дается высокая оценка. Князь Георгий – крупная личность, человек властный по характеру, предприимчивый, истинный сын своего отца Андрея, который хотел быть самовластен на Руси. Непорочные наклонности русского князя были причиной разрыва. Настоящая причина разрыва между Георгием и Тамар следующая: «Встретились на жизненном пути два стойких, сильных, властных характера – да еще в такой исключительной обстановке – на престоле молодого, развивающегося государства... Какое широкое поле открывалось для инициативы правителя, для широкой, энергичной и предприимчивой натуры! И как тесно сидеть при таких исключительных условиях вдвоем на престоле и как обидно играть второстепенную роль, служебную роль! И особенно обидной такая роль должна была казаться мужчине, князю-воину, закаленному в боях... Ему ли быть простым орудием в руках женщины? Вот то настроение, которое должен был испытывать русский князь, отправлявшийся в Грузию, конечно, с полною уверенностью занять первое место, играть первую роль. Прибавим к этому, что человек, при котором этот князь должен был занимать второсте-

пенное место, была его жена, которая, по укоренившимся на Руси воззрениям, должна была во всем беспрекословно повиноваться воле мужа... Столкновения, ссоры, семейные сцены были неизбежны... заурядная, мелкая, нравственно испорченная, безыдейная, беспринципная личность не могла увлечь таких, например, людей, как Дадиан, присягнувший ему как царю и собравший для него многочисленное войско... Весьма возможно, что отношения между мужем и женою обострялись под влиянием чувства ревности» (при этом автор вспоминает, «как неохотно Тамар согласилась на брак с Георгием и как быстро, расставшись с ним, нашла себе другого мужа, человека, которого она любила с детства») (Романовский, 1902. С. 91–94).

Если оставить в стороне некоторые субъективные преувеличения, В.Е. Романовский правильно обрисовал ситуацию, при которой произошел разрыв между супругами.

Так или иначе, вновь встал вопрос о замужестве Тамар. У престола по-прежнему не было наследника, а войска вновь остались без предводителя. По словам историка Тамар Басили, «снова стали все сокрушаться, потому что видели Тамар бездетной и одинокой обитательницей своего дома» (Картлис цховреба, 1959. С. 122; Жизнь царицы, 1985. С. 31).

Когда решался вопрос о втором замужестве Тамар, женихов опять было предостаточно. Однако на этот раз вопрос решался приближенными Тамар, которые, учитывая ее чувства, выдвинули кандидатуру осетинского царевича.

Осетинские царевичи выступали претендентами на руку Тамар еще до первого ее замужества. Историк Тамар после описания свадебного церемониала, связанного с вступлением в брак Тамар и Юрия Андреевича, с явной грустью рассказывает: «Я возвещу вам и о печальном и грустном происшествии. Пред тем к ней приехали осетинские царевичи, прекрасные на вид юноши. Надеясь на свое молодечество, они просили и молили бога дать им возможность совершить нечто такое, чем можно было бы обратить на себя внимание царицы и добиться высочайшего счастья. Так как намерение их осталось тщетным, они отправились в свое отечество, причем одного из них обуяла столь сильная страсть к Тамаре, что не выдержав ее, он в падучке слег в постель и умер в Никози, у храма Раждена, где и похоронили его» (Картлис цховреба, 1959. С. 37–38; История и восхваление, 1954. С. 40–41).

Осетинских царевичей, искавших руки Тамар, историк упоминает во множественном числе. Видимо, их было двое. Вахушти Багратиони говорит в связи с этим о двух братьях (Картлис цховреба, 1973. С. 175).

Можно допустить, что одним из этих царевичей был Сослан-

Давид, и если историк не назвал его по имени, то это по соображениям такта. Сослан-Давид впоследствии стал мужем Тамар. На такую мысль наводит приведенное историком место из «Псалма» в связи с вступлением в брак Тамар и Сослана-Давида: «Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего, но сам господь взял меня и помазал меня елеем помазания своего» (Картлис цховреба, 1959. С. 46; История и восхваление, 1954. С. 46).

Из этих слов историка можно заключить, что Сослан-Давид был младшим сыном в отцовском доме и поэтому на родине не имел перспективы стать царем. История средневековья знает массу примеров, когда младшие представители правящих династий и феодальных кругов всех рангов в условиях господства в наследовании права майората были вынуждены искать счастья за пределами отечества. Сослан-Давид был одним из таких высокородных искателей счастья, нужно было, чтобы сам «господь бог» взял его под свое покровительство и «сделал» мужем и соправителем прославленной Тамар. Понимать и интерпретировать эти слова из псалма в контексте династических прав грузинских и пресловутых «осетинских» Багратионов, как это сделал К.С. Кекелидзе, вряд ли правомерно, как неправомерна и вся концепция об «ефремианстве» Сослана-Давида в библейском понимании, о которой мы говорили выше.

О генеалогии Сослана-Давида подробно говорится в предыдущей главе. Здесь удовлетворимся приведением данных историков эпохи Тамар относительно личности Сослана-Давида. Автор «Истории и восхваления венценосцев» по этому поводу писал: «Во дворце царицы Русудан[2] был витязь из сынов Ефрема, т. е. осетин, мужей могущественных и сильных в боях. Так как он доводился Русудан родственником по линии ее тетки, дочери Давида, выданной замуж в Осетию, она, Русудан, привезла его на воспитание в собственном своем дворце. Приехавшие туда или оттуда видели, что юноша этот, по отцу и матери царского происхождения, был сложен хорошо, и плечист, на вид красивый, ростом умеренный» (Картлис цхевреба, 1959. С. 46; История и восхваление, 1954. С. 46). Другой историк Тамар, Басили, отмечает: «А был сын осетинского царя, воспитанный царицей Русудан, юноша прекрасный по наружности, как по-

---

[2] Русудан, тетка Тамар, дочь царя Деметре, упоминалась нами выше. Она родилась ок. 1135—1136 гг., в 1148 г. была выдана замуж за султана Ирака и Западной Перели Гияс ад-дин Мансура. Он скончался в 1152 г., и бездетная вдова Русудан вернулась на родину, пользовалась большим почетом во дворце брата царя Георгия, затем Тамар и Давида. Ее воспитанниками считаются Тамар и Сослан-Давид, Она была деятельной фигурой. Играла решающую роль при замужествах Тамар. Русудан пережила своих воспитанников и в возрасте 80 лет постриглась в монахини (Степнадзе, 1987. С. 155—161).

добает царскому сыну, прекрасен и в других отношениях; хорошо воспитанный, мужественный, воин могущественный, рыцарь, не имеющий равного, стрелок отважный, телом мощный, совершенный во всех добродетелях.

Все возымели желание соединить его с Тамар и дело доверили богу. Тамар тоже покорилась их воле, так как знала юношу. Не замедлили, собрались в Дидубе и соединили брачными узами Давида с Тамар. Оттуда вступили в Тбилиси, воссели на счастливый трон два светила, два освещающих землю солнца. Возрадовался от мала до велика весь народ» (Картлис цховреба, 1959. С. 121–122; Жизнь царицы, 1985. С. 31–32).

И.А. Джавахишвили на основании приведенных слов Басили справедливо заключил: «Тамар была знакома с новым женихом и именно из-за «знакомства с юношею»[3] согласилась выйти за него замуж. А если вспомним, что говорила Тамар своим вельможам при первом замужестве, как, мол, предлагаете человека, которого не знаем, нужно думать, Тамар уже тогда считала Давида-Сослана более подходящим, и во второй раз выбор жениха был произведен согласно ее желанию» (Езосмодзгвари, 1944. С. 10)[4].

С.И. Макалатиа считал, что когда Юрий был изгнан, «Тамар воспользовалась этим и без разрешения Савазиро (Совета Министров. – *Т.Г.*) сочеталась браком с желанным человеком, осетинским царевичем Давидом, который не предъявлял никаких претензий на грузинский царский престол. Он был верным супругом Тамар и мужественно и смело защищал монаршие права Тамар» (Макалатиа, 1942. С. 21–22).

Конечно, в действительности претензии Сослана-Давида или любого другого человека в его положении не при чем. Дело в том,

---

[3] «Мецниеребисатвис крмиса» неверно понято как «ученость юноши». (Саникидзе, 1976. С. 434). На самом деле здесь это выражение означает знакомство Тамар с Сосланом-Давидом. Другое дело, что Сослан-Давид славился своей образованностью. На этом основании кое-кто даже высказывал мысль, что «Витязь в тигровой шкуре» был написан Сосланом-Давидом. С. Шаншиашвили, описывая встречу с С.Есениным в семье Т. Табидзе, где присутствовали П. Яшвили, Г. Леонидзе, Н. Мицишвили, И. Кипиани, отмечает, что речь зашла о поэме Руставели и что он утверждал, что поэма автобиографическая и ее автор – муж Тамар Давид-Сослани (Шаншиашвили, 1977. С. 63).

[4] Отказ в руке Тамар осетинским царевичам при ее первом замужестве, возможно, объяснялся двусторонним родством Сослана с Тамар – по линии дочери Давида Строителя и по линии матери Тамар – Бурдухан. Родство это отмечают и первый историк Тамар, Мхитар Гош (армянский ученый), и Вахушти Багратиони. Когда же решался вопрос о втором замужестве Тамар, ввиду сложного, кризисного положения в стране, родству этому уже не придали решающего значения.

что супруг Тамар автоматически становился царем — соправителем Тамар. А что Сослан-Давид защищал монаршие права Тамар, это в порядке вещей. Защищать права и интересы царицы-супруги было долгом и делом чести Сослана-Давида. Этим он защищал и свои интересы и права. Тамар, конечно, вышла замуж за Сослана-Давида не самовольно и опрометчиво. Историки подчеркивают, что ближайшее окружение Тамар предложило ей кандидатуру осетинского царевича, и она одобрила этот выбор. Положение царицы обязывало Тамар скрывать свои чувства, однако в данном случае были учтены и ее личные симпатии.

Прославленный поэт-одописец, современник Тамар и Сослана-Давида Чахрухадзе в своей поэме «Тамариани» (ода пятая) отмечает, что многие добивались руки Тамар.

«Но была другому суждена ты, —
Князю львов, чьи славятся деянья»

(Чахрухадзе, 1958. С. 1—15).

Бракосочетание Тамар и Сослана-Давида было совершено в Дидубе (ныне в черте города Тбилиси, тогда пригород), где был храм и царский дворец. По словам автора «Истории и восхваления венценосцев», «вельможи имерские и амерские отправились и доставили в Дидубийский дворец, в окрестностях Тбилиси, царицу Русудан и ее воспитанника, избранника божьего — Давида, и там справили свадьбу, соответствующую и сообразную с величием их царского достоинства» (Картлис цховреба, 1959. С. 47; История и восхваление, 1954. С. 46).

В прекрасном грузинском народном стихотворении «Царица Тамар» в связи с этой свадьбой говорится, что Тамар сочеталась браком с достойным Давидом-Сосланом в Дидубе, где имеется церковь. Для свадебного пира закололи сто баранов и двести быков с белыми пятнами на лбах. Вдовам и нищим было роздано много золотых и серебряных монет.

Брак Тамар и Сослана-Давида в грузинской историографии датировался по-разному. Общепринятым был 1189 год, предложенный И.А. Джавахишвили на основе показания так называемой «Абхазской хроники», где прямо под 1189 годом говорится: «Здесь царем воссел Давид осетин» (Хроники, 1, 1892. С. 275). В настоящее время выдвинута хорошо аргументированная дата о вступлении в брак Тамар и Сослана-Давида — 1188 год (Мурадян, 1969. С. 130—131; Абдаладзе, 1974. С. 145; Отхмезури, 1981. С. 22—23). В каком возрасте были вступающие в брак Тамар и Сослан-Давид? На этот вопрос в источниках нет никаких указаний. Нам неизвестны годы рождения ни Тамар, ни Сослана-Давида. М. Джанашвили считал, что Тамар родилась в 1156 году. В возрасте 23 лет она стала сопра-

вительницей своего отца, а когда вышла замуж за Юрия Андреевича, ей был 31 год. Причиной столь позднего брака М. Джанашвили считал противоречия между личными интересами Тамар и вельмож царства. Последние хотели, чтобы Тамар вышла за того человека, который бы не ограничил их прав. Они хотели для Тамар безвольного мужа, а не такого человека, каким был Сослан-Давид, который воспитывался вместе с Тамар и которому она дала обет выйти за него замуж. Тамар не хотела изменить Сослану. Когда же она разошлась с Юрием, 33-летняя Тамар добилась своей цели и сочеталась браком с Сосланом-Давидом (Джанашвили, 1917. С. 10—11).

Приведенный возраст Тамар, как и причина ее позднего брака, ничем не подтверждаются, не имеют точки опоры и произвольны.

С. Какабадзе считал, что при вступлении в брак Сослану-Давиду было 30, а Тамар — 25 лет (Какабадзе, 1966. С. 108). Л. Саникидзе считает, что Тамар вступила в брак с Давидом в возрасте 23 лет (Саникидзе, 1976. С. 438). При этом не указываются источники этих цифр.

Грузинские исторические источники дают восторженную оценку личности Сослана-Давида. Подчеркиваются его физическое совершенство, воинская доблесть и глубокая образованность. По сообщению историка Тамар, автора «Истории и восхваления венценосцев», после вступления в брак с Тамар, Сослан-Давид в течение года продолжал совершенствоваться как в военно-спортивных делах, так и в науках. По словам историка, «Давид в течение одного года превзошел всех в умении метать стрелы, наездничать, упражняться на арене, плавать, в книжном учении и, как это видно и сегодня, во всем, что исходит из рук человека. Во всем этом он превзошел всех отечественных своих учителей и соучеников, что касается чужеземцев, среди них не являлся подобный ему» (Картлис цховреба, 1959. С. 48; История и восхваление, 1954. С. 47)[5].

Из этих слов историка можно прийти к выводу, что Сослан-Давид не с детства воспитывался при дворе Русудан, как это считают некоторые ученые. Он, можно предполагать, получил образование в Осетии и Грузии, но оно, видимо, не было завершено к моменту его вступления в брак с Тамар.

Хотя на это нет прямых указаний в источниках, мы вправе допустить, что Сослан-Давид был приглашен во дворец Русудан сразу после изгнания Юрия. Пребывание его в Грузии при Юрии Андреевиче было бы невозможно. Это могло вызвать подозрения насчет его намерений и было бы чревато большими осложнениями.

[5] По мнению П. Горгиджанидзе, историка XVII в., инициатива годичной учебы Сослана-Давида после брака исходила от Тамар (Институт рукописей, ф. н. № 2140, л. 17).

Ведь осетинские царевичи при вступлении в брак Юрия с Тамар также добивались руки Тамар и, как это предполагают некоторые историки (например М. Джанашвили), среди них был Сослан-Давид (Джанашвили, 1917. С. 18). Преувеличено и неправдоподобно мнение о том, что Сослан-Давид с детства воспитывался в Грузии совместно с Тамар под руководством Русудан и даже был усыновлен ею (это, конечно, вовсе не исключает, исходя из близкого родства грузинской и осетинской правящих династий и дружественных отношений между Грузией и Осетией, что Сослан-Давид и раньше бывал в Грузии и даже обучался здесь). С. Какабадзе даже предполагал (исходя из сообщения историка Тамар о том, что Сослан-Давид в течение года после вступления в брак продолжал совершенствовать свое воспитание), что Сослан-Давид к моменту вступления в брак слабо владел грузинским языком (Какабадзе, 1966. С. 110).

Начало совместной жизни и совместного царствования у Тамар и Сослана-Давида было неспокойно. Прошло немногим более года, как против них выступили крупные феодалы Западной и Южной Грузии. О причине этого выступления высказаны различные мнения. Здесь мы приведем мнение Дж. Степнадзе, которое высказано в недавно опубликованной его работе. Согласно этому мнению, Тамар и Сослан-Давид в начале своего совместного царствования осуществили ряд важных мероприятий. Не исключено, что проведение их совпало со временем восшествия на престол Грузии Сослана-Давида и связывалось с его именем. Эти мероприятия, видимо, задели главным образом феодалов из Западной Грузии и обидели их. Они решили разрушить сильный союз Тамар и Сослана-Давида. Способом изгнания из Грузии ненавистного им Сослана-Давида явилось приглашение Юрия Андреевича и его противопоставление царю. Они опасались, что при совместном царствовании Тамар и Сослана-Давида они не сохранили бы своих привилегий (Степнадзе, 1974. С. 112—117).

Вскоре после подавления восстания крупных феодалов и их ставленника Юрия Андреевича, у царственной четы родился наследник престола. Рождение наследника явилось событием большого политического значения. Оно воодушевило сторонников Тамар и Сослана-Давида и окончательно выбило почву из-под ног тех, кто не терял надежду разрушить их супружество и совместное царствование. По словам историка Тамар, автора «Истории и восхваления»., она «родила сына, равного сыну божьему и названного ею именем мужественного своего отца». Не было конца радости, веселью и ликованию по этому случаю. «Освобождали пленных, одаривали церкви, священнослужителей и монахов, миловали нищих, прославляли бога. Сама царица Русудан и воспитанный ею царь Давид... и все жители этого царства... стали приносить дары и под-

ношения. Узнав об этом, прислали богатые дары и сокровища цари греческие, султаны, атабеги и эмиры персидские... По этому поводу предпринят был такой поход, которого не предпринимал ни один Багратион» (Картлис цховреба, 1959. С. 58; История и восхваление, 1954. С. 53). Не менее торжественно сообщает об этом событии второй историк Тамар — Басили: «Народ христианский жил счастливо, но все беспокоились и печалились, что Тамар была бездетна. Спустя немного времени забеременела Тамар... и родила сына, совсем похожего на деда. И дали ему имя Георгий. И возрадовались все радостью непередаваемой» (Картлис цховреба, 1959. С. 124; Жизнь царицы, 1985. С. 33).

Ввиду того, что историческая хронология Грузии XII—XIII вв. в древних исторических источниках сохранилась не полностью, о годе рождения Георгия-Лаши нет единого мнения. («Лаша» — ласкательное имя царевича, по словам автора «Истории и восхваления»... означает «Просветитель вселенной» на языке апсаров, племени абхазско-адыгской группы. По Н. Я. Марру, «Лаша» означает «блестящий» (Марр, 1926. С. 476—477). И.А. Джавахишвили считал, что он родился в 1192/93 гг. (Джавахишвили, 1989. С. 265). Однако с уточнением хронологии событий Грузии XII—XIII вв. высказано хорошо аргументированное предположение и по этой дате. Г. Отхмезури считает, что Георгий-Лаша родился спустя год после вступления в брак Тамар с Сосланом-Давидом, т. е. в 1189 году (Отхмезури, С. 23). Через год после рождения Георгия (Картлис цховреба, 1959. С. 124; Жизнь царицы, 1985. С. 33) Тамар «родила дочь, подобие свое, Русудан, по поводу чего снова еще большая радость охватила всех».

О личной семейной жизни Тамар и Сослана-Давида почти не сохранилось прямых исторических свидетельств. Историки Тамар характеризовали их восторженными словами, сравнивая с «двумя светилами, освещающими землю, двумя солнцами». В поэме Чахрухадзе «Тамариани» царственная супружеская чета сравнивается с парой горлиц, отличающихся исключительной привязанностью друг к другу, так что если самец погибает, горлица-самка уже не вступает в новую пару. Поэт обращается к Сослану-Давиду:

«Ты — супруг примерный, нежный, страстный,
Деткам горлицы — отец прекрасный.

(Антология, 1958. С. 113)

Историк Тамар, автор «Истории и восхваления венценосцев», касаясь жизни Тамар и Сослана-Давида непосредственно после Шамхорской победы, пишет так: «Они оба, Тамар и Давид, радовались, веселились, охотились и жили по-олимпийски, красиво и счастливо, вместе с двумя своими светоносными и блистательными

детьми» (Картлис цховреба, 1959. С. 75; История и восхваление, 1954. С. 64).

Как известно, царственные персоны после напряженных государственных и ратных трудов находили время и для веселого времяпрепровождения. Одержанные грузинскими войсками под предводительством Сослана-Давида победы укрепляли внешнеполитическое положение Грузии, создавали условия для мирной жизни в царстве, которыми в первую очередь пользовались именно правящие круги, предаваясь веселью и развлечениям. В этом плане характерно описание жизни царской семьи после Басианской битвы, где была одержана блестящая победа над коалиционными войсками румского султана Рукнад-Дина. После победы «славный Давид отправился к своему солнцу – Тамар». После этого «Тамар, светлейшая из всех скипетроносцев, преуспевала во всем и пребывала в славе. Она еще больше стала служить богу, строить и украшать церкви и монастыри, миловать вдов и сирот и оказывать им праведный суд. При этом радовались и веселились в царстве своем. То переходили в Абхазию, распоряжаясь тамошними делами и предаваясь охоте в приятных местах – Гегути и Аджамети, то возвращались в Картли и Армению и останавливались в Дури. Туда им доставляли подати гандзийцы и жители верхних городов. Весною, возвратившись из Армении, принимали подати от нахичеванцев и направлялись к Колу – в верхней Артаани – и там принимали подати из городов Карина и Эзинки и других окрестных городов. Но за радостью следует печаль» (далее рассказывается о смерти Сослана-Давида, положившей конец радостям царского двора) (Картлис цховреба, 1959. С. 99–100; История и восхваление, 1954. С. 79–80).

Из всех авторов, писавших о Тамар и Сослане-Давиде, больше всех подробностей из их жизни сообщает З. Чичинадзе, неутомимый книжник и издатель «народных книг». На основе какой-то рукописной книги, по его словам, впоследствии исчезнувшей, и грузинских и осетинских устных преданий З. Чичинадзе рассказывает о детстве Тамар и Сослана-Давида, об их супружеской жизни. Многое в его рассказе правдоподобно, многое не подлежит проверке и относится к области вымысла, фантазии или просто является недоразумением. Однако ввиду отсутствия достаточных достоверных данных по интересующей нас теме, приведем их. Это тем более нужно, что книга З. Чичинадзе «Осетия по грузинским книгам», где говорится об этом, вышла всего два раза (в 1913 и 1915 гг.) и по сей день пользуется популярностью у осетин.

По мнению З. Чичинадзе, тетка Тамар Русудан была выдана замуж в Осетию. Когда умерла мать Тамар Бурдухан, Русудан находилась в Осетии. Она взялась воспитывать осиротевшую Тамар. Русудан то приезжала к Тамар из Осетии в Грузию, то Тамар пере-

езжала к ней в Осетию. Русудан, будучи бездетной, усыновила сына одного владетельного князя Осетии по имени Давид-Сослан из фамилии Багратионов, будущего мужа Тамар. З. Чичинадзе не совсем уверен в личности тетки Тамар — Русудан и пускается в рассуждения относительно того, что, по его мнению, Русудан, вдова Шарван-шаха, и Русудан, воспитательница Тамар, разные лица, хотя допускает и мысль о том, что, возможно, вдова Шарван-шаха вторично вышла замуж в Осетию (Чичинадзе, 1915. С. 161—163).

В этом рассказе З. Чичинадзе многое перепутано. Мать Тамар Бурдухан умерла тогда, когда Тамар уже была провозглашена отцом Георгием III соправительницей и, естественно, мысль о ее сиротстве и воспитании «осетинской» теткой Русудан не имеет оснований. Тетка Тамар Русудан, вдова Шарван-шаха, жила в Тбилиси и к замужеству в Осетии не имела никакого отношения. Он введен в заблуждение вышеприведенной и разобранной нами версией Вахушти Багратиони об «осетинской ветви Багратионов», где мнимой второй тетке Тамар, также носящей имя Русудан, отводится важное место. По этим вопросам мы выше уже высказывались.

Далее З. Чичинадзе рассказывает, что Тамар любила Осетию, половину своей жизни проводила там. Она научилась осетинскому языку, занималась там благотворительностью и стала очень популярной личностью в Осетии, и по сей день о ней в Осетии распространено много устных преданий и легенд (Чичинадзе, 1915. С. 166, 174—175).

Эти слова З. Чичинадзе нельзя подтвердить данными исторических источников, однако в них нет ничего невозможного, хотя рассказ о частых поездках Тамар в Осетию, безусловно, преувеличен.

В горных ущельях Северной Осетии и сейчас можно услышать много преданий и легенд. О них говорили все путешественники и наблюдатели за жизнью осетин. «Тамар дедупали» (от груз. «дедопали» — царица) была и остается очень популярной среди осетин.

Постройка многих оборонительных или культовых сооружений связывается с ее именем.

В. Пфаф, неоднократно побывавший у осетин и посвятивший много работ истории и этнографии осетин, отмечал, что «Тамара была в чрезвычайно близких, но, к сожалению, пока еще не разъясненных родственных отношениях с осетинскими царями... Судя о близости отношений Тамар к собственно народной жизни в Осетии, должно заключить, что она часто бывала в этой стране» (Пфаф, 1871. С. 40—42).

В настоящее время родственные отношения Тамар с осетинским царским двором хорошо известны (они хорошо были известны всегда, лишь в XVIII в. грузинские царевичи по определенным соображениям внесли путаницу в них). Тамар была племянницей (хæрæфырт) осетинских царей. По осетинским обычаям, хорошо засвидетельствованным этнографическими данными, хæрæфырт (племян-

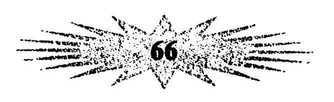
ник или племянница) пользовался особым почетом и вниманием у рода матери. Весь род матери (в первую очередь, дядя по матери) выступал защитником и покровителем племянника или племянницы. Тамар могла неоднократно посещать Осетию и в детстве, и тогда, когда царствовала. Родственные отношения между грузинским и осетинским царскими родами предполагали такие визиты. Тем более, непосредственное соседство делало такие визиты легко осуществимым делом. Тамар должна была владеть и осетинским языком — она могла научиться ему в Тбилиси у матери Бурдухан и осетинской части ее свиты и прислуги.

З. Чичинадзе рассказывает о Тамар и Сослане-Давиде и такие невероятные факты, которые не имели и не могли иметь место в действительности. Так, он уверяет, что после рождения сына и дочери Тамар попросила мужа Сослана-Давида о прекращении супружеских связей. На это он дал согласие, переехал в Осетию и жил там. Иногда участвовал в войнах. Еще при супружеской жизни с Тамар он разгромил Нукардина (Рукнад-Дина) и взял Карс. Сослан-Давид и после смерти Тамар не женился, скончался в 1230 году и был похоронен в Никози (Чичинадзе, 1915. С. 175—176).

Нет необходимости пускаться в подробные рассуждения по поводу приведенных фактов. Скажем коротко, что они не согласуются с вполне определенными данными исторических источников. По этим данным семейная жизнь Тамар и Сослана-Давида, равно как и их совместное царствование, сложились счастливо и ничем не омрачались. Тамар и Сослан-Давид, соединившись браком, никогда больше не расставались (разве только на короткие периоды военных походов, но даже тогда Тамар сопровождала его и войска, останавливалась где-нибудь поблизости от места сражения, в церкви, и молила бога о даровании победы Сослану-Давиду и войскам, в невредимости царя и его благополучном возвращении домой, в семью).

З. Чичинадзе неправильно передает и дату смерти Сослана-Давида. Хорошо известно, что Сослан-Давид умер раньше Тамар. З. Чичинадзе оказал чрезмерное доверие грузинским народным преданиям, которые, принимая Тамар за святую, вовсе исключали ее замужество. Он «примиряет» данные исторических источников с народной молвой о Тамар[6]. Это видно и из его текста, которым он сопроводил портрет Тамар (напечатан в его сборнике «Исторические картины Грузии» (вышел в 1912 г.), затем в его издании «Истории Грузии» Вахушти Багратиони, в 1913 году). Портрет Тамар с портретами Сослана-Давида и других царей Осетии были опубликованы автором в его книге «Осетия по грузинским книгам». В

[6] Грузинская церковь объявляет Тамар святой, а народная молва приписала ей вечную девственность и сверхъестественное рождение наследника (Сихарулидзе, 1943. С. 24, 28).

тексте к портрету Тамар говорится о том, как по просьбе Тамар Сослан-Давид прекратил с ней супружескую жизнь и удалился из Грузии, а Тамар будто бы за такой поступок была причислена к лику святых.

З. Чичинадзе приписывает Сослану-Давиду покровительство осетинам в Грузии. По его словам, в Тбилиси он прибыл в сопровождении большой свиты. После этого в Тбилиси умножилось число осетинских купцов и ремесленников. После свадьбы многие сопровождающие Сослана-Давида лица остались там. Участились взаимные посещения грузин и осетин. Сослан-Давид этому содействовал. Осетинские войска сражались бок о бок с грузинским войском (Чичинадзе, 1915. С. 168, 170–171). В этих высказываниях З. Чичинадзе не видится преувеличения. Без таких фактов немыслимо представить картину грузино-осетинских взаимоотношений в период царствования Тамар и Сослана-Давида.

После Басианской битвы, когда страна пожинала плоды этой крупной победы, а царский двор и высшие слои феодального общества предались веселому времяпрепровождению, по выражению историка, за радостью последовала печаль. По мысли историка, несчастье было неожиданным и произвело впечатление грома среди ясного неба: «Нагрянуло горе, умер Давид-Сослан, человек, исполненный всякого добра, божеского и человеческого, прекрасный на вид, в сражениях и на войне храбрый и мужественный, щедрый, смиренный и превознесенный в добродетелях. Он оставил двух детей: сына Георгия и дочь Русудан. Плакали, рыдали и повергли в печаль всю вселенную» (Картлис цховреба, 1959. С. 100; История и восхваление, 1954. С. 80).

Царь Сослан-Давид скончался в 1205 году, спустя некоторое аремя после Басианского сражения (Силагадзе, 1966. С. 302; Кикнадзе, 1980. С. 146; Жизнь царицы, 1985. С. 55)[7].

О причине смерти историк Тамар, автор «Истории и восхваления венценосцев», ничего не говорит. В сочинении второго историка Тамар даже не сохранилось указания автора года смерти Сослана-Давида (а что такое указание в нем должно было быть, не подлежит сомнению). Видимо, эта неясность послужила, наряду с бездоказательной идентификацией останков захороненного в Нузальской церкви человека с Сосланом-Давидом, основанием для сенсационных предположений о якобы насильственной смерти царя Сослана-Давида.

---

[7]. И.А. Джавахишвили датой смерти Сослана-Давида считал 1207 год. (Джавахишвили. 1983. С. 279). Эта дата повторялась во всех изданиях школьного учебника «Истории Грузии» и вообще исторической литературе. Были и другие даты (напр. 1230 г.), ничем не подкрепленные и произвольные. В настоящее время датой смерти Тамар аргументированно предлагается 1207 год (см. подробно: Силагадзе, 1988. С. 170–187).

Для полноты суждений о кончине Сослана-Давида считаем нужным сослаться на Т. Жордания, автора трехтомника хроник и других материалов по истории Грузии, высказавшего предположение, что Сослан-Давид, равно как и Тамар, а после нее и Георгий-Лаша, стали жертвами мулидов (асасинов). Мусульмане, не сумевшие одолеть их силой, прибегли к хитрости и путем отравления погубили своих опасных противников (Жордания, 1967. С. 571). Это чрезвычайно интересное предположение, но научно необоснованное, поэтому трудно принимать его в расчет.

Где же похоронили царя? Прямых указаний у историка Тамар нет. Мнения З. Чичинадзе о захоронении Сослана-Давида в Никозской церкви, Е. Пчелиной и Т. Мамукаева – в Нузальской церкви, с их промежуточной версией о перезахоронении тела царя-полководца из Гелати в Нузальскую церковь, ничем не аргументированы и, по нашему убеждению, не имеют основания.

Сослан-Давид умер в апофеозе своей славы. Ни Тамар, его супруга, ни наследник престола – его сын Георгий-Лаша – не допустили бы погребения царя, «богом обожествленного», «счастливейшего», «пресчастливого», «славного», «великого осетина», «дарованного нам в сокровище Христова воина», «божества Грузии», «супруга примерного, нежного... деткам горлицы отца прекрасного» вдали от себя, в месте, не соответствующем достоинству царской семьи. Это диктовалось соображениями чести и авторитета самой Тамар и ее наследников, а также соответствующим признанием заслуг Сослана-Давида перед грузинским феодальным государством.

Исходя из этих соображений, а также из косвенного указания грузинского анонимного историка, т. н. летописца времен Георгия Лаши (в связи со смертью Георгия Лаши указывается, что его похоронили в Гелати «в могиле отца»), есть основания твердо считать, что Сослан-Давид был похоронен в Гелати, ставшей со времен Давида Строителя усыпальницей царской семьи. Искать где-нибудь в другом месте останки Сослана-Давида не имеет смысла.

В этом плане мы вполне солидарны с И. Лолашвили (Лолашвили, 1971. С. 118), Л. Саникидзе (Саникидзе, 1976. С. 465) и другими авторами, считающими местом захоронения Сослана-Давида в Гелати. И. Лолашвили остроумно подметил, что в заключительной части поэмы И. Шавтели «Абдулмессиани» прямо указывается на Гелати, как на место, где будут похоронены святые останки Тамар и Сослана-Давида:

«Славлю Гелати, ставшей новой Элладой (Афиной),
Где похоронят святые останки».

(Лолашвили, 1971. С. 118). (Подстрочник)

В поэтическом переводе Шалвы Нуцубидзе эти строки передаются так:

«Лавры Эллады вижу в Гелати,
Где похороним благо сущее». (Шавтели, 1942. С. 11 2.)

Ел. Метревели высказала интересную мысль, что эта заключительная часть поэмы, имеющая форму элегии, была написана тогда, когда Сослан-Давид был на смертном одре или уже скончался и готовились к погребению его тела в Гелати (История грузинской, 1966. С. 105).

Прямо на это не указывается, но по контексту историка Тамар, автора «Истории и восхваления венценосцев», следует предположить, что Сослан-Давид скончался в Гегутском дворце царей (в 7 км к югу от г. Кутаиси, на берегу р. Риони). Так понимал соответствующее место из сочинения историка и царь-поэт Арчил (1647—1713), отмечавший в связи со смертью Сослана-Давида, что вопли скорби слышны были от Гегути до Они. Арчил со скорбью говорит о кончине Сослана-Давида:

«Скончался Сослан-Давид, царь, муж Тамар.
Скорбь охватила Грузию, печали стало много.
Траурное одеяние покрыло хрустально-мраморное тело (Тамар),
Нам как-будто без сабли и ножа перерезали горло,
Охотничьи угодья остались без охотника, площадь — без игрока в мяч».

(Арчилиани, 1937. С. 105, строфа 908). (Подстрочник)

Таковы вкратце имеющиеся неполные данные о личной жизни Сослана-Давида и Тамар, совместное царствование и дружная жизнь которых оставила глубокий след в благодарной памяти потомков.

ГЛАВА III

СОСЛАН-ДАВИД – ЦАРЬ И СОПРАВИТЕЛЬ ЦАРИЦЫ ТАМАР

(К вопросу о статусе царя-мужа)

Сразу же по воцарении Тамар встал вопрос о ее замужестве, что, естественно, порождало ряд вопросов о статусе царя-супруга Тамар, поскольку Тамар уже являлась венчанным царем и царицей Грузии. Из той острой политической борьбы, что развернулась вокруг кандидатуры мужа Тамар, хорошо видно, что будущий супруг Тамар не мыслился неким бесправным лицом, от которого требуется только дать стране наследника. Именно это обстоятельство обусловило ту напряженную обстановку, которая создалась в связи с замужеством Тамар.

Историк Тамар отмечает, что к кандидатуре в мужья Тамар предъявлялись такие требования, что невозможно было найти того, кто удовлетворял бы им полностью. «Чтобы милость и благосклонность патронессы, благой и сладкой, к рыцарям и воинам была полной, собрались озабоченные вопросом и сговорились подыскать подходящего для нее жениха и привести в качестве мужа ей. Он должен был напоминать времена богатырей-голиафов, или кровопролития из-за женщины среди эллинов-язычников, или удаление в пустыню влюбленных, потерявших разум из-за женщин (приводится много примеров из «Шахнаме», греческой мифологии, грузинского эпоса – *Т.Г.*)... Надлежало, чтобы явились герои из героев или мужи – добрые и прекрасные вояки, проливавшие кровь подобно язычникам из-за влюбленных, или подобные льву и солнцу влюбленные... Но трудно было думать об этом, ибо среди рожденных не было равных ей, думаю, что и не родится никогда» (Картлис цховреба, 1959. С. 35–36; История и восхваление,1954. С. 39–40).

В словах историка относительно требований к кандидатуре в женихи Тамар основное внимание уделено его физическим качествам и романтическому настрою. В действительности, помимо личных качеств, решающее значение придавалось происхождению жениха, который должен быть «по отцу и по матери царского происхождения», т. е. по роду быть достойным Багратионов, гордившихся своим высоким происхождением и мало кого из царствующих династий признававших равными себе.

Замужество Тамар было вопросом государственной важности, и решение этого вопроса вылилось в острую политическую борьбу

между отдельными группировками господствующего феодального класса. Каждая из них стремилась обеспечить себе главенствующее положение при царском дворе (Бердзенишвили, 1965. С. 34). В такой ситуации вопрос о выборе мужа царице стоял особенно остро. Каждая группировка была озабочена тем, чтобы претендент на руку Тамар был кандидатурой той или иной группировки при дворе и явился проводником интересов той части знати, которая выдвинула его кандидатуру (Еремян, 1946. С. 386; Папаскири, 1982. С. 124).

В таких условиях Тамар оказалась замужем сперва за Юрием, сыном Андрея Боголюбского, а после развода с ним — за Сосланом-Давидом. Эти вопросы подробно рассмотрены в другой главе, и здесь мы не будем на них останавливаться. Укажем только на правильное предположение З.В. Папаскири относительно того, что воцарение Сослана-Давида проходило отнюдь не мирно (Папаскири, 1982. С. 61).

С замужеством Тамар, царя и царицы Грузии, связан вопрос о правополитическом статусе царя-супруга, о соотношении прав и полномочий между Тамар и Сосланом-Давидом, вообще о месте и роли царя-супруга в политической системе государства. Тамар еще до замужества была возведена на царский престол и облачена всей полнотой власти. Она называлась царем царей и царицей цариц. С ее выходом замуж должны были быть внесены определенные изменения в ее статус если не по форме, то, во всяком случае, по содержанию. Дело в том, что супруг Тамар автоматически становился носителем тех же регалий, которые носила сама Тамар. Так, Сослан-Давид носил звание царя, царя царей и в этом отношении ничем не отличался от своей царственной супруги.

К сожалению, исторические источники не сохранили прямых данных по таким важным вопросам, как соотношение прав и обязанностей супругов. То, что историки Тамар всегда приписывают ей главенствующую роль в решении государственных вопросов, еще не значит, что муж-царь был лишен реальных прав и, как считают некоторые ученые, довольствовался скромным положением мужа царствующей супруги. Такой упрощенный подход к этому сложному вопросу отбрасывается всем ходом исторического процесса и развития событий в первый период царствования Тамар, накалом политической атмосферы в связи с первым и вторым замужеством царицы.

В истории известны факты, когда продолжателем царского рода оставалась женщина. Когда она выходила замуж, права и полномочия супругов регулировались на договорных началах. В отношении Тамар и Юрия, равно как Тамар и Сослана-Давида, не сохранилось ничего подобного. Трудно, конечно, теперь судить — объясняется ли это тем, что такие правовые документы не сохранились, или тем, что в исторической действительности Грузии такая ситуация воз-

никла впервые и не получила соответствующего правоюридического оформления. Мы склоняемся к последнему предположению.

Вступление Сослана-Давида в брак с Тамар произошло в сложных внутриполитических условиях. Ему пришлось вступить в ожесточенную борьбу за укрепление своего положения, которое стало особенно шатко в период восстания грузинской знати против Тамар и Сослана-Давида в 1189 году[1]. Влиятельная группировка грузинской знати — вся феодальная верхушка Западной и Южной Грузии восстала и пригласила изгнанного в Константинополь Юрия и возвела его на царский престол в Кутаиси.

Академик АН ГССР Г.А. Меликишвили подробно рассмотрел историю борьбы грузинского феодального класса за расширение своих прав в период царствования Тамар в связи с ее первым и вторым замужеством. Ученый справедливо указывает, что оба раза выбор жениха для Тамар был сделан знатью. Когда Юрий был изгнан и Тамар вторично вышла замуж за Сослана-Давида, половина Грузии попыталась возвести Юрия на царский престол (без Тамар, которая была замужем и возможность восстановления прежнего положения была уже исключена). Борьба за вторичное возведение Юрия на престол фактически приняла характер столкновения феодалов западной и восточной Грузии. Борьба эта носила характер выступления тех феодальных кругов, которые были недовольны распределением привилегий в государстве. Г. Меликишвили в этой борьбе и ее последствиях справедливо усматривает победу крепостнического строя и распадение Грузии на отдельные феодальные владения, означавшие в конечном итоге завершение в XII в. процесса перехода к развитому феодализму (Меликишвили. 1973. С. 97—105).

Не имея возможности подробно передать суждения ученых о социально-политических аспектах разыгравшихся в Грузии в конце XII века событий, мы остановились на том, что может помочь нам в уяснении правового положения мужа и соправителя Тамар. Поэтому вернемся к мятежникам.

Войска мятежников были разделены на две части и двинулись на сторонников Тамар и Сослана-Давида. Одна часть перешла Лихские горы, вступила в Картли и опустошила ее до Гори. Вторая часть двинулась из Южной Грузии в восточном направлении. Сослан-Давид с верными ему и Тамар войсками пошел навстречу идущей по Картли группировке войск мятежников. К этому времени сторонники Тамар и Сослана-Давида между Тмогви и Ерушети разгромили южную группировку мятежников. По словам историка Тамар, автора «Истории и восхваления венценосцев»: «Еще до того,

---

[1] Это выступление датировалось традиционно 1191 годом. В последнее время в связи с уточнением хронологии истории Грузии рубежа XII—XIII вв. его датируют 1189 годом. Мы разделяем эту датировку.

как узнали об этой победе до прибытия вестника Саргиса, сына Варама, находившиеся там устроили совет. Чиабер протомандатор, еры и кахи, вельможи и азнауры, вместе с кипчаками, и соединения картлийских эриставов и вельмож под предводительством счастливейшего царя Давида, напали на бывших в Картли неприятелей, к которым присоединились некоторые из картлийцев и множество Кавказских горцев» (Картлис цховреба, 1959. С. 53; История и восхваление, 1954. С. 50). Мятежники дрогнули, сложили оружие и сдались на милость победителей. Вельможи Западной Грузии раскаялись и добились прощения.

Приведенный эпизод в совершенно другом, неверном понимании передается в сочинении Вахушти Багратиони. По его словам, когда вернулись к Тамар войска, победившие южную группировку мятежников, «узнавши об этом Чиабер, вельможи еров и кахов и бывшие в Картли кипчаки и осетины, которые намеревались напасть на Тамар, больше не осмелились, а попросили разрешение идти походом на противников, и Тамар разрешила им это» (Картлис цховреба, 1973. С. 178). Историк Тамар недвусмысленно свидетельствует, что Чиабер, картлийцы (за исключением «некоторых из картлийцев»), еры, кахи, кипчаки с самого начала мятежа встали под знамена Тамар и Сослана-Давида. Осетин он не упоминает. По Вахушти же, все они, совместно с осетинами, намеревались напасть на Тамар и лишь в последний момент, когда их единомышленники потерпели поражение в Южной Грузии, они отказались от своих намерений и повернули оружие против своих недавних единомышленников.

На что опирался Вахушти при этом, неизвестно. Мы полагаем, что он неверно понял соответствующее место «Истории и восхваления венценосцев». Если принять конъюнктуру Вахушти Багратиони, останется необъяснимой победа Тамар и Сослана-Давида над многочисленными противниками (Тогошвили, 1977. С. 82—33).

По историческим данным, против Тамар и Сослана-Давида, а в их лице против центральной власти, выступили западная и южная части Грузии. По Вахушти, к мятежникам примкнули также Восточная Грузия, кипчаки, осетины и кавказские горцы. Если бы события развернулись по схеме Вахушти, Тамар и Сослан-Давид должны были бы думать не о подавлении мятежников, а искать пути спасения от неминуемой гибели. Если все были против Тамар и Сослана-Давида, то остается необъяснимым, с чьей помощью они одержали победу? По какой причине осетины отвернулись от Тамар и Сослана-Давида и примкнули к их противникам? Тамар же была племянницей осетинского царского рода (хæрæфырт), а Сослан-Давид является осетинским царевичем. Осетинский военный отряд (так же, как и кипчакский) состоял непосредственно под командованием Сослана-Давида и, стало быть, являлся одной из опор центральной власти.

Сослан-Давид, естественно, самоотверженно боролся за сохранение и упрочение своего высокого положения мужа и соправителя Тамар, которому создали серьезную угрозу Юрий Андреевич Боголюбский и его приверженцы — часть грузинской феодальной верхушки. Однако борьба эта носила не узколичный характер. Она развернулась на почве острой социально-политической борьбы, на почве непримиримости интересов различных группировок господствующего феодального класса Грузии. Удаление Юрия из Грузии было воспринято как серьезное поражение той группы феодалов, которая по определенным политическим соображениям способствовала его вступлению на царский трон в качестве мужа Тамар. Изгнание Юрия и последовавшее за этим воцарение Сослана-Давида они не могли не рассматривать как начало наступления на противников Юрия. В этих условиях они предпочли восстановить прежнее положение вооруженным путем (Цинцадзе, 1956. С. 130)[2].

Юрий и Сослан-Давид, будучи царями-соправителями Тамар, опирались на различные группировки грузинской феодальной верхушки. Юрий по определенным причинам (вследствие политических целей пригласивших его в Грузию феодалов) с самого начала своего приезда в Грузию оказался в лагере противников Тамар, что и предопределило в конечном итоге его поражение. Что касается Сослана-Давида, то он был кандидатом сторонников Тамар. Сама Тамар, хорошо знавшая Сослана-Давида, благожелательно относилась к нему. Между ними установились исключительно дружественные и основанные на взаимопонимании глубоко доверительные отношения. К этому нужно добавить, что у Юрия не было наследников, а у Сослана-Давида и Тамар родились сын и дочь. Становится понятным, что положение Сослана-Давида в грузинском царском дворце было достаточно прочным, что не могло не отразиться на результатах борьбы за власть. Борьба феодальных группировок за свою кандидатуру в качестве мужа Тамар преследовала целью расширение прав феодального класса за счет ограничения центральной власти. По мнению Н.А. Бердзенишвили, подавление восстания знати против Тамар и Давида означало временный компромисс между сторонниками неограниченной царской власти и неограниченной свободы родовитых феодалов. Решительной победы не добилась ни одна сторона. Это было временным явлением, так как невозможно было примирить общественные силы, выражающие эти две тенденции (Бердзенишвили, 1973. С. 79). В достижении компромисса, безусловно, значительную роль сыграли решительные действия Сослана-Давида.

---

[2] Причиной выступления феодалов Западной Грузии считают то, что они чувствовали себя обойденными по сравнению с феодалами Восточной Грузии.

Какую роль играл в борьбе за царскую власть в Грузии осетинский военный отряд, упоминаемый историком Тамар в связи с визитом в Тбилиси шарваншаха Ахситана (Ахсартана) и его зятя Амир-Мирмана? Прямых данных об этом нет. Известно, что осетины пользовались в Грузии высоким авторитетом за ратные подвиги (историк Тамар характеризует их словами: «мужи могущественные и сильные в боях»). На военном параде, устроенном в честь шарваншаха перед Шамхорской битвой (1195 г.) осетинскому отряду была предоставлена честь открыть парад: «Сперва, когда они выступили из города Тбилиси, направили им навстречу овсов (осетин — *Т.Г.*) и новых кипчаков, после них — еров и кахов, затем — картлийцев, месхов и торельцев, шавшов, кларджов, таойцев, за ними — сомхитаров, напоследок абхазов, сванов, мегрелов, гурийцев, вместе с рачинцами, такверцами и маргуетцами» (Картлис цховреба, 1959. С. 65; История и восхваление, 1954. С. 58).

Можно предположить, что осетинский отряд являлся личной дружиной Сослана-Давида, постоянно сопровождавшей его и выполнявшей в мирное время функции стражников-охранителей, а в военное время выполняя боевое задание.

Сослан-Давид неоднократно называется историками и официальными документами царем и царем царей. Означало ли это его равноправие с Тамар в управлении государством?

Как уже отмечалось нами, в истории Грузии женщина впервые взошла на царский престол. Следовательно, замужество Тамар также впервые ставило вопрос о статусе мужа-соправителя, не имеющий прецедента и поэтому не получивший четкого юридического оформления. Поэтому придется привести все косвенные данные источников по интересующему нас вопросу и затем попытаться определить права и роль Сослана-Давида в государственной жизни Грузии.

Владетель Шарвана — вассального Грузии государства — Ахсартан и его зять Амир-Мирман, теснимые Абу-Бакром, обратились за помощью к сюзерену. Они «осмотрелись кругом, но не нашли никакого помощника и спасителя, кроме одного бога и им обожествленных Тамар и Давида. Они отправили к ним послов с неисчислимыми дарами, драгоценными камнями, бесценными жемчугами и просили: «Так как могущество ваше и мудрая предусмотрительность, равно как счастье Тамар, напоминающее счастье Александра Македонского, храбрость и мужество Давида Давидида[3] и бесподобные ваши войска в состоянии овладеть всей Персией, посадить дочь свою, свет и плод мудрости вашей и сияние лучей, исходящих от вас, патронессой всей Персии (Картлис цховреба, 1959. С. 63—64; История и восхваление, 1954. С. 57).

---

[3] В русском переводе отсутствует слово «Давидид».

После этого прибыли в Грузию сам Ахсартан и Амир-Мирман. В их честь устроили пышные празднества. «Пресчастливые и от бога воссиявшие государи остановились на Агарской равнине. Исполнители их воли с великим почетом и благоговением пригласили сюда и царицу Русудан.

Кто из людей, чей разум и язык в состоянии высказать хвалу величию и славе, хвалу шатрам и украшенных коврами палаткам, башням и охотничьим паркам, снаряжениям и украшениям наподобие... храма божьего, в котором пребывала богом обожествленная, среди богов по божьему распоряжавшаяся Тамар... Или кто удостаивался похвалы Давида Ефремида, подобного Багатару и Тархану, славному, как Ростом и Гиви исполинам и героям? Собрались с величием, поражающим разум, начался прием. Сели на златотканном троне Тамар, Давид и Георгий, прославившие и высоко поднявшие величие и венценосность своего рода, виновники многих великих деяний» (Картлис цховреба, 1959. С. 64–65; История и восхваление., 1954. С. 57–58).

Сослан-Давид повелевает самыми крупными сановниками государства — амирспасаларом (военным министром), мсахуртухуцесом (министром внутренних дел) и другими. Во время вышеупомянутого визита Ахсартана и Амир-Мирмана в их честь устраивались охота, игра в мяч. «Об Амир-Мирмане, вельможах и улемах его слышна была такая похвала: «Не сыскать в Ираке, Азербайджане и Иране таких игроков в мяч». Царь приказал своему военному министру Захарии и министру двора Ивану, эриставу Ерети Григолу и другим рыцарям спуститься на арену. Туда же спустился Амир-Мирман с вельможами и рабами своими, спустилась и сама Тамар, чтобы лицом сияющим... созерцать игру. Последователи ислама, уверенные в своем искусстве и успехе, сразу же были побеждены царем Давидом и его витязями, так что смущенные и опечаленные они вернулись назад» (Картлис цховреба, 1959. С. 66–67) [4].

Историки Тамар в деятельности Сослана-Давида выделяют преимущественно его военно-полководческие аспекты. О других сторонах деятельности царя-мужа мы не имеем прямых сведений и вынуждены строить свои предположения и догадки на косвенных данных источников.

Историк Тамар Басили ставит в заслугу царице то обстоятель-

---

[4] В русском переводе К. Кекелидзе это место передано не совсем точно. По тексту похвалы возносились Амир-Мирману и сопровождающим его лицам, по переводу же они сами хвастались. Из текста вытекает, что царь Давид приказал перечисленным лицам вместе с ним спуститься на арену, в переводе же такой приказ отдает Тамар, которая затем спускается также созерцать игру. Конечно, Тамар могла отдать такой приказ, но в данном случае не в этом дело (История и восхваление, 1959. С.59).

ство, что в период ее царствования никто не получил телесного наказания, кроме Гузана, который изменнически отступился и разбойничал где-то в Кола, скрываясь в горах. Его схватили косари и привели к царю Давиду, который знал, как безгранично милостива Тамар, и поэтому прежде чем уведомить ее, «выжег ему глаза за кровь христианскую, Гузаном в таком большом количестве пролитую» (Картлис цховреба, 1959. С. 44).

Из этого сообщения Басили, приведенного им для иллюстрации человеколюбия и гуманности царицы, следует (и это вполне закономерно), что для наказания изменника-феодала требуется согласие Тамар, и Сослан-Давид обязан согласовать с ней свое решение. Мы не знаем, была ли обязана Тамар согласовывать свои решения с Сосланом-Давидом в таких случаях, однако совместное царствование, полное взаимопонимание между ними, которое проявляется во всех фактах их жизни и деятельности, предполагает наличие такой правовой нормы если не юридически, то на практике. Горький опыт тяжелой борьбы со своими противниками учил их жить и править государством согласованно.

Из сообщений историков Тамар видно, что противники центральной власти предпочитали иметь дело с Тамар, ее теткой Русудан, а не с Сосланом-Давидом. Когда, например, восставшие в 1189 году феодалы, провозгласившие царем Юрия, решили сложить оружие, они потребовали прибытия к ним Русудан. По данным другого историка Тамар, грузинские войска под командованием Саргиса Тмогвели и Шалвы Торели продолжительное время бились за город Кари (Каре), но никак не могли взять его. Тамар послала туда Сослана-Давида с войсками, сама же стояла в Джавахети, дожидаясь вестей от мужа. Сослан-Давид энергично повел осаду, была сделана брешь в бассейне для воды. «Вода иссякла, и с ней вместе настал конец для большинства горожан. А оставшиеся просили Давида, чтобы прибыла сама Тамар, дабы им довериться ей. Потому что боялись расправы за свои ругательные слова, которые недавно выкрикивали из крепости».

Когда сообщили об этом Тамар, она прибыла, и сидевшие в крепости принесли ключи от городских ворот сыну ее Георгию, а затем Тамар (Картлис цховреба, 1959. С. 143; Жизнь царицы, 1985. С. 46).

Из приведенных данных можно заключить, что Сослан-Давид круто расправлялся с противниками, строго взыскивал с изменников и нарушителей внутреннего мира. Возможно, иногда его строгие меры наталкивались на возражения со стороны Тамар, иногда он даже шел против ее воли. Так, карийцы требовали, чтобы Тамар лично явилась к ним. Видимо, они сомневались, что ее распоряжения относительно их помилования будут выполнены Сосланом-Да-

видом. Доходили ли такие случаи до обострения отношений между ними, у нас нет данных. Можно предположить, что поскольку крутые меры Сослана-Давида были направлены против врагов центральной власти, преследовали цель ее укрепления, они не нарушали согласия и взаимопонимания между ними.

Определенное значение для характеристики политического статуса Сослана-Давида имеет трактат под названием «К грузинам» видного армянского книжника и ученого, современника Тамар и Сослана-Давида — Мхитара Гоша.

В трактате Мхитар Гош обращается к крупным вельможам Захарию и Ивану Мхаргрдзели, правившим армянскими землями, входившими в грузинское государство, с просьбой добиться прекращения притеснения армянской церкви. Дело в том, что в XII в. по мере присоединения армянских земель к Грузии началось культурно-религиозное наступление грузинской церкви на армянское вероисповедание. Это наступление иногда приобретало грубые формы — разрушение армянских церквей, переделывание их в грузинские, постройка грузинских церквей и принудительное обращение армян в грузинский обряд.

Мхитар Гош просит указанных вельмож, пользующихся большим влиянием при дворе грузинских царей, ознакомить с его обращением царей Тамар и Давида, «ревнителей мира и любви». Заканчивает он трактат обращением к братьям Мхаргрдзели и высказывает мнение, что если Тамар и Давид не смогут созвать Вселенский собор для разрешения религиозного спора между грузинами и армянами (во что он не верит), то смогут хотя бы прекратить вражду между грузинами и армянами на этой почве. Он убеждает их ходатайствовать перед царями, чтобы они отдали царское распоряжение не притеснять вероисповедание армян (Абуладзе, 1938. С. 98—102; Лордкипанидзе, 1968. С. 136—139).

Определенный интерес представляют для нашего суждения о статусе Сослана-Давида и немногие документы, которые дошли до нас из той далекой эпохи. На них имеются подписи Тамар, Сослана-Давида и приписки, в которых они упоминаются.

К грамоте Тамар Гелатскому монастырю от 1189 года присовокуплен пергаментный лист, написанный другой рукой, где Сослан-Давид отмечает: «Когда я стал обладателем скиптра и венца царских, пожелал пожертвовать...» Издатель документа Т. Жордания считал, что Давид в знак благодарности за это посвятил монастырю что-то (Жордания, 1987. С. 72) [5].

---

[5] В другом, новом издании того же документа эти слова приписываются Тамар. Корпус грузинских исторических документов, т. I. Грузинские исторические документы IX —XIII вв./Составили и подготовили к печати Енукидзе Т.П., Силогава В.И., Шошиашвили Н.Ф. Тбилиси, 1984. С. 76—81 (на груз. яз.).

На грамоте Тамар, пожалованной Шио-Мгвимскому монастырю (1195/96 гг.), имеется подпись Сослана-Давида: «И я, царь Давид, утверждаю». В приписке к грамоте, выполненной гражданским (мхедрули) письмом и принадлежащей приближенному к царям крупному сановнику Антонию Чкондидели, визирю и главе царской канцелярии, говорится: «... возвеличи и укрепи, боже, царей наших Давида, Тамар и сына их Георгия-Лашу» (K. saxelita hutisajta, adiden da daamqaren h-tn mep'eni cvni D-t da Tamar da dze mats G-i Las'a») (Бакрадзе, 1881. С. 212; Жордания, 1987. С. 81; Какабадзе, 1912. С. 8–9; Корпус грузинских исторических документов, т. I. С. 101–102).

В приписке к Анчской библии, датируемой 1204–1207 гг., читаем: «Возвеличи и укрепи, боже, могучих и непобедимых царя царей Давида и богом венценосную царя царей и царицу Тамар и направляй царствование их сына» («zeadiden da daamqaren h-n dzlierni da udzlevelni Davit mep'eta mep'e da hvtivqvirevinosani Tamar mep'eta mep'e da dedop'ali da c'armarten dzisa matisa mep'oba») (Жордания, 1892. С. 293).

Переписка Анчской библии была осуществлена книжником Сопромом по поручению Феодора, Анчского архиепископа и, следовательно, приписка к библии исходит из его рук.

Из этих приписок можно сделать заключение, что они отражают официальный порядок упоминания членов царской семьи: Сослан-Давид, Тамар и Георгий-Лаша. В фресковых трехфигурных композициях Бетании Кинцвиси и Озаани Тамар также изображается в середине, что, конечно, не случайно. Такой порядок упоминания членов царской семьи свидетельствует, что патриархальные традиции твердо сохранялись в семейном быту и высших феодальных кругов. Согласно этой традиции, семья возглавлялась мужчиной. Этим обусловлено упоминание Сослана-Давида первым при перечислении членов царской семьи.

Данные письменных исторических источников и документов вполне достаточны для того, чтобы не согласиться с имеющейся в научной литературе оценкой места и роли Сослана-Давида в системе государственного управления феодальной Грузии конца XII–начала XIII в.

И.А. Джавахишвили считал, что «Давид-Сослан был лишь мужем царицы и только потому был царем» (История, 1965. С. 292). Д. Капанадзе на основе данных грузинских медных монет времен Тамар и Сослана-Давида (на лицевой стороне – аверсе этих монет имеются монограммы Тамар (T-r) и Давид (D-t), на тыльной стороне – реверсе – на них арабская надпись с упоминанием только имени Тамар) заключает, что Давид довольствуется положением суп-

руга знаменитой царицы[6]. Такая оценка разделяется многими историками. Приблизительно такую же оценку давал Сослану-Давиду Я.З. Цинцадзе, специально освещавший вопрос о правовом положении «царя-мужа». По его мнению, «царь-муж» возглавлял войска и из царских функций выполнял военную, «если не фактически, то хотя бы формально. В этом деле он заменял Тамар, так как пребывание в войсках для женщины было сопряжено со многими трудностями. Кроме этого, что еще входило в компетенцию «царя-мужа», подлежит выяснению» (Цинцадзе, 1956. С. 140).

Еще в 1958 г. мы имели возможность выступить за пересмотр недооценки значения «царя-мужа» вообще и Сослана-Давида в частности (Тогошвили, 1958. С. 159—166). По нашему мнению, «царь-муж» играл важную роль в политической жизни государства. Это вытекает как из прямых, так и косвенных исторических данных. Если бы мы ничего не знали о месте и роли «царя-мужа» в управлении государством, достаточно было бы представить разыгравшиеся вокруг кандидатур мужа-соправителя Тамар события, чтобы убедиться в том, что он располагал широкими правами и полномочиями и мог играть важную роль в государственной жизни. Все, что мы знаем о деяниях Сослана-Давида, прекрасное тому свидетельство.

Историков Тамар Я.З. Цинцадзе рассматривает пристрастными описателями ее царствования. Они обожествляют царицу, высказывают крайнюю ненависть к ее противникам (Цинцадзе , 1956. С. 114—115). И хотя Сослан-Давид и Тамар находились в добром согласии, между ними установились полное взаимопонимание и любовь, отмеченная тенденциозность историков Тамар в определенной мере проявляется и в отношении Сослана-Давида. Поэтому, несмотря на лестные отзывы о личности Сослана-Давида, в их сочинениях ему уделяется значительно меньше места, чем Тамар, хотя его заслуги в укреплении центральной власти и внешнеполитического положения страны не умалчиваются ими. Не случайно историк, касаясь положения дел после вступления Тамар в брак с Сосланом-Давидом, восторженно восклицает: «С каждым днем все успешнее шли дела Тамар, в зависимости от того, что управление государством делалось еще мудрее и еще правильнее» (Картлис цхов-

[6] О медной монете с именами Георгия и Тамары. Краткие сообщения института истории материальной культуры. В. XXIV, 1949, с.62—63. В книге «Грузинская нумизматика» (М., 1955) Д. Капанадзе писал: «Невзирая на дружеские отношения, сложившиеся между супругами, имя Давида-Сослана на лицевой стороне поставлено на втором месте, а на оборотной — арабской надписи монеты — не упомянуто вовсе. Отсюда следует, что Давид не мог претендовать на равное с царицей положение и величать себя царем царей...» (с, 65). Мы видели, что Сослана-Давида называли и «царем» и «царем царей» и следует полагать, что это было наполнено реальным содержанием.

реба, 1959. С. 123; Жизнь царицы, 1985. С. 33). По мысли историка, это было результатом перестановок в высшем звене государственного управления, осуществленных после победы над противниками, когда Тамар «молилась богу и обдумывала, кому поручить Давида и войско свое и все, подчиненное власти ее дома» (Там же. С. 122 и 32).

Одним словом, «царь-муж» являлся не фиктивным, а реальным царем-соправителем. Приведенные данные не оставляют на этот счет никаких сомнений. Вспомним Шамхорскую битву, где грузинские войска под руководством Сослана-Давида одержали блестящую победу и победоносно вступили в Гандзу. По этому случаю историк Тамар, описывая, как Сослан-Давид вошел во дворец и сел на трон султана, патетически вопрошает: «Чей язык в состоянии описать тогдашние торжества и ликование, или какой разум может понять объединение в лице одного человека (Сослана-Давида. — *Т.Г.*) чести царя и султана, подчинение себе в качестве вассала сына Атабага и Шарванши, пленение всего мусульманства» (Картлис цховреба, 1959. С. 73; История и восхваление, 1954. С. 62—63).

Историк, конечно, имел в виду вполне реальную царскую власть Сослана-Давида, а не фиктивную, как это представляется некоторым более поздним исследователям[7].

Следует отметить, что о значительности прав и обязанностей «царя-мужа» вполне определенно высказался видный грузинский историк Ш.А. Месхиа. Он поддержал нашу позицию относительно политических прав царя-соправителя (Месхиа, 1970. С. 167).

В последнее время в нашей исторической науке наметилось усиление интереса к вопросу статуса «царя-мужа», к выяснению его роли и места в политико-административной системе грузинского феодального государства. И, правда, с некоторыми оговорками, к этому вопросу подходят с более правильных позиций (Лапаскири, 1977. С. 142; его же, 1982. С. 139—140; Антелава, 1980. С. 218). Это обстоятельство вселяет надежду, что в конечном итоге вопрос будет правильно решен и избавит науку от дальнейших неверных суждений.

Примером такого неверного суждения служит работа С.Т. Еремяна «Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках».

---

[7] Неоспорим факт, что «царь-муж» являлся «предводителем войск», то есть главнокомандующим. Всегда же было так, что кто распоряжался военными силами, тот и являлся носителем политической власти. И если в этой области многое приписывается Тамар, то это, как справедливо отмечал Я.З. Цинцадзе, объясняется чрезмерным благорасположением придворных историков к ней. (Цинцадзе, 1956. С. 114—115). Это не мешает ученому считать, что Сослан-Давид, выполняя военные функции, в остальных делах был отодвинут в тень верховной властительницы — Тамар (Там же. С. 169).

Автор проводит мысль, что Юрия привела в Грузию и возвела на престол армянская аристократия. Однако Захарий и Иване Мхаргрдзели, увидя воинские доблести Юрия, опасались потерять свое влияние при грузинском царском дворе, с помощью царицы Русудан изгнали его и привели Сослана-Давида (Научные труды, 1946. С. 412–413). «Захария Долгорукий своей умелой и гибкой политикой сумел стать фактическим правителем страны, оставив в тени Давида-Сослана; Тамара оказалась целиком во власти всемогущих братьев Захария и Иване Долгоруких» (Там же. С. 415). Эти явно ошибочные суждения справедливо раскритиковал Я.З. Цинцадзе (Цинцадзе, 1956. С. 141–170), хотя в оценке роли «царя-мужа» сам тоже не был последовательным и правым.

С.Т. Еремян усматривал связь между событиями, имевшими место в Боголюбове и в Грузии: «Заканчивая рассмотрение фактов, – пишет он, – относящихся к личности Юрия Боголюбского, приходим к выводу, что и в далекой Грузии против него выступили те силы, которые не давали ему покоя на Родине... В далекой Руси – «... Боголюбове пал от руки осетина Амбала Андрей Боголюбский, а здесь, при дворе Тамар такой же удел готовили те же осетины, сторонники Всеволода Большое Гнездо, сыну его брата Юрию, уличившие его в пороках и приведшие в конце концов к изгнанию его из Грузии и к его гибели (Еремян, 1946. С. 420). Неправомерность такого суждения уже отмечалась в исторической науке (Цинцадзе, 1956. С. 170; Папаскири, 1982. С. 145, сн. 144), оно искусственно, не подкреплено реальными фактами и приводит к игнорированию тех явлений классовой и внутриклассовой борьбы, которые имели место во Владимиро-Суздальском княжестве в 70-х годах XII в; и в Грузии 80-х годов того же века[8].

Неверные суждения С.Т. Еремяна о положении при царском дворе Грузии о якобы бесправном муже Тамар – Сослане-Давиде – абсолютизировал и довел до крайности в своем историческом романе «Амирспасалар» Г. Вермишев (М, 1968). В романе идеализируется деятельность братьев Мхаргрдзели (Долгоруких), особенно амирспасалара Захария (военного министра). И Тамар, и Сослан-Давид, прославленный полководец и доблестный воин, выглядят безвольными, слабыми, беспомощными людьми, с опаской взиравшими на Захария, всесильного сановника грузинского государства. Концепция Вермишева, искажающая историческую действительность Грузии конца XII–начала XIII вв., была подвергнута строгой и справедливой критике (Месхиа, Лордкипанидзе, 1969; Джапаридзе, 1969).

---

[8] Заговор против Андрея Боголюбского вовсе не был делом отдельных авантюристов типа Амбала. В нем участвовали 20 человек, его инициатором и руководителем был боярин Иоаким Кучка. Амбал в заговоре был второстепенным лицом. (Карамзин, 1892. С. 16–18.)

Предложенное нами сравнительно пространное суждение о статусе «царя-мужа» вызвано тем, что этот вопрос непосредственно связан с выяснением действительного положения Сослана-Давида как мужа и царя-соправителя царицы Тамар. Преуменьшение прав и обязанностей царя-мужа ведет к искажению политической ситуации при грузинском царском дворе рубежа XII–XIII вв. и выпячиванию роли и влияния в государственном управлении отдельных представителей крупных феодальных родов, в данном случае Мхаргрдзели-Долгоруких, высокое положение которых при царском дворе явилось как раз результатом их верной и преданной службы центральной власти, а не наоборот.

Прямые и косвенные данные исторических источников, события, развернувшиеся в период первого и второго замужества Тамар, вся последующая деятельность Сослана-Давида в качестве царя-мужа Тамар свидетельствуют, что царь был наделен широкими правами и полномочиями. Юридически он был вторым лицом в государстве после Тамар. Сослан-Давид был царем Грузии постольку, поскольку являлся мужем Тамар – верховной властительницы – царя царей и царицы цариц, по линии которой должно было считаться наследство (Лордкипанидзе, 1974. С. 148). Но это вовсе не означало, что царем он был лишь по имени, формально. Через брак с Тамар он возвысился до титула «царя царей». Сослану-Давиду, как верховному главнокомандующему, подчинялись военный министр, весь командный состав и войска. Он совместно с Тамар решал государственные вопросы. Трудно, конечно, за неимением соответсвующих данных, выяснить все детали субординации между царями-супругами[9], но нам представляется, что права и полномочия Тамар и Сослана-Давида не были четко разграничены, и они согласованно вершили судьбы грузинского государства в интересах господствующего феодального класса.

Одержанные в период царствования Тамар и Сослана-Давида крупные победы над внешними врагами, установление внутреннего мира, большие успехи в экономической и культурной жизни страны ассоциировались с именем Тамар и Сослана-Давида. Это снискало им неслыханную в условиях классового общества популярность и всенародную любовь. Свидетельством этому служат грузинская историография, литература, устное народное творчество, благодарная народная память.

---

[9] При упоминании царей-супругов в юридических документах имя Сослана-Давида упоминается раньше имени Тамар. Это отражение официальной субординации, когда сперва упоминается царь, затем царица, далее их наследник. В исторических источниках официальная субординация не всегда соблюдается.

ГЛАВА IV

ВОЕННО-ПОЛКОВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАНА-ДАВИДА

Выше писалось, что исследователи, заинтересованные в выяснении правового статуса Сослана-Давида как царя-соправителя и супруга Тамар, принижая объем его царских прав, все же признавали за ним в полной мере верховные военные функции, исходя из того обстоятельства, что Тамар, как женщина, не могла руководить войсками государства (Цинцадзе, 1956. С. 140).

Наше отношение к этому вопросу уже высказано выше. Здесь постараемся показать основные моменты полководческой деятельности Сослана-Давида в качестве царя Грузии, насколько это позволяют исторические источники.

Сослан-Давид, став царем и соправителем Тамар, автоматически стал верховным главнокомандующим войсками грузинского феодального государства. По традиции эпохи он лично вел войска на врага, когда решались крупные вопросы внешней политики страны (Шамхорская битва) или же судьбы государства (Басианская битва).

Как организовывались походы грузинских войск, об этом нам сообщают историки царицы Тамар. Автор «Истории и восхваления венценосцев» пишет: «Давид предпринимал походы по повелению и указанию Тамар, которой сопутствовало счастье Александра (Македонского), который с помощью свыше одерживал победы» (Картлис цховреба, 1959. С. 55; История и восхваление, 1954. С. 51). По словам историка Басили, «порубежники находили дело, или крепость, подлежавшую взятию, или подступившего туркмена, или город, подлежащий разрушению, или страну, подлежащую опустошению, докладывали, и она рассматривала дело и исследовала. Если стоило того, чтобы собирали войско, повелевала Захарию и Иване, и те собирали войско, сам царь Давид отправлялся во главе их, ниоткуда не возвращавшийся, не победив» (Картлис цховреба, 1959. С. 130; Жизнь царицы, 1985. С. 38). По этому сообщению Сослан-Давид представляется стоящим в стороне от всей процедуры рассмотрения и решения вопросов военных походов и появляется на сцене в качестве главнокомандующего только после того, когда Тамар уже приняла решение о походе, а Захарий и Иване собрали войска. Конечно, не следует так упрощенно представлять дело. Воп-

росы военных походов решались на Совете, где заседал и Давид. Тамар не могла единолично, самостоятельно решать сложные вопросы войны и мира, определять ход и перспективы военных операций. Все это приписывается царице историками, которые превозносят ее, придерживаются теории о божественном происхождении ее власти. По теории Басили, Тамар является наместником божьим, осуществляет божественные предначертания, поэтому она неограничена и непогрешима в своих деяниях (Бердзенишвили, 1974. С. 211–214).

По словам историка Тамар, Сослан-Давид происходил от осетин, «мужей могущественных и сильных в боях». В другом месте он сравнивает его с Бакатаром и Тарханом (Картлис цховреба, 1959. С. 46, 65;История и восхваление, 1954. С. 46, 58), хорошо известными в грузинской истории витязями, вступившими в единоборство с царем Вахтангом Горгасалом (V в.).

По показаниям источников, Сослан-Давид играл важную роль в военном деле. Ему как царю-главнокомандующему подчинялся амирспасалар (военный министр) Захарий Мхаргрдзели. Мелкие походы, преследующие цель ограбления соседних стран (это было регулярной функцией всякого государства в феодальную эпоху, и Грузия в этом отношении не могла составлять исключения) или упреждающих ударов по предполагаемому противнику, осуществлялись под руководством амирспасалара или правителей пограничных областей (т. н. монапирени). Крупные же походы, имеющие решающее значение в судьбах государства, возглавлялись Сосланом-Давидом.

Вполне естественно, что Сослан-Давид не мог быть вполне независимым в решении и чисто военных вопросов. Его власть как царя-супруга и соправителя имела свой источник. Этим источником являлась Тамар, и как луна светит отражением солнечного света, так же власть Давида светилась властью Тамар. Поэтому Тамар активно вмешивалась и в военные вопросы.

Однако если учесть, что она как женщина не могла в полной мере быть компетентной в военных делах, тем более не могла осуществлять функции главнокомандующего, станет очевидным, что Сослану-Давиду открывалось широкое поле деятельности на военном поприще, где он мог проявить свои недюжинные способности воина-полководца.

Грузия в период царствования Тамар и Давида вела активную внешнюю политику. Осуществлялись непрерывные походы с целью захвата добычи, завоевания новых земель, сохранения в зависимости или защиты вассальных владений.

Когда у Тамар и Сослана-Давида появился долгожданный сын, по обычаям того времени, в ознаменование события большой госу-

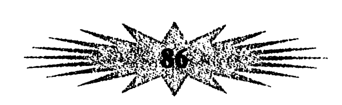
дарственной важности (появления наследника престола) началась серия военных походов. Рождение наследника, как справедливо отмечается в грузинской историографии, для феодальной Грузии явилось лишь поводом, чтобы продемонстрировать соседям свою постоянную военную готовность и принудить их к подчинению (Лордкипанидзе, 1974. С. 155).

По поводу рождения наследника Георгия-Лаши «предпринят был такой поход, какого не предпринимал ни один Багратион. Сперва направились на великий и древний город Барда. Опустошив Аран, в многочисленных боях... завоевали владения... Бардоса, при этом завоевателям попадали в руки бесчисленные сокровища и множество пленных, из коих они освободили 30 000 человек во здравие Тамар и ее сына. После возвращения из этого похода, не передохнув и одного месяца, стали воевать в окрестностях Эрзерума, у ворот Карина. Тут произошли большие бои, во время которых кони поднимались на дыбы, разрывались панцири. Неприятели помогали Сурманели (владетель Сурмани в Армении, близ Двина. — *Т.Г.*), Карели (владетель Карса. — *Т.Г.*), сын салдуха Наср-Эддин (эмир Карина или Эрзерума. — *Т.Г.*) с двумя своими сыновьями и бесчисленным множеством пехотных и конных войск (Картлис цховреба, 1959. С. 58; История и восхваление, 1954. С. 53—54).

Сражение продолжалось с рассвета до наступления ночи. Противник укрепился в городе, а утром выступил из городских ворот, построил конных и пеших воинов, расставил в удобных позициях метателей стрел и камней. «Когда Давид и его войска убедились в твердости решения неприятеля, потребовали оружие и сели на коней, взяв в руки копья. С первого же появления они обрушились на них. Неприятельские войска, загнанные в город, давили друг друга. Пристыженные своими женами, оплеванные и осмеянные... дамами и евнухами, они ругали и поносили свою собственную магометанскую веру. Царь и его войска веселые вернулись в свои края, неся с собой победу» (Там же. Соответственно, с. 59 и 54).

После этого продолжились походы грузинских войск на Карабах, Араке. Затем братья Захарий и Иване Мхаргрдзели, выступив из Лори, предприняли поход на берега Аракса, в пути столкнулись с двинскими, амбердскими и бичменскими войсками, разгромили их и, «завладев множеством добычи..., со славой вернулись к пресчастливому Давиду и богом утвержденной Тамар» (Там же. Соответственно, с. 60 и 55).

Скоро после этого Иване Мхаргрдзели «пригласил Давида начать большое и славное дело: напасть на великие Гелакуни (страна к юго-востоку от Севанского озера. — *Т.Г.*), Спарси-Базари и Горалауки (места в Азербайджане. — *Т.Г.*). Витязь, изо дня в день преуспевавший, споспешествуемый в боях, последовал за ним. В резуль-

тате нападения они захватили много, как песок морской, пленных, стада овец, рогатого скота и верблюдов... Овладев Спарси-Базари, они завели на площади Султана игры и упражнения, что никому не удавалось делать раньше» (Там же).

Вслед за этими мелкими походами наступил период крупных сражений.

В результате непрекращавшихся походов Грузии на юго-восточных и юго-западных соседей, позиции сельджукских владетелей на подступах к Закавказью сильно пошатнулись. Они обратились с просьбой к главе мусульман багдадскому халифу организовать поход на Грузию. Халиф Ан-Насар разослал гонцов со строгим приказом: всем владетелям принять участие в организуемом походе, отказавшимся он грозил наказанием (Картлис цховреба, 1959. С. 125; Жизнь царицы, 1985. С. 34).

Во главе коалиционного войска встал азербайджанский атабег Абу-Бакр, состоявший в сильной вражде с вассалом Грузии Ширван-шахом и его зятем Амир-Мирманом, братом Абу-Бакра. Побежденные Ширван-шах и его зять обратились за помощью к своим сюзеренам – царям Грузии. По словам историка, они «осмотрелись кругом, но не нашли никакого помощника и спасителя, кроме бога и им обожествленных Тамар и Давида» (Картлис цховреба, 1959. С. 63; История и восхваление, 1954. С. 57).

Они обещали помощь. Было собрано войско Грузии, которое под предводительством царя Сослана-Давида двинулось на Шамхор, навстречу врагу. Тамар осмотрела войско, приняла участие в молебствах. По словам Басили, она обратилась к воинам: «Братья мои, пусть не затрепещут от страха сердца ваши, если их такое множество, а вас – мало. Потому что с нами бог... Только одному богу доверьтесь, сердца свои правдой крепите перед ним... Устремляйтесь в их страну с помощью пресвятой богородицы и направляйтесь на врага силою непобедимого креста». Тамар сняла обувь и пешком, босая, прибыла в храм богоматери в Метехи, и «пав ниц перед святой иконой, не переставала молиться со слезами, пока не исполнил бог ее просьбы» (Картлис цховреба, 1959. С. 126; Жизнь царицы, 1985. С. 34). Спустя несколько дней доставили ей туда радостную весть о блестящей победе.

Военно-стратегический анализ Шамхорской кампании принадлежит И. Гевали Гедеванишвили (Гедеванишвили, 1915. С. 78) и генерал-майору И.Д. Шаишмелашвили (Шаишмелашвили, 1981). Особенно подробно, скрупулезно и компетентно данные исторических источников проанализировал И.Д. Шаишмелашвили, который лично изучил местность, где произошло историческое сражение и дал ему соответствующую оценку.

Город-крепость Шамхор, где развернулось крупное сражение

между войсками Грузии и сельджукской коалицией, был расположен на левом берегу р. Шамхорчая, в 3—4 км от нынешней железнодорожной станции Шамхор. Сохранились лишь развалины этого города-крепости.

По развалинам устанавливается существование полукруглого укрепленного объекта радиусом 250—350 м, примыкающего флангами к левому берегу р. Шамхорчая. В середине укрепления была воздвигнута мощная цитадель, к которой относятся дошедшие до настоящего времени развалины. Перед этим укреплением наблюдается след канала, через который пролегал каменный мост. Сама цитадель представляла четырехугольник длиной приблизительно 120, а шириной 80—90 м. В углах и центральной части воздвигались мощные бастионы. Шамхор располагался на международном торговом тракте и наряду с другими городами Азербайджана (Барда, Байлакан, Дербент, Ардебил, Тебриз) славился своей рыночной площадью, системой оборонных строений и караван-сараями (Там же. С. 29—31. См. там же литературу).

Перед городом-крепостью Шамхор, вдоль правого берега р. Куры, в направлении Тбилиси раскинулась широкая долина (шириной 20—25 км), с востока ограниченная р. Шамхорчаем, с юга она тянется до склонов Севано-Муровадагского хребта, к западу же растянулась на 100—120 км, постепенно сужаясь до р. Храми (Там же. С. 33).

В этой мощной крепости расположились войска Абу-Бакра. Город-крепость с трепетом ожидал приговора Давида-Сослана (Там же).

Грузинская разведка действовала умело, и командование могло следить за движением противника. Когда войска Грузии приблизились к Шамхору, к командованию явились посланные вперед люди, которые доложили о бесчисленном множестве вражеских войск и их расположении.

Сослан-Давид, его войска и союзники-ширванцы обрадовались близости врага. Они только удивились тому, что противник оставил удобные для сражения места (покинув Гандзу и равнины Арана и лишив себя защиты со стороны гор) (Картлис цховреба, 1959. С. 68; История и восхваление, 1954. С. 60). Им нетрудно было догадаться, что неприятель уповал на многочисленность своих войск, непреодолимость Шамхорского оврага и неприступность крепости Шамхор.

Конкретных данных о численности противника в источниках не имеется. В них указывается только многочисленность неприятельских войск, перечислены страны, откуда они были набраны и приведены — со всей Персии (так называли грузинские исторические источники того времени весь мусульманский мир). По словам Басили, «стали стекаться войска, устремляясь снизу вверх из областей Ромгур (под Ромгуром подразумевали Хорасан, центральную

провинцию Ирана. — *Т.Г.*), Индии и далее из Самарканда и Дербента. Собралось их столько, что ни числа им не было, и ни возможности уместиться в одной какой-нибудь стране (Картлис цховреба, 1959. С. 125; Жизнь царицы, 1985. С. 34).

Таким образом, из этих слов историка можно заключить, что противник численно намного превосходил грузинские войска, что давало ему смелость пренебрегать некоторыми обязательными тактическими требованиями военного искусства.

Войска Абу-Бакра расположились на пространстве между Шамхором и Гандзой. Основные силы Абу-Бакр расположил на тех участках, где конница Грузии могла форсировать р. Шамхорчай. На левом берегу его войска заняли Шамхор, сильно укрепили и сделали центром всей системы обороны. И.Д. Шаишмелашвили отмечает, что командование грузинских войск правильно выбрало объектом решающего удара город-крепость Шамхор, так как взятие его разрушало всю оборонную систему врага. Было решено начать сражение штурмом крепости (Шаишмелашвили, 1981. С. 35—36).

Сослан-Давид так построил войска, что его фланги справа упирались в склоны горы, расположенной в 6—7 км к югу от города-крепости, а слева доходили до берега р. Куры, удаленной от города на 12—13 км. Такое построение войск, по мнению И. Гедеванишвили, позволяло грузинским войскам перекрыть всю долину и лишало противника возможности воспользоваться своим численным превосходством обойти фланги грузинских войск.

Когда войска были построены, «тогда вооружился царь Давид. Надел на себя доспехи и сел на буланого коня, которого, как своего рода знаменитость, он приобрел у Васака Хаченского, отдав ему за это крепость и селение Гардмани». Премьер-министру Антонию он приказал «нести впереди животворящий крест, который является скипетром и панцирем царей. Ободряя друг друга, ... молились, ... напоминали друг другу мужество свое и военные успехи отцов и дедов их. Построили войска по порядку, отправились к Шамхору, окружили его, причем, разделили отряды. Сам царь, оставив справа с отрядами своими Шамхор, с незначительными силами завязал бой у ворот города, около моста. Другие мужественно шли по трудной и неудобной дороге и вышли против авангарда исмаелитского войска» (Картлис цховреба, 1955. С. 69—70; История и восхваление, 1954. С. 60—61).

Видно, Сослан-Давид решил сделать обходной маневр и оказаться в тылу крепости, перерезать пути между Шамхором и Гандзой и во взаимодействии с наступающими силами разгромить шамхорскую группировку противника, затем всеми силами преследовать отступающие в сторону Гандзы уже дезорганизованные вражеские войска, не дать им время для отдыха и укрепления.

Решение царя-полководца Сослана-Давида учитывало как чисто военные, так и политические аспекты обстановки. По главному направлению конница выходила на выгодные позиции (по легко одолеваемым берегам широкого русла р. Шамхорчая на ровную местность правобережья р. Куры), откуда по коротким переходам грузинские войска выдвинулись к Гандзе. Такое направление удара исключало возможность для уцелевших вражеских сил скрыться в пределы Ширвана и незамедлительно освобождало страну от насильников. Ведь именно с такой целью вступили грузины в эту войну (Шаишмелашвили, 1981. С. 38).

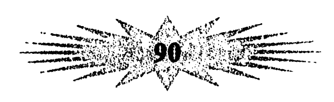
Пока войска левого фланга под предводительством Сослана-Давида проводили отмеченный маневр, на город-крепость осуществлялись ожесточенные фронтальные атаки правым флангом грузинских войск. Опоясанный каналами и крепкой стеной город держался крепко, копье и меч не в состоянии были одолеть сопротивление врага, только обилие пущенных стрел доставляло ему неприятности. И.Д. Шаишмелашвили обратил внимание на то, что историки не упоминают об использовании грузинами осадных устройств или же простых штурмовых лестниц. Отмечается только, что передовые отряды, напрягая силы, преодолели внешнюю стенку и проложили проход (Там же).

Ввиду того, что движение войск левого фланга застопорилось из-за загороженных и каменистых дорог, штурмовым отрядам пришлось туго, они поредели и чуть не дрогнули (под многими знатными грузинами убили или ранили боевых коней). Создалась критическая ситуация. Захарий и Иване Мхаргрдзели, увидев это и одновременно заметив приближение войск Сослана-Давида, оказали помощь штурмующим частям, которые под сильным натиском врага чуть было не отступили (Картлис цховреба, 1959. С. 71; История и восхваление, 1954. С. 61).

И.Д. Шаишмелашвили не разделяет высокой оценки роли братьев З. и И. Мхаргрдзели в Шамхорской битве, которую им дают некоторые исследователи (Гедеванишвили, 1915. С. 92–93)[1]. По его мнению, роль братьев Мхаргрдзели мало отличается от роли наблюдателей. Автор предполагает, что Мхаргрдзели были заинтересованы в сокрушении силы вновь появившихся при дворе Тамар «новых кипчаков», и вопрошает: «Кто знает, в ущерб чьему имени воздерживались Захарий и Иване, когда до приближения Давида-Сослана штурмующий Шамхорскую цитадель авангард безо всякой поддержки истекал кровью (Шаишмелашвили, 1981. С. 39). А штурмовали цитадель кипчакские отряды.

---

[1] Автор считает, что Захарий по своей инициативе ударил по противнику, вынудил его перейти к обороне и дал Сослану возможность осуществить свой маневр.

Историк царицы Тамар подчеркивает, что поддержка братьями Мхаргрдзели обескровленного авангарда совпала с приближением войск Сослана-Давида. Именно с его именем связывается наступление перелома в Шамхорском сражении. «Пока царь подоспел, отряд атабега выстоял. Когда они увидели царя, на них обрушился гнев божий, равно как мечи и копья царя, которые истребляли их отряды. Неприятеля обратили в бегство... Царь действовал как Ахиллес. Преследовавшие достигли, с одной стороны, середины Ганджийских гор, с другой — дошли до Гелакунских. И видно было: один обращал в бегство тысячу, двое же — 10 000, а также один тысячу, другой же захватывал в плен 10 000 властителей, вельмож и дворян. Удалось спастись только атабегу с одним рабом» (Картлис цховреба, 1959. С. 71; История и восхваление, 1954. С. 61—62)[2]. Шамхорское сражение завершилось полной победой войск Грузии. Абу-Бакру удалось скрыться. Историк Басили саркастически пишет, что «атабек Абу-Бакр прославил своего коня и свою мощь, потому что достигши где-то маленькой лощины, погреб себя там в землю» (Картлис цховреба, 1959. С. 127; Жизнь царицы, 1985. С. 35).

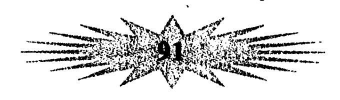
После долгого и стремительного преследования противника «царь вернулся назад, его встретил визирь Антоний... Подошли другие вельможи, военачальники и полководцы, сам Шарванша и Амир-Мирман. Радостные, они сошли с коней, поклонились царю и богатырям его и восхвалили их. Они расположились на ночлег в лагерях неприятеля» (Картлис цховреба, 1959. С. 72; История и восхваление, 1954. С. 62).

На следующее утро морально сломленный гарнизон Шамхорской цитадели, потеряв всякую надежду на поддержку извне, сдался на милость победителей и преподнес им ключи от города. «Взяв Шамхор и окрестные города и крепости, царь передал их Амир-Мирману... Сам Давид отправился в Гандзу; когда он приблизился к городу, к нему навстречу вышли знатные горожане и «главные купцы», кадии и законоучители. Преклонив колена, они поклонились Давиду и воздали ему хвалу, со слезами на глазах они просили его и вверяли ему себя и детей своих. Перед царем открыли городские ворота и до самых дверей султанского дворца расстилали ему драгоценные ткани и осыпали его золотом и серебром, драхмой и динарием» (Там же. С. 72—73 и 62—63).

Историк царицы Тамар восторженно описывает всю процедуру вступления царя Сослана-Давида в город, дворец султана и устроенный там торжественный прием: «Войдя во дворец, он сел на трон султана. Начался прием. Амир-Мирман и Шарванша сели на свои

---

[2] У К. Кекелидзе первое предложение цитаты переведено так: «Пока царь подоспел, отряды атабега успели подкрепиться», что неточно.

места, также протомандатор и военный министр, других же разместили по существовавшему чину «сидения» и «стояния». Чей язык в состоянии описать тогдашние торжества и ликование, или какой разум может понять объединение в лице одного человека чести царя и султана, подчинение себе, в качестве вассала, сына атабега и Шарванши, пленение всего мусульманства... Начались угощения и пиры, сообразные с важностью того дня» (Там же).

Сослан-Давид отправил протомандатора Чиабера к Тамар в Табахмела с вестью о победе. Встретились в Тбилиси, куда «доставили дары и сокровища неисчислимые: людей — от властителей и дворян до рабов — 12 000, охотничьих животных — 40, лошадей — 20 000, мулов — 7 000, верблюдов — 15 000. Кто мог исчис лить обилие дорогой утвари, золота и ткани разноцветной?» (Там же. Соответственно, с. 73—74 и 63). Среди трофеев было знамя халифа, которое Тамар пожертвовала Хахульскому монастырю. Современники Тамар и Сослана-Давида дали высокую оценку победе грузинских войск в Шамхоре. Историк Басили называл ее «олимпийской победой, достойной гораздо более высокой похвалы, чем победа, которую одержал Александр (Македонский. — *Т.Г.*) над Дарием» (Картлис цховреба, 1959. С. 128; Жизнь царицы, 1985. С. 36).

Шамхорская битва произошла первого июня 1195 года. После этого крупного сражения войска были распущены, а «они оба, Тамар и Давид, радовались, веселились, охотились и жили по-олимпийски, красиво и счастливо, вместе с двумя своими светоносными и блистательными детьми» (Картлис цховреба, 1959. С. 75; История и восхваление, 1954. С. 64).

Однако побежденный Абу-Бакр не унимался. Ему удалось отравить своего брата Амир-Мирмана и вновь завладеть Гандзой. Здесь он не осмелился долго оставаться и покинул город.

Сослан-Давид, еще не имея вестей о смерти Амир-Мирмана, с немногочисленным войском двинулся на Шамхор. Там ему сообщили о вероломстве Абу-Бакра. Вернувшись к царице, он «с войсками имерскими и амерскими направился в страну Ганджийскую, Тамар же доехала до Двина... Отправив войска, она вернулась назад и расположилась в Агаре... Войска подступили к воротам Гандзы. Истребляя и уничтожая врагов как диких овец, они оставались у городских ворот 25 дней. Победители Арана, наложив подати на Гандзу и другие города, победоносно вернулись в свое царство» (Там же. Соответственно, с. 77—78 и 66).

На этот раз, несмотря на обложение Гандзы податью, войскам Сослана-Давида не удалось взять город. Видимо, они и не пытались штурмовать его, ибо это было чревато большими потерями.

Непрерывные походы грузинских войск на соседние страны и одерживаемые ими победы вызывали тревогу у мусульманских вла-

стителей. Султан Рума – сельджукского государства Малой Азии – Рукнад-Дин решил объединить силы разрозненных сельджукских владетелей и положить конец могуществу Грузии. Интересы Грузии и султана Рума особенно остро столкнулись на южном побережье Черного моря, где обе стороны, используя ослабление Византии, намеревались создать свои опорные пункты (Лордкипанидзе, 1974. С. 157).

Наученный горьким опытом Шамхорской битвы, где мусульманские коалиционные войска потерпели крупное поражение, Рукнад-Дин собрал еще более многочисленное войско. По словам первого историка Тамар, «великий султан сельджукид, по имени Рукнад-Дин... был выше и больше всех прочих султанов, которые властвовали в Великой Греции, Ассии и Каппадокии, до самого Понтийского моря. Он призвал все множество своего войска и собрал сорок раз 10 000, т. е. 400 000 человек» (Картлис цховреба, 1959. С. 92; История и восхваление, 1954. С. 76).

Уверенный в своей победе Рукнад-Дин послал к Тамар своего посла с наглым требованием унизительной полной капитуляции. В случае отказа он грозился искоренить христианство. Автор «Истории и восхваления венценосцев» с негодованием описывает сцену приема посла в царском дворце. Посол передал Тамар письмо следующего содержания: «От обладателя всех стран... Каждая женщина глупа, ты, оказывается, приказала грузинам взять меч для истребления мусульман. Это есть меч, который дарован богом великому пророку Мухаммеду, главе своего народа. Теперь я посылаю все мое войско, чтобы истребить всех мужчин в вашей стране, в живых останется только тот, кто выйдет навстречу мне, поклонится чадре моей, растопчет предо мною крест, который является вашей надеждой, и исповедует Мухаммеда!»

Посол устно добавил, что «если царица ваша оставит веру свою, султан возьмет ее в жены, если же не оставит, будет наложницею султана». Надменность и дерзость посла вывели из себя военного министра Захария Мхаргрдзели. Он ударил его по лицу так сильно, что тот упал и лежал без чувств. Когда же он пришел в себя, Захария ему сказал, что если бы он не был послом, следовало бы сперва вырезать у него язык, а потом отрубить голову (Там же. Соответственно, с. 93–94 и 76–77).

Понятно, какое возмущение вызвало наглое послание султана у Тамар, Сослана-Давида и их окружения. Однако супруги не уподобились зарвавшемуся султану. Строго соблюдая дипломатический этикет, Тамар составила ответное письмо следующего содержания: «Я, надеющаяся на силу вседержателя бога, получила достойное гнева божия письмо твое, Рукнад-Дин, и, узнав ложь твою, требую, чтобы судьею между нами был бог. Ты надеешься на множество золота

и погонщиков осла, я же ни на богатство, ни на силу войска моего — а на силу вседержителя бога и святого креста, который ты хулишь. Ныне я посылаю все войско мое встретить тебя; да будет надо мною воля бога, но не твоя, правда его, но не твоя!» (Там же. Соответственно: с. 93—94 и 76).

Письмо было вручено послу, которого одели, вручили подарки и отпустили только тогда, когда войска были собраны, приведены в готовность и пошли вслед отпущенному послу.

Противники подчеркивали, что уповают на бога, Рукнад-Дин — на аллаха, Тамар — на христианского бога. Это было нормальным явлением для эпохи, когда единственной формой идеологии являлась религия, и она пронизывала все поры человеческого мышления. Однако они хорошо сознавали, что «помощь бога» нужно материализовать («на бога надейся, а сам не плошай!»). Исходя из этого, Рукнад-Дин собрал огромное войско. Тамар также направила все свои силы против врага.

Войска Рукнад-Дина собрались в Ерзинджане и оттуда двинулись к границам Грузии. Они сконцентрировались в Басиани, в местности, называемой Болостике.

И.Д. Шаишмелашвили путем скрупулезного анализа данных письменных источников, различных картографических материалов и критической оценки научной литературы устанавливает место, где развернулись основные эпизоды Басианской эпопеи. Этим местом он считает восточную часть Басианской долины, на правом берегу р. Туйсу (притока р. Араке), в 30—35 км от Эрзерума (Шаишмелашвили, 1981. С. 48—52).

Над Грузией нависла большая опасность. Были приняты решительные меры и призвали войска имерские и амерские, от Никопсии до Дербента, и собрались в Джавахети. Тамар прибыла в Вардзи, пред иконою богоматери Вардзийской и со слезами на глазах вручила ей Давида-Сослана и войско его, знамя же его счастливое, дарующее удачу, отправила из Вардзии» (Картлис цховреба, 1959. С. 94; История и восхваление, 1954. С. 77).

Грузинские войска, состоявшие из 90 тысяч человек, возглавлялись опытными и прославленными полководцами — военным министром Захарием Мхаргрдзели, братьями Шалва и Иване Ахалцихели, Чиабер и др. Главнокомандующим был сам царь Сослан-Давид. На него была возложена высшая ответственность за судьбу этого чрезвычайно важного для Грузии военного предприятия.

Важность этой акции для страны хорошо видна из всей деятельности Тамар. Она проводила войска и супруга до Вардзии, вручила их милости богоматери, далее проводила их босиком со слезами на глазах до окрестностей Карса. Здесь она взошла на высокое место, чтобы обозреть всех, пала на колени и со слезами на глазах

молилась богу. «Затем призвала она к себе всех знатных и велела эриставам, чтобы каждый из них подходил к святому кресту и поклонялся ему и прикладывался. И стали все подходить, с плачем просить о даровании победы и поклоняться честному кресту и целовать его, также прикладываться к руке Тамар.

Каждый завещал ей, теперь священной особе, — потому что она сама держала древо креста одной рукой, в то время как одною его держал управитель царского двора и носитель креста Басили, — дом свой, детей своих и души свои» (Картлис цховреба, 1959. С. 136. Жизнь царицы, 1985. С. 42).

Благословленные ею войска отправились навстречу врагу, Тамар же повернула в Самцхе, прибыла в Одзрхе, где со своей свитой (среди них был католикос Тевдоре, епископы, поэт и философ Иоан Шавтели) «пребывала... днем и ночью в молитве, псалмопении, неусыпном бодрствовании. Она не переставала совершать литании днем и ночью, приказала делать то же самое... монастырям и обителям» (Картлис цховреба, 1959. С. 95; История и восхваление, 1954. С. 77).

Естественно, командование войсками Грузии разработало план действий. Историки Тамар об этом не сообщают, однако у первого историка Тамар имеется фраза: «Царь Давид хотел направиться выше, где стоял лагерем султан» (Там же). Осмотрев будущее поле сражения, он решил занять господствующие над ним высоты.

Сослан-Давид, «приблизившись к стану султана, увидел бесчисленное множество коней, мулов и верблюдов, палаток и украшенных коврами царских стоянок. Поле не вмещало палаток и живших в них воинов, превосходящих числом грузин. Султан пребывал спокойно и безбоязненно. Давид и грузины приблизились к нему, выстроили отряды, предводимые военным министром Захарием Мхаргрдзели, Шалвой и Иваном Ахалцихскими и торельцами, с одной стороны абхазы и имеры, с другой — амеры, — они шли тихо» (Там же. Соответственно: с. 96 и 78). Таким образом, грузинские войска были разделены на три части. Центром первого эшелона командовал Захарий. Правое крыло составили войска Западной Грузии, а левое — Восточной Грузии. У султана не было выставлено стражи. То ли он не ждал так быстро появления неприятельских войск, то ли пренебрегал ими, надеясь на численное превосходство своих полчищ. Однако когда увидели приблизившееся грузинское войско, султан не на шутку забеспокоился. По словам историка Тамар: «Султан впал в отчаяние, перепугались все, пригнали животных, вооружились, вскочили на коней и оставили багаж и палатки. Выйдя из палаток, построились в ряды» (Там же). Анализируя эти слова источника, И.Д. Шаишмелашвили заключает, что это был первый эшелон Рукнад-Дина, перед которым стояла задача

отразить первый натиск войск Грузии, а затем, когда главные силы султана предпримут контрудар, перерезать им пути отступления с целью их окружения и разгрома (Шаишмелашвили, 1981. С. 62).

Ход Басианской битвы описали оба историка Тамар. Согласно автору «Истории и восхваления венценосцев», «авангарды обоих войск приблизились друг к другу. Завязался жестокий и сильный бой... Он продолжался долго, падали с обеих сторон, но больше погибало среди султанского войска. Бой затягивался. Убили коней под министром двора Иваном, Захарием Гагели, Шалвою и Иваном Ахалцихскими, Такиадином Тмогвели... и многими другими начальными людьми. Была опасность обращения в бегство, но мужественные грузины выдержали и остались в строю пешими.

Бой усиливался. Когда это увидел храбрейший Давид, из предосторожности, чтобы кони не растоптали пеших грузин, с одной стороны отошел от них он, с другой — правой — Захария Мхаргрдзели. Они ринулись в сторону персов[3] и устремились на них, с одной стороны Давид-Сослан, с другой — Захария, бывшие же поближе явились раньше. В ту же минуту подошел Давид со своим войском и, как волк среди овец, так он ворвался в бесчисленное войско султана. С первого же столкновения и удара мечей многомилостивый бог призрел поклоняющихся кресту, и Вардзийская богоматерь приумножила славу Давида и Тамар. Такое громадное множество войска было сразу разбито, побеждено и рассеяно... Везде, куда только можно было глазами достать, видны были обращенные в бегство лесоподобные войска» (Картлис цховреба, 1959. С. 96—97; История и восхваление, 1954. С. 78). Второй историк Тамар Басили также уделяет большое внимание этому сражению, его ходу. По его словам, когда грузинские войска приблизились к стану врагов, последние «бросили свой лагерь и кинулись в укрепления, потому что бог навел на них великий ужас. А христиане, когда увидели перед собою бегущих, кинулись на них и не дали бежать, а окружили их... И тогда можно было видеть удивительное дело, потому что побежденные сами же связывали тех из своих, которые избегали острия меча... Маленьким юношей приводились лучшие из бойцов... Исследовали все места и бежавших убивали, а остальных, как цыплят, собирали» (Картлис цховреба, 1959. С. 137, 139; Жизнь царицы, 1985. С. 43).

Далее историк перечисляет богатые трофеи, захваченные победителями.

«К тому времени, — продолжает Басили, — горожане разукрасили Тбилиси, и вступили туда Тамар и Давид, расстилая лучи, как

---

[3] В грузинских исторических источниках «перс» иногда употребляется для обозначения вообще мусульманина.

ореол солнца, и внесли знамя Нукардина». Тамар милосердно отнеслась к знатным пленным, утешила, угостила, за исключением владетеля Эрзинджана, которого за вероломство «продала за лошадиную подкову... в честь и во славу своего дома» (Там же. Соответственно, с. 140 и 43).

Более подробно описывает встречу Сослана-Давида и войск с царицей Тамар автор «Истории и восхваления венценосцев»: «Славный Давид отправился к своему солнцу Тамар... Прославленные грузины с радостными лицами прибыли в Вардзию, туда же явилась Тамара, и все вместе вознесли богу должное благодарение» (Картлис цховреба, 1959. С. 98–99; История и восхваление, 1954. С. 79).

Чтобы лучше показать важность и значимость победы Грузии в Басиани, автор-историк с гордостью отмечает, что грузинское войско «не потеряло ни одного достойного, царем отмеченного человека... войска Тамар не понесли никакого урона...» (Там же).

Разбирая ход Басианского сражения (Гедеванишвили, 1915. С. 103) с точки зрения военного искусства, специалисты воздают должное полководческому таланту Сослана-Давида. И.Г. Гедеванишвили считал, что Давид, находясь вместе с конницей в резерве, ждал кризисной ситуации сражения и точно рассчитал момент вступления в дело (Шаишмелашвили, 1981. С. 65). И.Д. Шаишмелашвили считает, что когда усиливался хаос в ходе битвы, нужно было принять такое решение, которое бы внесло целеустремленность в действия грузин. Давид не только нашел такое решение, но и реализовал его. Оставив против наступавших турок-сельджуков спешившиеся отряды, перегруппировал большую часть конницы на фланги, стремительным фланговым ударом внес смятение в ряды противника и обеспечил победу[4].

В.В. Челидзе, разбирая сведения «Картлис цховреба» о Басианской битве, отмечает, что сражение развивалось точно так, как было задумано царем Давидом (Исторические хроники, 1980. С. 426).

Мусульманские исторические источники (соч. Хамдалаха Казвини, Мирхонда, Насиред-Дин Яхии) поражение Рукнад-Дина объясняют его неосмотрительностью или же тем, что будто бы в войсках распространился слух о бедствии, случившемся с султаном, что дезорганизовало мусульман. На это И.Д. Шаишмелашвили справедливо замечает, что судьба битвы нередко связана со случайностями, иногда даже курьезными, но когда малочисленное войско наносит полное поражение значительно превосходящему по численности противнику, объяснять это явление случайностями несерьезно. Глав-

[4] Басианское сражение в грузинской историографии датировалось по-разному (1202, 1203, 1205, 1206 гг.) В настоящее время Басианское сражение твердо датируется 27 июля 1202 года (Жизнь царицы, 1985. С. 60; Очерки истории, 1979. С. 331–332).

ное, по его справедливому мнению, заключалось в том, что воины Тамар и Сослана-Давида защищали свое отечество, которому угрожали разорением и порабощением. Это воодушевляло и придавало им решительность и смелость в бою. Войско же противника, в основном состоявшее из наемников, было лишено этих качеств, чувство отчизны не могло их воодушевлять (Шаишмелашвили, 1981. С. 67–68).

В Шамхоре и Басиани грузинские войска под командованием Сослана-Давида одержали блестящие победы над объединенными силами сельджукских владетелей, создали Грузии прочную репутацию могущественной державы Ближнего Востока.

У первого историка Тамар имеется краткое сообщение о взятии Кари (Карса) (Картлис цховреба, 1959. С. 92; История и восхваление, 1954. С. 75), которое предшествовало Басианскому сражению, если учесть последовательность передачи этих событий. О том же более подробно сообщает Басили. По его словам, «на двадцать третьем или четвертом году своего царствования она (Тамар. – *Т.Г.*) справилась о делах Кари; с давнего времени бились за этот город Саргис Тмогвели, Шалва Торели и месхи, но никакими силами не могли взять его, потому что из-за свирепства зимы и стужи они бессильны были подступиться к нему, не могли сразиться и из-за замерзшей в пору морозов воды. В окружении все крепости и деревни отобрали, и только он один оставался у противника. Это Тамар обсудила своим счастливым умом и послала туда Давида во главе войска верхней Картли, послала в помощь ему Захарию и Иване и велела им, чтобы они расположились там и со всех сил сразились с противником. А это потребовало много времени. Сама Тамар стояла в Джавахети и там дожидалась вестей о них. А они прибыли к месту назначения и взялись ломать уже сплошной стеной построенную ограду для воды и по истечении многих дней сделали брешь в этом месте, и тогда вода иссякла, и с ней вместе настал конец для большинства горожан. А оставшиеся просили Давида, чтобы прибыла сама Тамар, дабы им довериться. Потому что боялись расправы за свои ругательные слова, которые недавно выкрикивали из крепости.

Тогда доложили обо всем этом Тамар. И она прибыла, и сидевшие в крепости принесли ключи от городских ворот сыну ее Георгию...» (Картлис цховреба, С. 143–144; Жизнь царицы, 1985. С. 46).

Карийцы правильно рассчитали, уповая на милостивое отношение царицы к покорившимся. Сослан-Давид и его воины могли обойтись с ними круто не столько за твердое сопротивление, сколько за оскорбления, которые наносились им с городских стен в виде ругательств.

Взятие Карса в грузинской историографии датируется 1206 го-

дом (Джавахишвили, 1948. С. 275; Лордкипанидзе, 1974. С. 159). Город-крепость Карс являлся важным опорным пунктом сельджуков на подступах к Грузии, контролировал большой торговый путь. Этим его значением объясняется, видимо, то обстоятельство, что город никому не был передан, а непосредственно подчинен центральной власти в лице наследника престола – Георгия.

Были ли осуществлены походы под начальством Сослана-Давида после взятия Карса? У историков Тамар об этом нет прямых сведений. Однако известно, что грузинские войска совершили поход на юго-восточное и юго-западное побережье Черного моря, в результате которого, среди прочих, была захвачена большая крепость Лимона (Лимния, в устье р. Ирис).

По словам историка Тамар Басили, «однажды прибыли, как это обыкновенно случалось, монахи с Черной горы, из Антиохии и с острова Кипра, также и со Святой горы и из многих других мест просить ее сделать добрые дела. Тамар приняла их по-обычному... сделала всем великие подарки и снабдила всем нужным, наконец, наиболее дальним обитателям дала большое количество золота, как для них самих, так и для раздачи монастырям. Монахи отправились и, когда прибыли в Константинополь, услышал об этом Алексей Ангар, который своему брату Исааку глаза выжег и лишил царства... Он увидел огромное количество золота, которое дала Тамар, и отобрал у тех монахов.

Когда об этом узнала царица Тамар, взамен послала на имя святых отцов золото в еще большем количестве... Но разгневалась на греческого царя, отправила небольшое войско из Западной Грузии, и эти отняли у греков Лазику (Лазия, Чанети. – *Т.Г.*), Трапезунд, Лимон, Самисон, Синоп, Керасунд, Котиору, Амастриду, Араклию и все земли Пеблагонии и Понта и дала их своему родственнику Комнену (Алексею. – *Т.Г.*), который тогда сам находился у царицы Тамар, обретя у нее убежище» (Картлис цховреба, 1959. С. 142; Жизнь царицы, 1985. С. 45, 94).

В сообщении Басили не упоминается командующий грузинскими войсками в этой кампании. Однако у придворного поэта Иоана Шавтели в поэме «Абдулмессиани» взятие крепости Лимона (Лимния) приписывается Сослану-Давиду, и мы не можем усомниться в этом. Конечно, ограбление монахов Алексеем Ангаром, византийским императором, было только поводом для военной акции грузин, преследовавшей важные политические цели. Грузинские правящие круги стремились установить свое влияние на юго-западном побережье Черного моря,** заселенном в основном грузинскими племенами – лазами и чанами.

Трапезундская империя была создана весной 1204 года. Она являлась опорой Грузии и ее противовесом как Латинской империи

(образовалась в 1204 г. путем захвата крестоносцами Константинополя), так и сельджукским государствам Малой Азии (Очерки истории, 1979. С. 333).

Такова в общих чертах картина военно-полководческой деятельности Сослана-Давида в период его пребывания царем и супругом Тамар. В многочисленных походах грузинских войск Сослан-Давид проявил недюжинные способности полководца и бесстрашного витязя, заслужил искреннее уважение грузинского народа, во славу которого он не щадил себя. Грузинский народ в лице его замечательного поэта Чахрухадзе назвал Сослана-Давида «великим осетином», а гениальный Шота Руставели в эпилоге своей поэмы — «богом грузин».

Сослан-Давид не был осетином-одиночкой, совершавшим ратные подвиги в интересах феодального грузинского государства. Мы имеем веские основания считать, что во всех военных операциях, осуществленных под руководством Сослана-Давида, участвовал осетинский отряд. Первый историк прямо упоминает осетинский отряд в связи с военным парадом, устроенным в столице Грузии в честь прибывших туда Ахситана (ширванского шаха) и его зятя Амир-Мирмана непосредственно перед Шамхорской битвой. Тогда парад открыли осетины. Они должны были принимать участие в Шамхорской битве, как и в других сражениях грузинских войск. Сослан-Давид, представитель осетинского царского двора, несомненно, имел при себе постоянную осетинскую дружину, которую в необходимых случаях пополнял воинами из Осетии.

Полководческая слава Сослана-Давида, приобретенная им в крупных военных акциях грузинского феодального государства, укрепляла воинский авторитет осетин как «мужей могущественных и сильных в боях».

ГЛАВА V

СОСЛАН-ДАВИД В СОВРЕМЕННОЙ ЕМУ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Совершенно естественно, что деяния и личность Сослана-Давида, получившие столь высокую оценку в трудах современных ему историков, отразились, и довольно глубоко, в памятниках грузинской литературы и искусства. Мы имеем в виду прежде всего грузинскую поэзию, такие замечательные творения современников Тамар и Сослана-Давида, как «Абдулмессиани» Иоана Шавтели, «Тамариани» Чахрухадзе и, наконец, гениальную поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Мы не намерены (и в этом нет нужды) подробно останавливаться на этих произведениях высокой поэзии. Благодаря многочисленным трудам грузинских ученых-филологов они хорошо известны широкой общественности. Мы будем говорить о них в той мере, в какой в них нашла отражение деятельность Сослана-Давида как мужа и соправителя Тамар, как выдающегося полководца и государственного деятеля.

Начнем с поэмы «Абдулмессиани». Ее автор Иоан Шавтели был придворным поэтом-одописцем, современником Тамар и Сослана-Давида, весьма приближенным к царской семье церковным деятелем. Его деятельность традиционно связывается с культурными центрами Гелатского и Вардзийского монастырей (Шавтели, 1964. С.)[1].

В поэме «Абдулмессиани», написанной в панегирическом стиле, отражена эпоха царствования Тамар, борьба грузинского народа с иноземными завоевателями, показаны интересы феодального государства, стремления передовых людей той эпохи, социально-политические взгляды самого автора, его патриотические настроения. Поэма представляет собой ценный источник для историков, изучающих классическую эпоху. Описанные в ней исторические события подтверждают точность сведений историков Тамар и дополняют не слишком многочисленные источники весьма важными фактами.

Поэма неоднократно издавалась на языке оригинала. Об этом подробные сведения даются в упомянутой работе профессора И.А. Лолашвили. Там же имеется прекрасный очерк о персонажах «Аб-

[1] В своем суждении мы исходим из этого текста.

дулмессиани». Поскольку эти вопросы важны для нашей темы, мы коротко изложим содержание исследования И.А. Лолашвили. В литературе XIX века утвердился традиционный взгляд, что поэма воспевает Тамар и Давида-Сослани. Этот взгляд был выдвинут в 1822 году Давидом Ректором (Месхишвили) и был разделен царевичами Таймуразом и Иоаном Багратиони, М. Броссе, П. Иоселиани, Д. Чубинашвили, С. Бараташвили (Баратов), З. Чичинадзе, Д. Бакрадзе, А. Хаханашвили. Однако они не смогли научно обосновать личности воспетых в поэме лиц (Там же. С. 9–10).

Впервые в 1902 году Н.Я. Марр высказал мысль, что в поэме воспевается царь Давид Строитель, а не Сослан-Давид. Тамар он не признавал персонажем поэмы. С ним солидаризировались И. Джавахишвили, Е. Такайшвили, Ю. Абуладзе, П. Ингороква, К. Дондуа. М. Джанашвили в 1902 г. начал защищать традиционный взгляд на поэму и до конца жизни придерживался мнения, что в ней воспеты сидящие на одном троне два лица – Тамар и Сослан-Давид.

С. Какабадзе в 1911 году писал, что в поэме воспет царь Давид VIII (1293–1311), в 1913 году называл героем поэмы Давида Улу (1246–1269), в 1927 г. – сына царя Деметре Давида (царствовал всего 6 месяцев в 1155 г.), а в 1937 году признался, что вопрос этот окончательно еще не решен (Там же. С. 54).

Были выдвинуты и компромиссные теории К. Кекелидзе и Ш. Нуцубидзе. К. Кекелидзе в 1924 г. высказал мысль, что в поэме воспеты два венценосца – мужчина и женщина, именно Давид Строитель и Тамар. Давид Сослани не являлся таким славным и именитым царем, каким рисуется воспетый в поэме персонаж. Этот царь не кто иной, как Давид Строитель (История грузинской , 1958. С. 238–240).

Ш. Нуцубидзе в 1942 г. высказал мнение, что в поэме «Абдулмессиани» механически слиты два произведения двух различных авторов. Первое – собственно «Абдул-Мессия», восхваление Давида Строителя, второе же – восхваление Тамар и Давида-Сослани (Шавтели, 1942. С. 7).

В 1945 году А. Барамидзе обоснованно и убедительно опроверг взгляды Н. Марра, С. Какабадзе, К. Кекелидзе и Ш. Нуцубидзе относительно персонажей поэмы и восстановил традиционный взгляд, согласно которому в поэме воспеты Тамар и Сослан-Давид. По его мнению, в поэме восхваляются Тамар и ее лев, ее достойный муж Сослан-Давид, иногда больше именно Давид, чем Тамар (Барамидзе, 1945. С. 143, 149).

Мнение А. Барамидзе было поддержано и развито Е. Метревели в 1961 году (Шавтели, 1954. С. 19–20, 56).

В недавно вышедшей статье «Витязь в барсовой шкуре» и культ св. Георгия» З. К. Гамсахурдиа вновь вернулся к казалось бы давно решенному вопросу относительно персонажей, воспетых в поэме «Абдулмессиани». Он высказывает несогласие с мнением К. Кекелидзе, по которому Сослан-Давид был просто мужем Тамар и поэтому только назывался царем, а следовательно, не мог быть пред-

метом восторженных похвал поэта. З. Гамсахурдиа считает Сослана-Давида одним из столпов могущества Грузии эпохи Тамар, вдохновителем большинства ее военных успехов, великим, непобедимым полководцем, героем Бардави, Арзруми, Шамхори и Басиани, «человеком, исполненным всякою добра, божеского и человеческого» (как его характеризовал историк царицы Тамар). З. Гамсахурдиа предлагает новый вариант компромиссного решения вопроса — в поэме, мол, воспеты в отдельных одах и Давид Строитель — и Сослан-Давид (Гамсахурдиа, 1987, С. 245—246).

На основе скрупулезного анализа поэмы И.А. Лолашвили заключает, что в поэме воспеты царица Тамар, Сослан-Давид и их сын Лаша-Георгий. Главный персонаж — Тамар. Сослан-Давид и Лаша-Георгий второстепенные персонажи. Иоан Шавтели — современник и очевидец всех больших исторических событий, которые имели место в период царствования Тамар и Давида. Он — приближенный к Тамар придворный поэт, замечательный мастер художественного слова и просвещенный интеллигент (Шавтели, 1964. С. 93).

И.А. Лолашвили на основе анализа конкретных событий, упомянутых в самой поэме, приходит к выводу, что поэма написана при жизни Сослана-Давида, между двумя большими победами (Басианским сражением и основанием Трапезундской империи) — между 1204—1206 гг. (Там же. С. 113).

В «Абдулмессиани» Сослану-Давиду посвящено немало восторженных строф. Приведем некоторые из них:

«Похвалу начать дерзну я ныне,
Людям расскажу о властелине —
Бодром, доблестном, красноречивом,
Уподобившем страну твердыне,
О царе, изменников разящем,
Чтобы в адской мучались в пучине,
О затмившем царственных потомков,
Полном мудрости и благостыни...
Вот и стал Давид царем державы
Изволеньем бога всеблагого...
Прекратил он смуту и разбои,
Мир настал с покоем долгожданным.
Так Давид могучий бодро правит,
На погибель злым, на страх смутьянам,
Он восстановил закон и веру,
Стал для нас оплотом богоданным...»[2].

---

[2] Грузинский текст в издании И.А. Лолашвили. Шавтели, 1964. С. 4, 56, 118—119; рус. пер. Липкин, 1958. С. 108—110. Имеется перевод Ш. Нуцубидзе. Однако мы не пользуемся им, так как, во-первых, он не признает Сослана-Давида персонажем поэмы, во-вторых, перевод слишком вольный и не передает то содержание, которое заключено в соответствующих строфах оригинала.

Поэт восхваляет Сослана-Давида за доблесть и решительность, проявленные им в борьбе с врагами государства, в результате чего страна превратилась в твердыню, в ней установились мир и покой, законность и вера.

Далее поэт отмечает, что Сираху (Зираху), Кроносу, Зенону и Эносу не хватит знания достойно восхвалять Сослана-Давида, он силой затмит Утрута, Саама и других, а Салим, Тури и Ростом чем могут сравниться с ним?

«О, Сирах, Кронос, Энос с Зеноном,
Вам ли спорить с ним, непревзойденным?
Он затмил Утрута и Саама
Волей, силой, нравом непреклонным.
Что пред ним Салим и Тур бесчестный,
Что Ростом пред ним, для битв рожденным?»

(Шавтели, 1964. С.122; рус. пер. с. 110)

О Сослане-Давиде говорится, что он сокрушает насильников, побеждает мусульман, разрушает капища языческих кумиров:

«Ты людей, как светоч, освещаешь...
Почему ты похвалы вкушаешь?
Потому что варваров ты губишь,
Сарацин отважно сокрушаешь...
Из царей ты лучшая защита...
Ты пчела, чей мед — благодеянье,
Дверь в ограде, что прочней гранита.
Капища Ваала и Астарты
Сломаны тобой и в прах зарыты»

(Там же. С. 126; рус. пер. с. 111).

Поэт особо подчеркивает и воспевает военный талант и подвиги царя Сослана-Давида:

«Ты мечи врагов, как воск, расплавил
И в силки, что недруг твой расставил,
Сам забрал ты войско иноверцев.
Сдаться в плен тебе мидян заставил.
А потом они восстали, чтобы
Ты себя победой не прославил.
И тогда расправился ты с ними:
Вражьих полководцев обезглавил.
Ободрил ты громкими делами
Рать грузин, ведя ее сквозь пламя.
В бой с врагами вступая, ты вздымаешь
Горгаслана и Давида знамя.
В мире нет воителя такого.
Кто провел бы столько битв с врагами.
Обессилел наш противник давний;
Как Ростом возвысясь над бойцами,
Сокрушил ты мусульман дружины...

Быстро обуздал ты непокорных...
Слов твоих пугаясь, бессловесны
Сделались враги, согнули спины.
Как светила меркнут перед солнцем,
Пред тобой померкли властелины»

(Там же. С. 127–128; рус. пер. с. 111).

Поэт пишет, что Сослан-Давид по внешности превосходит Иосифа Прекрасного, по силе – Самсона, а по доблести – Неброта. Красоту он занял у библейского Иосифа, потому похож на него. Его украшают густые вьющиеся черные волосы, он восседает на черном мерине и, как солнце, быстро мчится. (Там же. С. 128, 132–133)

«Ты десницею добывал победу
С помощью меча, щита и бога.
Для врагов ты стал грозой и громом.
Ты их страх и трепет, и тревога.
Ты ведешь к победам войско славных,
Счастье и добро – твоя дорога».

(Там же. С. 133; рус. пер. с. 112).

Нет возможности привести все строфы, посвященные И. Шавтели Сослану-Давиду. Сослан-Давид, подобно тигру, нападает с ревом на врагов, могучею десницею наносит им сокрушительные удары. Поэт призывает всех, молодых и старых, к восхвалению Давида, как сокровища, отданного нам славного воина христова. Поэт уверен, что когда наступит второе пришествие и Христос явится творить праведный суд, чтобы воздать всем по заслугам, Тамар и Давид будут отправлены в рай (Там же. С. 142, 148).

В поэме Тамар сравнивается с солнцем, укрощенным луной – Давидом. Их супружество уподоблено союзу пары горлиц, хранящих верность друг другу. Поэт воодушевлен привязанностью супругов и не представляет, что на подобную любовь способен еще кто-либо из людей.

Сослана-Давида, его подвиги и деяния воспел и другой прославленный поэт-одописец Чахрухадзе, современник Тамар и Сослана-Давида. В поэме Чахрухадзе «Тамариани»[3], как явствует из ее

[3] «Тамариани» была издана много раз. Текст поэмы на грузинском языке с исследованием и со словарем издал И.А. Лолашвили в 1957 году под названием «Древнегрузинские одописцы», 1. Чахрухадзе. Восхваление царицы Тамар (Тбилиси, изд. АН Грузинской ССР). Прозаический перевод поэмы на русском языке был издан Н. Я. Марром. Поэтический же перевод поэмы осуществил Ш. Нуцубидзе: Чахрухадзе. Тамариани / Пер. с грузинского Ш. Нуцубидзе, Тбилиси, 1942. Однако перевод, несмотря на то, что его посчитали большим явлением, имеет крупные дефекты, как справедливо было указано в литературе. Часто русский перевод не передает содержания оригинала. Перевод опирается на некритическое издание поэмы 1937 года, осуществленного С. Какабадзе. Об этом

названия, основным субъектом восхваления является личность царицы Тамар, однако вместе с ней воспеты муж Тамар Сослан-Давид и их сын — наследник престола Георгий-Лаша. Поэма содержит одиннадцать од и два приключенческих стиха. Оды написаны в различные времена в связи с различными событиями.

В «Тамариани» восторженными словами восхваляется Сослан-Давид. «Излучает свет осетин, чем затмевает Ису (Иисуса Навина)» (III, 9); в другом месте одописец приписывает Сослану-Давиду мужество Исы Навина (X, 25); «Давид могучий, мужественный, непобедимый» (VII, 22); «ныне, когда в Тао прибыл осетин (Сослан-Давид), трудно делать набеги на Спир и Ширван» (VII, 20); появление Сослана-Давида на земле грузинской навело страх на врагов Грузии, обеспечило ее безопасность. Меч Давида сокрушил и опозорил гордыню атабега Абубекра... Муж Тамар Давид — прославленный по красоте и статности Авесалом (сын пророка Давида) (IX, 10); он превосходит по силе легендарного витязя Неброта (IX, 11); храбрый царь-избранник судьбы. На Понт распространяются его права. От него бежит калиф (высший властелин мусульманского мира) (IX, 16); Сослан-Давид превосходит Ахилла (IX, 18); он новый Хосро (IX, 19 — прославленный справедливостью и щедростью Адилшах, Хосро Ануширван); Давид — перс из Багдада, т. е. Амиран Дареджанович — бесподобный богатырь (IX, 19); Ростом богатырь (XII, 44), Саам герой (VII, 13).

Сослан-Давид велик (X, 17). Он подчинил и заставил следовать его заповедям атабека и хорезмшаха (XI, 15); он человек сильный, мужественный, просвещенный (XI, 16); непобедимому Давиду подчиняются моря (XII, 47); он, как лев, ходит во главе войск, подобен библейскому Давиду (XII, 58); он добился неслыханной победы, спас Грузию от смертельной опасности. Давид испытанный, проворный, отважный, храбрый воин, замечательный полководец, вместе с тем ученый муж (XI, 16), мудрый (XII, 33), сверхзнатный, представительный, превосходящий светила. Давид — светлое солнце (XII, 36), благовоспитанный, добродетельный, кроткий, осторожный (VII, 25), гордость старших, услада младых, отрада братьям (X, 29); душевно щедрый, независтливый (X, 30).

Несмотря на широкий набор восторженных эпитетов в адрес Сослана-Давида, одописец отмечает, что он не в силах подобающе воспеть достоинства этого новоявленного Хосро Ануширвана, второго Давида Строителя, что его должны воспеть мудрые эллины,

---

см.: Вопросы «Тамариани» А. Барамидзе / Очерки из истории грузинской литературы, т. III, Тбилиси, 1952, с. 289—292/; вышеуказанное изд. И. А. Лолашвили, с. 25—26. Некоторые оды «Тамариани» на русский яз. были переведены С. Липкиным и опубликованы в «Антологии грузинской поэзии». М., 1958.

как Гомер, Сократ или, наконец, Эней (XII, 60–62). Он достойный соправитель и украшение Тамар. Тамар избрала его царем по внушению небесных сил (XI, 10).

По представлению поэта-одописца, Сослан-Давид совместно с Тамар всевышним был призван для осуществления мессианского назначения Грузии. Он оправдал и осуществил божественную миссию. В результате его военного руководства, изворотливого ума, способностей и личного мужества Грузия превратилась в могучее христианское государство, сокрушившее враждебные силы. Он придал надежду и веру передовому христианскому обществу. Как и подобало законному и величественному царю, Давид был носителем царского скипетра и порфиры (VII, 25). «Светлое солнце» Давид подарил стране и Тамар блистательного сына – Лаша. Поэт восторженными словами благословляет Давида: «Пусть блаженствует тысячу лет» (VII, 24); «Да даст бог вам (Тамар и Давиду) вместе с сыном жить, доколе сам он (бог) будет, доколе не прейдут бытие и творение» (Барамидзе, 1952. С. 235–292; его же, 1966. С. 116–134; Марр, 1935. С. 38).

Некоторые фрагменты «Тамариани» были переведены С. Липкиным на русский язык. Для составления полного впечатления о поэме, об отношении поэта к Сослану-Давиду считаем небесполезным привести их.

Поэт, обращаясь к Тамар, отмечает, что многие добивались ее руки.

Ода пятая

«Но... была другому суждена ты –
Князю львов, чьи славятся деянья».

Ода седьмая

«В Тао прибыл осетин, – отныне
Трудно вторгнуться в твое владенье!..
Знаменье явилось: бог окликнул
Витязя, кем вправе ты гордиться, –
Мудрого, бесстрашного Давида,
Он твой друг, твой грозный лев, о львица!
Отпрыск Он от дерева Ефрема,
И стрела летит его как птица.
Кто сравнится с ним на поле битвы?
Враг какой ему не покорится?
Действовал Давид, как надлежало,
Нанесла удар его десница.
На Каркум, Арам, Аран пошел он,
Как Ростом, с врагами начал биться,
Их царям нанес он пораженье.
Он сумел с победой подружиться.
И других, увенчанных короной,
Он заставил в бегство обратиться.

Мощный отпрыск дерева Ефрема,
Он хулит пиров увеселенье.
«Молния-Давид!—Бобкар воскликнул, —
Древо я, и мой удел — сожженье!..»

Ода двенадцатая

(В ней воспевается победа грузинских войск во главе с Сосланом- Давидом в Басианской битве).

«...Царственной чете не стало равных.
Недругам пришлось угомониться.
Но тиран явился с мощью мнимой,
Начал, как свирепый зверь, яриться,
В плен забрал он женственных и робких,
Чтоб над слабосильными глумиться.
Побеждать он возымел привычку,
Возгордился гнусный кровопийца.
Вот уже на нас в поход с востока
Войско многочисленное мчится...
«В Грузии сумеем поживиться.
Ту страну не раз опустошал я!» —
Громогласно стал султан хвалиться.
Кроткая, услышав эти речи,
Неустанно принялась трудиться.
«Христиане! — воинам сказала, —
Помогите правде утвердиться!
Всем князьям велела ты: «Мужайтесь,
На врага должны вы ополчиться!»
Храбрецов ты вдохновила: жаждут
Пасть за веру, с турками сразиться!
Решено: война! Давид — вожатый.
Он второй Давид, не осрамится!
С агарянами вступил он в битву,
Правого отмщения кровь струится...
Недруги бежали от Давида,
Как от льва овца или лисица.
Поняли они свое безумье.
Стали сокрушаться и стыдиться.
Отступив, рассеялись отряды.
От врагов очистилась граница,
Их союзники бежали в страхе,
С ними вновь боясь объединиться.
Так Давид торжествовал победу —
Довелось твоей надежде сбыться.
Двадцать храбрых гнали десять тысяч.
Не давая им остановиться.
Целый, невредимый, сокрушал их
Сам Давид, заставив пыль клубиться.
Истреблял он мусульман с позором,
Уничтожил полчища румийца...»

(Антология, 1958. С. 115–118).

По словам А. Барамидзе, автор «Тамариани» – поэт-мыслитель, поэт-патриот, искренне любящий свою родную страну, радующийся ее успехам. Поэма представляет памятник ярко выраженного политического настроения. Она выражает соответствующую общественно-политическую идею. Тамар и Сослан-Давид олицетворяют национально-государственный идеал автора – единое, централизованное, самодержавное и победоносное государство, во главе которого стоят бесподобные представители политической мудрости и военной доблести – Тамар и Сослан-Давид (Барамидзе, 1966. С. 124, 126).

Еще раньше о политическом характере поэмы «Тамариани» высказался Н.Я. Марр. «В одах сохранился памятник громадного значения в истории развития грузинской государственной мысли. Стихотворения, конечно, сочинялись для воспевания личности царицы (и ее мужа Сослана-Давида – *Т.Г.*), но личное воспевание сильно проникнуто яркими вспышками торжествующего патриотизма. Это не есть, однако, надуманный, тенденциозный патриотизм, вклад частных соображений одописца или солидарного с ним кружка людей: вся эпоха, когда жил поэт, представляет высшее жизненное развитие грузинской национальной государственности и военной славы, и он невольно передает современное настроение передового грузинского общества, не представлявшего отрезанной от народных слоев касты» (Марр, 1935. С. 49).

Наконец, нельзя хотя бы вкратце не остановиться на знаменитой поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

В руставелологии общепринято мнение, что и эта поэма по существу посвящена царице Тамар (Барамидзе, 1975. С. 51).

Ш. Нуцубидзе, анализируя строфу пролога поэмы, где Сослан-Давид назван львом, который с честью носит копье и меч Тамар, считает это «некоторым тактическим маневром, так как, собираясь воспеть царицу, поэт не мог пройти мимо царя, не сказав пару хвалебных слов и по его адресу». На этой почве он предполагает, что вступление написано после заключения. «В самом деле, – продолжает он в заключении, – Руставели больше занят Давидом, мужем Тамары; там он посвящает Давиду две строфы, а во вступлении – только одну. Но в обоих случаях поэт довольно ясно дает понять, что главный предмет его воспеваний –Тамара; да и по существу Давид – второе, зависимое от Тамары лицо» (Нуцубидзе, 1958. С. 215–216). В другом месте ученый говорит, что «поэт, отвесив поклон царю Давиду – мужу Тамары, приступает к воспеванию царицы» (Там же. С. 216–217).

Конечно, о предмете воспевания поэмы нужно судить не только по тому, что говорится во вступлении или в заключении произведения, а по всему ее содержанию. Если учесть все это, в том

числе и название поэмы, то нетрудно убедиться, что она посвящена мужчине, одетому в тигровую (барсову) шкуру, т. е. Тариелу. Однако поэт был воспитан на лучших традициях рыцарского этикета, в котором преклонение перед женщиной являлось обязательной нормой. Тем более, дело касалось не обычной женщины, а Тамар, властительницы одного из «сильнейших и культурнейших на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке государства. Сам Сослан-Давид вошел в историю Грузии через Тамар, и это обстоятельство не могло не отразиться как в прологе и эпилоге поэмы, так и во всем ее содержании.

Неправомерную мысль о том, что Сослан-Давид не имеет никакого отношения к поэме Руставели, высказал и попытался обосновать известный грузинский ученый Павле Ингороква. В отличие от всех руставелологов, П. Ингороква уверяет, что упоминание Давида в эпилоге поэмы не принадлежит самому Руставели, а является тенденциозной переделкой, заключающейся в том, что имя «Тамар» заменено именем «Давид». На этой основе он исправил текст строфы эпилога, где Давид назван «божеством грузин», заменив имя «Давид» именем «Тамар». Такую смелую хирургическую операцию по пересадке имен в поэме он осуществил на том основании, будто исторические реалии и прямые указания пролога поэмы делают совершенно бесспорным, что в эпилоге первоначально вместо «Давида» было «Тамар» и что само понятие «божество грузин» соотносимо с Тамар: только с Тамар (а не Давидом) соотносится название бога, и прямое содержание строфы, по мнению ученого, свидетельствует, что она касается царя царей грузин, верховного главы страны Тамар (Руставели, 1966. С. 1966. С. 407, 413–414).

Неверно, что слово «божество» соотносимо только с именем Тамар. Историком, автором «Истории и восхваления венценосцев» Сослан-Давид, наряду с Тамар, называется «богом обожествленным» (Картлис цховреба, 1959. С. 63; История и восхваление, 1954. С. 57).

Следует также сказать, что ученый, по нашему мнению, неверно интерпретирует выражение «самэбиса тана отхад агзэнавэбули» («До (высот) Троицы четвером возвышенные»), понимая это так, будто Тамар объявляется четвертым членом Троицы. На самом деле здесь говорится не о четвертом члене Троицы (это святотатство, покушение на основную догму христианской религии), а о вполне безобидном с точки зрения ортодоксальной веры возвышении угодной Троице семьи Тамар – в лице четырех лиц (ее самой, мужа, сына и дочери) до высоты Троицы.

П. Ингороква вслед за разобранной строфой, искаженной и фальшивой вставкой, объявляет и следующую за ней строфу, где опять поминается Давид («Давитис кмнани вита втква...» – «Мне ли петь дела Давида». Пер. Н. Заболоцкого).

Ученый уверяет, что искажение текста и замена имени Тамар именем Давида, и вообще фальшивая вставка, датируются второй половиной XIII в. Он объясняет это оппозицией, существовавшей в отношении поэмы, вызванной будто бы свободомыслием автора. Клерикально-реакционные круги боролись с Шота Руставели как с главой грузинского гуманистического движения, и они – эти круги – пытались оторвать имя Тамар от поэмы. Ученый идет дальше, утверждая, что интерполятор, чтобы вовсе исключить связь Тамар с поэмой, в фальшивой строфе пытается укрепить мнение о том, что «Витязь в тигровой шкуре» не только не является воспеванием Тамар, но вообще не связана с Грузией, что в ней нет поэтического отображения грузинской действительности, а она является воспеванием чужеземных государей, а эти чужеземные «события», изложенные в стихотворной форме, посвящены Давиду (а не Тамар), и все это диаметрально противоположно действительному тексту поэмы и прологу, принадлежащему поэту, где сам поэт говорит, что «Витязь а тигровой шкуре» есть восхваление Тамар (Ингороква, 1963. С. 420–422).

Из приведенного суждения П. Ингороква легко можно заключить, что его аргументов недостаточно для подобного суждения. Нет ничего легче, чем строфу, противоречащую авторской мысли, объявить поздней интерполяцией, фальшивкой, вставкой. Однако встает вопрос, почему только в эпилоге заменили имя Тамар именем Давида? Почему то же самое не сделали в прологе, если хотели исключить связь поэмы с именем Тамар, как это уверенно предполагает ученый? По такой логике выходит, что и название поэмы изменили, чтобы связь ее с именем Тамар не бросалась в глаза. Но такое предположение не было высказано, а оно напрашивалось всем ходом суждений ученого по поводу замены имени Тамар именем Давида. Между прочим, мнение о том, что Сослан-Давид не являлся личностью такой значимости, чтобы с его именем в какой-то мере связывались некоторые памятники грузинской литературы той эпохи, не ново. Вспомним высказанный еще в 1924 г. К. Кекелидзе взгляд на «Абдулмессиани», где он субъектом восхваления объявил Давида Строителя на основании того, что скромная личность Сослана-Давида не соответствовала тем восторженным похвалам, которые, как из рога изобилия, сыплются на воспетого в поэме героя. Однако в грузинской научной филологии это ошибочное мнение не получило поддержки и скоро было преодолено, как мы могли убедиться в начале этой главы. В настоящее время этим персонажем безоговорочно признается Сослан-Давид.

Разумеется, концепция П. Ингороква, преследующая цель исключить всякую связь поэмы Ш. Руставели с Сосланом-Давидом, правомерно не получила поддержки ученых-филологов Грузии. Кста-

ти, чтобы в этой связи у читателей не осталось никаких сомнений, ученый объявил и строфу в прологе поэмы, где Сослан-Давид назван львом Тамар, также поздней вставкой (Там же. С. 443).

Мы не берем на себя смелость обрисовать положение в руставелологии по данному вопросу. Ограничимся приведением на сей счет мнения известного грузинского ученого академика АН Грузинской ССР А.Г. Барамидзе.

По его мнению, в 3—5 строфах поэмы (прологе) автор обращается с хвалебной одой к своим царям-патронам. В 3-й строфе он говорит, что не знает, как посметь воспеть льва солнцеликой Тамар, которому к лицу обращение с боевым снаряжением — копьем, мечом и щитом.

Анализируя третью строфу пролога поэмы, А.Г. Барамидзе подчеркивает, что здесь поэт воспевает двух лиц — Тамар и ее льва. «Лев» здесь употреблено в значении — пехлеван, герой, рыцарь. Львом Тамар мог быть только ее муж. В эпилоге этот лев уже упоминается под собственным именем — Давид. Он на Востоке и Западе наводит страх на врагов. Так же характеризуется Давид в «Тамариани». Примечательно, что и Чахрухадзе Давида-Сослани называет львом (VI, 32; IX, 10). Эпитетом «лев» украшается мужчина — объект воспевания «Абдулмессиани» (21, 3). Одним словом, лев пролога «Витязя в тигровой шкуре» — Давид-Сослани (Барамидзе, 1975. С. 30).

Ученый разделяет мнение, что поэма сочинена при жизни Тамар и Давида (между 1189—1207 годами) и что «Абдулмессиани» и «Тамариани» являются современными «Витязю» поэмами (Там же. С. 31).

Несмотря на то, что в поэме действие разворачивается в Индии, Аравии, Хатаети (Китай), а также в вымышленных странах (Мулгазанзари, Гуланшаро, Каджети), и многие герои поэмы носят негрузинский облик, исследователи ее хорошо понимали органическую связь сюжета и идейного содержания поэмы с исторической действительностью Грузии, с жизнью грузинского народа, мышлением передового грузинского общества. Это обстоятельство отмечал грузинский ученый XIX в. Теймураз Багратиони. Французский ученый-грузиновед М. Броссе положил начало историко-национальной интерпретации «Витязя в тигровой шкуре». По пути М. Броссе в этом вопросе пошли поколения исследователей поэмы. Первая серьезная попытка установления исторических аналогий принадлежит Д. Чубинашвили. По его мнению, под именем главной героини Нестан Дареджан скрывается сама Тамар. По его интерпретации, подобно Нестан, и Тамар была единственной дочерью Георгия III; ее воспитывала тетка Русудан, а Нестан — тетка Даварь. Вместе росли и воспитывались Тамар и Сослан-Давид, Нестан и Тариел, одинаково возникла любовь между ними; хорезмшах притязал на руку Тамар, сын

хорезмшаха был приведен в качестве мужа для Нестан... Д. Чубинашвили поддерживали многие, в том числе историки: Д. Бакрадзе и М. Джанашвили, великий поэт Важа Пшавела. Аллегорическое понимание поэмы разделяется и в наше время (Там же. С. 65–67).

Поиск исторических параллелей до крайности довел Д. Дандуров (Дандуров, 1937). По его мнению, Тариел – это Сослан-Давид, Тинатин и Нестан Дареджан – Тамар, Автандил – сам Руставели, а Придон – первый муж Тамар Юрий Боголюбский. К этим произвольным и необоснованным аналогиям он возвел историю Тамар и Сослана-Давида[4].

Существуют различные толкования параллелей поэмы. Считая излишним останавливаться на них, отметим только, что видный руставелолог А.Г. Барамидзе не разделяет взгляда на аллегорическую интерпретацию поэмы. Указанные аналогии и параллели из исторической действительности Грузии, по его мнению, чисто случайного характера и произвольны. Несмотря на это, в поэме Руставели с определенными ассоциациями отражены характерные явления и даже факты грузинской конкретно-исторической действительности. Многое в этом смысле вполне прозрачно. Поэма посвящена Тамар, образ Тамар, ее реально-исторические черты выступают в художественных образах Нестан и Тинатин (особенно – Нестан). Некоторые сюжетные детали отображают историческую действительность Грузии (Барамидзе, 1975. С. 68)[5]. Ученый считает, что именно прозрачные исторические ассоциации сыграли решаю-

[4] Так, по Дандурову, Сослан-Давид был приемным сыном Георгия III. После гибели царевича Демны (племянника Георгия III) единственным представителем по мужской линии остался Сослан-Давид, но не стал царем. Он был чем-то скомпрометирован, и никто его не поддержал. Об этом будто бы мы узнаем из поэмы. Сын хорезмшаха – жених Тамар – это был Демна, племянник Георгия, который должен был вступить на престол и жениться на Тамар. Но Сослан-Давид его убил. Руставели включил эту сцену с разрешения Тамар в поэму с указанием на то, что это убийство он совершил по наущению Тамар (Нестан), облегчив его вину. Он говорит о распущенности нравов в XII в. в Грузии, которой якобы была не чужда и Тамар. Тариел-Сослан – это Чайльд-Гарольд XII в. В поэме он изображен беспомощным и слабым. Поэмой Руставели будто бы реабилитировал Сослана-Давида. Беспочвенность утверждений Д. Дандурова, их полную научную несостоятельность доказал тогда же К. Дондуа (Дондуа, 1937, 23 сентября).

[5] Ш. Нуцубидзе писал: «В Грузии XII в. поэт и историк протянули друг другу руки, отразив тот исторический факт, что грузинский царь Георгий, отец Тамары, еще при жизни возвел свою дочь на престол в обстановке, описанной у Басили приблизительно так, как Руставели описывает в «Витязе» возведение на трон дочери арабского царя. Нет надобности разъяснять, что и здесь мы имеем дело с творческой проекцией грузинской действительности в поэму Руставели» (Нуцубидзе, 1958. С. 37).

щую роль в отчуждении сюжета поэмы (Там же. С. 69). В этой связи ученый подробно разбирает нашумевшую концепцию видного грузинского ученого П. Ингороква, который в специальных исследованиях, посвященных поэме Шота Руставели, развивал мысль о том, что в поэме поэтически отображена жизнь Руставели (Тариела) и Тамар (Нестан)[6].

П. Ингороква построил целую теорию относительно того, что «Витязь в тигровой шкуре» представляет собой художественное произведение, содержащее исторический шифр, а «раскрыть этот шифр — самая значительная проблема среди всех вопросов поэмы» и что разгадка этого шифра «дает ключ к самому «Вепхисткаосани» (Ингороква, 1963. С. 200–201), П. Ингороква считал, что по прозрачному историческому шифру «Нестан Дареджан представляет в поэтическом аспекте Тамар, а Тариел — самого поэта Шота», что на них — на идеальных героев поэмы — перенесены отдельные линии из биографии Тамар и Шота. Он заключает, что в приведенной родовой истории Тариела передается родовая история Шота, что история двух ветвей царей Индии — Парсадана и Саридана совершенно идентична с историей двух ветвей царской фамилии Грузии, и как будто здесь мы имеем не встречу в отдаленных линиях, а полную идентичность во всех деталях. Далее он в пяти пунктах излагает эту «полную идентичность во всех деталях» (Там же. С. 204, 205, 207, 530–532).

Считая, что подробное изложение всего хода суждений автора и его доводов далеко нас уведет, ограничимся приведением мнения крупного специалиста в этой области академика А. Г. Барамидзе. Он считает, что неправомерно изложение исторических фактов и явлений так, как это делает П. Икгороква. Главное и основное он строит на предположениях. Таким путем можно уподобить историческую действительность Грузии содержанию поэмы, но подобное уподобление не будет иметь научной основы и, следовательно, силы достаточно аргументированной гипотезы. А.Г. Барамидзе правомерно считает, что окончательное решение вопроса о сюжете поэмы не может основываться на тех сомнительных предположениях, на которых построена предпринятая П. Ингороква попытка разгадки исторического шифра «Витязя в тигровой шкуре» (Барамидзе, 1975. С. 71–76).

По некоторым интересным вопросам «Витязя в тигровой шкуре» в связи с восьмисотлетним юбилеем Шота Руставели было опубликовано несколько статей Джибо Ломашвили. Статьи эти были

---

[6] Есть мнение, что Шота сам участвует в поэме как литературный персонаж. Акакий Церетели писал: «Многие и сегодня утверждают, что Руставели описал любовь свою и царицы Тамар». Важа Пшавели предполагал, что Руставели сам выступает в лице Тариела. С. Горгадзе же допускал, что, возможно, Автандил — сам автор (см. об этом: Барамидзе, 1975. С. 69).

переизданы в его сборнике «Письма», вышедшем в Тбилиси на грузинском языке в 1975 году.

Дж. Ломашвили путем анализа некоторых строф поэмы высказывает твердую уверенность, что поэма в первую очередь посвящена царю Давиду (Сослану), мужу Тамар, носившему эпитет «лев», и что на это поэт недвусмысленно указывает как в прологе, так и в эпилоге поэмы.

Руставели начинает свой пролог хвалой творцу мирозданья. Переходя к прославлению земных владык, поэт в третьей строфе признается, что берет на себя слишком большую смелость — воспеть льва царицы Тамар:

«Лев, служа Тамар-царице, держит меч ее и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?»

В четвертой строфе пролога речь идет уже о Тамар:

«Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то».

(Руставели, 1977. С. 41)[7].

Анализируя приведенные места из пролога, Дж. Ломашвили подчеркивает, что здесь Руставели прямо заявляет, что собирается воспеть царя Давида. Это, по его справедливому мнению, принципиальный вопрос, поскольку многие и сейчас думают, что Руставели в поэме воспел Тамар. Если бы это было так, он назвал бы поэму «Нестан Дареджани», а не «Вепхисткаосани» (что означает «Тариелиани») (Лолашвили, 1975. С. 34). Эту свою мысль он основывает на анализе и других мест поэмы.

В шестой строфе поэмы говорится:

«Мастерство, язык и чувство мне нужны в моем твореньи.
Дай мне силы, дай поддержку, ты мой разум, ты мой гений!
Тариеля мы поддержим красотою песнопений...».

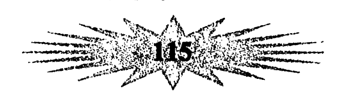
Далее в седьмой строфе продолжается:

«Чтоб оплакать Тариеля, слез поток безбрежный нужен.
Ибо кто из сотворенных был ему подобным мужем?
Я, Руствели, спел стихами, с сердцем раненым с ним дружен,
То, что было лишь сказаньем, а отныне цепь жемчужин».

(Руставели, 1941. С. 28).

---

[7] Приведенные строки из третьей строфы в переводе Щ. Нуцубидзе звучат так: «Льва, который с честью носит и копье, и меч Тамары /Я ль дерзну прославить песней, хоть не жду за это кары?» Однако Ш. Нуцубидзе эти и другие слова с указанием на Сослана-Давида толкует как технический маневр автора поэмы, который, собираясь воспеть царицу, не мог пройти мимо царя, не сказать пару хвалебных слов и в его адрес, что Давид назван львом, и все (Нуцубидзе, 1958. С. 215—217).

В восьмой строфе говорится, что песня поэта посвящается тому, кому подчиняются войска[8]. Дж. Ломашвили отмечает, что исследователи здесь подразумевают Тамар, но ошибаются те, кто считает, что войска подчинялись только Тамар, а не Давиду-Сослану. Такое понимание этого места поэмы, по его мнению, не соответствует истории Грузии. Он приводит примеры из истории Грузии, свидетельствующие о том, что войска подчинялись именно царю Давиду (Тамар тоже подчинялись, но это было номинальное подчинение, реальное руководство войсками осуществлял Сослан-Давид). Он убежден, что в восьмой строфе подразумевается именно Давид, а не Тамар и что, вообще, главным героем поэмы является Давид. Свою мысль он подкрепляет и заключительной строфой поэмы (в переводе Ш. Нуцубидзе, с. 273):

«Амирана Дареджана воспевал Мосе Хопели.
Похвалу Абдул-Мессии в славных спел стихах Шавтели.
Диларгета неустанно прославлял Саргис Тмогвели,
Тариеля же со слезами воспевал я — Руставели».

(Ломашвили, 1975. С. 34, 36).

Дж. Ломашвили учитывает и то обстоятельство, что некоторые руставелологи считают приведенную строфу позднейшей вставкой, т. е. не принадлежавшей перу Руставели. Если это так, продолжает он, автор вставки правильно понял содержание поэмы, ибо слова «кому послушны рати» относятся к Сослану-Давиду. Свою мысль он подкрепляет словами историка Тамар Басили. Вынуждая Тамар выйти замуж, вельможи «говорили о бездетности, сокрушались по поводу бесплодия ее дома, требовали себе предводителя войск» (Картлис цховреба, 1959. С. 120; Жизнь царицы, 1985. С. 30). Поэма Руставели была посвящена Сослану-Давиду, и это, по убеждению Дж. Ломашвили, в настоящее время не должно быть спорным. В поэме Руставели славит Сослана-Давида. Несколько раз относительно Тариела и Автандила поэт говорил: «Вот ваш царь», «вот наш царь с царицей...» и т.д. В эпилоге Шота Руставели вновь заявляет, что он воспел царя Давида (перевод Н. Заболоцкого):

«Божеству грузин Давиду, что грядет путем светила, —
чья с восхода до заката на земле известна сила, —
Кто для преданных — опора, для изменников — могила, —
Написал я эту повесть, чтоб досуг его делила.
Мне ли петь дела Давида, возглашая славу слав?
Я служил ему стихами, эту повесть отыскав».

(Руставели, 1941. С. 266).

---

[8] Это место в переводе Ш. Нуцубидзе звучит: «Той, кому послушны рати, жизнь, безумец, отдаю...», в переводе Н. Заболоцкого: «Та, кому подвластны рати, для меня светлей светла». Ясно, что оба переводчика подразумевают здесь женщину — Тамар.

В переводе Ш. Нуцубидзе это место звучит так:

«Для царя Давида солнце было ласковым патроном.
Для него я эту повесть рассказал в стихе граненом.
Он с востока шел на запад с колокольным славным звоном,
Жег врагов, а верных тешил в милосердье благосклонном.
Как воспеть дела Давида, блеск его и подвиг бранный...».

(Нуцубидзе, 1958. С. 272).

У Нуцубидзе в указанной монографии первые две строки приведенного места переведены иначе: «Для царя грузин Давида, в чьем служеньи луч водитель, Этот сказ я спел стихами, чтоб развлекся повелитель».

Ученый упрекает руставелологов в том, что «они никак не усваивают простой мысли Руставели о «сокровенном» воспевании царицы Тамар, а именно, что и здесь, и в некоторых других местах поэмы внешне воспевается супруг Тамары — Давид-Сослани (для приличия), а фактически возносится Тамар... В данной строфе эпилога... воспевается как будто Давид, а оказывается, что луч (свет, солнце) — его водитель...» Ш. Нуцубидзе критикует руставелологов в том, что грузинское слово «сареблад» они почему-то читают как «для воспитания» и делают вывод, что луч (солнце), означающий, возможно, Тамар, никак не может указывать на то, что Тамар была «воспитательницей» Давида, своего супруга. Он также считает, что этого не могло быть, и предлагает понимать слово «сареблад» — «водителем», «указывателем пути», означающим, что Тамар водила Давидом (С. 291— 292).

Ш. Нуцубидзе был прав в том, что неправильное понимание слова «сареблад» ввергло некоторых руставелологов в курьез, когда, не представляя Тамар воспитателем своего мужа, они под лучом (солнцем) стали подразумевать дочь Тамар — Русудан.

Нельзя согласиться с неверной мыслью ученого о том, что Сослан-Давид в поэме вообще, и в эпилоге в частности, воспевается внешне, для приличия. Назвать человека «божеством грузин», кому солнце (Тамар) было «ласковым патроном» («воспитателем» по другой интерпретации), для простого приличия непостижимо. Впрочем, Ш. Нуцубидзе также неправомерно считал, что в «Абулмессиани» и «Тамариани» Сослан-Давид воспевается вскользь, для приличия. Это опровергается самими этими произведениями, учеными-филологами.

Понимание слова «сареблад» в значении «для воспитания» нам кажется правильнее, чем в значении «водитель», «указыватель пути». Просто нужно учесть данные историков Тамар, и тогда представление царицы Тамар в роли воспитательницы своего мужа не приведет ни к какому курьезу, а будет поэтическим отображением отмеченного историком Тамар факта, что после брака Тамар и Сослана-

Давида последний в течение года совершенствовался в книжном учении, физических и военных упражнениях, в которых он превзошел всех отечественных своих учителей и соучеников, что касается чужеземцев, среди них не являлся подобный ему». (Картлис цховреба, 1959. С. 48; История и восхваление, 1954. С. 47).

Интерпретируя эти строки из поэмы и сопоставляя их с ее содержанием в целом, Дж. Ломашвили приходит к твердому убеждению, что как в прологе, так и эпилоге поэмы Шота Руставели недвусмысленно и публично заявляет, для кого он льет слезы, кого воспел. Это Тариел, т. е. Сослан-Давид, царь Грузии, нуждавшийся в поддержке – идеологической помощи. Шота оказал ему такую помощь своим высоким поэтическим искусством. Вся поэма была создана для облегчения брака Тамар и Сослана. И название поэмы «Витязь в тигровой шкуре» указывает, что ее главный герой – Тариел. Не случайно, что в народе поэма называлась «Тариелиани» (Ломашвили, 1975. С. 40–41, 50, 56–57, 101–102 и др.)[9].

Г. Пайчадзе и Р. Миминошвили правомерно считают, что поэма «Витязь в тигровой шкуре» была написана с учетом политической ситуации. Она была направлена против политических противников Тамар. В этой борьбе поэта поддерживала и вдохновляла сама Тамар. В поэме явно чувствуется, что в вопросе о замужестве Тамар Руставели целиком стоял на стороне Сослана-Давида. Он был сторонником того, чтобы вопрос о кандидатуре мужа Тамар с самого же начала был решен в пользу Сослана-Давида. Поэма служила интересам укрепления позиций Тамар. Она была написана не в 1189–1204 гг., как принято в руставелологии, а в 1191– 1193 гг. (Пайчадзе и Миминошвили, 1974. С. 111, 120, 122)[10].

Очень трудно, конечно, за неимением прямых и конкретных данных установить точные годы написания поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Однако, если исходить из высказанной мысли вышеупомянутых авторов относительно цели написания поэмы – оказать помощь Сослану-Давиду, укрепить позиции Тамар и ее мужа, с чем мы вполне согласны, предложенная Г. Пайчадзе и Р. Миминошвили дата написания поэмы нам кажется наиболее приближенной к истине (приближенной, потому что хронология событий, определяющих эту дату, также приблизительна).

В названной выше статье «Витязь в барсовой шкуре» и культ св. Георгия» З.К. Гамсахурдиа поставил чрезвычайно интересный вопрос о культе св. Георгия в Грузии и его отражении в поэме Шота Руставели.

---

[9] При всей произвольности Д. Дандурова, он верно указал, что Руставели написал поэму с целью помощи Сослану, к которому привлек симпатии многих (Дандуров, 1937. С. 142, 163).

[10] Д. Дандуров считал, что поэма была написана в 1187 г. (Там же. С. 143).

Автор приводит высказывания И.А. Джавахишвили о том, что св. Георгий является главным героем грузинской мифологии и в представлении грузинского народа сильнее самого бога, является самым любимым образом, самым великим и солнценосным символом, символом воинствующего христианства в деле сокрушения зла. З.К. Гамсахурдиа считает, что в поэме Руставели аллегорически воспеты сакральные существа, но они в то же время олицетворяют современных ему исторических деятелей. Так, Тамар – земное проявление святого духа. В поэме ей соответствуют Тинатин и Нестан, выявляющие два ее различных аспекта. Рядом с таким сакральным существом не мог стоять обычный смертный. Поэтому рыцарь Тамар Сослан-Давид изображается поэтом земным проявлением св. Георгия, божьего рыцаря. В трех главных героях поэмы Шота Руставели – в Тариеле, Автандиле и Придоне отразились элементы трехликого св. Георгия и поэтому, считает автор, Тариел ни в коем случае не является индивидуальным персонажем или же исторической личностью. Он – собирательный образ идеального человека, идеального царя (З. Гамсахурдиа, 1987. С. 231–234, 237).

Нам кажется правомерной попытка ученого увязать св. Георгия с институтом рыцарства. Весьма характерны приведенные им примеры из истории Западной Европы и грузинской действительности об отождествлении царя и рыцаря (когда цари объединяли в своем лице царя, рыцаря и святого) (Там же. С. 220–223). Осетинская действительность полностью подтверждает не только популярность св. Георгия (по-осет. Уастырджи) среди осетин, но и его связь с институтом рыцарства.

Отражение культа св. Георгия в поэме Шота Руставели не является чем-то неожиданным. Уподобление Сослана-Давида св. Георгию мы встречаем еще у Иоана Шавтели, называвшего его «Христовым всадником». Поэмы «Абдулмессиани» и «Тамариани» – грузинские исторические сочинения эпохи Тамар, рисуют нам образ Сослана-Давида такими яркими красками, что уподобление его св. Георгию, даже самому богу (вспомним слова первого историка Тамар: «богом обожествленные Давид и Тамар») кажется явлением ординарным.

Хочется сказать несколько слов о названии поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели. Известно, что поэма получила такое название потому, что главный герой ее – Тариел – облачен в тигровую шкуру. Почему выбрал Тариел себе такой наряд, он сам объясняет тем, что в образе тигрицы воображает Нестан, свою возлюбленную[11], которую потерял в результате трагедии, разыгравшейся

[11] На вопрос Автандила, почему и с каким значением он носит тигровую шкуру, Тариел отвечает:

«Оттого, что в дивном тигре образ девы мне предстал,
Полюбил я шкуру тигра, облачаться ею стал...» (Нуцубидзе, 1958. С. 219).

в связи с попыткой выдать ее замуж за сына Хорезмшаха. Это объяснение причины одевания героя поэмы в шкуру животного принято в руставелологии. Ш. Нуцубидзе отмечал: «Рыцарь любви Тариел стал носить шкуру тигра (тигрицы) в память об утраченной любви». Далее он продолжает, что «это объяснение — один из стержневых моментов поэмы, в которой образ тигра играет особую роль... В этом образе предстал не Тариелу, а самому Руставели облик гневной царицы Тамар, и, чтобы утишить ее гнев, поэт решил воспеть ее не так, как он делал до того — открыто и неосторожно, — а «сокровенно». Тот же образ тигра (тигрицы) представился Тариелу, когда красавица Нестан потребовала его к себе для объяснения и обвинила его в измене. Тариел рассказывал об этом Автандилу:

«Так лежала, как у кряжа разъяренная тигрица».

(Нуцубидзе, 1958. С. 323–324).

Ш. Нуцубидзе ввиду общности символики приводит место из «Рассказа Тариела о том, как он убил льва и тигра». Он рассказывает Автандилу, что наблюдал игру и ласки льва и тигрицы, а затем убил льва за грубость в этой любовной игре. Тариел продолжает:

«Бросив меч, схватил тигрицу и привлек в свои объятья, В память той желал лобзанья, от кого огнем объят я. Но тигрица прорычала мне звериные проклятья, Я убил ее нещадно и безумцем стал опять я».

«Так связывается в одно целое, в процессе развития содержания, символика тигра, нашедшая свое внешнее выражение в одежде главного героя Тариела, откуда и само заглавие поэмы «Витязь в тигровой шкуре» (Там же. С. 324).

А. Барамидзе, исходя из текста поэмы, считает, что тигр (тигрица) для Тариела образ и идея возлюбленной. Тигрица — символ Нестан, ее поэтический образ. Этот образ объединяет двух персонажей поэмы — Нестан и Тариела (Барамидзе, 1975. С. 89–90). Ученый отмечает, что шкуру тигра носил главный пехлеван «Шахнаме» Ростом. По «Шахнаме», шкура тигра — знак бесстрашия и отваги, по «Витязю в тигровой шкуре» символика шкуры принципиально отличается. Образ прекрасной тигрицы напоминал Тариелу Нестан. Через шкуру тигра он как бы физически связывался с возлюбленной, с которой духовно не расставался никогда. В этой связи автор приводит слова акад. И. Орбели, который говорил: «Шкура леопарда, барса, тигра — лучший наряд для незнающего в своей доблести соперников витязя, всегда носящего тигровую или барсовую шкуру» (Орбели, 1938. С. 300). Принимая вообще справедливость этих слов, ученый отмечает, что в поэме Руставели шкура тигра выполняет совершенно иную функцию (Барамидзе, 1975. С. 250).

В своей весьма интересной статье «Миф и история в поэме Руставели «Vepxistqaosani» В. И. Абаев высказался и по этому вопросу.

Ученый отмечает, что проблема взаимоотношений мифологического и исторического в религиозно-мифологических, фольклорных и древнелитературных памятниках встала перед ним в процессе изучения Нартовского эпоса народов Кавказа. Пытаясь разобраться в генезисе его сюжетов, мотивов и образов, он был озадачен причудливым переплетением в них мифа и истории (Абаев, 1981. С. 87).

На примере нартовского героя Батрадза автор заключает, что миф и история могут уживаться в одном и том же народно-эпическом памятнике. «Создатели религиозно-мифологических и фольклорных памятников, приступая к своему творению, располагают, с одной стороны, известным инвентарем традиционных сюжетных схем, мотивов, образов и используют их как структурный материал, с другой стороны, как дети своего века, своей национальной и социальной среды, они неизбежно наполняют эти традиционные структуры реальным историческим содержанием своего времени, расцвечивают их живыми красками непосредственно знакомой им действительности» (Там же. С. 88–89).

Ученый ставит вопрос, применим ли такой двоякий — в аспекте мифа и истории — анализ также к литературным памятникам, и убедительно отвечает, что, несомненно, применим, если они имеют фольклорную основу. Что «Вепхисткаосани» является таким памятником, в этом сейчас вряд ли кто-нибудь может сомневаться (Там же. С. 90).

Еще в лекции «О фольклорной основе поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», прочитанной в Коллеж де Франс в феврале 1966 года, В. И. Абаев пытался, опираясь на исследования М. Чиковани о народных истоках поэмы, продолжить выявление народно-эпических параллелей в сюжетной и образной ткани поэмы (Абаев, 1966. С. 295–312). В вышеупомянутой статье автор продолжил эти параллели.

Здесь не место для пересказа чрезвычайно интересных соображений и выводов ученого. Остановимся на суждениях В. И. Абаева относительно барсовой (тигровой) шкуры, в которую облачен главный герой Тариел. По его мнению, в поэме это несущественная деталь, своего рода «декоративный» элемент, никак не влияющий на развитие действия. В мифологическом прототипе эта шкура играла большую, можно сказать, решающую роль (приведены соответствующие материалы из Нартовского эпоса, «Шахнаме»). Ученый предупреждает, что не следует удивляться тому, что такая глубокая архаика нашла отзвук в рыцарской поэме феодальной Грузии XII в. Древние мифологемы обладают большой стойкостью и живучестью. Их первоначальный смысл забывается, и в переосмысленном виде они могут жить тысячелетия. «В результате такого переосмысления барсова шкура приобрела значение некоего символа, сим-

вола любви Тариела и Нестан. В действительности барсова шкура, наброшенная на плечи Тариела, — это наследие мифологического зооморфного героя» (Абаев, 1981. С. 92).

Мы вполне согласны с ученым в том, что миф и история нередко уживаются в одном и том же народно-эпическом памятнике, что такой двоякий — в аспекте мифа и истории — анализ применим и к литературным памятникам, в том числе к «Вепхисткаосани», а также в том, что барсова шкура, в которую облачен главный герой Тариел, в поэме несущественная деталь, никак не влияющая на развитие действия. Мы готовы без оговорки принять мнение ученого, что в результате переосмысления барсова шкура приобрела значение символа любви Тариела к Нестан. Но здесь хотелось бы попытаться пойти чуть дальше и объяснить, почему такой деталью, «декоративным» элементом и символом любви стала именно барсова шкура.

Кажется, в руставелологии никто не оспаривает, что вепхи (vepxi) в поэме Шота Руставели, так же, как и в грузинском языке, означало не тигра (tigris), а барса (джики, леопард — pardus)[12]. Тигр в Грузии не встречается, барс, наоборот, встречается часто. Вепхи[13] довольно широко распространено в грузинском фольклоре (достаточно вспомнить блестящую балладу «Вепхи и мокме» — «Барс и молодец»). Указанное обстоятельство было подмечено многими учеными и литераторами (Н. Марр, Д. Чубинашвили, К. Бальмонт, В. Абаев, Г. Церетели и др.), переводившими «Вепхисткаосани» как «Витязь в барсовой коже», «Витязь в барсовой шкуре», «Носящий барсову шкуру», «Барсову кожу», но не как «Витязь в тигровой шкуре».

Т. В. Гамкрелидзе и В. Иванов указывают, что в хеттском ряду животных богов леопард, пантера, барс занимают первое или важное место, что пантера-барс в греческой традиции, в частности у Гомера, отмечается поразительной ритуальной близостью к хеттской традиции. В «Илиаде» витязи-воины — царь Менелай и Александр покрывают свои плечи барсовой шкурой (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 500—501).

В армянской легенде, приводимой Мовсесом Хоренаци в «Истории Армении», леопард связывается с севером. По легенде, мидийский царь Аждахак рассказывает, что он видел во сне на верши-

---

[12] Укажем только на «Письма» Д. Ломашвили, 1975. С. 192—197.

[13] В грузино-русском словаре Д. Чубинова (Чубинашвили) вепхи (джики) (Чубинова, 1984, столб. 1772); В русско-грузинском словаре (Тбилиси, 1983) барс — (джики), леопард — (джики) (сс. 33, 287). В Грузинской советской энциклопедии (т. 4) отмечается, что в грузинском устном творчестве и древней литературе вепхи означал джики (барса), леопарда или пантеру (pantera pardus) и что вепхи в современном его значении (pantera tigris) укоренился в грузинском языке и литературе в XX в. (с. 387).

не горы, в стране армян, чудесную женщину в пурпурно-красном в родовых муках. Женщина рождает три существа. Первое существо, рожденное на льве, отправилось на запад, второе, рожденное на барсе, отправилось на север, третье же, рожденное на драконе — вишапе, отправилось к Мидийскому царству и напало на него (Хоренаци, 1984. С. 90).

Малоазиатский по происхождению культ леопарда-барса, восходящий своими корнями к глубокой древности, охватывает широкий ареал в Восточном Средиземноморье и Западной Азии. Отголоском этого культа в кавказском мире является образ витязя в барсовой шкуре в поэме Руставели «Вепхисткаосани» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 506—507).

Культ леопарда из Малой Азии, попав в общеиндоевропейский культурный ареал, мог отразиться в различных архаичных индоевропейских культурных традициях (Там же. С. 506).

Известно, что вепхи (барс, леопард) являлся основным компонентом герба осетинского царства (на пурпурно-красном полотнище на фоне горного кряжа изображен барс-леопард[14]. Осетинский народ один из немногих представителей индоевропейского этнического массива на Кавказе, и существование культа леопарда у них является не случайным. Не случайно, как нам представляется, вепхи (барс, леопард) стал символом любви Тариела к Нестан. В руставелологии образы Нестан и Тариела ассоциируются с образами Тамар и Сослана-Давида.

И вот великий поэт Шота Руставели, воспевая Тамар и Сослана-Давида, в своей поэме традиционную мифологическую структуру (одевание героя в шкуру животного) наполнил реальным историческим содержанием своего времени, расцветил ее живыми красками реально знакомой ему действительности.

В поэме Нестан сравнивается с барсом (вепхи), Тариел облачен в шкуру барса. Случайно ли это? Нам кажется, что найти что-либо случайное даже в деталях, характеризующих главных героев поэмы, вряд ли возможно. Это можно сказать и относительно барсовой кожи. Эта несущественная, «декоративная» деталь является своего рода «шифром» поэмы, раскрыть который современникам вряд ли стоило большого труда. Раз поэт счел нужным устами Тариела объяс-

---

[14] Изображение герба Осетии дошло до нас в зарисовке Вахушти Багратиони на «Карте Иберийского царства или всея Грузии» (выполнена в 1735 году. Институт рукописей, ф. II. № 2079). На этой карте изображены гербы единого грузинского царства, отдельных грузинских царств и княжеств, а также некоторых соседних стран. О гербе Осетии нами была опубликована статья «Герб древней Осетии» // Фидиуаг, 1972, № 4 (на осет. яз.).

нить причину, почему он облачен в барсовую шкуру, стало быть, он это не считал такой уж несущественной деталью. Конечно, объяснение Тариела нельзя понимать буквально. Это поэтическое объяснение такого факта, который нельзя было не объяснить. Поэт, конечно, не мог сказать прямо, почему своих героев Нестан и Тариела он так увязал с вепхи (барсом), и это по той же причине, по которой он Тамар и Сослана-Давида не вывел непосредственно в поэме действующими лицами, хотя поэма посвящена им.

Барс-леопард был символом (гербом) осетинского царства – соседа и союзника Грузии. Представителем осетинского царства был Сослан-Давид и ношение шкуры барса – государственного (национального) символа – не является чем-то неожиданным и неестественным. Что касается Тамар, ее мать была осетинка, и наделение Нестан некоторыми чертами барса (джики, леопард) также в порядке вещей. Эти прозрачные намеки поэта, наряду с прямыми упоминаниями Тамар и Сослана-Давида в прологе и эпилоге, не оставляли сомнения в том, что в описанных им событиях, развернувшихся в Аравии, Индии, а также в вымышленных странах, была отображена средствами высокой и утонченной поэзии историческая действительность Грузии.

Поскольку поэма Шота Руставели имела целью помочь Тамар и Сослану-Давиду, в их лице центральной власти, укрепить свои позиции, она не могла не встретить яростной вражды со стороны политических противников Тамар и Сослана-Давида. Эти противники не раз ставили их в трудное положение, и хотя после поражения в открытой борьбе они внешне присмирели, однако не примирились с поражением. Их ненависть распространилась и на гениального поэта, чье творение прямо било по их эгоистическим, узкосословным устремлениям. Возможно, этим объясняется печальная судьба поэта, на чудесном творении которого воспитывались все последующие поколения грузин, но о личности, жизненном пути которого, к сожалению, мы так мало знаем.

Руставелология – обширная область филологической науки, достигшая больших успехов в раскрытии сущности гениальной поэмы Шота Руставели. Однако многие вопросы, связанные с интерпретацией различных аспектов поэмы, пока остаются нерешенными, спорными. Мы, естественно, не беремся осветить весь круг этих вопросов. Свой небольшой пассаж мы ограничиваем тем, что связано с отношением имени Сослана-Давида к сюжету и замыслу поэмы. Свою задачу при этом мы видели в приведении взглядов видных руставелологов по интересующим нас вопросам, высказывая попутно свое отношение к ним.

Мы не согласны с теми авторами (правда, они в абсолютном меньшинстве), которые отрицают связь поэмы с Сосланом-Дави-

дом или же принижают его место в поэме. Сослан-Давид, как выдающийся государственный и военный деятель, верным служением интересам феодальной Грузии занял заслуженное место в кругу исторических деятелей, внесших значительный вклад в создание и укрепление единой грузинской феодальной монархии. Все это нашло достойное отражение в грузинских исторических и литературных памятниках той эпохи, эпохи грузинского возрождения. Игнорировать это обстоятельство по каким бы то ни было доводам и соображениям неправомерно, так как исторически ошибочно.

Таков образ Сослана-Давида в современной ему грузинской литературе — в поэтических творениях И. Шавтели, Чахрухадзе и Шота Руставели, воспевавших деяния Тамар и ее прославленного мужа.

Образ Сослана-Давида вызывает пристальный интерес и у современных мастеров художественного слова. Но эта особая тема, не связанная с нашей задачей, — показать по возможности полно личность и жизненный путь славного сына осетинского народа, символа дружбы и братства грузинского и осетинского народов.

Следует также сказать, что Сослан-Давид оставил добрый след и в грузинском устном народном творчестве. Многие памятники устного творчества, посвященные Сослану-Давиду, естественно, с течением времени (ведь прошло почти восемь столетий со дня его смерти) стерлись из памяти народной, некоторые были заслонены образом Тамар. Тем не менее, имя Сослана-Давида с уважением произносится в прекрасном народном стихотворении «Царица Тамар». В нем Тамар ставится в заслугу, что она была супругой Сослана-Давида и возвеличила его. Приведу это стихотворение, которое у нас все знают с детства, на грузинском языке с русским подстрочным переводом:

Sakartvelos dedop'ali,
Deda Kartlisa Tamari,
Si nSvenierit mosili,
Amomavali mzis dari.
Davit Soslanis meuhle,
Romels ums'vena mar mxari.
Didubesi ikorc'ina,
Sadac rom saqdari ari.
Asi suli cxvari dak'les
Da orasi nis'a xari.
Kvriv-oblebsac ic'galobes
Okro-vercxli didi dzali.

Царица Грузии,
Мать Картли Тамар,
Красотою облаченная,
Подобие восходящего солнца.

Супруга Давида-Сослана,
Которому украсила плечо (жизнь),
В Дидубе венчалась,
Где имеется церковь,
Закололи сто баранов
И двести быков с белыми
пятнами на лбу.
Вдовам и сиротам же пожаловали
Много золота и серебра.

В другом лирическом стихе, от которого дошли фрагменты, оказывается, что Тамар в нужную минуту написала письмо царю Давиду своими хрустальными пальцами и доставку письма поручила ветерку.

После того, как мы видели, что все известные грузинские поэты — Шавтели, Чахрухадзе, Шота Руставели —современники Тамар и Сослана-Давида — свои творения посвятили царствующей чете, перед нами, естественно, встает вопрос — как обстояло дело в грузинском искусстве той эпохи. Считалось, что до нас дошли четыре портрета Тамар, где она три раза изображена с царем-мужчиной и три раза — с сыном Георгием-Лаша[15]. Эти портреты хорошо изучены в грузинской искусствоведческой литературе. Мы не осмеливаемся вступать в рассуждения по искусствоведческим вопросам, но хочется высказать свои соображения относительно идентификации мужских фигур Бетанийской и Кинцвисской церквей.

Заслуживает внимания устойчивая традиция изображения Тамар в кругу семьи. Традиция эта вполне закономерная и соответствующая исторической действительности Грузии эпохи Тамар. Так, на северной стене Вардзийской церкви Тамар изображена в рост рядом с отцом — Георгием III — в царских одеяниях. Тамар держит модель Вардзийского пещерного храма. Тамар как здесь, так и в других росписях (Бетания, Кинцвиси, Бертубани) носит мужское царское одеяние, а не одеяние царицы. Лишь детали головного убора, прическа и наличие украшений свидетельствуют, что в данном случае мы имеем женское портретное изображение. Анализ головного убора царицы говорит, что она еще не была замужем, так как у нее нет ни жемчужной нити, ни повязки под подбородком, что налицо в остальных ее портретных изображениях. К изображению Георгия III имеется надпись: «Царь царей всего Востока, Георгий, сын царя царей Деметре», а к изображению Тамар «Царь царей

[15] В настоящее время фресковых портретов Тамар известно шесть. На трехфигурных ктиторских фресковых композициях в церкви Иоана Крестителя в Гареджи и в церкви Вознесения близ с. Озаани (в Кахети, в Кизики), на которые обращено внимание в последнее время, изображены Тамар, ее муж Давид и сын Георгий Лаша.

всего Востока, дочь Георгия Тамар, которая долго действует». Изображения выполнены приблизительно в 1184—1186 гг. (Амиранашвили, 1963. С. 222).

Г. Алибегашвили, посвятившая специальную монографию портретным изображениям Тамар, в связи с композицией Вардзийского храма обратила внимание на то, что «совсем еще юная Тамар изображена много меньшей стоящего впереди ее отца» (Алибегашвили, 1957. С. 20). Об этом мы вспоминаем в связи с тем, что в бетанийской и кинцвисской композициях, которые представляют большой интерес для нашей цели, такой диспропорции фигур не наблюдается.

В Бетании, в 18 км от Тбилиси, в ущелье р. Вере стоит один из блестящих памятников грузинского зодчества времени политического и культурного развития Грузии при царице Тамар. Это купольный храм во имя богородицы, вытянутый в направлении с востока на запад прямоугольник; выступы стен алтаря, вписанного в прямоугольные очертания внешних стен, и два свободно стоящих устоя несут многооконный барабан, перекрытый куполом (Шмерлинг и др., 1960. С. 84).

Храм в 1877 году посетил известный грузинский ученый-филолог Ал. Цагарели. Он подробно описал его: «...Церковь не имеет того величественного вида, какой представляют... монастыри Гелатский и Мартвильский, не будучи так выгодно расположена, как они; но достоинством своего строительного материала, состоящего из разноцветного тесаного камня крепкой породы, изяществом и благородством стиля она если не превосходит, то не уступает им и производит на зрителя в высшей степени светлое впечатление... Везде на стенах, где только штукатурка не отстала, отстались изображения, а в алтаре они вполне уцелели... Постройку ея Вахушти приписывает царице Тамар, которой портрет уцелел в группе, находящейся на северной стене, направо от алтаря. Длина группы 7 шагов, вышина около 2-х сажен. По сторонам находятся изображения святых, лица которых почти совсем стерты. Затем следует портрет молодого человека без бороды и без усов; на нем грузинская корона, одет в грузинскую бархатную куртку (куладжа), носит саблю, стоит несколько боком к Тамар и указывает руками на нее. В изображении молодого человека видят портрет Георгия Лаша, сына и наследника царицы Тамар. Сама Тамар представлена высокою, красивою женщиною... в грузинской царской короне, унизанной жемчугом, в порфире из синего бархата, подбитой горностаем; две большие косы висят по обеим сторонам лица, которое совершенно открыто, руки обращены на возле стоящего, также в порфире и короне, с бородой, мужа ея Давида, который в одной руке держит жезл, другой указывает на возле стоящего святого. К сожалению, копия снята не со

всей группы, но только с изображения царицы Тамар» (Цагарели, 1877. С. 228).

Мы привели эту длинную цитату из работы Ал. Цагарели потому, что он фактически единственный известный нам автор, который мужское изображение рядом с Тамар относит к Сослану-Давиду. В грузинской специальной литературе портрет относят к Георгию III, отцу Тамар.

Искусствоведы считают, что в Бетании, как и в Кинцвиси, (храм св. Николая, в ущелье р. Кинцура, в Карельском районе) рядом с Тамар и Георгием-Лаша изображен Георгий III, отец Тамар. По словам акад. Ш. Амиранашвили, в Бетании «Первым изображен Георгий III – «царь царей, великий Георгий». За ним представлена его дочь Тамар – «царь и царица цариц Тамара». Георгий Лаша имеет надпись – «Георгий царь царей, сын Тамар»[16].

На основе надписей на ктиторских портретах Ш. Амиранашвили предполагает, что роспись выполнена после смерти Георгия III (ум. 1184 г.) и Давида-Сослана (ум. 1207 г.), так как Тамар объявила сына «царем царей» и разделила с ним престол после смерти своего мужа Давида-Сослана, т. е. после 1207 года. Следовательно, роспись в Бетании выполнена около 1207 года при жизни Тамар (ум. 1213 г.) по заказу великого Сумбата, в монашестве Симона, бывшего мандатуртухуцеси Георгия III. Сумбат и его сын Липарит-эристав Картли принимали участие в заговоре против Георгия III, возглавляемом военным министром Иване Орбели за возведение на престол своего зятя царевича Демна, сына старшего брата Георгия III – Давида. Заговорщики были строго наказаны. Липарит бежал в Иран, Сумбат был смещен и пострижен в монахи в родовой усыпальнице рода Орбели в Бетании (Амиранашвили, 1963. С. 222–223).

Если Бетани являлась родовой усыпальницей Орбели, то нам непонятно, почему царственные особы называются ктиторами или же почему Сумбат-Симон заказал портрет человека (Георгия III), уничтожившего его род, в том числе его сыновей? Тем более, он тогда уже не мог быть живым.

Е. Привалова посвятила статью росписи Бетании. На основе анализа исторических данных и опираясь на специальную литера-

---

[16] Это мнение Ал. Цагарели разделял С. Гогоберидзе. См: Мари Броссе. История Грузии // Пер. и коммент. С. Гогоберидзе. Изд. Н. Гогоберидзе. Тифлис, 1895, с. 177, св. I (на груз. яз.). С. Гогоберидзе считал, что в Вардзии, как и в Бетании, изображены Тамар и ее муж Давид. Дм. Бакрадзе в работе «Кавказ в древних памятниках христианства (Зап. общ-ва любителей Кавказской археологии, кн. I. Тифлис, 1875) в связи с описанием Бетании говорит только о портрете Тамар. «...Вправо от входа в церковь на стене бросается в глаза портрет царицы Тамар во весь рост и в царском облачении... Совершенно такой же портрет я видел в знаменитом Вардзийском монастыре» (с. 40), Амиранашвили, 1963. С. 225.

туру, она правомерно заключает, что постройка Бетании, ее роспись относятся к середине XII в. После подавления заговора 1177–1178 гг. и наказания его участников Георгий III опять сделал Бетани царской собственностью. И тогда церковь была заново расписана. Напротив ктиторских портретов Орбели, где ранее были изображены Сумбат и три его сына, появилось изображение одержавшей победу над феодалами царской семьи (Привалова, 1980. С. 58).

Портреты сыновей Сумбата, как участников заговора, были стерты.

Для датировки портретов царской семьи большое значение придается одеянию царевича Георгия-Лаша. Описание его одеяния Ал. Цагарели мы уже привели. Г. Алибегашвили пишет, что Георгий Лаша облачен, очевидно, в парадное военное одеяние. «Костюм этот, очевидно, царский или придворный, как предполагает проф. И. Джавахишвили... Голова Георгия-Лаша увенчана высокой зубчатой короной с драгоценными камнями, украшенными жемчужными подвесками. Корона и меч свидетельствуют, что совсем юный царевич Лаша изображен здесь уже коронованным, следовательно, дата росписи определяется примерно 1207 годом, так как Георгий Лаша, родившийся в 1192/93 году, был коронован при жизни матери в 1207 году (Алибегашвили, 1957. С. 25).

Если оставить в стороне проблематичность дат рождения Георгия Лаша и его возведения в соправители матери (1192/93 и 1207 годы условны, приблизительны и вызывают серьезные возражения специалистов)[17], то главным аргументом датировки росписи являются корона и меч царевича. Если он корону и меч мог носить только после того, как стал соправителем Тамар, что имело место после смерти отца Сослана-Давида, то напрашивается вопрос — как был бы облачен Георгий-Лаша, если бы его решили изображать при жизни отца, когда он еще не был официально коронован? На этот вопрос нет ответа в специальной литературе. По нашему мнению, Георгий-Лаша со дня своего рождения был наследником престола. Достаточно вспомнить слова историка о том, что Тамар родила сына, «равного сыну божью... появился отрок, отпрыск (пророка) Давида, от века предназначенный быть сыном и царем, сыном помазанным» (Картлис цховреба, 1959. С. 56–57; История и восхваление, 1954. С. 53). И в каком бы возрасте его не изображали, его не могли изобразить без меча и короны. Без меча и соответствующего головного убора не изображали даже рядовых представителей феодального сословия, рыцарей. Тем более это исключалось при изображении безусловного наследника престола — Георгия-Лаша.

---

[17] В настоящее время в грузинской историографии принято, что Сослан-Давид скончался в 1205 году (Силагадзе, 1966. С. 302; Кикнадзе, 1980. С. 146). Тамар скончалась в 1207 году (Одишели, 1976, № 1, с. 118–125).

Если исходить из этой посылки, то основной аргумент датировки царского семейного портрета в Бетании отпадает и тогда можно смело допустить, что изображения семьи Тамар были выполнены при жизни Сослана-Давида. Это наше предположение базируется не только на авторитетном описании (одном из самых древних) храма Бетании проф. Ал. Цагарели, но обусловлено и другими соображениями.

Прежде чем перейти к изложению этих соображений, коротко коснемся и Кинцвисской церкви, где почти точно повторяется композиция Бетании. Церковь св. Николая (в 2-х км. от с. Кинцвиси, по дороге Карели-Гвердзинети, где ручеек Кинцура вливается в р. Дзаму), кирпичная, крестово-купольная. Согласно специальной литературе, нижнюю половину северной стены здесь занимают изображения Тамар с сыном и отцом (Алибегашвили, 1957. С. 26; Макалатиа, 1961. С. 10; Амиранашвили, 1963. С. 228; Закарая, 1978. С. 79).

Четвертый дошедший до нас портрет Тамар находится в одной из гареджийских пустынь, в Бертубани. В пещерной зальной церкви на северной стене изображены Тамар и ее сын Георгий-Лаша. Одежда Тамар и Георгия такая же, что и на других изображениях. Над обоими портретами имеются надписи «Тамар, царь царей» и «Георгий, царь царей, сын Тамар», что относит дату исполнения росписи к тому времени, когда оба – и мать, и сын — царствовали, т.е. Тамар была еще жива, а Георгий уже возмужал (Алибегашвили, 1957. С. 30).

В Вардзии, как считает Г. Алибегашвили, Георгий и Тамар занимают одинаковое место, в Бетании же главенствующая роль Тамар подчеркнута не только помещением ее в центр композиции, но и тем, что фигура ее оптически кажется больше, так как платье у нее длиннее одежды ее отца... Ритмическая композиция портретных изображений на северной стене в бетанийской росписи повторена на той же стене в Кинцвиси. Исходя из самих изображений и совпадения композиции, время исполнения росписей Кинцвиси и Бетании относят почти к одному хронологическому отрезку (Там же. С. 35).

Г. Алибегашвили обратила внимание на то, что фигура Тамар в Бетании и Кинцвиси служит спокойной вертикалью между Георгием III и Георгием-Лаша. Однако здесь она никак не выделена между ними, и этому впечатлению не может воспрепятствовать даже логически обоснованное центральное положение Тамар (Там же. С. 36).

В специальной литературе также отмечено, что лица Тамар и Георгия III в росписи Кинцвиси похожи на те же лица в Бетании (Там же. С. 60). В Бетании «рядом с Георгием-Лаша» и сейчас читается «сын Тамар», рядом с Тамар; «царица цариц»; рядом с Георгием III: «царь царей» (Алибегашвили, 1957. С. 65)[18].

[18] Ш. Амиранашвили передает эти надписи так: «Георгий, царь царей, сын Тамар»; «Тамар царь и царица цариц»; «Великий царь царей Георгий» (Амиранашвили, 1961. С. 283; его же, 1963. С. 225).

Примечательно, что в Бетании Тамар упоминается как «царица цариц», а в Бертубани, где она изображена только с сыном, — «царь царей».

Обращают внимание на такой факт, что в Вардзии изображен вместе с Тамар ее отец Георгий, с черной бородой, тогда как в Бетании и Кинцвиси он изображается седым стариком. На этом основании делается заключение, что Георгий III скончался еще совсем молодым, а если его впоследствии изображали стариком, это потому, что художник не видел живого Георгия, и поэтому его образ решен условно (Привалова, 1980. С. 60).

Однако если эти фресковые портреты касаются одного лица (что очень сомнительно), то различие между ними во внешних аксессуарах (в одном случае черная, в других случаях — седая борода) можно было бы отнести за счет возрастных изменений изображаемого лица. Однако относительно Георгия III такое допущение неправомерно, ибо, как это справедливо указывается в специальной литературе, в Вардзии он изображен посмертно и, естественно, в последующих его изображениях, как бы они ни были схематичны и приблизительны, должен был сохраниться его традиционный облик. Если же эти портреты изображают разных лиц (такое предположение логично и вполне оправдано), то отмеченные различия во внешности изображаемых лиц легко объясняются их индивидуальными особенностями.

Теперь перейдем к изложению наших соображений относительно фигуры предполагаемого Георгия III на композициях Бетанийской и Кинцвисской церквей. На каком основании мы должны допустить, что при жизни Сослана-Давида Тамар и их сына Георгия Лаша изображали вместе с давно усопшим отцом Тамар? Может на это имеются веские аргументы? После знакомства с основной литературой по вопросу у нас создалось впечатление, что этой проблемой специально никто пока не занимался, а имена членов композиции Бетании и Кинцвиси переходили механически из одной работы в другую. Даже мнение такого крупного знатока грузинских древностей, как Ал. Цагарели, и высказывания переводчика и комментатора книги М. Броссе С. Гогоберидзе прошли мимо внимания специалистов и никак не оценены в литературе.

Возможно, специалисты не признают в изображенном рядом с Тамар мужчине в царском облачении ее мужа и соправителя Сослана-Давида на том основании, что он якобы не располагал царскими функциями, стоял в тени и к нему неприменим титул «царя царей». Потребовались огромные усилия специалистов, чтобы преодолеть инерцию выработанных на основе такого подхода произвольных концепций относительно поэмы И. Шавтели «Абдулмессиани». Нам кажется, что и здесь такое же положение и, как это всегда бывает, истина в конце концов восторжествует.

Сослан-Давид пользовался в Грузии, которой он служил верой и правдой, могучей десницей и талантом, огромным авторитетом. Историки, поэты высказывали ему восторженные похвалы. «Царь», «царь царей», «великий осетин», «божество грузин» — вот эпитеты, которыми украшали имя Сослана-Давида его современники. Его имя чеканилось на монетах рядом с именем Тамар. Он подписывался на документах совместно с Тамар. Они совместно и согласованно управляли государством. Личная жизнь у них сложилась блестяще. И никакой логики, никаких разумных аргументов нельзя найти для утверждения, что Тамар изображалась на фресковых композициях не рядом с мужем и сыном, а рядом с отцом и сыном. Оправдать такое утверждение династическими соображениями также будет неправомерно. Законность наследственных прав сына Тамар (от кого бы он не появился) была гарантирована царствованием Тамар и ссылки на ее отца Георгия III в фресковых композициях Бетании и Кинцвиси не могли вызываться какими-либо экстремальными факторами или соображениями. Наоборот, обход мужа Тамар в этих композициях был бы вопиющей несправедливостью к человеку, беззаветно преданному супруге, детям и своему новому отечеству. Игнорирование Сослана-Давида при изображении семьи Тамар не имеет никаких оснований и оправданий, и ни в интересах Тамар, ни в интересах ее наследников не было такое игнорирование царя — супруга Тамар и царя — отца Георгия Лаша. Ни Тамар, ни Георгий Лаша не позволили бы изображать себя без опоры — Сослана-Давида.

Могут возразить, что надписи к портретам исключают возможность признания в изображенном рядом с Тамар мужчине Сослана-Давида. Однако нужно учесть, что ни сами церкви, ни фрески на них, ни надписи к ним не могли сохраниться в первозданном виде. Их приходилось обновлять, восстанавливать. В этом процессе могли случиться ошибки.

Относительно Бетанийской церкви известно, что она была сильно повреждена. Все своды и купол обрушились и долго находились в таком положении. Сильно была повреждена ее роспись. В середине XIX в., когда Г. Гагарин в развалинах видел портрет Тамар, церковь реставрировали... Исправили изображения Георгия III и Георгия-Лаша. На основе микрохимического анализа установлено, что лица Тамар, Георгия III и Георгия-Лаша, а также буква «Т» в имени «Тамар» выполнены железной лазурью, изобретенной в начале XVIII в. и вошедшей в употребление с конца этого же века (Гильгендорф, 1982. С. 8; его же, 1983. С. 126—128).

И. Гильгендорф указывает, что в фототеке музея Грузии хранится сделанный Д. Ермаковым во второй половине XIX в. негатив, на котором надписи почти не видны, читаются только четыре буквы, в том числе «Т» в имени «Тамар». На копии композиции,

выполненной художником Коном в 1913 г., надписи в таком же состоянии, как на фото Ермакова. Делается заключение, что фон и надписи были возобновлены после того, как были сделаны фото Ермакова и копия художника Кона (Гильгендорф, 1983. С. 128).

Так что, как портреты, так и надписи к ним из интересующих нас композиций неоднократно подвергались обновлению и реставрации. Трудно судить, кем и на каком научном и техническом уровне выполнялись эти работы. Нас воодушевляет сообщение И. Гильгендорфа, что производится изучение всей росписи Бетанийской церкви с применением новейших технических средств. Будем надеяться, что такое изучение прольет свет на многие еще не ясные вопросы, в том числе и на те, которые нас здесь занимали.

На основании изложенного мы считаем возможным предположить, что в Бетании и Кинцвиси фресковая композиция изображает семью Тамар — ее, ее мужа Сослана-Давида и сына Георгия-Лаша. На обеих композициях Тамар является центральной фигурой и это вполне соответствует исторической действительности. Слева от Тамар муж — Сослан-Давид, справа сын — Георгий-Лаша. Такой порядок распределения фигур вполне соответствует юридическому статусу изображенных на композиции персон, а также целиком согласуется с этикетом расположения или следования людей строго по субординации (по значению или по старшинству).

Для идентификации фресковых портретов семьи Тамар большое значение имеет пятый портрет царицы из главного храма Гареджийского монастыря Иоана Крестителя. Несмотря на то, что фресковые изображения этого монастыря привлекли внимание соответствующих заинтересованных кругов в конце первой половины XIX в., в искусствоведческой литературе они долго оставались незамеченными. На них впервые обратил внимание искусствовед З. Схиртладзе (Схиртладзе, 1983. С. 96—110; его же, 1987. С. 108—113).

З. Схиртладзе обратил внимание на то, что наиболее древняя справка о портретных изображениях исторических деятелей этого монастыря принадлежит А. Муравьеву, который отмечал: «На задней стене храма, между ликами царственных покровителей церкви, сохранилась только внучка обновителя, царица Тамар, везде положившая печать своей славы, с мужем своим Давидом прекрасным и сыном Георгием» (Муравьев, 1848. С. 63).

На северном углу западной стены монастыря изображены Баграт IV (или же Георгий II), Давид Строитель (предположительно), Георгий III и далее наследница Георгия III — Тамар с семьей. Последнюю идентификацию З. Схиртладзе подкрепляет надписью, которая сопровождала фресковые изображения семьи Тамар и копия которой сохранилась в фондах Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. Там имеются образцы грузинской эпиграфи-

ки, выполненные в начале 40-х годов XIX в. по распоряжению экзарха Грузии Евгения. По мнению З. Схиртладзе, надпись эта особенно ценна тем, что она снята до чувствительного повреждения росписи. Надпись гласит: «Царь царей Тамар, дочь великого царя царей; царь царей Давид; сын их Ласа» (Ласа (искаж. Лаша) признается ошибкой переписчика («Сабчота хеловнеба», 1983. С. 106).

Ученый с сожалением отмечает, что фигура Лаша повреждена и что «неменьшего значения потерей является сильное повреждение единственного до сих пор точно идентифицированного изображения Давида-Сослана» (Там же. С. 107).

З. Схиртладзе вернулся к этому вопросу и позже, в связи с обнаружением в архиве Е. Такаишвили описания главного храма монастыря Иоана Крестителя с эпиграфической надписью. По описанию Е. Такаишвили, расположение фигур несколько иное: «На западной стене храма, в северном углу, сохранились остатки фресок выше пояса царицы Тамар, правее от нее, ее мужа Давида, а в середине — Лаша Георгия с такими надписями: «царь царей Тамар, дочь великого царя царей, сын их Лаша, царь царей Давид» (Там же. С. 109).

Ученого в этой надписи смущает то, что муж Тамар Сослан-Давид в обеих копиях фресковой надписи называется «царем царей» на том основании, что он в исторических источниках таким титулом обычно не именуется. Он сетует на то, что единственный случай упоминания Давида царем царей обнаружен в приписке Анчской библии 1204—1207 гг. (опубликована Т. Жордания в первом томе «Хроник»), хотя уже нельзя проверить ее достоверность из-за исчезновения Анчской библии. На этом основании он считает, что,«видимо, к копиям фресковых надписей главного храма Иоана Крестителя нужно подойти с определенной осторожностью» (Там же. С. 110—112).

Что ж, осторожность в науке необходима. Однако вряд ли нас должно смущать то обстоятельство, что Сослан-Давид называется «царем царей». Рядом с Тамар он всегда упоминается таким же титулом, как и сама Тамар, и это в порядке вещей. Однако в данном случае для нас важен не титул Сослана-Давида, а то, что он изображен в кругу семьи — с супругой и сыном.

Шестой, дошедший до нас в сильно поврежденной форме фресковый портрет Тамар и ее семьи сохранился в церкви Вознесения, расположенной в лесу, недалеко от с. Озаани (в Кахети, Сигнахском районе). Описание церкви еще в 1898 году дал грузинский публицист Антоний Натрошвили (из сел. Мачхаани.) По описанию А. Натрошвили, в церкви на стене еще хорошо сохранены портреты царицы Тамар и Сослана-Давида. Он ставил вопрос о восстановлении и возобновлении этого, пока неизвестного в грузинской и иностранной литературе прекрасного памятника культуры (Иверия, 1898, № 181). Однако этот благородный призыв остался гласом вопию-

щего в пустыне. Из недавно посвященной этой церкви статьи Т. Шаишмелашвили выясняется, что в настоящее время фресок на стенах уже не видно. Только на одном столпе изображены три фигуры: в центре – женщина, по сторонам – мужчины. От них сохранились лишь контуры. Возможно, они Давид, Тамар и Лаша. В статье говорится, что их нужно изучить (Шаишмелашвили, 1986). Вместе с многочисленными читателями молодежной газеты надеемся, что на сей раз благородный призыв журналиста достигнет цели.

В Бетании, Кинцвиси, в церкви Иоана Крестителя, Озаани портреты царствующей семьи были выполнены при жизни Сослана-Давида. Когда его не стало, перестали изображать его рядом с Тамар и Георгием Лаша. Примером служит Бертубани, где Тамар изображена уже с возмужавшим сыном, ставшим после смерти Сослана-Давида соправителем матери.

Если бы придерживались традиции изображать Тамар вместе с отцом и сыном, в Бертубани эта традиция не должна была нарушиться. Традиция и, нужно сказать, довольно устойчивая, безусловно, существовала. По этой традиции Тамар изображалась всегда в кругу семьи (при жизни Сослана-Давида они вместе упоминаются в дошедших до нас документах – подписывают их оба; их имена гравировались на чеканенных в то время монетах; они вместе воспеваются в литературных произведениях; они никогда не расставались за исключением периодов военных походов Сослана-Давида, и даже тогда Тамар всегда следовала за войсками, останавливалась в ближайшем храме и молилась богу о даровании победы мужу и войскам). По этой традиции в Вардзии она изображена вместе с отцом, в Бетании, Кинцвиси, в церкви Иоана Крестителя в Гареджи, Озаани – с мужем и сыном, в Бертубани – с сыном. Таким образом, указанная традиция никогда не нарушалась. Не случайно, что в Бетании Тамар называется «царицей цариц» (так она могла называться при жизни мужа. Кстати, муж называется в этой же композиции «царем царей»).

Нужно отметить, что порядок расположения фигур на фресковых композициях названных церквей вполне соответствует официально установленной (существующей) традиции упоминания членов царской семьи. Эта традиция сохранилась как в исторических источниках, так и в официальных документах. Так, просвещенный историк Тамар, автор «Истории и восхваления венценосцев», когда ему приходится упомянуть вместе с Тамар и Сослана-Давида, первым называет Сослана-Давида, вторым – Тамар, третьим – их сына Георгия (Картлис цховреба, 1959. С. 60, 63).

В приписке к Гелатской грамоте от 1202 года, которую утверждает своею подписью «царь Давид», содержится молитва: «Возвеличи и установи, боже, царей наших Давида, Тамар и сына их Георгия

Лаша» (Жордания, 1987. С. 81). Приписка сделана рукою Антония Чкондидели – мцигнобартухуцеси (канцлера Грузии). В приписке Анчской библии, выполненной по поручению архиепископа Анчского, содержится такая же приписка-молитва: «Возвеличи и установи, боже, сильные и непобедимые Давида царя царей, богом коронованную Тамар царя царей и царицу и направь царство их сына» (Жордания, 1892. С. 293).

Все эти факты исходят от лиц, хорошо знавших официальную традиционную субординацию царского двора, которая должна была неукоснительно соблюдаться и во фресковой живописи.

Нам думается, что изображения Тамар и Сослана вовсе не ограничивались упомянутыми выше композициями. Многие, видимо, не дошли до нас по вине разрушающей силы времени или же из-за непрерывных опустошительных вторжений завоевателей, беспощадно уничтожавших памятники культуры. Не исключено, что список их увеличится.

Следует отметить, что Сослан-Давид вместе с Тамар упоминался в надписи т. н. Ламази Сакдари в с. Липаритис-убани (на р. Храми), называвшейся также Каклиани или Чатахи. Церковь, постройка которой приписывается Федору (католикосу при царице Тамар), по свидетельству Е. Такаишвили,уже в начале XX в. была сильно повреждена, а в настоящее время, как выясняется, она вовсе перестала существовать (Такаишвили, 1913. С. 111–112).

Таким образом, изображения на фресковых композициях Бетанийской, Кинцвисской и других церквей хорошо вписываются в общую картину комплекса взаимоотношений между Тамар и Сосланом-Давидом, вполне согласуются с показаниями как исторических, так и литературных и фольклорных источников, наконец, с традиционными тесными многогранными грузино-осетинскими взаимоотношениями, олицетворением которых являлись Тамар и Сослан-Давид.

ПОСЛЕСЛОВИЕ***

Издательская работа над текстом монографии «Сослан-Давид» подходила к концу, когда из Тбилиси пришла горестная весть: 19 ноября 1989 г. скончался ее автор Георгий Давидович Тогошвили. Всегда трудно смириться с мыслью о смерти человека. Вдвойне тяжело осознать факт, что эта книга завершается посвящением памяти автора...

Научный путь Г.Д. Тогошвили при всей своей краткости был цельным и определенным. Во многом сложные жизненные перипетии отразили личные качества и устремления незаурядной индивидуальности самого Георгия Давидовича. Он как историк, как круп-

ный ученый больше знаком научной общественности Грузии и Южной Осетии. Это и понятно, ведь основная часть его работ была опубликована на грузинском языке, поэтому в Северной Осетии научное творчество Г.Д. Тогошвили мало или вовсе не известно. Данное обстоятельство явилось побудительным фактом сказать несколько слов о ее авторе, сообщить читателю краткие биографические сведения.

Г.Д. Тогошвили родился в 1932 г. в сел. Тогоиани (Тогойтикау) Каспского района Грузинской ССР в крестьянской семье. Заменив в семье отца, погибшего на фронте в 1942 г., он сполна познал тяготы военного детства. Совмещая работу с учебой, Г.Д. Тогошвили заканчивает среднюю школу в сел. Квемочала и в том же году поступает в педагогический институт им. Н.А. Бараташвили в г. Гори. Диплом с отличием после окончания института позволил в том же 1954 г. поступить в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР по специальности «История народов Северного Кавказа».

В стенах этого известного в нашей стране и за рубежом научного учреждения прошла вся его научная деятельность. Здесь были написаны и защищены в 1959 г. кандидатская, а в 1971 г. докторская диссертации. В этом институте профессор Г.Д. Тогошвили с 1977 г. до самой смерти возглавлял отдел Истории народов Кавказа. На этом поприще он самоотверженно трудился, без остатка отдавая любимому делу свои силы, способности и жизненную энергию. За свою, до щемящей боли, короткую научную жизнь он стремился стать достойным воспитанником знаменитой на всю страну грузинской исторической школы, благодарным учеником ее блистательных корифеев.

У Г.Д. Тогошвили осталось значительное научное наследие. Он автор нескольких десятков трудов, посвященных целому ряду проблем истории горских народов Кавказа. Особенно ярко его изыскательский талант проявился в разработке различных аспектов грузинско-осетинских взаимосвязей. Именно этой проблематике были посвящены его монографические исследования.

Темой его кандидатской диссертации стали «Грузинско-осетинские взаимоотношения с древнейших времен до конца XIV века». Взявшись за разработку малоисследованной проблемы, Г.Д. Тогошвили собрал богатый и разносторонний фактический материал из грузинских, армянских, византийских и латинских источников. Пожалуй, до него никому не удавалось подвергнуть такому тщательному и скрупулезному изучению многочисленных грузинских источников по данной теме.

В своем исследовании молодой ученый пришел к выводу о том, что грузинско-осетинские отношения имели длительный и много-

аспектный характер. Интенсивные военно-политические, экономические и этнокультурные связи играли важную роль в истории двух народов. Осетины, как правило, являлись военно-политическими союзниками грузин, участвовали в многочисленных военных предприятиях против их завоевателей и нередко выступали участниками внутрифеодальной борьбы, происходившей в Грузии в различные периоды ее истории.

Названная работа была издана в г. Цхинвали в 1958 г. Вслед за этим в 1969 г. в г. Тбилиси были опубликованы сразу две монографии: «Грузинско-осетинские отношения в XV—XVIII вв.» и «Взаимоотношения между грузинским и осетинским народами в 1801—1921 гг.». По существу, эти книги явились логическим продолжением работ по названной выше проблематике. Основной лейтмотив двух этих работ — исторические судьбы двух братских народов, самым тесным образом переплетенных между собой. В них большое внимание ученый уделяет вопросам борьбы грузин и осетин против завоевателей, борьбы за национальное и социальное освобождение, вопросам экономических и культурных связей между ними. Подробно исследованы также вопросы, связанные со временем и условиями переселения части осетин с северного склона Кавказа на южный и их расселению на территории Южной Осетии и Грузии в ранне- и позднефеодальный период. В 1977 г. в тбилисском издательстве «Мецниереба» вышла книга «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах». В сравнительно небольшой по объему книге были собраны и проанализированы интереснейшие сведения по истории и этнографии осетин.

Вахушти Багратиони — сын грузинского царя Вахтанга VI — родился в 1696 г. Для своего времени получил разностороннее образование и оставил ценные материалы по географии, картографии и истории. Его справедливо считают вершиной грузинской феодальной историографии. В своей работе «Описание царства Грузинского // Аг'ц'эра самэп'оса сакартвэлоса», законченной в 1745 г., он посвятил большой раздел Осетии и осетинам. Вахушти пользовался не только средневековыми летописями сборника «Житие Грузии // «Картлис Цховреба», но и личными впечатлениями. Хорошо известно, что его отец Вахтанг, дядя Арчил и он сам во время феодальных смут в Грузии неоднократно скрывались в Осетии. Факты их длительного пребывания в Осетии позволяют судить о достоверности сообщаемых им сведений. Это тем более важно, что после XV в. данный источник является одним из первых описаний осетинской истории, культуры, хозяйственной и бытовой повседневности.

Изучение научного наследия Вахушти позволило привлечь и письменные, и другие сведения. В рецензии на эту книгу справедливо отмечалось, что значимость исследования Г.Д. Тогошвили не

только в высокопрофессиональном текстологическом анализе. В книге помещены иконографический и картографический источники по истории Осетии, а именно: средневековый герб Осетии и первая рукописная карта первой половины XVIII в. (см. газ. «Растдзинад», 14.04.1978 г.). Их выявление в архивохранилищах Грузии, интерпретация и публикация в научной печати — исключительная заслуга профессора Г.Д. Тогошвили.

Будучи образцом источниковедческого исследования, эта публикация послужила своеобразной основой для настоящей книги. В силу различных причин, не зависящих от автора, она так долго и тяжело шла к читателю. Исследователь первый обратился к тому факту, что Вахушти, игнорируя сведения современников царицы Тамар, предложил новую генеалогию для ее мужа и соправителя Сослана Царазона. Сослан представлялся в ней внуком царя Георгия I, сыном Деметре и, стало быть, по отцу и по матери принадлежал к династии грузинских Багратидов.

Г.Д. Тогошвили установил, что эта версия не просто повторяет или комментирует свидетельства современников Тамар, а вносит совершенно новые, не известные ранее положения. В ряде своих публикаций, в том числе и в этой посмертной публикации, он убедительно показал, что данное положение не подтверждается ни старыми грузинскими, ни армянскими, ни какими-либо другими источниками и представляет плод личного творчества Вахушти. Более того, ему удалось вскрыть мотивы, которые двигали царевичем Вахушти, когда он создавал свою версию. Аргументация точки зрения Г.Д. Тогошвили получила высокую оценку его известного коллеги профессора В.И. Абаева (см. альманах «Литературная Осетия», 1982, № 60, с. 121—122).

Профессиональная работа историка требует широкого обеспечения источниковедческой базы. Осознавая насущную необходимость доступности к грузиноязычным источникам своих коллег, Тогошвили осуществляет очень важную работу по их публикации. В 1962 г. в гор. Цхинвали был опубликован подготовленный совместно с И.Н. Цховребовым сборник «Истории Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVIII в.)». В книге собраны сведения по истории алан-осетин, причем ряд из них впервые публиковался на русском языке. В последние годы преимущественно доктором исторических наук Г.В. Цулая были осуществлены новые переводы грузинских летописей. Указанный сборник документов стал фактически библиографической редкостью, но своего научно-познавательного значения не потерял до сих пор.

Вместе с историком И.В. Хабалашвили была издана очень интересная работа «Население Осетии. Краткий историко-демографический очерк» (Цхинвали, 1983). В ней собраны материалы о дина-

мике численности алан-овсов и осетин с эпохи средневековья до наших дней. Ценность этой книги трудно переоценить, ибо исследований такого рода в осетинской историографии пока явно не достает.

Глубокие и разносторонние знания, академизм научных исследований и верность идеям интернационализма снискали Г.Д. Тогошвили заслуженный авторитет. Его компетентные мнения по тем или иным вопросам истории народов Кавказа всегда встречались с большим вниманием и уважением среди коллег. И все же как ни широки и разносторонни были его научные интересы, тем не менее уверенно можно сказать, что наибольшее внимание он уделял научной разработке истории родного осетинского народа, его историческим связям с соседними народами и, прежде всего, с Грузией. В этой сфере исторического кавказоведения он самый известный специалист. Он принимал самое активное участие в написании и подготовке к печати «Очерков истории народов Северного Кавказа» в двух томах (Тбилиси, 1969, 1978), «Очерков истории Юго-Осетинской автономной области» (Тбилиси, 1985) и «Истории Северо-Осетинской АССР» (Орджоникидзе, 1987).

Заметную роль сыграл Г.Д. Тогошвили в формировании научной интеллигенции осетин и других народов Кавказа. Многие ученые – историки вузов и научных учреждений Грузии и Северного Кавказа так или иначе ощущали заботу, внимание и участие Георгия Давидовича. Немало времени он уделял и педагогической работе. По совместительству профессор Г.Д. Тогошвили работал в Юго-Осетинском государственном пединституте им. К.Л. Хетагурова. Часто читал курсы лекций в вузах Северного Кавказа, в том числе на историческом факультете Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Со дня открытия в 1984 г. в гор. Тбилиси Народного университета осетинской культуры он был в числе его бессменных организаторов и руководителей, пропагандистов и популяризаторов прошлой и настоящей культуры Осетии.

Высокая профессиональная культура и сердечная щедрость – именно эти качества поражали в Георгии Давидовиче. Он был мастером пробуждать мысль, развивать истинные понятия о долге и чести. Мягкость и добродушие по отношению к коллегам, вообще к людям, в соединении с требовательностью, компетентностью были яркими чертами его нравственного склада. Таланту нужно время, чтобы он выявился как можно полнее, во всем многообразии и силе. К сожалению, в жизни очень часто случается по-другому. Тяжелая болезнь в расцвете творческих сил и планов оборвала жизнь замечательного человека, истинного рыцаря науки, видного педагога. Осетинский народ лишился одного из лучших своих сыновей.

Монография «Сослан-Давид» является результатом многолет-

него кропотливого труда ученого. История той далекой эпохи содержит еще много неясностей, поэтому данная работа окажет неоценимую помощь читателю. Мы совершенно уверены, что она вызовет живейший интерес. Обращают на себя внимание насыщенность исследования конкретным фактическим материалом, широкий круг аналогий, использованных автором для убедительного доказательства своих рассуждений. Ценность данной публикации состоит еще в том, что Г.Д. Тогошвили исподволь знакомит нас с достижениями грузинской историографии по исследуемой теме в истории, филологии и искусствоведении. Это тем более важно, что они практически не знакомы или мало знакомы русскоязычному читателю. Книга, которая ныне уже посмертно выходит в свет, достойно венчает научный и жизненный путь незабвенного Георгия Давидовича Тогошвили.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Монография Г.Д. Тогошвили «Сослан-Давид» вышла на русском языке в издательстве «Ир» (Владикавказ, 1990). Рецензировали ее В.И. Абаев, И.В. Мегрелидзе, И.В. Хабалашвили и Л.А. Чибиров., а ответственным редактором выступил Б.П. Березов. В аннотации на обороте титульного листа говорится: «В книге на основе научно-критического анализа исторических источников воссоздается картина жизни и деятельности крупного государственного и военного деятеля средневековой Грузии осетинского царевича Сослана-Давида, рассматривается целый комплекс вопросов, связанных с его именем. Книга представляет интерес не только для специалистов-историков, но и для широкого круга читателей.

** В тексте опечатка: Грузия расположена не на юго-западном побережье Черного моря, а на юго-восточном побережье.

*** Послесловие к книге «Сослан-Давид» написано замечательными представителями исторического осетиноведения Б.П. Березовым и В.С. Уарзиати.

ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ ОБ ОСЕТИИ И ОСЕТИНАХ*

ВВЕДЕНИЕ

Вахушти Багратиони, сын Картлийского царя Вахтанга VI от крестьянки, выдающийся деятель, ученый-историк первой половины XVIII века, родился в 1696 году. Для своего времени он получил хорошее образование. Был «поэтом, переводчиком, лексикографом, географом, историком. Однако, в его богатом научном наследии главное место все-таки занимают географо-картографические и исторические труды. В памяти потомков он стался выдающимся географом и историком» (Габашвили, 1969. С.7).

Труды Вахушти Багратиони справедливо считаются вершиной грузинской феодальной историографии. Его произведения являются не только показателем его мировоззрения в качестве ученого историка, но и итогом грузинского феодального исторического мышления. По этой причине его научное наследие никогда не оставалось без внимания. Данное обстоятельство Ив. Джавахишвили объясняет следующим образом: «Труд Вахушти является результатом настолько основательного изучения исторических источников и глубокого наблюдения тогдашнего быта и положения Грузии, что и в будущем будет овеян знаменем бессмертия и никогда не потеряет своего значения» (Джавахишвили, 1945. С. 331).

Объем представленного труда не дает возможности для более просторного изложения жизни и деятельности Вахушти. К тому же вопрос довольно глубоко изучен самими же грузинскими учеными (Бердзенишвили, 1941; Джанашиа, 1947; Месхиа, 1947; Габашвили, 1947; Маруашвили, 1956 и др.). Из деятельности Вахушти мы особо выделяем только те моменты, из которых следует, что он хорошо знал быт и историю осетин. Поэтому его сведения об истории и состоянии осетинского народа является ценным источником для изучения социального, общественного, экономического и культурного состояния средневековых осетин.

Осетию и осетин хорошо знал отец Вахушти — Вахтанг VI. Этот последний в течение многих лет вместе с дядей Арчилом укрывался то в Зарамаге, то в Дигоре (Тогошвили, 1969. С. 117). А когда Вахтанг VI стал царем Картли, он в 1711 году совершил поход в Осетию. По сведениям Вахушти, «царь вновь ополчился и вступил

в Осетию, огнем и мечом разрушил и разорил крепости и башни, пленил непокорных, добрался до Зарамага, потом Жгельским ущельем повернулся обратно и через Кедело прибыл в Кударо, а оттуда вернулся в Картли победителем. Овладел Двалетией и обложил данью» (Картлис цховреба, 1973. С. 491).

Во время этого похода Вахтанга VI его сын Вахушти был уже 15-летним юношей. Когда же в 1719 году после длительного пребывания в Иране Вахтанг вернулся в Грузию в качестве царя Картли и начал сводить счеты с противостоящими ему феодалами, а Ксанский эристав Шанше изменил ему и укрепился в своем поместье, то «царь Вахтанг, — по сведениям Вахушти, — направил против него в Ксани своего сына Бакара, а самого Вахушти направил в Лиахвское ущелье. Они вступили в эти места и разрушили все» (Там же. С. 498).

Известно также, что после достижения зрелого возраста, Вахушти принимал активное участие в политической жизни Картлийского царства. Когда же в 1724 году Вахтанг VI был вынужден покинуть Грузию и с огромной свитой подался в Россию, вместе с ним в эмиграцию отправился и Вахушти. Из Рачи через Гурдзиевцекский перевал и Дигорию Вахтанг со своей свитой взял направление в сторону России.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Вахушти непосредственно был знаком со многими районами Осетии. При этом если принять во внимание мнение исследователей о том, что для своего будущего сочинения он с самого начала собирал материалы, то следует допустить, что он соответствующим образом воспользовался контактами с определенными районами Осетии. Разумеется, у Вахушти имелись и другие источники информации об Осетии. Отец его — Вахтанг — долгое время укрывался в Осетии, и поэтому сам Вахтанг и его окружение, по всей вероятности, были хорошими источниками информации для Вахушти об Осетии и осетинах. Отношение Вахтанга с Россией осуществлялось посредством дорог, проходящих через Осетию. Думается, что передвижения по этим дорогам послов и других служб для Вахушти также являлись одним из источников получения нужных сведений.

Кроме вышеотмеченного, при Картлийском царском дворе, имеющем систематические и непосредственные взаимоотношения с Северной Осетией, были хорошо информированы о многих сторонах жизни осетинского народа, о территории его проживания и обычаях. Что же касается южных осетин, то они считались подданными Картлийского царского двора и поэтому плечом к плечу с грузинским народом принимали активное участие в политической жизни страны. Поэтому не является неожиданностью то обстоятельство, что Вахушти посвятил описанию Осетии довольно боль-

шое место в своем сочинении и этим внес неоценимый вклад в освещение средневековой истории Осетии.

Сведения Вахушти об Осетии широко использовались и используются исследователями различных областей, в первую очередь историками и этнографами. Например, наиболее полный анализ сведений Вахушти о двалах дает В. Гамрекели (Гамрекели, 1961); этнографу А. Магометову принадлежит статья – «Вахушти об Осетии и осетинах» (МЭГ, XII – XIII. Тб., 1963).

Целью нашей работы является ознакомление читателя в целом с точкой зрения Вахушти о происхождении осетин, об их древней и средневековой истории, материальной и духовной культуре в свете современной ему историографии[1].

---

[1] С рукописью труда познакомились и высказали ценные пожелания коллеги Г. Гасвиани и Дж. Гвасалиа, за что приношу им большую благодарность.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОСЕТИИ ВАХУШТИ

§1. Вопросы этногенеза и древней истории осетинского народа в трудах Вахушти

Вахушти в своем известном труде «Описание царства грузинского» посвятил Осетии отдельную главу: «Описание современной Осетии, или Внутреннего Кавказа». В ней последовательно излагаются сведения об истории, географии и экономике Осетии, физическом типе ее населения, занятиях, обычаях и общественном быте осетинского народа.

Рассматривая вопросы древней истории Осетии и отношений осетин с народами Кавказа, Вахушти исходит из этногенетической концепции Леонтия Мровели, но при этом придает своеобразную интерпретацию этой концепции. Описание Осетии он начинает следующим образом: «Страна эта, которую мы описали, является уделом Кавказоса, сына Таргамоса (Картлис цховреба, 1973. С. 632–633.). Из описания следует, что в этногенезе осетинского народа принимали участие местные кавказские элементы (потомки Кавказоса, картлийские и сомхитские пленные) и пришлые «хазарские» элементы. Приход «хазарского» элемента на Северный Кавказ вызвал перемещение местных племен, в частности, появление потомков Кавказоса в горной полосе.

В горной полосе Кавказа, по представлениям Вахушти, произошла концентрация потомков Кавказоса. Они стали данниками «хазаров». Кавказцы, проживающие западнее Терека, один раз в два года платили дань, из-за чего царь «хазаров» Урбанос страну их проживания назвал «Дуалетией» (два лет). В связи с этим примечательно, что еще Ю. Клапротом, а потом и другими исследователями отмечалось, что в нашествии «хазаров» Леонтия Мровели подразумевался известный приход скифов[2]. Обозначение равнины Северного Кавказа названием «оси» Вахушти считает образованием на кавказской почве. Однако название «Овсетия» (Осетия у него ни-

---

[2] Сначала Ю. Клапрот, затем другие исследователи отметили, что под вторжением «хазар» Леонтий Мровели подразумевает известное нашествие скифов. (Меликашвили, 1959. С. 35.)

как не связывается с «оси») он представляет образованием такого же порядка, что и «Дуалетия», заявляя, что «Овсети» обозначает «тесва» (сеять), то есть заселение покоренных.

Приведенные этимологемы, подобно некоторым другим, не имеют научной ценности. Тем не менее, заслуживает внимания то обстоятельство, что Вахушти, подобно Леонтию Мровели и его источникам, сложные этимологические процессы, протекающие на Северном Кавказе, начиная с первой половины первого тысячелетия до н.э., воспринимаются как реальные и значимые события.

По мнению Вахушти, подчинение горского населения Центрального Кавказа, или двалов, и их восточных соседей — дзурдзуков осетинам — наследникам «хазаров», продолжалось довольно долго. После воцарения в Грузии Фарнаваза произошло разграничение сфер влияния: Дзурдзуркетия и Двалетия остались в распоряжении Фарнаваза, а другие ущелья Кавказа, которые также являлись Двалетией, заняли осетинские цари. И поскольку они заселились в этих ущельях, то покорили и местное население, после чего их стали называть «Овсетией». На какие материалы опирался Вахушти, кроме сочинений Л. Мровели, когда утверждал создание осетинской этнической единицы в Центральном Кавказе после нашествий «хазаров», нам неизвестно. Но, тем не менее, верность его логических построений не вызывает сомнений. Сложный процесс этногенеза осетинского народа у Вахушти дается схематически, но компоненты этого процесса в ней предусмотрены правильно.

Какую территорию подразумевает Вахушти в тех частях Двалетии, которая осталась у Фарнаваза или была занята и подчинена осетинскими царями? Фарнавазская Двалетия «делится на ущелья и по ущелью называется: Касарское ущелье, Зарамаг, Жгеле, Нар, Зрого и Заха. Другие ущелья, которые остались у осетинских царей, называются: Чими, Тагаури, Куртаули, Валагири, Пайком, Дигора и Басиани. Эти названия исходят от названий поселений или от пришлых осетин, прибывших сюда в результате вторжения сначала Чингисхана, а затем и Бату-хана. Бежавшие и укрывшиеся в ущельях Кавказа осетины давали ущельям названия по господствующим фамилиям, а такими осетинскими фамилиями были: Басиани, Баделидзе, Черкесидзе, Тагаури, Куртаули, Сидамони и Чахилидзе. Территория, где до монголов проживали осетины, назвали Черкесией, или Кабардой, а Двалетию, куда вступили осетины, назвали Осетией (Картлис цховреба, 1973. С. 633—634).

Таким образом, под древней Двалетией подразумевается весь горный Центральный Кавказ — полоса, находящаяся между Главным Кавказским хребтом и «Черкесской горой», начиная от реки Терека до Балкарии. Под «Черкесской горой» некоторые исследователи подразумевают так называемый «Скалистый хребет, растянув-

шийся параллельно и севернее от Главного Кавказского хребта» (Робакидзе, Гегечкори, 1975. С.164). Но в некоторых ущельях указываются и такие пункты, которые находятся севернее этого хребта. Это обстоятельство дает возможность под «Черкесской горой» подразумевать так называемый Лесистый хребет, находящийся севернее и параллельно Скалистому хребту. Во всяком случае, на малой территории между этими хребтами существование неосетинского населения во времена Вахушти не обнаруживается.

По Вахушти, со времен Фарнаваза в распоряжении грузинских царей остались следующие районы Двалетии: Карское ущелье (по-осетински – Касараиком), Зрамага (Зарамаг), Жгеле (Згил), Нара (Нар), Зрого (Зруг), Заха (Закка). У осетинских царей остались: Чими (Цми), Тагаури (Тагиат), Куртаули (Куртата), Валагири (Уалагир), Дигора (Дигур), Басиани (Аси). По Вахушти, эти названия являются послемонгольскими, когда в эти места вошли остатки разгромленных осетин. Они распространили свои имена на заселенные ущелья (их назвали или по названию населенных пунктов, например, Чими, Зарамаг, Нара, или же по названию господствующих фамилий, например, Тагаури, Куртаули и др.), а историческую Осетию стали называть Черкессией или Кабардой.

К этническому происхождению и политической судьбе населений названных территорий Вахушти возвращается в конце описания Осетии под названием «Жизнь» (История). Он здесь повествует, что наследник Кавказоса Дзурдзукос начал платить дань «хазарам», после чего восточнее от Хеви ущелья стали называться Дзурдзукетией (Картлис цховреба, 1973. С. 654). И здесь Вахушти подчеркивает, что западнее от Хеви (район истока Терека), на территории Двалетии, южнее Касарских ворот обосновались наследники Кавказоса, которые находились в общем подчинении обосновавшегося на востоке от Хеви Дзурдзукоса и его наследников. Обе группы наследников Кавказоса до царя Фарнаваза подчинялись мцхетскому старосте. Фарнаваз женитьбой на женщине из рода Дзурдзукоса еще больше упрочил свое господство над ними и таким образом превратил их в данников грузинских царей. Северные же ущелья центральной части Кавказа (горная полоса современной Северной Осетии) с самого начала оказалась в подчинении осетинских царей. Такое положение продолжалось долго, вплоть до XIII в. После этого следует нашествие татаро-монголов, и Осетия подвергается разгрому и разорению от Чингисхана и, особенно, от Бату-хана. Царство в Осетии перестает существовать, а сами осетины, спасаясь от татаро-монголов, укрываются в ущельях Кавказских гор. Осетия превратилась в пустыню и стала называться Черкесией. В последующем, после нашествия Тимурленга и взятия Константинополя Татарханом, Осетия подверглась повторному и еще более разруши-

тельному нашествию, в результате чего усилился поток беженцев в Кавказские горы и захват осетинами земель соседей, которые назывались двалами, а собственно Осетия превращается в Черкессию, или Кабарду (Там же. С. 654–655).

Из приведенной выдержки следует, что Вахушти приход осетин в горы Центрального Кавказа представляет нам в качестве двухэтапного явления. Первый раз такой исход осетин и их приход в Кавказские горы произошел в результате нашествий Батыя и других монгольских ханов, когда осетины были изгнаны из равнин Северного Кавказа и загнаны в узкие ущелья Кавказских гор. И чтобы они не вернулись обратно на равнины, в прежние места своего проживания, и тем самым не создавали опасности монгольским ордам и их табунам, монголы блокировали выходы из ущелий на равнины. По сведениям европейского путешественника В. Рубрука (1254 г.) (Рубруквис, 1943. С. 167) и магометанских авторов (XIV в.) – Рукнад-Дина Бейбарса и Эннувеира (Тизенгаузен, 1884. С. 116, 160), большой отряд монголов (10-тысячный) постоянно стоял на территории аланов и нес караульную службу.

Поражение осетин от монголов и их исход из равнин имели тяжелые последствия для осетин: царская власть аннулировалась, государственность была разрушена, города и строения были разгромлены, цветущий край превратился в пустыню. Вахушти продолжает, что окончательное поражение нанесли осетинам Тимурленг и Крымское ханство после того, как ими был взят Константинополь. Возможно, что в результате нашествий монголов осетины не полностью покинули прежние места проживания и, по мере ослабления монгольского владычества, они частично возвращались на равнины Северного Кавказа. Такое предположение тем более вероятно, что магометанские источники XIV в. неоднократно отмечали факт подчинения ясов (осетин) ханам Золотой Орды (Там же. С. 231)[3]. Выступления осетин против Тимур-ленга как в составе войск хана Золотой Орды Тохтамыша (Там же, 1941. С. 156), так и на стороне царя Грузии, привело в бешенство захватчика, и он безжалостно разорил Осетию. Шереф Эд-Дин Иезид, повествуя о разгроме асов (осетин) Тимурленгом, сообщает, что «те, которые остались живыми, растерянные и оставшиеся без крова над головой, влачили бродячую жизнь» (Там же. С. 181). Сам Вахушти в другой части своего сочинения повествует, что Тимур, находящийся в Бардва, «направил войска в Осетию», которые разгромили ее, так как они выступали на стороне грузинского царя» (Картлис цховреба, 1973. С. 272). Итальянский путешественник XV в. Иосиф Барбаро отме-

---

[3] На Куликовом поле в составе войск Мамая участвовали и племена ясов. – *Г.Т.*

чал, что «этот народ (ясы – осетины – *Г.Т.),* исповедующий христианскую веру, был истреблен и изгнан из своих мест проживания» (Барбаро, 1836. С.6).

Таким образом, факт массового проникновения осетин внутрь Кавказа к 40-м годам XIII в. следует считать достоверным. Это удостоверяется процессами, протекающими в низинах Картли с начала 60-х годов XIII в., о которых сообщают летопись и Парсадан Горгиджанидзе (Картлис цховреба, 1959. С. 251, 294, 317; Институт рукописей, ф. н, № 2140, фф.75, 85, 99–100). Однако тот факт, что центр тяжести Вахушти переносит на второй этап переселения осетин, заставляет думать, что этот этап был более значительным. Вытеснение осетин из равнинных районов Северного Кавказа вызвало заселение и обоснование на этих местах адыгских племен, в частности, кабардинцев, что, в свою очередь, отняло у осетин перспективу возвращения в эти районы. Известно, что осетины, гонимые монголами, большими массами переходили на равнины Картли и старались обосноваться там. Но, по сведениям Вахушти, они были изгнаны из районов Картлийской равнины Георгием Блистательным, который «непокорных уничтожил и подчинил», превратил в данников. И чтобы впредь не нарушили спокойствие в Картли, сам занял перевальные дороги (Картлис цховреба, 1973. С. 256).

Поражение и подчинение осетин, проживающих в Картли, установление контроля над перевальными дорогами, а на Севере постепенное упорядочение отношений осетин с монголами и, возможно, в связи с этим, возвращение части осетин на равнины, способствовали ослаблению роли «внутрикавказских» осетин. Здесь они смешались с местным двальским населением**, но не смогли инкорпорировать их по вышеназванной причине. Когда разгромленные Тимуром осетины вновь укрылись в горных ущельях, они уже больше не смогли мигрировать в сторону юга – к Картлийской равнине, ибо переходные дороги были уже закрыты. В таких условиях они были вынуждены удовлетворять свои требования на средства существования тут же на месте. По сведениям Вахушти, именно тогда осетины и заняли места проживания двалов, а собственную «Осетию стали называть Черкезией». В результате почти прекратила существование государственность Осетии. Последняя раздробилась на «множество княжеств», после чего в истории Осетии наступили черные времена.

§2. Природно-географическая характеристика Осетии

Вахушти следующим образом определяет границы современной ему Осетии: «Границами современной Осетии являются: с востока граница Трусо и Хеви, потом «Мкинварский Кавказ» и «Архотский Кавказ», которые направлены с юга на север и заканчиваются в

конце Хеви у реки Ломек. Дальше граница следует по реке Ломек до горы Хетадзе-Черкеза; с юга границей является Кавказ, начиная от «Хевис Кели» и на запад до Бруцсабдзела, потом Зикара, Кедела и «Кавказ между Рача-Дигора-Басиани»; с севера границу составляет высокая гора между Черкесией и Осетией, но черкесские горы лесистые, а осетинские — без лесов; с запада граничит с Кавказом между Рачой и Жгеле, потом между Басианом и Суанетией» (Там же. С. 634).

Таким образом, границы Осетии первой четверти XVIII в. Вахушти полностью разместил в высокогорной полосе Центрального Кавказа. При определении границ Осетии исходным для Вахушти был историко-этнический принцип, в частности, компактное расселение осетин «кавкасиата шина» (внутрь Кавказа), то есть на территории, считавшейся исторической Двалетией и образовавшейся в результате нашествий монголов и Тимурленга (XIII—XIV века) и окончательно оформившейся в XV в. Отсюда происходило просачивание и обоснование осетинского населения в Магран-Двалетии, у истоков Ксани (на Жамуре), в верховья ущелий Большой и Малой Лиахвы, в Кударо. При описании соответствующих районов Картли и Имеретии, а также в своей карте Вахушти фиксирует присутствие осетинского населения, но не относит их к Осетии.

Вахушти сначала досконально перечисляет границы Осетии, а затем определяет ее длину и ширину: «Длина от Хеви до сванетского Кавказа, а ширина от картлийского Кавказа до Черкезской горы» (Там же. С. 635). При определении пограничной линии в качестве ориентиров он приводит названия гор и ущелий рек. Например, «Мкинварис Кавкаси», «Ахотис Кавкаси», «Хетадзе-Черкезская гора», «Зикара», «Кедела», «меж Рача-Дигора-Басианский Кавказ», ущелье Терека. Названия гор у Вахушти исходят от названия тех пунктов или регионов, поблизости от которых они находятся. По современной географической номенклатуре Мкинварский и Ахотский Кавказ представляют собой Хохский хребет, который разделяет ущелье верхнего течения реки Терека, или Трусо, от бассейнов рек Ардона, Фиагдона и Гизельдона. «Кавказ между Рача-Дигора-Басиани», а также «Зикара» являются отрезками Главного Кавказского, или Водораздельного хребта, а «Кедела» является Шода-Кедельским хребтом.

Современник Вахушти — священник Егнаташвили (начало XVIII века) границы Картлийского царства определял следующим образом: «Сын Константина, царь Давид владел посюстороной Арагва, посюстороной Пшавской воды, Гудамакаром, посюстороной Хев-Хилака, посюстороной Карского ущелья, южным склоном Цедиской горы и Кударом. Правитель Имеретии владел посюстороной Цедиской горы, посюстороной Дигорской горы» (Картлис цховреба, 1959. С. 349).

Разумеется, что границы грузинских царств и княжеств менялись под влиянием различных политических факторов, но северные

границы Картлийского и Имеретинского царств, указанные Егнаташвили, были сравнительно стабильными. Священник Егнаташвили при рассуждении и показе границ грузинского царства исходил из политических принципов и не касался того этнического положения, которое существовало на приграничной полосе.

Что же касается Вахушти, то он Осетию, проникшую до «Картлийского Кавказа», размещает на северной границе Картлийского царства. И несмотря на то, что часть Осетии входила в состав этого царства, он ее рассматривал в качестве независимой этнической единицы.

После очерчивания границ Осетии Вахушти дает общую характеристику страны, а в конце дает описание отдельных ущелий. Мы, по определенным соображениям, уклонились от такой последовательности и поэтому сначала коснемся описания ее отдельных микрорайонов, после чего общая характеристика страны становится более понятной.

Вахушти описывает ущелья и районы Осетии в порядке их расположения с востока на запад. Он, в первую очередь, начинает с севера Хеви, и поэтому первые ориентиры даются отсюда: «В конце Хеви есть Лазур. Ниже него, у Джариеха, вода Кист-Дзурдзука соединяется с Хевской Арагви, а ниже него есть Хетадзе» (Картлис цховреба, 1973. С. 641).

Под Лазуром подразумевается Ларс, который в ущелье Терека, со стороны Хеви, был первой осетинской деревней. Под Хетадзе, возможно, подразумевается нынешняя Балта, так как именно она располагается там, где река Армх (Кист-Дзурдзукская вода) соединяется с рекой Терек на левом берегу Терека.

Отдельно Вахушти описывает поселок Чими, который находится чуть ниже Балты, там, где «впадает Кистинская вода в реку Арагу (Терек. – *Г.Т.*) с запада, под высокой горой. Поселок большой и с башнями. Проживают осетины по фамилии Сидамоны» (Там же. С. 642). Чими был резиденцией Дударовых – тагаурских алдаров, имел стратегически значимое положение и поэтому выполнял значительно большую роль в деле контроля над Дарьяльским проходом. Вахушти особо подчеркивал его укрепленный характер.

Чими и Ларс (Лазур), вообще ущелье Терека в пределах Осетии, принадлежали Тагаурскому обществу. Однако Вахушти отдельно описывает собственно Тагаурское общество, локализованное им западнее Чими и Хеви. Описание он начинает с тагаурской реки, которая вытекает из Мкинварского и Хохского Кавказа и течет с юга на север до «Черкеза», где соединяется с Арагу (р. Терек).

«Тагаурская река» у Вахушти есть река Гизельдон. Ее притоком названа Чимитская вода, которая вытекает из Ахотского Кавказа. На ней располагается похожий на Чими большой поселок Чимити с башнями. Наиболее значительным притоком Гизельдона является

река Геналдон. Вахушти ее не упоминает. Но на Геналдоне поселок Чимити не располагается. Такой поселок есть на Фиагдоне – в Куртатском ущелье и, возможно, эти пункты перепутаны (Робакидзе, Гегечкори, 1975. С. 67). Выше впадения «Чимитской воды», к «Тагаурской воде» присоединяется Кабанское (Кобанское) ущелье, где расположен большой поселок Кобан с башнями. Потом, южнее него, на Тагаурской воде располагается большой поселок Джибгизи (Дзивгис. – *Л.Ч.*) с башнями, «прочная и неприступная крепость». Выше и южнее него есть «большой, добротный поселок Какидур (осет. Каккадур) с башнями. Ближе к нему, на скалистой горе построена царями «очень прочная» крепость. Все эти ущелья со строениями и жилищами являются плотно заселенными» (Картлис Цховреба, 1973. С. 642–643).

После Тагаура описывается Куртаул. Куртаульская вода (Фиагдон) вытекает из той же Хохской горы. Там, где Куртаульская вода пересекает Черкезскую гору, с востока присоединяется Хеви, на левой стороне которого есть маленькая церковь. Южнее, на правом берегу реки есть «Куртата и крепость прочная, построенная на скале». На юге Куртаты, в глубине ущелья есть поселок Джаба, а еще южнее есть Куара, поселок добротный, с башнями и с большой крепкой крепостью, построенной царями. Из Куара идет дорога в Нар и Зрого через Хохский Кавказ» (Там же. С. 643). «Куртата» Вахушти отождествляется с современной деревней Барзикау, «Квара» – с Корой, несмотря на то, что ее описание соответствует селу Харискина (Робакидзе, Гегечкори, 1975. С. 67–68).

Потом следует описание «Валагир-Пайкома», находящегося на западе Куртаула. Валагирская вода (Ардон) вытекает из Хохского Кавказа. «Это ущелье, со строениями и жилищами, заселено плотно, и проживают там Сидамоны и Чахилидзены» (Картлис цховреба, 1973. С. 643–644). Из этого описания Вахушти до конца не ясно, что именно подразумевается под Файкомом, всегда связываемым с Валагиром. В тексте описания о Пайкоме ничего не сказано. Но на карте Осетии Вахушти (хранится в ЦГИА, в так называемом втором атласе) Пайком обозначается как укрепление и поселок на восточном берегу Валагирской воды (Ардона), севернее от поселка Валагира. Ни один из этих пунктов не идентифицируется с известными селами. Но известно, что Пайком не означает Цейское ущелье, как об этом говорит А. Магометов (Магометов, 1963. С. 299). Валагир – Файком является названием одного и того же ущелья. Ю. Клапрот считает, что Пайком является левым притоком реки Фиагдона и является грузинским названием Файнагидона или Картаидона (Калоев, 1967. С. 140–141).

Таким образом, если при описании Валагир-Пайкома упомянутый Вахушти Файком является синонимом Валагира (то же самое

получается и из данных его карты), и это является правдой, то в другом месте, при перечислении ущелий Северной Осетии («у осетинских царей остались Чими, Тагаур, Куртаул, Валагир, Пайком, Дигора и Басиан») (Картлис цховреба, 1973. С. 633). Пайком представлен в качестве отдельного ущелья, что является ошибкой.

Еще более запутанной является у Вахушти локализация Касарского ущелья: «На западе Валагира или Пайкома расположено Касарское ущелье, которое в настоящее время называют Двалетией, длиной от Зикарского Кавказа до Черкезии. Между Валагиром и Касаром с гор спускаются ущелья и направляются дороги по Валагиру и Пайкому. Касарское ущелье начинается из Касарских ворот до Черкезской горы, со строениями и жилищами. Касарские же ворота находятся ниже Нижнего Зарамага, в теснине. Здесь построены из камня и скальных пород высокосводчатые ворота, сооруженные царями. Это ущелье является прочным и неприступным. Здесь есть ископаемые металлы, в том числе и серебро, но не знают его добычу, есть сера очень хорошая, добывают и селитру» (Там же. С. 644—645).

На карте Осетии Вахушти, а также на грузинских картах, Касарское ущелье изображено к западу и параллельно Валагирскому ущелью. Однако из описания можно заключить, что Касарское ущелье является тем же Валагирским (сегодня Алагирским) ущельем, вернее, его южной частью — от Нижнего Зарамага до Бурона. Названные в Касарском ущелье ископаемые добываются именно в Алагирском ущелье. Именно здесь, в теснинах реки Ардона, находятся Касарские ворота, которые выполняли функцию северной границы Картлийского царства позднего средневековья.

Из вышесказанного следует, что имеет место явная ошибка. Такая ошибка, по-нашему мнению, объясняется тем, что в определенное время, в том числе и во времена Вахушти, Валагирское ущелье и Касарское ущелье являлись синонимами. При этом Касарское ущелье было его старым названием, а Валагири — более поздним названием, образовавшимся в результате обоснования осетин на этой территории исторической Двалетии. С тех пор этими названиями пользуются параллельно. Вместе с тем, содержание названия «Касарское ущелье» сузилось и применялось для обозначения части ущелья, находящейся южнее от ворот. Эти ворота, по представлениям Вахушти, построили для того, чтобы Картлийские цари осуществляли контроль за продвижением осетин в сторону юга. Касарское ущелье по-осетински называется «Касара», а «касар» по-осетински обозначает «порог».

Данное обстоятельство, по всей видимости, стало причиной ошибок Вахушти. Так как две части одного ущелья (южная — Касарское ущелье, а северная — Валагирское ущелье) были осмыслены в качестве двух разных ущелий, а все реки в Северной Осетии

текут взаимно параллельно с юга на север, то и Касарское ущелье было описано и начертано западнее от Валагирского ущелья. Подобные ошибки (порой слишком грубые) в описании и картах Вахушти, подтвержденные исследователями, объясняются современными Вахушти уровнем географических и картографических знаний. Подобные же ошибки он допускал и при описании Грузии. Так, например, истоком Малой Лиахвы он считал несуществующее «Кногское озеро», тогда как исток реки Ксани – Келское озеро («Келис тба») вообще не указывается. По описанию Вахушти и некоторым другим картам, воды Дигории и Басиани справедливо считаются притоками Терека. Однако на «Иберской царской карте» (подразумевается объединенная Грузия), составленной в 1735 году, эти реки, вместе со сванетскими реками, представлены притоками реки Кубань (Институт рукописей, ф. II, № 2079).

При описании Жгельского ущелья, притока Касарского ущелья, Вахушти отмечает, что река Жгельского ущелья (осет. Мамисондон) вытекает из Кедельского Кавказа и у села Нижний Зарамаг присоединяется к реке Ардон. К этой реке с обеих сторон примыкают маленькие ущелья, по которым дороги переходят в Глолу (рачинское село), а от истока реки через Кедельский Кавказ дороги идут в Кударо, Рачу и Картли. Ущелье заселено довольно плотно, есть довольно много строений и поселков, из которых только один называется городом (Картлис Цховреба, 1973. С. 645–646).

Нижний Зарамаг «находится между впадениями Касарской и Жгельской рек, селенье башенное, с большой и очень прочной крепостью, построенной, якобы, царицей Тамарой» (Там же. С. 646).

Затем следует описание Нарского ущелья. «Река Нарского ущелья» (осет. Нардон) вытекает из Хохского Кавказа, течет от востока к западу и у Нижнего Зарамага присоединяется к Касарскому ущелью. У впадения реки находится «Верхний Зарамаг, башенное селение с маленькою церковью». В описании Нарского ущелья отмечается 8 поселков (без названий) (там же), а на карте отмечается 6 из них.

«Выше к Зарамагу присоединяется река Зрогского ущелья со строениями и поселениями» (Там же. С. 646–647). На карте в Зроге (осет. Зруг) отмечено 5 поселков. После Зрога описывается Захское ущелье. «Река Захского ущелья также присоединяется к Зарамагской воде. Здесь «имеются селения башенные» (на карте отмечено 4 поселка). Из Заха идут дороги в Трусо, Магран-Двалетию и в Жбу (Сба. – *Г.Т.*) на Большую Лиахву. У истоков Зарамагского ущелья дорога через Зекара переходит на Большую Лиахви и в Картли» (Там же. С. 647). На востоке Заха находится Трусо, которое делится на три ущелья. Здесь Вахушти указывает на наличие малой церкви всех святых и отмечает существование восьми поселков (столько же отмечено на его карте) (Там же).

После Двалетии описывается Дигора, которая находится западнее от Касарского ущелья и «делится на две части – на Черкесидзевых и на Баделидзевых. Эта река вытекает из Кавказа между Гебом и Глолом, течет с юга на север, впадает в реку Ломек (Терек. – *Г.Т.*). Ее называют и Рионом, так как и имеретинский Рион также вытекает из тех же мест. К этой реке, выше Черкезской горы, присоединяется Хеви, которая вытекает из Басианской горы и соединяется с запада. Выше нее присоединяется другое ущелье, вытекающее из горы между Касарским ущельем и этим ущельем, и течет с востока на запад. Это ущелье и есть Баделидзевых. В Сабаделидзево много строений, поселков и башен, где главенствуют помещики – владетели крепостных. Выше впадения воды Баделидзе (Сонгутидон. – *Г.Т.*) на реке Риони, находятся Черкесидзевы, а ниже, до Черкезской горы, опять те же Баделидзевы». У истоков «Баделидзевой реки» дорога переходит в Касарское ущелье, Жгельское ущелье, а из деревни Келмагмада в Черкесию (Кабарду).

Вахушти отмечает переходную дорогу из Дигории в Глолу (Рача). На этой дороге он упоминает пещеру, где путники могли переночевать. Другая дорога переходит в Геби. Отмечается, что эти дороги являются труднопроходимыми. Летом с трудом переходят на лошадях, а в другое время года даже пешком затруднен переход (Там же. С. 649–650).

Таким образом, Вахушти считает владетелями Дигорского ущелья две фамильные ветви – Баделидзевых (осет. Бадилата) и Черкесидзевых (осет. Царгасата).

После Дигора описывается Басиани – большое ущелье, откуда дороги переходят в Рачу (в Геб и Лухун). «В Басиани есть много строений, поселков, в основном проживают осетины, есть владетели крепостных. Поселки с крепостями и башнями они называют городами (калаки). И так как у этих поселков нет правления и городского устройства, то мы их называем поселками» (Там же. С. 650–651).

Басиани сегодня является местом проживания тюркоязычных балкарцев. Обоснование там тюркоязычного элемента относится к эпохе после монгольских нашествий. Тем не менее, Вахушти всетаки относит Басиани к Осетии, считает Осетией. Видимо, тюркизация здешнего древнего осетинского населения в его времена пока еще не была завершена. Н. Волкова, опираясь на описание Вахушти и архивные данные, считает, что к 40-м годам XVIII века в Балкарии (Басиани) длительный процесс ассимиляции тюркоязычного населения все еще не был завершен[4].

---

[4] Со ссылкой на Вахушти и на архивные данные, Н. Волкова считает, что к 40-м годам XVIII в. длительный процесс ассимиляции ираноязычного населения Балкарии (Басиани) еще не завершился (Волкова, 1974. С. 109). – *Г.Т.*

«Описание Осетии» Вахушти заканчивает описанием Кистети, Дзурдзукии и Глигви. Население этих последних по вероисповеданию, обычаям, поведению похоже на осетин (только язык и женщины, и те по одеянию, различаются) (Там же. С. 653). Мы не будем вдаваться в это описание. Вахушти приводит его потому, что у него имеется определенная концепция по вопросам этнического развития населения Центрального Кавказа. Нами уже была рассмотрена та роль, которую он придавал потомкам Кавказоса в процессе этногенеза осетинского народа. Он и Осетию считает удельной страной Кавказоса и, когда заканчивает описание Осетии, то особо подчеркивает: «А теперь приступаем к описанию восточных от Хеви кавказцев, так как мы уже закончили описание западной части» (Там же. С. 651).

Общую характеристику Осетии Вахушти дает в качестве «страны прочной и неприступной для внешних врагов из-за высоких ледовых и снежных гор, высоких отвесных скал, больших и быстротечных рек». Реки невозможно не то что переплыть, но и верхом на конях невозможно перейти. В стране мало леса. Поэтому лес и дрова завозят из «Черкесской» горы, а некоторые вместо дров применяют кизяк.

Страна малоплодовитая, «ибо кроме пшеницы, ячменя и овса ничего не произрастает из-за холодов, поздней весны и ранней осени, но и их сеют в недостаточном количестве по причине безземелья и скалистости». Частые грады уничтожают и без того незначительный урожай, что становится причиной голода. Затем следует краткая характеристика растительного покрова и фауны.

Это описание в основном правильно отражает природно-климатические условия тогдашней Осетии, но с точки зрения современных ученых все же не является точным. Для начала же XVIII века это было новым словом для характеристики интересующего нас региона. По всей вероятности, для описания ущелий Осетии Вахушти не всегда имел достаточно материалов (исторических, картографических). Вахушти ни одной реке Осетии не дает названия, но, тем не менее, отдельные ущелья со своими реками и притоками описываются подробно. Эти реки он упоминает по названиям обществ: «Тагаурская вода» – Гизельдон, «Куртаульская вода» – Фиагдон, «Валагирская» – Ардон, «Дигорская» – Урух и т.д. Видимо, у него отсутствовали соответствующие сведения и о поселениях. Этим можно объяснить тот факт, что он часто отклоняется от своих же правил, не называет количество поселений и удовлетворяется общими заявлениями о том, что в том или ином ущелье «есть строения и поселки», или «преимущественно застроены строениями и поселками» и т.п. Исследователь Л. Маруашвили справедливо отмечал, что у Вахушти про населенные пункты в различных частях

Грузии отсутствовали равномерные описательные материалы. Населенные пункты некоторых краев представлены скудно и поверхностно. Таким краем названа и Осетия (Маруашвили, 1956. С. 63). И действительно, из сотен населенных пунктов Осетии им упоминаются только единицы. Более подробно Вахушти рассказывает про осетин, проживающих в ущельях Картли, ибо знает их более детально, что отражается и в его картах.

Карты Вахушти с картографической точки зрения оценены соответствующим образом. Они, может быть, и впредь будут предметом изучения. Однако следует повторить мнение Л. Маруашвили о том, что сведения о высокогорной полосе Кавказа, где расположена Осетия, как и Абхазия, Гурия, Мегрелия, Сванетия, Армения, Азербайджан, на его картах представлены схематично, и часто допускаются грубые ошибки при их отображении (Там же. С. 80).

При описании ущелий Северной Осетии и их жителей Вахушти уделяет большое внимание вопросу дорог. Он всегда особо подчеркивал значение тех переходных дорог, которые выходят из осетинских ущелий к различным районам Грузии. При этом указывается и способ (верхом или пешком), и сезонность передвижения по этим дорогам. Вахушти особо останавливается на описании тех дорог, которые имели стратегическое значение, защищая страну (Грузию) от произвольного проникновения племен с Северного Кавказа. Большое внимание он уделял и внутриущельным дорогам, по которым отдельные ущелья связывались между собой. Большой интерес проявлял Вахушти и в отношении церквей, зафиксированных в Тагауре, Куртауле, Наре, Захе, Трусо, Дигоре. Особый интерес проявлял и в отношении крепостей и башен.

Все это указывает на то, что описание Осетии преследовало не только познавательную цель, но и, по всей вероятности, имело и практическое значение для грузинских политических кругов в деле взаимоотношений с Осетией.

Таковы сведения Вахушти о природно-географических условиях, о различных районах современной ему Осетии. Однако Вахушти хорошо знал, что осетины проживали и вне Осетии, в некоторых горных районах Грузии, и поэтому и они не остались вне его внимания. Правда, это осетинское население он генетически связывал с собственно «Осетией», считал выходцами оттуда, но, тем не менее, не нарушил географический принцип описания, и сведения про них даются при описании тех регионов, в которых они тогда проживали.

При описании Хеви Вахушти рассказывает и про Трусо, отмечая, что «жителями его являются осетины, двалы» (Картлис цховреба, 1973. С. 357).

Описывая узкий проход Дарьяла, Вахушти упоминает крепость на правом обрывистом берегу «Арага» (Терека), построенную Дави-

дом Строителем. Ниже нее (севернее) «есть Дарьела, на востоке Арагва, на краю берега». Ее построил Мирван, навесил ворота и превратил в укрепление против хазаров и осетин, назвав ее «Одолевающая». Еще ниже есть бывшее поселение царей, где они останавливались во время их походов на Осетию»[5].

При описании Ксанского ущелья и поместий эриставства, Вахушти писал: «Западнее от Карчоха на Ксани есть Жамур, ныне там проживают осетины. Между ним и Мгиулетией есть гора. На этой горе со стороны Жамура есть много высоких и добротно построенных башен. Урожайность такая же, как и в других горных местах. Овцы бескурдючные, как и в других местах. Скот немногочисленный» (Там же. С. 360).

По сведениям Вахушти, осетинское население встречается во многих местах ущелий Малой Лиахвы. Например, «у Ваната с запада к Лиахви присоединяется ущелье Гери. Там проживают осетины. Жителями Шуацхвири являются осетины. Выше с востока к Лиахве присоединяется ущелье Шамбиана. Выше этого ущелья к Лиахве присоединяется ущелье Чабарухета. На месте впадения в Лиахву есть крепость Бекчос. Выше этой крепости есть Кного с тремя ущельями. Место выше Ацерского ущелья полностью заселено осетинами» (Там же. С. 362—363).

Таким образом, в ущельях Гери, Чабарухета, Шуацхвира, Шамбиани, в трех ущельях Кного, то есть, по Вахушти, в ущелье Малой Лиахвы, выше Ацерского ущелья полностью проживают осетины.

Отдельно Вахушти дает описание Магран-Двалетии. «Севернее Кного есть большая гора Кавкаси. К северу этого Кавкаса есть Магран-Двалетия. Отсюда вытекает Большая Лиахва. В Магран-Двалетии есть три ущелья, урожайностью не отличаются от других горных мест этого края. Проживают здесь осетины» (Там же. С. 363). В сочинении Вахушти Магран-Двалетией кончается описание поместий эриставства Ксанского ущелья. «В Ксанских поместьях, которые мы описали, много гор, скал и лесов. Горы расцвечены травой и цветами. Проистекают источники чистые, прозрачные, солоноватые, способствуют пищеварению человека и жирению скота. А раньше осетин, про которых мы писали, в этих местах проживали грузинские крестьяне. Осетины сюда были переселены владетелями этих мест, грузины же спустились с гор на равнину, так как на низменностях население сократилось в результате нашествий внешних врагов» (Там же. С. 363—364). Этим Вахушти показывает факт появления осетинского населения в некоторых местах Ксанс-

---

[5] Объяснение названия «Дарьела», как «Одолевающая», ненаучно. Возможно, Вахушти здесь приводит ее народную этимологию. «Дарьела» является вариантом «Дарьяла», что по-персидски означает «Дверь аланов» (Там же. С. 358).

кого ущелья. В этих местах, отмечает он, раньше проживали грузинские крестьяне, но по причине уменьшения населения на низинах они спустились на равнины, а на их места по инициативе владетелей этих мест переселились осетины.

В ущелье Большой Лиахвы, по данным Вахушти, выше Свера живет осетинское население. Перечислены притоки Большой Лиахвы выше Свера: Итрапула, Паца, ущелье Малой Джавы (соединяется с Пацой), ущелье Сохо (тоже приток Пацы), ущелье Кешельта (приток Пацы). Выше Джавы к Лиахве присоединяется ущелье Хвце, выше него – ущелье Мугути, а еще выше – ущелье Кошки, потом ущелья Роки, Сба и Мшхлеби***. «Выше Свера Лиахвское ущелье без виноградников и фруктов. Проживают осетины, двалы. По урожайности и скотоводству не отличаются от других горных мест» (Там же. С. 372).

И наконец, об осетинском населении Вахушти повествует и при характеристике Рачинского региона в той части своего сочинения, которая называется «Описание страны Егриса, или Абхазии, или Имеретии». Осетины здесь проживали на реке Джеджора. «На реке Джеджора, по течению с юга на север, есть поселки с виноградниками и фруктовыми садами, урожайные. Выше этого проживают осетины, места без виноградников и фруктовых садов, как и другие горные места. Эта местность называется Кударо. У Гулованта к Джеджоре с востока присоединяется другое ущелье. На юго-востоке Гулованта, за маленькой горой, есть Цона, окруженная горами и с внутренней равниной между горами. Здесь есть маленькое озеро. Из него вытекает река Квирила. В Цоне, как и в других горных местах, проживают осетины. Отсюда и из Кударо дорога идет в Цхинвальское ущелье, а из Дванского ущелья – в Картли» (Там же. С. 767).

Как следует из вышеизложенного, Вахушти считает население в Магран-Двалетии, Ксанского ущелья, верховьев рек Большой и Малой Лиахвы, Кударо, Трусо осетинами. Только в связи с Большой Лиахвы отмечает, что там проживают «осетины, двалы» (про Трусо говорит то же самое, но это для него считается естественным, так как под Трусо подразумевает Двалетию). Как этот вопрос интерпретирует Вахушти и как мы должны его понять? Описание исторической Двалетии – ущелий Наро-Мамисонского бассейна – Вахушти подытоживает следующим образом: «Таким образом, ущелья, которые описали вместе с Магран-Двалетией, – есть Двалетия. Кроме того, и население Большой Лиахвы, Малой Лиахвы, Ксанского ущелья и Кударо, родственные по вероисповеданию, правилам и обычаям, перешедшие из этой Двалетии, тоже являются двалами» (Там же. С. 648). Из этого высказывания Вахушти яснее ясного следует, что для него «двалы» и «Двалетия» являются синонимами

«осетинов» и «Осетии», что логично вытекает из его концепции о древней и средневековой истории Центрального Кавказа. Основательный анализ сведений Вахушти и, вообще, грузинских письменных источников о соотнесении двалов и осетин приводится в монографии В. Гамрекели (Гамрекели, 1961. С. 123–132, 139, 143). Несмотря на это, Н. Накашидзе высказывает соображение о том, что во времена Вахушти ассимиляция двалов хоть и была начата, но ни в коем случае не была закончена (Мнатноби, 1971, № 2)[6].

По сведениям Вахушти, осетины везде, и на собственно осетинской территории, и в отдельных ущельях Грузии, проживают в «безвиноградной и безфруктовой зоне и являются образцом характеристики горных мест вообще». Поэтому Вахушти, при описании Кистии, Дзурдзукии, Глигвии, Дидо, Сванетии, Тушетии и других горных районов, в качестве примера приводил Осетию и указывал, что по природным условиям и обычаям они похожи на осетин. Отсюда следует, что Вахушти смог вникнуть в суть кавказского культурно-исторического единства, которое сегодня с успехом изучают советские этнографы-кавказоведы.

В Картлийском царстве, а также в ущельях отдельных рек Имеретии критерием существования и проживания осетинского населения для Вахушти является компактный характер их проживания. Вахушти в описании не упоминает отдельные осетинские села, которые вместе с грузинским населением встречаются в грузинском окружении, но на картах они обозначаются особыми условными знаками. Например, при описании Чуртского ущелья он ничего не говорит об осетинском населении, но на карте Картлийского царства (Институт рукописей, ф. Н, 2079) у истоков Чурта отмечаются две осетинские деревни. На этой же карте в ущелье Малой Лиахвы, между Белотом и Ацрисхевом, отмечено осетинское село Зонкар. В Исролском ущелье также отмечаются два осетинских села. Осетинское население зафиксировано и в Бендер-Ципоре. В Хеви указываются два осетинских села – одно на левом берегу Терека, а другое – в нижнем течении ущелья Гудушауров, на его левом берегу, южнее Сиона (Карта № 7 из II атласа, ЦГИА, ф. 1446, № 105). По одному осетинскому селу указывается и в верховьях Лехуры и Меджуды.

В описании Осетии Вахушти нигде не говорит о том, как ему представлялись отношения Осетии с единым грузинским государством. Его точка зрения проясняется на карте, датированной 22 января 1735 года (Институт рукописей, ф.Н, №2079) под названием «Иберийское царство, или карта всея Грузии». По этой карте, весь Северный Кавказ, в том числе и Осетия, представлен составной частью

---

[6] По данному вопросу см. наш ответ: Мнатоби: серия: история, 1973, №4. С. 180–183.

этого царства. Вахушти никакой разницы не видит в характере отношений той или иной страны с грузинским феодальным государством, и это при том, что из источников известно, что некоторые страны были непосредственно присоединены к Грузии, некоторые являлись сферами влияния, а некоторые были данниками.

Примечателен тот факт, что на полях вышеотмеченной карты Вахушти изобразил гербы всех тех стран, которые подразумевал в составе Грузинского государства. В их числе есть и герб Осетии. Герб представлял собой четырехугольный лоскут красной ткани, на котором на сером фоне высоких горных хребтов изображен леопард.

Таким образом, в историко-географическом сочинении Вахушти сохранены ценные сведения о расселении осетин, о территории их проживания, физико-географической, топографической и этнографической характеристиках.

§3. Осетинское население (обычаи, религия, язык, культура)

В описании Осетии Вахушти, после физико-географической характеристики Осетии, следует глава, где рассматриваются сведения о физическом типе осетин, некоторых особенностях языка, обычаев, одеяния, веры и культуры.

Глава начинается с описания физического типа осетин. Согласно Вахушти, осетинские «мужчины и женщины прекрасны, воздушны, с черными глазами и бровями, черноволосые, стройные, женщины с тонкой талией, юркие» (Картлис цховреба, 1973. С. 637). Характеристика физического типа осетин встречается и в сочинениях последующих за Вахушти путешественников-наблюдателей (например, Штедер, 1780 г.; Клапрот). В их сведениях также подчеркивается, что осетины являются представительными, жилистыми, с живыми подвижными глазами, иногда выше среднего роста, юркие, с загорелыми лицами. Однако описание Клапротом физического типа, цвета волос и глаз осетин резко отличается от описания Вахушти. Клапрот указывает, что среди осетин часто встречаются голубоглазые, светло- и каштанововолосые, а с черными волосами никогда не встречались. По красоте он выделяет тагаурских осетин, женщины которых отличаются особенной красотой. По красоте осетинские женщины напоминают грузинских женщин, что считается результатом женитьбы осетинских мужчин на грузинских женщинах (Осетины, 1967. С. 156–157).

Чем объясняется такое различие при характеристике физического типа осетин? Думается, что Вахушти хорошо знал дигорцев, по территории которых ему даже пришлось пройти во время эмиграции в Россию в 1724 году. Ему, по всей вероятности, приходилось лицезреть именно черноглазых, чернобровых и черноволосых людей. Ав-

торы раннего и позднего периодов встречали в Осетии именно такие физические типы, которые отличались от физического типа других народов Кавказа, и на этой основе даже высказывались различные соображения о происхождении осетин (кипчакское, семитское и др.).

Однако, какой бы физический тип не был характерен для далеких предков осетин, в Осетии XVIII века существование единого физического типа уже было невозможно, и поэтому описания и Вахушти, и Клапрота с этой точки зрения нельзя считать истиной. Совместное проживание и тесные взаимоотношения с народами Кавказа в течение длительного периода изменило физический тип осетин.

По характеристике Вахушти, «осетины у себя дома кушают мало, удовлетворяются даже хлебом с водой и сывороткой, а в других местах и в гостях – обжоры; в бою невоинственны, боятся схватки с многочисленным войском, ночью же отважные, могут проникнуть в стан врага и выбраться обратно; в своей стране вольные и гордые, в других странах осторожные, умные собеседники, воры, обманщики, скупые, кровомщенные, непорядочные, скупщики пленных, своих не продают в плен. Женщины их сохраняют девственность до замужества, а потом становятся более раскованными в поведении» (Картлис цховреба, 1973. С. 637).

В этих высказываниях Вахушти даются сугубо его личные оценки различных сторон быта осетин. Это такие моменты из жизни осетин, критерий оценки которых не то что во времена Вахушти, но и в последующем периоде не были определены. Поэтому оценки эти носят субъективный характер. Причиной тому, что осетины были ограничены в питании, являлись тяжелые условия их жизни. Чувство меры в еде считалось одним из первейших достоинств в Осетии. Согласно осетинской этике, гость, несмотря на то, что его всегда встречали с открытой душой и преподносили все лучшее, что имелось в наличии, должен быть настолько скромным, что накормить его было предметом особой заботы хозяина. Поэтому мнение Вахушти об обжорстве осетин в гостях трудно объяснимо и никак не соответствует действительности. Также, никакими сведениями – ни древними, ни позднейшими – не удостоверяется мнение Вахушти о легком поведении осетинских женщин. И вообще, осетинское общественное мнение строго охраняло супружескую верность, что нашло соответствующее отражение в так называемом «Адатском праве» (в «праве обычаев»)[7].

---

[7] В старину в Осетии измена мужу оборачивалась убийством жены и соблазнителя. В последующем женщине за измену отрезали ухо, волосы и выдворяли ее. Даже в середине XIX века оскорбителя чужой жены сажали верхом на осла задом наперед и в таком виде возили по деревне и обливали грязью (Гаглойти, 1974. С. 46; Магометов, 1974. С. 232). Примечательно, что мнение Вахушти о легком поведении осетинских женщин резко раскритиковал З. Чичинадзе (Чичинадзе, 1915. С. 6).

В характеристике осетин, приведенной Вахушти, некоторые моменты преувеличены (например, воровство, обман, жадность). Эти отрицательные характеристики, обусловленные эпохой, Вахушти считает более или менее характерными чертами и для грузинских, и для кавказских горцев. Тем не менее, он правильно подмечает широкое распространение обычая кровной мести и своеобразие выкупа пленных, отмечая, что осетины своих в плен не продают. Такое обстоятельство объясняется не благородством социальной верхушки Осетии, главного продавца пленных, а устойчивостью обычая кровной мести. Продажа своих (осетин) порождала кровную месть, и по этой причине она не нашла распространения.

Кровную месть Вахушти рассматривает более подробно. У осетин кровная месть была распространена внутри сообщества. «Если кто-то убивает кого-то из другого рода, то члены этого рода не успокоятся до тех пор (даже до бесконечности), пока и они не убьют кого-нибудь из рода кровников и не прокричат своему убитому в гроб: «Убил твоего убийцу», тем самым успокаивая душу покойного» (Там же. С. 639–640).

Таким образом, во времена Вахушти кровная месть среди осетин была глубоко укоренена. Отсюда следует, что обычай кровной мести был определяющим, регулирующим инструментом общественной жизни осетин. Поскольку в стране не существовало общественной силы, способной создать условия внутреннего мира, нормальной совместной жизни, то каждый род собственными силами обеспечивал безопасность своих членов, свое место в общественной жизни. Каждый род знал, что несправедливый поступок в отношении другого рода, будь то убийство или другой вид оскорбления, рано или поздно вызывал ответное действие. Такой порядок заставлял всех быть корректными в отношениях друг с другом, защищать веками выработанные традиции общественной жизни.

Из приведенных сведений Вахушти следует, что в Осетии существовала практика замены кровной мести выкупом, но она еще не была устоявшейся и поэтому не стала надежной гарантией страховки кровников.

В вышеприведенном описании Вахушти представляет интерес характеристика воинских качеств осетин – «невоинственные в бою». Но чтобы избежать недоразумения, он объясняет «невоинственность осетин» словами – «боятся множества войск». По нашему мнению, именно это есть ключ к пониманию «невоинственности осетин». Раздробленная Осетия была лишена возможности иметь регулярные войска и совместными силами выступать против врага. По этой причине осетины, естественно, не могли проявить «воинственность» против организованных войск. Но в создавшихся условиях осетины выработали эффективные формы борьбы с врагами. Эти формы

ведения боя не остались незамеченными для Вахушти. Например, «воинственность осетин ночью», подмеченная Вахушти, означала, что ночью они проникали в стан неприятеля и таким образом уничтожали его. Так что, характеристика осетин, данная Вахушти, в этой части ложная. Грузинская историческая традиция знала осетин как «мужей сильных и отважных в бою»[8].

В сочинении Вахушти даются определенные сведения и о гостеприимстве осетин. По Вахушти, они «знают уважение и защиту гостей. Никто не может оскорбить или причинить вред гостю, ибо гостя кого-нибудь одного защищает весь род» (Там же. С. 640). Гостеприимство среди кавказских горцев, в том числе и осетин, было распространено весьма широко. Оно играло значительную роль в общественном укладе осетин. Его святыми порядками могли пользоваться все — будь то представители другой общины, рода или вообще чужестранец. Гостеприимство осетин у Вахушти характеризуется применительно к гостю другой национальности.

В условиях раздробленности и взаимной обособленности, нередко существования враждебных отношений между народами и племенами горной зоны Кавказа, обычай гостеприимства, возведенный в ранг высшего закона, был одним из средств установления взаимоотношений этих народов, их связей с внешним миром. Под покровительством хозяина гость мог оставаться столько времени, сколько ему требовалось для улаживания своих дел. Гость пользовался покровительством всего рода, и скорее род истребился бы, чем отдал бы его на поругание кому бы то ни было.

Кроме Вахушти, о гостеприимстве осетин говорили многие путешественники, ученые, этнографы и др., посвятившие этому обычаю восторженные строки (Магометов, 1968. С. 447—453). В сведениях Вахушти по этому вопросу вызывает определенное недоразумение та часть, где речь идет об обычае получения осетинами подарков от гостя, связываемом с им же отмеченной «жадностью» и «хваткостью» осетин.

Штедер, непосредственный наблюдатель за жизнеустройством осетин, отмечал, что характер и обычаи осетин противоречат друг

---

[8] Сведения о военном искусстве осетин дают Штедер и Клапрот. Они отмечают тщательный уход осетин за боевым оружием, считают их отважными и хорошими стрелками. Если в бою принимают участие несколько человек, то они стреляют по очереди, чтобы дать друг другу возможность заново зарядить ружье; хорошо пользуются особенностями местности для ведения боя. Они так искусно используют горную местность, что даже десять человек могут оказать сопротивление и защититься от неприятеля численностью сто человек. При обороне они отважны, а если к тому же владеют хорошо защищенной местностью, то и непобедимы. В окружении осетины воюют самоотверженно (Осетины, 1967, С. 156—157).

другу, в результате чего поведение их характеризуется противоречивостью. «Они являются щедрыми, средства существования делят с нуждающимися, уважают друг друга, просящему другу не могут отказать, гостя встречают следующими словами: «Мой дом — твой дом, и сам я, и все мое — это и твое». К находящемуся под их кровом обращаются как к своему родственнику. «Не выдают беженцев». «Гостя (кунака) осетин защищает так же, как и себя. Он предпочтет смерть, чем уступит тело гостя врагу. Он берет на себя обязанность кровной мести вместо него» (Осетины, 1967. С. 33, 38).

Несмотря на то, что после Вахушти многие русские и иностранцы воспользовались осетинским гостеприимством, никто, кроме него, не упоминает получение осетинами подарков от гостя. Может быть, путешественники, ученые или кто-нибудь еще, действительно, дарили хозяину памятный подарок, но это не противоречило нормам обычая гостеприимства, наоборот, соответствовало этим нормам. По правилам осетинского и, вообще, кавказского гостеприимства, если гостю в семье хозяина понравилась какая-нибудь вещь, то он ее обязательно получал в качестве подарка. Возможно, в приведенном Вахушти сведении нашла отражение не какая-то обязательная норма, характерная для осетинского гостеприимства, а отклонение от нее, ее нарушение.

В своем описании Вахушти дает интересные сведения о некоторых сторонах осетинской духовной культуры. В первую очередь подчеркивается необразованность осетин. Однако такое положение было естественным результатом тяжелых условий жизни осетин, насильно изгнанных из равнинных мест и загнанных в теснины Кавказских гор. Вместе с тем Вахушти считает «бескнижность» и необразованность общей болезнью не только осетин, но и всего горского и равнинного населения Кавказа. Причиной всему этому были неблагоприятные социально-политические условия.

Несмотря на то, что Вахушти считал осетин необразованными, он в то же время указывал на их природные способности, называя их «умными и рассудительными» собеседниками. Отмечается, что верхний социальный слой, а также те, которые общались с соседними народами, знали их язык. «Верхушка осетин и те, которые ходили в Картли и Рачу, знали грузинский язык, а те, которые общались с Черкезией, знали черкезский и турецкий языки» (Картлис цховреба, 1973. С. 639). В результате интенсивных экономических и политических взаимоотношений с соседними народами в Осетии были распространены грузинский, кабардинский и тюркский языки. Предполагается, что были и представители, знающие грузинскую грамоту. Некоторых из них, по всей вероятности, лично знал и Вахушти. Известно, что Зураб Елиханов из Зарамага полу-

чил образование при дворе Вахтанга VI, отца Вахушти, стал казначеем царя, последовал за ним в эмиграцию в Россию и вернулся на родину только после кончины царя. Зураб Елиханов был одной из популярных личностей в Осетии, возглавлял первое осетинское посольство в Петербурге в 1749—1752 гг. Грузинское образование получил и член этого посольства — Елисей Хетагов (Блиев, 1970. С.123—124).

Осетины придавали большое значение знанию языков соседних народов как необходимому условию отношений с ними. Для этой цели проводились и соответствующие мероприятия. Заинтересованные стороны обращались к взаимному обмену молодыми людьми с целью изучения языков и обычаев друг друга. Штедер в начале 80-х годов XVIII века отмечал, что осетины для воспитания своих детей целыми семьями отдавали их чужестранцам. Посредством этого они устанавливали взаимное родство и связи (Осетины, 1967. С. 33). Подобная практика, так называемое «аталычество», целью которого являлось не только сближение, породнение народов, но и изучение языков и ознакомление с обычаями друг друга, была широко распространена среди народов Кавказа. В связи с этим следует отметить, что практика обмена больших групп детей продолжалась до последнего времени. Например, в Дигорской деревне Дзинага пожилой человек Губаев Урусхан Бекирович в 1969 году поведал, что в 1922—1924 гг. зимой у них в деревне находились 20 грузинских юношей для изучения языка. Такой порядок основывался на взаимном обмене юношами.

Религия. Касаясь компонентов духовной культуры, Вахушти наиболее обширно характеризует религиозные верования и представления. Осетинские религиозные взгляды прошли такой же сложный путь развития и трансформации, как и сам осетинский народ на протяжении своей долгой истории. В религиозных представлениях осетин отражались не только сложные зигзаги их внутренней жизни, но и влияние религии тех народов и стран, с которыми они имели близкие отношения на разных этапах своей истории. Такое влияние, как правило, было обусловлено внутренними процессами развития самого осетинского общества.

Характеристика религиозных верований и представлений осетин, приведенная Вахушти, наиболее полно представлена для периода послемонгольских нашествий. Вахушти не ставил целью показать религиозные взгляды осетин в историческом аспекте. Но для современной ему Осетии отмеченное обстоятельство в проекции дает и общую историю развития этих верований и представлений.

Вахушти следующим образом характеризует религию осетин: «По вероисповеданию осетины, преимущественно двалы, в старину

были христианами и относились к пастве никозийской. В настоящее время двалы только по названию являются христианами, так как держат большой пост, чтят и поклоняются иконам, церкви и священству, а в других отношениях являются совершенно непосвященными. Нет у них священников, и поэтому не крещены, кроме тех, которые были крещены в Картли или Раче. Верхушка и знатные представители тагаурцев являются магометанами, а крестьяне — христианами. И те, и другие плохо знают и магометанство, и христианство. Различие заключается в принципе: те, которые едят свинину, являются христианами, а те, которые едят конину — магометанами. У всех у них есть схожий идол — Вачила, приносят жертву Елье, мясо едят сами, а шкуру растягивают на высоких жердях и поклоняются ей в день Ельи, чтобы тот защитил их от града и дал большой урожай» (Картлис цховреба, 1973. С. 638).

В своем описании Вахушти отмечал, что в Осетии «с древних времен существуют крепости, башни, каменные церкви, построенные царями, преимущественно царицей Тамар» (Там же. С. 640). При описании отдельных ущелий он указывает на существование по одной церкви в Тагауре, Куртауле, Дигоре, Наре, Захе и Трусо. Однако этот перечень церквей является неполным, так как количество тех церквей, остатки которых сохранились не только ко времени Вахушти, но и до нашего времени, значительно больше. Но, видимо, у Вахушти не всегда имелась полная информация о них. Следует отметить, что на картах Вахушти так же неполно отражены церкви на территории Осетии, в том числе и на специальной карте Осетии, начертанной во втором атласе. Например, если он в тексте ссылается на 6 церквей (без названий), то на карте изображены только 3 церкви. При этом, вне его внимания остаются известная Нузальская церковь, зругский Хозити-Майрам и др. Отсюда следует, что данные Вахушти о количестве церквей и об их расположении являются неполными и неточными.

Соответствуют ли реальной действительности осетинские религиозные верования и представления, приведенные в характеристике Вахушти? Как известно, осетины еще в начале X века официально приняли христианство из Византии. В восточной части Осетии христианство распространилось из Грузии. Осетия XII—XIII вв. являлась паствой грузинской христианской религии. Однако, как отмечают европейские путешественники середины XIII в. (Рубрук, Плано Карпини), осетины только по названию были христианами, а догмы христианства были им неизвестны. Можно предположить, что начиная со времен этих путешественников и до Вахушти ничего в этом отношении не изменилось, не считая того обстоятельства, что в верхних социальных слоях осетин стало распространяться магометанство, а позиции христианства еще больше ослабли. Приме-

чательно, что и магометанство не смогло пустить глубокие корни. Создавшиеся в Осетии исторические условия не были благоприятными для утверждения этих религий. Внутри страны не существовало соответствующих общественных сил, которые смогли бы систематическими усилиями глубоко внедрить в сознание народа эти религии. И внешние силы, заинтересованные в религиозной ориентации Осетии, не оказались на соответствующем уровне. Грузия была раздроблена на отдельные царства и княжества, Византия почти совсем исчезла с исторической арены. В результате опорная база христианской религии чувствительно ослабла. Но и Кабарда не была столь сильной и организованной, чтобы добиться широкого распространения магометанства в Осетии. И если верхний социальный слой в Осетии все же принял магометанство, то это объяснялось классовыми интересами этих последних. Посредством магометанства они обеспечивали себе классовую поддержку со стороны кабардинских феодалов в деле социального подчинения соотечественников. Этим обстоятельством, видимо, объясняется тот факт, что трудовое население было враждебно настроено к религии своих господ-владетелей и не воспринимало ее.

В XVII–XVIII вв. Картлийское царство периодически пыталось упрочить христианские позиции в Осетии, оживить там миссионерскую деятельность, но систематические нашествия Турции, Персии и дагестанских феодалов препятствовали такому стремлению. Отмеченные обстоятельства обусловливали поверхностный характер обеих религий в Осетии. Вахушти дважды ссылается на такую поверхностность. Первый раз, когда в связи с христианством он говорит, что осетины «только по названию являются христианами», и второй раз, когда для определения религиозной принадлежности осетин он называет такой примитивный прием, как, например, применение в пищу свинины или конины.

Следует отметить и то обстоятельство, что, по мнению Вахушти, современная ему Осетия с религиозной точки зрения не стояла на одинаковом уровне. Сказанное относится не только к соотношению христианства и магометанства, но и самого христианства в различных ущельях и обществах Осетии. Из описания Вахушти следует, что христианство было более прочным в Двалетии, то есть в южной части современной ему Осетии, которая непосредственно граничила с Картли и Рача. Но несмотря на то, что база христианства здесь была более прочной, тем не менее и здешние жители были некрещеными христианами.

По Вахушти, в Осетии не было священников, и поэтому необходимый атрибут христианства – церемониал крещения – не исполнялся. Крестилась только незначительная часть осетин, и та не в Осетии, а в Картли и Раче.

Особого внимания заслуживает повествование Вахушти о культе Вачилы (осет. Вацила) или Ельи в Осетии. Вахушти правильно подмечает то обстоятельство, что в Осетии на христианского святого Елью перешли признаки идолопоклоннического культа, он «стал подобен идолу». Также точно подмечены основные признаки этого культа. Его просили об урожае и о защите от града. Культ Вачилы-Ельи, описанный Вахушти, точно совпадает с хорошо известным культом Вацилы в осетинской этнографической действительности.

По сведениям Вахушти, Осетия издревле конфессионально входила в Никозийскую епархию. Об этом говорится не только при характеристике осетинской религии, но и при упоминании Никозийской церкви святого Раждена. Никозийский епископат «восседает и сегодня пастором кавказцев, двалов, ныне названной Осетией, Глоли и Геба» (Там же. С. 370).

Вахушти описывает верование осетин в загробную жизнь. Он пишет, что «осетины в память и на помин души своих умерших устраивают скачки под названием «дугъта», во время которых всадники скачут на определенное расстояние. И кто первым прискачет, того и награждают, после чего устраивают веселое застолье, думая, что и усопшие переживают то же самое» (Там же. С. 641).

В Осетии культ мертвых был широко распространен. Осетины верили в загробную жизнь и в связи с этим исполняли много ритуалов. Цель этих ритуалов заключалась в том, чтобы обеспечить своих усопших всем необходимым в загробном мире. С этим были связаны большие поминки, дни усопшего, скачки, посвящение коня и др., которые часто разоряли семью покойного. Вахушти из всех этих ритуалов упоминает только скачки, которые, видимо, ему показались наиболее интересным явлением, и потому дает им определенную характеристику.

Характеристика религиозных верований и представлений осетин у Вахушти дается не в полном объеме. Широко распространенный культ святого Георгия, а также многие другие культы вообще не упоминаются. Возможно, это является следствием общего построения сочинения Вахушти, а не отсутствием полной информации о религии осетин.

При описании современной ему Осетии Вахушти коснулся и ***языка осетин.*** «Язык у них древний, двальский, но сейчас говорят по-осетински, а язык черкесов другой» (Там же. С. 639). Данное сведение по-разному воспринимается исследователями (Ахвледиани, 1941. С. 195; Гвритишвили, 1949. С. 113–114; Гаглоев, 1962. С. 183). Г. Ахвледиани под двальским и осетинским языками понимал заметно отличающиеся диалекты одного и того же языка. Д. Гвритишвили считал древний двальский язык родственным черкесскому языку. По мнению Гаглоева, высказывание Вахушти — «язык у них

древний, двальский» – касается всей Осетии. Всесторонний анализ этого вопроса дается у В. Гамрекели. Он под древним двальским языком подразумевает язык двалов, которым пользовались в Двалетии до расселения там осетин. Он же убедительно объяснил значение «собственно осетинского» языка и весьма удачно связал его с точкой зрения Вахушти об исторической судьбе населения Центрального Кавказа. По Вахушти, древняя Осетия пала в результате нашествий монголов и Тимур-ленга. Осетины были изгнаны из равнинных районов, а территорию их проживания заняли черкесы (кабардинцы). В результате, по Вахушти, Осетия превратилась в «Черкесию» или «Кабарду». Сами же осетины, спасаясь от полного истребления, укрылись в Кавказских горах, вошли «внутрь Кавказа» – в Двалетию, подчинили их, после чего «Двалетия» превратилась в «Осетию». То что «двал» и «осетин», «Двалетия» и «Осетия» для Вахушти уже стали синонимами, ясно прослеживается в нескольких местах его сочинений. При таком раскладе Вахушти, характеризуя язык населения Осетии, с одной стороны, счел нужным подчеркнуть, что у населения «нынешней Осетии» – двалов был другой язык, а с другой стороны, отметить, что в данный момент они говорят на «собственно осетинском» языке. Так как древняя Осетия превратилась в «Черкесию», то, во избежание путаницы, язык черкесов исполняет роль ориентира. Иначе кто-нибудь в «осетинском» по традиции мог подразумевать язык нового населения, проживающего теперь на древней территории Осетии.

В сочинении Вахушти говорится и о ***материальной культуре*** осетинского народа. Так как жилищные и оборонительные сооружения осетин Вахушти рассматривает в связи со строительной техникой, то мы коснемся их в другой части данной работы.

Более детально Вахушти описывает одежду осетин. Они «носят халаты из сурового полотна, с закрытым воротником, брюки тоже из плотной ткани. Поверх них черкеска до колен и носки из шерсти. Поверх черкески накинута бурка. Из кожи изготавливают обувь, которая внутри выстлана травой, а подошва снаружи прострочена кожаными же полосками во избежание скольжения по льду, скалам и траве. Представители высшего социального слоя носят башмаки, круглую шапку с мехом. Для сидения пользуются скамьями. Более зажиточные одеваются так же, но шьют из завозимых тканей. Женщины одеваются в похожую, но более длинную одежду. Головной убор такой же, обуты в башмаки и шерстяные носки, без шаровар. И мужчины, и женщины носят ремни по мере возможности» (Картлис цховреба, 1973. С. 637–638).

Сведения Вахушти об одежде осетин являются наиболее ранними и сравнительно полными. Описание одежды осетин, данное Ва-

хушти (ему соответствует описание одежды осетин в XVIII веке, данное Штедером, и соответствующая зарисовка Палласа – «Осетин в XVIII веке»), довольно ясно выявляет в ней разновидность так называемой «черкески», которая в рассматриваемом и даже в последующих периодах была широко распространена у народов Кавказа, особенно среди горцев.

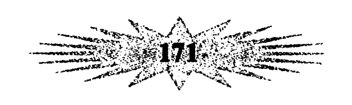
Примечательно и то, что по представлениям Вахушти одежда отдельных социальных групп осетин различалась не формой, а материалом, из которого ее шили. Низшие слои удовлетворялись местными изделиями (грубая шерсть, суровое полотно, легкая обувь из овечьей шкуры – «ткапучи»), а одежда верхних социальных слоев изготовлялась из заграничных тканей. Такое же различие наблюдалось и в обуви.

Вахушти указывает на схожесть одежды женщин и мужчин. Различие он видит только в отдельных деталях. В частности, одежда женщин более длинная, а вместо брюк носят носки-чувяки. Головной убор и ремень являлись обязательными компонентами наряда как женщин, так и мужчин. Большое внимание уделяли ремню, поэтому старались, чтобы он был как можно лучше.

Из других элементов материальной культуры нами рассматривается только пища. Вахушти пишет, что вода, хлеб и сыворотка являлись повседневной пищей осетин. Такая характеристика пищи осетин чрезмерно фрагментарна. Вахушти старается доказать ограниченность повседневного рациона осетин. Но в какой форме употребляют хлеб или куда девают сыр – первичный продукт переработки молока, об этом Вахушти ничего не сообщает. Молчит он и о месте мяса в рационе осетин. Особо отмечаются факты гонки водки, кваса и пива. Но потребление этих продуктов он связывает с гостеприимством, праздниками и поминками (Там же. С. 641).

Таким образом, Вахушти в своем «Описании Осетии» приводит ряд интересных сведений о различных сторонах материальной и духовной культуры, обычаях осетинского народа в период позднего средневековья. Некоторые из этих сведений не соответствуют осетинской этнографической действительности и не находят подтверждения в исторических источниках. Тем не менее, большинство из них являются уникальными, а значение их весьма большое.

Хозяйственная деятельность осетин и торговля. В «Описании Осетии» Вахушти уделяет должное внимание хозяйственной деятельности осетин. Описывая земледелие, он подчеркивает, что «плодородие этой страны очень низкое. Кроме пшеницы, ячменя и овса ничего не произрастает из-за холодов, поздней весны и ранней осени. Но и этих культур, по причине безземелья и скалистости местности, сеют в недостаточном количестве. Кроме того, час-

тый град, который случается в этих краях, становится причиной голода» (Там же, С. 635).

Вахушти не ограничивается характеристикой *земледельческой культуры* осетин. Он указывает на интенсивный характер этой отрасли хозяйства. В условиях малоземелья и скалистости почвы были выработаны такие навыки обработки земли, которые давали возможность максимально пользоваться создавшимися природными условиями. Такие навыки заключались в создании искусственных пахотных угодий, устройстве террас, удобрении почвы навозом, создании сложной, соответствующей рельефу системы орошения.

Из-за ограниченности географических условий, в Осетии «плохо произрастают фрукты и овощи, поэтому не знают фруктов, кроме лесных ягод» (Там же, С. 635).

После земледелия следует описание *животноводства.* В Осетии «есть скот: овцы бескурдючные, хвостатые, коровы, лошади, козы, свиньи. (Мясо вкусное по сравнению с другими местами.) Из-за нехватки пастбищ и сенокосных угодий количество их незначительно (Там же, С. 635—636). По данным грузинского ученого, каждый осетинский двор имеет 20—40—100 овец, 10—20—40 лошадей и коров. Отсюда следует, что Осетия являлась слаборазвитой страной и в области животноводства, что объясняется опять-таки нехваткой пастбищ и сенокосов. Тогдашняя политическая обстановка не давала населению высокогорной зоны Кавказа возможности пользоваться зимними пастбищами равнинных районов Закавказья и Северного Кавказа. При характеристике животноводства обращает на себя внимание указание на то, что мясо здешнего скота является особенно вкусным, а шерсть — мягкой. Вахушти объясняет такое явление изобилием минеральных вод, которые пьют как люди, так и скот (Там же. С. 636). Из домашних птиц Вахушти упоминает только кур.

При описании Осетии Вахушти указывает, что из диких животных там встречаются олень, серна, косуля, рысь, лисица, волк, шакал, барсук, медведь, заяц, но в малом количестве. Особо подчеркивается широкое распространение туров в горах Кавказа. Внешне он напоминает козу, но является более крупным и красивым. Они живут табунами и передвигаются по таким скалистым местностям, где другие животные не могут пробираться (Там же). Из диких птиц встречаются только мелкокрылые.

Такое разнообразие фауны Осетии являлось хорошей базой для *охоты.* Однако Вахушти ничего не сообщает про охоту. Она не упоминается и в связи с другими горскими народами. Но это не исключает соответствующего развития этого древнейшего вида хозяйственной деятельности осетин.

Как известно, в осетинском фольклоре широко представлена охота. И охотничья мифология осетин довольно богата. В Осетии известны и популярны не только покровитель охоты и хозяин рогатых зверей божество Афсати, но и существуют божества («дзуары») – покровители отдельных видов зверей (Магометов, 1968. С. 108). Осетинские молельни полны черепами и рогами туров и других зверей. Среди осетинских охотников существовал охотничий ритуал, сохранению и исполнению которого уделялось особое внимание. Ими также был выработан специальный охотничий язык. Все эти факты свидетельствуют о широком распространении охоты и бытовании этого вида деятельности в Осетии с древнейших времен.

Охота носила потребительский характер и представляла собой вспомогательную область в хозяйстве осетин-горцев. Вместе с тем она развивала и чисто спортивный интерес (Там же. С.112). Как и повсюду, в Осетии охота способствовала вырабатыванию в человеке физической силы, выносливости и бойцовских качеств. В этом отношении охоту можно считать одним из компонентов военно-физической подготовки осетин.

В сочинении Вахушти *пчеловодство* характеризуется одной фразой: «Здесь водят пчел, но не так много, чтобы хватало меда» (Картлис цховреба, 1973. С. 636). Тем не менее, и пчеловодство было одной из древнейших отраслей у осетин. Осетинское название меда – «мыд» («муд» – дигор.) – восходит к древнейшему индоевропейскому общему языку (В. Абаев). Согласно эпосу, общество нартов было большим потребителем меда. Из него готовили напиток – ронг, лепешки и др.

Осетия, страна аланов времен владычества монголов, была известна как страна, богатая медом (Тизенгаузен, 1884. С. 231). После вынужденного переселения в горы осетины теряют возможность заниматься пчеловодством в прежних масштабах, хотя и не забывают его. После возвращения осетин на прежние места проживания (XIX в.) пчеловодство вновь стало развиваться в прежних масштабах, а его производство приобрело товарно-рыночный характер.

Во времена Вахушти *рыболовство* в Осетии из-за неблагоприятных природных условий было распространено слабо: «В здешних реках нет рыбы из-за их быстротечности, за исключением наличия в некоторых местах форели» (Картлис цховреба, 1973. С. 637). Ни Вахушти, ни другие исследователи последующего периода ничего не сообщают о рыболовстве у осетин, что свидетельствует о его незначительной роли.

В сочинении Вахушти особо подчеркивается существование и развитие в Осетии *ремесел* и некоторых отраслей *кустарной промышленности*. Строительное искусство осетин Вахушти характери-

зует следующим образом: «Осетины умеют строить каменные дома без извести. Строят дома без окон, складывая камни друг на друга, и башни строят из сланцевого камня на скалистых возвышенностях, безопасных от снежных лавин, и прочные» (Там же. С. 640).

Таким образом, для позднего средневековья Вахушти первым подтверждает существование в Осетии строительного искусства высокого уровня. При этом указывает на его специфику, заключающуюся в сухой кладке сооружений. Вахушти обращает внимание на то, что осетины строили жилые дома на возвышенностях – «на скалистых горах», террасообразно. Выбор таких мест для строительства жилых помещений, в первую очередь, был обусловлен нехваткой земли. Вместе с тем, учитывалась и защита от снежных лавин, и защита от неприятеля. В этом отношении осетины обладали большим эмпирическим опытом, что отмечалось и исследователями последующих времен.

Коста Хетагуров, выдающийся осетинский поэт и общественный деятель, в своем этнографическом очерке «Осетинщина» (Особа), характеризует жилые строения осетин таким образом, как будто комментирует высказывания Вахушти. По К. Хетагурову, в горной Осетии жилища рассредоточены на макушках и выступах скал. Такое расположение защищает их от снежных и каменных лавин, оползней, делает труднодоступными для врагов. Каменные строения бывают одно- или многоэтажными, с террасными крышами. Стены строятся сухой кладкой (без извести) из сланцевого камня, пустоты между камнями заполняются щебнем и землей. Редким исключением являются башни, которые строят из тесаных камней и с применением известкового раствора. Для большей устойчивости все строения, особенно башни, имеют форму усеченной пирамиды (Хетагуров, 1974. С. 231, 237).

Описание К. Хетагуровым осетинских жилищ и оборонительных сооружений является более полным. При этом представляет интерес то обстоятельство, что К. Хетагуров, подтверждая правильность сведений Вахушти, в то же время вносит некоторые коррективы в них. Вахушти для своего времени полностью исключает применение осетинами известкового раствора в строительстве, в том числе и в строительстве башен. К. Хетагуров, наоборот, считает, что сухая кладка была характерна для жилых сооружений, а башни строились с применением извести. Разумеется, башни строились и сухой кладкой, без известкового раствора, и они, как отмечает исследователь Л. Чибиров, по прочности не уступали башням, построенным с применением извести (Чибиров, 1970. С. 89). Следовательно, сведение Вахушти о том, что в его времена осетины «уже не применяли известь для кладки сооружений», не следует понимать так, будто секрет извести был предан забвению и

полностью исключен из строительной практики[9]. Правда заключается в том, что во времена Вахушти применение извести ограничилось, было заменено более дешевыми и доступными способами. Часть башен (знатных родов и феодалов), а также склепы (обязательный компонент осетинского быта) вновь строились с применением извести. Так что в Осетии, как и у других соседних горских народов, кладка стен сухим способом и с применением извести существовали параллельно.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Вахушти, рассуждая о строительной технике осетин, отмечает, что старинные крепости, башни, церкви являются каменными строениями с применением извести, построены царями, в основном, царицей Тамар (Картлис цховреба, 1973. С. 640–641). Эти слова Вахушти говорят о том, что в те времена строительное искусство осетин было на более высоком уровне по сравнению с его современным. Такой уровень строительства с применением извести связывается с эпохой царей, в первую очередь, с эпохой царицы Тамар. Действительно, цари единого феодального государства Грузии проявляли большой интерес к народам Северного Кавказа, способствовали распространению и упрочению христианской религии среди них и строительству церквей для этой цели. Христианская религия должна была упрочить идеологическое влияние Грузии на эти народы, идеология же, в свою очередь, служила политике.

Но, с другой стороны, там, где касается истории Осетии, Вахушти указывает на то, что основная часть современной ему Осетии – нынешняя Северная Осетия (с Тагаурским, Куртатинским, Алагирским и Дигорским ущельями) с самого начала, со времен царя Фарнаваза, была владением осетинских царей. Осетинское же царство существовало долгое время, вплоть до конца XIV века, пока не было уничтожено Тимурленгом. И если это верно, то под упомянутыми Вахушти царями, которые строили крепости, башни и церкви на территории Осетии с применением извести, должны подразумеваться преимущественно осетинские цари. То есть, строительство крепостей и башен на территории Осетии должно связываться с осетинскими царями.

Существование двух ступеней строительной техники, на которые указывал Вахушти, легко объяснимо, если учесть всю его историческую точку зрения. Осетинское государство пало, осетинское

---

[9] Клапрот, путешествуя по Кавказу в 1807–1808 гг., особо подчеркивал, что сооружения, построенные в Осетии с применением извести, являются прочными. Объясняя причины такой прочности, он отмечал, что после обжига известь в течение года оставляют снаружи с целью ее саморазрушения (без воды). Такая известь прочно связывает стены, и поэтому такой способ заслуживает внимания и широкого внедрения.

царство превратилось в княжество, вскоре и оно распалось на отдельные общества и потеряло все признаки государственности. В таких условиях уже невозможно было прежнее монументальное строительство времен государственности. Отдельные общины или роды, естественно, вынуждены были строить более дешевые и доступные сооружения. Видимо, именно в таких условиях произошел отмеченный регресс в строительной технике, характерное явление для осетинского (и не только осетинского) общества позднефеодальной эпохи[10].

В своем сочинении Вахушти отмечает знание осетинами «работы по дереву». Обработка дерева частично была связана со строительством, в основном же она была связана с изготовлением мебели, посуды и орудий труда. Вахушти считал современную ему Осетию бедной лесом страной, и поэтому следует подразумевать, что масштабы обработки дерева не выходили за пределы местной потребности.

По Вахушти, в Осетии были распространены *кузнечное и слесарное* ремесла. Под кузнечным ремеслом он подразумевал изготовление хозяйственного инвентаря, а под слесарным ремеслом – изготовление боевого оружия. При этом Вахушти не указывает перечень инвентаря, изготовляемого осетинскими кузнецами, и необходимости в этом, видимо, и не было. Кузнечное ремесло является отраслью, существующей с древнейших времен, и продукция, выпускаемая ею, определялась потребностями тех обществ, среди которых она возникла. В осетинской действительности кузнецы изготавливали железные принадлежности для пахоты, тяпки, топоры, ножи, очажные цепи, принадлежности для конской сбруи и др.

Слесарное ремесло, как было сказано, было связано с изготовлением боевого оружия. Вахушти, описывая осетин, отмечал, что «их богатством являются ружье, сабля, цепь, броня» (Там же. С. 640). В одном из описаний времен Вахушти, представленном российскому правительству кабардинскими феодалами – Магометом Атажукиным, Адилгиреем Гилиаксановым и кумыкским феодалом Алишем Хамзиным, осетины характеризуются как «воинственный народ, вооружены они ружьями, саблями, кинжалами, сами же готовят порох, пули. Все это изготавливается на месте. Железо они извлекают из руды, добываемой в своих горах» (Материалы, 1933. С. 33).

---

[10] На основе упомянутого сведения Вахушти А. Робакидзе и Г. Гегечкори делают справедливый вывод о том, что в развитии осетинской башенной культуры существовали две ступени, резко отличающиеся друг от друга, когда памятники материальной культуры старого периода, связанные с именем царицы Тамар, по сравнению с позднейшими, характеризуются более высоким уровнем строительного искусства (Робакидзе, Гегечкори, 1975. С. 66).

Говоря о существовании в Осетии металлических руд, Вахушти пишет, что «здесь есть металлы и минералы серебра, свинца, железа, серы, селитры и горного хрусталя, но не знают их добычу, чтобы пользоваться помногу». Извлекают из земли свинец, селитру, серу». При описании Касарского ущелья он пишет, что «здесь есть много свинца, который плавят, есть еще сера хорошего качества. Кроме того, есть еще серебро, но не умеют извлечь его» (Картлис цховреба, 1973. С. 636–637, 645).

Таким образом, два источника, независимо друг от друга, указывают на существование и применение металлических руд в Осетии. Вахушти подчеркивает и то обстоятельство, что эти руды осетины применяют в ограниченных масштабах, а с процессом добычи серебра вообще не были знакомы. Разумеется, что регресс социально-экономической жизни осетин обусловил сокращение эксплуатации природных богатств Осетии, но она не прекращалась, ибо на местном уровне продолжалось их применение в незначительных масштабах.

Следует отметить, что ископаемые богатства Осетии вызывали живой интерес соседних стран. Российские архивные материалы подтверждают попытки добычи и применения серебряных и свинцовых руд Осетии Вахтангом VI и Ираклием II. Вахтанг VI, как отмечается, в счет определенной платы получил руду из Осетии в большом количестве. С конца 60-х годов XVIII века царское правительство принимало энергичные меры к тому, чтобы подобно грузинским царям пользоваться рудами Осетии (Тогошвили, 1969. С. 87–92). Известно, что Вахушти был активным участником деятельности отца – царя Вахтанга VI и поэтому был хорошо информирован об ископаемых богатствах Осетии и о масштабах их применения. В этом отношении его сведения заслуживают внимания.

В своем описании Осетии Вахушти повествует о широком распространении *обработки кожи и шерсти* среди осетин, отмечая, что «они знают обработку кожи, ткачество шерсти и валку, делают добротные бурки» (Картлис цховреба, 1973. С. 640). Осетинское общество (да и вообще кавказские общества) времен Вахушти проживало в условиях замкнутого натурального хозяйства и поэтому каждая семья была вынуждена сама производить нужные ей изделия. Впрочем, такое положение не исключало связей с рынками, но они были нерегулярными. Вытканные в домашних условиях осетинская шерстяная ткань «тын» и «тинтичи» (пуховик – ткань или трикотаж из тонкорунной шерсти козы) были известны на всем Кавказе не только в XVIII веке, но и в XIX, пользуясь широким спросом. Но они в основном применялись для удовлетворения потребностей местного населения. Ткачество шерстяных тканей, как и весь комплекс работ, связанных с обработкой шерсти, было уделом женщин. Приме-

няя природные органические и минеральные красители, они придавали шерстяным тканям нужные цвета и расцветки. Осетинские женщины были также искусными мастерицами в деле шитья одежды. По словам Вахушти, «шьют тонко и добротно». Он же дает высокую оценку осетинским валяным изделиям. Также широко была распространена в Осетии обработка кожи. Из овечьей шкуры готовили шубы, а из шкур крупного рогатого скота – обувь, тесьму, ремни. Из кожи изготавливали также мешки и бурдюки. Из шкур (в основном из козьей шкуры) выделывали так называемую кожу «тарсики», придавая ей различную расцветку. Башмаки, изготавливаемые из такой кожи, являлись обувью повседневной носки для верхних социальных слоев осетин, а для остальных слоев – праздничной обувью.

Обработка шерсти, кожи, изготовление бурок носили семейно-кустарный характер, и их формирование в качестве отдельных специальностей не осуществлялось не только во времена Вахушти, но и в последующем. Единственной отраслью, которая отделилась от земледелия, было кузнечное ремесло.

Характеризуя хозяйственную деятельность осетин, Вахушти коротко коснулся и производства пива, водки, кваса. Касаясь производства пива, он отмечает, что «пиво варят немного» и что в их стране не произрастает хмель и его завозят из Картли, Рачи и Кабарды. «Делают также водку из хлеба и ячменя и пьют по праздникам и в гостях» (Там же. С.641). В связи с водкой и квасом Вахушти не говорит о незначительном их производстве, но в отношении пива подчеркивание такого факта означает, что ограниченная земледельческая база и скудная урожайность являются причинами ограниченного производства этих напитков.

Вне внимания Вахушти не остались *торговля и товарообмен.* Характеризуемая Вахушти экономика Осетии является типичным натуральным хозяйством, для которого чужда денежная единица, и поэтому она в основном базируется на натуральном обмене. «Их богатством являются ружье, сабля, цепь, броня; медь, золото и серебро в малом количестве. Не знают тетри (грузинская денежная единица), вместо тетри применяют бурки, черкески, суровое полотно, шерсть, овец, коров, пленников и этим торгуют между собой и с соседями» (Там же. С. 640).

Натуральное хозяйство не испытывает большой нужды в деньгах. Поэтому осетины во внутреннем обмене опираются на те продукты, которые сами же производят, а также на скот. О масштабах внутренней торговли Вахушти ничего не говорит. Но если учесть то обстоятельство, что с хозяйственной точки зрения в Осетии XVII–XVIII вв. не существовало резко отличающихся друг от друга районов (отличие заключалось в количестве, а не в качестве), то внут-

ренняя торговля, естественно, не могла быть широкомасштабной. Такое положение обусловливалось обособленностью отдельных ущелий и обществ, их оторванностью друг от друга. В результате внутренняя торговля, по всей вероятности, осуществлялась в основном между отдельными общинами одного общества.

В таких условиях внешняя торговля, которую осетины вели с соседними странами и народами, несмотря на неблагоприятные природно-географические и политические условия, была более обширной, чем внутренняя торговля. Об основных предметах торговли с соседними странами и народами Вахушти писал: «Нет у них в стране соли, льна, кенафа, хлопка, шелка, чтобы одеваться. Для этого в основном применяют овечью шкуру, но ее тоже завозят из Картли, Рачи, Черкесии. Из-за нехватки продовольствия они вынуждены подчиняться соседям» (Там же. С. 641).

Таким образом, основными предметами завоза у осетин были соль, хлопок, шелк, хмель и, особенно, зерно. И если ткани (леин, дарая, дараибафт, кунт и др., из которых готовили одежду для богатых осетин) не были предметами широкого привоза, то в части продовольствия осетины были настолько зависимы от соседних стран, что по этой причине они иногда были вынуждены подчиняться им. В свою очередь, экономическая зависимость осетин от Картли, Рачи и Кабарды обусловливала их политическую зависимость от этих стран. Экономические отношения с соседними странами в основном основывались на обменных операциях, и поэтому денежные знаки выполняли незначительную роль. Такое положение, с одной стороны, обусловливалось тем, что у осетин не имелось денежной единицы, а денежные знаки, которые все-таки к ним попадали разными путями, не могли существенно менять характер торговли. С другой стороны, следует иметь в виду, что внешняя торговля осетин осуществлялась непосредственно с соседствующими странами. Территориальная близость и традиционный, систематический характер обменных процессов также в значительной степени определяли форму экономических отношений с соседними странами. Однако, признавая существование торговых отношений осетин с соседними странами, нельзя разделить мнение В. Гамрекели, который считал такую внешнюю торговлю внутренней торговлей (Гамрекели, 1968. С. 47—48).

Внешняя торговля вовсе не определяется тем, как и чем торгуют. Если товарообмен осуществляется между двумя политически или этнически независимыми единицами, то его следует считать внешней торговлей. С этой точки зрения соответствующие отношения осетин, входящих в состав Картлийского царства, являются внутренней торговлей, а экономические отношения независимых обществ Северной Осетии с теми же районами Картли являются внешней торговлей.

Вахушти сообщил о тех товарах, которые осетины покупали на рынках Картли, Рачи, Кабарды, но ничего не пишет о товарах, вывозимых взамен. По всей вероятности, осетины вывозили ту же продукцию, которая, по Вахушти, выступала во внутренней торговле в роли заменителя денег, как, например, бурки, черкески, жесткая ткань, шерсть; овец, коров и пленников. К этому следует добавить продукты животноводства, имеющиеся у осетин: сыр, топленое масло, кожу.

В начале 70-х годов XVIII века И. Гюльденштедт совершил путешествие на Кавказ и в Грузию. Описывая Онскую и Хонскую ярмарки, он отмечал, что осетины и другие народы Северного Кавказа сюда привозят черкески из серого и черного сукна, бурки и др. (Гюльденштедт, 1962. С.107, 153). Вряд ли со времен Вахушти в этом отношении что-нибудь существенно изменилось.

Так нам, по описанию Вахушти, представляется хозяйственная деятельность осетин и их взаимоотношения с соседними народами в начале XVIII века.

Некоторые вопросы социальных взаимоотношений осетин в работе Вахушти. В «Описании Осетии» нашли отражение и некоторые вопросы общественных и социальных взаимоотношений осетин. В первую очередь, из сочинения Вахушти следует, что современное ему осетинское общество не являлось социально однородным, что и проявлялось во всех сферах их жизни. Вахушти пишет, что «осетины делятся на следующие роды: Сидамонов, Чахаладзе, Тагауров, Куртаулов, Баделидзе, Черкесидзе, Басианов. Все они являются видными представителями по отношению к другим осетинам. Они могут идти походом друг против друга, помогать друг другу, мстить за свой род» (Там же. С. 641).

Упомянутые продвинутые роды, действительно, точно повторяют названия верхних социальных слоев осетинского общества, но в грузинской форме: Сидамоны – Сидамонта (осет.), Чахалидзе – Цахилта, Тагауры – Тагиата, Куртаулы – Куртата, Баделидзе – Бадилата, Черкесидзе – Царгаста. Басианов Вахушти тоже считает осетинами. При описании отдельных местностей он рассматривает Басиан как место, где «видные представители являются осетинами, владеющими крепостными» (Там же. С. 651).[11] Для представителей верхних социальных слоев осетин были характерны все те же при-

---

[11] Отсюда следует, что Басиан, нынешняя Балкария, во времена Вахушти все еще был тесно связан с Осетией. Тамошние верхние социальные слои по происхождению считаются осетинами, а зависимое от них население было тюркоязычным народом и осетинами, ассимилированными этим народом. У Вахушти в связи с осетинами значение этнического момента в формировании феодальных отношений неоднократно подчеркивается. – *Г.Т.*

знаки, которые были присущи верхним слоям феодальных обществ везде, где бы они ни существовали. Они иногда выступали друг против друга, но главное, все-таки, заключалось в том, что часто они поддерживали друг друга, выступая солидарно в защиту своих классовых интересов.

В той части сочинения Вахушти, которая содержит описание Осетии, во многих местах отражается облик социальной неоднородности осетинского общества. Сведения о такой неоднородности приводятся в различных контекстах. Например, рассуждая о религии, Вахушти отмечал, что «главы и видные представители» тагаурцев, куртаулцев, валагирцев****, дигорцев и басианцев являются магометанами, а «низшие крестьяне» — христианами. В другом месте говорится о «богатых» осетинах, о «главенствующих» и «низших»; «знают, что видные роды являются осетинами», а «двалы относятся к низшим родам» (Там же. С. 638—640).

Для того чтобы разобраться в высказываниях Вахушти о том, что «видные роды являются осетинами», а двалы относятся к низшим родам, следует иметь в виду всю концепцию Вахушти о древнейшем населении высокогорной зоны и предгорья Центрального Кавказа. По этой концепции здешним древнейшим населением были двалы — потомки Кавказоса, порабощенные осетинами, которые, в свою очередь, явились сюда в различные эпохи своей истории и постепенно добились господствующего положения над двалами. Чтобы сделать более понятной такую версию, Вахушти особо подчеркивает, что «после разорения Осетии и прихода осетин в Кавказские горы Осетию стали называть Черкезией или Кабардой, а местности в Кавказских горах, куда заселились осетины, стали называть Осетией, ибо предствителей более видных родов называли «осетинами, а представителей низших родов — двалами» (Там же. С. 634).

Анализируя сведения Вахушти о формировании феодальных отношений, С. Джанашия в связи с вышеприведенными сведениями отмечал, что Вахушти на примере как осетин, так и других народов, подметил значение этнического момента в процессе образования феодального общества (Джанашия, 1947. С. 11).

Вахушти особо не касается вопроса о том, чем отличаются представители видных слоев осетинского общества от их же соотечественников, относящихся к «низшим крестьянам». Однако в его сочинении есть места, где ясно прослеживаются некоторые отличия. Представители видных родов отличаются одеянием, в первую очередь тем, что одежду они изготавливают из ввозимых драгоценных тканей. Есть отличие и в религии — «представители верхних социальных слоев являются «магометанами», а «низшие крестьяне — христианами». Такая характеристика относится к общинам Северного Кавказа, верхние социальные слои которых были тесно

связаны с кабардинскими феодальными кругами, под влиянием которых они приняли мусульманство и, таким образом, по вероисповеданию размежевались с подчиненными слоями, а в лице кабардинских феодалов заимели надежную опору для упрочения своего социального господства. Кроме того, характерным для осетинской верхушки является многоженство. Но многоженство было распространено и в той части осетинского общества, которая не принадлежала к «видным представителям», но достигла определенного социального и финансового благополучия, т.е. разбогатевших. По этому поводу Вахушти говорил, что «богатые женятся на двух или трех женах, а бедные — на одной», или «если осетин (двал) возвысится или станет богатым, то или женится на двух или трех женах, или построит башню, или убьет человека» (Картлис цховреба, 1973. С. 640). Одним словом, Вахушти считал многоженство не столько показателем социального успеха, сколько показателем имущественного процветания. Связь многоженства с имущественной возможностью Вахушти объяснял в той части своего сочинения, где речь идет о существовании левирата среди осетин, то есть о правиле женитьбы на жене умершего брата (Там же. С. 640)[12]. По Вахушти, различные общества Осетии в социальном отношении отличались друг от друга и стояли на различных уровнях развития. Такое отличие он особо не выделял, но подчеркивал такие детали, которые говорят об этом. В связи с Басианом он отмечал их «родовитость», а также то обстоятельство, что «владеют крепостными». В описании Дигории, непосредственного восточного соседа Басиана, Вахушти в связи с Баделидзевыми отмечал, что ущелья, где они проживают, являются многолюдными, с множеством строений и поселений, с башнями, а тамошняя верхушка является владельцем крепостных» (Картлис цховреба, 1973. С. 649)[13].

Согласно описанию Вахушти, почти все осетинские общества были со «строениями и поселениями», но не везде они, эти «строения и поселения», были синонимами «крепостных владений». Такое положение обнаружилось только в Дигории. В социальном отношении было развито и Тагаурское общество, но о здешних владетелях,

---

[12] Левират у осетин сохранился до конца XIX века. Кроме Вахушти, о нем сообщает и Клапрот. Существование левирата Вахушти объясняет чисто экономическими мотивами. Такие мотивы были решающими, но их существование обусловливалось другими факторами, как, например, религиозная и патриархальная идеология, целью которой было продолжение рода (Магометов, 1974. С. 111–112).

[13] А. Робакидзе и Г. Гегечкори правильно считают, что крупное жилье и оборонительные комплексы, о которых говорит Вахушти, соответствуют более высокому уровню социальной организации (Робакидзе, Гегечкори. С.78).

тем более об их крепостничестве, ничего не сообщается, несмотря на то, что упоминается их верхушка, которая, как было сказано, была отмежевана, в том числе и религиозно, от низших слоев.

Для понимания социально-общественного состояния осетин большое значение имеет сведение Вахушти о том, что «у осетин развито чувство уважения, к старикам обращаются с почтением. Старейшины на сходах и советах решают вопросы мира и злободневные вопросы общины» (Там же. С. 640). С. Джанашиа в связи с этим отмечал, что приведенные сведения «характеризуют ставшее на путь разложения родовое общество вместе со своими патриархами, в руках которых находились правосудие и управление всеми делами общины. Такое хозяйничанье «старейшин» носит другой характер по сравнению с хозяйничаньем Геловани (в другом месте, в связи со Сванетией, говорится, что «Геловани нынче у них как хозяева и кроме них никому не подчиняются», то есть Геловани являются хозяевами другого характера, чем, скажем, хозяева кахетинцев). Для более ясного представления уровня развития населенных районов Осетии, Вахушти специально отмечал, что в этих общинах были чужды денежные отношения и что купля-продажа продуктов осуществлялась путем обмена» (Джанашиа, 1947. С. 11).

Социальный облик осетин, приведенный Вахушти, С. Джанашиа считает бытом племен, находящихся в полупатриархальном или патриархальном состоянии. У осетин и дзурдзуков, находящихся в таком положении, специфическими были отношения и с соседними владетелями. Про них Вахушти писал, что «и сегодня они являются данниками своих хозяев, но подношение называют подарком» То, что со времен патриархальных отношений и понятий все еще называлось подарком, в представлениях более развитого феодального общества представляло собой дань и больше ничего. Подобное наблюдение Вахушти имеет для нас особое значение. В другом месте, говорит С. Джанашиа, нами была показана та роль, которую в формировании раннефеодального общества играли подарки и подношения, исходящие из патриархальной эпохи и в соответствующих условиях превращавшихся в оброк и дань (Там же. С. 12).

На сведения Вахушти о социальном состоянии современной ему Осетии и особую роль в этом процессе «старейшин» впервые обратил внимание С. Джанашиа, посчитав (такую ее роль) знаковым явлением в процессе перехода от патриархальной эпохи к феодальной. Вместе с тем, С. Джанашиа не оставил без внимания и тот момент, что у Вахушти отдельные осетинские общины (Дигория и др.) были более развитыми в смысле владения видными представителями этих общин крепостными.

К сожалению, в упомянутой статье С. Джанашиа, посвященной вопросам грузинского феодализма по сведениям Вахушти, анализ

социального положения Осетии, данный Вахушти, занимает незначительное место, да и то только с целью сравнения. Поэтому позиция исследователя по этому вопросу до конца не ясна. Считать социальное положение Осетии, данное в сочинении Вахушти, патриархальным или полупатриархальным, не является достаточным и точным. В современной научной литературе общественный строй Осетии XV—первая половина XIX вв. характеризуется как раннефеодальный. Но следует сказать, что считать социальное развитие осетин XVIII—XIX вв. раннефеодальным не совсем точно, так как в них не определен период классовых отношений. В этом плане представляет интерес концепция З. Анчабадзе и А. Робакидзе о так называемом «горском феодализме», где каждому народу горного Кавказа в процессах социального развития придается соответствующее место. По этой концепции, социальная система кавказских горцев представляла собой определенную разновидность раннефеодальных отношений с тремя ступенями развития: низшей, средней и высшей. На низшей ступени раннефеодального развития находились Алагирские и Наро-Мамисонские общины. На средней ступени стояло большинство осетинских общин, а также Балкария (Басиани, по Вахушти). При этом считают, что и среди них существовали различия. Например, Дигория стояла выше Тагаурии, но это было количественное различие, а не качественное (Анчабадзе, Робакидзе, 1973. С. 123—124).

Рассматривая сведения Вахушти об уважении и почитании старших и об их роли в общественной жизни осетин, следует подчеркнуть, что вообще уважение к старшим представляет собой значительную составную часть этикета осетин. Оно возникло в общинно-родовом обществе как результат патриархального подчинения младших старшим. Кавказская действительность, в частности, сохранность и устойчивость патриархальных отношений, особенности исторического развития горских народов Кавказа способствовали сохранению отмеченных явлений.

В позднем средневековье в Осетии не существовало публичной власти, что стало причиной определенного возрождения общинно-родовых традиций. Этому этапу развития осетинского общества соответствовала и структура его правления, которая основывалась на авторитете старейшин отдельных общин, преимущественно глав патриархальных семей. Главенство в роде, фамилии зависело от старшинства по возрасту, что создавало среди осетин достаточную основу для того, чтобы старейший член рода стал его главой, а старейший член семьи — главой семьи.

Здесь же следует отметить, что почитание старейшин и выполнение ими общественных функций, подчеркнутые Вахушти, непригодны для отрицания феодальных отношений в этом обществе; они

непригодны и для утверждения того, что здесь речь идет о тех общинах и обществах Осетии, где феодальные отношения были слабыми. Дело в том, что и сами феодальные роды были организованы так же, как и другие, то есть глава рода управлял всей деятельностью этого рода. Поэтому соображение, высказанное Вахушти о роли осетинских старейшин, одинаково распространено на все общества Осетии, несмотря на уровень их развития.

Значительная роль осетинских старейшин в общественной жизни страны вместе с сильными патриархальными традициями была обусловлена их большим опытом, знанием обычаев, моральным авторитетом. В условиях отсутствия школ, каких-либо возможностей обучения способность управления общественными делами можно было приобрести путем продолжительного наблюдения жизни и, таким образом, накопления большого опыта. Все это приобреталось годами, и поэтому много видевший и переживший старец, великолепный знаток и хранитель осетинских обычаев, был примером, беспрекословным советником и авторитетом для молодого поколения. Впрочем, и система осетинского семейного воспитания одной из своих целей ставила выработку в молодежи уважения к старшим.

Уважение к старшим в Осетии не было исключением в кавказской действительности. Оно было довольно распространенным явлением и среди других кавказских народов. Ему соответствовал так называемый институт аксакалов, существовавший в мусульманских странах Кавказа, в том числе таких, где было установлено правление ханов.

Вахушти, повествуя о большой общественной роли осетинских старейшин, ничего не сообщает о ее масштабах. Но, рассуждая о такой роли, и нам трудно представить ее в масштабах всей Осетии. Из сведений Вахушти, а также по другим историческим источникам, известно, что в XVIII веке Осетия была раздробленной страной. В таких условиях функции правосудия или правления старейшин не могли распространяться за пределы общины (деревни) или ущелья. Но в отдельных случаях, когда дело касалось урегулирования взаимоотношений между отдельными обществами или их примирения, то сфера их деятельности тоже расширялась. Подобное же происходило в том случае, когда осетинские общества были вынуждены общими силами выступать и противостоять внешним силам или же установить широкомасштабные взаимоотношения с ними. Естественно, что в таких случаях особым авторитетом пользовались представители старейшин высших социальных слоев и сильных родов.

Кратко, но, вместе с тем, довольно полно, Вахушти характеризует функции и сферу деятельности осетинских старейшин в деле отправления правосудия на основе адата, так называемого «габджо-

ба», «завкопа» – примирение кровников, и «правления всеми необходимыми» делами*****. В каких формах все это осуществлялось, об этом Вахушти ничего не сообщает. Ни одним словом он не упоминает «Нихас», несмотря на то, что он является центром общественной жизни осетин.

«Нихасом» называлось собрание представителей мужского населения общины (села), на котором рассматривались злободневные вопросы. На нем обычно присутствовали мужчины среднего и старшего возраста. «Нихасом» называлось и место, где проходили подобные собрания. На этих «нихасах» решались все вопросы, связанные с жизнью общины, как, например, «габджоба» – примирение враждующих сторон, урегулирование внутриродовых и межродовых конфликтов и др. Можно сказать, что «нихас» в раздробленной, разделенной на общества Осетии был как высшим, так и местным органом самоуправления. Обе эти функции входили в его компетенцию, а эти функции выполнялись старейшинами, входящими в состав «нихаса».

Таким образом, сведения Вахушти по вопросам социальных взаимоотношений осетин не отличаются разнообразием, носят фрагментарный характер, но, тем не менее, анализ этих сведений дает возможность создать определенное представление о социальном облике осетинского общества начала XVIII века.

ГЛАВА II

ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРУЗИНСКОГО И ОСЕТИНСКОГО НАРОДОВ В ТРУДАХ ВАХУШТИ

Сочинение Вахушти Багратиони – «Описание царства грузинского» – является трудом исторического характера и, естественно, основное внимание в нем уделено грузинской истории с древнейших времен до первой половины XVIII века. Оно делится на две основные части. Первая часть относится к древнейшей истории Грузии, и в ней дается тхреба (изложение) «Картлис цховреба» («Житие Картлии»). С. Каухчшвили подчеркивает то обстоятельство, что, описывая древний период «Истории Грузии», Вахушти все же не отличается большой оригинальностью. «По существующим перечням представил краткую историю до XIV века. Что же касается новой части «Истории Грузии» – истории XIV–XVIII вв., то она является вполне оригинальной и написана самим Вахушти на основе совершенно нового плана» (Картлис цховреба, 1973. С. 7–8).

Несмотря на то, что «История Грузии» Вахушти в своей старой части не отличается оригинальностью, она, все-таки, имеет большое значение, так как некоторые сведения, имеющиеся в грузинском историческом письме, Вахушти осмысливает своеобразно. О том, как передает Вахушти традиционную концепцию Леонтия Мровели о происхождении кавказских народов, в том числе и этногенез осетин, рассматривается в следующем разделе данной работы, и поэтому здесь об этом не будет речи.

Вахушти кратко останавливается на участии осетин в борьбе Фарнаваза против Азона и, подобно Леонтию, считает, что Фарнаваз выдал сестру в жены осетинскому царю (Там же. С. 56–57). Дальше, рассказывая о борьбе грузинских вельмож против сына Фарнаваза – Саурмага, он коротко отмечает, что с помощью дзудзуков и осетин Саурмаг вернул Грузию (Там же. С. 58).

Кратко передается также довольно широкое повествование Леонтия Мровели о борьбе грузинских царей – Азорка и Армазела с участием осетинских царей – Базука и Амбазука, а после их гибели в бою, вновь участие осетин в борьбе против армянского царя Арташеса с целью возвращения захваченных приграничных городов-крепостей (Там же. С. 64–65).

Конфликт грузинского царя Амазаспа с осетинами Вахушти передает точно по Леонтию. При этом, если повествование древних писателей излагается кратко, то борьбу Амазаспа с осетинами при-

водит почти полностью (Там же. С. 67–68). То же самое относится и к повествованию Леонтия, где рассказывается об интересном сотрудничестве грузинского царя Асфагура с армянским царем Косором (у Леонтия – Косаро) против персидского царя Касре. Через Дарьяльские ворота Асфагур получал помощь осетин и других северокавказских народов. Асфагур умер в Осетии, когда сам отправился туда для перевода войск (Там же. С. 69–70). Вахушти повторяет Леонтия при описании похода осетин на Картли и ответного похода Мириана в Осетию (Там же. С. 72).

Вахушти полностью следует повествованию Джуаншера о походе Вахтанга на Осетию, но почему-то не подвергает сомнению, что сведения о количестве войск и пленных могут быть чрезмерными (Там же. С. 101–104). Несмотря на то, что Вахушти известен критическим отношением к источникам (особенно в оригинальной части своего сочинения), в данном случае такой критический подход не обнаруживается. Возможность проверки сведений Джуаншера, может быть, у него и не была. Впрочем, произвольное толкование явно фантастических сведений являлось общим недостатком тогдашних исторических сочинений. Еще раз следует отметить, что сведения о конфликте Вахтанга или других царей с осетинами, Вахушти не сокращает и передает в том объеме, в каком они сохранены в древних сочинениях. Например, без изменения приводятся сведения Джуаншера о переводе Гуарамом Куропалатом (Вахушти называет его царем) осетин, дзурдзуков и дидоев для похода против Персии. Джуаншер отмечал, что предводителем этих войск он назначил эриставов Картли и послал для разгрома Адарбадагана. Вахушти же сообщает, что сам Гуарам возглавил грузинские войска (Картлис цховреба, 1995. С. 219–220; 1973. С. 120).

Сведения о вторжении Буга Тюрка в Грузию и его многократных попытках вторжения в Осетию через Дарьяльские ворота, сохраненные в «Матиане Картли» («Летопись Картли»), Вахушти также без изменений переносит в свой труд. Разница лишь в том, что по «Летописи Картли» количество осетинских заложников, переведенных через Дарьял Буга Тюрком, составляет 3000 дворов, а по «Картлис цховреба» (как и в его старом армянском переводе) это количество составляет 100 дворов. Но брать 3000 дворов осетин в заложники без их общего полного поражения было невозможно. А Буга, как известно, не смог добиться победы над осетинами и, как передает летопись, старался и на второй год вступить в Осетию. (Картлис цховреба, 1995. С. 219–220; 1973. С. 120)[14] .

[14] Различие в численности взятых в заложники и переведенных в Грузию осетинских семей образовалось на графической основе (в результате смешения заглавных букв «р» и «дз» – р-100, дз-3000) (Тогошвили, 1958. С. 104).

В «Летописи Картли» приводится сведение о том, что царь абхазов Баграт вел борьбу против царя Адарнасе (последнему помогали армяне и владетель Картли Гурген Курапалат) для воцарения в Тао-Кларджети своего шурина Насре. Противники «столкнулись на реке Кура, абхазы потерпели поражение, были убиты Насре и Бакатар, князь овсов и эристав абхазов». Здесь князь овсов упоминается в связи с результатами боя. Вахушти дает несколько иную версию этого события: «Баграт вызвал Насре, брата своей жены, дал ему войска и в помощь позвал осетин, они перешли в Самцхе и захватили крепости Одзрахе, Джварис-цихе и Ломсиати. Там Насре собрал войска и пошел войной на Адарнасе. Адарнасе на помощь пришли Гуарам и армяне; схлестнулись на реке Кура, нанесли поражение Насре и осетину Бакатар; Насре пленили и убили в ущелье Аспиндза» (Картлис цховреба, 1973. С.132).

Отсюда видно, что сведения Вахушти об этом факте являются более полными. Вахушти показывает, что в помощь Насре Баграт позвал осетин и с их помощью захватил названные крепости. Вахушти не сообщает, что Бакатар погиб, он говорит только о поражении, в результате чего Насре попал в плен и был убит. О том, как сложилась судьба Бакатара, — неизвестно. Впрочем, не исключено, что после поражения его пленили или он был убит на каком-то этапе войны.

Ш. Месхиа различие сведений, данных Вахушти, объясняет тем, что редакторы «Картлис цховреба» XVIII века повествование «Летопись Картли» о войне Адарнасе с Насре дополнили сведениями, взятыми из хроники Сумбата, а Вахушти повторяет эти вставки хроники (Месхиа, 1947. С. 25).

Что же касается сообщения «Летописи Картли» о женитьбе Баграта на Борене — дочери осетинского царя, о выступлении против него сына Георгия Деметре (двоюродный брат Баграта), поддержанного грузинскими феодалами, о конфликте царя кахетинцев Квирике с царем осетин, жертвами которого стали оба царя, то по ним Вахушти точно следует и коротко передает их (Картлис цховреба, 1973. С. 144—147). То же самое можно сказать и об имевшей место помощи, оказанной Баграту осетинским царем Дургулелем, когда этот последний с сорокатысячным войском совершил поход на Гандзу, взял ее, а потом из Осетии навестил Баграта в сопровождении многочисленной свиты. Это событие точно передается, но некоторые детали Вахушти представляет немного по-другому. По «Летописи» Баграт встречает шурина в Тинисхидском урочище, а Вахушти конкретно указывает Начармагеви, где находилась резиденция царей. Неправильным является также мнение Вахушти о том, что царь овсов прибыл, чтобы увидеться с дочерью (Там же. С. 295, 319). Борена была сестрой Дургулеля, а не дочерью, что особо подчеркивается в «Летописи Картли» (Там же. С. 295, 313).

Касаясь сведений историка Давида Строителя о переселении кипчаков в Грузию, Вахушти в основном следует его повествованию, но последовательность развития событий не всегда сообщается. Историк Давида отмечает, что когда царь предложил кипчакам переселиться в Грузию, они «с радостью согласились, но попросили, чтобы им обеспечили мирный переход через Осетию. Для этого царь решил сам отправиться в Осетию и взял с собой Георгия Чкондидели. Его встретили осетинские цари и князья и предстали перед ним. Взяли с обеих сторон, осетин и кипчаков, заложников и таким образом помирились и взяли крепости Дарьяла и всех ворот Осетии и Кавказских гор. И создали мирный путь для кипчаков, и перевели их в огромном количестве» (Там же. С. 336).

Все эти события передаются Вахушти следующим образом: «Царь считал, что ему не хватает войска для овладения крепостями и странами. Поэтому поступил разумно и отправился в Осетию, чтобы перевести множество кипчаков, ибо он женился на дочери царя кипчаков. Прибывшего встретили осетинские цари, у них взяли заложников и Дарьяльские ворота и примирили кипчаков и осетин, перевел тестя и шурина с множеством кипчаков и отправились мирно» (Картлис цховреба, 1973. С. 158–159).

Как видно, отправление царя в Осетию историк Давида объясняет просьбой кипчаков, чтобы примирить их с осетинами, и те пропустили их в Грузию через свою территорию. По сведениям же Вахушти, Давид, решив переселить кипчаков, по своей инициативе и плану идет к осетинам, берет у них заложников и Дарьяльскую крепость, чтобы обеспечить для кипчаков безопасный путь. Историк Давида повествует о факте взятия заложников с обеих сторон, что, по всей вероятности, является правдой, ибо только этим путем можно было достичь примирения осетин и кипчаков. Корректива Вахушти о взятии царем только Дарьяльской крепости (историк Давида говорит о взятии дарьяльских крепостей, осетинских ворот и других крепостей кавказских гор, что кажется преувеличением) заслуживает внимания. Целью царя было открытие дороги для кипчаков, а это осуществлялось взятием Дарьяльской крепости. Разумеется, что Давид не стал бы отказываться от взятия и других крепостей и укреплений, однако на данном этапе он не преследовал такую цель. Наоборот, такие действия могли повредить его основной цели. Стремясь закончить объединение страны, царь, стоя перед опасностью натиска магометанского мира с юга и востока, не мог допустить формирования враждебного фронта с севера. А такое могло случиться, если сообщения историка Давида будем считать правдой. В этих сведениях сказывается преувеличение, характерное для историков царского двора. Вахушти же, который воспринимал сведения древних историков без изменений, на этот раз не разделил

эти преувеличенные сведения историка Давида и представил их в измененной редакции.

Примечательно, что ни из сведений историка Давида, ни из повествования Вахушти не становится ясным — временно ли брал Давид крепости (или крепость) на дорогах, предназначенных для обеспечения одноразового перевода кипчаков, или же закрепил их за собой надолго. Такая возможность не исключается. Тем не менее, этот факт в грузинской историографии стал явлением большого значения, ибо воспринимается как начало превращения осетин и кипчаков в подданных Грузии. И. Джавахишвили высказывает мнение о том, что «уже со времен Давида осетины и кипчаки были подданными Грузии» (Джавахишвили, 1949. С. 245). После такого высказывания в грузинской историографии прочно обосновалось мнение о том, что зависимость осетин от Грузии основывалась на подданстве[15]. Впрочем, такое мнение является в корне ошибочным и поэтому с ним невозможно согласиться.

П. Ингороква считает подчиненные Грузии страны протекторатами грузинского государства и к таковым относит: Гундзетию с дагестанскими владениями; Дзурдзукетию (Чечню); Осетию; Черкеско-Кашагетию. Все они составляют одно политическое объединение, тесно связанное с грузинским государством (Ингороква, 1963. С. 548). В научной литературе есть попытки утверждения юридической природы такой зависимости. Однако страны, находящиеся в сфере влияния, а также зависимые от Грузии, и данники были связаны с ней только политически, а администрация была национальной. Несмотря на то, что на эти страны распространялась грузинская государственность, тем не менее, структура государственной власти отличалась от организации государственной власти, существующей в феодальной Грузии (Абашидзе, 1969. С. 173).

Более полно явление подданства характеризует М. Бердзенишвили. Он считает, что зависимые от Грузии страны находятся с ней в такой же зависимости, как крепостной в отношении своего крепостника. Правитель такой страны является таким же правителем, каким был до подчинения, но он обязан прислуживать своему патрону (в данном случае грузинскому царству, царю) «по-крепостному». Крепостная же служба выражалась в преданности царю, в дарении подарков и подношений, в военной помощи в случае необходимости. В свою очередь, патрон (царь Грузии) был обязан защитить своего крепостного, а также «дарить множество подарков» (Бердзенишвили, 1970. С.132—133).

К зависимым от Грузии странам М. Бердзенишвили относит

---

[15] Дж. Степнадзе утверждает, что зависимость осетин от Грузии начинается с XI века — со времен Баграта III (Степнадзе, 1974. С.115—132).

Ширван, Дарубанд и племена Северного Кавказа. Автор еще более конкретизирует своеобразие взаимоотношений между Грузией и зависимыми от нее странами: «Внутреннее правление подданной страны царь не меняет. Наоборот, патрон (Грузия) старается усилить власть царя зависимой страны и сохранить ему свободу деятельности. Взамен преданности этих стран, Грузия обеспечивает им политическую независимость. Зависимые страны «жили свободно (даренной Тамар) и были защищены от врагов». Грузинским царем им предоставлялись полная независимость во внутренней жизни, а во внешних отношениях Грузия выступала их помощницей и защитницей. Басил «Езосмодзгвари» называет и те страны, которые оказались в зависимости от Грузии: «Признав силу ее (Тамар), все окрестные царства Картли убедились в том, что многих разоренных царей обогатила она, вернула им царства их, а изгнанных вернула в свое царство и освободила от смертной казни. Свидетелями такого действа были дома шарвашетов и дарубандов, гундзагов, овсов, кашагов, карну-калакелов и трапизонцев, проживающих свободно и защищенных от врагов» (Там же. С. 133–134).

Вышеприведенная характеристика института подданства заслуживает особого внимания. Что же получается? Грузия стремится усилить власть царей зависимых от нее стран и сохранить им свободную жизнь, а во внешних отношениях выступает помощницей и защитницей. С них же требуется военная помощь и преданность, дача подношений, получая взамен от патрона множество подарков. Такие взаимоотношения, если они действительно имели место, не могли быть тяжкими для зависимой страны. Но, может быть, историк Тамар рисует идеал, а не реальную картину таких взаимоотношений? Если такой институт был столь выгодным, то чем можно объяснить неоднократное отступление Дарубанда или других? Или можно ли ставить на одну плоскость зависимость Ширвана, Дарубанда и народов Северного Кавказа от феодального государства Грузии? По всей вероятности, степень зависимости этих территорий от феодального центра была разной. Зависимость Ширвана и Дарубанда от Грузии образовалась в других условиях, а отношения с осетинами и кипчаками были обусловлены другими обстоятельствами. Поэтому представление отношений осетин и кипчаков с грузинским царством в форме подданства не является правильным.

Дело в том, что грузинская феодальная монархия по уровню своего социально-экономического и культурно-политического развития стояла гораздо выше по сравнению с соседними северокавказскими политическими единицами. Поэтому политическое влияние Грузии над ними было значительным. Но основой этого влияния было не их завоевание, а естественное стремление народов Се-

верного Кавказа к сильному и культурному соседу[16], который являлся основным потребителем их неиссякаемых военных ресурсов. Военная служба этих народов обильно оплачивалась Грузией различными дарениями или военными трофеями. Лояльное отношение к народам Северного Кавказа было выгодно для Грузии и тем, что этим она обеспечивала безопасность своих северных границ. Такое положение давало Грузии возможность направить все свои силы сначала на объединение страны, а затем направить политическую экспансию на юг и восток. Этим объясняется то обстоятельство, что в грузинских исторических источниках XI–XII вв. не встречаются сведения о походах на Северный Кавказ[17]. Однако такое положение не могло длиться долго. Усиленная Грузия рано или поздно не могла не направить свою политическую экспансию в направлении Северного Кавказа. Заботу о распространении христианской религии фактически следует считать подготовкой почвы для политической экспансии. Однако кардинальное изменение международной обстановки, вызванное появлением на исторической арене монголов, внесло существенные коррективы в этот процесс и отодвинуло его не то что на долгое время, но и навсегда.

Пристальное внимание этим вопросам при рассуждении о сведениях Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах не является случайным. Как Вахушти, так и другие образованные царевичи Багратионы после ослабления грузинской государственности, а потом и полного ее аннулирования, пищу для своих патриотических чувств искали и находили в факте существования единой феодальной монархии Грузии, представляя ее идеалом. Они весь Северный Кавказ (Черкесия, Осетия, Дзурдзукия, Дагестан, Кипчакия) считали составной частью грузинского государства. Такая мысль особенно четко прослеживается на картах Вахушти, в которых отражена эпоха объединенной Грузии.

События, имеющие место при царе Георгии III (1156–1184), Вахушти передает по «Историани и азмани». Коротко упоминается о том, что царь Деметре женил своего сына Георгия «при жизни своей» на Бурдухан, дочери осетинского царя Худана. Когда коалиционные войска магометанских царств пошли в поход против Грузии, на помощь Георгию пришло «множество осетин», и тогда враг отступил без боя (Картлис цховреба, 1973. С. 166, 167).

---

[16] Именно такое представление имел Н. Бердзенишвили об отношении кипчаков к Грузии (Бердзенишвили, 1971. С. 225).)

[17] Вопреки вышеизложенному, Дж. Степнадзе считает, что Грузия по отношению к народам Северного Кавказа, в частности к осетинам, временами вела и завоевательную политику и что отсутствие упоминания походов в исторических источниках вовсе не означает, что они не имели место (Степнадзе, 1974. С. 106–130).

Изложение бракосочетания Тамары и Давида-Сослана у Вахушти заметно отличается от тех сведений, которые приводятся первым и вторым историками Тамар. Автор «Историани да азмани шаравандедтанис» повествует, что «в доме царицы Русудан был юноша, сын Ефремов, являвшихся осетинами, людьми сильными и мощными в бою. Этот юноша приходился родственником царице Русудан со стороны тети, дочери Давида, бывшей замужем в Осетии, и поэтому она привела его в свой дом для воспитания. Все, кому доводилось лицезреть его, восхищались, ибо он был хорошей воспитанности, плечистым, с прекрасным лицом и ростом средним, родом государственным и по матери, и по отцу» (Картлис цховреба, 1959. С. 46).

Второй историк Тамар — Басил Езосмодзгвари, в сочинении «Цховреба мепета-меписа Тамары» («Жизнь царицы царей Тамары») факт замужества Тамар за Давида-Сослана излагает следующим образом: «Давид был сыном осетинского царя, воспитанный царицей Русудан, витязь прекрасный по возрасту, как подобает сыну царей, воспитанный и натренированный, сильный воин, бесподобный витязь и лучник, статный и добродетельный. Поэтому всеми было решено выдать замуж Тамар, полагаясь на божью волю. И Тамар, знавшая Давида, тоже подчинилась их воле. Не стали медлить с замужеством и ускорили свадьбу в Дидубе» (Там же. С. 121—122).

Про Давида-Сослана упоминается и в сочинении летописца времен Лаша-Георгия, где отмечается, что «муж Тамары был царем осетин, племянник Багратионов, витязь и лев бесподобный, соучастник и предводитель всех их побед и проделок, бесстрашный боец» (Картлис цховреба, 1955. С. 369).

Сочинения древних грузинских историков и летописцев упоминаются не для характеристики личности Давида-Сослана. Они приводятся для того, чтобы сравнить их с соответствующими сведениями Вахушти, а потом разобраться в их злободневности.

Вахушти в связи со вторым замужеством Тамары пишет: «Тогда отыскали витязя, сына осетинского царя от Ефрема, который воспитывался у тети Тамары — Русудан. Этот Давид был от Деметра, сына царя Георгия, о котором мы раньше упомянули. У Деметра в Абхазии, в Анакопии остался сын, который вместе с бабушкой бежал в Осетию. Там усыновили его и женили на дочери осетинского царя, а его сын стал царем осетин. Сына же этого сына — Давида, женили на Русудан, которая сохранила девственность в восемьдесят лет. Но не удивляйтесь, так как обе эти Русудан были сестрами: воспитательница Тамары была женой Хварасанского султана, а ее сестра, тоже Русудан, была невесткой осетинского царя. Обе сестры находились в доме своем. У мужа Русудан от другой жены родился сын Давид, которого Русудан забрала с собой и воспитала у себя.

Этот Давид приходился родственником Тамар с материнской стороны, так как мать Тамар была дочерью осетинского царя. Таким образом, по материнской линии Давид был третьим коленом, а по Дмитрию – пятым коленом. И так как Давид был представительным и воином отважным, то решили их соединить. Тамар, знавшая его, согласилась, и сыграли величественную свадьбу в Дидубе» (Картлис цховреба, 1959. С. 176).

То, что историки не отмечали происхождение Давида-Сослана от Деметре, Вахушти объясняет следующим образом: «Летопись замалчивает потомственность Давида от Деметре, потому что он уже не был родственником Тамары, но отмечает, что по материнской линии был ближайшим родственником Тамар. В письме же заявляется сыновность Давида от Деметре. Решением вельмож, согласием Тамар, признавшей «багратионство» Давида, было решено выдать ее замуж за Давида. Свидетелем же «багратионства» Давида является маленькая церковь в Касарском ущелье, где на стене нарисованы и написаны Деметре и его сын Давид; сын Давида Атон, сын Атона Джадарон, сын Джадарона Давид, который стал мужем Тамар. Поэтому в сыновности Ефрема не удивляйтесь, так как они жили в Осетии, приняли тамошнюю фамилию, а не багратионство по линии Деметре» (Там же. С. 177).

Из вышеизложенного следует, что точка зрения современных Тамар историков о родословности Давида-Сослана кардинально отличается от точки зрения Вахушти по этому вопросу. Ставится вопрос – какая из них является более достоверной? На основании каких источников Вахушти подправляет соответствующие сведения историков Тамар? Такие источники неизвестны. Такие источники отсутствовали и, думается, в них не нуждались ни автор «Историани да азмани», ни Басил Езосмодзгвари, которые были современниками описанных событий и, по всей вероятности, хорошо знали происхождение Давида.

Автор «Историани да азмани» прямо, без всякого двумыслия отмечал, что Русудан привела в свой дом для воспитания Давида, своего родственника по линии дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию. Так как он и по происхождению, и по личным качествам отвечал всем требованиям, предъявляемым к кандидату в супруги Тамар, то решили их поженить. «Историани да азмани» подчеркивает то обстоятельство, что Давид был «царского происхождения по обеим линиям».

Басил Езосмодзгвари подчеркивает, что Давид-Сослан был сыном осетинского царя, отмечал его высокие личные качества и то обстоятельство, что Тамара приняла кандидатуру предложенного жениха потому, что знала его хорошо и считала подходящим. В современной им армянской историографии встречаются сведения о

Давиде. Например, в завещании-приписке Мхитара Гоша от 1188 года отмечается, что «Тамар, дочь царя Георгия, удалив сына русского царя, взяла другого мужа из царства аланов, своего родственника с материнской стороны, по имени Сослан, названного Давидом после воцарения» (Абдуладзе, 1974. С.144).

О Давиде-Сослане приводит сведения армянский историк Вардан Великий. Он пишет, что Тамар покинула русского мужа и вышла замуж за осетина Аслана (искаженно передает имя Сослана. К тому же под Сосланом он подразумевает Георгия русского) (Всеобщая история, 1861. С. 171). И Степаноз Орбелиани говорит об этом факте. Он вторым мужем Тамар знает только Сослана (Histoire, 1864. С. 221–222).

Примечательно то обстоятельство, что в летописи времен Лаша-Георгия Давид-Сослан упоминается в качестве «царя осетин, родственника Багратионов». Говорит ли это сведение о том, что летописец считает Давида потомком Багратионов по отцовской линии? Думается, что нет. В старогрузинском языке слово «племя» («томи») использовалось для обозначения родственника по этнической принадлежности. Давид же «приходился родственником царице Русудан по линии тети с отцовской стороны, дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию», то есть был родственником Багратионов. Он был таким же Багратионом, каким в последующем был Давид Нарин – сын Русудан. Поэтому упоминание Сослана Багратионом летописцем времен Лаша-Георгия является выражением того же смысла, какой был приведен в «Историани да азмани».

Вахушти Багратиони дает необычно сложную и искусственную схему увязки Давида-Сослана с династией Багратионов. Данная схема начинается с того, что у Деметре, сына Георгия I и сводного брата Баграта IV, после смерти остался маленький сын, которого бабушка увезла в Осетию – на родину. Здесь его усыновил осетинский царь, а впоследствии он стал зятем этого царя. Сын же этого последнего стал царем. Правнука же Деметра, отца Давида-Сослана, женили на тете Тамар Русудан, которая «сохраняла девственность до восьмидесяти лет». Тут Вахушти чувствует определенную неловкость и предупреждает читателя: «Этому не следует удивляться, так как обе эти Русудан были сестрами». Одна из них была женой Хварасанского султана, а вторая, тоже Русудан, была невесткой осетинского царя. Обе эти сестры находились у себя дома, то есть в Грузии. Русудан, выданная замуж за осетинского царя, забрала к себе Давида, своего пасынка, и растила как сына. Оказывается, что этот Давид приходился родственником Тамар со стороны матери, так как мать Тамар была дочерью осетинского царя. При этом он был родственником в третьем колене с материнской стороны, а со стороны Деметра – в пятом колене (Brosse, 1849. С. 421).

Вахушти объясняет факт неупоминания летописцем происхождения Давида от Деметра тем, что он больше не приходился родственником Тамар (прошла родственность), а со стороны матери был ближайшим родственником, и это было им отмечено. «В письме же отмечается сыновность Давида от Деметра», — пишет Вахушти. Мы не знаем, о каком письме идет речь, где указывается потомственность Давида от Деметра. Если подразумеваются историки Тамар, то такие сведения у них отсутствуют. Здесь же следует отметить, что несмотря на то, что Вахушти знал хорошо сочинения историков Тамар, но, тем не менее, о генеалогии Давида-Сослана дает другую, отличную от них, версию, он ничего не говорит о своем отношении к сведениям этих историков. Наоборот, он представил дело так, как-будто все исходит от них, а он только объясняет причину «молчания» историка о потомственности Давида от Деметра.

В сведениях Вахушти особый интерес предствляет сообщение о том, что Тамар согласилась выйти замуж за Давида-Сослана потому, что «она признала его Багратионство». Но если Давид потомок Деметра, пасынок и усыновленный одной из теток Тамар, воспитанный при грузинском царском дворе, то какие особые обстоятельства были нужны для признания его Багратионства? Все это свидетельствует об искусственности схемы Вахушти и ее несоответствии с реальными обстоятельствами дел. То, что эта схема была лишена источниковедческой основы и требовала обоснования, это, кажется, чувствовал и сам Вахушти, когда указывал на фрески малой церкви в Касарском ущелье, на которых якобы изображены Деметре и его потомки.

Приведенная версия Вахушти о происхождении Давида-Сослана получила широкое распространение в грузинских источниках. В первую очередь, она вошла в новые рукописи «Картлис цховреба». А в старых рукописях нашла отражение в виде вставок на полях в соответствующих местах.

В «Матиане Картлисаи» («Летопись Картли»), там, где упоминается Деметре, сын Георгия I, в Румянцевском перечне «Картлис цховреба» на полях поздним почерком «мхедрули» написано: «Сын Георгия и брат царя Баграта Деметре, который здесь упоминается, от него произошел муж царицы Тамар ». В этом же перечне внизу тем же почерком приводятся аналогичные маргинальные замечания: «Удивительно, но ведь муж царицы Тамар был из потомства этого Деметра. Но почему не пишут — в каком возрасте он умер или от какой женщины у него родился сын», «здесь признали Багратионство Давида. Он был родственником Дмитрия в шестом колене» (Картлис цховреба, 1955. С. 291).

В сочинении «Историани да азмани», где приводятся сведения о бракосочетании Тамар и Давида, после вахтанговских перечней

(кроме теймуразовских) добавляются слова: «Он был сыном осетинского царя и Багратионом по происхождению. Для Дмитрия, сына царя Георгия от дочери осетинского царя, он был родственником в шестом колене от его сыновей, а Русудан была бездетной» (Картлис цховреба, 1959, С. 46). То же самое повторяется и в тех местах сочинения Басила, где говорится о Давиде, воспитаннике Русудан (Там же. С. 121).

Мариамовский перечень «Картлис цховреба» (XVII в.) не содержит таких приписок и, как замечает С. Каухчишвили, они характерны только для перечней после Вахтанга VI, и это, по всей вероятности, является результатом влияния версии Вахушти. Характер этой приписки, как видно из вышеприведенного, не оставляет сомнений в том, что «багратионство» Давида-Сослана по отцовской линии в том виде, в каком его изображают в позднейших грузинских исторических источниках, все же был новым фактом. Полемический тон приписок является иллюстрацией нашего мнения.

Приписка, появившаяся в вариантах «Картлис цховреба» после Вахушти о происхождении Давида-Сослана от сына Георгия Деметра, легло в основу мнения о том, что в Осетии в XI веке появилась побочная ветвь Багратионов под названием «Багратионы Осетии», от которых якобы был муж Тамар Давид-Сослан. Такое мнение, утвердившееся в грузинской историографии, вызывает обоснованное возражение исследователей-осетиноведов. В последние годы споры, развернувшиеся вокруг так называемой часовни Давида-Сослана, высветили и превратили в предмет оживленной дискуссии и этот вопрос.

Объем данной работы не дает возможности более подробно передать содержание спора (Думбадзе, 1966, № 304; Мамиев, 1967. С. 65—71; Гаглойты, 1969. С. 120—127; Мамукаев, 1969; Лолашвили, 1971; Мегрелидзе. 1971. С. 7). Думается, что и нет необходимости в этом. Аргументация интерпретаций соответствующих сведений историков Тамар, приведенная Вахушти, неясна и неубедительна. Объявление Давида-Сослана Багратионом и по линии отца было вызвано династическо-патриотическими интересами Вахушти. Сегодня выдвижение этого вопроса на передний план и признание данного субъективного соображения Вахушти действительным научно необоснованно и поэтому ошибочно.

Не является случайностью и то, что выдающийся грузинский историк Ив. Джавахишвили, чья добропорядочность и патриотизм всегда будут примером для подражания, не разделял версию Вахушти о происхождении Давида-Сослана, и в этом вопросе придерживался точки зрения историков Тамар. Он писал, что «в 1189 году женихом Тамар был назван потомок осетинского царя, по материнской линии сын дочери грузинских царей Багратионов, Давид —

царевич. Он воспитывался у Русудан, тети Тамар, и всем хорошо были известны свойства его характера, мужество и образованность. Поэтому этот выбор был одобрен как царским двором, так и самой Тамар». В другом месте он отмечал, что «Тамар знала нового жениха и именно поэтому дала согласие» (Джавахишвили, 1965. С. 379; 1947. С.10).

Таким образом, из вышесказанного следует: по этническому происхождению Давид-Сослан был осетином, а по воспитанию и культурной принадлежности был «грузином», воспитанным в Грузии и связанным с ней всей своей деятельностью.

Не менее интересными являются вопросы о грузино-осетинских взаимоотношениях, о послесвадебном периоде Давида и Тамар и о том, как они были отражены в истории Вахушти. Первый историк Тамар широко освещает выступление Георгия Русского и одной группы грузинских феодалов против Тамар и Давида. Восставшие восстановили в царстве Георгия в Западной Грузии и большими силами пошли войной на Восточную Грузию. Одна часть восставших перешла в Картли и до Гори все разорила; вторая часть совершила поход в Южную Грузию. В боях между Тмогвом и Ерушетом эта часть восставших была разбита сторонниками Тамар и Давида. После этого «Чиабер мандатургухуцеси, вельможные дворяне кахов и еретов вместе с кипчаками, войсками эристава Картли и других грузинских вельмож под предводительством Давида выступили против восставших, к которым примкнули и некоторые грузины и множество кавказских горцев и мтиулов» (Картлис цховреба, 1959. С. 53). Перед такой силой противник сдался.

Тот же эпизод Вахушти излагает в измененной редакции. После победы между Тмогвом и Ерушетом войска Тамар предстали перед ней. «Узнав о победе, стоявшие в Картли Чиабер, вельможи кахов и еретов вместе с кипчаками и осетинами, которые намеревались выступить против Тамар, не решились на такой шаг и подчинились ей» (Картлис цховреба, 1973. С.178). Как следует из этих сведений, различие в передаче сведений удивительное. По сведениям автора «Историани да азмани» — Чиабер, вельможные дворяне еретов и кахов вместе с кипчаками и войсками картлийских эриставов и других грузинских вельмож с самого начала встали под командование Давида-Сослана против бунтарей, перешедших в Картли. К этим последним примкнули «некоторые грузины и множество кавказских горцев и мтиулов». По Вахушти все они — и враги, и свои, оказывается, намеревались выступить против Тамар, и только победа, одержанная над южной группировкой, обусловила их переход на сторону Тамар. Подобное сведение Вахушти не соответствует действительности. Возможно, что такое несоответствие было результатом неправильного понимания Вахушти сведений историка Та-

мар. Дело в том, что если мы признаем правильность сведений Вахушти, то становится неясным – чьими же силами тогда одержала победу Тамар над бунтовщиками (Западная Грузия была полностью на стороне бунтовщиков, а еретцы, кахи, картлийцы, кавказские горцы и мтиулы, вместе с кипчаками и осетинами, оказывается, готовились к нападению на сторонников Тамар). Хорошо известно, что против южной группировки Тамар направила с царскими войсками амирспасалара Гамрекели, четверых Мхаргрдзели, торелцев и других – «верхних и нижних». Понятно, что нет оснований усомниться в правильности сведений «Историани да азмани» и признавать правильными сведения Вахушти. И логически неоправданно считать, что отряды осетин, которые должны были находиться в распоряжении Давида-Сослана, намеревались выступать на стороне его противников.

Для Вахушти не присущ восторженный стиль историков Тамар и хвалебная поэзия, когда речь идет о Давиде-Сослане. Он его часто упоминает Сосланом-Давидом (Там же. С.183, 187, 189), и его военные заслуги в боях упоминаются сухо.

Примечательно и то, что у Вахушти даты бракосочетания Тамар и Давида и смерти Давида явно отличаются от дат, установленных в грузинской историографии. Датой бракосочетания Тамар и Георгия Русского Вахушти называет 1177 г., а датой расторжения брака 1180 г. По его сведениям, годом бракосочетания Давида и Тамар является 1181 г., а годом кончины Сослана – 1199 (Там же. С.176, 189). По современной хронологии датой бракосочетания Давида и Тамар считается 1189 г., а датой кончины Давида – 1207 г. А. Абдаладзе, исходя из завещания-приписки Мхитара Гоша от 1188 года, утверждает, что бракосочетание Давида-Сослана и Тамар, по всей вероятности, произошло в 1187 или 1188 году. Он считает, что по сравнению с другими данными завещанию-приписке следует отдавать преимущество (Абдаладзе, 1974. С.145). Кстати, в обоих случаях супружество Давида и Тамар длилось 18 лет. Неточно указывается и дата кончины Тамар – 1201 год. Что же касается становления Лаша-Георгия соправителем Тамар, то Вахушти его датирует 1196 годом, когда Давид-Сослан был еще живым. Между тем известно, что Тамара сделала Лаша-Георгия соправителем после кончины супруга.

* * *

При изложении событий периода после 1263 года Вахушти пишет: «В настоящее время прибыли беженцы от Берки, удивительная женщина предстала перед Давидом. Царь принял ее с почестями и представил хану Улу; и он тоже уважил ее и отправил к царю; царь же поселил их в Дманиси и Жинвани» (Картлис цховреба, 1973. С. 222). Из сказанного неясно, какая женщина предстала перед Дави-

дом Улу и почему царь разделил пришедших к нему на две части. Данное сообщение Вахушти является сокращенным вариантом справки летописца, что сделало ее непонятной. Вот как значится это сообщение у летописца: «В настоящее время от хана Берки перешли беженцы, удивительная женщина, по имени Лимачав, и с собой привезла малолетних сыновей — первенца Пареджана и младшего Бакатара. Их сопровождали многочисленные князья; перешли ворота Дарубанда и предстали перед царем. Царь принял их с почестями и представил хану Улу, хан обласкал их, одарил, определил в воинов и соратников; затем отправил к царю, царь же поселил некоторых в Дманиси, а остальных — в Жинвани» (Картлис цховреба, 1959. С. 251).

Во всех вариантах «Картлис цховреба» написано: «Перешли двое беженцев от хана Берки». Текст искажен. По нему неясно, что беженцы были осетинами. Это становится ясно из последующего повествования, где говорится о деятельности Пареджана и Бакатара. Здесь речь идет о переходе большой группы во главе с царицей Осетии. С самого начала в тексте, по всей вероятности, было записано слово «осни» (осетины)[18].

Вахушти, вероятно, пользовался дефектной рукописью, не усомнился в ее правильности и, таким образом, механическим сокращением текста передаваемое сведение стало непонятным. По тексту Вахушти, связь беженцев с Пареджаном и Бакатаром не обнаруживается, а из сочинения летописца, несмотря на его недостатки, такая связь вытекает логично.

При изложении событий, связанных с Пареджаном и Бакатаром, Вахушти точно следует тексту летописца и дает только некоторые уточнения. Например, говорится о походе хана Кегатуа против греческого города Тунгузало, который последовал после 1293 г. В походе участвовал царь Давид и другие грузинские князья, в том числе осетинский князь Пареджан. В это же время осетины начали разорять Картли, захватили Гори и засели внутри крепости. В последующем изложении повествования летописца и Вахушти отличаются друг от друга.

---

[18] Но на графической почве переписчик прочел «осни» как «орни» (двое) (Тогошвили, 1958. С. 196). На это обратил внимание Р. Кикнадзе и разделил наше исправление, удостоверив при этом, что прочтение «осни» (осетины) как «орни» (двое) встречается и в других местах. Подтверждением этого соображения он считает и сведение Ф. Горгиджанидзе: «В настоящее время перешли осетины, сбежавшие от хана Бека». Обращает он внимание и на тот факт, что Горгиджанидзе считает дорогой перехода осетин Дарьял, а не Дарубанд. Гори же осетины взяли не путем захвата, а его с самого начала передал осетинам Давид Улу (Кикнадзе, 1971. С. 121—122).)

Летописец сообщает, что «тогда все грузины собрались перед Картлийским эриставом Амадом – сыном Бега и вступили в Гори. Завязался бой, было множество убитых в городе как грузин, так и осетин, а Гори полностью сгорел. Как только осетинам стало трудно, они спустили из крепости на веревках человека и отправили к татарам, которые находились в Мухрани. Они встали между ними и установили перемирие. С тех пор между грузинами и осетинами была вражда до тех пор, пока Блистательный среди царей Георгий не изгнал их» (Картлис цховреба, 1959. С. 296).

В свою очередь, эти события по версии Вахушти излагаются следующим образом: «Для этого собрались все эриставы перед Бегом – сыном Амада – и вступили в Гори. Много грузин и осетин было убито в бою; грузины подожгли Гори. Как только осетинам стало трудно, они из крепости отправили человека за поддержкой к татарам, которые находились в Мухрани. При посредничестве татар установился мир, но с тех пор между осетинами и грузинами возникла вражда, она продолжалась до тех пор, пока царь Георгий Блистательный не изгнал осетин» (Картлис цховреба, 1973. С. 239).

Из сравнения приведенных мест отчетливо видно, что у Вахушти при описании данных событий другого источника, кроме как сочинения летописца, не имелось. Сведение Вахушти о том, что Гори сожгли грузины (летописец отмечает факт сожжения Гори, но не указывает, кто именно сжег) является трактовкой соответствующего места текста летописца. В сложившейся ситуации город в процессе боя сгорел или ненароком, или же сожгли грузины. Осетины находились в городе, защищались и, естественно, сожжение города не совпадало с их интересами. Следовательно, в связи с этим вопросом рассуждение Вахушти можно считать правильным. Что же касается личности, под предводительством которой собрались «все эриставы» (должно быть – «все грузины»), то им у летописца является Амада – сын картлийского эристава Бега Сурамела. Вахушти же называет его Бегом – сыном Амады. В данном случае Вахушти, видимо, допустил механическую ошибку – перепутал отца и сына. Бега к этому времени если и был жив, то являлся глубоким старцем.

Повествование летописца о вражде между грузинами и осетинами, столкновении группы осетин (во главе со Сатхисом и Узурабегом) с Рати Сурамели и поражении осетин Вахушти повторяет без всяких изменений. И он уверен в том, что несмотря на то, что Пареджан, князь осетин, служил царю Давиду, тем не менее «враждовали грузины и осетины» (Там же. С. 240). Вахушти не объясняет, каким образом предводитель осетин, обосновавшихся в Картли, преданно служит грузинскому царю и в то же время существует вражда между грузинами и осетинами. Данное обстоятельство свидетельствовало о существовании внутри грузинского феодального

общества классовой и внутриклассовой борьбы. Такая борьба обострилась после владычества монголов в стране, результатом которого стало и скопление большой группы осетин в Картли.

Каждый класс или слой грузинского феодального общества, исходя из своих интересов, с различных позиций подходил к вопросу переселения осетин на грузинскую территорию. Царь против них ничего не имел, если они «добром служили» ему. В результате нашествия монголов население страны сократилось. Царь мог пользоваться поддержкой осетин в борьбе за упрочение своей власти, противопоставлять их сепаратистским тенденциям крупных феодалов. В этом отношении осетины могли быть надежной опорой для царя, тем более что они сами нуждались в покровительстве, а таким покровителем в создавшейся ситуации могла быть только царская власть. Впрочем, и монголы в определенном смысле покровительствовали осетинам. Вспомним посредничество монголов и факт примирения грузин и осетин в связи с горийским конфликтом. Разумеется, не исключено, что и переселенные в Картли осетины состояли из различных слоев общества с различными интересами. При выборе союзников эти интересы несомненно играли большую роль. Кроме того, интересы того или иного общественного класса или группы менялись под действием различных факторов в различных ситуациях. Например, если осетинский князь Пареджан проявлял преданность царю Давиду, то его брат Бакатар в конце XIII в. и в начале XIV в. проводил активную работу для расширения поля деятельности осетин в Картли. Он удачно пользовался, с одной стороны, напряженными взаимоотношениями между монголами и царем Давидом, а с другой стороны, противостоянием между грузинскими феодальными кругами.

Интересы переселенных в Картли осетин в корне противоречили интересам грузинских землевладельцев — дворян и вельмож, и это было естественным явлением. Заселение осетин в Картли происходило во владениях грузинских землевладельцев. Летописец верно заметил реальную основу этих противоречий, когда отмечал, что «осетинский князь Бакатар изгонял дворян из их земель, и была большая беда коренных картлийцев». Такое высказывание летописца дает ключ к пониманию волнений, развернувшихся в Картли на рубеже XIII–XIV вв. Если бы в действительности между грузинами и осетинами существовала такая повсеместная вражда, как ее представляют летописец и Вахушти, то было бы невозможно обосноваться здесь осетинам, хотя бы временно.

Академик Н. Бердзенишвили в связи с рассматриваемым явлением, в частности, достигнутые успехи осетин в Картли, объяснял тем, что в отличие от грузинских землевладельцев (феодалов), класс непосредственных производителей — крестьянство — не было заин-

тересовано в защите земель дворян и, по всей вероятности, проявляло индифферентность в борьбе против осетин, если не ожидало худшего от пришельцев (Бердзенишвили, 1965. С. 61). Сначала грузинское крестьянство, поредевшее от монгольского нашествия и попавшее под двойное ярмо эксплуатации, видимо, не имело ни желания, ни возможности сопротивляться осетинам. Наоборот, с позиции классовых интересов можно допускать, что они в ряде случаев выступали и в качестве союзников (Тогошвили, 1958. С. 208–209).

Вахушти был сыном своей эпохи, представителем феодальной историографии и, несмотря на то, что в своих трудах применял критический метод, в подавляющем большинстве случаев все-таки оставался под влиянием сочинений древних историков, прямо, в чуть видоизмененной форме, передавая их сведения. Такие видоизменения, в первую очередь, заключались в сокращении этих сведений. В ходе таких сокращений, как было отмечено выше, первоначальное значение некоторых сведений могло перейти и с ошибками в «истории» Вахушти. Однако такое обстоятельство не является главным и решающим. В отношении летописца следует сказать об одном примечательном факте. Летописец пишет о насилии осетин в Картли, о переносе Бакатаром военных действий в Триалетию и, наконец, о его гибели. Но ничего не говорит о конечной судьбе этих осетин. В сочинении летописца отсутствует концовка, где, по всей вероятности, говорится о деятельности Георгия Блистательного, когда решался вопрос осетин.

По этому вопросу в сочинении Вахушти имеется соответствующее сведение. Вахушти вкратце суммирует результаты действий осетин в Картли: «Осетины усиливались в Картли, в некоторых местах захватили поселения и крепости. Царь изгнал их и отнял у них крепости и поселения. Потом вступил в Кавказ и подчинил тамошних, непокорных уничтожил, подчинил и превратил в данников, захватил все дороги и тем успокоил Картли от осетин» (Картлис цховреба, 1973. С. 256).

Из приведенного сведения следует, что к началу царствования Георгия Блистательного (1314–1346 гг.) осетины прочно обосновались в Картли. Они «местами заняли поселения и крепости и создали прочную опору. Меры, принятые Георгием Блистательным для решения проблем осетин, можно разбить на два этапа. На первом этапе он отнял у них «крепости и поселения», опоры осетин. Но это еще не означало решения вопроса. Поэтому второй этап мероприятий царя заключался в чрезвычайном походе в Кавказские горы с целью уничтожения и покорения тамошних жителей. Под Кавказскими горами, по Вахушти, подразумевалась та территория, где оказались поверженные ханом Батыем и другими ханами осетины (с

конца 30-х годов XIII века), и где проживали осетины и во времена Вахушти.

Пока в Картли царила феодальная анархия, решение осетинского вопроса для феодальных кругов было не под силу. Когда же во времена царствования Георгия целостность страны восстановилась и ослабло ярмо владычества монголов и в стране создались условия для мирной жизни, осетинский вопрос встал на повестку дня. В подобных условиях задача по достижению сплоченности в грузинском феодальном обществе облегчалась, и это, как следует из лаконичного сведения Вахушти, не стало серьезной проблемой для Георгия Блистательного.

Но если для Георгия Блистательного сплочение грузинского феодального общества против произвола осетин в Картли оказалось легким, то сама эта борьба стала продолжительной и тяжелой. Летописное сведение Вахушти не отражает всего процесса борьбы; в нем только указывается результат борьбы. Учитывая эти результаты, а именно, изгнание осетин из занимаемых ими крепостей и поселений в низинах Картли, уничтожение непокорных, подчинение и обложение данью других, взятие под контроль переходных дорог, можно представить, насколько эта борьба была ожесточенной. Дело в том, что осетин не устраивала перспектива возвращения на прежние места жительства, ибо там властвовала Золотая Орда. И возвращение в горные районы для осетин тоже было неприемлемо из-за перенаселенности и ограниченности средств существования.

Этим обстоятельством был обусловлен тот факт, что осетинскими предводителями было оказано жестокое сопротивление Георгию Блистательному. И если Вахушти об этом ничего не сообщает, то Хроника эриставов — «Памятник эриставов» повествует, что Георгий Блистательный окружил Гори и три года воевал против них (Месхиа, 1954. С. 350). Для феодальной и других эпох трехгодичное окружение является показателем крайней ожесточенности борьбы и отважности окруженных, стремящихся сохранить достигнутое. Так или иначе, в результате энергичных мер Георгия Блистательного тяжелое положение, создавшееся в Картли, заметно разрядилось. Землевладение грузинских феодалов восстановилось, и наступило внутреннее спокойствие.

В каком положении оказались осетины в результате вышеотмеченных действий Георгия Блистательного? Как трактовали этот вопрос некоторые исследователи? Н. Урбнели (Хизанишвили) писал: «Насилие осетин в Картли являлось временным несчастьем, и его ликвидация не составляла большого труда и не требовала больших усилий от царя. После присоединения княжеств Георгий V взялся за осетин: нанес поражение, отобрал занимаемые ими крепости и поселения и выгнал в свою страну, загнал в горы Кавказа, откуда они

вторгались в Картли. Но царь этим не ограничился. Необходимость требовала, чтобы в последующем осетины не могли напасть на царство, и для этого нужно было занять узкие переходные дороги и ущелья. Так и поступил царь. Он и вторично вторгся в горы — «внутрь Кавказа», покорил «вольных орлов гор» и обложил данью. Горцы и тогда были отважными и непокорными (Урбнели, 1889. С. 75—76, 77). З. Чичинадзе считал, что Георгий Блистательный выгнал осетин из территории Грузии, и в течение нескольких веков они уже не вступали ногой в Картли (Чичинадзе, 1919. С.6). Выше уже было отмечено, что преследуемые монголами осетины были приняты царем Давидом Улу, и он даже определил им место жительства. Изменение отношения Георгия Блистательного к осетинам имеет свое объяснение. Несмотря на то, что в результате длительных нашествий и владычества монголов население страны сократилось, для грузинской политической верхушки было неприемлемо то, что осетины не проявляли желания подчиняться центральной власти и феодалам. Захват крепостей и поселений давал осетинским вождям перспективу установить здесь свое господство.

Грузинскому землевладельческому классу во главе с Георгием Блистательным удалось восстановить свое господство в Картли, а стремление горцев в сторону равнинных районов он поставил себе на службу установлением контроля над переходными дорогами.

Таким образом, низина Картли была очищена от насилия горцев, в Картли был восстановлен феодальный порядок (Бердзенишвили, 1973. С.131). Своим походом в Осетию (по Вахушти — «внутрь Кавказа») Георгий упрочил свое могущество (Бердзенишвили, 1965. С. 111—113). Осетины были покорены и обложены данью.

Однако мы предполагаем, что полного изгнания осетин из Картли не произошло. Ранее покоренное и сдавшееся в процессе войны осетинское население осталось на месте и со временем было ассимилировано грузинским феодальным государством. Об этом свидетельствуют имена и фамилии осетинского происхождения в тех районах Картли (например, Карели), где в конце XIII в. и в начале XIV в. отмечалось присутствие осетинского населения. Например, в грамоте царя Константина к Зазе Панаскертели от 1467 года упоминаются Багатар Хосашвили и «богано» Хабелашвили (ЦГИА, ф.1448, д. 64). Но они уже были бывшими осетинами, то есть «огрузинившимися» осетинами.

С точки зрения Вахушти, во время царствования Георгия Блистательного было достигнуто подчинение кавказских горцев Грузии. При этом он конкретно не называет ни осетин, ни других народов, но в контексте подразумеваются все горцы, проживающие в Кавказских горах, в том числе и осетины. Ведь осетины же обосновались «внутри Кавказа», и поэтому слово «кавказцы» охваты-

вает осетин и вайнахов, проживающих в зоне Центрального Кавказа. То что среди «кавказцев» подразумеваются осетины, следует и из других мест сочинения Вахушти. Например, он повествует по «памятнику» Георгия Блистательного, что царь вновь рассмотрел дело мтиулов и кавказцев, собрал войска, вступил и в первую очередь подчинил жителей внутри Кавказа. Потом оттуда через Цхрадзма прибыл в Мухрани, куда он привел старейшин и глав тех, кто были христианами, установил им право и порядок (Картлис цховреба, 1973. С. 258).

В приведенной выписке Вахушти подразумевает тот поход Георгия Блистательного «внутрь Кавказа», который непосредственно последовал «изгнанию» осетин из Картли, результатом которого стало подчинение осетин, превращение их в данников и установление контроля над переходными дорогами. Всю эту деятельность царя Георгия Вахушти считает эпохой воссоединения и усиления Грузии, так как, по его мнению, «покорил и поработил Георгий всех, в том числе и кавказцев от Никопсии до Дарубанда; вновь рани, мовакани и шарванши стали данниками, не стало противников и непокорных» (Там же. С. 259).

Точку зрения Вахушти о наплыве осетин в равнинные районы Картли и его конечных результатах вкратце можно суммировать следующим образом: движущиеся в сторону юга массы осетин военными мерами Георгия Блистательного были заперты в двальских районах – в высокогорной зоне Центрального Кавказа. Это положило начало ассимиляции двалов, оставшихся на местах (большинство двалов из этих мест, по всей вероятности, переселились на начальном этапе прихода осетин, то есть в начале 40-х годов XIII века). Именно здесь, в ущельях Нара, Заха, Зруга и Мамисона, под влиянием грузинского феодального государства, начинается процесс формирования южной ветви осетинского населения. Последующие сведения Вахушти и других грузинских историков ясно отражают активное участие этих осетин в политической жизни грузинского народа, представляют их соучастниками исторических судеб грузинского народа.

* * *

Как известно, в конце XIV века Грузия подверглась разорительным нашествиям Тимура-ленга. Захваченный им царь Баграт с целью вызволения себя из плена принимает магометанство и обещает захватчику обратить всех жителей своего царства в магометанство. Тома Мецопели (армянский писатель XV века) перечисляет население этого царства: двалы, осетины, имерцы, мегрелы, абхазы, сваны, грузины, месхи (Мецопели, 1937. С.19–20). Монах Егнаташвили, в свою очередь, перечисляет: мгиулы, осетины, двалы, сваны, абхазы и

все там живущие (Егнаташвили, 1959. С. 329—330). Все они, по условиям царя Баграта, подлежали обращению в магометанство. Эти события Вахушти передает по Томе Мецопели, но без перечисления населения царства (Картлис цховреба, 1973. С. 266).

Как пишет Вахушти, когда в 1396 году Тимур вновь вторгся в Грузию, царь Георгий «первыми призвал многочисленных осетин и кавказцев. И встретил Тимура объединенными силами. Схлестнулись друг с другом, грузинская сторона наседала, войска Тимура терпели большие потери, бой продолжался до темноты. Тогда Тимур обратился к своим войскам: «Наступил день моей смерти» и пошел на утомленных грузин смерчем. Войска Георгия отступили и устремились к своим укреплениям» (Там же. С. 269—270).

В приведенной справке Вахушти видно активное участие осетин и других кавказских горцев в борьбе грузин против орд Тимура. Царь Георгий, как только узнал о походе Тимура, заранее («первыми») позвал на помощь осетин и других кавказских горцев и встретил врага во всеоружии. Георгий и в дальнейшем продолжал войну против Тимура: «Георгий вновь призывает осетин, кавказцев и дзурдзуков. Возглавил объединенные войска и напал на крепость Алиджан, разгромил и разорил ее и уничтожил магометан в окрестностях, забрал огромное количество трофеев и вернулся победителем обратно, а осетин, кавказцев и дзурдзуков отпустил с изрядным трофеем» (Там же. С. 270). В этой последней фразе Вахушти говорит о побудительных мотивах активного участия перечисленных народов в боях. Этим мотивом, как всегда, была добыча трофеев — естественного результата каждой победы.

Активное участие осетин в борьбе грузин против орд Тимураленга стало поводом его похода на Осетию. Об этом Вахушти передает следующее: Царь Георгий замирился с Тимуром. «Тогда Тимур прибыл в Бардву и оттуда направил войска в Осетию, подвергли ее разгрому и разорению, пленили и подчинили Тимуру. Так поступил Тимур потому, что знал о помощи осетин грузинскому царю, о том, что он оттуда брал силы. После этого Осетию стали называть Черкесией и среди них распространилось магометанство» (Там же. С. 272). По Вахушти, и не только по нему, данный поход Тимура стал судьбоносным для Осетии. В результате произошел окончательный исход осетин из равнинных районов Северного Кавказа и превращение территории Осетии в Черкесию (или Кабарду). Нашествие Тимура вызвало не только территориальные изменения в Осетии; с ним Вахушти связывает и распространение в ней магометанства.

Таковы данные Вахушти по вопросам взаимоотношений Грузии и Осетии до распада единого грузинского государства на три царства и пять княжеств (так Вахушти озаглавил этот период в своем сочинении). Как принято в грузинской историографии, при

написании истории единого грузинского государства Вахушти опирался на «Картлис цховреба» («Житие Картлии») и следовал ему. Несмотря на это, об осетинах у него имеются конъектуры (догадки, предположения), в которых проявляются не только его взгляды в отношении того или иного вопроса, но и имеют значение для соответствующего понимания этих вопросов. Особенное значение имеют сведения Вахушти о судьбе осетинского народа в период владычества монголов, о грузино-осетинских союзнических отношениях и его последствиях для осетин при нашествии Тимурленга. Значение этих сведений огромно само по себе, а тот факт, что они являются единственными, еще больше увеличивает их ценность.

* * *

Исследователи считают более значимой ту часть сочинения Вахушти, которая относится к периоду после распада грузинского царства. Эта часть отличается оригинальностью, и она была составлена на основе сопоставительного анализа различных источников. Ниже вкратце будут рассмотрены те сведения, которые относятся к осетинам.

В разделе «Жизнь и дела царей Картли» описывается процесс политического распада Грузии и борьба грузинских царей, направленная против этого процесса. В ходе этой борьбы они пользовались активной поддержкой горцев, которых Вахушти упоминает под общим названием «горцы-кавказцы». В 1479 году царь Константин в борьбе против воцарившегося в Имеретии сына Баграта — Александра «завоевал Картли, взял Гори и все остальные крепости. Потом царь позвал горцев-кавказцев и вступил в Имеретию. Александр не стал сопротивляться, царь взял крепости имеретинские и завоевал Имеретию» (Там же. С. 386).

Присоединение Имеретии не оказалось прочным. В 1484 году Александр вновь воцарился в Имеретии. Тогда, по призыву Липарита Дадиана, царь Константин вновь решил завоевать Имеретию. Он опять привлек горцев-кавказцев, собрал свои войска, вступил в Имеретию и вновь завоевал ее (Там же. С. 387).

В перечисленных событиях осетины уже конкретно не упоминаются среди союзников Константина, но под общим названием «горцы-кавказцы», по нашему мнению, подразумеваются и осетины. Под «мтиулцами», вероятно, подразумеваются грузинские горцы, а под «кавказцами», помимо народов вайнахского происхождения, подразумеваются и осетины. Осетины вступили «внутрь Кавказа» и стали «кавказцами», а территория их прежнего проживания превратилась в «Черкесию» (Кабарду). Кроме вышесказанного, наше мнение опирается на следующее. В главе «Сегодняшняя Осетия, или «внутрь Кавказа», после описания Осетии Вахушти пишет о кистах, дзурдзуках и глигивах, то есть народах, традиционно име-

нуемых «кавказцами». При переходе на такое описание у него встречается фраза: «А сейчас начинаем описание восточных от Хеви кавказцев, так как выполнили западную его часть» (Там же. С. 651). А под западной частью кавказцев подразумевалась Осетия. По концепции Вахушти, в результате нашествий монголов и Тимурленга осетины ступили в Кавказские горы, подчинили двалов, кавказцев и распространили на них свое название. Так что, в названии «мтиул-кавказцы», помимо грузинских и вайнахских горцев, подразумеваются и осетины — традиционные союзники грузинского народа. Мтиул-кавказцы были союзниками Давида, царя Картли, и в борьбе против шаха Исмаила в 1522 году» (Там же. С. 397—398).

При изложении исторических событий дотимуровского периода Вахушти более конкретно упоминает северных соседей Грузии, называя их «осетинами, кавказцами, дзурдзуками». В послетимуровский период упоминает только «кавказцев». Данное обстоятельство объясняется перегруппировкой народов на Центральном Кавказе. Не исключено и то, что из-за недостатка источников не было возможности установить конкретное происхождение северных союзников Грузии. Это подтверждается и тем, что «кавказцы» и «дзурдзуки» у Вахушти упоминаются рядом, тогда как дзурдзуки, по его концепции, являются «кавказцами». Нет никаких оснований считать данное обстоятельство недостатком сочинения Вахушти. Этническая пестрота населения горного Кавказа вызывала большую неопределенность не только во времена Вахушти, но и после него, и довольно длительное время.

Повествуя о борьбе картлийского царя Симона против Персии и Турции, в результате которой царь был вынужден платить дань персидскому шаху, Вахушти отмечает: «Царь Симон обложил данью дворы крестьянские и таким путем добытыми средствами покупал осетин, кавказцев, черкесцев и отправлял их к шаху». Упоминанием «овсов» и «кавказцев» рядом Вахушти хочет показать, что собранными с грузин деньгами царь Симон у посторонних народов — осетин, вайнахов и черкесов закупал пленных и преподносил их своему сюзерену — иранскому шаху. Последующие же цари, наоборот, отправляли шаху девушек и юношей, собранных среди собственных подданных.

Вахушти является единственным историком, от которого становится ясно об устройстве и способах правления осетин, входивших в состав Картлийского царства. Во времена царствования Луарсаба Второго (1604 — 1614) углубился процесс децентрализации страны. Вахушти повествует, что «в это время усилились князья и завладели ущельями и местностями. В этом отношении особо отличился Георгий Саакадзе — староста («моурави») Тифлиса, Кцхилвана и Дуалета» (Там же. С. 420). «Дуалетией» называли территорию

между Главным Кавказским хребтом и потусторонними хребтами, южнее от Касарских ворот, и конкретно включавшую ущелья Нара, Заха, Зрога и Жгела (Мамисона). В этих местах скопилось осетинское население, изгнанное из равнинных районов в результате монгольских нашествий. Эта территория входила в состав Картлийского царства (Егнаташвили, 1959. С. 296). Она вместе с Цхинвалом составляла моуравство Георгия Саакадзе – выдвиженца при царском дворе. Дело в том, что Двалетия экономически была тесно связана с Цхинвальским моуравством, чем и объясняется ее подчинение правителям Цхинвала.

По представлениям Вахушти, Саакадзе как чиновник получил от царя Двалетию для правления (как и Тбилиси, и Цхинвал). Однако он, подобно другим, воспользовался слабостью царя и Двалетию, вместе с другими территориями, превратил в свою вотчину. Двалы, как и мтиулы, и мохевцы, были казенными, но только во времена слабости царской власти чиновники (старосты или эриставы) могли осмелиться подчинить себе государственных крестьян.

Ни в сочинении Вахушти, ни в других исторических источниках не содержатся сведения о правлении Двалетией Георгием Саакадзе. Можно только предположить, что здешнее население принимало самое активное участие в жестоких политических событиях, которые претерпел грузинский народ под водительством Георгия Саакадзе в борьбе против шаха Абаса. Участие в непрерывных кровопролитных войнах и, как следствие, сбор непомерных платежей и податей вызвало недовольство среди населения Двалетии, выразившееся в отказе от платежей. По данным Вахушти, «двалы вновь не стали давать старосте податей, и тогда староста с войском перешел Зекара, вступил в Двалетию и уничтожил непокорных и вновь превратил их в данников, и вернулся в Картли» (Картлис цховреба, 1973. С. 434).

Кого подразумевает Вахушти под двалами, как двалы и осетины соотносились между собой в XVII веке, – об этом довольно подробно говорится в соответствующих местах данной работы. Здесь отметим, что, по Вахушти, под Двалетией подразумевается Осетия, но, по старой традиции, носит старое название. В качестве ее синонима часто встречается и «Осетия». Факта похода Георгия Саакадзе против двалов касается и Иосиф Тбилели (Саакадзе) – поэт второй половины XVII века. В поэме «Дидмоуравиани» он везде говорит об Осетии и осетинах, как, например, – «помощью сабли одолел Осетию, взял крепости неприступные, напугал, и испугалась вся страна Осетия» (Тбилели, 1939. Строфы 254, 255).

В грузинских исторических источниках встречается довольно много фактов параллельного использования слов «Двалетия» и «Осетия». Попутно они будут упомянуты нами в связи с тем или иным

историческим фактом. Здесь же следует обратить внимание на один момент. В вышеприведенной справке Вахушти обращает внимание на то обстоятельство, что отказу двалов платить подати предшествовало слово «вновь». Также, после их поражения, говорится, что «вновь превратил в данников». «Вновь» в обоих случаях означает, что отказ платить дань и их принуждение вновь платить дань не были единственными случаями. Дело в том, что горцы с трудом взваливали на себя феодальное ярмо, а если и случалось такое, то постоянно старалось сбросить его с себя. В свою очередь феодалы, живущие в низине, также настойчиво стремились к их закрепощению. В этом отношении и осетины, обосновавшиеся в высокогорной зоне Кавказа, не были исключением. Наоборот, их борьба против феодального гнета отличалась самоотверженностью. Поход Георгия Саакадзе для приведения осетин в покорность не был ни первым, ни последним. До Саакадзе двальские осетины оказали жестокое сопротивление и войскам шаха Абаса, что послужило причиной их разбоя. Парсадан Горгиджанидзе говорит об отправке войск шахом Абасом в Осетию из Никозии (История, 1925. С. 21). И Искандер Мунши подтверждает поход шаха на Осетию и ее разбой (Сведения, 1969. С. 89—90). Об этом же повествуют и осетинские предания, в которых рассказывается о походе шахских войск до Зарамага.

В 1658—1676 гг. на престоле Грузии восседал Вахтанг V, прозванный Шахнавазом. Осетины и ему прекратили платить повинности. По Вахушти, «двалы не стали платить царю повинности. Поэтому отправился в Цхинвал с войском, чтобы войти в Осетию. Узнав об этом, двалы испугались, и к нему в Крцхинвал прибыли их главы, дали повинности и подчинились как прежде» (Картлис цховреба, 1973. С .455).

Вслед за этим следует повествование Вахушти о царствовании Георгия XI и его брата Арчила. Сообщается о том, как Арчил укрывался в Двалетии (Осетии) и оттуда связывался как со своим братом Георгием — царем Картли, так и с Россией. Первый раз Арчил по просьбе Георгия укрылся в Двалетии в 1679 году, так как шах просил или направить Арчила к нему, или же изгнать его из Имеретии. Но когда шах потребовал от царя Георгия изгнать Арчила и из Осетии, он через своего брата Левана и Гиви Амилахвара сообщил ему об этом. Тогда Арчил был вынужден отправиться в Россию (Там же. С. 458).

Как известно, в 1688 году шах сместил Георгия XI с картлийского престола и передал царствование Ираклию I — внуку царя Теймураза I. Враги Георгия сообщили Ираклию, что в Зарамаге (Осетия) находятся сыновья царя Арчила, и советовали ему отправить войска для их поимки, обещая при этом помощь имеретинского царя Александра, который враждовал с Георгием.

По сведениям Вахушти, Ираклий I взялся за это дело без энтузиазма, так как сыновья Арчила были его племянниками со стороны сестры. Но чтобы не донесли шаху, «для этого он собрал войска и во главе с Бардзимом Мдиванбегом отправил в Двалетию. Прибывшему с войском Бардзиму оказал сопротивление осетин Еликанашвили, а сыновей Арчила отправил в Дигорию. Бардзима ни с чем вернулся обратно и предстал перед царем Ираклием» (Там же, стр. 465).

Из приведенных сведений явствует, что Осетия являлась своеобразным укрытием для грузинских политических кругов, в частности, для Георгия XI и Арчила, в процессе их борьбы против владычества персидского шаха. Сыновья Арчила укрывались либо в Зарамаге, либо в Дигории, а сам Арчил вел борьбу из Двалетии, чтобы вновь овладеть Имеретинским престолом. Из сведений Вахушти не ясны причины преданности осетин Георгию и Арчилу. Зато современник этих событий капуцинский монах Диониджио Карл, прибывший в Тбилиси в 1681 году и пребывавший здесь довольно длительное время, приводит интересные сведения об отношениях Георгия XI с осетинами. Он рассказывает о конфликте между шахом и царем Георгием, начавшемся из-за Арчила. Совместные действия братьев вызывали ярость у шаха. Карл Диониджио пишет, что «есть крепкая уверенность в том, что недавнее согласие между двумя братьями обнаружилось, и поэтому жизнь царя Георгия оказалась под угрозой. Но этот последний не дремал, наоборот, своего единственного сына женил на дочери осетинского князя. Осетины — народ величавый, горделивый, живут обособленно и охотятся на медведей и других зверей. Благодаря этому бракосочетанию и подношению, царь Георгий по мере надобности мог найти там укрытие и оказать сопротивление Персии» (Диониджио, 1951. С.171).

Данное сведение не удостоверяется грузинскими источниками, но, тем не менее, описанное им обстоятельство является реальностью. Для царя Арчила, его сыновей и племянников, которые проявляли редкое для феодальной эпохи единодушие в борьбе против врагов, Осетия действительно являлась надежным укрытием.

Имел ли место в действительности факт бракосочетания? У царя Георгия, действительно, имелся единственный сын Баграт, которого шах вместе с Леваном, братом Георгия, в 1688 году увел в качестве заложников и заточил в Гелатской крепости. Какого возраста был Баграт в это время, был ли уже женатым или нет, — об этом ничего не сообщается. В 1695 году, когда Георгий решил предстать перед шахом и «дочь черкесского князя Русудан, на которой царь хотел женить своего сына, выдал замуж за своего племянника Вахтанга» и сыграли свадьбу в Харагоули (в Имеретии) (Картлис Цховреба, 1973. С. 474). Какая судьба постигла Баграта — единственного

сына Георгия, не проясняется из сочинения Вахушти. По всей вероятности, он скончался в Иране, в противном случае царь Георгий не отдал бы его невесту своему племяннику Вахтангу.

Но если дело обстояло именно так, то какое основание имел Дioниджио говорить, что царь Георгий женил своего единственного сына на дочери осетинского князя? Может быть, он хотел сказать о черкесском (кабардинском) князе, но по ошибке написал — осетинский князь? И такое не исключается. Но от образованного монаха-католика, пребывавшего несколько лет в Тбилиси и Гори, такой ошибки трудно ожидать. Место жительства осетин, определяемое Диониджио, нельзя отождествлять с Черкесией. Он считает женитьбу сына Георгия на дочери осетинского князя свершившимся фактом, тогда как Вахушти говорит о возможной женитьбе на дочери «черкесского» князя, которая не состоялась. Возможно, что сын Георгия женился на дочери осетинского князя, но овдовел, и только после этого решили женить его на Русудан. Однако бракосочетание не состоялось из-за его отправки в Персию.

Имело место все это или нет, но цель — добиться укрытия в Осетии — была достигнута. Для царя Арчила Осетия (Двалетия) стала надежной опорой в борьбе за имеретинский престол. В Осетии он, помимо прочего, продолжал литературную работу, что соответствующим образом нашло отражение в его сочинениях. В «Габаасеба» он пишет: «Выше от этого сказано мною в Осетии, а ниже — скажу в России». В другом месте отмечает: «Когда оказался в Осетии я и их язык не понимал, то мне только оставалось писать стихи». Или же: «За девять месяцев все закончил, но, занятый только этим, находился в Осетии — в Пайкоме, покинув Грузию» (Арчимани, 1937. С.6, 84, 129).

Примечателен и тот факт, что царь Георгий, чтобы достичь расположения осетин, провел ряд важных мероприятий. Об этом свидетельствует факт пожертвования колоколов для популярных молелен Осетии. Такие колокола с соответствующими грузинскими надписями он пожертвовал для молельни Реком в Цейском ущелье, для часовни в Дзивгисе (Куртатинское ущелье) и др. На колоколе, пожертвованном рекомской молельне, имеется следующая надпись: «Мы, царь Багратионов, сын Великого Шанаваза царь Георгий жертвую этот колокол святой стране Осетии, молельне Дигории и Двалетии во здравие и победу нашу и отправление нашего царствования (Год кроникона 1368 — 1680 г.)» (Тогошвили, 1969. С. 231).

Колокол, пожертвованный Дзивгисской молельне, датируется 1683 годом. Характер надписей, сам факт пожертвования соответствует сведению Карла Диониджио об установлении Георгием тесных связей с осетинами, имеющих политическую подоплеку. В Осетии той поры, разумеется, не было «князей» в обычном смысле

этого слова. Но были влиятельные феодальные круги, которые в значительной степени определяли политическую ориентацию страны. По всей вероятности, именно с одним из таких представителей породнился сын Георгия.

Еликанашвили, проживавший в Зарамаге, стратегически важнейшем пункте (здесь соединяются четыре ущелья и проходят важные дороги), проявил преданность семье Арчила – оказал сопротивление Бардзиму Мдиванбегу, прибывшему с войском для поимки сыновей Арчила, и выдворил его. Возможно, этот Еликанашвили является отцом того Зураба Елиханова, который получил грузинское образование при царском дворе (Вахтанга VI либо Георгия) и стал надежным и близким соратником Вахтанга VI в качестве его казначея, сопровождал его в эмиграцию в Россию и до конца жизни находился с ним. Потом вернулся на родину и в 1749–1752 гг. возглавлял первое посольство Осетии в Петербург (История, 1959. С. 130; Блиев, 1961. С. 43–44).

Из сочинения Вахушти приведем несколько сведений о связях Арчила с Осетией. В 1680 году «Арчил из Кулбита отправился в Двалетию и там устроил свою семью, а сам прибыл в Чхерскую крепость и там пробыл восемь месяцев. Не достигнув ничего, он возвращается в Двалетию, а оттуда прибыл в Пайком, где оставался в течение года. Потом по совету брата – царя Георгия он отправился в Россию (1681 г.). В сопровождении отряда русского царя он с семьей прошел Черкесию и прибыл к Тереку. Там сел в лодку и отправился в Астрахань» (Картлис цховреба, 1973. С. 844). Сам Арчил описывает этот факт следующим образом: «Когда отправился из Кахетии, чтобы занять Имеретию, в течение трех лет никаких трудностей не пережил, а на четвертый год мне стало труднее. В сенокосный месяц (тибатве) хванткар Суаз направил на меня войска и перешел в Двалетию, царицу оставил там, а сам отправился в Имеретию и восемь месяцев пробыл в Чхере. Оттуда вновь отправился в Двалетию и потом перешел в Пайком, где остался в течение года» (Арчил, 1937. С. 7).

В 1687 году, или близко к этому времени, Арчил «по призыву своего брата Георгия вернулся из России и привел с собой сыновей своих – Александра и Мамуку, отправил их в Двалетию, а сам прибыл в Рачу» (Картлис цховреба, 1973. С. 850). Отсюда братья пытались привлечь на свою сторону имеретинских феодалов. После больших стараний Арчил все-таки воцарился в Имеретии, но вскоре над ним взяла верх группировка имеретинского царя Александра. И тогда братья Георгий и Арчил попросили у Александра предоставить им путь отхода, и Александр предъявил следующее требование: «Если дашь мне клятву, что в дальнейшем не будешь оспаривать мое право на Имеретию, отпущу, и отправишься в Россию. В

противном случае дорогу не предоставлю». Так как у Арчила не было других возможностей, дал ему клятву и отправился в Рачу. Потом прибыл в Дигорию с племянниками – сыновьями Левана: Каихосром, Вахтангом, Доментием, и остались там» (Там же. С. 851–852).

В результате проведенных Георгием мероприятий в 1690 году османский хванткар отдал Арчилу Имеретию. «Это сведение сообщили находящемуся в Дигории Арчилу. Тот прибыл в Рачу и отправился в Имеретию. В Кутаиси переоделся в хванткарское одеяние, и подчинились ему имеретинцы» (Там же. С. 853). И на этот раз царствование Арчила продолжалось недолго. Спустя год Александр вновь занял Имеретию, а Арчил в 1691 году «отправился в Двалетию, а оттуда в Россию в сопровождении немногочисленного войска». Бытие Арчила в Россию на этот раз было сопряжено с большими трудностями. По заданию шаха, с целью захвата Арчила и передачи его шаху, Шамхал привлек на свою сторону черкесского феодала Килчико. Он с показным почтением принял царя, но во время отправки организовал нападение на него с целью его поимки. Арчил мужственно встретил опасность и спасся. «Жена Килчико в ту же ночь отправила царя в Басиан, а его отряд – в Дигорию. Узнав об этом, Шамхал прибыл, чтобы увести царя, но басианские матери скинули свои платки и обратились к своим мужьям: «Либо облачитесь в наши платки, а мы в ваши головные уборы, либо мы не отдадим Арчила Килчико». Поэтому в ту же ночь Арчила с его сопровождающими отправили в Картли» (Там же. С. 855–856).

В 1695 году Арчил вновь становится царем Имеретии, но спустя год, в 1696 году из-за феодальных неурядиц, он вновь оказался в Двалетии. Целую зиму вместе с семьей он провел в Зарамаге. Здесь он ожидал русский отряд, чтобы отправиться в Россию. Однако часть имеретинских феодалов вновь пригласила его стать царем, и он тоже из Зарамага через Рачу прибыл в Имеретию, заняв царский престол на шесть месяцев (Там же. С. 858, 859).

Осенью того же года Арчил был изгнан османами из Имеретии, прибыл в Рачу и там оставил своего племянника Вахтанга (будущего царя Вахтанга VI). Кавказские горы были покрыты снегом, и поэтому он не мог перейти с семьей горные перевалы. Сам Арчил через Лиахвское ущелье перешел в Тагаур, остался там на зимовку и весной в сопровождении отряда русского царя уехал в Россию (Там же. С. 858, 859).

Приведенные сведения говорят о том, что царь Георгий и Арчил установили тесные связи со всеми современными им осетинскими обществами (Нарским, Захским, Зругским, Мамисонским обществами, Тагауром, Алагиром, Дигором и др.) и превратили их в опорные пункты в борьбе за свои династические интересы. В каких

отношениях были осетины с царем Георгием и Арчилом, из сочинения Вахушти не ясно. Нет основания думать, что осетины были пассивными участниками антииранских или антиосманских выступлений упомянутых царей и способствовали только укрытию Арчила, его семьи и племянников. Само по себе предоставление укрытия для лиц, действующих против Ирана или Турции, являлось вызовом для этих государств, которые, разумеется, не замедляли принять соответствующие меры в отношении осетин. Поэтому осетины, пользуясь естественной укрепленностью территории своего проживания являлись активными участниками мероприятий, проводимых Арчилом. По-другому не представляется возможным пребывание Арчила, его семьи и свиты в различных районах Осетии в течение многих лет.

Эпопея Арчила, как известно, закончилась в России. Правителем Картли с 1703 года стал Вахтанг, племянник Арчила, который вместе с ним неоднократно укрывался в различных районах Осетии и поэтому хорошо знал осетин. Он решил осуществить поход в ту часть Осетии, которая подчинялась Картлийскому царству. Видимо, в связи с событиями, относящимися к Георгию и Арчилу, осетины оказались в особых условиях с точки зрения смягчения зависимости от центра и старались сохранить такое положение и во времена Вахтанга, который, в свою очередь, старался укрепить центральную власть. Вахтанг хотел безусловного подчинения осетин и с этой целью, как писал Вахушти, «решил собрать войска для вступления в Осетию, вступил и разрушил 80 башен, уничтожил и пленил непокорных, добрался до Зарамага, прошел Жгельское ущелье, перешел через Кедела и прибыл в Кударо, а оттуда вернулся в Картли победителем в 1711 году, подчинил Двалетию и обложил данью» (Там же. С. 491).

Об упомянутом походе Вахтанга VI повествует и Сехниа Чхеидзе – историк первой половины XVIII века. По его сведениям в августе 1711 года Вахтанг «собрал грузинские войска, вторгся в Двалетию, победил, разрушил и сжег дотла 30 башен, поработил население от Верхнего Нара до Нижнего Кударо, и обложил данью» (Картлис цховреба, 1954. С. 324).

Примечательно, что если Вахушти говорит об уничтожении 80 башен, то Сехниа Чхеидзе упоминает только 30 крепостей, которые были полностью разрушены. В данном случае сведения Сехниа Чхеидзе кажутся более достоверными, ибо Вахушти, рассказывая о походе своего отца, вполне возможно, что преувеличивает количество разрушенных башен. С другой стороны, возможно, что Сехниа Чхеидзе упоминает только количество значимых крепостей и укреплений, а Вахушти касается всех разрушенных башен.

Поход Вахтанга VI в Осетию в 1711 году относится к тому ряду

событий, какими являлись аналогичные походы на Осетию Георгия Саакадзе и Вахтанга V Шахнаваза. Целью этих походов всегда было подчинение осетин, обложение их повинностью и приведение в покорность.

Подчинение Вахтангом VI осетин от Верхнего Нара до Кударо способствовало значительному упрочению царской власти. Связь между покорением осетин и воинской службой непосредственно не просматривается, но вполне вероятно, что их подчинение осуществлялось именно в несении ими воинской службы. Во всяком случае, просматривается органическая связь между подчинением Осетии Вахтангом VI и созданием войск, охраняющих царя. Вахушти, говоря о вражде феодалов с Вахтангом, дает соответствующее объяснение этому явлению: «Как только Вахтанг завоевал Осетию и организовал себе защиту, с тех пор Георгий и Датуна эриставы опасались потери своих поместий. Поэтому они писали шаху: «Не желаем Вахтанга, пришлите Иесе» (Картлис цховреба, 1973. С. 492–493).

Завоевание Осетии и создание силами осетин и других горцев войск самообороны создавали серьезную опасность независимости феодальных кругов. Вахтанг не то что усилился, но и со стороны Осетии оказался в тылу самых сильных феодалов – Арагвского и Ксанского эриставов. Феодальные круги не стали медлить и с помощью шаха вынудили Вахтанга перебраться на длительное время в Иран. После продолжительного пребывания в Иране в 1719 году Вахтанг вернулся в Картли и начал сводить счеты с противниками: организовал убийство армянского мелика, Баграта Цицишвили, Ушанга Палавандишвили, Джамаспи Херхеулидзе, Ревазисшвили Папуны, Вешапидзе и католикоса Платона хоть и спасли от смерти, но они «были проданы в Осетию путем обмена их на козлов» (Там же. С. 497).

При возвращении Вахтанга Ксанским эриставом был Шанше. «Шанше укрылся в своем поместье. Царь направил против него своего сына Бакара, а в Лиахвское ущелье отправил Вахушти, и они разорили эти края. Шанше с малочисленным войском укрылся в Чуртской крепости». Вахтанг позвал на помощь имеретинцев. Прибыли рачинский эристав Шошита, Симон и Леван Абашидзе с войском, и тогда царь пошел на штурм Чуртской крепости. Шанше был вынужден предстать перед Бакаром с висящей на шее саблей, а тот направил его к своему отцу Вахтангу (Там же. С. 498).

Вскоре в результате сложных переплетений политических событий Вахтанг VI был вынужден покинуть Картли. С целью получения разрешения на отправку в Россию, он отправляет Давида Назаралашвили в Прангистан. Получив соответствующее разрешение, «царь приготовился и отправился в путь и прибыл в Рачу. Его сопровождали грузины со всех дворов, а также многие кахетинцы, около 1400 человек, некоторые даже всей семьей. Из Рачи Вахтанг

отправился в Дигорию, там его встретил его шурин – черкесский князь. Прибывшего в Черкесию Вахтанга встречает многочисленный отряд русских, и 28 августа он прибывает в Солахскую крепость, а в октябре сел в лодку и 8 ноября прибыл в Астрахань» (Там же. С. 507).

Среди отправившихся в Россию присутствовал и сам Вахушти. Он и в России продолжал писать историю Грузии послевахтанговского периода. Вахушти довольно досконально описывает самоотверженную борьбу грузинского народа, в том числе и населения Ксанского и Арагвского эриставств, а также Самачабло, против господства османов. Борьба продолжалась и после замены осман кизилбашами и была направлена против иранских и лезгинских разорителей.

После возвращения из Индии Надиршах, направил войско для поимки Шанше эристава. Из крепости Ацерского ущелья вывели семейство Шанше и много пленных, а сам Шанше сбежал в Ахалцихе. Тогда «Аликулихан, бывший тогда предводителем войск и ханом Тифлиса, вступил в Магран-Двалетию, разорил ее и горы, принадлежащие Шанше, пленил многих. После этого жамурские осетины напали на него и перебили его войска» (Там же. С. 517). Тот же факт более подробно описывает Папуна Орбелиани: в августе 1721 года осуществился большой поход на Ксанское эриставство. Эриставство передали Гиви Амилахвари, поэтому и он тоже принял активное участие в его разорении. На эриставство напали с трех сторон: со стороны Ломиси, Ксани и Лиахвы. Взяли башни-крепости и разрушили, перебили население и пленили. Из Ацерской крепости хан вывел семейство Шанше, а сам он сбежал. Разоритель Авгана все, что осталось, забрал и пленил. «До Осетии всех изгнал и передал Гиви Амилахору. Вернулся обратно хан, так как на одном месте ему еще померещилось какое-то богатство. К тому времени осетины-горцы были уже примирены с ханом. Узнав о предательстве хана, осетины в одном узком месте перекрыли проход, встретили их, забросали камнями, кизилбаши бежали, схватили хана, убили Папуну Мухранбатонишвили, истребили кизилбашей». Остатки их вернулись в Гори, присоединились к остальным войскам и вернулись в Тифлис (Картлис цховреба, 1959. С. 346–347).

Из вышеприведенного видно, как лаконичное сведение Вахушти заполняется обширным повествованием П. Орбелиани. По нашему мнению, такая лаконичность приведенной справки и других сведений Вахушти объясняется не только манерой его повествования, но и обусловлена скудостью информации. Пребывающий в Москве царевич, разумеется, имел более ограниченные сведения о явлениях, происходящих в далекой Грузии, чем такой видный местный историк, каким являлся П. Орбелиани.

Таков общий характер тех сведений, которые сохранены в сочинениях Вахушти, касающихся вопросов отношений Грузии с осетинами, начиная с древнейших времен до 40-х годов XVIII века. Не нуждается в подтверждениях то обстоятельство, что приведенные в трудах Вахушти сведения имеют огромное значение для представления общей картины истории осетинского народа, его взаимоотношений с грузинским народом. Сказанное особенно относится к истории XIV–XVII веков, о которой сведения Вахушти являются почти единственным источником для представления исторических судеб осетинского народа.

РЕЗЮМЕ

В труде анализируются историко-географические сведения В. Багратиони об Осетии и осетинах. В частности, сведения о территориальном расселении, естественно-географической среде, экономике (земледелие, скотоводство, ремесла, природные богатства), о внешнем облике населения, языке, этнографическом быте (обычаи, религиозные верования, кровная месть, гостеприимство, почитание старших и т.д.). В книге большое место уделено анализу тех сведений Вахушти, которые подтверждают существование в Осетии ранних феодальных отношений (господствующее сословие – «главари», «знатные», «высшие», «крепостники»; зависимое сословие – «крепостные», «низшие», «пленные» – рабы). Большое значение имеют те данные Вахушти, которые свидетельствуют о патриархальных отношениях (большая роль старейшин в урегулировании общественной жизни, а также влиянии имущественной дифференциации на социальные отношения. Ценным является отмеченный им факт о неравномерности социального развития отдельных частей Осетии.

Вахушти дает сведения об основных этапах истории Осетии. Он отмечает тяжелые последствия для Осетии нашествий монголов и Тимура, в результате которых пало осетинское царство. Осетия раздробилась и оказалась в зависимости от соседних феодальных владений.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Книга Г.Д. Тогошвили «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах» издана на грузинском языке в Тбилиси (1977) в издательстве «Мецниереба». Перевод на русский язык осуществлен Н. Хабаловым.

Монография опубликована согласно постановлению редакционно-издательского совета АН ГССР под названием: «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах» (Тбилиси, 1977) на грузинском языке. Перевод Н. Хабалова.

Книга сопровождается следующей аннотацией на обороте титульного листа: «В данном труде проанализированы сведения Вахушти Багратиони исторического, географического, этнографического характера об Осетии и осетинах, конкретно же — переселение, природно-экономические и хозяйственные условия (земледелие, скотоводство, ремесла), а также физический тип, язык, быт, верования, религия, кровная месть, гостеприимство, уважение к старшим.

В книге особое внимание уделяется сведениям Вахушти, в которых характеризуются социальные отношения, социальное развитие отдельных регионов страны. В монографии освещены взгляды Вахушти на основные этапы исторического развития осетинского народа и его взаимоотношения с грузинским народом, а также — последствия нашествий татаро-монгол и Тимурленга на Осетию и Грузию.

Критический анализ исторических источников и документов, содержащихся в труде Вахушти, позволяет сделать вывод о том, что материалы книги представляют собой уникальный источник по истории осетинского народа».

** Не прав Г.Д.Тогошвили, противопоставляя друг другу осетин и двалов.

*** Вахушти часто селения называет ущельями. «Мшхлеби» (Мсхлеб. — *Л.Ч.*). Не ущелье, а селение, расположено в бассейне р. Большая Лиахва. Нет в его окрестностях горы Гера.

**** Г.Д. Тогошвили почему-то не комментирует и не поправляет ошибку, допущенную Вахушти относительно распространения магометанства среди осетин. Из перечисленных им обществ, принявших ислам, следует исключить «валлагирцев» — они никогда не были правоверными мусульманами.

***** Непонятны для осетина слова («бджоба» — «габджоба», «завкоп»). Правосудие по адату у осетин называется «тæрхондон», а примирение кровников — «туджджынты фидыд».

НАСЕЛЕНИЕ ОСЕТИИ
(КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)*

ВВЕДЕНИЕ

Учет населения имеет большое политическое и народнохозяйственное значение. От точного знания количества населения во многом зависит правильное планирование народного хозяйства как в городах, так и в селах. Такое планирование невозможно без знания количества населения по половозрастным признакам, характера образования и деятельности. Этим объясняется то обстоятельство, что в нашей стране, после победы Октябрьской социалистической революции систематически проводились Всесоюзные переписи населения и на их основе составлялись пятилетние планы развития народного хозяйства и культуры нашей страны.

Перепись населения впервые была осуществлена в Китае еще за две тысячи лет до новой эры. Учет населения осуществлялся также в Древнем Египте, Греции, Риме, Иране и других государствах. Основной целью таких переписей было определение количества людей, подлежащих призыву для ведения военных действий против неприятеля.

Перепись населения в России осуществлялась в период владычества монголов. В 1245, 1257, 1259 и 1273 годах татарскими ханами была осуществлена перепись населения русских княжеств с целью установления объема оброка, возложенного на население, а также определения количества воинов, которое могли выставлять русские княжества для их зачисления в монгольскую армию.

В 1646 и 1678 годах в России были осуществлены дворовые переписи населения. Этим переписям подвергалось только мужское население, относящееся к категории плательщиков податей. Перепись обоих полов (мужчин и женщин) в России впервые осуществилась только в 1710 году. Это была первая попытка полной переписи населения страны. Спустя 8 лет после этой переписи, по приказу Петра Первого была заложена основа новой системы переписи населения – системы подушевой переписи. Целью такой переписи было подушевое обложение населения налогами и определение количества призывников на военную службу. В 1720–1721 годах были собраны так называемые «сказки», или списки населения, которые были проверены в 1722–1725 годах. Последующие поду-

шевые учеты населения назывались ревизиями. В России данная система переписи населения просуществовала более 140 лет. Последний раз такая перепись была осуществлена в 1857–1860 годах. Переписи подлежало только то население, которое подвергалось налогообложению.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи осуществилась 28 января (по старому стилю) 1897 года. Она имела большое значение для хозяйственного и культурного развития Российской империи. Перепись была осуществлена министерством внутренних дел и чиновниками губернских канцелярий. Обработка материалов переписи продолжалась в течение восьми лет, и окончательно они были опубликованы в 1905 году. Недостатком этой переписи являлось то, что в ней не было четких данных ни о деятельности населения, ни о грамотности, ни о классовом составе. Перепись 1897 года в основном преследовала цели казенные: налогообложения и военные.

За годы Советской власти всесоюзные переписи населения проводились в 1920, 1926, 1939, 1959, 1971 и 1979 годах. Из этих переписей особенное значение для нас имеет всесоюзная перепись населения 1926 года. 20 апреля 1922 года в составе ГССР образовалась автономная область Южная Осетия, а в 1924 году в составе РСФСР – автономная область Северная Осетия (с 1936 года преобразовалась в автономную республику). До этого осетинское население как на Севере, так и на Юге учитывалось вместе с населением Северного Кавказа и Грузии соответственно. Всесоюзной переписью 1926 года впервые раздельно было учтено все население, проживавшее на территориях автономных областей – Северной Осетии и Южной Осетии.

В представленной работе приводится динамика роста осетинского населения не только в пределах автономной республики Северная Осетия, но и автономной области Южная Осетия, и в масштабах Советского Союза.

* * *

Общеизвестно, что в процессе материального производства человек играет решающую роль. Именно народонаселение определяет условия материальной жизни общества. На заре человечества путем коллективной жизнедеятельности люди боролись с природой и в этой борьбе одерживали все новые и новые победы над природой, развивались производительные силы, тем самым развивались и совершенствовались производственные отношения. Такое развитие осуществлялось не индивидуальным способом, а в коллективных обществах, ступенями которых были родовая община, племя, союз племен и, наконец, государство. Каждому этапу развития коллек-

тивных обществ соответствовало определенное количество людей, ибо для нормального функционирования общества, его развития требуется определенный минимум людей, уровень народонаселения. Естественно, что любая эпоха, любое общество имеет свои законы развития. Они не всегда были осознанными, особенно на ранних ступенях развития, но, тем не менее, подчинялись этим законам. Излишни, например, утверждения, что родовая община или племя не были достаточными для государственного развития и что для этого нужны были более крупные коллективы, которые в последующем объединялись в союзы племен. Но количественные составляющие (больше, меньше) коллектива не могли стать основой для развития. Изменение коллективов, рост населения зависят от многих исторических факторов. Мы обходим стороной эти факторы и в данной работе ограничиваемся приведением и анализом тех сведений, которые указывают на динамику численности осетин в историческом разрезе.

Без наличия определенного минимума населения невозможно производство материального богатства, являющегося необходимым условием существования человечества. Количество населения является тем фактором, который влияет на развитие общества – замедляет или же ускоряет его движение вперед. Вместе с тем и условия жизни общества влияют на рост народонаселения – способствуют или же замедляют его рост.

Исследование процесса исторического развития осетинского населения связано с определенными трудностями. У осетинского народа до позднего времени в основном отсутствовала своя государственная организация, и поэтому не сохранились данные демографического характера. Примечательно, что даже у народов с развитой письменностью и государственностью фиксация таких сведений не осуществлялась или же осуществлялась эпизодически. Фактически фиксация таких сведений связана с развитием капиталистических отношений.

И все-таки на основании каких сведений или данных мы можем, хотя бы в общих чертах, рассуждать о динамике изменения осетинского населения? В источниках античной эпохи появляются первые сведения об ираноязычных скифо-сармато-аланских племенах на Северном Кавказе. Длительные взаимоотношения их с аборигенами Северного Кавказа, продолжительное совместное проживание и, в конечном счете, ассимиляция местных племен в аланской среде дало начало осетинскому народу.

Этническое развитие осетинского народа, естественно, не закончилось отмеченным фактом и, как у всех других народов, продолжалось и в последующем. Тем не менее, мы можем приурочить этот процесс к концу старого летоисчисления, когда в результате

процесса консолидации сарматских племен на обширной территории Северного Кавказа сформировались союзы многочисленных племен аорсов и сираков, воевавших между собой за первенство. Аланы (так называли осетин греческие и римские авторы классической эпохи, византийские, арабские и ираноязычные источники) вышли из союза племен аорсов и на рубеже старого и нового летоисчисления превратились в значительную политическую, а вскоре и в господствующую силу на Северном Кавказе.

В I в. до н. э. Страбон дает сведения о количестве сираков и аорсов. По этим сведениям, царь сираков Абеак в период, когда Босфором владел Фарнак (63–47 гг. до н. э.), выставил 20 тыс. всадников, а Спадин, царь аорсов – 200 тыс., верхние же аорсы еще больше, так как они занимали большую часть страны и владели преобладающей частью Каспийского побережья. Аорсы населялись у Танаиса, а сираки – у Акардеона, вытекающего из Кавказа и впадающего в Меоту (Страбон, 1957. С. 142).

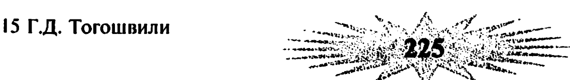
Многочисленность алано-осетинского населения подтверждается их активностью как на Кавказе, так и на Балканах – на границе Римской империи в начале н.э. В IV веке, в результате нашествий гуннов, значительная часть алан-осетин была оторвана от Кавказа и вместе с гуннами ушла в Западную Европу, где одно время очень активно участвовала в политической истории Европы, в частности, во взаимоотношениях Римской империи с варварским миром. Значительная роль, которую аланы играли в этих событиях, говорит об их многочисленности[1].

По сведениям грузинского историка XI века Джуаншера, Вахтанг Горгасал в середине V века совершил поход в Осетию, нанес поражение осетинам и, будто, захватил в плен 1060 тысяч человек. Из них 30 тысяч вернул осетинам за высвобождение из плена своей сестры, 350 тысяч обменял на грузинских пленных поровну, 30 тысяч вернул в счет заложников и после этого, якобы, еще остались 650 тысяч пленных (Картлис цховреба, 1955. С. 157).

На основании этих сведений Джуаншера, З. Чичинадзе заключает, что тогда осетины насчитывались миллионами и что раньше они были гораздо многочисленнее и сильнее грузин и армян. В целом, до нашествия монголов он насчитывает два миллиона осетин (Чичинадзе, 1913. С.16–17, 20, 188).

По сведениям того же З. Чичинадзе, в VII веке в борьбе с арабами количество осетинского населения заметно сократилось. Буга Тюрк внес в осетинские войска заразу, от которой не только бойцы, но и их кони погибали. После этого Буга переселил 10 тысяч

[1] Об аланах в Западной Европе см.: Кулаковский, 1899; Кузнецов, Пудовин, 1961, с.79–85; В.В. Виноградов, 1974. С. 111–121.

дворов в свою страну и обратил их в магометанство. Кроме того, 300 дворов переселил в Самшвилде, Дманиси и Шамкори.[2] Одной из причин переселения осетин в Аравию З. Чичинадзе, помимо всего, считает и то, что «осетины были прекрасны, являлись красивой горской нацией, и поэтому арабов сильно влекло к ним. В Аравии осетинские женщины высоко ценились. Этим арабы облагораживали свое потомство» (Чичинадзе, 1913. С.117) .

Нам кажется, что цифры, указанные и сохраненные в сведениях Джуаншера, а также определение количества осетин миллионами Захарием Чичинадзе, являются преувеличенными. Такое положение вовсе не выглядит необычным, ибо такие преувеличенные данные были характерны и для древних авторов[3]. В VII – X вв. фактически отсутствуют сведения о количестве осетинского населения. К концу IX века консолидация осетинских племен достигла такого уровня, что образовалось раннефеодальное государство. Осетинское государство, благодаря своей военно-политической мощи, выполняло значительную международную роль. Площадь этого государства профессор В. Кузнецов определяет в 54 тысячи кв. км, что почти в семь раз превышает территорию современной Северо-Осетинской АССР (Кузнецов, 1971. С. 10–11).

О численности населения осетинского государства прямые сведения отсутствуют. Арабский писатель X века Масуди представляет царя осетин (алан) самым сильным в масштабе всего Северного Кавказа. Он мог выставить 30 тысяч воинов (Караулов, 1908. С. 54). Он же подчеркивает хорошую обработанность аланских земель. По его сведениям, когда на рассвете кукарекают петухи, им

---

[2] По некоторым вариантам «Картлис цховреба», количество переселенных осетинских заложников составляло 3 тысячи дворов, а в значительной части перечней их количество определяется в 100 дворов. Такая путаница могла возникнуть на графической основе (заглавная грузинская буква (– 100) похожа на грузинскую же букву(– 3000). По всей вероятности, правильным должно быть количество 100 дворов (Картлис цховреба, 1955. С.157. Тогошвили, 1958. С. 104).

[3] В связи с греко-персидской войной в V веке до нашей эры количество персидских войск в Марафонской долине насчитывалось от 200 тысяч до 600 тысяч человек. В действительности же число персидских войск не превышало 15 тысяч, а греческих – 15 тысяч. В 480 году Ксеркс вторгся в Грецию. По существующей греческой традиции численность персидских войск была преувеличена: по сообщению Геродота их было 5 млн., Ктесиоса (17 лет жившего в Персии) – 800 тыс., а Белоха – несколько сот тысяч (Церетели, 1958. С. 277, 282). Советский исследователь Урланис на основе анализа большого количества конкретных примеров призывает к критическому подходу к приводимым цифрам о численности войск в сражениях, учитывать существовавшие традиции к преувеличениям (Урбанис, .С. 13–39).

отзываются по всей территории царства, что является свидетельством многочисленности населенных пунктов. Персидский анонимный источник X в. отмечал, что у аланов было 1000 больших деревень (Удуд-ал-алами, 1937 С. 160). По этим сведениям трудно представить реальную величину аланских деревень, но этим автор хочет подчеркнуть факт плотного заселения страны. Археологические данные подтверждают высокую плотность населения средневековой Осетии. На ее территории обнаружено множество городищ и сельбищ. Городище Рим-гора растянуто на 115—116 гектаров, а Нижний Архыз — на 63—65 га. Мусульманские источники XIII—XIV веков называют несколько аланских городов, в том числе и столицу Магас, в которой насчитали 270 тысяч жителей после ее взятия монголами в результате трехмесячной осады. Осетинский город Дедьяково в русских летописях представлен богатым и цветущим.

По сведениям автора «Матиане Картлисас» (XI в.), царю Баграту (1027—1072) его шурин — царь осетин Дургулел — отправил 40 тысяч всадников для похода на Ганджу (Тизенгаузен, 1941. С. 22—23, 232). Разумеется, это было не все войско осетинского царства. Поход на Ганджу для северокавказских войск требовал определенного времени, а царство на это время никто бы не оставил без защиты.

Все это свидетельствует о том, что широкие международные связи осетинского царства до монгольских нашествий объяснялись его военной мощью, что прямо зависит от количества населения. Разумеется, что отмеченное обстоятельство было обусловлено и другими факторами, но комплексное их рассмотрение не является целью этой брошюры.

Сам по себе тот факт, что осетины оказали монголам упорное и длительное сопротивление во время нашествий как в 1222 году, так и в 1238—1239 годах, косвенно подтверждает многочисленность населения. Главный город царства монголы взяли только в результате длительной осады и яростной атаки. Когда, наконец, осетины все-таки потерпели поражение, монголы поставили под свои знамена 30-тысячный осетинский отряд, увели его в далекий Китай и использовали для завоевания этой страны. Здесь отряд сильно прославился. Флорентийский епископ Джовани Мариоли, несколько лет пребывавший в Китае, с восторгом говорит о «красивых» и «мужественных» аланах, которых в количестве до 30 тысяч, во главе с 72 князьями, привел Чингисхан и с их помощью завоевал Восточную империю (Кузнецов, 1971. С. 64)·

Что же касается той части аланов-осетин, которые не подчинились монголам, то они долгое время продолжали борьбу за свою независимость. Во время путешествия в Золотую Орду Плано Карпини в 1246 году писал про осетин, что на их земле одну гору

(вероятно с крепостью-укреплением) монголы осаждали в течение 12 лет и что здесь многие татарские вельможи полегли (Путешествие, 1957. С. 64). Другой европейский путешественник Рубрук (1254) отмечал, что аланы, или осетины, все еще продолжают борьбу с татарами. По его же сведениям, аланы в горах все еще не подчинены, и поэтому в войске Сартака (сына Батыя) каждому второму из десяти человек приходится караулить выходы из ущелий на равнины, чтобы аланы не похищали их стада (Там же. С. 111)[4].

После продолжительной борьбы монголам все-таки удалось покорить осетин с последующими жестокими репрессиями. Арабский историк Ибн-ал-Асир (1160–1234 гг.) отмечал, что жестокостей, подобных чинимым монголами, мир еще не видел. Они безжалостно убивали женщин, мужчин, детей, у беременных женщин взрезали животы и таким образом убивали и плод. Побежденные в неравной и безжалостной войне осетины стали подданными Золотой Орды. Ел-Омар (XIV в.) писал, что монголы Золотой Орды в случае проявления непокорности нападали на русских, черкесов и ясов (осетин), истребляли, забирали в плен их жен и детей и уводили в разные страны в качестве пленников (Тизенгаузен, 1884. С. 231).

К. Маркс особо подчеркивал тяжесть господства монголов, которая зиждилась на систематическом терроре и оскорбляла душу порабощенных народов (Маркс, 1930. С. 219). Для осетин монгольское владычество стало катастрофическим. Многие из них ушли на Крымский полуостров, другие – на запад, на молдавско-венгерскую территорию, где постепенно смешались с местными народами и в последующем были ассимилированы ими. Византийский историк Никифор Григор повествует о том, как десятитысячный отряд аланов со своими семьями перешли через реку Дунай и с разрешения императора заселились на Балканах (Римская, 1862. С. 201).

Осетины еще не оправились от тяжелых последствий владычества монголов, как стали объектом карательных нашествий Тимурленга. Осетия превратилась в арену жестокой борьбы, возникшей между Тимуром и ханом Золотой Орды Тохтамышем. Немилость Тимура осетины вызвали и тем, что они поддерживали грузинского царя в борьбе против Тимура (Вахушти, 1973. С. 272.). Тимур окончательно разорил Осетию. Шериф Еддин Иезди описывает поход Тимура против князей Буриберда и Буракана в районе Эльбруса. Он разгромил и разорил их страну, а оставшиеся в живых превратились в растерянных, бездомных и бесприютных бродяг (Тизенгаузен, 1941. С. 181). Иосафат Барбаро, итальянский путешественник

[4] По сведениям авторов XIV века Рукнад-Дина Бейбарса и Еннувейра, на рубеже XIII–XV вв. 10-тысячный отряд монголов нес постоянную караульную службу на землях аланов (Тизенгаузен, 1884. С. 116–160).

XV века, писал, что «этот народ (алано-осетины), исповедующий христианскую религию, был истреблен и выдворен из своего места проживания» (Барбаро, 1836. С. 6).

Вахушти Багратиони — грузинский ученый первой половины XVIII века, подчеркивал катастрофические последствия нашествий монголов и Тимурленга для осетин. Он писал, что «в результате нашествий татарского хана Чингиза, и особенно Батыя, были разорены и разрушены города и строения их, а царство осетин превратилось в княжества. Тогда осетины подались в Кавказские горы и завладели местами своих кавказских родичей, которых зовут двалами, а собственно Осетию стали называть Черкесией или Кабардой» (Картлис цховреба, 1973. С. 654—655).

Сведения вышеупомянутых авторов в связи с последствиями нашествий монголов и Тимурленга приводятся потому, чтобы создать у читателей правильное представление о той исторической ситуации и превратности судеб, в результате которых когда-то многочисленное осетинское население катастрофически сократилось.

Начиная с XV века вплоть до 40-х годов XVIII века систематические сведения об осетинском населении отсутствуют. В начале XVIII века в постатейных записях российских посольств говорится об активизации тагаурских осетин в Дарьяльском ущелье, целью которой являлось возвращение ранее утраченного контроля над Дарьяльской дорогой (Тогошвили, 1969. С. 18—23). В 40-х годах XVIII века постатейные записи русских послов Толочанова и дьяка Иевлева содержат сведения об их контактах со стурдигорским Смаилсом и Чибирком (Посольство, 1926. С. 119—120.). От них послы получили сведения о количестве населения. Советский ученый Н. Волкова на основе данных этого посольства считает, что в 24 деревнях Дигории проживало 4 800 дворов с количеством населения в 25—30 тысяч душ (Волкова, 1974. С. 112.).

С 40-х годов XVIII века Осетия становится предметом повышенного интереса политических кругов России и после этого множатся конкретные сведения об осетинах. В это время по инициативе грузинских духовных лиц — архиепископа Иосифа и архимандрита Николоза российский император учреждает так называемую «Осетинскую духовную комиссию», основной задачей которой было упрочение российской политической ориентации путем распространения христианской религии в Осетии и ее превращение в опору своей кавказской политики. Когда грузинские духовные лица предлагали российскому правительству идею создания этой комиссии, они подчеркивали то обстоятельство, что осетины являются многочисленным народом (200 тысяч душ), живут в Кавказских горах и в прошлом были христианами. Поэтому, считали они, христианизация осетин и приведение их посредством этого в российское под-

данство является перспективным и полезным делом (ЦГАДА, ф.119, ч. 11, д.17, лл.1–2; Блиев. 1970. С. 20, 76 и др.).

С этого времени систематически появляются сведения о численности осетин. Эти сведения не всегда являются точными. Но с учетом тогдашнего уровня подобных сведений и доверительности статистики они заслуживают определенного интереса. Примечательно, что Вахушти Багратиони, написавший свой труд по истории Грузии в первой половине XVIII века и посвятивший отдельную главу описанию тогдашней Осетии, несмотря на то, что особо указывает на строения-поселения (то есть на плотность заселения) того или другого осетинского общества, даже приблизительно не говорит ничего об общем количестве осетин, что объясняет отсутствием соответствующих сведений.

В 1749–1752 годах по инициативе «Осетинской комиссии» состоялось первое Осетинское посольство в Петербург. Оно должно было решить вопрос о вступлении осетин в подданство России и их переселении из гор на равнину. Глава посольства Зураб Елиханов (Магкаев) докладывал российской власти, что осетины могут выставить 30 тысяч воинов (Блиев, 1970. С. 20, 140.). Возможно, что эта цифра была несколько преувеличенной и преследовала цель усиления интереса России к Осетии. Однако, если сведение грузинских духовных лиц о численности осетин в 200 тысяч душ не так уж далеко от действительности, то возможность выставления 30 тысяч воинов не следует считать преувеличением.

Российское правительство во второй половине XVIII века, особенно во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, проявляло большой интерес к природным богатствам Осетии и количеству ее населения. В 1771 году нового руководителя Осетинской комиссии, протопопа Иоана Болгарского, обязали собрать соответствующие материалы и передать их государственным органам. В Тагаурии, за исключением Балты, Чми и Джераха, им зафиксировано 697 дворов (Волкова, 1974. С. 118.). В 21 селениях Куртатинского общества подсчитано 807 дворов (Там же. С. 126).

В начале 80-х годов XVIII века, по особому заданию правительства, офицер российской армии Штедер путешествовал по Осетии. По его данным, северные осетины могли вооружить 6 тысяч воинов, а южные – 4 тысячи (Осетины, 1967. С. 30). Данное число воинов – предполагаемое определение осетинского войска в 10 тысяч человек – кажется несколько заниженным и, думается, что составитель исходил из норм выставления воинов из российского населения, тогда как в горском населении процент выступающих в поход был гораздо выше. При этом, одно дело – сколько воинов можно вооружить, а другое – сколько воинов можно выставить.

В 70-х годах XVIII века академик Гюльденштедт в горной Ди-

гории зафиксировал 50 деревень, а Штедер к 1781 году – 30 деревень. По мнению Н. Волковой такое различие объясняется, с одной стороны, неточностью источников, а с другой стороны – усилением процесса переселения осетин на равнину (Волкова, 1974. С. 113–115). По сведениям того же Штедера, к 1780 году в предгорьях и на равнине образовалось несколько дигорских деревень (Осетины, 1967. С. 50–51).

На Кавказе, в том числе и в Осетии, с 80-х годов XVIII века распространилась эпидемия моровой язвы. Она буйствовала и в начале XIX века, унеся жизни множества населения. По сведениям русских чиновников, к 1803 году моровая язва уничтожила 2/3 населения в Алагире и Дигории (ЦГВИА, ф. ВУА, д.413, ед. хр. 300, л. 72 об.).

В результате эпидемии территория проживания многочисленного для горных условий осетинского общества покрылась «городами мертвых» – погребальными склепами. По данным М. Блиева, к 90-м годам XVIII века, то есть спустя 10 лет после начала эпидемии, население Северной Осетии сократилось до 35 750 душ, к 1826 году – до 20200 душ, а к 1831 году – до 16 тысяч душ (Блиев, 1970. С. 21). Трудно утверждать точность приведенных цифровых материалов, но фактом остается то, что ущерб, понесенный осетинами от моровой язвы, был весьма чувствительным. Например, если в Куртате в 1771 году в 21 деревне числилось 807 дворов жителей, то в 30-х годах XIX века в 23-х деревнях осталось 335 дворов с населением 1 700 душ (ЦГИА ГССР, ф. 416, сп. 4, д. 50, л. 6; Волкова, 1974. С. 121). Как видно, в течение 60 лет население здесь сократилось более чем наполовину.

К XIX веку о населении обществ Северной Осетии имеются следующие данные: в 1812 году в 20 деревнях Тагаурского общества насчитывалось 1150 дворов жителей. В 1826 году в тех же 20 деревнях насчитывался 431 двор с 4600 жителями, то есть в одном дворе в среднем проживало 10,6 душ жителей. Если подушевой состав одного двора для 1812 года будем подразумевать в таком же количестве, то количество населения в 1812 году превысит 11 500 человек. В Тагаурии могли выставить 800 пеших воинов и 300 всадников, то есть на один двор приходилось три воина (Там же).

В Куртатинском обществе к 1780 году в 21 деревне насчитывалось 807 дворов. К 1812 году здесь проживало 780 дворов. К 1826 году количество дворов сократилось до 300 дворов с населением 3000 человек (Блиев, 1970. С. 35.). В 30-х годах XIX века в Куртате насчитывалось всего 23 деревни с 335 дворами и 1700 жителей (Волкова, 1974. С. 121).

В Алагирском обществе в 1812 году был 31 аул с 718 дворами и 4 500 жителями. В 1826 году в таком же количестве аулов было 668

дворов с населением 8600 душ. К 1831 году количество населения здесь достигло 9 250 душ (Блиев, 1970. С. 39). Здесь обращает внимание одна особенность. В 1812 году на один двор в среднем приходилось 6,2 душ населения, а в 1926 году – 12 душ. По этой причине, несмотря на уменьшение числа дворов, количество населения заметно увеличилось. Это было результатом того, что малоземелье не давало возможности семейным разделам.

В Дигорском обществе в 1812 году в 28 аулах насчитывалось 769 дворов, а в 1826 году в 19 аулах было 500 дворов с 4 000 жителей. В 1831 году количество мужского населения составляло 5000 душ (Там же. С. 42). Известно, что население Дигорского общества сильно пострадало от эпидемии, и поэтому непонятно, каким образом в 1826 году население обоих полов составляло 4 000 человек, а в 1831 году количество мужчин достигло 5 000 душ. Налицо факт того, что приведенные данные грешат по части точности.

Подполковник Буцковский приводит военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседей горских районов. По его данным (1812 г.) тагаурцы могут выставить 2000 пеших воинов, куртатинцы – 1 400, алагирцы – 1 600, дигорцы – 2 000, то есть всего 7 тысяч воинов (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 414, ед. хр. 300, лл. 71–72.).

Сведения про северных осетин имеются у нас и в материалах, собранных в 1846 и 1852 годах. По этим материалам дигорцы составляют 8 000 душ, алагирцы – 5 881 душу, куртатинцы – 3 818 душ, тагаурцы – 9 640 душ. Всего они составляют 27 339 душ (Краткий, 1868. С. 4). Численность населения не такая уж внушительная, но, по нашему мнению, здесь речь идет о том населении, которое осталось в этих обществах. А те, которые переселились в равнинные районы, уже не учитывались. Это мнение поддерживается данными, которые приводятся в работе М. Кипиани, посвященной изучению земельных отношений в нагорной полосе Терской области. По его данным, в 1881 году в 16 деревнях Тагаурии насчитывалось 605 дворов с 6579 жителями; в Куртате в 21 деревне – 406 дворов с 4867 жителями; в Алагире в 27 деревнях – 872 двора с 7 111 жителями, в Дигории в 26 деревнях – 772 двора с 6 977 жителями. Общее количество жителей составляет 25 534 души. В 41 деревне ущелий Заха, Нара, Зарамага и Мамисона М. Кипиани насчитывает 938 дворов с населением 6 082 души (Кипиани· 1884. С. 31–40). Этот последний регион до 1859 года входил в состав Тифлисской губернии, и поэтому его население причислялось к Южной Осетии. С 1859 года он был передан Владикавказскому округу, и с тех пор его население причислялось к Северной Осетии. С учетом населения этого региона, количество населения нагорной полосы Северной Осетии в 1881 году составляло 31 616 душ. В целом, в 1860 году население Север-

ной Осетии составляло 66 126 душ, в 1880 году – 110 914 душ, в 1900 году – 160 тысяч душ (Магометов, 1968. С. 39).

Коротко коснемся и динамики численности населения Южной Осетии. Первые конкретные сведения о количестве южных осетин датированы 1770 годом. 5-го апреля 1770 года по приказу Ираклия II для передачи данных представителю Российского правительства был составлен итоговый перечень населения Картли-Кахетии. Перечень основывался на результатах переписи населения. Такие переписи в Грузии осуществлялись периодически, но, тем не менее, до нас дошли только отдельные фрагменты. Упомянутый перечень является единственным документом, дошедшим до нас, где население царства учтено по этническому принципу. В нем приводятся следующие сведения про осетин: осетины арагвские, Закка, Трусо, Чврива, Паца и Гуда составляют 1 200 дворов (грузинское население Арагвского эриставства составляет 2 100 дворов); осетинское население Ксанского эриставства составляет 2 000 дворов (грузинское – 1 600 дворов); осетины владений Мачабели насчитывают 860 дворов; казенные осетины, Нара, Сба, Кударо составляют 1 400 дворов (Гамрекели, Цкитишвили, 1973. С. 151, 153.). По этому перечню все население Картли-Кахетии насчитывало 58 тысяч дворов, а осетинское население составляло 5 460 дворов. В перечне не учитываются те осетины, которые проживали во владениях некоторых мелких грузинских феодалов. Вместе с ними осетинское население Южной Осетии можно определить в количестве не менее 6 тысяч дворов, что составляет 1/10 часть всего населения Картли-Кахетии.

Естественно встает вопрос – сколько душ насчитывают 6 тысяч дворов? Обычно в одном дворе в среднем учитывают 5 душ, и тогда количество осетин должно определиться в 30 тысяч душ. Но следует иметь в виду, что горское осетинское население проживало в больших, неразделенных семьях, и поэтому количественный душевой состав осетин в таких семьях, естественно, превышал средний показатель. Это подтверждается и «распорядком» Ираклия II от 1791 года. В нем отмечается, что осетинские семьи не разделяются и поэтому невозможно с них брать соответствующие платежи (Древности Грузии, 1920. С. 210–212).

С присоединением Грузии к России появляются и регулярные сведения о южных осетинах. В 1802 году подполковник Симонович, осуществлявший экспедицию в Южную Осетию, в своем рапорте генералу Кнорингу – Главнокомандующему Кавказских войск, докладывал, что количество джавских осетин составляет 20 000 душ, а количество населения Малой Лиахвы, Меджуды, Ксана и Арагва – 15 000 душ (АКАК, 1867. С. 584). По его подсчетам количество южных осетин составляет 35 тысяч душ. Такое количество южных

осетин не считается преувеличением. В первом десятилетии XIX в. персы направили царевича Левана в Южную Осетию с целью подстрекания южан к восстанию. Осетины, проживавшие в Грузии, тогда насчитывали 5 000 дворов и проживали в ущельях Арагва, Ксани, Лиахва и Нара (Дубровин, 1886. С. 386).

В связи с переселением грузинских царевичей в Россию были описаны их владения и имущество. Тем самым накопились интересные сведения и об осетинах, проживавших в различных районах. Например, в связи с описанием владений царевича Вахтанга перечислены села Трусовского ущелья с указанием количества дворов и душ обоих полов: Абано (20 дворов, мужчин – 87, женщин – 59), Чаходгори (5, 16 – 13), Саватис (9, 39 – 25), Денце (12, 48 – 38), Нижнее Денце (13, 39 – 29), Караткави (19, 90 – 44), Бурмасиг (6, 28 – 17), Чочоли (10, 41 – 21), Гимара (22, 84 – 46), Уси (20, 31 – 35), Тепи (12, 31 – 35), Кетерис (10, 60 – 35), Алмаси (4, 14 – 11), Кумульская крепость (13, 46 – 34), Чино (8, 29 – 15), Ерато (13, 43 – 32), Хати (15, 42 – 35), Мамулаант кари (15, 58 – 36), Саараг-Сопелшети (10, 40 – 33), Ухати (13, 48 – 44), Коби (10, 41 – 29), Толготи (4, 6 – 11) (АКАК, Т.II., 1868. С. 82).

Всего в Трусовском ущелье в 22 селах проживало 263 двора с населением 1 638 душ. В среднем на один двор приходилось 7,3 души. В собственно Трусовской котловине (первые 11 сел) в 158 дворах проживало 991 душа, с 6 душами на один двор. Примечательно, что по данным 1776 и 1780 годов в этих 11 селах Трусо насчитывалось 73 двора (Институт рукописей, ф. Hd, док. 3507, 3906, 12211). Чем можно объяснить такую разницу? Частично естественным приростом населения, распадом семей, но, по нашему мнению, основную роль сыграло передвижение населения с севера на юг из-за эпидемии моровой язвы.

В тот же период (начало XIX века) в Жамуре (Дзимире), во владениях Иоана – сына царевича Георгия, насчитывалось 13 сел с 112 дворами и 756 душами населения (6,7 душ на один двор) (АКАК, Т.II. С. 82).

Как выглядит динамика населения Южной Осетии в XIX веке? По карте-схеме Симоновича от 1802 года осетинское население в Грузии составляло 35 тысяч человек. Если приведенное Симоновичем число соответствует действительности, то его можно увеличить на определенное количество, так как в нем не учитываются те осетины, которые обосновались в различных районах Грузии в XVIII веке (например, в деревнях Чвареби, Сахорце – в Триалетских горах, в Дигоми, Лило и др.). Этот процесс продолжался и в XIX веке.

З. Чичинадзе указывает, что к 1801 году «осетины проживали в деревнях: Дзевера, Цхинвали, Свери, Ередви, Корди, Дици, Аце-

рисхеви, Чарбети, Снекви, Белоти, Зардианти кари, Мерети, Корби, Арбо, Меджврисхеви, Меджврисхеви II, Меджврисхеви III, Дзвелети, Кирбали, Бершати, Чала, Корни, Тбети, Кусирети, Самачабло, Хвити, Потори, Маграндвалети, Чвриви, Мгвриви, Натихари, Кулбити, Ламис-Кана, Мчадиджвари, Чангилари, Мухрани, Конда, Кописачхати, Трусосхеоба, Манда, Гуда, Цхрадзма, Сно, Сиони, Шуахеви, Мтиулети, Гудамакари, Хори, Хандо, Чартали, Павлеури, Цихисгори, Авневи, Сартичала, Лило, Авлеви, Мухрани, Ананури, Мчадисджвари, Кисисхеви, Тонча, Ебниси, Чилурти, Аши, Аахави, Чонти, Жинвали, Ахалиси, Арагвиспири, Иори, Квавили, Аргуни, Бодорна, Сашабуро, Базалети, Гремисхеви, Осиаури и в других деревнях» (Чичинадзе. 1913. С. 185).

В. Абаев в своем труде «Экономическое развитие Юго-Осетии в феодально-крепостную эпоху» приводит рост численности южных осетин в следующих цифрах: в 1800 году — 30 000 человек, 1832 год — 31 000 чел., 1865 год — 40 000 чел. По его расчетам рост осетинского населения в Грузии в 1800—1865 гг. составлял 133,3 %. В этот же период рост грузинского населения составлял 153,9 %, азербайджанцев — 145,2 %, армян — 568,4 % (такой рост численности армян был результатом их массового переселения из Турции). По сравнению с другими, низкий процент роста численности осетин В. Абаев объясняет тяжелыми условиями жизни, систематическими восстаниями, высоким процентом смертности (по сравнению с грузинами смертность осетин была в 1,9 раза больше) (Абаев, 1955. С. 93—94).

В XIX веке российское правительство на Кавказе проводило камеральные переписи. В Картли-Кахетии первая перепись была осуществлена в 1805 году. В 1831—1832 годах была проведена третья камеральная перепись, но она не коснулась Южной Осетии. Сведение о населении Южной Осетии министру финансов предоставил Паскевич — Верховный правитель Кавказа. В его справке названо число населения мужского пола — 18,2 тыс. человек (Антадзе, 1973. С. 32—33). Если учесть, что число женщин в горских народах обычно было меньше числа мужчин с незначительным разрывом, то можно предположить, что общая численность населения достигала 35 тысяч. Здесь вновь не подразумеваются те осетины, которые в различные времена оторвались от районов компактного расселения осетин и проживали смешанно с грузинским населением. Они постепенно подвергались ассимиляции и больше не учитывались в численности осетинского населения.

В монографии К. Антадзе, посвященной населению Грузии XIX века (Там же. С. 88—89), приводятся данные, на основании которых складывается следующая динамика роста численности осетинского населения *(табл. № 1)***: В 1801 году численность осетинского насе-

ления составляла 31,5 тыс. человек; в 1832 году – 53,4 тыс. человек; в 1864 г. – 48,5 тыс. человек; в 1873 г. – 54,0 тыс. человек; в 1886 г. – 76,0 тыс. человек; в 1897 г. – 85,1 тыс. человек. Средний годовой прирост населения в 1801–1832 гг. составлял 0,27 %; в 1832–1864 гг. – 1,08 %; в 1864–1873 гг. – 1,08 %; в 1873–1886 гг. – 2,66 %; в 1886–1897 гг. – 1,14 %. В 1832 году удельный вес осетин в населении Грузии составлял 3,6 %; в 1866 году – 3,73 %; в 1873 году – 3,75 %; в 1886 году – 4,61 %; в 1897 году – 4,56 % (Табл. 1).

Как следует из приведенных данных, с 1801 года до 1886 года, несмотря на то, что темпы роста осетинского населения не были высокими, имеет место рост удельного веса осетин в общей численности населения Грузии. За этот период количество осетинского населения выросло с 31,5 тысяч до 76 тысяч человек с удельным весом 4,61% в общей численности населения.

Когда речь идет о численности осетинского населения в XIX веке, то следует учитывать тот факт, что в 1859 году Двалетия – ущелья Нара, Зруга, Закка и Мамисона были переданы в правление левого крыла Кавказской линии, а в результате административного деления Терской области вошли в состав Владикавказского округа. Это означало механическое уменьшение населения. В конце 20-х годов XIX века население Туалгома (так называли осетины упомянутые выше местности) составляло 5,9 тысяч человек (АКАК, т. 6, ч. I, 1874. С. 403).

В. Джаошвили считает, что с 60-х годов XIX века усилился процесс стихийного переселения осетин из Северной Осетии в Грузию. Основой такого утверждения он считает тот факт, что в 1865 году в Кутаисской и Тифлисской губерниях было всего 30 тысяч осетин, а в 1902 году только в Тифлисской губернии количество осетин составляло 82,1 тысячи, то есть, менее чем за 40 лет выросло в 3 раза количество осетин, половина которых, по мнению исследователя, являлась вновь переселенными из Северной Осетии (Джаошвили, 1968. С. 115). С конца XVIII века до 1921 года количество прибывших из Северной Осетии в Грузию иммигрантов, по его мнению, составляло 45–48 тысяч человек (Там же. С. 116).

С приведенными данными Джаошвили трудно согласиться. Если он в действительности считает, что в Грузии (в Тифлисской и Кутаисской губерниях) в 1865 году проживало 30 тысяч осетин, то проживание в Тифлисской губернии к 1902 году 82,1 тысячи осетин, действительно, дает ему возможность считать, что менее чем за 40 лет число осетин в Грузии выросло почти в 3 раза (в Кутаисской губернии количество осетин было незначительным. Например, по сведениям «Календаря Грузии» там в 1888 году проживало 3 тысячи осетин). Однако дело в том, что В. Абаев количество осетин, проживавших в Грузии к 1865 году, приравнивает к 40 тысячам,

а К. Антадзе считает их количество к 1864 году равным 48,5 тысячам человек. Разница между исходным количеством В. Джаошвили и данными К. Антадзе составляет 18,5 тысяч. А если в 1864 году в Грузии проживало 48,5 тысяч осетин, то рост количества осетинского населения в 1865—1902 годах был не то что трехкратным, но даже и двукратным не получается.

У нас имеются и несколько отличные данные. Газета «Дроеба» (1884, от 10 марта) оценивает количество осетин, проживающих в Закавказье к 1884 году, в 49 278 душ. А «Календарь Грузии» приравнивает число осетин в Тифлисской губернии в 1888 году к 53 965 душам, а в Кутаисской губернии — к 3 000 душ (Календарь Грузии. 1888. С. 57, 87). Эти данные на 19 тысяч меньше по сравнению с данными К. Антадзе на 1886 год (76 тысяч). По данным того же «Календаря Грузии», в 1884 году в Тбилисской губернии проживало до 73 тысяч осетин. (Календарь Грузии. 1894. С. 206).

К. Антадзе разделяет мнение В. Джаошвили об активной миграции осетин на территорию Грузии из Северной Осетии, что, якобы, нашло соответствующее отражение в официальных документах и грузинской периодической печати. Этим фактом якобы обусловливается ежегодный значительный прирост числа проживающих в Грузии осетин в 1873—1886 годах, больше половины которых приходилось на механическое передвижение осетинского населения (Антадзе, 1973. С. 125).

Нельзя не учитывать значение механического передвижения осетинского населения в приросте их численности в Грузии. Но вопрос состоит в том, имело ли место в действительности такое интенсивное передвижение осетинского населения из Северной Осетии на территорию Грузии во второй половине XIX века? Данные, приведенные К. Антадзе на 1864—1873 годы (от 48,5 тысяч до 54 тысяч), не подтверждают значительного прироста осетинского населения в Грузии. Такой прирост наблюдается в 1873—1886 годах, когда число осетинского населения увеличилось от 54 тысяч до 76 тысяч. Объяснение данного явления простым переселением из Северной Осетии, по нашему мнению, является сомнительным, ибо оно не подтверждается ни документальными материалами, ни грузинской периодической прессой. Из горных районов Северной Осетии переселение шло в сторону равнинных районов Северного Кавказа и осуществлялось в течение всего XIX века. В пореформенный период даже и само горское население Грузии устремилось в сторону низин Северного Кавказа, что отражено как в архивных материалах, так и в грузинской периодической печати. Что же касается 90-х годов XIX века, то в это время в Грузии, особенно в Картли, буйствовала эпидемия холеры. В таких условиях какая-либо миграция с Северного Кавказа в сторону Грузии представляется невозможной.

Официальные материалы и периодическая печать содержат сведения о движении горцев Южной Осетии в пореформенный период: они покидали места проживания своих предков и селились в низменных районах (в приходах Хидисхави, Боржоми, Сурами и т. д.) на землях частных землевладельцев в статусе «хизанов». Этот процесс нашел свое отражение и на страницах газеты «Дроеба», и в официальных документах. Согласно этим документам, в пореформенный период все жители села Кобиа Ортевского общества и села Елбачита Джавского ущелья переселились в низинные районы. Из 583 платежеспособных дворов Белотского общества 206 дворов переселились в низину; из 906 дворов Ортевского общества – 483; из 732 дворов Рокского общества – 392; из 1 178 дворов Джавского общества – 451; из 398 дворов Кемультского общества – 194 (Догузов, 1960. С. 47–48). К концу XIX века количество переселившегося населения выросло еще больше и в ряде обществ достигло 2/3 всего населения (Там же. С. 64–65).

С 90-х годов XIX века, и еще раньше, осетины селятся и в Кахетии (Алазниспирели, 1904, № 22). В этот период осетинское население появляется в Телавском, Тианетском, Борчалинском и Шорапанском уездах (Антадзе, 1973. С. 126). Но поскольку активизация переселенческого движения осуществлялась за счет горцев Южной Осетии, то она не могла оказать влияние на численность населения Южной Осетии и вызвать ее резкий прирост. Тогда чем же можно объяснить темпы роста осетинского населения в 1873–1886 годах и в последующем? Так как факты переселения осетин из Северной Осетии не подтверждаются (80-е годы XIX века в грузинской печати считаются периодом активизации переселения грузинских горцев на Северный Кавказ, а обратные явления не подтверждаются (Дроеба, 1882, 13 ноября), то следует предполагать, что отмеченный факт – заметное прибавление осетинского населения в рассматриваемый период – следует объяснять более точным учетом-фиксацией этого населения, чем это имело место в предыдущем периоде. Высокогорные районы Осетии не были столь легкодоступными для царских чиновников, чтобы там собрать точные статистические данные о количестве населения. Так как переписи населения всегда носили фискальный характер и имели военное значение, то население, как об этом пишет К. Антадзе, старалось избегать их, давая за это и взятки царским чиновникам (Антадзе, 1973. С. 59). Когда же началось массовое движение населения из высокогорных районов в сторону равнинных районов, то и его учет стал более доступным и простым, а данные стали более полными и точными.

Вполне надежные статистические данные о народах, входящих в состав Российской империи, наличествуют с 1897 года, когда осуществилась первая всеобщая перепись населения (Джаошвили, 1968.

С. 8). Цифровые материалы, существовавшие до того и приведенные нами, являются приблизительными и носят ориентировочный характер. Данная перепись населения, по сравнению с проведенными до этого, была организована на довольно высоком научном уровне. В основном она была осуществлена подобно переписям, проведенным в странах Западной Европы. Поэтому результаты этой переписи имели большое значение для уточнения населения Российской империи и, вообще, для последующего развития ее экономического и политического потенциала.

В соответствии с положением 5 июня 1895 года организация проведения переписи была возложена на министерство внутренних дел. В связи с нехваткой кадров в качестве переписчиков были привлечены военнослужащие запаса, учителя и служители культа.

Бланк переписи 1897 года содержал следующие вопросы: фамилия, имя, отчество, пол, отношение к старшему семьи, семейное положение, место рождения, место прописки, место жительства, вероисповедание, родной язык, грамотность, деятельность, отношение к военной службе и т.д. Однако исходя из вопросов анкеты, перепись имела серьезные недостатки. Она не давала правильного представления о социальном положении населения; национальная принадлежность определялась на основе родного языка, что часто не совпадает с национальной принадлежностью. Большие трудности возникали и в связи со статистической обработкой результатов переписи. При этом «установление родного языка по переписи 1897 года осуществлялось не по разговорному языку, а по тому языку, который переписываемый считал родным, то есть объективный критерий был заменен субъективным критерием, что не всегда соответствовало действительности» (Антадзе, 1973. С. 50). Известно, что родной язык определить национальность по знанию или незнанию родного языка нельзя. Такое положение отчетливо прослеживается в тех народах, в которых процесс ассимиляции протекает более ускоренно.

Недостатком переписи 1897 года считалось и то, что некоторые переписчики распространяли провокационные слухи о том, что целью переписи является определение количества налогоплательщиков и призывников. По этой причине население старалось избегать переписи, а в некоторых случаях и давало взятки, чтобы всех членов семьи не вносили в списки переписи. Несмотря на это, перепись населения Российской империи 1897 г. имела большое политическое и хозяйственное значение для всех наций и национальностей, входящих в состав империи ***.

По переписи 1897 г. население бывшей Владикавказской области, где в основном проживали осетины, за исключением города Владикавказа, составляло 91 207 душ. Из них 46 186 составляли мужчины, а 45 021 – женщины.

Осетины, проживавшие в Грузии, входили в состав Тифлисской и Кутаисской губерний. В Тифлисской губернии проживало 1 051 032 человека обоих полов. В их числе осетины составляли 80 860 человек, или 6,4 % от всего населения. Из 1 058 241 чел. населения Кутаисской губернии осетины составляли 4 240 человек, или 0,4 % всего населения. Таким образом, в Тифлисской и Кутаисской губерниях по переписи 1897 года проживало 85,1 тысячи осетин (Первая, 1905. С. 8). В общем, по переписи 1897 года на Северном Кавказе и в Грузии проживало 176 307 осетин. Из них 171,7 тысяч родным языком считали осетинский язык (Современные. С. 39). При этом следует отметить, что количество осетинского населения в Российской империи, по всей вероятности, было больше, ибо кроме указанных регионов осетины проживали и в других местах Российской империи, однако ввиду их малочисленности в графе «и другие» в переписи 1897 г. не указывались. По сведениям А. Газулова, по переписи 1897 г. на Северном Кавказе проживало 98 587 осетин (Газулов, 1929. С. 188). Население же Северной Осетии, за исключением Владикавказа, по упомянутой переписи составляло 91 207 человек, то есть разница составляла 7 380 человек, которые проживали во Владикавказе и за пределами территории Осетии.

Какие могут быть сделаны выводы на основании этих фрагментарных и часто сомнительных, с точки зрения точности, данных? Приведенные данные и учет исторической ситуации не оставляют сомнений в том, что процесс этнического развития осетинского народа был сложным. Благоприятные условия для роста численности и развития осетинского народа создавались редко, но и те были краткосрочными. Такие благоприятные условия были у осетинского населения в первых веках нашей эры – до нашествий гуннов; потом в X–XIII вв., в период существования раннефеодального государства осетин, которые были прерваны разрушительными последствиями нашествий монголов, а сам осетинский народ оказался под угрозой физического уничтожения.

Осетинский народ вел героическую самоотверженную борьбу за свою свободу и независимость. Потерпев поражение в неравной борьбе, одна часть осетинского населения нашла выход в переселении по разным направлениям, где они смешались с другими народами и потеряли свою национальную идентичность. Свое физическое существование и этнический облик сохранила та часть осетин, которая укрылась в ущельях Кавказских гор. Присоединение к России (в конце XVIII века) и возвращение на прежние места жительства на равнине дали возможность не только физического (количественного), но и духовного роста осетинского населения. Советская власть включила осетинский народ в ряды активных строителей нашей

социалистической родины; улучшились условия быта осетинского народа, способствовавшие его прогрессу в различных сферах общественной жизни.

После победы Советской власти несколько раз проводилась Всесоюзная перепись населения. Материалы переписей опубликованы в отдельных книгах, что дает возможность точно проиллюстрировать динамику количественного и культурного роста и развития осетинского населения.

Таблица 2

Население Северной Осетии по округам

Округа	Муж.	Жен.	Всего	% ко всему населению
Поселок-город типа Беслан	822	796	1618	1,1
Правобережный округ	17729	18192	35921	23,5
Пригородный округ	11717	11402	23119	15,2
Алагиро-Ардонский округ	16662	16735	33397	21,9
Дигорский округ	19538	19604	39142	25,7
Затеречный округ	9372	9866	19238	12,7
Всего	75840	76595	152435	100

По переписи 1926 года все население Северной Осетии составляло 152 435 человек. В том числе мужчин – 75 840, женщин – 76 595. Из них 128 321 чел., или 84,2 % составляли осетины, русские 6,6 %, а население других национальностей – 9,2 %. В общей сложности на Северном Кавказе проживало 155 403 осетина. По количеству населения осетины занимали четвертое место после русских, украинцев и чеченцев. Абсолютное большинство осетин, живших на Северном Кавказе, проживало на своей национальной территории – 128 321, а в других районах Северного Кавказа – 27 082 осетина. Из них 7 778 человек проживало в национальных областях, а 19 291 – в русских областях. Из национальных областей осетины проживали в Кабардино-Балкарии – 4 078, в основном в Урванском районе (1 974 осетина); в Малой Кабарде – 73; в Нальчикском районе – 600; в Прималкинском районе – 425; в Казачете – 315.

В Карачае проживало 3 088 осетин. Большинство из них (3 049) жили в Хумарском районе. Из русских областей осетины в основ-

ном проживали в Терской области (7375), в Моздокском районе (4 416) и в Прохладненском районе (2 659). Во Владикавказской области проживало 10799 осетин[5]. По переписи 1926 года население Южной Осетии составляло 87 375 человек (ЗСФСР в цифрах, 1929. С. 5). Из этого числа мужчины составляли 45 535, женщины – 41 840. Из общего числа населения осетины составляли 60 351 человек, грузины – 23 538, евреи – 1779, армяне – 1374, другие национальности – 333 человека. Вообще же к 1926 году во всей Грузии проживало 113 298 осетин, что составляло 4,3 % населения Грузии.

В 14 административных районах Южной Осетии по переписи 1926 года насчитывалось 534 села и один город Цхинвал с общим числом дворов 12 950, с населением 87 375 и количеством душ 6,8 на один двор. К этим административным районам относились: Андорети (68 сел с количеством дворов 1319 и населением 9398 душ); Ахалгори (45 – 137 – 7 820); Белот (31 – 414 – 2 469); Джава (41 – 796 – 4 444); Кемулта (23 – 386 – 2 702); Корнис (15 – 846 – 4 999); Кударо (38 – 715 – 5 503); Лехура (40 – 929 – 6 443); Монастери (74 – 954 – 6487); Окона (37 – 1241 – 7 394); Ортев (24 – 1 061 – 6 071); Рока (41 – 447 – 3 007); Цунари ((30 – 912 – 5 732); Цхинвал (27 – 1 623 – 9 088).

Кроме территории автономной области Южная Осетия осетины проживали и в других районах Грузии. В Горийском уезде проживали 27 575 осетин. Из них в Ахалсопельской общине – 3 319, в Бакурианской – 595, в Горийской – 1 644, в городе Гори – 1 739, в Дибрской общине – 239, Згудерской – 4 964, Карелской – 3065, Квемо Чалской – 2 934, Меджврисхевской – 193, Ормоцской – 2 193, Тквиавской – 242, Хциской – 2 055, Цагверской – 2 722, Цителкалакской – 387, Шиндиской – 37 и т.д.

В Сигнагском уезде проживали 5018 осетин. Из них 1644 осетина проживали в Байсубанской общине, 1203 – в Апенской общине, в Лелианской общине – 1 517, в Лагодехской – 350 и т.д.

В Душетском уезде проживали 8 326 осетин. Из них 1 180 проживали в Базалетской общине, в Кобской – 3 111, в Мчадиджварской – 1 865, в Ананурской – 389, в Мисакциельской – 679, в Мухранской – 229, в Сагурамовской – 326, в Чопортской – 401 и т.д.

В Телавском уезде осетин насчитывалось 5 116 человек. Отсюда наибольшее количество проживало в следующих общинах: в Земо Ходашенской – 1 748, в Пшавельской – 1 052, в Джокольской – 938, в Ахметской – 614, в Кварельской – 312, в Напареульской – 220, в Ахали Гавазской – 2–8 и т.д.

---

[5] До образования СО АССР город Владикавказ являлся отдельной административной единицей (Гузулов, 1929. С. 174).

Из 412 осетин, проживающих в Рачинском уезде, в селе Схвави Абарской общины проживали 383, а 12 – в Они и т.д.

Из 334 жителей-осетин Ахалкалакского уезда 332 проживали в Аластанской общине.

Довольно большое количество осетин проживало и в Тифлисском уезде. Не считая Тбилиси, в этом уезде проживало 2 880 осетин обоих полов (Всесоюзная перепись, 1929. С. 11–30). В 1926 году в Тбилиси проживали 2 890 осетин (Хачидзе, 1958. С. 17).

По переписи 1926 года суммарное количество населения автономных областей Северной Осетии и Южной Осетии составляло 239 810 человек. Из них 188 672 были представителями осетинской национальности. В общем же к 1926 году во всем Советском Союзе проживали 272 231 осетин обоих полов.

Представляет интерес показатель естественного роста населения отдельных национальностей в 1926 году по сравнению с 1897 годом. В течение этого периода рост численности русских составлял 143 %, украинцев – 154 %, белорусов – 133 %, грузин – 137 %, армян и хемшинов – 147 %, осетин – 159 %, литовцев и жмудов – 230 %, латышей – 208 % и т.д. В инструкции переписи критерий определения родного языка был выбран следующим образом: «Родным языком считается тот язык, который респондент знает лучше или на котором он обычно говорит». Результатом такой постановки вопроса явилось то, что из 113 298 осетин, проживавших в Грузии, только 57 459 посчитали осетинский язык своим национальным языком. Остальные национальным языком считали тот язык, на котором они лучше могли говорить.

Деление населения Северной и Южной Осетии по родному языку по состоянию на 1926 год выглядит следующим образом. В автономной области Северная Осетия всего проживало 152 368 человек. Из них осетины составляли 128 325 человек (84,3 %), русские – 20 192 (13,3 %), украинцы – 891 (0,6 %), немцы – 1 462 (0,9 %), грузины – 511 (0,3 %), татары – 120 (0,1 %), армяне – 296 (0,2 %)

Все население Юго-Осетинской автономной области составляло 87 743 человека. Из них осетины – 60 819 человек (69,2 %), грузины – 23 460 (26,8 %), евреи – 1 781 (2,0 %), армяне – 1367 (1,6 %), русские – 157 (0,2 %), остальные – 166 (0,2 %) (табл. 4).

Из приведенных данных следует, что и в Северной Осетии, и в Южной Осетии первое место в качестве родного языка занимает осетинский язык. По этим данным для 13,3 % населения Северной Осетии вторым языком является русский язык, несмотря на то, что количество русских не превышало 6 %.

В автономной области Южная Осетия второе место после осетинского языка занимает грузинский язык. К 1926 году 26,8 % населения Южной Осетии составляли грузины.

Определенные изменения произошли и в сфере развития культуры осетинского народа. Примечательно, что в армии царской России служили 2 580 офицеров и до 40 генералов осетин (Северная Осетия, 1939. С. 132). Это обстоятельство указывает на стремление осетинского народа к образованию, а в достижении такой цели более выгодными для них были военные училища. При этом следует отметить и то, что получение образования было доступно в основном для зажиточных слоев населения. После установления Советской власти все слои осетинского народа получили широкие возможности стать грамотными и образованными. В Северной Осетии по переписи 1926 года из каждой 1 000 жителей грамотой владели 275 человек. Этот показатель для осетин составлял 129 человек, или 12,9 %. Из осетин, проживавших в закавказских республиках, грамотой владели 14,3 %. Число населения от пяти лет и старше, владеющих грамотой, в автономной области Южной Осетии городское население составляло 55,3%, а сельское — 15,9%. В среднем же число владевших грамотой в автономной области среди населения указанного возраста составляло 18 % (Хачидзе. 1958. С. 13).

По этим показателям, то есть по числу грамотных на каждую тысячу жителей, Северная Осетия (36,1 %) уступала только СССР (44,5 %), РСФСР (45,7 %), Белоруссии (46,1 %) и Украине (51,8 %), другие республики (ЗСФСР — 26,5 %, Узбекская ССР — 3 %, Туркменская ССР — 4 %) опережала. Однако она заметно уступала русским областям Северного Кавказа. Например, в Донецкой области из каждой 1000 жителей грамотой владели 569 человек, в Таганрогской — 504, Кубанской — 458, Майкопской — 426, Армавирской — 424, Сальской — 408, Сунджской — 400. Что же касается соседних национальных единиц, то Северная Осетия их опережала по этим показателям. Например, в Кабардино-Балкарской автономной области этот показатель составлял 142 человека на каждую тысячу жителей, в Черкесской автономной области — 136, Карачаевской автономной области — 121, Ингушской автономной области — 88, Чеченской автономной области — 45 человек (Антонов, 1928. С. 29—31, табл. 5).

После 1926 года очередная Всесоюзная перепись населения была проведена 17 января 1939 года. В материалах этой переписи нашли отражение те успехи, которых достигли народы нашей страны, и в том числе осетины, в развитии всех отраслей народного хозяйства и культуры. По данным этой переписи в Северо-Осетинской автономной республике проживало 407 850 человек. Из них городское население составляло 174 167 человек, или 42,6 %, а сельское население — 233 683 (57,4 %). По этой же переписи население Юго-Осетинской автономной области составляло 106 118 человек, среди них 13 810 — городское население и 92 308 — сельское население.

Из приведенных данных видно, что к 1939 году население Северной Осетии по сравнению с 1926 годом (152 435) увеличилось на 255 415 человек, а Южной Осетии только на 18 743 человека. Вообще же по Всесоюзной переписи 1939 года в Советском Союзе проживало 346 500 осетин. Следует отметить, что материалы Всесоюзной переписи населения 1939 года из-за Отечественной войны не были в полной мере использованы для дальнейшего планирования и развития народного хозяйства и культуры нашей страны.

Для планирования послевоенных пятилеток необходимо было проведение Всесоюзной переписи населения. Для этой цели было решено провести Всесоюзную перепись населения 15 января 1959 года. В бланке переписи было предусмотрено 15 вопросов, на которые должен был ответить каждый человек. Такая программа переписи давала возможность довольно полного изучения состава и структуры населения Советского Союза по основным демографическим признакам.

По Всесоюзной переписи населения 1959 года в Северной Осетии проживало 450 581 человек разных национальностей. Из них осетины составляли 215 464 человека (47,8 %), русские – 178 654 (39,6 %), армяне – 12 012 (2,7 %), украинцы – 9 362 (2 %), грузины – 8 160 (1,8 %), ингуши – 6 071 (1,3 %), дагестанские народы – 4 780 (1,1 %), евреи – 1 082 (0,5 %), кабардинцы – 1 956 (0,4 %), другие национальности – 10 854 (2,4 %).

Население Юго-Осетинской автономной области составляло 96 807 человек. Из них осетины составляли 63698 человек (65,8 %), русские – 2 380 (2,5 %), армяне – 1 555 (1,6 %), грузины – 26 784 (27,5 %), евреи – 1 723 (1,8 %).

По переписи 1959 г. общая численность осетин в Северо-Осетинской автономной республике и Юго-Осетинской автономной области составляла 279 162 человека. Из 450 581 жителя Северной Осетии городское население составляло 237 454 человека, сельское население – 213 127 человек. Городское население составляло 53 %, против 43 % в 1939 году. Из 96 807 жителей Юго-Осетинской автономной области 23 961 человек, или 25 %, составляло городское население, а сельское население – 72 846 человек (75 %). Из приведенных данных явствует, что за 20 лет (с 1939 по 1959 гг.) население Северо-Осетинской автономной республики увеличилось на 42 731 человек, а население Юго-Осетинской автономной области, наоборот, сократилось на 9 311 человек. Такое противоположное изменение численности населения объясняется различными причинами. Вообще, в результате Великой Отечественной войны заметно сократилось население как Северной Осетии, так и Южной Осетии. Рост населения в Северной Осетии вызван тем, что с 1944 года г. Моздок со всеми районами был отделен от Ставропольского края и

присоединен к Северо-Осетинской автономной республике. В 50-х годах из Южной Осетии, а также из числа осетин, проживавших на склонах Триалетских гор, произошла миграция населения в Северную Осетию и в различные районы Грузии. С конца войны вплоть до 1953 года из Южной Осетии за пределы области переселился 1 051 двор с населением 21 206 человек. Большинство из них переселились в Северную Осетию, а часть — в различные районы Грузии (Партархив Юго-Осет. обкома, ф. 59, оп. 5, лист 13).

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 года в Советском Союзе проживало 412 592 осетина. Из этого количества 367 810 считали своим родным языком осетинский язык, 20 309 — русский язык, 24 473 — другие языки. Из этих других языков первое место занимал грузинский язык. 17 280 осетин родным языком назвали грузинский язык (9 429 мужчин и 7 771 женщина) (Итоги, 1962. С. 184—189). В итоге 44 782 осетина (10,8 %) родным языком считали русский язык и языки других национальностей. В этом отношении в соседних осетинам народах ситуация выглядела иначе. Например, из 2 691 950 грузин только 36 830 (0,2 %) считали русский и другие языки родным языком. Население Дагестана в два раза (944 213) превышало численность осетин, а русский и другие языки родным языком считали только 35 866 человек (0,4 %). Из 418 756 чеченцев назвали родным языком русский и другие языки 4 832 (0,2 %), а из 203 620 кабардинцев 4 328 (0,2 %) считали русский и другие языки родным языком. Это свидетельствует о том, что процесс ассимиляции осетин шел сильнее, чем в среде соседних народов, и такая тенденция с каждым годом расширялась. Причин этого процесса мы коснемся ниже.

Большие сдвиги произошли и в области образования. По переписи 1959 года в Северо-Осетинской автономной республике на 1000 жителей приходилось 27 человек с высшим образованием, тогда как этот показатель образования в 1939 году составлял 8 человек (Народное хозяйство, 1964. С. 17). То есть, число лиц с высшим образованием за 20 лет выросло в 3,4 раза, и по этому показателю Северная Осетия опережала общесоюзный уровень, который составлял 18 человек. По этому показателю Северо-Осетинская автономная республика опережала РСФСР (19), Украинскую (17), Белорусскую (12), Узбекскую (13), Казахскую (12), Азербайджанскую (21), Литовскую (13), Молдавскую (10), Латвийскую (21), Киргизскую (13), Таджикскую (10), Туркменскую (13) и Эстонскую (21) республики (Итоги, 1962. С. 85). В этом отношении только Грузинская (38) и Армянская (28) ССР опережали Северо-Осетинскую автономную республику. В Юго-Осетинской автономной области по переписи 1959 года вышеуказанный показатель был довольно высоким и составлял 28 человек, уступая по этому показателю только

Грузии. В 1959 году в Северной Осетии на 1000 жителей приходилось 315 человек с высшим, средним и неполным средним образованием. И по этому показателю Северная Осетия опережала все другие Союзные республики, кроме Латвийской ССР. Указанный показатель в Южной Осетии достигал 351 человек ****.

Достигнутый высокий уровень образования населения не остался без результатов. В послевоенный период многие осетинские ученые стали именитыми. Среди них нельзя не упомянуть выдающегося ученого, лауреата Государственной премии СССР и премии им. К. Хетагурова профессора В.И. Абаева; лауреата Ленинской премии, академика АН Казахской ССР Р.А. Борукаева; лауреата Ленинской и Государственной премий, члена-корреспондента АН Казахской ССР Д.Ц. Медоева; лауреатов Ленинской премии, геологов Д.А. Такоева и С.М. Абаева; дважды лауреата Государственных премий Т.М. Золоева; лауреатов Государственных премий А.Б. Дзарданова, В.К. Гуцунаева, Г.Х. Габуева, Х.Д. Кудзиева, Р.И. Джиоева. В 1951 году Государственная премия была присуждена Бутаевой Фатиме Асланбековне за изобретение и создание люминесцентной лампы вместе с С.И. Вавиловым, В.А. Левшиным, В.А. Фабрикантом, М.А. Константиновым и В.И. Долгополовым.

В эти годы плодотворной научной деятельностью занимались заведующий кафедрой политической экономии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, лауреат премии Н.Г. Чернышевского, доктор экономических наук, профессор Н.А. Цаголов; заведующий кафедрой Московского университета имени Патриса Лумумбы, профессор Т. Берозов; доктор исторических наук Ш.Ф. Санакоев; доктор геологических наук, профессор А.Г. Лалиев; доктор медицинских наук Б. Карсанов; доктор философских наук О. Джиоев; военный историк, доктор исторических наук Д. Муриев; доктора медицинских наук С.Б. Дзугаева и Т.Т. Даурова; доктор биологических наук Ф.В. Хетагурова; доктор исторических наук О.Е. Туганова. В области искусства широкую известность приобрела первая в мире женщина-дирижер, народная артистка СССР Вероника Дударова; балетмейстер Большого театра в Москве Светлана Адырхаева; известная артистка цирка Дзерасса Туганова и мн. др.

После переписи 1939 г. мирный созидательный труд советского народа был нарушен вероломным нападением фашистской Германии. Советский народ встал на защиту свободы и независимости своей Родины. В эту борьбу и в победу над врагом внес свой достойный вклад и осетинский народ. Из его рядов выдвинулись 29 генералов. В их числе: известный военачальник, дважды Герой Советского Союза и Герой Монгольской народной республики, генерал армии И.А. Плиев; Герой Советского Союза, генерал армии, доктор технических наук Г.И. Хетагуров; Герой Советского Союза,

генерал-полковник Х.Д. Мамсуров; Герой Советского Союза, генерал-майор И.М. Дзусов; генералы М.С. Бароев, Х.Е. Бритаев, В.А. Гацолаев, А.Б. Дзилихов, Б.Н. Дзоцоев, Г.Н. Караев, А.К. Кесаев, М.Б. Коцоев, И.М. Мамсуров, Б.В. Мамсуров, С.Н. Огоев, Л.А. Сланов, А.И. Харебов, З.А. Харебов, В.Д. Хубулури, Х.А. Худалов, генерал-майор медицинской службы С.А. Калоев, генерал-майоры И.З. Бестаев, К.И. Джиоев.

В Великой отечественной войне высокого звания Героя Советского Союза из Северной и Южной Осетии удостоились 55 воинов, из них 35 были осетинами, а именно: С.М. Абаев, Е.Б. Ахсаров, Г.Н. Бзаров, П.С. Билаонов, С.А. Бицаев, Г.Д. Бутаев, А.М. Гагиев, А.А. Гагкаев, И.М. Дзусов, Д.Т. Доев, Г.А. Калоев, А.А. Кораев, А.Н. Карасаев, К.Д. Карсанов, А.Н. Кесаев, А.Н. Кибизов, С.К. Коблов, А.Б. Козаев, С.Д. Козонов, Г.Н. Корнеев, К.Г. Кочиев, П.Н. Кцоев, А.А. Макеев, Х.Д. Мамсуров, Х.З. Мильдзихов, Б.Н. Моргоев, А.Е. Остаев, Г.Л. Сабанов, К.П. Тогузов, Г.И. Хетагуров, К.Е. Ходов, Г.Д. Цоколаев, И.Д. Цховребов, В.С. Чочиев. По количеству героев в пересчете на тысячу жителей осетины занимают первое место в Советском Союзе. За проявленные мужество и отвагу на фронтах Отечественной войны советскими орденами и медалями были награждены 60 тысяч воинов-осетин. Поэтому не случайно ЦК КП(б) и Совет народных комиссаров в приветствии по случаю 20-летия Северо-Осетинской автономной республики отмечали: «Сыны осетинского народа в борьбе с гитлеровскими захватчиками показали образцы героизма и мужества». Известный советский писатель П. Павленко в годы войны писал: «Слово «осетин» с уважением произносится на всех фронтах Отечественной войны, ибо осетины показали себя храбрыми и честными воинами».

Из Северо-Осетинской АССР на фронты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ушли 89 934 гражданина республики. Из них более 45 500 человек не вернулось с полей сражений. Большое горе выпало на долю матерей Северной Осетии, как и матерей всей страны. Не вернулись с полей сражений 7 братьев Газдановых из села Дзуарикау; 7 братьев Кобегкаевых из с. Донифарс; 6 братьев Темировых и 5 братьев Токаевых из с. Чикола; 5 братьев Каллаговых, 5 братьев Гуриевых и 5 братьев Тургиевых из с. Кадгарон; 5 братьев Бясовых и 5 братьев Балоевых из с. Сурх-Дигора; 5 братьев Сосиевых из ст. Черноярская; 5 братьев Дзоблаевых из г. Дигора; 5 братьев Тахоховых из с. Хумалаг; 5 братьев Бароевых и 5 братьев Басаевых из с. Эльхотово; 5 братьев Вазаговых из с. Дур-Дур; 5 братьев Дигуровых из с. Дарг-Кох; 5 братьев Кесаевых из г. Алагир; 5 братьев Дзебоевых из с. Даргавс. 52 семьи в Северной Осетии потеряли по 4 сына на фронтах Великой Отечественной войны (Худалов, 1992. С. 262–264).

Очередная Всесоюзная перепись населения была осуществлена 15 января 1970 года. По данным этой переписи население Северо-Осетинской автономной социалистической республики составляло 552 581 человек. Из них осетины составляли 269 326 человек, русские 202 367, ингуши – 18387, армяне – 13 355, грузины – 10 323, украинцы – 9 250, дагестанцы – 7 879, корейцы – 2 521, кабардинцы – 2 168, немцы – 2 099, евреи – 2 044, татары – 1 658, белорусы – 1 406, чеченцы – 1 402, другие национальности – 5 439 человек. Отсюда явствует, что больше половины (283 255 человек) населения многонациональной Северо-Осетинской автономной республики составляли представители других национальностей. Количество же населения Северо-Осетинской автономной республики с 1959 до 1970 года выросло на 102 тысячи человек (22,7 %).

Население Юго-Осетинской автономной области по переписи 1970 года составляло 99 421 человек. Из них осетины составляли 66 073, грузины – 28 125, русские – 1 574, армяне – 1 254, евреи – 1485, украинцы – 502, белорусы – 35, азербайджанцы – 62, греки – 70, другие национальности – 241 человек. С 1959 до 1970 года количество населения Юго-Осетинской автономной области выросло незначительно – на 2 614 человека. Причина такого незначительного роста заключалась в том, что имела место интенсивная миграция населения с территории области за ее пределы. По данным переписи 1970 года на местах переписи осетинского населения 13,3 тысячи осетин (3,1%) оказались жителями, проживающими в этой местности менее двух лет. В этом отношении осетины являются более подвижным народом, чем другие, проживавшие по соседству. Основной причиной такого явления является миграция населения из гор на равнины и в города.

По Всесоюзной переписи населения 1970 года в Советском Союзе проживало 488 039 осетин. Из них 432 589 человек родным языком считали осетинский язык, 26 546 – русский язык, 27 тысяч – грузинский язык.

Из общего числа осетинского населения мужчины составляли 238 218 человек, женщины – 249 821, то есть численность женщин была больше на 11 603 человека. Из общего числа осетинского населения в городах проживало 260 048 человек, в сельской местности – 227 991 человек, то есть количество осетин, проживающих в городах, превышало сельское население на 32 157 человек.

Из общего количества осетинского населения, проживавшего в Советском Союзе по переписи 1970 года (488 039 осетин), на территории Северо-Осетинской автономной республики и Юго-Осетинской автономной области проживало 335 399 осетин, остальные 152 740 осетин проживали вне собственной территории.

Таблица 6

Расселение осетин в пределах СССР (данные 1970 г.)

	Место проживания	**Численность осетин**
1.	РСФСР	313 458
2.	Северо-Осетинская АССР	269 326
3.	Юго-Осетинская АО	66 073
4.	Кабардино-Балкарская АССР	9 167
5.	Ставропольский край	7 713
6.	Москва	3 676
7.	Чечено-Ингушская АССР	2 652
8.	Ростовская обл.	1 666
9.	Краснодарский край	1 640
10.	Дагестанская АССР	1 633
11.	Таджикская ССР	5 755
12.	Украинская ССР	4 554
13.	Узбекская ССР	4 003
14.	Казахская ССР	3 491
15.	Азербайджанская ССР	2 315
16.	Туркменская ССР	1 887
17.	Карачаево-Черкесская АО	3 724
18.	Грузинская ССР (с Южной Осетией)	150 186

Кроме того, малочисленные группы осетин проживали в различных городах и селах СССР, данные о которых из-за их незначительности не учтены.

Кроме перечисленных автономных республик, областей и краев РСФСР, осетины в довольно большом количестве проживали в г. Ленинграде и в других городах и населенных пунктах Российской Федерации.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года в Грузии проживало 150 185 осетин. Довольно значительное количество этого осетинского населения проживало в городах и других районах Грузии, в том числе в городах: Тбилиси – 21 797, Кутаиси – 429, Рустави – 3 224, Гори – 5 763, Поти – 96, Зугдиди – 30, Чиатура – 65, Ткибули – 143; в районах республики: Абашском районе – 17,

Адигенском – 89, Амбролаурском – 13, Аспиндзском – 3, Ахалкалакском – 32, Ахалцихском – 124, Ахметском – 4419, Богдановском – 14, Болнисском – 411, Борджомском – 3 842, Ванском – 11, Гардабанском – 1 190, Гегечкорском – 25, Горийском – 5 815, Гурджанском – 646, Дманисском – 31, Душетском – 2 011, Зестафонском – 85, Зугдидском – 41, Казбекском – 983, Карелском – 9 019, Каспском – 5 372, Кварелском – 1 267, Лагодехском – 5 466, Ланчхутском – 2, Марнеульском – 74, Махарадзевском – 136, Маяковском – 11, Местийском – 9, Мцхетском – 1 765, Онском – 443, Орджоникидзевском – 39, Сагареджойском – 203, Самтредийском – 83, Сачхерском – 56, Сигнагском – 67, Телавском – 736, Терджольском – 38, Тетрицкаройском – 2 284, Тианетском – 301, Хашурском – 3 121, Хобском – 23, Цагерском – 1, Цаленджихском – 90, Цалкском – 89, Цителцкаройском – 166, Цулукидзевском – 90, Цхакайском – 50, Цкалтубойском – 101, Чохатаурском – 25, Чхороцкуйском – 8 осетин.

В городах и селах Абхазской АССР осетины проживали: в городах Сухуми – 193, Ткварчели – 213, в Гагрском районе – 189, Галском – 95, Гудаутском – 182, Гулрипшском – 97, Очамчирском – 76, Сухумском – 169. Всего в Абхазии проживало 1 214 осетин.

Осетины проживали и в Аджарской АССР – в городе Батуми 201, в Хелвачаурском районе – 41, Кедском районе – 3, Кобулетском – 141, Хулойском – 5. Таким образом, по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года в городах и селах Грузинской ССР (за исключением Юго-Осетинской автономной области) проживало 84 112 осетин. То есть количество осетин, проживавших в городах, районах и селах Грузинской ССР, на 17 тысяч превышало количество осетин, проживавших в собственно Юго-Осетинской автономной области.

Демографический анализ осетинского населения Грузинской ССР показывает, что количество осетинского населения со 141 тысячи в 1959 году выросло до 150 тысяч в 1970 году, то есть рост составил 9 тысяч человек. В этот же период население грузинской национальности увеличилось на 530 тысяч человек, в результате чего удельный вес грузин в Грузинской ССР с 64,3 % в 1959 году вырос до 82,6 % в 1970 году. Удельный же вес осетинского населения в Грузинской ССР в тот же период сократился с 3,5 % в 1959 году до 3,2 % в 1970 году. И это при том, что естественный прирост осетинского населения опережал естественный прирост грузинского населения. Например, если в 1964–1968 гг. в качестве показателя естественного прироста грузинского населения возьмем 100, то аналогичный показатель естественного прироста азербайджанского населения в Грузии составит 245, абхазов – 143, осетин –142, армян –

104 (Микадзе, 1971. С.19). О низком уровне фертильности грузинских женщин говорит и академик Паата Гугушвили. Анализ приведенных цифровых показателей дает возможность для вывода о том, что хотя темпы естественного прироста осетинского населения в Грузии были сравнительно выше, тем не менее, удельный вес осетинского населения постепенно уменьшается. Например, по переписи населения 1897 года осетины в Грузии составляли 3,7 % всего населения Грузии, в 1926 году – 4,3 %, 1939 году – 4,2 %, 1959 году – 3,5 %, а в 1970 году этот показатель сократился до 3,2 % (Гугушвили, 1973. С.17).

В Южной Осетии количество населения в 1959 году по сравнению с 1939 годом уменьшилось на 8,7 %, тогда как в Грузинской ССР в этот же период количество населения увеличилось на 14,2 %. Как было отмечено выше, по данным Всесоюзной переписи населения в 1970 году в Южной Осетии проживало 99 421 человек, то есть в течение 11 лет (1959–1969 гг.) рост населения области составил 2 614 человек (2,7 %), тогда как население Абхазской АССР выросло на 20,3 %, Аджарской АССР – на 20 %, а рост всего населения Грузинской республики составил 15,9 %. Примечательно, что этот показатель для Северо-Осетинской автономной республики составил 22,7 % (Кабулов, 1972. С. 11). В связи с этим следует сказать, что Северная Осетия занимает одно из первых мест и по продолжительности жизни. Здесь к апрелю 1979 года насчитывалось более 700 человек, которым перевалило за 100 лет (Советский Союз, 1979, № 4(350). С. 31). До 1939 года удельный вес самих грузин уменьшался, а с этого периода постепенно увеличивался.

Процесс ассимиляции наблюдается и у северных осетин. Например, к 1926 году в общем количестве всего населения республики осетины составляли 50,3%, в 1959 году – 47,8%, а в 1979 году – 48,7%. По переписи 1926 года удельный вес русских в республике составлял 6,6%, в 1939 году этот показатель увеличился до 37,2%, в 1959 году – до 39,6%, а к 1970 году составил 36,6 %.

Как видно из приведенных показателей, удельный вес осетин в республике постепенно уменьшался, а русских увеличивался. Рост численности русского населения в республике объясняется не только механическим передвижением русских. Такое обстоятельство является результатом и того, что многие осетины вместо родного языка стали общаться и разговаривать на русском языке и, в конце концов, в ходе переписи записываются русскими. Из 488 039 осетин, проживавших в Советском Союзе (перепись 1970 г.), 88,6% назвали родным языком осетинский язык. Вторым языком – русским – свободно владели 58,6% всего осетинского населения, и по этому показателю осетины опережали: украинцев (36,3), узбеков (14,5%), белорусов (49,0%), казахов (41,8%), азербайджанцев (16,6%),

армян (30,1%), грузин (21,3%), молдаван (36,1%), литовцев (35,9%), таджиков (15,4%), туркменов (15,4%), киргизов (19,1%), латвийцев (45,2%) и т.д. (Итоги, 1972. С. 9).

Определенных успехов достигли осетины и в области образования. На территории Северо-Осетинской автономной республики на каждые 1000 человек старше 10-летнего возраста приходится 52 человека с высшим образованием, то есть этот показатель за 11 лет (1959–1970) увеличился на 22 человека. Количество лиц со средним специальным образованием с 1959 года до 1970 года увеличилось с 46 до 75 человек, число лиц со средним образованием – со 105 до 153 человек. На этом фоне сократилось число с неполным средним образованием с 236 до 207 учащихся.

В общем же, по Всесоюзной переписи населения 1970 года среди осетин Северо-Осетинской автономной республики число лиц с полным и неполным, а также с высшим образованием на каждые 1 000 человек старше 10-летнего возраста достигло 515 и этим показателем опережало русских (508), украинцев (476), белорусов (438), узбеков (412), казахов (390), азербайджанцев (424), латвийцев (353), молдаван (338), киргизов (400), таджиков (390), туркменов (430), эстонцев (462) и т.д. По показателю уровня образования осетины Северной Осетии отставали только от армян на 3 человека, а от грузин – на 60 человек.

В Грузии, по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, на каждые 1000 человек старше 10-летнего возраста приходилось 413 человек с высшим, полным и неполным средним образованием *****.

По очередной Всесоюзной переписи населения 1979 года население Советского Союза составляло 262 442 тысячи человек. То есть после Всесоюзной переписи 1970 года население нашей страны увеличилось на 9 %. К 1979 году население Северо-Осетинской автономной республики достигло 597 тысяч человек. В том числе в городах проживало 450 тыс. человек (68 %), а в селах – 192 тыс. человек (32 %) (О предварительных итогах.., 1979. С. 8). В этот же период население Северо-Осетинской автономной республики увеличилось на 45 тысяч человек (9,2 %), то есть темп роста населения автономной республики на 0,2 % опережал соответствующий всесоюзный показатель.

Из 597 тыс. населения Северо-Осетинской автономной республики 299 022 составляли осетины, русские – 200 692, грузины – 11 347, другие национальности – 80 939 человек.

Население Юго-Осетинской автономной области по данным переписи 1979 года насчитывало 98 тысяч человек. Из них городское население составляло 41 тысячу (42 %), а сельское население – 57 тысяч человек (58 %). Из всего населения Южной Осетии осети-

ны составляли 65 тысяч человек (64,2 %), грузины – 28,2 тысячи (28,3 %), русские – 2 046 (2 %), население других национальностей – 4,8 %.

После Всесоюзной переписи населения 1970 года население Южной Осетии не то что увеличилось, а, наоборот, уменьшилось на 1 000 человек. Основной причиной такого явления, как было отмечено выше, являлась миграция населения за пределы территории автономной области.

Таким образом, анализируя темпы роста численности населения Северо-Осетинской автономной республики и Юго-Осетинской автономной области, можно обнаружить, что со времени Всесоюзной переписи населения 1926 года до Всесоюзной переписи населения 1979 года население Северо-Осетинской автономной республики увеличилось со 152 тысяч до 597 тысяч человек, то есть население увеличилось на 445 тысяч человек (254 %). Население же Юго-Осетинской автономной области за этот же период увеличилось только на 11 000 человек (11 %).

В заключение общее состояние динамики численности и национального состава населения Северо-Осетинской автономной республики и Юго-Осетинской автономной области по Всесоюзным переписям населения 1926, 1939, 1959, 1970 и 1979 годов выглядит следующим образом

Общая численность населения Северо-Осетинской автономной республики в 1926 году составляла 152 тыс. человек. Из них количество осетин составляло 128 321 человек, или 84,1%, русских – 6,6%, грузин – 0,3%, других национальностей – 9%. Те же показатели в том же году (1926) для Юго-Осетинской автономной области выглядели так: общая численность населения – 87 тысяч человек, из них осетины – 60 351, или 69%; русские – 0,2%, грузины – 26,9 %, другие национальности – 3,9%.

Таким образом, из представленного краткого обзора следует, что в прошлом у осетинского народа отсутствовали условия нормального этнического развития. Только после присоединения к России и установления в нашей стране Советской власти Осетия вместе с другими братскими народами вышла на широкую дорогу экономического, социально-политического и культурного развития, получив широкий простор для полного проявления своих духовных и моральных возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Брошюра «Население Осетии. Краткий историко-демографический обзор» написана Г.Д. Тогошвили в соавторстве с кандидатом исторических наук, доцентом И.В. Хабалашвили на грузинском языке и вышла

в издательстве «Ирыстон» (Цхинвал, 1983). Рецензенты: док.ист.наук Л.А. Чибиров, А.П. Лежава и А.И. Шавхелишвили. Перевод на русский язык осуществлен Николаем Хабаловым.

**Содержание таблиц 1, 3, 4, 5 дано в виде изложения.

***Допущена неточность: «для всех наций и национальностей». Видимо авторы хотели написать: «для всех наций и народностей».

****Определенное несогласование цифр. С одной стороны авторы пишут, что Северная Осетия с 315 человек (на каждую тысячу) опережала все союзные республики, за исключением Латвии. Как же она опережала всех, если ниже подчеркивается, что в Юго-Осетинской автономной области эта цифра была выше Северо-Осетинской – 351(!).

***** В данном контексте не стыкуются цифры. Авторы пишут, что число лиц с полным и неполным, а также с высшим образованием на каждые 1000 человек в Северной Осетии было 515; их опередили в Союзе армяне на 3 человека и грузины на 60. По логике вещей грузин должно было быть 575(515+0), а не 413, как отмечено в тексте.

ЛЕОНТИЙ МРОВЕЛИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА*

В своем небольшом сообщении мне бы хотелось привлечь внимание исследователей, специально занимающихся проблемой этногенеза осетин, к концепции Леонтия Мровели — грузинского историка XI в. — о происхождении осетин.

Леонтий Мровели в своем историческом сочинении «Жизнь царей».., появление на Кавказе «овсов» (осетин) и «Овсетии» (Осетия) связывает с нашествиями «хазаров» и хронологически относит его к первой половине I тысячелетия до н. э. В этих «хазарах» ученые давно видят известных скифов[1], в VIII—VII вв. занявших Предкавказье и южно-русскую степь и совершавших вторжения в Закавказье и переднеазиатские страны.

По концепции Леонтия Мровели, все кавказские народы родственны между собой. Они происходят от одного предка — Таргамоса, прямого потомка библейского Ноя (четвертое поколение), 8 сыновей Таргамоса стали этнархами коренных кавказских народов; Гаос — армян, Картлос — картлийцев (т. е. восточных грузин), Бардос и Мовакан — албанцев, Эгрос — западных грузин, Лек — дагестанцев, Эрос — эров, Кавкас — вейнахов.

Таргамос разделил страну между своими сыновьями. Шесть из них получили свою долю к югу от Кавказского хребта. Для Лека и Кавкаса здесь не оказалось места. По Леонтию Мровели, территория к северу от Кавказского хребта не принадлежала Таргамосу, но здесь, якобы, никто не обитал от Кавказа до так называемой большой реки (т. е. Волги), впадающей в море Дарубандское (Каспийское).

Таргамос дал Леку территорию от Дарубандского моря, реки Ломеки (древнегрузинское название реки Терек) к северу до большой реки Хазарети (Волги), Кавкасу же дал земли от Ломеки (Терека) к западу до конца Кавказского горного массива (Картлис цховреба, 1955. С. 5 — 6).

---

[1] Еще Ю. Клапрот, а затем и другие исследователи отмечали, что под нашествием «хазаров» в летописи подразумевается известное скифское вторжение; Г.А. Меликишвили. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959. С. 35.

В этом списке Леонтий Мровели не помещает осетин. Видимо, он хорошо знал, что осетины не являлись изначальными жителями Кавказа и что они обосновались здесь позже. Леонтий Мровели так описывает этот процесс. «В то время (речь идет о событиях I половины I тысячелетия до н. э. *— Т.Г.)* усилились хазары и вступили в борьбу с потомками Лека и Кавкаса. И эти все Таргамосиане (т. е. потомки Таргамоса) пребывали в мире и любви друг к другу. Сыновьями Кавкаса тогда владел Дурдзук, сын Тирета. Собрались Таргамосиане и попросили помощи против хазар. Поднялись все родственные племена таргамосиан, перешли гору Кавказ, опустошили всю Хазаретию, построили города в этой стране и возвратились обратно.

После этого выбрали хазары царя и подчинились ему. Под его руководством перешли «морские ворота», которые ныне называются Дарубандом. Не смогли им противостоять таргамосиане, ибо хазар было несметное количество. Полонили они всю страну таргамосиан и разрушили все города Арарата, Масиса и северные...

Освоили хазары обе эти дороги, т. е. морские ворота — Дарубанди и Арагвские ворота, называемые Дарьялом, и участили хазары походы и уничтожения, и никто не мог сопротивляться им. И с тех пор все таргамосиане стали данниками хазар.

А когда впервые выступил царь хазар и завладел странами, о которых говорилось выше, перешел через гору Кавказ. Был у него сын Уобос, и отдал сыну своему пленников Армении и Картли и дал также страну, часть Кавказа, к западу от реки Ломеки, до западного края горы. И поселился тут Уобос: его потомки суть овсы, страна их — Овсетия, которая была частью Кавказа» (Картлис цховреба, 1959. С. 11—12).

Дальше, в связи с другими событиями, Леонтий говорит о том, что после занятия хазарами территории Кавказа его потомок Дурдзук переселился на восток от Терека и обосновался в горном ущелье, назвав его именем своим — Дурдзукией. Здесь они так размножились, что, спустя некоторое время, грузинскому царю Саурмагу пришлось разместить их в горных районах Картли к югу от Кавказского хребта от Арагви до Сванетии.

Какими бы легендарными ни казались сведения Леонтия Мровели о происхождении осетин, кажется, в них кратко и точно, хотя и упрощенно, воспроизводится картина проникновения скифов («хазаров» Леонтия) на Северный Кавказ, их взаимоотношения с местным кавказским этническим миром, этапов борьбы с ним и последующего оседания их на указанной выше территории Кавказа.

По этим сведениям, скифы появились на Предкавказье в ту историческую эпоху, когда шел процесс формирования основных народностей Кавказа. Они сразу же вступили в борьбу с теми из

них, которые жили к северу от Кавказского хребта, т.е. с потомками Кавказа и Лека, т. е. с предками вейнахов и дагестанцев. С помощью своих закавказских сородичей они отразили первый натиск скифов, разгромили их на собственной же территории и построили крепости на путях их вторжения на юг.

Причину этой первой неудачи Леонтий объясняет разрозненностью и неорганизованностью скифов. Поняв это, скифы организовались, выбрали общего царя, подчинились ему и по Дербентскому и Дарьяльскому проходам начали систематические победоносные вторжения в Закавказье. Местные кавказские племена стали их данниками.

Но скифы не довольствовались одной данью. Первый же царь их своего сына Уобоса (ставшего этнархом осетин наподобие этнархов кавказских народов сыновей Таргамоса) поселил на завоеванную землю потомков Кавказа — предков вейнахов от Терека до западного края Кавказских гор, передав ему, как отмечает Леонтий Мровели, пленников — армян и грузин.

Что касается территории восточнее Терека (до Касиийско моря), населенную, по Леонтию, дагестанцами, скифский царь отдал своему двоюродному брату, передав ему пленников из Рана и Мовакана (албанцев) (Там же. С. 12)· Несмотря на это, Леонтий здесь не предполагает наличия существенных изменений этнического характера.

В таком положении кавказские народы оставались довольно продолжительное время, платя дань скифам. Но Леонтий Мровели уже не говорит о крупных вторжениях их в Закавказье. Наоборот, когда персы «создали угрозу закавказским народам, последние часто прибегали к помощи своих новых соседей — осетин, т. е. уже налаживалась связь между ними.

В этих сведениях Леонтия Мровели совершенно не фигурируют ни сарматы, ни аланы, родственные скифам, но господствующие на разных этапах пребывания этих ираноязычных племен на Северном Кавказе. Леонтий Мровели не делит «хазаров на различные племена, не связывает происхождение нового народа — осетин — с одним каким-либо племенем. По его сведениям, осетины по своему происхождению непосредственно связаны со второй волной «хазаров» (скифов), возможно, с той, которую специалисты называют сарматской.

И на основе данных Леонтия Мровели (не говоря о других, проанализированных докладчиками данных), нам кажется, что связывать этногенез осетин с одними только аланами исторически не может быть оправдано.

Утверждение ираноязычного элемента на Северном Кавказе не связано с одним каким-либо определенным племенем или племенной группой. Это единый этногенетический процесс, на различных

этапах которого превалируют разные, но генетически «родственные племенные группировки – скифы, сарматы, аланы, прочно обосновавшиеся на Северном Кавказе и теснейшим образом взаимодействующие с местными кавказскими племенами. Кстати, под кавказским компонентом осетинского этноса Леонтием подразумевается вейнахский элемент (потомки Кавказа). В формировании осетинского этноса разумеется также участие грузинского и армянского элемента (вспомним грузинских и армянских пленников, якобы переданных Уобосу – этнарху осетин).

Концепция Леонтия Мровели о происхождении осетинского народа является первой, исторически засвидетельствованной попыткой объяснить появление на Кавказе нового, отличного от других кавказских народов, этноса. Эта концепция наивна, упрощена, но логична и в главных чертах соответствует принятой нашими учеными схеме этногенеза осетин. Система взглядов Леонтия Мровели – продукт тогдашнего уровня развития историографии, являясь официальной исторической концепцией в Грузии, безраздельно господствовала вплоть до XIX в. Наши ученые, специально занимающиеся этногенезом осетин, не должны обходить молчанием эту концепцию[2], так как она, в частности, может заострить их внимание на более интенсивном изучении осетино-вейнахских взаимоотношений на заре их истории.

ПРИМЕЧАНИЕ

*В июне 1966 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) состоялась Всесоюзная сессия по этногенезу осетин. Участвовал в работе сессии и Г.Д. Тогошвили. Его выступление на тему: «Леонтий Мровели о происхождении осетинского народа» опубликовано в книге «Происхождение осетинского народа». Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин (Орджоникидзе, 1967), содержащей материалы научной сессии.

[2] Сведения Леонтия Мровели по данному вопросу привлекались Гаглоевым в диссертационной работе «Аланы и вопросы этногенеза» (Цхинвали, 1964, с. 256–258), но несколько в другом аспекте – для опровержения представлений некоторых исследователей о принадлежности к числу аборигенов центральной части Северного Кавказа.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И УСЛОВИЯХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ОСЕТИН НА ТЕРРИТОРИЮ ГРУЗИИ*

По поводу статьи В.Н. Гамрекели**

Рецензируемая статья посвящена проблеме переселения осетин в Грузию в период монгольского владычества и отношению грузинского феодального государства к этому явлению. Автор правомерно рассматривает историю Грузии указанного периода, наполненную сложной и острой борьбой. Одной из существенных особенностей ведущейся в Картли освободительной борьбы он считает непосредственное слияние энергичных нападений осетинских мтаваров — Пареджана и Бакатара и отрядов «засевших в Гори осетин» с борьбой грузин против монголов (Там же. С.165).

Действия Пареджана и Бакатара и «засевших в Гори осетин» развернулись в 1290—1320 гг. По словам В.Н. Гамрекели, «осетинские мтавары, дотоле надежные и почетные союзники сильной Грузии, теперь предстают союзниками монголов и соперниками феодальной Картли» (Там же. С. 166).

Далее указывается, как отразились связанные с осетинами события в Картли на рубеже XIII—XIV вв. в грузинской историографии. Отмечается, что И. Джавахишвили, Н. Бердзенишвили, Д. Гвритишвили, Г. Тогошвили и Г. Лазарашвили рассматривают эти события как переселение осетин в Картли и как начало возникновения компактного осетинского населения в Картлийском нагорье.

Автор считает, что интерпретация указанными авторами сведений грузинских письменных источников об осетинах не соответствует содержанию самих этих исторических свидетельств и предлагает их собственное понимание, диаметрально противоположное пониманию названных авторов.

В.Н. Гамрекели заявляет, что действия осетин в Картли не явились ни обычным разбоем, ни вторжением внешних сил, в противном случае сами монголы выступили бы против них. Наоборот, монголы оказали покровительство осетинам при занятии Гори. Безнаказанное своеволие осетин, продолжает автор, нельзя объяснить слабостью Восточной Грузии. Она могла справиться с этой проблемой, и если этого не произошло, причины, мол, следует искать в других явлениях (Там же. С. 167).

Несомненным достоинством статьи следует признать датировку событий, связанных с действиями осетин в Картли, а также анализ

внешнего и внутреннего положения Грузии рассматриваемого периода. Автор подробно анализирует сведения Жамтаагмцерели (анонимного историка XIV в.), «Дзеглисдеба» («Уложения» царя Георгия Блистательного), «Памятника эриставов» и сочинения Бахушти Багратиони об осетинах, в ряде случаев предлагает интересные соображения об их осмыслении. Однако при оценке статьи в целом у нас создалось впечатление, что основной вывод автора — отрицание процесса переселения осетин на территорию Грузии и появления осетинских поселенцев на южных склонах Кавказского хребта — не соответствует исторической действительности и поэтому не правомерен.

В.Н. Гамрекели категорически возражает тем авторам (М. Джавахишвили, Н. Бердзенишвили и др.), которые появление осетин в Картли в 90-х годах XIII в. представляют миграционным процессом и его основной предпосылкой признают сокращение населения Картли. По его мнению, нет основания связывать друг с другом сокращение населения Картли, переселение горцев на равнину и занятие оставленных горцами мест переселившимися с Северного Кавказа осетинами. Наоборот, он считает, что сокращение населения в Картли явилось результатом обоснования здесь осетин и разбоя и опустошения страны со стороны монголов и осетин (Там же. С. 176—177). Эта мысль автора частично правильна. Мы говорим частично, потому что иначе получается, что до активизации осетин в Картли монголы не грабили и не опустошали страну.

Несомненно, прав автор, когда считает, что в условиях монгольского засилья было невозможно переселение на равнину свободолюбивых горцев. Однако этот вопрос имеет и другой аспект: зависело ли это переселение от самих горцев? Могли же они оказаться в таких условиях, когда переселение могло явиться единственным спасением! Автор прав, когда переселившихся в Картли осетин не считает горцами. Одним из основных аргументов для отрицания процесса миграции осетин в Картли у В. Гамрекели служит то обстоятельство, что действующие в Картли на рубеже XIII—XIV вв. осетины представляют собой политическую эмиграцию. Они пришли к Давиду Улу через Дербентский проход в 1263 году и поступили на службу к монголам, сделались их «ополченцами и соратниками».

Сведения Жамтаагмцерели о приходе в Картли большой группы осетин были известны и И. Джавахишвили, и Н. Бердзенишвили. Однако если они специально не остановились на них в связи с событиями в Картли в 90-х годах XIII века, то это можно объяснить только тем, что развернутые осетинами в 90-х годах действия в Картли по своим масштабам не соответствовали возможностям той небольшой эмигрантской группы, которая прибыла сюда в 60-х гг. XIII века. Чтобы преодолеть это несоответствие, автор подчеркивает многочисленность осетинских эмигрантов и тот факт, что

историк, персонально назвав среди них малолетних царевичей — Пареджана и Бакатара, тем самым увязывает с их именем последующие действия осетин в Картли.

По нашему мнению, персональное упоминание историком Пареджана и Бакатара объясняется их положением. Они были царевичами и, преследуемые ханом Золотой Орды, со своей матерью находят убежище в Грузии и в дальнейшем долго и активно фигурируют в истории Грузии. Какой бы многочисленной ни была та группа эмигрантов, она вряд ли могла развернуть такие широкие операции в Картли, какие ей приписываются — занятие крепостей и поселков, участие в непрерывных походах монголов, противостояние картлийским азнаурам-землевладельцам и, наконец, трехлетнее сопротивление царю Георгию в Гори, когда он был повелителем всей Грузии и монголы уже не могли покровительствовать осетинам.

В связи с этим считаем неправомерным замечание В.Н. Гамрекели о том, будто Г. Тогошвили и Г. Лазарашвили преувеличивают численность осетин в Картли в 90-х гг. XIII века и будто бы не могло быть новых волн осетинских переселенцев, иначе они-де были бы отмечены историком так же, как было отмечено их переселение в 1263 году. Однако Жамтаагмцерели не был современником событий, разыгравшихся в Картли в 90-х гг., и поэтому нельзя ожидать от него фиксации всех фактов движения осетин с севера на юг, они подразумеваются.

Трудно согласиться с автором, категорически отрицающим переселение в Картли осетин с севера по Лиахвскому ущелью на том основании, что они нигде не упоминаются в пределах ущелья. Однако их движение по Лиахвскому ущелью вовсе не означает, что они должны были осесть где-нибудь в ущелье, иметь сражение и т. д. Жители равнины Северного Кавказа, вынужденные покинуть свои жилища, устремились через Кавказские горы на юг, и только сила могла остановить их в горах. Кроме того, мы же не знаем, где были расположены все те крепости и поселки, занятые осетинами в Картли. Некоторые из них могли быть на нижнем течении Лиахвы. Ведь Гори расположен именно в месте слияния Лиахвы с Курой. Что «Памятник эриставов» («Дзегли эриставта») не упоминает в Лиахвском ущелье осетин, вряд ли достаточно для отрицания возможности использования ими этого пути в своем движении. Вполне возможно увязать активизацию нападений двалов на владения Ксанского эриставства движением с севера осетин и потеснением двалов. «Памятник» не дает сведений о переселении осетин на юг (если не считать переселение осетинских эмигрантов, начальников ксанских эриставов), однако, по его косвенным данным, в Трусо на рубеже XIII—XIV вв. подтверждается наличие осетин и, чтобы защититься от них, двалы просят помощь.

Автор стремится показать, что в 80—90-х гг. XIII в. в Осетии не было такого бедственного положения, которое вызвало бы новые переселения. Напротив, он приводит такие аргументы, которые исключают подобные переселения новых масс осетин: 1) часть аланов-ясов смирилась с монгольским игом и служила их ханам; 2) несмотря на разорения в 1220—1260 гг., на Северо-Кавказской равнине местное население и их города, хотя и пришли в упадок, все же продолжали существовать; 3) под напором монголов значительная часть аланов с равнины Центрального Северного Кавказа переместилась в Крым и на Балканы (Там же. С. 180—181).

Как видно, автор считает, что к концу XIII в. положение осетин на Северном Кавказе изменилось и необходимость их переселения в Грузию миновала. Разгром и уничтожение ханом Менгучемиром в 1277—1278 гг. «славного ясского города Дедякова», если даже он этнически принадлежал осетинам и был расположен в центральной части Северного Кавказа, по его мнению, можно не учитывать.

Однако считать, что положение осетин на Северном Кавказе к концу XIII в. в какой-то степени улучшилось, что могло вызвать прекращение их миграций в Грузию, не имеет никаких оснований. Г. Рубрук, совершивший в 1253 г. поездку в ставку монголов в Каракорум через Северный Кавказ, отмечал, что аланы, или асы, «все еще борются против татар». На обратном пути из Монголии Рубрук вновь попал в Аланию (в декабре 1254 г.). В связи с этим он отметил: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха» (сына Батыя. — *Т.Г.*) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине (Рубрук, 1957. С. 111, 176). Могут возразить, что эти данные относятся к 50-м гг. XIII в., а у В. Гамрекели речь идет о 80—90-х гг. XIII в. Поэтому нам придется проследить за событиями, связанными с монголо-аланскими отношениями в XIII—начале XIV в.

Нет сомнения в том, что часть осетинских феодалов подчинилась монгольским ханам и принимала участие в их военных мероприятиях, преследующих цель — завоевание новых стран и народов. При этом монголы старались увлекать их в далекие страны, в частности в Китай. В истории монголов «Юань-ши» упоминаются более двадцати «заслуженных» алан, находившихся во второй половине XIII в. на службе в Монголо-Китайской империи (Иванов, 1914. С. 281—300).

Однако эти сведения касаются части осетинских феодалов, вынужденных вступить в монгольскую гвардию. Оставшиеся же на Кавказе не примирились с монголами и продолжали борьбу с ними. Монголы жестоко подавляли всякое сопротивление со стороны осетин. Разгром и сожжение Дедякова монголами в 1278 г. В.А. Кузнецов связывает с антимонгольским движением осетин (Кузнецов, 1971. С 41).

Историк начала XIV в. Эломари характеризует отношения монголов Золотой Орды с порабощенными народами (русскими, черкесами, осетинами). Страна эта до завоевания «была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности. Черкесы, русские и ясы не в силах сопротивляться хану. Если подчинялись, преподносили подарки, то оставлял их в покое, «в противном же случае делал на них грабительские набеги, стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил рабами в разные страны... В неурожайные годы им приходится продавать детей, чтобы уплатить дань. Однако и эти народы пассивно не глазели на врага, «эти народы похищают детей их и продают их купцам» (Тизенгаузен, 1884. С. 231–235).

Поэтому неслучайно, что, по сведениям Рукнад-Дина Бейбарса (1325 г.) и Еннувейри (1279–1333), на земле асов (осетин) и в начале 1300-х гг. продолжает несение караульной службы 10-тысячный монгольский отряд (Там же. С. 116, 160).

Прибавим к этому и соответствующее сведение Вахушти, согласно которому в приход татар от чингизовых ханов, и больше всего от Батыя и Орхана, уничтожена и разорена была Осетия и бежали овсы сюда в о в н у т р ь Кавказа. И вновь после одолели осетин с одной стороны татарханы (крымские ханы. — *Т.Г.*), а с другой — тамерлановы кочевники, и бежали (осетины. — *Т.Г.*) вовнутрь Кавказа, и покорили племена кавказцев, которые суть двалы (разрядка наша. — *Т.Г.)* (Картлис цховреба, 1973. С. 654–655).

По всему видно, что за весь период господства монголов на плоскости Северного Кавказа там существовали такие условия, которые предопределили миграцию осетин из своей страны. Куда же могли двигаться вступившие «вовнутрь Кавказа» осетины, если не на равнину Картли? В.Н. Гамрекели, видимо, считает, что разгромленные Батыем и Орханом осетины заняли только северные склоны Кавказского горного массива, а более глубоко, «вовнутрь Кавказа», они вступили позже, в результате засилия Тимура, а затем крымских татар, когда осетины заняли Двалетию. Однако такая интерпретация сведения Вахушти нам кажется неправомерной. В данном случае Вахушти дает лишь общие ориентиры в связи с окончательным вытеснением осетин с равнинной зоны Северного Кавказа. Между походом Тимура на Северный Кавказ и взятием турками Константинополя лежит более полувека, а по Вахушти, осетины подверглись одновременному натиску с одной стороны кочевников Тимура, с другой — крымских ханов, в результате чего осетины вступили «вовнутрь Кавказа» (вторично!) и «покорили двалов».

Так когда же — при первом или втором вступлении осетин в глубь Кавказских гор было больше основания для проникновения их на территорию Грузии? По нашему мнению, при первом, так

как они тогда не покорили двалов и не стали делить с ними их скудные средства жизни. К тому же в это время в Картли уже находилась большая группа осетин во главе с их царевичами — братьями Пареджаном и Бакатаром и князьями. Поэтому в Картли сосредоточивается осетинское население. Политическое положение благоприятствовало этому и в период царствования Давида Улу (1247—1269), и Димитрия (1271—1289), когда не подтверждается конфликт между грузинами и осетинами и когда политическая ситуация в Картли осложнилась и на поземельной почве переселившиеся осетины столкнулись с грузинскими азнаурами.

На этом основании думается, что один из основных аргументов В.Н. Гамрекели о том, что в 80—90-х гг. XIII в. не было условий для переселения осетин в Картли, неубедителен. Неправильно убеждать, как это делает он, будто И.А. Джавахишвили и Н.А. Бердзенишвили упустили из виду прямую связь и преемственность действующих в Картли в 1290—1320 гг. осетин с осетинскими беженцами 1263 г., а раз происхождение упоминающихся в 1290—1320 гг. осетинах оставалась для них неясным, они выдвинули соображение о вторжении или же переселении осетин в Картли в начале 1290-х гг. по Лиахвскому ущелью. Впоследствии к этому добавилось предположение о том, будто бы нынешнему югоосетинскому населению положили начало обосновавшиеся в Лиахвском ущелье на рубеже XIII—XIV вв. осетины (Гамрекели, 1975. С. 184).

Мы категорически исключаем возможность, что И.А. Джавахишвили и Н.А. Бердзенишвили «упустили» сведение Жамтаагмцерели о приходе осетин в Картли в 60-х гг. XIII в. Если же они предполагали вступление масс осетин в Картли по Лиахвскому ущелью, то основание для этого им давало, с одной стороны, создавшееся на Северном Кавказе в результате монгольского завоевания положение, с другой — широкие активные действия осетин в Картли. Но прибывшие в Картли в 1263 г. политические беженцы-осетины были бы не в силах участвовать в беспрерывных монгольских походах, о которых сообщает Жамтаагмцерели и которые приводит сам В.Н. Гамрекели в своем труде, и в то же время действовать против картлийских феодальных кругов, у которых они отбирали крепости и поселки. Объяснять это поддержкой и покровительством монголов, как это неоднократно делает В.Н. Гамрекели, невозможно.

В.Н. Гамрекели все действия осетин в Картли на рубеже XIII—XIV вв. связывает с пришедшими в 1263 г. через Дербентский проход эмигрантами и категорически отрицает возможность прихода осетин в Картли через Лиахвское ущелье. Правда, он допускает мысль, что небольшая часть осетин могла переселиться и позже, квалифицируя это «проявлением этническо-диффузионного процесса» (С.184). Однако он не уточняет, по какому пути могла при-

быть эта небольшая группа осетин в Грузию. Это тем более было необходимо, поскольку он исключает возможность использования с этой целью перевалов Центрального Кавказа.

Однако имеется достаточное основание усомниться в приходе осетин в Грузию в 1263 г. по Дербентскому проходу. Грузинский историк Парсадан Георгиджанидзе (XVII в.), пользующийся древнейшим и более полным, чем дошедшим до нас списком «Картлис цховреба» (Кикнадзе, 1980. С. 4, 84, 161), в связи с фактом эмиграции осетин в Грузию называет Дараламскую (вар. Дарьяльскую) дорогу (Институт рукописей, ф. Н, № 1240, л. 75-а, 195-б). Дарубандский (Дербентский) проход вместо Дарьяльского мог оказаться в списке «Картлис цховреба» путем механической ошибки переписчика.

Это тем более вероятно, что до того, в связи с борьбой Золотой Орды и ильханов, все время речь идет о Дербентском проходе. Небезынтересно и то, что пришедшие осетины сначала явились к царю Давиду, а не к монголам, что было бы естественно, если бы они прибыли по Каспийскому побережью.

Нельзя не согласиться с В.Н. Гамрекели, утверждающим, что прибытие осетин в Картли в 1263 г. не являлось «проявлением движения горцев на равнину», не было миграцией страдающего от земельной тесноты в ущельях Кавказа земледельческого населения и что это было политической эмиграцией части осетинских феодалов (Там же. С. 155). Действительно, прибывшие в Картли в 1263 г., так же как и находившиеся здесь в конце XIII и нач. XIV в. осетины, были равнинными жителями, насильно согнанными со своих мест и запертыми монголами в ущельях Кавказских гор. Потерявшие возможность вернуться на родные места и не находя простора в условиях гор, они были вынуждены вступить в Грузию, где могли рассчитывать на поддержку как со стороны местной администрации (царской власти), так и монголов-ильханов. В самом же деле для объяснения средоточения в Картли значительной группы осетин и их действий в дальнейшем, по нашему мнению, не имеет существенного значения — были ли они политической эмиграцией или пришли по социально-экономическим причинам.

Автор упрекает нас в том, что мы без основания допускаем наличие новых переселенческих волн осетин в Картли в 90-х гг. XIII в. и находившихся здесь осетин рассматриваем социально однородной массой (Там же. С. 186). Возможно, говорить о «новых волнах» осетин не совсем точно — в этом есть определенная доля преувеличения интенсивности процесса, однако у нас нет оснований сомневаться в приходе новых групп осетин в Картли. Без этого нельзя дать объяснение всему тому, что имело место в Картли в 90-х гг. XIII и в I-й четверти XIV в. Что касается представления о переселившихся осетинах как социально однородном организме, то мы

этого нигде не утверждаем и таковыми их не считаем. Мы этого вопроса не поднимали, хотя указали, что переселившихся осетин возглавляла их феодальная аристократия и в дальнейшем они действовали под их руководством. Как отразилась их социальная неоднородность на характер событий, участниками которых они были в Картли, мы об этом решительно не имеем никаких данных. Фактические данные свидетельствуют, что поселившиеся в Картли осетины представляли более монолитную массу, чем грузинское феодальное общество, в противоборство с которым они вступили. В создавшейся сложной ситуации, в чужой среде основной задачей этих осетин было обеспечение своего существования, а не разбор и решение социальных вопросов в своей среде. Так обычно бывает в трудных для народа моментах истории.

Автор неоднократно особо подчеркивает, что прибывшие в Картли осетины поступили на службу к монголам, что главной их социальной функцией было участие в монгольских походах, монгольский хан за это назначил им хардж (содержание) и обязал нести гарнизонную службу в городах. Это наблюдение автора правильное и вытекает из данных Жамтаагмцерели. Однако он упустил из виду некоторые важные моменты, связанные со статусом осетин в Картли. Грузия находилась под игом монголов и, как все покоренные ими народы, грузинский царь и феодалы несли определенные обязанности в их пользу, в том числе участвовали в их походах. Осетины не могли составить исключение в этом отношении. Притом осетины служили монголам через посредство грузинского царя. Ведь источник указывает, что царь Давид сам послал прибывших к нему осетин к ильханам и, получив разрешение от него, поселил их в трех пунктах Грузии (в Тбилиси, Жинвали, Дманиси). Историк Парсадан Горгиджанидзе отмечает, что царь Давид использовал осетин в различных целях. Царь по совету картлийского эристава Бега пожаловал осетинам Горийскую крепость и поручил им защищать страну от вторжения монголов из Западной Грузии.

Такой порядок не нарушался долго, в течение 27 лет, когда, как пишет автор, осетины не упоминаются у Жамтаагмцерели.

В.Н. Гамрекели считает, что пока существовало согласие между высшими инстанциями Грузии и монголов, внутриполитическое положение Грузии оставалось стабильным и осетинские феодалы не могли действовать самовольно, но имели санкции от монголов на военные действия, при этом они были недавно прибывшие и должны были испытывать как чувство отчуждения, так и определенный страх. Этим объясняется неупоминание конфликтов между грузинами и осетинами. Когда же на трон восточной Грузии объявились два претендента (Вахтанг Давидович и Давид Дмитриевич), осетины по долгу службы монголам были обязаны выступить против тех,

кто в Картли выступал против монгольских нойонов, т.е. картлийской знати. Это сулило им определенный социальный успех. В таких условиях в 1292 г., когда в Картли не было царя, впервые «осетины начали опустошать, убивать, грабить и пленять Картли, захватили и заняли Гори» (Там же. С. 189—190).

В этом суждении автора кое-что правильно подмечено, однако не все здесь соответствует действительности.

До 90-х годов XIII века, когда разразился конфликт вокруг Гори, у осетин не наблюдаются какие-нибудь тесные связи с монголами, несмотря на то, что вместе с грузинским царем и феодалами они участвуют в других походах. Когда же осетины заняли Гори (до того они держали крепость по воле и согласию царя, в 90-х же годах в сложной, неопределенной ситуации они присвоили ее), вступили в острый конфликт с картлийскими азнаурами, они были вынуждены обратиться за поддержкой к монголам.

Жамтаагмцерели подчеркивает столкновение у Гори между осетинами и картлийскими азнаурами, однако монголы, стоявшие у Мухрани (недалеко от Гори), не вмешиваются в конфликт, не оказывают поддержку осетинам, пока те не оказались на краю гибели и не попросили их о помощи. И только монголы тогда вмешались, и помирили враждующие стороны. Осетины сохранили за собой Гори, однако вражда осталась. Получается, будто монголы или не знали о развернувшейся борьбе в Гори, или знали, но не вмешивались, хотя это борьба политически выгодна была им. Именно так рассматривал Н.А. Бердзенишвили отношение монголов к этим событиям. «Монголы определенно поддерживают осетин в этой борьбе. В их политические расчеты входит усиление осетин в восточной Картли» (Бердзенишвили, 1965. с. 61). В другой работе он отмечал, что «Вожди притесненных осетинских племен удачно воспользовались поддержкой ильханской орды и политическим ослаблением объятой пламенем восстания Картли» (Бердзенишвили, 1973. С.125).

После того, когда вмешательство монголов позволило осетинам сохранить за собой Гори, по словам историка той же эпохи, « возникла вражда между грузинами и осетинами». С этого момента осетины были вынуждены явно выступить на стороне монголов, минуя грузинские власти или же против них. Это особенно проявилось во время восстания против монголов царя Давида VIII.

Автор прав, считая, что осетинские феодалы с помощью монголов стремились обосноваться на Картлийской равнине. Объяснять это тем, что с начала XIV века в государстве ильханов были проведены реформы, вследствие которых земля приобрела ценность, что должно было иметь место в какой-то степени и в Грузии (с. 191), нам кажется искусственным и неправомерным. Ведь те действия осетин, которые подразумевает автор, развернулись с 90-х годов

XIII века до пресловутых реформ в Ильханате. Не ценность земли, а положение осетин вынуждало их к захвату земель грузинских азнауров.

В.Н. Гамрекели прав в том, что действия осетинских феодалов в Картли, направленные на захват земель азнауров, угрожали грузинской феодальной организации, ослабляли ее боеспособность против монголов и что осетинские феодалы боролись за социальное уничтожение картлийских азнауров для занятия их места (Там же. С.192). Однако он глубоко ошибается, когда упрекает нас, будто мы произвольно объясняем эти действия миграцией осетин в Грузию. Какие бы мотивы ни определяли действия осетин в Картли, в какой бы форме они ни проявлялись, они были выражением процесса переселения осетин в Картли и поселения их здесь. Что осетинам это не удалось и их поселение в Картли носит кратковременный характер, не противоречит такой квалификации. Этому не мешает и то обстоятельство, что его возглавляли осетинские феодалы. Осетинское общество было феодальным и, естественно, миграционные процессы возглавлялись феодальными кругами. Что в этих событиях не фигурируют осетинские массы, — это характерная черта феодальной историографии и не может служить для отрицания существования самого явления.

Свою интерпретацию сведений Жамтаагмцерели В.Н. Гамрекели подкрепил данными «Дзеглис деба» («Уложения»), «Памятника Эриставов» и «Истории Грузии» Вахушти Багратиони. Особенно интересна интерпретация следующего сведения Вахушти: «Насильничали осетины в Картли и захватили местами поселки и крепости. Этот же царь (Георгий V Блистательный — *Г.Т.*) вытеснил их силою своею и отобрал у них крепости и поселки. Потом вступил и сокрушил находившихся внутри Кавказа, непокорных истребил и подчинил, обложил данью всех их и успокоил Картли от осетин, так как сам занял все дороги (Картлис цховреба, 1973. С.256).

В этом сведении В.Н. Гамрекели подразумевает два разных мероприятия: 1) сокрушение находившихся внутри Кавказа (поход на Лоцобани и Магаро — в высокогорной зоне, что по данным «Памятника эриставов» было предпринято дважды подряд) и 2) умиротворение Картли. Автор статьи знакомит с мотивами такого понимания текста: 1) осетины упоминаются дважды и оба раза в связи с Картли, т.е. с равниной. Осетины не упоминаются в связи с нагорьем; 2) в связи с нагорьем упоминаются переселившиеся «вовнутрь Кавказа».

Для объяснения содержания этого высказывания он приводит слова Вахушти о том, что «потом вновь рассмотрел царь дела миулов и кавказцев..., собрал войско, вступил и подчинил более прежнего всех, находившихся внутри Кавказа». Раз здесь осетины не упоминаются, Гамрекели под «кавказцами» и «находившихся внут-

ри Кавказа» подразумевает пховцев, мохевцев, трусовцев и, возможно, двалов (Там же. С. 193—194).

Однако вряд ли правомерно так расчленять сведение Вахушти об изгнании осетин из Картли. А если все же решимся на это, то делить должны на три части (вернее, на три этапа): 1) изгнание осетин из крепостей и поселков, 2) подчинение центральной власти населения высокогорной зоны («находившихся внутри Кавказа») и 3) умиротворение Картли, т.е. прекращение здесь своевольных действий осетин путем занятия дорог, по которым они приходили в Картли. Однако любое деление было бы искусственным, так как Вахушти говорит о различных этапах одного мероприятия, т.е. излагаются те шаги царя, следствием которых явилось успокоение Картли от осетин: лишение их здесь опорных пунктов-крепостей и поселков, затем поход вовнутрь Кавказа для подчинения и превращения их в данников и, путем занятия дорог, лишение осетин возможности вновь творить беспорядки в Картли — создавать угрозу грузинским феодалам.

Почему связывает Вахушти поход царя Георгия «вовнутрь Кавказа» с решением вопроса осетин в Картли? Потому что, по Вахушти, осетины в результате монгольских походов вступили «вовнутрь Кавказа» в 40-х годах XIII в.

Вахушти справедливо считал, что для прекращения насилия со стороны осетин в Картли необходимо было не только лишение их здесь крепостей и поселков, но и лишение их возможности приходить в Картли. Для этого же нужно было установить контроль над дорогами, по которым прибывали осетины в Картли. Это обусловило поход царя в высокогорную часть Центрального Кавказа, где он непокорных сокрушил, остальных подчинил и занял дороги, ведущие на равнину Картли. Если бы мы не имели никаких данных о тех событиях, кроме приведенного сведения Вахушти, то все равно было бы достаточно легко представить, какими путями приходили осетины в Картли. «Захват» Георгием перевальных дорог в результате его похода «вовнутрь Кавказа», итогом которого явилось «успокоение Картли», означает не что иное, как то, что контроль над этими путями власти Восточной Грузии до этого утратили. (Когда именно — это другой вопрос, но, видимо, тогда, когда после казни царя Димитрия в 1289 г. началась смута и Картли охватило антимонгольское восстание). Это само собой вытекает из сообщения Вахушти и вполне соответствует ходу событий, имевших место в Картли на рубеже XIII—XIV вв. Поэтому И.А. Джавахишвили, Н.А. Бердзенишвили, Д.В. Гвритишвили и их последователь, автор этих строк, считают, что осетины вступали в Картли именно по перевалам Центрального Кавказа. Такое понимание не только не противоречит данным Вахушти, напротив, вытекает из них. Таким образом, не прав В.Н. Гамрекели, когда утверждает, что поход Георгия

«вовнутрь Кавказа» не был связан с осетинами. В одном случае он подразумевает под «кавказцами» и «находившихся внутри Кавказа» пховцев, мохевцев, трусовцев и, «может быть, двалов», в другом месте поход Георгия он квалифицирует как поход в Ксанское и Арагвское ущелья для установления соответствующего феодальному государству порядка и взимания дани (Там же. С. 194–195). Мы не можем согласиться с таким пониманием данных источников. «Мтиул-кавкасни» — обобщающее понятие и охватывает население Центрального Кавказа, как грузинских, так и негрузинских горцев, а не с одной стороны мтиулов как определенную этническую группу, с другой стороны других горцев — пховцев, мохевцев, трусовцев и, «может быть, двалов». Здесь незакономерно ставить вопрос: кто были этнически трусовцы? «Памятник эриставов» предполагает наличие к концу XIII в. в Трусо как двальского, так и осетинского населения. В с. Мна имеется население, враждебное двалам. Ономастика мнавцев (Сунгу, Пареджан, Амсаджан, Бакатар) не оставляет сомнения, что они осетины, которые противопоставлены двалам — исконным жителям этого ущелья.

Таким образом, нет оснований исключать осетин из жителей, «находившихся внутри Кавказа». По Вахушти, осетины вступили «вовнутрь Кавказа» в 40-х гг. XIII в. Георгий Блистательный совершил поход, вступил «вовнутрь Кавказа», где подчинил осетин и обложил их данью. В документе рода Зевдгинидзе (XV в.) говорится о возвращении царя из Овсетии и решении вопроса о замке Схвилоси, Н.А. Бердзенишвили рассматривает этот факт как знак завершения борьбы с осетинами в Картли и начала наступления на саму Осетию, что связывается с именем царя Георгия Блистательного (Вопросы, 1965. С.112–113). По данным Вахушти, Осетия — страна, расположенная «внутри Кавказа». Он так и озаглавил посвященный описанию Осетии раздел своей книги «Описание нынешней Осетии, или внутреннего Кавказа». Южная граница этой Осетии проходит от Хевского перешейка к западу до Брутсабдзели, или же ее ширина «от Картлийского Кавказа до Черкесской горы», или т.н. Лесистого хребта Кавказского горного массива.

Все вышесказанное заставляет считать, что предложенная В.Н. Гамрекели «новая интерпретация» сведений Вахушти неправомерна. Неубедителен его вывод о том, что ошибаются те авторы, которые допускают массовое переселение осетин на рубеже XIII–XIV вв. и занятие ими ущелий Картлийского нагорья (Там же. С. 195).

В конце работы В.Н. Гамрекели анализирует статью Р.К. Кикнадзе (Кикнадзе, 1971), в которой приведено несколько сведений из неопубликованной части «Истории Грузии» Парсадана Горгиджанидзе. Сведения эти относятся к 1267–1270 гг. и, по мнению

В.Н. Гамрекели, в сущности, согласуются и в какой-то мере дополняют выдвинутые им соображения (Там же. С. 195).

Невозможно согласиться с таким мнением автора, поскольку сведения П. Горгиджанидзе не только не согласуются и не дополняют соображения В.Н. Гамрекели, а наоборот, противопоставляются им.

В.Н. Гамрекели категорически отрицает переход осетин в Картли по перевалам Центрального Кавказа на том основании, что по сведению грузинского анонимного историка XIV в. осетины — политические эмигранты — прибыли в Грузию по Дарубаддскому (Дербентскому) проходу. П. Горгиджанидзе же сообщает, что осетины пришли в Грузию по Дараламской (вар. Дарьяльской) дороге. Далее Горгиджанидзе говорит, что в 1268—1269 гг. царь Давид Нарин приютил у себя монгольского полководца Ялгура (Галгура), выделив его отряду становище в провинции Рача. Царь использовал монгольский отряд (золотоордынского проиохождения) для нападений на Картли. Они и отряды Давида Нарина опустошили страну до Мцхеты.

У П. Горгиджанидзе об этих событиях рассказывается: «Ялгур и имеретинцы опустошали Картли. Сын Георгия Лаши (Давид постарел и тяготился монгольских походов) написал вышеупомянутым осетинам (поселенных им прежде в Жинвани, Дманиси и Тбилиси. — *Т.Г.*) собраться всем. По совету Григория Сурамели и его сына Бега отдал им крепость и город Гори и поставил их на пути Ялгура и имеретинцев для защиты Картли. Раньше этого он привел татарина из тангутов по имени Джанас со своими 500 всадниками по совету того же Бега, чтобы тот защитил ворота Дар-Аланские и дороги Двалетии и Осетии. И это осуществилось. Но после обнаружилось, со скорбью и печалью, что в то время защитил страну силою осетин..., а потом пришлось защищаться от самих осетин (Институт рукописей, ф. Н, № 1240, л. 85).

В автографическом списке сочинения Горгиджанидзе имеются отдельные листы, на которых повторно, несколько по-иному излагаются некоторые события, имеющие место в Грузии XIII в. (Институт рукописей, ф. Н, № 1240, л. 232—232б). Такой второй вариант имеет и приведенное повествование о Ялгуре (Галгуре) и осетинах, находившихся в Картли. Приведем и этот вариант: «Царь Давид Улу стоял на Сибе (укрепление, построенное ильханами в Ширване, вдоль реки Чаганусун, где каждую зиму дежурили монгольские отряды совместно с грузинами, чтобы защитить владения ильханов от вторжения Золотой Орды), уведомил названных выше осетин, чтобы они перекрыли все дороги. По предложению Григория, Сурамели пожаловал (осетинам) город-крепость Гори и владения его, дабы встречали Ялгура и имеретинцев, защищали Картли и сами нападали на Рачу и Имерети. Раньше этого привел человека, по имени Джасан-бег, из рода Титунов, имевшего отряд из 500

человек, также с намерением, чтобы он и Бега защитили врата Даранские и дорогу Двалетскую (в тексте – Дасавлетиса. – *Т.Г.*), и определил им на зимнюю стоянку Мухрани и на летнюю – Мтиулети. Это получилось хорошо, и после защитил страну силою осетин, возглавляемых братьями Пареджаном и Багатаром, сыновьями Лимвача» (Институт рукописей, ф. Н, № 2140, л. 232–232б). Приведенные сведения не дают основания делить осетинские отряды на три части – Пареджановский, Багатаровский и Горийский, как это делает В. Гамрекели. Наоборот, получается, что расселенные по частям осетины были вновь соединены воедино царем Давидом, дабы они могли быть противопоставлены вторгавшимся в Картли из Имерети силам. Видно, что у осетин как с царской властью, так и с местной администрацией тогда были лояльные отношения. Они еще не рассматриваются силой, могущей создать угрозу их социальному и политическому господству. Наоборот, эти силы стремились использовать осетин в своих политических интересах. Такое положение вещей нельзя объяснить только тем, что тогда между монголами и верховными властями Грузии существовали сравнительно нормальные отношения. Оно было следствием того, что число осетин в Картли еще не было велико в 60-х годах XIII века.

П. Горгиджанидзе сообщает и о том, что до передачи осетинам Гори царь Давид организовал охрану Дарьяльской, Двалетской и Осетинской дорог силами Джанаса и Бега Сурамели, что получилось «хорошо». Это означает, что они выполнили задачу. От кого нужно было защищать перевалы? От осетин или от монголов Золотой Орды? Об этом историк прямо не говорит, хотя есть сведения, что в 60-х годах Золотая Орда добивалась получения пути в Закавказье через Дарьяльский проход. На этом основании В.Н. Гамрекели полагает, что охрана перевалов в 60-х годах XIII века подразумевала закрытие дороги Золотой Орде (с.196).

Предположение В.Н. Гамрекели внешне достаточно правдоподобно, однако незначительность выделенных с этой целью сил настораживает. Монголы Золотой Орды могли стремиться к использованию Дарьяльской дороги, но другие перевалы Центрального Кавказа им были недоступны. Вытесненное с Северо-Кавказской равнины осетинское население, по свидетельствам западноевропейских и восточных источников, укрылось в ущельях Кавказских гор и оттуда совершало нападения на монгольские становища и табуны. Из-за этого монголы были вынуждены организовать охрану выходов из горных ущелий на равнину, выделив для этой цели 10-тысячный отряд, постоянно несший караульную службу как в рассматриваемое время (в 60-х годах XIII века), так и в начале XIV века.

Остается предположить, что Бега Сурамели – еристави Картли, когда предлагал царю охрану перевалов, имел в виду осетин, кото-

рые были сконцентрированы в горных ущельях Кавказа и искали выход из положения в движении на юг, в Картли. Он понимал, что сосредоточение осетинских переселенцев в Картли могло создать угрозу как ему, так и картлийским азнаурам — землевладельцам (эти его опасения сбылись, и именно он возглавил картлийских азнауров в борьбе против осетин, стремившихся обосноваться в Картли путем изгнания азнауров из их владений).

Малочисленность охранных сил вряд ли мешало просочиться осетинам в Картли на долгое время. В пределах Центрального Кавказа из Двалети в Картли вели 11 перевалов (Джавахишвили, 1919. С. 8—9), и действенная охрана их с чей бы то ни было стороны представляла большие трудности.

Вернемся к сведениям П. Горгиджанидзе об охране Кавказских перевалов. Почему их охрану не поручили осетинам? Почему предпочел Бега охранять их своими и монгольскими отрядами, тогда как осетин поставили на границе Имерети? На эти вопросы не находим ответов в сочинении историка. Не думали ли инициаторы тех мероприятий, что по перевалам двигались осетины и что оказавшиеся ранее в Картли осетины не могли быть использованы для воспрепятствования им в этом? Или же, что значит: царь «защитил страну силою осетин». Гамрекели считает, что эту фразу можно понять двояко, в зависимости от того, как поймем выражение «остаган» — «от осетин» или «с помощью (силою) осетин», т.е. или с помощью осетин защитил страну, или же позже возникла необходимость от этих осетинских феодалов защитить страну, что имело место в 1290-х гг. и в последующие годы (Там же. С. 196).

Нет сомнения, что приведенную из труда Горгиджанидзе фразу можно понять двояко. Она не согласуется с манерой изложения историка, которая проста, объемна, точна. Слова историка, что «после этого обнаружилось со скорбью и печалью», мы считаем признаком того, что во взаимоотношениях с осетинами он видит два резко отличающихся друг от друга этапа — сперва силою осетин защищалась страна, затем не стало необходимостью от них защищать страну, что давало повод для скорби и печали.

Таким образом, ничто не мешает допустить, что по перевалам Центрального Кавказа в Картли просачивались осетины в 70—80-е гг. XIII в., ставшие постепенно серьезной силой и развернувшие активные действия для закрепления в Картли, что привело их к столкновению с грузинскими феодалами.

Не мешают ли данному нашему предположению складывающиеся к этому времени в Центральной части Северного Кавказа условия? Думается, что нет.

Выше мы привели сведения различных авторов о перманентных репрессиях ханов Золотой Орды в отношении осетин (ясов), что исключало возвращение сконцентрированных в горах Кавказа осетин

обратно, на Северо-Кавказскую равнину. Создалось такое положение, что оставшиеся на равнине остатки осетин искали выход в выселении оттуда. И это происходило не в. XV в., после взятия турками Константинополя, а начиная с XIII в., когда, по словам Вахушти, «вступили овсы вовнутрь Кавказа, и в большей части превратилась (Осетия) в пустыню» (Картлис цховреба, 1973. С. 654).

Археологические данные свидетельствуют, что на Северо-Кавказской равнине опустевшие от осетин земли постепенно заняли кабардинцы, двигавшиеся с запада на восток. По Л.И. Лаврову, движение кабардинцев на восток началось со второй половины XIII в. (Лавров, 1956. С. 19–28). Однако еще Е.П. Алексеева справедливо отметила, что в Кабарде не найдено памятников XII–XIII вв., которые можно было бы увязать с кабардинцами (Алексеева, 1957. С. 127). По данным Л.Х. Нагоева, самые ранние кабардинские курганы на равнине Северного Кавказа (от р. Большого Зеленчука до Минвод и Прохладной, к югу – до лесистого хребта, к востоку – до рек Сунжи и Фортанги) датируются XIV–XV вв. На этом основании он считает, что максимальное расселение кабардинцев на восток происходит в конце XIV, особенно в XV и в начале XVI в. Для них удобные внешнеполитические условия были созданы к концу XIV и началу XV в., когда Тимур разгромил Золотую Орду (осетины еще раньше были разгромлены монголами) и затем вернулся в Среднюю Азию. В эту эпоху кабардинцам удалось занять огромную территорию (Нагоев, 1974. С. 122–123).

Возникает вопрос: имеются ли какие-нибудь сведения, подтверждающие наличие осетинского населения в границах Грузии и в период, последующий тем событиям, о которых речь идет в работе В.К. Гамрекели и о которых рассуждаем и мы? На такой вопрос нужно ответить положительно. Со времени вытеснения осетин из Картли Георгием Блистательным и подчинения их центральной власти (конец первой трети XIII в.) до конца XIV в. о них мы не имеем сведений. Это объясняется, с одной стороны, скудностью исторических данных об этой эпохе, с другой, тем, что в результате военных акций царя Георгия они уже не представляли угрозу феодальному обществу Грузии и миновала необходимость писать о них.

В составе грузинского государства осетины упоминаются в сочинении армянского историка первой половины XV в. Фомы Мецопского. По его сообщению, Тимур пленил царя Грузии Баграта (1360–1393). Чтобы избавиться от плена, Баграт принял магометанскую веру и попросил Тимура дать ему войска для приведения своих подданных в новую религию. Он сообщает Тимуру, что его страна – Грузия состоит «из восьми языков»: «двалы, осетины, имеры, мегрелы, абхазы, сваны, картлийцы, месхи» (Мецопели, 1937. С. 329–330). Об этом же рассказывает грузинский историк начала XVIII в. Б. Эгнаташвили. По его словам, пленный Баграт заявляет Тимуру,

что он осознал преимущество его веры и решил обратить в эту веру «всех коренных жителей Грузии», для чего просит у него войско, чтобы с ними отправиться в свое царство и заставить «жителей гор: мтиулов, овсов, двалов, сванов, абхазов и всех пребывающих там» принять веру завоевателя (Картлис цховреба, 1959. С. 19–20).

В исследованиях, где отрицается не только наличие осетин в нагорной части Грузии в XIII–XIV вв., но и сама возможность этого, приведенные сведения обойдены молчанием, так как они не подтверждают их взгляды. Могут сказать, что упоминаемые у Фомы Мецопского и Б. Эгнаташвили осетины – это северные осетины. Однако такое понимание этих сведений было бы ошибочным. У обоих авторов подразумеваются осетины, которые вследствие исторических невзгод оторвались от родины и обосновались «внутри Кавказа» – в горной части Грузии (не случайно в перечислении у авторов они находятся рядом с грузинскими горцами, и нигде не упоминается ни один северокавказский народ или племя). Нет основания считать, что в послемонгольский период Грузия могла перенести свои государственные границы за Кавказские горы, на Северный Кавказ. Походы Георгия Блистательного, как это утверждает и В.Н. Гамрекели, не коснулись Северного Кавказа. Без походов же включение Северной Осетии в состав Грузинского государства было просто невозможно.

Приведенные сведения из сочинений Ф. Мецопского и Б. Эгнаташвили не оставляют места сомнениям о наличии в горной части Грузии осетинского населения в послемонгольский период. Сведения же Жамтаагмцерели и Парсадана Горгиджанидзе проливают свет на то, когда и каким путем оказались осетины в этой части Грузии.

Все это вновь подтверждает правильность взглядов Н.А. Бердзенишвили, Д.В. Гвритишвили и других авторов, связывающих начало переселения осетин на территорию Грузии с монгольским нашествием. Процесс этот был длительным и завершился складыванием южной ветви осетинского народа, ставшего органической частью позднесредневекового грузинского феодального общества, активным участником его социально-политической и культурной жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Полемическая статья опубликована в «Известиях Юго-Осетинского научно-исследовательского института» АН Груз. ССР. Вып. XXVIII. Тб., 1983.

**Имеется в виду статья В.Н. Гамрекели «История Грузии рубежа XIII–XIV вв.(К интерпретации некоторых сведений Жамтаагмцерели // Мравалтави. Филолого-исторические разыскания, т. V. – Тбилиси: «Мецниереба», 1975.

ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ К РОССИИ*

Народы Северного Кавказа издавна играли важную роль в истории Грузии, в частности, в установлении и развитии русско-грузинских взаимоотношений. Это обстоятельство и обусловило тему настоящей работы.

Многовековые и многогранные грузино-осетинские взаимоотношения давно привлекают внимание историков. Мы ограничимся сравнительно небольшим промежутком времени, имеющим большое значение в развитии русско-кавказских отношений в самый ответственный и насыщенный событиями период их истории. Речь идет о второй половине XVIII века, когда подготавливалось и осуществилось присоединение Северной Осетии к России.

История русско-осетинских отношений, которая является органической составной частью общей кавказской политики России, довольно сложна. То большое внимание, которое русские власти стали уделять Осетии, начиная с 40-х годов XVIII века, было обусловлено их реальными интересами на Кавказе. Осетия по своему важному географическому и стратегическому положению могла сыграть большую роль в осуществлении планов русского правительства в Закавказье. По Осетии пролегали главные коммуникации, связывающие Россию с Закавказьем[1].

---

[1] В исторической литературе часто подчеркивается мысль, что Россия могла осуществлять связи с Грузией через Кабарду. Авторы таких работ недооценивают то обстоятельство, что между Кабардой и Грузией была еще и Осетия, которая не являлась непременным вассалом Кабарды, и последней лишь временами удавалось подчинять некоторые северо-осетинские общества. Уже с начала XVII в. тагаурские осетины развернули активные действия с целью избавиться от опеки кабардинских князей и взять в свои руки контроль над Дарьяльским проходом. Борьба тагаурских осетин за независимость проходила в сложных условиях. За овладение Дарьяльской дорогой вступили в борьбу друг с другом кабардинские князья, арагвские эриставы, картлийский и кахетинский цари и хозяева этой дороги — тагаурцы. Соперничающие стороны стремились с помощью русских добиться господствующего положения в районе Дарьяльского ущелья. Так, картлийский царь Георгий в 1604 г. просил русских послов М. Татищева и А. Иванова о присылке войск из Терской крепости

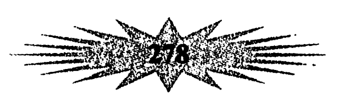
Грузия, которая вела самоотверженную борьбу с иноземными поработителями, твердо взяла курс на сближение с единоверной Россией. Ее интересы сталкивались с интересами деспотических правителей Турции и Ирана на Кавказе. Поэтому Россия являлась для Грузии естественной союзницей в ее борьбе за независимость. Отсюда и многовековая тяга грузинского народа к России, приведшая, в конце концов, к принятию Грузией российского подданства. На этом пути присоединение Северной Осетии к России имело для Грузии чрезвычайно важное значение, значительно облегчившее ее непосредственные связи с Россией.

Известно, что картлийский царь Вахтанг VI в русско-персидских отношениях решительно выступил на стороне России. Это вызвало его эмиграцию в Россию и настойчивые попытки получить от России военную помощь для избавления Грузии от иноземных завоевателей.

Находившемуся в России Вахтангу арагвийский эристав Бардзим (в 1731 г.) и католикос Виссарион (в 1733 г.) в своих письмах к нему сообщали о том, что господствовавшие в Восточной Грузии турки настойчиво добивались овладения дорогой, которая вела к России. Они предупреждали, что если туркам удастся выполнить свои планы, то Вахтанг окончательно потеряет власть над всей страной. Вахтанга просили вернуться в Грузию, занять горную часть Военно-Грузинской дороги, что позволило бы ему овладеть и равниной. Ни султан, ни шах не смогли бы Вахтангу повредить, а русские были бы в состоянии оказать ему поддержку (Броссе, 1861. С. 153–154, 190–193.).

В письмах Бардзима и Виссариона Вахтангу дается точная характеристика огромного стратегического и политического значения Дарьяльской дороги. Контроль над этой дорогой обеспечивал господство в ее горной зоне, оттуда легко было завладеть и низменностью. В этих условиях турецкие и персидские завоеватели, видя угрозу вступления в Закавказье русских войск, вынуждены были идти на компромисс с грузинскими властями.

для наказания осетин, живших между Кабардой и владением Георгия. Послы обещали прислать 150 стрельцов сразу же по прибытии в Терки, однако с условием, что они будут использованы только против осетин (Белокуров, 1889. С. 286, 289, 304–305; Броссе М., 1861. С. 20). Названные послы сообщили, что кабардинский царь Айтек-Мурза просил Терского воеводу об оказании военной помощи для подчинения осетин, иначе, мол, затруднится сообщение России с Грузией по Дарьяльской дороге. (Белокуров, 1889. С. 508). Вопросы, связанные с Дарьяльской дорогой, подробно рассмотрены нами в рассматриваемой статье (Тогошвили, 1969. С. 16–40).

Турецкие захватчики, хорошо понимая значение Дарьяльской дороги, в 1729 г. решили соорудить крепость на ней. Это, естественно, вызвало беспокойство как русских, так и грузинских властей. Вахтанг VI заявлял русскому правительству, что если турки воздвигнут свою крепость на Дарьяльской дороге, то все жители окрестных областей – чеченцы, дурдзуки, глигвы, лезгины, население Осетии, Большой и Малой Кабарды, Крыма и Кубани – все подчинятся Турции (Боцвадзе, 1974. С. 49.).

Характеризуя значение дороги по Дарьяльскому ущелью, мы хотели бы подчеркнуть большую роль народов Северного Кавказа, особенно северных осетин, в русско-грузинских отношениях. Однако не только это обстоятельство определяло интенсивный характер грузино-осетинских отношений в XVIII в.

Традиционные грузино-осетинские связи проявлялись во многих областях их жизни. Осетины нуждались в экономических связях с Грузией. Вахушти Багратиони, известный грузинский историк I-й половины XVIII в., писал об осетинах, что «нет в их стране соли, льна, конопли, хлопка и шелка, чтобы сшить себе одеяния. Поэтому большинство ходят в овчинах, и это (хлопчатку и шелк. – *Т.Г.)* привозят из Картли, Рачи и Черкесии (Кабарды. – *Т.Г.)*. И ради этого подчиняется каждый своим смежным краям и еще более ради продуктов питания... У них нет хмеля, и это также везут из Картли, Рачи и Черкесии» (Описание, 1941. С. 111; Гамрекели В. Н., 1968. С. 25.).

В 60-х годах в русских официальных кругах усиленно циркулировали сведения о том, что Вахтанг VI до его отъезда в Россию пользовался богатыми серебром и свинцом рудами Осетии, после него Ираклий II получал эту руду с помощью осетин в очищенном от бесполезных минералов виде. Русское правительство проверило эти сведения и признало их соответствующими действительности. Последовал императорский указ астраханскому губернатору Бекетову, что «буде возможно тамошними (осетинскими. – *Т.Г.)* металлами пользоваться, как по сказке архимандрита Григория пользуется уже грузинский владетель Ираклий, то есть и легко, и неприметно, и прибыльно, – в таком случае оставалось бы, конечно, на то и согласиться (т. е. пользоваться ими. – *Т.Г.*)» (Бирзе, 1937. С. 201)[2]. Результатом этого указа были три экспедиции в горы Осетии в 1768, 1771 и 1774 гг.

Наиболее важным фактором в истории грузино-осетинских отношений было военное сотрудничество (Блиев, 1970. С. 69.). Грузия, постоянно нуждавшаяся в военной силе для отпора иноземным завоевателям, всегда обращалась к осетинам за помощью и получала ее.

[2] Вопрос этот рассмотрен и автором статьи – Г.Д. Тогошвили, 1961. С. 123-127.

В 1744 г. в политической жизни Восточной Грузии произошли важные события. Царем Картли стал Теймураз II, а Кахети — его сын Ираклий II. Это означало фактическое объединение двух отдельных царств. Общими усилиями двух правительств были приведены в повиновение крупные картлийские князья. Воспользовавшись восстанием крестьян в Арагвийском ущелье, грузинские цари упразднили Арагвийское эриставство. Затем они совершили поход в Ксанское ущелье и покорили ксанских эриставов. Осетины этого ущелья не сразу покорились. Ираклий II с помощью дагестанцев сломил их сопротивление (Орбелиани, 1854. С. 288–289), а через некоторое время объединенные военные силы Картли и Кахети довершили полное феодальное подчинение ксанских эриставов. Кахетинские войска, возглавляемые Ираклием II, вступили в Арагвийское ущелье, войска Теймураза – в Ксанское, разъединив осетин этих двух ущелий и предопределив тем самым их покорность. Вскоре под влиянием этих событий подчинились грузинским царям и ксанские осетины (Там же. С. 390).

Приведение к покорности населения двух крупных феодальных владений, расположенных на подступах к перевальным дорогам, значительно укрепило позиции царской власти. Как отмечал один из русских чиновников (в 1768 г.), «сии оба владения – Арагвийское эристово и Ксан эристово... есть ли бы они по своему многолюдству и природной крепости тамошного местоположения хлебородного и плодоносного, имея при всем том каждое в своей зависимости по нескольку тысяч осетинцов, в кавказских горах живущих, совокупятся в общее намерение, в таком случае всею Грузию действовать могут, ибо и перед сего они многократно восставали против грузинских царей, а через то им и великую заботу наводили в их успокоении» (Цагарели, 1891. С. 38.).

Подчинив осетин двух указанных эриставств, грузинские правители получили возможность пользоваться Дарьяльской дорогой, развивая связи как с северокавказскими народами, так и с Россией. Именно после этих событий стало возможным – в конце 40-х годов XVIII в. – открыть после долгого бездействия торгово-караванное сообщение по этому пути (ЦГИА ГССР, ф. 1448, док. 936; АКАК . II, 1868. С. 1133).

Надо, однако, отметить, что покорение южных осетин не было достаточным для обеспечения беспрепятственного сообщения по Дарьяльскому пути. Северную часть этого пути контролировали северные осетины, и грузинские правящие круги постоянно нуждались в поддержании с ними лояльных отношений. Грузинские цари с этой целью систематически задаривали социальную верхушку северных осетин, назначали ежегодно жалования, всячески прибли-

жали их к себе.[3] При различных обстоятельствах грузинские цари каждый раз договаривались с тагаурцами о том, какие требуются от них услуги и как они будут оплачиваться[4].

Картлийское и Кахетинское царства в 1748–50 гг. вели борьбу с соседними мусульманскими ханствами, правители которых по велению персидского шаха не давали покоя Восточной Грузии. В этой борьбе широко была использована военная помощь осетин и других северокавказских народов. Собрав грузинские войска и призвав на помощь кабардинцев, осетин и кавказцев (ингушей), Теймураз и Ираклий в 1750 г. разгромили ханские орды, отпредновав победу в Тбилиси. Как повествует Папуна Орбелиани, «отпустил

---

[3] В 1776 г. арагвийский владетель царевич Вахтанг Ираклиевич разрешает тагаурскому Кундухишвили Фоме, крестнику Ираклия II, и его сыну, крестнику царевича Иоанна, покупку 2,5 сакомло (дворовый надел) земли в Ачхоти (ЦГИА ГССР, ф. 1448, д. 43). В 1785 г. Ираклий II назначает некоему тагаурцу жалование – ежегодно парчу на 40 марчили (марчили – 60 коп. серебром). В том же году Адлишвили Базе назначено было жалование ежегодно парчи на 12 марчили. В 1800 г. Георгий XII возобновил грамоту, выданную Ираклием II, о назначении ежегодного жалования парчи на 40 марчили Биаслану Шанашвили (Беслану Шанаеву), а Тасултану Дударишвили (Дударову) пожаловал грамоту о назначении ему ежегодно парчи на 30 марчили. (Институт рукописей АН ГССР, ф. Qd, док. 946, 947; ф. Hd, док. 1693, 4020). Из пометок на полях грамот явствует, что перечисленные лица регулярно получали назначенные им жалования в виде разных товаров, главным образом, материи.)

[4] Так, Ираклий II в 1787 г. писал: П. Потемкин отправил письмо тагаурцам о том, что их помощь при переноске пушек в Грузию по Дарьяльскому проходу будет оплачена {ЦГИА ГССР, ф. 1449, док. 2271). В письме царевича Вахтанга заккинцам и трусовцам (1798 г.) содержится просьба оказать содействие направляющемуся в Куртатию царевичу Давиду Георгиевичу; взамен обещаются всякие милости (ЦГИА ГССР, ф. 1448, док. 1862). Георгий XII в 1800 г., направляясь послом в Россию, обращается к тагаурцам с предложением пропустить их через свои земли и оказать им всяческое содействие. За это тагаурцам были обещаны награды и милости (ЦГИА ГССР, ф. 1448, док. 3613).

Сохранилась интересная переписка Ираклия II с правителем пограничной зоны Грузии – Хеви, с Гавриилом Казибегашвили, выступавшим посредником в сношениях царя с тагаурцами. Из этой переписки, а также из других грузинских и русских документов, выясняются некоторые особенности грузино-осетинских отношений. В частности, видно, что без согласия тагаурцев грузинские цари не могли пользоваться Дарьяльской дорогой – водить по ней караваны, осуществлять проезды послов, походы военных дружин. Тагаурские социальные верхи пользовались тем, что Дарьяльская дорога находилась под их контролем, и стремились получить от этого как можно больше доходов. Это им удавалось, что видно из приведенной переписки. Кроме того, известно, что русские власти были вынуждены вплоть до 1830 г. разрешать тагаурским феодалам собирать пошлины с проезжающих по дороге.)

государь черкесского (кабардинского. — *Т.Г.)* князя, одарив щедро его и войско, войско потусторонних осетин, наполнил их всех дарами и отправил в свои страны» (Орбелиани, 1854. С. 424, 428.).

В 1751 г. владетель Тебриза Азат-хан, замыслив покорить Иран, двинулся на Ереван. Его властитель попросил царей Теймураза и Ираклия о военной помощи. Они немедля стали готовиться к походу и послали своих людей в Кабарду, Осетию и другие горные районы за войском. Ираклий II с картлокахетинскими войсками выступил навстречу врагу. В это время «прибыло в город (Тбилиси. — *Т.Г.)* войско потусторонних осетин. Теймураз дал им содержание, приставил проводников и отправил их к сыну своему, соединились с царем Ираклием в Банбаки».

Сравнительно с небольшими силами Ираклий II встретил в Кирхбулаке, у Еревана, 18-тысячное войско Азат-хана и разбил его (Там же. С. 435,135).

В 1752 г. грузинам пришлось вступить в войну с ханом Шеки-Ширвана Аджи-Челебием. Он, организовав сильный антигрузинский союз мусульманских ханств и дагестанцев, нанес поражение грузинам у Гянджи и стал разорять Картли и Кахети.

Теймураз и Ираклий приняли все меры для отражения вражеского нашествия. Мобилизовав свои силы, они отправили в Кабарду Зураба Зедгенидзе за помощью. Кабардинские князья обещали дать войско, однако потребовали за это большую плату. Царям пришлось отправить нового посла в Кабарду, но и это не дало результата. Переговоры с кабардинцами о военной помощи затянулись.

Между тем вражеские войска бесчинствовали. Чтобы ускорить дело, с согласия Теймураза Ираклий сам отправился в Кабарду. Он доехал до Хеви, оттуда послал своих князей в Кабарду. Здесь к нему присоединилось осетинское войско. Вскоре сюда же явились кабардинские начальные люди, они, наконец, договорились с Ираклием и дали ему свое войско (Орбелиани, 1854. С. 444.).

Узнав, что грузинским царям удастся собрать большие силы, хан решил отступить. Однако Ираклий II настиг ханское войско на границе Казах-Шамшадилу и вступил с ним в сражение. Вражеским войскам удалось вначале пробиться в расположение грузинских войск. Яростному натиску подвергся осетинский отряд, врагу удалось расстроить его ряды. В это время Ираклий нанес решительный удар по основным силам противника и разбил его. В сражении приняли участие и кабардинцы (Там же. С. 446).

Об этом совместном сражении грузин, осетин и кабардинцев против Аджи-Челебия повествуется и у П.Г. Буткова. По его данным, в августе 1752 г. в Кабарду прибыли за военной помощью посланцы Ираклия II — грузинский князь Чебелев и осетинский владелец Елисей Ильин.

В результате 2000 кабардинцев и отряд осетин («из некоторых деревень — по четыре, а из иных — по три и по два человека со двора поехали») двинулись в Грузию (Бутков, 1869. С. 391.).

Победы над Азат-ханом и Аджи-Челебием значительно укрепили позиции Картли и Кахети, однако вторжения дагестанских феодалов не прекращались. Это были не только мелкие набеги, но и крупные походы. Один из таких походов на Восточную Грузию организовал владетель Хундзахи Нурсал-бег.

Нурсал-бег вторгся в Кахети, начал разорять ее. Серьезная опасность нависла над Грузией. «Цари послали нарочных в Черкези (Кабарду. — *Т.Г.)*, обещали им большую плату, наняли войско их, также осетин и горцев»... Однако ждать прибытия наемных войск было нельзя, обстоятельства требовали немедленных действий. Грузии своими силами удалось покончить с ордой захватчиков. Помощь явилась позднее. «Пришли в Ананури войска черкезов (кабардинцев. — *Т.Г.)*, калмыков, джиков, киштов, ногайцев и осетин. Войска этих стран возглавлялись своими начальными людьми... Эристав Джишмер привел их в окрестности Тбилиси; их остановили в Дидубе, приставили к ним мемандаров и снабдили достаточным довольствием» (Орбелиани, 1854. С. 456—459).

Начальники наемных отрядов потребовали от царей или использовать их в борьбе с врагами, или отпустить домой. Картли, многократно опустошаемый, был настолько бедным, что не мог долгое время содержать наемные войска. Одарив начальных людей, цари отправили военные отряды обратно. Осетины, которые имели еще от Багратионов жалованные грамоты, получили от царей возобновление этих грамот и плату за военную помощь. Начальники отрядов заявили царям, что всегда откликнутся на их призыв о помощи (Орбелиани. 1854. С. 458.).

Эти сведения П. Орбелиани подтверждаются донесением капитана Отара Туманова — конфидента русского правительства в Грузии в 1754—1756 гг. 17 июля 1754 г. в своем донесении Коллегии иностранных дел он сообщал, что 14 июля в Кабарде видел посланника Ираклия II Цицишвили Гиви, приглашавшего кабардинцев в качестве наемной дружины в Грузию. Часть кабардинцев уже собралась, остальные еще торгуются о размере платы. От Гиви Отар Туманов узнал, что живущие на дороге тагаурские осетины не пропускают кабардинцев в Грузию, требуют, чтобы царь назначил им то же жалование, что имели они от картлийского царя. Гиви послал к царю человека за ответом тагаурцам» (Цинцадзе, 1946. С. 15.).

Требование тагаурцев, как видно из сообщения П. Орбелиани, было удовлетворено. Им возобновили прежние жалования.

В 1755 г. Нурсал-бег вновь вторгся в Кахети. В Грузии, очевидно, ждали нового вражеского нашествия. До его начала в Кабарде

побывал Рамаз Ендроникашвили с миссией собрать войско в помощь Грузии. Это войско, состоящее из кабардинцев, осетин и калмыков, было, однако, немногочисленным. Поэтому из Ананури в Кабарду был послан Иессея Мачабели. Царский посланец обещал за помощь большую плату, но безрезультатно. Ему говорили: «Весь Дагестан пошел (войной), мы не можем воевать с ними». Вернулся Мачабели в Телави и доложил обо всем царям (Орбелиани, 1854. С. 462.).

Действительно, на этот раз в Кахети вторглось большое двадцатитысячное дагестанское войско. Но и оно не смогло покорить мужественную, свободолюбивую страну. Грозная опасность порабощения была устранена. Небольшой осетинский отряд, совместно с кабардинцами и калмыками, был участником неравной, но героической победной борьбы грузинского народа за свою независимость. После разгрома Нурсал-бега цари наградили своих союзников – осетин и кабардинцев – и отпустили их домой (Там же. С. 465.).

С 50-х годов XVIII в. грузинские политические объединения (Картли, Кахети, Имерети) вступили в новую полосу отношений с Россией. В 1752 г. послы Картли и Кахети в России Афанасий Амилахвари и Свимон Макашвили заявили русскому правительству, что грузинский народ «довольно креп» и что теперь легче будет оказывать Грузии поддержку в соответствии с политическими интересами России.

Однако Российское правительство еще не считало политическую обстановку благоприятной для установления новых отношений с Грузией, так как избегало дополнительных осложнений с Турцией. С тревогой следили турецкие правители за продвижением России на Кавказ и всеми силами стремились изолировать от нее кавказские народы.

Следует отметить то обстоятельство, что оживление грузиносевероосетинских отношений на протяжении всего XVIII в., как правило, связано с каждым новым шагом в развитии русско-грузинских отношений. Это объясняется тем, что развитие русско-грузинских отношений было немыслимо без установления соответствующих связей с северными осетинами и кабардинцами, территории которых отделяли Грузию от России.

Поэтому как русские, так и грузинские политические круги установили добрососедские отношения с осетинами, что позволяло беспрепятственно пользоваться перевальными дорогами по Кавказскому хребту. Установление таких отношений шло успешно, так как осетины традиционно являлись добрыми соседями Грузии, всегда оказывали ей военную помощь в борьбе против иноземных захватчиков.

Грузинские политические круги все время стремились как можно шире вовлечь Северную Осетию в орбиту своего влияния, чтобы

успешнее использовать в интересах Грузии их военные ресурсы. Несмотря на неблагоприятные внешние условия своего развития, Грузия в XVII–XVIII вв. пыталась продолжать миссионерскую деятельность среди осетин, распространять среди них христианство. Картлийский царь Георгий XI в 80-х годах XVII в. в условиях тяжелой борьбы с Персией установил с осетинами тесные политические связи. По данным католического пастора Диониджо Карло, долгие годы пребывавшего в Картли, Георгий женил своего сына на дочери осетинского князя. Это было очень важно для укрепления позиций Грузии, для усиления отпора персидскому нашествию (Описание, 1951. С. 171). До нас дошли церковные колокола с дарственными надписями, пожертвованные Георгием в 80-х годах известным в Осетии культовым сооружениям — Рекомскому и Дзивгисскому святилищам (Тогошвили, 1969. С. 111, 232). Вахушти Багратиони, историк I-й половины XVIII в., отмечает, что в Осетии имеются христиане, получившие крещение в Картли и Рача (Описание, 1941. С. 110.).

Наиболее важным свидетельством о ведении миссионерской деятельности в Осетии грузинскими духовными лицами являются организация и деятельность «Осетинской духовной комиссии». История существования этой комиссии хорошо известна в осетинской историографии благодаря трудам Б. Скитского, М. Тотоева, М. Блиева и др. Считаем необходимым для разработки нашей темы остановиться на некоторых документах и фактах, связанных с работой комиссии.

Прежде всего выясняется, что в царствование в Картли Вахтанга VI (1703–1724 гг.) грузинские миссионеры жили в Осетии, распространяя среди населения христианство. Поэтому многие грузинские духовные лица, эмигрировавшие вместе с Вахтангом VI в Россию, владели осетинским языком. Не случайно, что инициатива создания специальной миссии для обращения в христианство осетин и других горцев Кавказа исходила от грузинских духовных лиц.

В 30-х годах XVIII в. на Северном Кавказе миссионерскую деятельность развернул бывший манглисский архиепископ Иоанн, вынужденный покинуть родину. Он обосновался в Троицком монастыре в Астрахани и крестил тех из горцев, которые специально для этой цели приезжали к нему. Из Астрахани Иоанн переместился в Кизляр, где при грузинской церкви открыл школу и стал проповедовать в ней христианство. Однако его деятельность была ограничена. «На первых порах он не мог отправить миссионеров в достаточном количестве в Осетию, так как не располагал никакими средствами для содержания проповедников. Таким образом, ему оставалось проповедовать только среди осетин, которые жили близ Кизляра... Первые шаги, сделанные архиепископом Иоанном, убедили его, что при пра-

вильной организации миссии и при достаточных средствах дело обращения горцев в христианство не будет сопряжено с особенно большими препятствиями» (Илуридзе, 1888, № 6. С. 7.).

Естественно, грузинская церковь своей миссионерской деятельностью на Северном Кавказе преследовала те же цели, что и политические руководители Грузии. Однако и правители, и миссионеры хорошо понимали, что собственными силами они не в состоянии справиться с задачами, стоявшими перед Грузией – вывести свою страну из политической изоляции на путь мирного развития. Большая надежда возлагалась на Россию, которая вступила в конфронтацию с Турцией и Ираном – с исконными врагами Грузии.

Когда миссия Вахтанга VI, стремившегося получить немедленную военную помощь от России для освобождения страны от турецких завоевателей, не дала результатов, его сподвижники взяли курс на постепенное укрепление военного и политического положения Грузии. В системе принимаемых мер важное место отводилось распространению христианства среди осетин, что еще крепче связало бы Осетию с Грузией, позволило бы шире использовать военные силы осетин, обеспечило бы безопасный тыл и беспрепятственные сношения с Россией.

Именно при таких обстоятельствах в ноябре 1742 г. архимандрит Московского Знаменского монастыря Николай и епископ Иосиф Самебский – родом грузины – обратились к русским властям с предложением создать специальную миссионерскую организацию для распространения христианства среди осетин. В своем докладе по этому поводу они указывали, что осетины, составляющие 200 тысяч душ, ранее были христианами и проявляют желание восстановить христианство в своей стране; политически же они самостоятельны, и миссионерская деятельность среди них не приведет к осложнениям отношений с другими странами (подразумевалась, главным образом, Турция). Они особо подчеркивали наличие в Осетии природных богатств (золота, серебра и других рудных месторождений). Авторы этого предложения, обосновывая свою просьбу поручить им заняться миссионерской деятельностью в Осетии, подчеркивали свое знакомство с краем, уверенность в том, что в самое ближайшее время осетины станут христианами и перейдут в подданство России (ЦГАДА, ф. 199, порт. ф. 184, ч. 2, д. 17, л. 1–2).

Из приведенного документа видно, что в Грузии хорошо понимали политические интересы русского государства на Кавказе. Поэтому в нем особо подчеркивались выгоды, которые получит Россия в результате деятельности, предлагаемой духовной комиссией.

Русское правительство, как известно, приняло предложение грузинских духовных лиц, создало «Осетинскую духовную комиссию» и укомплектовало ее исключительно грузинами. При этом

оно учитывало как политическую (не вызвать обострения отношений с Турцией), так и практическую сторону вопроса. Русскому правительству хорошо было известно, что грузины пользовались особым влиянием в Осетии и осетины «к грузинцам от большей части по закону склонны» (Материалы, 1933. С. 33). Благорасположение осетин к грузинским духовным особам настолько высоко ценилось, что Коллегия иностранных дел считала возможным отправить их в Осетию для проповеди без охраны.

Задачу «Комиссии» русское правительство видело в том, чтобы путем распространения христианства приблизить осетин к России, «приобрести их в здешную сторону».

Деятельность «Осетинской комиссии» на Северном Кавказе была полезна как для России, так и для Осетии. «Комиссия» не ограничивалась распространением христианства, она выполняла важные поручения, содействовала укреплению политической ориентации осетин на Россию. Ее деятельность сыграла немалую роль в том, что среди осетинской социальной верхушки созрела мысль о присоединении Осетии к России. По инициативе «Комиссии» в 1749 г. в Петербург прибыло первое осетинское посольство, которое, как справедливо указывает М. Блиев, означало открытие для Осетии России, раз и навсегда связало осетин с великим русским народом. Переговоры посольства с русским правительством положили начало историческому соглашению о присоединении Осетии к России, которое было достигнуто в 1774 году (Блиев, 1970. С. 160).

Примечательно, что руководитель первого осетинского посольства в Петербурге Зураб Елиханов был воспитан при дворе картлийского царя Вахтанга VI, являлся политическим деятелем вахтанговской школы, твердо придерживавшейся прорусской ориентации. Член посольства Елисей Лукич Хетагов получил духовное образование в Грузии (Блиев, 1961. С. 43—15; Блиев, 1970. С. 93—94, 123—125).

«Комиссия» сыграла определенную роль и в распространении грузинской грамотности среди осетин. Она вела свою работу на грузинском и осетинском языках. Члены «Комиссии» частным образом, на свои средства, обучали грузинской грамоте осетинских подростков. Так, архимандрит Пахомий, руководитель «Комиссии», обучил грамоте двух осетин, а игумен Григорий — трех. Пахомий докладывал Синоду, что осетины, обученные им грузинскому языку и письменности, «в крещении своего народа великое вспомоществование чинят» (Материалы, 1943, т. V, док. 4). Один из таких воспитанников Пахомия, куртатинец Вахта Гуриев (Гвривидзе, Базазашвили), в христианстве Баграт, стал искусным переписчиком грузинских рукописных книг и сочинял стихи на грузинском языке (Институт рукописей АН ГССР, ф. Н. № 300, л. 2598; Глонти, 1955. С. 130—131; Дзасохов, 1967, № 8; Саришвили, 1965. С. 12).

Пахомий в 1751 г. поставил перед Синодом вопрос об открытии школы для осетин. Синод, признав, что «сие дело зело нужно», принялся за изучение связанных с ним вопросов: во сколько обойдется содержание школы, где ее открыть, каким будет состав учеников и преподавателей, как отнесутся осетины к определению своих детей в школу и т. д. В 1753 г. Пахомий представил Синоду подробный проект создания школы. Проектом предусматривалось открытие школы в Куртатинском ущелье на казенный счет на 30 учеников. Обучение детей должно было вестись на грузинском языке. Еще в 1746 году члены «Комиссии», по заданию Синода, приступили к переводу с грузинского на осетинский книг духовного содержания с использованием грузинской графики. Однако открыть школу в Осетии тогда не удалось. Русское правительство в решении подобных вопросов действовало осторожно, не спеша. Первая осетинская школа, как известно, была открыта только в 1764 г. в крепости Моздок. Первыми учениками Моздокской школы были сыновья нарских, захских и мамисонских старшин, — т. е. представителей привилегированных слоев в той части Осетии, которая входила в состав Картлийского царства. По ведомости 1767 г. отцы учеников этой школы получали ежегодные жалованья от картлийского и имеретинского царей (Скитский, 1956. С. 172).

Первым учителем Моздокской школы был грузинский игумен, потом архимандрит и с 1764 г. (после смерти Пахомия) руководитель «Комиссии» Григорий Романов (Романишвили). Кизлярский комендант Потапов в 1766 г. докладывал в коллегию иностранных дел, что Григорий «там (в Осетии. — *Т. Г.)* в народе лучший кредит имеет, нежели бывший архимандрит (Пахомий. — *Т. Г.),* без посредства толмачей с ним говорит, да и старшины тамошние все к нему усердные и во всяком послушании» (Красный архив, № 4 (83), 1937. С. 185—186).

Григорий Романов был использован русскими властями для установления необходимых политических связей с грузинскими царствами накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Еще до начала войны он был отправлен в Грузию для выяснения вопроса о возможном участии картло-кахетинского царя Ираклия II и имеретинского Соломона I в войне с Турцией на стороне России. Из Кизляра Григорий прибыл в Тбилиси к Ираклию II. Тот дал ему проводников и отправил в Имеретию к царю Соломону. «Как Ираклий, так и Соломон принимали архимандрита весьма ласково, и первый подарил ему сто рублей». Из Имеретии Григорий отправился в Грузию, но там был захвачен и убит агентами Турции 1 февраля 1768 г. Проводников Григория выкупил царь Соломон (Цагарели, 1891, т. 1. С. 4—5).

В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. грузинские царства

выступили на стороне России. Они рассчитывали избавиться от турецкой агрессии, укрепить свое внутреннее положение и возвратить отторгнутые Турцией территории. Россия же, найдя на Кавказе верных союзников, намеревалась поставить Турцию перед необходимостью вести сражения на два фронта и этим облегчить себе действия на главном Балканском театре войны.

В Грузию был отправлен экспедиционный корпус под командованием генерала Тотлебена. Русские войска вступили в Грузию через Дарьяльскую дорогу летом 1769 г. Проводниками и переводчиками при экспедиционном корпусе были члены «Осетинской комиссии» Иван Пицхелауров и Николай. Они обеспечили пропуск русскому войску, договорившись с тагаурскими феодалами, добились принятия от них аманатов (заложников) (Хантадзе, 1957. С. 410). Подобные услуги высоко оценивались русскими властями. Малокабардинскому владельцу Арсламбеку Гаусултанову за налаживание отношений с осетинами, «живущими на дороге в Грузию», русское правительство определило ежегодное жалованье (АКАК, I, 1866. С. 85).

Упомянутый выше Иван Пицхелауров еще в начале 1769 г. по заданию имеретинского царя Соломона I был отправлен в Дигорию, чтобы помешать миссии сына рачинского эристава Ростома Егору (Георгию), прибывшему к кабардинскому князю Наврузу Исламову за помощью против царя. Навруз и Егор отправились в Дигорию (Кубатиево), чтобы заручиться поддержкой своих сторонников. Однако они ничего не добились. Узнав о прибытии в Осетию Пицхелаурова, Навруз и Егор немедленно разъехались по своим местам (АВПР, д. 7, оп. 110/2, л. 2–2об.; Цагарели, 1891. С. 418–419).

Таким образом, члены «Комиссии» активно занимались не только конфессиональными, но и политическими делами, тщательно, однако, их маскируя. Поэтому мы вправе рассматривать ее главным образом как политическую организацию.

О политической сущности деятельности «Комиссии» убедительно свидетельствуют разногласия, которые возникли между ее членами в период поездки и переговоров первого осетинского посольства в Петербург. Главной причиной разногласий в «Осетинской комиссии» М. Блиев считает вопрос о политической ориентации Осетии. В «Комиссии» якобы наметились две разные тенденции – прорусская и прогрузинская (Блиев, 1970. С. 109). Нам кажется, что правильнее было бы видеть в этих разногласиях проявление феодального сепаратизма. Ведь организаторами попыток помешать миссии осетинского посольства были представители феодальных кругов Грузии, главным образом, из рода ксанских эриставов, претендовавших на земли, выходцы из которых составляли большинство членов посольства. Принятием этих земель в подданство России феодалы лишились бы всяких надежд сохранить на них свою власть.

Хорошо понимая тактику внешней политики России в ту пору — не вызвать осложнений с Турцией и Персией, — противники посольства неправильно информировали русское правительство, будто Туалетия находится под протекцией Турции, а Зака — Ирана (Там же. С. 143). Эти разногласия внутри посольства, безусловно, сыграли свою роль в том, что Россия отказалась принять Осетию в свое подданство, ссылаясь на условия Белградского мира. Между тем, в Осетии правильно считали, что она свободна, независима, и Белградский мир на нее не распространяется.

«Осетинская духовная комиссия» была учреждена русским правительством и по его расчету должна была способствовать упрочению влияния России на Северный Кавказ. Эта деятельность волновала и беспокоила грузинские политические круги. Они рассчитывали лишь на то, что «Комиссия» будет способствовать расширению русско-грузинских отношений. В Грузии очень дорожили добрыми отношениями с Северной Осетией и не желали каких-либо помех в их традиционных связях. Наро-мамисонские и другие североосетинские общества в XVII— XVIII вв. не раз служили убежищем для грузинских царей, преследуемых турецкими или персидскими завоевателями. Осетины являлись почти непременными и активными участниками военных кампаний грузинских политических кругов.

Когда находившиеся в России преемники Вахтанга VI убедились, что решение вопроса о принятии Грузии в Российское государство задерживается на неопределенное время, они попытались заинтересовать русских властей Осетией. Цель была такова — сделать Россию непосредственным соседом Грузии. Убедившись на опыте, что политические шаги в этом направлении остались без последствий, они выдвинули на первый план миссионерскую деятельность в Осетии силами грузинского духовенства. Это было выгодно и политическим кругам, и духовным лицам. Они получили бы возможность приблизиться к Грузии и активно влиять на развитие событий в пользу преемников Вахтанга. Не случайно, что Бакар Вахтангович принимал деятельное участие в подготовке к отправлению «Комиссии» в Осетию (Блиев, 1970. С. 86).

Но со времени подачи идеи создания «Комиссии» до ее учреждения и отправления в Осетию прошло несколько лет. За это время в жизни Грузии произошли важные события.

В Грузии образовались два государства — Картли и Кахети, объединенные по сути в одно целое. Тем самым у преемников Вахтанга VI была выбита почва из-под ног.

Новые властители Восточной Грузии проявили огромный интерес к «Комиссии». П. Орбелиани в своем историческом сочинении восторженно сообщает, что «Великий и Высокий царь, вседержатель России, прислал на Кавказ семерых монахов с большими со-

кровищами для проповеди веры Христова... они пришли в Великую Осетию... многих обратили в христианство... Эти монахи были достойные и добродетельные сыны Грузии, пришедшие в Россию вместе с царем Вахтангом; они были исполнены большой мудрости и хорошо знали местный язык... Один из этих монахов приехал в Тбилиси; в это время царь Картли Теймураз, как услышал от монаха о делах христианских, был любовно возбужден и предался большой радости, патриарх Антон поддержал монаха, ободрили и обратно послали в Кавказские горы» (Орбелиани, 1854. С. 386—387).

Как видно, грузинские правящие круги посчитали деятельность «Комиссии» полезной и для Грузии. Они не без основания считали, что «Комиссия» в составе грузинских духовных лиц будет служить и интересам Грузии. И, действительно, члены «Комиссии» установили определенные связи с грузинскими царствами, занимались по их поручениям выкупом пленных грузин, выполняли различные задания. Все это делало «Комиссию» на первых порах ее существования политическим орудием не только России, по и Грузии (Тогошвили, 1969. С. 235). Это обстоятельство вызвало, однако, недовольство русских властей, доставляло им много забот и затруднений. В 1771 г., когда уже вполне определилась победа России в войне с Турцией, русское правительство реорганизовало «Комиссию». Грузинские духовные лица в «Комиссии» были заменены русскими и, таким образом, она полностью стала орудием русской политики на Северном Кавказе.

Как же проходили грузино-осетинские отношения в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.? Готовясь выступить против Турции, царь Ираклий II послал своих представителей в Северную Осетию для получения от них военной помощи. 21 июля 1768 г. ротмистр А. Киреев в своем рапорте кизлярскому коменданту сообщал, что в Куртатинском ущелье он видел посланцев от Ираклия II, предлагавших осетинским старшинам и владельцам Малой Кабарды совместно проложить дорогу в Грузию по Куртатинскому ущелью. Необходимость этого объяснялась тем, будто по Дарьяльскому пути путники подвергались грабежу и пленению. Однако Киреев не верил этим объяснениям и считал более правдоподобными данные, сообщенные им «по секрету» осетинским владельцем Андреем (Алегука) Цаликовым. По этим данным персидский векиль Керимхан и с ним высланный из России Александр Бакарович приближаются с войском к Тбилиси, чтобы свергнуть с престола Ираклия и провозгласить царем Александра. Новая дорога нужна была Ираклию на случай поражения, чтобы с семьей укрыться в Осетии. Киреев добавлял в своем рапорте, что осетины и владельцы Малой Кабарды готовы отправиться к Ираклию, а куртатинцы уже двинулись» (Материалы, 1933, I. С. 208; Тогошвили, 1969. С. 146—147; Блиев, 1970. С. 205).

Очевидно, что цель, которую преследовали посланники Ираклия в Осетию, заключалась в том, чтобы привлечь осетинские отряды на помощь в войне и против Турции, и против возможных выступлений претендента на картлийский престол Александра Бакаровича.

Немного позже (в ноябре 1768 г.) об активной деятельности посланников Ираклия II в Осетии сообщает Стефан Вонявин — начальник русской горной экспедиции в Осетии. Он пишет, что в Куртатии, в доме крещеного осетина Андрея Цаликова встретился с посланником грузинского царя. Он прибыл, чтобы нанять войско и получить согласие, в случае надобности, пропустить Ираклия в Осетию и предоставить ему убежище. В отличие от Киреева, Вонявин отмечает, будто куртатинцы не откликнулись на призыв Ираклия.

Последующие события свидетельствуют о том, что многие общества Осетии выступили союзниками Ираклия в его борьбе против Турции, приняли активное участие в русско-турецкой войне.

Осетинский отряд участвовал в Аспиндзской битве 20 апреля 1770 г., где картло-кахетинские войска под предводительством Ираклия II разбили численно превосходящие силы турок. Сохранилась грамота царя Ираклия на имя нарского осетина Дохчико Хетагури о пожаловании ему имения в Цхинвале. В ней отмечается: «Твой сын Болатико был с нами в Аспиндзе, где разбили турок и леков (дагестанцев. — *Т. Г.),* там он храбро сражался и был убит...» (Материалы, 1933. С. 220; Тогошвили, 1969. С. 147).

Осетины участвовали и в других операциях этой войны. Академик Гюльденштедт в своем докладе Императорской Академии наук от 25 сентября 1771 г. писал, что из Осетии до Душети он путешествовал «в обществе осетин, несколько сот человек из которых Ираклий нанял для своего войска, и что глава и начальник их Ахмет (Дударов. — *Т.Г.)* со своими людьми направился в Тбилиси» (Гюльденштедт, 1964. С. 126—129). 25—26 октября 1771 г. осетинский отряд принял участие во взятии Хертвисской крепости. Нарские осетины в своем письме П. Потемкину от 1783 г. сообщали следующее: «Когда гвардии капитан Иван Лаврентьевич Львов ходил под Хертвисом для взятия оной крепости, тогда с ними было наших осетин 800 человек, мы полонили 75 ясырей магометанских... Также под Ахалкалаком когда ходили, наших было при гвардии капитана Львова 700 человек, тогда некоторых убили в сражении, а некоторые возвратились назад домой» (ЦГАДА, ф. 23, д. 13, 4, 3/1, л. 164. 4 в).

Капитан Львов 8 ноября 1773 г. доносил графу Папину, что Ираклий II и Соломон I собрали каждый по 5 тысяч человек, около одной тысячи осетин, в том числе и ингушей (АВПР, д. 7, оп. 110/ 2, №12, л. 238).

Во время войны через Северную Осетию осуществлялись связи русских властей с грузинскими властителями. По сообщению астра-

ханского губернатора Бекетова (от 18 сентября 1770 г.), «посланный в Имеретию с письмами к царю Соломону осетинец Осип Абаев на возвратном пути был убит...» (АКАК, I. С. 85). Из рапорта кизлярского коменданта Потапова в Коллегию иностранных дел мы узнаем, что «Хвабулов ехал в Имерети через осетинскую дорогу (по Алагирскому ущелью), в чем способствовал ему дьячок «Осетинской комиссии» Басил Караджаев».

Таким образом, в период русско-турецкой войны особенно оживились многосторонние грузино-осетинские связи. Это обстоятельство положительно сказывалось на развитии русско-грузинских и русско-осетинских отношений. Причина этого в том, что русско-осетинские, русско-грузинские и грузино-осетинские отношения так же, как отношения Кабарды со всеми этими народами, были взаимосвязаны и в значительной мере взаимообусловлены. Сложное переплетение судеб многих кавказских народов определило интенсивность и систематичность их взаимосвязей, их стремление к сближению с быстро растущим русским государством, в конечном итоге — к присоединению их к России.

Не случайно, что военная помощь, которую оказывали осетины Грузии в период русско-турецкой войны, рассматривалась ими как услуга России. Об этом красноречиво говорит письмо нарских осетин П. Потемкину, датированное 1783 г., где подробно перечисляются факты участия осетин в сражениях с Турцией на Кавказском фронте (ЦГАДА, ф. 23, д. 13,4, 3/1, л. 164).

Самым важным результатом русско-турецкой войны для Северной Осетии явилось присоединение ее основной части к России. Этот акт ознаменовал переломный момент в истории осетинского народа, определил всю его дальнейшую судьбу. С этого момента власть кабардинских феодалов над отдельными осетинскими обществами либо прекращается, либо слабеет. Осетинские общества начинают играть более активную роль в политической жизни Северного Кавказа.

Россия после присоединения Северной Осетии стала непосредственным соседом Грузии, начала проводить в ней и на Северном Кавказе более активную независимую политику (Боцвадзе, 1974. С. 67, 69).

Грузино-осетинские отношения продолжали развиваться и после русско-турецкой войны. Тагаурские осетины в 1780 г. были участниками похода Ираклия II против Ереванского ханства (конкретно упоминается Беслан Шанашвили (Шанаев) (Институт рукописей, ф, Hd, док. 13693). Даже после заключения между Россией и Грузией Георгиевского трактата (1783 г.) и вступления Грузии под протекторат русского государства не отпала необходимость в военной помощи осетин. С. Бурнашев 25 ноября 1784 г. доносил П. Потемкину: «Его высочество (Ираклий II. — *Т.Г.)* изволил объявить мне, что для защищения своих границ со стороны турок неотменно

должно ему призвать к себе осетинцев и других горских народов, как и перед сим бывали оне всегда на службе царской в таком случае» (ЦГВИА, ф. 52, д. 331, ч. 9, л. 74).

Когда в 1785 г. Омар-хан Аварский вторгся в Грузию, Ираклий II для отражения врага собрал свое войско и призвал на помощь осетин и ингушей. К 20 сентября 1785 г. у Ираклия уже находились 400 осетинских и ингушских воинов (Дубровин, 1878. С. 69). Другой отряд осетин предназначался для обороны Гори, Цхинвали и окрестных селений (ЦГИА ГССР, ф. 1448, док. 5607).

В 1787 г. в связи с осложнением отношений с ханствами Ираклий II, по сведениям Бурнашева, послал людей в горы для набора войск из осетин и других народов. П. Потемкин 12 августа 1787 г. рапортовал Гр. Потемкину, что аварский хан собирает войско против Грузии, «царь же Ираклий вызвал ингушей и осетинцев до пятисот человек, коим идти я позволил» (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 416, ч. 1, л. 331 об; д. 416, ч. 2, л. 12).

С помощью тагаурцев была переправлена артиллерия из Владикавказа в Грузию, подаренная русскими властями Ираклию II. В апреле 1787 г. Ираклий II пишет письмо П. Потемкину с просьбой ускорить присылку артиллерии. «Мы ныне всем тагаурцам писали письма и обещали для перевозу оной уплатить» (Там же, л. 173 об.). П. Потемкин 4 декабря того же года рапортовал Гр. Потемкину, что «асетинцы подряжены и деньги посланы. Уповаю, что на сих днях переправлено уже из оных десять легких орудий через горы» (Там же, л. 297 об.).

Из этих конкретных фактов можно заключить, что осетины продолжали играть важную роль в военно-политических делах Восточной Грузии и в осуществлении ее связей с Россией.

Турция не мирилась с укреплением позиции России на Кавказе и всячески противилась этому. 20 декабря П. Потемкин извещал Г. Потемкина, что «турки не перестают поджигать не только адрибежанские и дагестанские народы, но даже и кавказские... Из Суджуккале прислан был один аджи к Ахмету — осетинскому владельцу магометанского закона, который живет у самой дороги чрез Кавказские горы в ущелье, чтоб он всемерно старался портить дорогу и всякому сообщению препятствовать» (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 350, ч. 11, л. 44 об.). С. Бурнашев в рапорте от 25 февраля 1787 г. сообщал П. Потемкину, что из Ахалциха следовал некий турок с письмами и подарками из Константинополя к Ахмету осетинскому. Грузинский царевич Давид Георгиевич попытался перехватить турецкого агента, однако ему удалось пройти по другой дороге (Там же, д. 416, ч. I, л. 100 об.).

Какие последствия имела антирусская пропаганда турецкой агентуры среди осетин? Осетины, безусловно, руководствовались собственными интересами и поэтому твердо придерживались прорусской ориентации. Н. Дубровин отмечал, что «посланные Порты время

от времени появлялись в разных местах Закавказья и Дагестана. Один из них пробрался к осетинам с поручением уговорить их портить дороги и преграждать всякое сообщение России с Грузией... Осетины не согласились удовлетворить желание турецкого правительства» (Дубровин, 1878. С. 73).

В 90-х годах XVIII в. осетины продолжали участвовать в политической жизни Грузии. В 1791 г. тагаурцы и куртатинцы в составе картло-кахетинских войск боролись за имеретинский престол на стороне внука Ираклия II – Давида, ставшего царем под именем Соломона II (Царевич Баграт.1941. С. 63).

Сообщаемые нами факты о грузино-осетинских отношениях касаются главным образом Восточной Грузии (в первую очередь, Картли), что вовсе не означает, что осетины не имели связей с Западной Грузией (с Имеретинским царством). Дело в том, что о связях осетин с Имеретинским царством сохранилось очень мало сведений, связи же осетин с Картли сравнительно широко отразились в источниках.

Имеретинское царство поддерживало политические и экономические связи с дигорцами и наро-мамисонскими осетинами. Имеретинские цари устанавливали свои отношения с осетинами посредством рачинских эриставов, часто выступавших против царской власти и преследовавших в отношениях с осетинами свои собственные интересы.

Когда царь Соломон I разбил рачинского эристава Ростома в 1769 г., он получил возможность непосредственного общения с осетинами. Имеретинский царь нуждался в осетинах, во-первых, для получения военной помощи и, во-вторых, для обеспечения связей с Россией. Эти связи Имеретии с Россией осуществлялись исключительно через территорию Осетии (по Мамисонскому и Алагирскому ущельям и по Дигории).

В 1783 г. нарские старшины писали П. Потемкину, что они, по его просьбе, оказали помощь капитану Штедеру, следовавшему в Имеретию. Они благодарят Потемкина за его ходатайство перед Соломоном I об освобождении старшины Атарова, находившегося в заключении в Имеретии (ЦГВИА, ф. 51, оп. 194, д. 286, ч. 1, л. 153–153 об.). Штедер описывает свою поездку в Имеретию по Ардонскому и Мамисонскому ущельям, сообщает о том, как мамисонцы просили его помирить их с Соломоном (Там же, л. 320 об.).

П. Потемкин в переписке с Гр. Потемкиным подчеркивает свои регулярные связи с нарскими осетинами. Нарские осетины, видя, что русские власти приступили к расширению дороги по Дарьяльскому ущелью, просили Потемкина сделать колесную дорогу по ущелью Ардона до Имеретии. П. Потемкин вмешался в отношения осетин с Соломоном, старался примирить их и, таким образом, обеспечить беспрепятственное сообщение с Имеретией. (ЦГВИА, ф. 52, д. 286, ч. 1,

л. 152, 153–153 об. С. 248). Он отдал распоряжение снять план Ардонского ущелья для проведения дороги в Имеретию (Там же, л. 152).

О большой роли, которую играли осетины в осуществлении связей между Имеретией и Россией, свидетельствует письмо имеретинского царя П. Потемкину. В письме сообщается об отправлении к Потемкину Виссариона Габашвили, который однако вынужден был задержаться. Дело в том, что ему нельзя было воспользоваться дигорскими дорогами. Письмо заканчивается просьбой к Баделидзевым (Бадилата) и Черкесидзевым (Царгасата) «приказать всему дигорскому народу», чтобы не препятствовали сообщению Имерети с Россией по своей территории (ЦГВИА, ф. 52, д. 416, ч. I, л. 395).

Из всего сказанного видно, что правящие круги Имеретии хорошо знали авторитет и влияние русской администрации в Осетии. С другой стороны, большую роль этой администрации признавали и наро-мамисонские осетины, которые обращались к П. Потемкину, капитану Штедеру об урегулировании их отношений с имеретинскими царями. После Кючук-Кайнарджийского мира и присоединения Северной Осетии к России русское влияние стало весьма существенным в отношениях Осетии и Картло-Кахетинского царства.

Связи наро-мамисонских и дигорских осетин с Имеретией и Рача были обусловлены теми же факторами, которые определяли отношения осетин с Картли и Кахетией. Имеретинцы видели в осетинах военных союзников, посредников в своих связях с Россией. Осетины держались в Имеретии по экономическим соображениям. Здесь необходимо привести слова Вахушти Багратиони о том, что осетины многие товары, главным образом продовольствие, получают из Картли, Рачи и Кабарды, и за это подчиняются им. В этом подчинении, конечно, нельзя видеть политическую зависимость. Академик Гюльденштедт, совершивший путешествие по Кавказу и Грузии, писал о ярмарках в Они и Хони (в Раче и Имеретии), куда съезжались осетины из Двалетии, Дигории и других районов для обмена своей продукции на нужные им товары (Гюльденштедта, 1809. С. 317, 355; Тогошвили,1969. С. 76).

В последнее десятилетие самостоятельного существования Картло-Кахетинского царства, когда борьба грузинского народа за свое существование и свою независимость проходила в исключительно трудных условиях, грузино-осетинские традиционные союзнические отношения по-прежнему обеспечивали Грузии военную помощь. Она оказывалась Грузии и другими северокавказскими народами.

Выше уже отмечалось, что без согласия тагаурских осетин никто не мог пройти по Дарьяльской дороге в Грузию. Учитывая это, грузинские цари по-прежнему представляли привилегии, назначали ежегодные жалованья влиятельным осетинам, добиваясь этим их благорасположения и сотрудничества. Многочисленные письма ца-

рей и царевичей к осетинам (тагаурцам, закинцам, трусовцам) о беспрепятственном пропуске грузинских послов в Россию — свидетельство большой роли, которую северные осетины продолжали играть в русско-грузинских отношениях накануне присоединения Грузии к русскому государству.

В последней четверти XVIII в. грузинские правящие круги предпринимали попытки переселения в Грузию на постоянное жительство представителей некоторых народов Северного Кавказа. Однако, например, двукратные попытки переселения части кабардинцев (в 1778 и 1782 гг.) не увенчались успехом из-за отрицательного отношения к этому властей (Кабардино-русские, 1957. С. 342—345; Боцвадзе, 1963. С. 195).

Пока у России были в Закавказье серьезные соперники, ей было выгодно иметь здесь сильного союзника. Но времена менялись, Россия становилась все более могущественной, приблизилась к Закавказью, и наметилась перспектива овладения этим, некогда далеким, краем. Старые соперники слабели. В этих условиях русское правительство уже не нуждалось в сильной и объединенной Грузии, наоборот, такая страна в Закавказье была нежелательной (Бердзенишвили, 1967. С. 124.).

Но если русские власти смогли помешать переселению кабардинцев в Грузию, грузинским правителям удалось склонить к этому и осуществить переселение какой-то части тагаурских осетин. В 1794 г. Ираклий II специальной грамотой пожаловал тагаурскому осетину Кундухишвили (Кундухову) Туджи дворянское достоинство и тарханство за услуги, оказанные им в переселении осетин в Грузию (ЦГИА ГССР, ф. 1448, док. 31).

В 1799 г. Георгий XII, последний царь Картли—Кахети, пишет письмо тагаурцам-осетинам, которые пожелали переселиться в Грузию. В письме сообщается, что царь выслал к ним своего дворянина Габашвили Ниния, который должен сообщить осетинам об условиях переселения. Он обещает переселенцам, что будет милостив к ним так же, и еще больше, чем Ираклий II. На первых порах, как прежде, они остановятся в Дигомии, пока, по обоюдному согласию, не выберут хорошего места жительства; царь сделает им укрепление (в условиях засилия в Грузии дагестанских феодалов это было необходимо); до обзаведения хозяйством обеспечит их продовольствием. Главное условие переселения заключалось в том, что царь сделает новых жителей Грузии удельными крестьянами, и никто другой, кроме него, не будет иметь к ним дела (Институт рукописей... ф. Qd, док. 1617).

Переселение тагаурских осетин в Грузию приняло довольно широкие размеры, это видно из письма Георгия XII к социальным верхам Тагаурии (1800 г.). В письме вначале содержится просьба Георгия к тагаурцам — пропустить по Дарьяльской дороге его послов в

Россию, идущих с важным поручением. Но самое примечательное в письме — это ответ Георгия на обвинение тагаурских верхов в том, что он сгоняет и переселяет их людей в Грузию. Георгий, не отрицая факта переселения, оправдывается тем, что он здесь не при чем, осетины сами идут, он же прогнать их не может. Чтобы как-то успокоить тагиатов, царь обещает им, что переселившиеся осетины не посмеют обидеть их (ЦГИА ГССР, ф. 1448, док. 3613).

В переселении осетин в Грузию из Тагаурии, помимо земельной тесноты, безусловно, играла роль и классовая борьба. Содержание письма Георгия XII к тагаурцам — яркое свидетельство этому.

Таким образом, грузино-североосетинские отношения в XVIII веке — накануне и в период присоединения Северной Осетии к России — носили характер добрососедства и взаимопомощи, а также в значительной степени отвечали интересам кавказской политики русского правительства. Присоединение Северной Осетии к России дало русским властям ключ к Грузии, сделало реальным и ускорило присоединение Грузии к России, этапами которого были Георгиевский трактат 1783 года и Манифест 1801 года.

* * *

С присоединением Восточной Грузии к России наступила новая фаза не только в русско-грузинских, но и в русско-осетинских отношениях. До этого исторического события присоединение Северной Осетии к России носило, главным образом, характер формального акта. С присоединением Грузии к России перед последней встала задача наполнить реальным содержанием новые государственные отношения с Северной Осетией. Усилился интерес русских властей к перевальным дорогам, в связи с чем им приходилось активнее вмешиваться в жизнь осетин, пресекать сепаратистские настроения части осетинских феодалов, насаждать свою администрацию и подготовить почву для установления колониального господства на Кавказе.

Несмотря на колониальную политику царских властей, присоединение Осетии и других кавказских народов к России объективно сыграло прогрессивную роль: избавило их от угрозы порабощения со стороны отсталых Турции и Персии, вывело на широкую дорогу экономического и культурного развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Статья посвящена 200-летию добровольного присоединения Северной Осетии к России. Помещена: Сборник трудов института истории, экономики, языка и литературы. Том XXXI (История). — Орджоникидзе, 1976. С. 131–149.

ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В I–XII ВЕКАХ*

Грузино-осетинские взаимоотношения своими корнями уходят в глубокую древность. Тесные связи с картвельским миром поддерживали как ираноязычные предки осетин (скифы, сарматы, аланы), так и местные горско-кавказские их предки (кобанцы) и др.

Археологический материал наглядно свидетельствует об экономических и культурных связях между населением Центрального Предкавказья и народами Грузии и всего Закавказья уже с древнейших времен. По словам Е.И. Крупнова, «весь наличный материал говорит о какой-то общности культурного развития древнейших поселенцев центральной части Северного Кавказа и племен Предкавказья, Южного Кавказа и особенно Западной Грузии. Причем эта общность проявилась еще с энеолита и эпохи ранней бронзы» (Крупнов, 1951.С. 70).

Особенно усиливаются эти связи в I тыс. до н. э. во время господства в центральной части Северного Кавказа известной кобанской культуры, отражающей культурно-хозяйственные контакты с синхронными культурами Восточной и особенно Западной Грузии.

Проникновение в центральные районы Северного Кавказа скифо-сармато-аланских элементов не только не привело к прекращению его экономических и культурных связей с Закавказьем, но с течением времени эти связи становятся еще более интенсивными.

Взаимосвязь грузинского и осетинского народов осуществлялась по перевальным путям, соединявшим Северный Кавказ с Закавказьем, в первую очередь с Грузией. В рассматриваемый период Кавказский хребет являлся этнической и политической границей между Грузией и Осетией. Поэтому в процессе их взаимоотношений большую роль играли перевальные дороги и тропы. В пределах Центрального Кавказа самой значительной из них была Дарьяльская дорога, именуемая ныне Военно-Грузинской, а ранее известная под названием «Арагвис кари», «Овста-кари»,«Дариалани» (дари – «ворота», т. е. «ворота овсов-осетин», «ворота аланов»). О большом стратегическом и экономическом значении Дарьяльской дороги свидетельствует то обстоятельство, что все силы, стремившиеся установить или укрепить свое политическое господство не только в Вос-

точной Грузии, но и вообще в Закавказье, естественно, стремились к овладению этой дорогой.

Вторым важным путем являлся «Гзай Двалетисай» (Двалетская дорога). Дорога эта проходила с севера по Ардонскому (Алагирскому) ущелью, пробивалась по Касарской теснине и у Нижнего Зарамага ответвлялась. Одна ветвь шла по Нарскому ущелью, затем Рокским перевалом спускалась в ущелье реки Большой Лиахви и вела в Цхинвали, Гори и другие центры Восточной Грузии. В древнее время эта была главная ветвь Двалетской дороги. Вторая ветвь по Мамисонскому перевалу и ущелью из Н. Зарамага вела в Западную Грузию.

Третий важный путь назывался Такверским. Он соединял Дигорию с Рачей и Лечхуми (Таквери, оттуда и название «Дорога Такверская»). Важную роль играла так называемая Абхазская дорога, ныне известная под именем Военно-Сухумской дороги. Она через Клухорский перевал соединяла верховья р. Кубани, Западную Осетию с Западной Грузией. Указанные пути в древнюю эпоху и средние века играли весьма важную роль во взаимоотношениях населения Северного Кавказа и Закавказья. Неслучайно, видимо, что именно в местах, примыкающих к этим путям, расположены в основном те археологические памятники материальной и духовной культуры, которые свидетельствуют о соответствующих связях между интересующими нас регионами.

Со времен римской экспансии в Закавказье (I в. до н. э.) местные народы, а также северокавказские были включены в орбиту обширных международных и, в частности, торговых связей. Частые войны же всегда препятствовали им, т. к. в те времена война и торговля были связаны между собою. Нахождение большого количества римских монет и их добий на Северном Кавказе яркое тому свидетельство.

К началу нашей эры перевальные пути из Северного Кавказа в Закавказье приобретают еще большее экономическое и политическое значение, чем и объясняется появление более подробных сведений об этих дорогах у римских писателей. Плиний Секунд и Страбон описывают Дарьяльскую дорогу и, в частности, указывают, что она была укреплена оборонительными сооружениями.

Инвентарь аланских могильников VI–IX вв. содержит много предметов византийского, персидского и др. происхождения. Они попали туда главным образом из Грузии через перевальные дороги, что подтверждается распространением данных предметов (и монет аналогичного происхождения) вблизи этих дорог – в Тагаурии, Дигории и др. местах.

Византийский хронограф Феофан (VIII в.) сообщает о регулярных торговых связях между абхазскими и аланскими купцами (Георгика, 1941.С. 108).

С XI в. Северный Кавказ приобретает большое экономическое значение. Он становится связующим звеном между западными и восточными странами. Это было вызвано тем, что с появлением турок-сельджуков в Закавказье и Малой Азии торговые пути, связывавшие побережья Черного и Каспийского морей с Передней Азией, переместились на Северный Кавказ. Кроме того, Северный Кавказ непосредственно примыкал к Крымскому полуострову, который вел оживленную торговлю с городами Италии и остального Средиземноморья. Усилились экономические связи Северного Кавказа, в частности Осетии с Грузией. По Дарьяльскому пути велась довольно обширная караванная торговля грузинских купцов с северными странами. Осетинская феодальная аристократия, имевшая широкие внешнеполитические связи, удовлетворяла свои потребности в предметах роскоши посредством оживленной внешней торговли. Не случайно развитие городской жизни в Осетии наблюдается в предмонгольский период.

Особенно тесными были грузино-осетинские политические связи. Грузия была весьма заинтересована в том, чтобы поддерживать дружественные отношения с народами, проживавшими по ту сторону Кавказского хребта. Кроме экономических интересов это диктовалось, во-первых, необходимостью иметь в лице их надежный заслон против внешних врагов с северной стороны и, во-вторых, стремлением получить от них в нужное время вспомогательные воинские силы.

Грузинский и осетинский народы были в одинаковой степени заинтересованы в нормальном развитии взаимных связей.

Уже с первых веков существования Иберийского (Восточно-Грузинского) царства имеет место систематически возрастающее боевое содружество между грузинами и предками осетин. Грузинский средневековый историк Леонтий Мровели пишет, что еще при Фарнавазе, первом царе Иберии (IV—III вв. до н. э.), овсы (осетины) выступили союзниками Грузии, и с помощью их они изгнали завоевателей, добились независимости, а Фарнаваз,сделавшись царем, в знак благодарности за помощь отдал свою сестру в жены осетинскому царю (Картлис цховреба, 1955, С. 23—24), установив, таким образом, династическое родство между правящими кругами обеих стран.

Наследник Фарнаваза Саурмаг воспользовался родством с осетинским царем. Когда против него выступили грузинские эриставы, он «обратился за помощью к царю осетин, к сыну сестры отца своего, и тот с радостью пришел на помощь». Саурмаг разбил своих противников и вновь занял Картли — вернул себе царскую власть.

По сообщению римского историка Корнелия Тацита (ок. 55—120 гг. н. э.), северокавказские сарматы, среди которых в первую очередь следует разуметь предков осетин, в 35 г. выступили союзниками иберийского царя Фарсмана в его борьбе против парфянского царя Артабана. Парфяне были разбиты и вынуждены поки-

нуть Армению (Латышев, 1949.С. 211–212). В этой борьбе Иберия (Картли) стремилась ослабить позиции Парфии, преследовавшей цель захватить весь Кавказ.

И в 68 г., по данным Иосифа Флавия, аланы, решившись опустошить Мидию, договорились с царем Иберии (в тексте – Гиркании). Последний открыл им дорогу, и те напали на мидян, стали грабить страну. Царь Пакор скрылся в неприступных местах, с трудом выкупил из плена алан свою супругу и заложников. Аланы достигли и пределов Армении, разбили ее царя Тиридатаи, с большой добычей вернулись на родину (Там же. С. 277).

Мидийский царь Пакор и царь Армении Тиридат были братьями парфянского царя Вологеза, развернувшего весьма активную завоевательную политику в Закавказье. Иберийский царь с тревогой следил за развитием событий, и силой аланов попытался помешать дальнейшему усилению позиций Парфии. Здесь можно видеть и руку Рима, гибкой политикой стремившегося сделать Иберию союзницей против Парфии и превратить ее в щит против вторжения с севера аланских племен.

В связи с вышесказанным нужно вспомнить предположение С.Н. Джанашиа, отмечавшего, что «значение Иберии для Рима подняло то обстоятельство, что по ее территории проходили ведущие с Северного Кавказа на юг важные перевальные дороги (Дарьяльская и др.), через которые она всегда могла нанять кочевые племена Северного Кавказа (в рассматриваемый период – аланов) и по своему желанию использовать их в военных целях» (Джанашиа, 1949. С. 184–185).

Уже с конца I в. н. э., по мере расширения и активизации политических интересов Иберии, улучшения ее военно-политического и экономического положения, осетины используются ею для укрепления собственных позиций. Так, «цари» осетинские Базук и Амбазук поддерживают царей Картли Азорка и Армазели в их борьбе с армянским царством за возвращение стране ранее утерянных ею земель на юге. Леонтий Мровели подробно описывает борьбу грузино-осетинских войск с армянами. Борьба проходила с переменным успехом, долго, пока армяне не возвратили спорные земли и крепости грузинам. «Отныне, – сообщает Л. Мровели, – стали друзьями армяне, грузины и осетины и вместе вели борьбу против врагов» (Картлис цховреба, 1955.С. 45–49).

Иберия прибегала к использованию сил осетин и в борьбе с Римским государством, ставившим своей целью сохранить свое политическое господство в Закавказье. Римляне всегда сознавали важность угрозы вторжения алан на их провинции в Закавказье и принимали соответствующие меры к их предотвращению. Одной из таких мер было сдерживание алан посредством Иберии, для чего в отношении к ней осуществляли лояльную политику. Но эта мера не могла

быть надежной всегда. Поэтому римляне не ограничивались одной дипломатией и прибегали к военным действиям. В 68 г. император Нерон задумал осуществить широкую карательную экспедицию против алан. Он добивался закрытия Дарьяльской дороги, установления над ней своего контроля и таким образом ликвидации аланских вторжений на римские провинции в Закавказье и Малой Азии.

Подготовка Нероном карательной экспедиции против алан была следствием настойчивых просьб парфянского царя Вологеза оказать помощь в прекращении набегов алан на Парфию. В 75 г. с такой просьбой он обратился к императору Веспасиану. Последний не мог непосредственно удовлетворить просьбу Вологеза и попытался создать препятствия аланским вторжениям. С этой целью он увеличил количество римских легионов в Каппадокии и одновременно попытался использовать иберийского царя против алан.

В этой связи большой интерес представляет выполненная на греческом языке надпись 75 г. из Мцхеты, где сообщается, что Веспасиан и его сыновья Тит и Домициан укрепили стены города иберийского царя Митридата, друга кесаря и римлян, и народа (Каухчишвили, 1951.С. 224–225). Конечно, Веспасиан делал это не бескорыстно. Этим, как справедливо заметила М.П. Инадзе, он укрепил один город-крепость на пути вторжения алан (Инадзе, 1953. С. 51).

Со II в. н. э. римское рабовладельческое общество оказалось в состоянии кризиса. Ослабло его военное могущество, что вынудило правящие круги страны перейти к оборонительной политике. В это же время в Иберии наблюдается экономический и политический подъем. Из «верной» союзницы Рима она превратилась в его противницу. Она приглашала аланские отряды и организовывала их вторжения на подвластные римлянам территории.

По сведениям Диона Кассия (ок. 160–239), в 135 г., после окончания Иудейской войны, вспыхнула война с аланами – союзниками Фарсмана (иберийского царя). Они сильно тревожили Албанию и Мидию, напали на Армению и Каппадокию. Аланы были остановлены, с одной стороны, благодаря дарам Вологеза, с другой, угрозами римского правителя Каппадокии – Аррнана (Латышев, 1948, № 2. С. 276–277).

Военный союз осетин с грузинами сохраняется и в дальнейшем. Осетины являются значительной резервной силой для грузин и армян, воевавших против персидских завоевателей. По представлению Л. Мровели, военная помощь осетин грузинам и армянам носила систематический характер. По его словам, «Косаро, царь армян, начал воевать с царем персов Касре и помогал ему царь грузин Асфагур, который открывал кавказские ворота и привлекал осетин, леков и хазаров и шел к царю Косаро для борьбы против персов» (Картлис цховреба, 1955. С. 59).

Несмотря на борьбу армян и грузин, а также осетин и других северокавказских народов против персидских завоевателей, последним удалось захватить Армению. Картлийское царство оказалось лицом к лицу с грозным врагом. Когда персидские войска из Армении ворвались в Картли, «Асфагур поспешил в Осетию, чтобы оттуда умножить свои силы и укрепить города-крепости» (Там же. С. 62), но по прибытии в Осетию он скончался.

Асфагур и Косаро, цари двух смежных государств, постоянно подвергавшихся насилию и опустошениям завоевателей, хорошо понимали значение совместного отпора врагам и важную роль военной помощи осетин и других северокавказских народов. Они твердо придерживались этой политики.

Таким образом, грузинские и иноязычные источники убедительно показывают давность и тесный характер грузино-осетинских взаимоотношений. Акад. Г.А. Меликишвили считает, что союзнические отношения с северокавказскими аланами, а еще раньше с сарматскими союзами племен, играли выдающуюся роль в военной политике картлийских царей. Эти союзнические отношения не исчерпывались лишь привлечением северокавказских племен к военным операциям. В постоянном царском войске Картли нужно предполагать наличие аланских военных отрядов.

В эпиграфических памятниках из Мцхета-Армази, относящихся к I—II вв., встречаются собственные имена сармато-аланского облика (Зевах, Хсефарнуг, Шарагас, Иодманган, Аспаурукия и др.). Наличие таких имен в среде картлийской знати было результатом интенсивных связей между грузинами и осетинами. «Несомненно, очень частыми были браки между представителями царской фамилии и высшей знати Картли, с одной стороны, и военно-родовой аристократией кавказских горцев и сармато-аланских объединений — с другой. Результатом такого интенсивного контакта с сармато-аланским миром следует рассматривать, видимо, обилие сармато-аланских имен среди представителей картлийской знати (царского рода, военной служилой знати) (Меликишвили, 1959. С. 471—472).

Интенсивное участие осетин в политической жизни Закавказья, в частности, их регулярные военно-союзнические отношения с Грузией, нужно объяснить экономическими мотивами. Иберия оплачивала военную помощь осетин, а во время войн, которые вела она и в которых участвовали осетины, последним доставались значительная добыча и невольники. Уровень социально-экономического развития осетинского общества, т. н. стадия «военной демократии», когда, по словам Ф. Энгельса, «война и организация для войны становятся регулярными функциями народной жизни» (Маркс, Энгельс, 1961. С. 164), определяла их регулярное участие в военных действиях той эпохи, организованность их военных походов.

Таким образом, древние осетины выступали союзниками Грузии в ее внешних войнах. Нередко они участвовали и в классовой борьбе грузинского общества. Ранее упоминалось, что сын первого грузинского царя Фарнаваза, Саурмаг, взошел на престол с помощью осетин и дурдзуков. Осетины поддержали грузинских эриставов в борьбе со своим царем Амазаспом (182–186 гг.) (Картлис цховреба, 1955.С. 57). Фактами подобного характера мы располагаем и для более поздних времен.

Однако взаимоотношения грузин и древних осетин не всегда были мирными. Иногда, в зависимости от тех или иных конкретных обстоятельств, между ними имели место и военные столкновения. Грузинские исторические источники сообщают всего о трех случаях походов грузинских царей – Амазаспа (II в. н. э.), Мириана (IV в.) и Вахтанга Горгасала (V в.) в Осетию. Эти походы носили характер ответных акций на экспансию осетин в Закавказье (Там же. С. 55, 57, 68, 145–146, 150–156).

Следует отметить, что столкновения между грузинами и осетинами в ту далекую эпоху носили эпизодический характер. Типичным для них, как видно из исторических свидетельств, были мирные, дружественные, союзнические отношения, направленные против общих врагов – иноземных завоевателей.

В средние века грузино-осетинские взаимоотношения становятся еще более интенсивными. Во время т. н. Большой войны в Лазике (в Западной Грузии) в 542–562 гг. правители последней (Губаз и др.) часто прибегали к помощи осетинских вспомогательных отрядов то против Персии, то против Византии. Каждая из них также старалась привлечь осетинские отряды на свою сторону. Это чаще удавалось Византии, нежели Персии, вследствие тесных связей с местными правящими кругами, обычно выступавшими посредниками в алано-византийских взаимоотношениях. Не была прервана и традиция общей борьбы народов Закавказья с участием осетин против внешних врагов. Византийский писатель Феофан сообщает, что когда в 572 г. армяне восстали против персов, то «на стороне армян сражались колхи, абазги и царь аланов Сароэ» (Георгика, 1936. С. 258).

К концу VI в. Восточная Грузия освобождается от персидского господства. Правителем (эрисмтаваром) Картли становится Гурам Курапалат, которого использует Византия в борьбе с Персией. По поручению императора и на его же средства Гурам призвал осетин, дурдзуков, дидойцев и под командованием грузинских эриставов направил их против Адарбадагака (Картлис цховреба, 1955.С. 219–220).

В VI–VII вв. Осетия подвергается натиску со стороны сперва Тюркского каганата, затем Хазарского государства. Хазары по Дарьяльскому ущелью вторгаются и в Картли. С юга осетины подвергаются нажиму со стороны арабов, захвативших Закавказье и всту-

пивших в жестокую вражду с хазарами. Борьба между этими двумя завоевателями нередко развертывается на территории осетин и наносит им большой урон. Поэтому осетины становятся кровными врагами арабов и поддерживают всех, кто ведет борьбу с ними. Так, в середине VII в. византийский чиновник патрик фемы Армениак ведет борьбу с арабским полководцем Хабибом с помощью войск аланов, абхазов и хазаров (Баладзори, 1927. С. 9).

В 724—725 гг. на Северный Кавказ, по Дарьяльскому пути, вторгается арабский полководец Джарах Ибн-Абдулах для борьбы с хазарами (Джанашиа, 1949.С. 371). А когда в 736—738 гг. непокорная арабам Грузия подвергается жестокому погрому войсками Мервана, прозванного грузинами «кру» (глухой), вся знать скрылась в труднодоступных местах Кавказских гор. Мерван, преследуя их, занял Дарьяльский и Дербентский проходы (Картлис цховреба, 1955. С. 234). Арабы стремились укрепить эти проходы, чтобы не допустить вторжения хазар в Закавказье, а также лишить грузин помощи со стороны осетин и других северокавказских народов. Когда же Мерван вторгся в Западную Грузию (Эгриси и Абхазию), правитель Абхазии Леон I укрепился в крепости Собгиси, расположенной вблизи от перевала, ведущего в Осетию (Там же. С. 235). Это обстоятельство, разумеется, указывает на то, что Леон в случае необходимости рассчитывал на помощь со стороны осетин или на убежище у них, иначе он не стал бы укрепляться вблизи от их границы.

Правящие круги Грузии и Армении хорошо понимали значение поддержки осетин в их борьбе с арабами и последствия потери перевальных дорог. Поэтому они внимательно следили за действиями арабов и всеми средствами старались помешать осуществлению их замыслов. Так, когда грозный арабский полководец Буга в 853 г., разорив всю Грузию, «хотел вступить в Осетию, дошел до Цхавати, эристав армян Абулабаз и Гурам сын Ашота написали мтиулам, чтобы они не впускали [арабов]» (Картлис цховреба, 1955.С. 256). Мтиулы, несмотря на то, что арабы взяли у них заложников, вступили с арабами в бой и разгромили их. На второй год Буга вновь пытался захватить Осетию. На этот раз он взял заложников у осетин (100 дворов) и посадил их в Дманиси, а сам летом намеревался вступить в их страну (Там же. С. 257). Как дальше развивались события, из источников этого не видно, однако то немногое, что мы знаем о них, дает нам возможность судить о роли осетин в антиарабской борьбе грузинского народа.

После ослабления арабского ига в IX—X вв. в феодальной Грузии развернулась упорная борьба за объединение страны. К этому времени и Осетия превратилась в сильное государственное объединение на Северном Кавказе, что еще больше усилило ее значение на международной арене, в частности в объединительном процессе в

Грузии. Участники этой борьбы – отдельные грузинские царства и княжества – стремились умножить свои силы привлечением союзников извне. Особенно активно военную силу осетин использовало в своих интересах Абхазское (Западно-Грузинское) царство. Так, в 888 г. осетины выступили на стороне абхазского царя Баграта против картвельского царя Адарнасе. В этой жестокой битве пал предводитель осетин Бакатар (Там же. С. 261).

Абхазские (западногрузинские) правящие круги были заинтересованы установить с Осетией такие отношения, при которых всегда можно было бы рассчитывать на их поддержку. В этом большая роль отводилась христианской религии: на почве единоверия они рассчитывали укрепить и увековечить добрососедские, союзнические отношения. Именно такой ролью христианства следует объяснить активные выступления абхазского царя Георгия II (921–956) в начальные годы своего царствования за утверждение христианства в Осетии в качестве государственной религии. Правда, инициаторами христианизации осетин выступали византийские церковные круги во главе с патриархом Иоаном Мистиком, но царь Георгий своей поддержкой византийской инициативы преследовал далеко идущие цели.

Христианизация осетин представляла собой длительный процесс. Еще в VI в. Прокопий Кесарийский, византийский историк, отмечал, что «аланы являются христианами» (Георгика, 1934. С. 105). Очевидно, он имел в виду не всех алан, а только определенную их часть – именно тех, которые были «друзьями ромеев», т. е. находились в тесной связи с Византией. Другая часть алан-осетин, постоянно контактирующая с Картли, очень рано стала подвергаться христианизации из Грузии. По историческим данным, в VII в. уже вся Осетия составляла паству Мцхетского каталикоса (Картлис цховреба, 1955.С. 232). Так что в первой четверти X в. (921–925 гг.) стоял вопрос лишь об утверждении христианства в объединенном алано-осском государстве в качестве официальной религии. А в этом деле царь Георгий сыграл решающую роль. Константинопольский патриарх Николай Мистик в одном из своих писем Георгию писал: «От разных лиц, которым известно о твоих подвигах, мы узнали, что ты приложил с божьей помощью большое старание в деле просвещения князя Алании и тех, которые вместе с ним удостоились святого крещения» (Кулаковский, 1899. С. 3–4).

Из этого письма не следует, что Георгий был просто исполнителем чужой воли. Византия была сильно заинтересована Осетией, часто прибегала к использованию ее военных ресурсов в своих интересах. Больше того, Осетия с начала X в. превратилась в главное звено византийской политики на Северном Кавказе, в главную антихазарскую силу. Из этой возрастающей международной роли Осетии исходило стремление византийских политиков с помощью хри-

стианской религии крепко привязать ее к своей упряжке. Но и Грузия, также посредством христианской религии – этого сильного рычага воздействия – стремилась к распространению и упрочению своего политического влияния на Северном Кавказе, в частности в Осетии. В этом отношении показательны действия Георгия – царя Западной Грузии. И если вначале грузинские политические круги еще мирились с разделением своего влияния с Византией, то по мере укрепления могущества Грузии они стремятся к безраздельному влиянию, постепенно вытесняя Византию из этой сферы.

Христианизация осетинского народа исторически имела прогрессивное значение. Осетия теснее стала связана с высокой культурой христианских стран. Кроме того, христианство способствовало утверждению прогрессивных по тому времени новых феодальных отношений.

Однако в данном случае вопрос о христианизации осетин рассматривается лишь в аспекте грузино-осетинских политических связей, памятуя, что религиозная принадлежность к той или иной церковной организации в средние века была одним из важных звеньев, определявших внешнеполитическую ориентацию, а также направленность культурных связей того или иного народа.

Особенно оживленными и разносторонними грузино-осетинские взаимоотношения становятся в XI – начале XIII в. – в эпоху существования и расцвета объединенного Грузинского феодального государства и сильного в военном отношении Осетинского государства, наиболее развитого из всех северокавказских политических единиц. Между ними продолжаются регулярные экономические и культурные связи. Такие важные городские и торговые центры Грузии, как Жинвали, Душети, Тамарашени и др., расположенные вдоль торговых путей, связывавших Грузию со странами Севера, играли значительную роль и в грузино-осетинских экономических отношениях.

Нельзя не отметить несколько характерных моментов грузино-осетинских политических связей. Прежде всего нужно сказать, что в исторических источниках мы не встречаемся с данными, которые свидетельствовали бы о попытках грузинских политических кругов завоевать, захватить Северный Кавказ. Те известные три случая военного проникновения грузин на Северный Кавказ, имевшие место во II–V вв., носили характер ответных ударов и не ставили задачи присоединения этих земель к Грузии. Таких попыток не видно и в последующей эпохе, эпохе объединенной феодальной монархии Грузии, когда она развернула широкую экспансию для расширения своих границ. Но это не означает, что Северный Кавказ не привлекал внимания феодальных кругов Грузии.

Дело в том, что Северный Кавказ, несмотря на наличие перевальных дорог (они действовали сезонно), был практически труд-

нодоступен. Кроме того, по северокавказским и южнорусским степям с востока на запад часто двигались кочевые воинственные племена (гунны, тюрки, болгары, печенеги, кипчаки-половцы и др.), что не могло не сдерживать грузинские феодальные круги от завладения этими территориями.

Следует также учитывать географическое и стратегическое положение самой Грузии на Кавказском перешейке и как следствие — необходимость обороны своих границ от многочисленных завоевателей. Кавказский хребет делал границы Грузии с севера малоуязвимыми. Перенести же свою северную границу за Кавказский хребет означало значительно ухудшить оборону страны ввиду открытой местности и чрезмерного растяжения границ.

В таких условиях феодальная Грузия предпочитала вести наступательную политику на востоке, юге и юго-западе, а с населением Северного Кавказа стремилась вести такую политику, которая обеспечила бы ей безопасный тыл и получение военной помощи в борьбе против своих врагов.

Со своей стороны, Осетия играла роль активной союзницы и посредницы во взаимоотношениях Грузии с северными народами. Объясняется это большим экономическим значением Грузии для населения Северного Кавказа: многие жизненно важные товары осетины получали из Грузии или же через Грузию. Естественно, что экономически и культурно развитая Грузия привлекала соседние, менее развитые народы. Кроме того, она щедро платила за военную помощь. Все эти обстоятельства придавали взаимоотношениям этих двух народов систематический характер, создавали прочную обоюдную заинтересованность в них. С XI в. в целях укрепления связей между правящими кругами Грузии и Осетии учащаются случаи заключения династических браков. Такие браки в средние века имели важное значение и как бы гарантировали взаимоподдержку и сотрудничество сторон. Так, царь Георгий I (1014—1027) был женат вторым браком на осетинской царевне Альде. Сын Георгия I Баграт IV (1027—1072) женился на дочери осетинского царя Борене. Давид Строитель (1089—1125) выдал одну из своих дочерей (Русудан) за осетинского царевича. Георгий III (1156—1184) тоже был женат на осетинской царевне, дочери Худана — Бурдухан, а их дочь, прославленная царица Тамар (1184—1213)[1], вторым браком была замужем за осетинским царевичем Давидом-Сосланом.

Грузинские цари во внутриполитической борьбе за престол иногда прибегали к использованию военной силы осетин.

---

[1]В грузинской историографии существует обоснованное мнение, согласно которому царица Тамар скончалась в 1207 г. См. Одишели, 1976. С.118—125.

У Георгия I от Альды был младший сын Деметрэ. Когда престол Грузии занял законный наследник Баграт IV, группа грузинской знати решила посадить на престол его младшего брата Деметрэ. Когда им не удалось осуществить свой план, Деметрэ удалился в свой удел – Анакопию и вступил под покровительство византийского императора Константина. В дальнейшем он с помощью византийских войск и некоторых влиятельных грузинских феодалов во главе с Липаритом Багваши несколько раз пытался овладеть престолом, однако безуспешно. Только смерть Деметрэ избавила царя Баграта IV от опасного претендента.

Когда грузинские сепаратистски настроенные феодалы противопоставили Баграту его сводного брата, он попытался укрепить свои позиции, заручиться поддержкой своего сильного соседа – Осетии. С этой целью он женился на Борене – дочери осетинского царя Урдуре, сестре Дорголеля – будущего царя Осетии. Этим он лишил брата поддержки осетин и приобрел в их лице надежных союзников. Баграт IV умело пользовался военными силами тестя и шурина в борьбе за завершение объединения Грузии, за укрепление центральной власти и преодоление сопротивления крупных феодалов и Византийской империи. Так, осетинский царь Урдуре воевал с кахетинским царем Квирике – противником усиления Баграта. Осетины участвовали также в военных походах за освобождение Тбилиси в 1037–38 гг. (Картлис цховреба, 1955. С. 297).

Наиболее важной военной победой Баграта IV, в которой основную роль играли осетины, было взятие Гандзы (Ганджи). «Матиане Картлиса» сообщает, что Баграт IV «вывел Дорголеля, царя осетин, с 40-тысячным осетинским войском, послал их во главе со своим сыном Георгием Курапалатом, опустошил Гандзу, захватил несметное количество пленных и добычу и отправил их в свое царство» (Там же. С. 313).

Эмир Гандзы Фадлон был опасным врагом Грузии. Победа над ним обеспечила Грузии на некоторое время мир. Историк Баграта IV подробно описывает те грандиозные торжества, которые устроил царь в честь Дорголеля, прибывшего в Грузию с официальным визитом вскоре после похода на Гандзу. Дорголель прибыл в тогдашнюю столицу Грузии – Кутаиси с большой свитой осетинских вельмож, нанес визит сестре, царице Борене, оттуда направился в Восточную Грузию, в Надарбазеви (близ г. Гори), где стоял сам царь Баграт. Торжества продолжались 12 дней, и только опасность закрытия перевалов (визит состоялся поздней осенью) заставила Дорголеля поспешить в Осетию, куда он возвратился с большими дарами (Картлис цховреба, 1955. С. 313; Летопись Картли, 1982. С. 76).

Тесные политические отношения с осетинами поддерживал и царь Давид-Строитель. Достаточно вспомнить эпизод с переселени-

ем в Грузию по инициативе Давида большого числа кипчаков в 1118 г. Кипчаки в это время кочевали в степях Северного Кавказа, куда они были вытеснены из южнорусских степей русскими князьями. Между кипчаками и осетинами на Северном Кавказе установились недоброжелательные отношения. Поэтому, когда Давид обратился к кипчакам с предложением переселиться в Грузию и они дали согласие, осетины не пропустили их по перевальным путям. Кипчаки попросили Давида помирить их с осетинами и обеспечить им безопасный путь в Грузию. Давид придавал настолько большое значение привлечению кипчаков в свои войска, что немедленно отправился лично в Осетию в сопровождении своего воспитателя — второго лица в государстве — к этому времени глубокого старца Георгия Чкондидели. Давид и Георгий повели с царем Осетии и его приближенными переговоры. В результате Давиду удалось помирить кипчаков и осетин и добиться беспрепятственного пропуска кипчаков в Грузию по Дарьяльскому пути. Для обеспечения выполнения условий договора Давид взял под контроль все крепости на перевальных дорогах, после чего в Грузию переселилось 45 тыс. кипчакских семей (Там же. С. 336). Эта смелая и дальновидная акция сильно укрепила как внешнее, так и внутреннее положение центральной власти.

С этим визитом Давида в Осетию в 1118 г., по-видимому, связана выдача замуж за осетинского царя (может быть царевича) одной из дочерей Давида (Картлис цховреба, 1959. С. 46).

Таким образом, Давид Строитель гибкой политикой достиг больших результатов. Осетины не только содействовали переселению кипчаков, но и оказывали Давиду непосредственную военную помощь. Например, в знаменитой Дидгорской битве (1121 г.) принимал участие и осетинский отряд (Тогошвили, 1958. С. 140).

Преемники Давида Строителя также придавали важное значение добрососедским отношениям с Осетией. Сын Давида Деметре своего младшего сына Георгия — будущего царя грузин Георгия III — женил на дочери осетинского царя Худана — Бурдухан. Грузинские исторические источники не жалеют красок для восторженной характеристики Бурдухан. Они отмечают ее необыкновенную внешнюю («солнце солнц») и духовную красоту. Ее сравнивают с богородицей Марией. Перечисляя красоту, мудрость, набожность царицы, историк той поры патетически восклицает, что такой невестки не видела земля грузинская (Картлис цховреба, 1959. С. 116).

Подобные династические браки заключались с целью достижения политических выгод. Отец не мог не предвидеть для своего избранника (по воле отца престол наследовал не старший сын Давид) возможного осложнения и заранее укрепил его позиции, обеспечив ему военную поддержку со стороны осетин. Такая мера не

оказалась излишней, если вспомнить, что Георгию III действительно пришлось столкнуться со своим племянником (сыном старшего брата Давида), претендентом на царский престол.

Георгий III широко пользовался военными силами осетин в борьбе против турок-сельджуков. Историк эпохи Лаша-Георгия отмечает, что Георгий III получал от осетин и кипчаков столько войск, сколько приказывал им (Картлис цховреба, 1955. С. 367).

В период царствования в Грузии царицы Тамар (1184—1213) грузино-осетинские взаимоотношения достигают наибольшего расцвета. Как известно, царица Тамар вторым браком вышла замуж за осетинского царевича Давида-Сослана[2], который, согласно автору «Истории и восхваления Венценосцев», находился в родстве с теткой Тамары Русудан[3] и поэтому воспитывался у нее в Грузии.

Давид-Сослан играл значительную роль в истории Грузии на рубеже XII—XIII вв. Согласно историческим источникам, он был глубоко образованным для своего времени человеком и блестящим полководцем, прославившим грузинское оружие и военное искусство во многих крупных сражениях с врагами Грузии. Давид-Сослан, хорошо сознававший политические задачи Грузии, всей своей деятельностью способствовал укреплению центральной власти. Источники свидетельствуют, что он принимал активное участие в политической жизни страны, в управлении государством. Давид осуществлял верховное командование войсками государства во всех крупных походах, предпринятых в годы его царствования (1188—1204).

Со времен вступления Давида-Сослана в брак с Тамарой при нем находится осетинский военный отряд, пользовавшийся заслуженным авторитетом. Отряд принимал участие в официальных церемониях царского двора. Автор сочинения «История и восхваление Венценосцев» дает высокую характеристику боевым качествам осетин, считая их «непобедимыми и могучими в сражениях». Между «богом обожествленных Тамарой и Давидом» (Картлис цховреба, 1959. С. 63) существовали глубоко доверительные отношения. На государственных документах важного характера имеются подписи как царицы, так и царя (Бакрадзе, 1881. С. 212, табл. XIII; Какабадзе, 1912. С. 8—9). Давид-Сослан упоминается как царь царей (Жордания, 1892.С. 293). Ему оказываются царские почести. Его имя гравировалось на монетах рядом с именем Тамар.

---

[2] Осетинского царевича звали Сослан, Давидом его назвали после крещения. В армянских источниках он упоминается только под именем «Сослан», в грузинских иногда пишется «Сослан-Давид».

[3] Так как он доводился родственником Русудан (тетки Тамар), дочери Давида Строителя (1089—1125 гг.), выданной замуж в Осетию, она, Русудан, привезла его на воспитание в собственном своем дворце. (Картлис цховреба, II. С. 46; История, 1954. С. 46.)

Все известные нам факты из жизни и деятельности Давида-Сослана подтверждаются историком эпохи их сына Лаша-Георгия. В его сочинении говорится, что «муж Тамары Давид был царем овсов, отпрыском Багратионов, очевидцем и сотворителем всех побед и деяний» Грузии той эпохи (Картлис цховреба, 1955. С. 369; История Грузии, 1946. С. 213). Восторженными эпитетами награждают «великого осетина» Давида современные ему грузинские поэты Чахрухадзе, Шавтели. При дворе Тамар и Давида находилось немало представителей осетинской знати.

С расширением политических взаимоотношений между Грузией и Осетией укреплялись и их экономические и культурные связи. В рассматриваемую эпоху в Осетию проникают грузинский язык и грузинская письменность. На территории исторической Осетии, особенно в ее горных районах, широко распространяется грузинская феодально-церковная культура. Типичным памятником этих связей является старинная часовня на левом берегу р. Ардон в сел. Нузал. На стенах этой часовни сохранились фресковая живопись и грузинские надписи, исполненные письмом асомтаврули. По мнению специалистов, Нузальская часовня была построена на рубеже XII—XIII вв. Характерно, что возведение почти всех культовых сооружений на территории Осетии местная традиция приписывает царице Тамар, хотя некоторые из них были возведены до или после ее царствования.

Таким образом, грузино-осетинские взаимоотношения в домонгольский период развивались интенсивно и имели многосторонний характер. Их можно охарактеризовать как мирные, взаимовыгодные и дружественные. Характер и масштабы этих отношений (когда они оставались вне воздействия внешних сил) определялись процессами внутреннего развития обеих сторон.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Материал извлечен из книги «Очерки истории Юго-Осетинской автономной области». Тбилиси: «Мецниереба», 1965. Глава 4. (С. 67—82).

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ. НАЧАЛО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ОСЕТИН С СЕВЕРА НА ЮГ*

В рассматриваемый период территория бывшей Юго-Осетинской автономной области (часть исторической Шида Картли) попрежнему была заселена грузинами, а также двалами. Однако по грузинским историческим источникам, со временем в ее высокогорной части начинаются миграционные процессы и инфильтрация осетин в горную зону региона. Процесс этот был длительным и, в конце концов, завершился оформлением южной ветви осетинского народа.

Ввиду того, что события XIII в., связанные с монгольскими завоеваниями, имели большое значение в дальнейшей судьбе интересующего нас региона, считаем нужным остановиться на них.

В 1222 г. пришедшие с юга монгольские войска нанесли удар сперва Грузии, а затем Осетии на Северном Кавказе. Однако они тогда еще не были покорены. Следующий поход монголов на Северный Кавказ начинается в 1237 г., когда они нанесли поражение адыго-черкесам, жителям северо-западного Кавказа и вплотную подошли к границам Осетии. Татаро-монголов привлекали находившиеся в руках осетин северные подступы основных перевальных путей в Закавказье (совр. Военно-Сухумская, Военно-Осетинская, Военно-Грузинская дороги). Кроме того, у них были старые счеты с осетинами, выступившими против них в 1222 г. (Лавров, 1956. С. 98).

В 1238 г. татаро-монголы крупными силами повели наступление на Осетию. Они захватили и разрушили загадочный город, упоминаемый Джувейни и отождествляемый В. Ф. Минорским с аланской столицей Магас (Цитировано по книге Кузнецова, 1971. С. 36–37). В результате кампании 1238–1239 гг. значительная часть равнинной Осетии оказалась захваченной татаро-монголами. Это подтверждается монгольской хроникой XIII в. «Сокровенное сказание» и данными Джувейни, Хамдалаха Казвийи, Шерефад-Дина Али Йезди, Рашид-ад-дина, Элайни, «Юань-Ши» и др.

Нашествие татаро-монголов для Осетии было величайшим бедствием, катастрофой для осетинского народа (Кузнецов. Там же. С. 57). Осетины оказали упорное сопротивление монголам. Плано Кар-

пини, проехавший через Северный Кавказ в 1246 г., писал, что «аланы, или асы» находятся в числе подчиненных монголами народов. Он пишет о «части аланов, оказавших мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им (монголам)» (История монголов, 1957. С. 57.). Он же сообщает, что какую-то гору в земле аланов монголы осаждают 12 лет. «Аланы оказали им мужественное сопротивление и убили многих татар, и притом вельмож» (Там же. С. 64).

О продолжающейся борьбе осетин против монголов сообщает другой европейский путешественник Гильом де Рубрук, проследовавший на Восток через Северный Кавказ в 1253 г.: «Аланы или аас... все еще борются против татар» (Рубрук, 1957. С. 11). На обратном пути из Монголии он добрался до аланских гор. «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха [сына Бату-хана] двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине» (Там же. С.186).

Как видно из этих свидетельств, основными очагами сопротивления монголам становятся горные районы Осетии. Это не значит, что на равнине все прошло гладко для монголов. Ожесточение монголов против осетин в значительной мере объяснялось непримиримостью последних к завоевателям. В источниках (Джувейни, Рашид-ад-дин) сохранились данные об успешных действиях против монголов кипчакского эмира Бачмана и присоединившегося к нему Качир-Укулэ, одного из «эмиров асов». Карательная экспедиция монголов во главе с Менгукаеном застигла их на одном из островков в устье Волги и разгромила (Тизелгаузен, 1941. С. 24–35, 36).

Спустя 40 лет после первого своего похода, монголы организовали новый крупный поход на Осетию. В 1278 г. монголы и войска некоторых русских князей взяли штурмом ясский город Дедяков. Касаясь этого факта, В.А. Кузнецов предполагает, что часть аланского населения спустилась с гор на родные пепелища предгорной равнины после ухода отсюда основных монгольских сил в 1239 г. В Дедякове возродилась жизнь, и город к 1278 г. стал вновь крупным населенным пунктом (Кузнецов, 1971. С. 40–41). Выступление населения города он связывает с усилением налогового гнета, последовавшего за переписью населения в подчиненных монголам странах (1254 г.) и вызвавшего целый ряд восстаний. Такое антимонгольское движение могло иметь место и в Осетии.

Разгром Дедякова вполне возможно связать с каким-то антимонгольским восстанием осетин. Причем это восстание не могло быть первым. Возможность восстания нужно предположить и в начале 60-х гг. XIII в. Это выступление осетин возглавлял их царь, и было оно приурочено, как видно, к борьбе между Золотой Ордой и

ильханами, развернувшейся на территории Северного Кавказа. Дело в том, что Осетия находилась под властью ханов Золотой Орды. Осетины хотели воспользоваться вторжением ильханов на Северный Кавказ и с их помощью сбросить монгольское иго. (Примечательный факт: грузинские правящие круги в борьбе против ильханов прибегали к помощи монголов Золотой Орды. В обоих случаях порабощенные монголами народы старались использовать противоречия между монгольскими ордами.)

Однако расчет осетин не оправдался. В этой борьбе ильханы потерпели поражение. Золотоордынский хан Берке стал преследовать тех, кто в этой борьбе примкнул к его противникам или же не оказал ему должной поддержки. В такой ситуации подверглась преследованию семья царя овсов. Грузинский анонимный историк XIV в., т. н. Жамтаагмцерели, сообщает, что «пришли осетины, преследуемые Берке ханом, и удивительная женщина по имени Лимачав, и она с собой привела малолетних детей родом Ахасарфакаянов: первенца Пареджана и младшего Бакатара и много князей. Они прошли Дербентские ворота и пришли к царю [Давиду Улу]. Он их принял с большим почетом и направил к хану Улагу, который также принял их хорошо. Он возложил на них обязанность нести военную службу, назначил им за это вознаграждение и послал их обратно к царю. Царь поселил некоторых в Дманиси, а остальных в Жинвали» (Картлис цховреба, 1959. С. 251).

Таким образом, это засвидетельствованный источниками первый факт перехода с Северного Кавказа в Грузию внушительного числа осетин. В некоторых списках «Истории Грузии» («Картлис цховреба») третьим местом поселения этих осетин назван город Тбилиси. По сведениям Жамтаагмцерели, укрепилось мнение, что осетины перешли в Грузию через Дербентский проход. Однако имеются данные, позволяющие усомниться в достоверности указанной версии. Дело в том, что осетины сперва явились к царю Грузии Давиду Улу (1244—1269), а потом к хану Улагу. Если бы они действительно пришли по Дербентскому пути, то в первую очередь они явились бы к Улагу или его полководцам, охранявшим эту дорогу.

Имеется прямое свидетельство грузинского историка XVII в. Парсадана Горгиджанидзе, согласно которому осетины пришли по Дараламской (Дарьяльской) дороге. В остальных деталях он повторяет данные Жамтаагмцерели вплоть до сообщения отдельных списков, где Тбилиси назван третьим местом поселения тех осетин (Институт рукописей, Ф. Н, № 2140, л. 75, 195).

Поселившиеся в различных районах Картли осетины были обязаны нести военную службу в монгольских войсках наравне с военными отрядами Грузии. Однако исследуя процесс переселения осетин на юг — на территорию Грузии, не следует ограничиваться

указанным фактом. Нужно полагать, что оттесненные монголами из Северо-Кавказской равнины в Кавказские горы осетины (поселяясь в уже населенных горных ущельях, создавая избыточное население), лишенные возможности вернуться на свои прежние места ввиду затянувшегося господства монголов на Северном Кавказе и непримиримости осетин к ним, двинулись на юг — в Грузию.

В грузинских исторических источниках имеется отражение факта прихода осетин в Грузию. Однако эти данные недостаточно полно отражают картину, не могут дать полного представления о происходившем процессе. Жамтаагмцерели сообщает нам об активных действиях осетин в Картли в конце XIII и начале XIV в., однако не видно, каким образом появились они в стране. Поэтому создалось впечатление, что эти осетины были исключительно из тех, которые пришли в 60-х г. через Дербентский проход.

Однако широкий масштаб антифеодальных действий осетин в Картли заставляет думать, что осетины переселялись значительными группами в Картли по проходам, расположенным в Центральной части Кавказского хребта, — по Дарьяльской и, главным образом, Двалетской (ныне Военно-Осетинской) дорогам. Неслучайно, что действия осетин против грузинских азнауров развернулись именно во Внутренней Картли — в долине р. Лиахви и смежных районах.

Акад. Н.А. Бердзенишвили и проф. Д.В. Гвритишвили прямо отмечали, что эти осетины спустились в Картли по Лиахвскому ущелью.

Время шло. Монгольское господство принимало все более тяжелые формы. Центральная власть в Грузии сильно ослабла. Страна была разорена, население сильно сократилось. Царская власть в 90-х гг. уже была не в состоянии с прежним успехом защищать перевальные пути, тем более что в этот период царствования в Восточной Грузии Давида VI (1292—1310) Картли был объят пламенем восстания против монголов. Карательные экспедиции монголов свирепствовали не только на Картлийской равнине, но и в ее горной части, где скрывался непримиримый борец с монголами царь Давид. И если в таких условиях еще можно было в какой-то мере сохранять контроль над Дарьяльской дорогой, то этого нельзя сказать о других путях западнее Дарьяла, переходящих из Осетии в Грузию через Алагирское ущелье по Касаре, а дальше на юг через перевалы Рук, Сба, Дзомаг, Зикара, Дзедо, Мамисон и др. В этом районе грузинские правящие круги потеряли свои позиции — возможность контроля перевалов. Это положение продолжалось до 20-х гг. XIV в., когда Георгию Блистательному удалось вновь занять эти районы и прочно закрыть дороги.

В некоторых научных публикациях В.Н. Гамрекели выдвинул точку зрения, которая отрицает установившийся в грузинской ис-

ториографии взгляд на то, что с XIII в. начинается массовое переселение осетин на территорию Грузии и складывание компактного осетинского населения в Картлийском нагорье. По его мнению, пришедшие в XIII в. в Картли осетины не могли стать зачинателями компактного осетинского населения в горной зоне Картли ввиду того, что они являлись политической эмиграцией.

Конечно, верно, что первые группы осетин, переселившихся в Грузию в 60-х г. XIII в., были политической эмиграцией и проживали в городах. Но раз эти группы были значительными, а в дальнейшем, можно предполагать, пополнялись новым потоком переселенцев, их можно считать зачинателями компактного осетинского населения на южных склонах Главного Кавказского хребта на территории Грузии. Этому нисколько не могут помешать приводимые факты о том, что эмигранты-осетины служили монголам (Гамрекели, 1975. С. 165—197). Известно, что монголам служили не только осетины, но и грузинские феодалы. Монголам вынуждены были служить все завоеванные народы, многих осетинских феодалов со своими отрядами монголы увлекали за собой на далекий Восток, где они участвовали в завоевании монголами Китая. Пребывание там аланских войск почти до середины XIV в. зафиксировано китайскими источниками. Не составляли исключения и те осетины, которые поселились в Картли. Этих осетин мы видим в составе монгольских войск рядом с отрядами грузин. Не надо забывать и о том, что осетины служили и грузинской царской власти. Жамтаагмцерели сообщает о том, как верен был Давиду VI осетинский царевич Пареджан.

Осетины, переселившиеся в Картли, нуждались в покровительстве местных политических кругов. Без их поддержки они не могли утвердиться на новых землях. Они, действительно, пользовались поддержкой как монголов, так и грузинских царей. Факты свидетельствуют о том, что они активно включились во внутреннюю борьбу, происходившую в феодальной Грузии.

Пареджан поддерживал Давида VI еще тогда, когда Давиду было далеко до царского трона. Более того, тогда ему угрожала опасность лишиться жизни от монгольского хана, казнившего его отца Дмитрия (Картлис цховреба, 1959, С. 294). Необходимость во взаимной поддержке тесно связывала Давида и Пареджана. Связи их продолжаются и при воцарении Давида, когда особенно усилилась антимонгольская борьба и осетины пришли в столкновение с грузинскими азнаурами, которые выступали против царя Давида VI на стороне монголов (Там же. С. 296—297, 299).

Некоторые успехи осетин в их борьбе против землевладельцев-азнауров следует объяснить тем фактом, что у последних не было единого фронта. Этому способствовало и то, что, следуя давнишней

завоевательской формуле — «разделяй и властвуй», монголы оказывали поддержку осетинам. Осетины, возглавляемые царевичем Бакатаром, ведшие борьбу с грузинскими азнаурами, выступили на стороне монголов в их борьбе с царем Давидом (Там же. С. 305—306).

Для правильного понимания всех явлений, связанных с процессом переселения осетин в Грузию, большое значение имеют высказывания Н. А. Бердзенишвили: «Именно в это смутное время [подразумеваются 90-е гг. XIII в.]. Грузию постигло новое бедствие. В XIII в. монголы Золотой Орды заняли северокавказские степи и превратили их в кочевья. Скрывшееся в горах местное население — черкесско-абхазские племена, осетины, хундз-глигвы — постепенно продвигалось к Закавказью и смешивалось с племенами, жившими по эту сторону Кавказского хребта — с абхазами, двалами, пховцами. В одних областях этот процесс протекал медленно и сравнительно мирно, в других, особенно в Картли, стремительно и остро. Вожди потесненных осетинских племен воспользовались поддержкой ильханов и политическим ослаблением охваченной огнем восстаний Картли. Они заняли ущелье Лиахви и повели сильное наступление на внутреннюю Картли. Разгорелась ожесточенная борьба. Мтавар осетин изгонял азнауров из их вотчин; жители Картли переживали великие потрясения. Всей системе феодального землевладения грозила окончательная гибель. Азнауры брались за оружие в защиту своих имений» (Бердзенишвили, 1973. С. 125).

Когда же в Грузии власть монголов ослабла, царская власть окрепла, непокорность и своеволие осетин в Картли уже становились серьезной помехой для дальнейшего развития страны, поскольку районам с высокой земледельческой культурой грозило падение до уровня примитивного хозяйства. В этих условиях все слои грузинского феодального общества были заинтересованы положить конец своевольным действиям осетин. Царь Георгий V Блистательный (1314—1346 гг.) возглавил феодалов, обложил войсками город Гори и в результате трехлетней осады занял его. Затем он отнял у них захваченные прежде крепости и поселки. По словам Вахушти, он изгнал осетин из Картлийской долины, вступил в Кавказские горы, непокорных истребил, других же подчинил себе, сделал их данниками и таким образом установил мир в Картли, ибо занял все дороги, ведущие из Осетии в Картли (Картлис цховреба, IV, 1973. С. 256).

Указанные события, нужно полагать, сопровождались процессами оседания осетинского населения в высокогорной зоне Картли и началом возникновения более или менее компактных поселков. Конечно, этот процесс продолжался в XIII—XIV вв. и позже; как указывалось в учебнике «Истории Грузии», «горные ущелья осетины продолжали заселять еще долгое время» (История Грузии, 1958. С. 246).

Вот что пишет Вахушти: «Хан Батый разбил и опустошил Осетию, осетины же ушли вовнутрь Кавказа... После же опустошения Осетии и вступления вовнутрь Кавказа, Осетию стали называть Черкезией или Кабардой, а место, где жили ушедшие вовнутрь Кавказа — по имени вступивших сюда, — Овсетией, ибо и теперь знатнейших из них называют овсами, а прочих незнатных — опять двалами» (Картлис цховреба, 1973. С. 634). В другом месте у Вахушти сказано: «А в приход татар от Чингизовых ханов и больше всего от Батыя и Орхана уничтожена и разорена была Осетия, и бежали овсы сюда вовнутрь Кавказа», «и вновь после прихода Тамерлана и взятия Константинополя одолели осетин с одной стороны Татар-хан, а с другой — Тамерлановы кочевники и бежали (осетины) вовнутрь Кавказа и покорили племена кавказцев, которые суть двалы» (Там же. С. 654—655).

Из этих сообщений явствует, что осетины потерпели два сокрушительных удара: первый — в 40—50-х гг. XIII в. от монголов (Батый и Орхан) и второй — в конце XIV и в первой половине XV в. от Тамерлана и крымских ханов. Соответственно были две волны миграции осетин в глубь ущелий Большого Кавказа, двукратное вторжение осетин в Двалетию и в конечном итоге покорение двалов осетинами (Гамрекели, 1973. С.30).

Таким образом, переселение осетин с севера «вовнутрь Кавказа», т. е. на территорию современной Вахушти Осетии, представляется как длительный процесс, происходивший под влиянием внешних факторов и в основном завершившийся в XV в. покорением двалов — окончательным утверждением в горной зоне, в границах по длине «от хеви до сванетского Кавказа, а по ширине — от Картлийского Кавказа до Черкесской горы» (Картлис цховреба, 1973. С. 635).

Вот эта территория и становится своего рода плацдармом, откуда постепенно осетины спускаются в Картли по ущельям рек Большой и Малой Лиахви, Ксани, Арагви, а позже и в некоторые другие районы Картли. В XVII в. небольшая часть осетин оказалась в Кахети (ЦГА ГССР. Ф. 1450, кн. 26, док. 146). В начале XVIII в. отдельные группы осетин переселяются на правый берег р. Куры, во владения князей Джавахишвили и Цицишвили (Древности Грузии, 1909. С. 296). Осетины появляются и в Кударо.

Осетинское население ущелий Б. Лиахви (выше с. Свер), Малой Лиахви (в верховьях), Ксани (верхней части), Лехуры (Колот-Квиткири), по Вахушти, является переселившимся из Двалети (Наро-Мамисонской котловины). «В местах, в которых, по нашему описанию, живут осетины, оказывается, жили грузинские крестьяне. Затем же владельцы их переселили сюда осетин, а грузины спустились в долины, ибо там убавился народ в результате вторжения врагов» (Картлис цховреба, 1973. С. 363—364).

Проникновение осетин в горные районы Картли Вахушти считает результатом стремления грузинских феодалов заселить опустевшие от коренного населения свои имения. Историческая действительность Грузии позднего средневековья подтверждает его слова. Предлагаемая Вахушти схема заселения осетинами горной зоны Центральной Грузии в общих чертах правильно отражает интересующий нас исторический процесс. Однако процесс этот у Вахушти не рассматривается детально. Его сведения не дают возможности точной датировки периода смены населения в названных им местах.

Таким образом, монгольские завоевания тяжело отразились на исторической судьбе осетинского народа. Значительно снизилась этническая территория, катастрофически сократилось население Осетии. Осетины разбрелись по разным направлениям: в Крым, на Балканы, в Восточную Европу. В этих местах осетины скоро потеряли свой этнический облик. Из переселенцев свою этническую индивидуальность сохранили только те осетины, которые нашли убежище в центре Кавказских гор и в Грузии — на южных склонах Кавказского горного массива. Это объясняется различными причинами. Для северных осетин решающей в этом плане была естественная укрепленность, труднодоступность и изолированность занимаемой ими территории «вовнутрь Кавказа», опираясь на которую они оказались в состоянии защитить и сохранить свою относительную независимость.

Для осетин, проживавших на территории Грузии, к югу от Кавказского хребта, указанная причина играла определенную роль, но, помимо этого, большое значение имело их непосредственное соседство и постоянное общение со своими северными сородичами. Из ущелий Северной Осетии происходила непрекращающаяся инфильтрация осетин на юг — на северные окраины Грузии.

Особую роль сыграли традиционные доброжелательные отношения грузинского народа к осетинам-переселенцам; при этом, важное значение имело и то обстоятельство, что грузинские власти также традиционно придерживались принципа веротерпимости, равенства всех религий.

Эти обстоятельства определили в данном регионе и формирование южной ветви осетинского народа, поддерживавшей теснейшие этнические и культурные связи с северными осетинами. «Необходимо подчеркнуть, что эти две группы алан в годы суровых испытаний сохранили за собой часть своей территории, свой язык и этническую культуру и тем самым создали возможность для дальнейшего исторического развития осетинского народа» (Кузнецов, 1971. С. 41—42).

Социальное положение. Господство монголов в Грузии и на Кавказе сказалось отрицательно на жизни местных народов, отличавшихся от завоевателей своим значительно более высоким социально-экономическим, политическим и культурным уровенем.

Монголы разделили Грузию на восемь «думанов» — военно-административных единиц, во главе которых поставили грузинских вельмож — эриставов, т. е. бывших провинциальных правителей Грузинского царства. Страна была обложена данью и военной повинностью. «Начиная с 1246 г. грузинские думаны обязаны были выставлять для участия в монгольских походах двадцать процентов мужского населения. Длительные походы гибельно сказывались на состоянии феодальных хозяйств. Страна разорялась, приходила в упадок» (История Грузии, 1962. С. 229—230).

Монгольское господство тяжело отразилось и на жизни населения горной полосы Грузии, в том числе на жителей территории нынешней Юго-Осетии — грузин-горцев, двалов и осетин. Как уже отмечалось, они входили в Картлийское эриставт-эриставство и через него подчинялись центральной власти.

Жители горной полосы Центральной Грузии по-прежнему управлялись местными чиновниками — старшинами («мамасахлиси»), главами — предводителями ущелий («хевистави», «хевисбери»), начальниками укреплений — замков («цихистави») и др. Названия этих мелких служилых людей отражали специфику социального строя горских племен, где еще были живучи пережитки общинно-родовых отношений.

Горцы Грузии всегда были тесно связаны с социально-экономически развитым населением низменных районов. Феодальные отношения отсюда проникали и в горные области. С установлением господства монголов и ослаблением центральной власти сложившиеся веками нормальные экономические взаимоотношения низменных и горных районов страны были нарушены. Местные государственные органы все более затруднялись осуществлять власть над горцами, которые всегда были надежной опорой в их борьбе с завоевателями, где в основном терпели поражение и подвергались истреблению отряды монголов (в конце XIII в.) и Тимура (в конце XIV в.).

В условиях экономического и политического упадка страны центральная власть значительно ослабла. Правители отдельных областей — эриставы и эриставт-эриставы становятся все более независимыми от центра. Монголы, заинтересованные в ослаблении страны, всячески поддерживали эту раздробленность. Эриставы начинают своевольно присваивать земли, отданные им в управление. Чиновники, наделенные властью, искусно использовали в своих интересах одну деталь из системы управления монголов. Дело в том, что монголы не различали форм зависимости, которые были в одном случае частно-вассальными, в другом — отношениями по государственной службе. Как феодал, эристав имел собственных вассалов и крепостных, а как царский чиновник — имел власть над государственными подданными. Эриставы с помощью монголов

пытались принудительно закрепостить свободных общинников (особенно в горных районах), что вызывало острую социальную борьбу. Об этом сохранились интересные сведения в юридическом памятнике XIV в. «Дзеглис деба» (Гвритишвили, 1961. С. 30).

В таких сложных условиях, возникших в результате монгольского владычества, возросла власть цхрадзмийских эриставов, известных в XIII в. в верховьях р. Ксани. По данным их фамильной хроники «Дзегли [памятник] эриставов», вследствие междоусобицы в осетинском царстве старшая ветвь царского рода изгнала из страны младшую ветвь. Представители последней — Ростом, Бибила и Цитлосан — пришли в страну двалов. Двалы предоставили им убежище, предварительно взяв с них присягу, что они не будут домогаться царского звания, т. е. господствующего положения над ними, и примут то имя, которое они дадут им сами. Двалы выделили им место для поселения и назвали их Бибилури. Вскоре осетинские эмигранты стали строить себе укрепленные жилища. Двалы не без основания заподозрили их в стремлении возвыситься над коренным населением и подчинить его своей власти. Не желая допустить этого, двалы изгнали братьев и их свиту из своей страны («Дзегли эриставов», 1954. С. 344; Памятник эриставов, 1979. С. 21).

Ростом со своими братьями и людьми перебрался к жителям ущелья Цхрадзма (Девяти братьев) и включились в борьбу цхрадзмийцев с соседними общинами. В этой борьбе Ростом и его дружина проявили себя как отважные воины, способные организовать борьбу жителей цхрадзмийского ущелья против его неприятелей. Это, по данным «Хроники», определило дальнейшую судьбу Ростома — он стал эриставом ущелья по желанию местных жителей (Памятник эриставов, 1979. С. 22—23).

Возможно, что вовсе не таким путем возникла в ущелье Цхрадзма власть Ростома Бибилури. Однако не подлежит сомнению, что эмигранты из Осетии становятся господствующей силой в Цхрадзмийском ущелье, откуда они распространяют свою власть над соседними общинами Ксани и вливаются в класс феодалов Грузии.

В начале XIV в. царь Вахтанг III (1302—1308) пожаловал эриставу Шалве Квенипневели (Квенипневи — одна из ранних резиденций эриставства на начальном этапе его существования) села Трусо, Гуда, Гагасдзени, Млета, Арахуети, Хандо, Канчаети, имение Абазасдзе, Дзагнакорани, Дигуами, Гавази, Ацерис-хеви и Бехуше. Причиной такого щедрого пожалования, по-видимому, являлись усиление этого феодала, с одной стороны, и соображения политического характера — с другой. Дело в том, что царь Давид VI восстал против монголов и скрывался в Мтиулети. Монголы сделали ставку на его же брата Вахтанга, объявив его царем. Шалва Эристави выступил против Давида, тем самым поддерживая власть Вах-

танга. Последний пожаловал своему стороннику земли своих политических противников, возможно, уже самовольно присвоенных этим энергичным феодальным владетелем[1]. В дальнейшем пределы его эриставства еще более расширились как в северном, так и в западном направлениях.

Ксанское эриставство, включавшее в свои границы значительную территорию современной Юго-Осетинской автономной области, имело важное стратегическое значение. По его территории проходили перевальные дороги: Сбийская, Рукская, Трусовская и др., связывающие Картли с Северной Осетией и вообще с Северным Кавказом. Через Ломиси Ксанское ущелье связывалось с Арагвским ущельем и с Дарьяльской дорогой. Ксанское эриставство было хорошо укреплено целой системой крепостей и боевых башен, надежно защищавших его от посягательств противника.

Ксанские эриставы вели настойчивую борьбу за подчинение себе вольных горских общин. Из них двалы являлись самым отсталым племенем, пребывавшим на раннеклассовой ступени развития (Гамрекели, 1961. С. 99–113). Эриставам не трудно было найти среди них людей, предавших интересы общины. Такие лица, поддерживаемые и оплачиваемые эриставами, возвышались над другими общинниками, подрывая тем самым устои общинной организации. Но у двалов не возникло своей собственной феодальной верхушки. Это можно объяснить тем, что к моменту разложения их общинной структуры они были подчинены, с одной стороны, эриставами, а с другой – осетинами, проникавшими на их территорию с севера. Конец XIII и весь XIV в. характеризуется почти непрерывной борьбой двалов и других горцев с ксанскими эриставами. Эта борьба развертывалась в условиях усиливавшихся феодальных междоусобиц в Восточной Грузии, вследствие чего горцы, враждовавшие с эриставами, нередко оказывались в лагере их противников.

В своем рвении покорить двалов особенно отличился Шалва Эристави. «Хроника эриставов» содержит множество материалов об этом. Двалы оказывали упорное сопротивление попыткам превращения их в подданных эристава. Они организовывали заговоры против своего врага – эристава, но с помощью агентуры среди двалов ему удавалось отвести от себя угрозу и с еще большей жестокостью подавлять их сопротивление.

Борьба между ксанскими эриставами и двалами приняла особенно острый характер при Виршели III. По свидетельству хрониста, эристав Виршели наметил целую программу борьбы за подчине-

---

[1] Шалва был женат на осетинской царевне Ширди и, нужно полагать, пользовался поддержкой осетин. Неслучайно, что он был союзником Багатара в его борьбе с царем Давидом.

ние свободолюбивых двалов эриставской власти. Эту программу старались реализовать все без исключения эриставы. Предприняв большой поход против двалов, Виршели покорил нижних двалов — кошкцев, иосебурцев, тлевцев, мугисвельцев, згубирцев и рукцев. Они были вынуждены дать заложников, дары и обязались платить дань. Но не покорились.

Когда во время вторжения в Грузию Тимура Виршели III со своим семейством укрылся в Кного (Гнух), у границ Двалети, двалы намеревались убить его. Эристав, заблаговременно извещенный о заговоре двалов, покинул Кного и укрылся в крепости. Виршели жестоко наказал кногцев за их помощь двалам, затем двинулся в Двалетию, разорил их села, разрушил множество крепостей и башен.

Борьба между эриставами и двалами длилась долгие годы; ее следует рассматривать определенным этапом в истории миграции населения из северных областей на юг — в ущелья и позже в предгорья региона. Эриставы действовали не только оружием, но и подкупом, насаждали среди двалов свою агентуру. Успешному сопротивлению двалов притязаниям эриставов способствовали различные факторы: природные условия, возможность осуществления экономических связей с Картли, минуя владения эриставов, а также то обстоятельство, что борьба двалов с ксанскими эриставами протекала в условиях феодальной междоусобицы и вторжений иноземных захватчиков в Грузию, что отвлекало силы ксанских эриставов. Одной из важных причин, обусловивших успешное сопротивление двалов эриставам, было проникновение в двальскую среду эмигрирующих с севера осетин.

Борьба двалов с эриставами, конечно, не была обособленной. Напряженная социальная борьба протекала и в Арагвском ущелье, где местные чиновники также добивались укрепления своей власти. Горское грузинское население оказывало им упорное сопротивление. Нередки были случаи истребления чиновников, нападения на крепости, причем в этих акциях участвовали целые селения, общины, а иногда даже ущелья.

Царь Грузии Георгий V Блистательный (1314—1346) предпринял поход в горные районы с целью восстановления там царской власти. Выступив из Тбилиси, он вошел через Жинвани в Мтиулети, затем перешел Джварта Кели (Крестовый перевал) и прошел Хеви до Дарьяла. Повернув назад, он через Ломиси перешел в Ксанское ущелье, оттуда через Мухрани вернулся в столицу. Продемонстрировав таким путем горцам силу царской власти и подчинив их, Георгий взял с собой должностных лиц горных ущелий — эриставов и хевиставов, старейшин местных общин — хевисберов и др. и вместе с ними разработал законы, регулирующие жизнь в указанных выше районах (Памятники, 1963. С. 401—402).

Однако с середины XIV в. в горной полосе Грузии вновь участились взаимные нападения и беспорядки. В них участвовали общины Магран-двалов, нижних двалов, арагвские мтиулы, ацрисхевцы, тлисхевцы и др. Нашествия Тимура на Грузию, в частности его настойчивые попытки покорить горцев и установить свой контроль над перевальными дорогами, усугубляли внутренние распри в горной зоне Грузии.

На рубеже XV–XVI вв. Грузия распалась на отдельные царства и княжества. Территория бывшей Юго-Осетинской АО вошла в состав Картлийского царства. Ксанское эриставство оформилось в феодальную сеньорию (сатавадо). Такие же сатавадо создаются по всему царству, в том числе в Арагвском ущелье. Арагвское ущелье раньше имело своих эриставов, подчиненных картлийскому эриставт-эриставу. Впоследствии, воспользовавшись слабостью центральной власти, ванатские азнауры (происходившие по исторической традиции из знатного осетинского рода Сидамоновых), опираясь на определенные силы, захватывают ряд местностей в Арагвском ущелье. В конце XVI в. царь Симон I пожаловал отпрыску этих азнауров Нугзару все захваченные им и его дедом территории, положив тем самым начало новой династии эриставов этой крупной феодальной сеньории.

Д.В. Гвритишвили по поводу этих событий писал: «В XVI в., воспользовавшись внутренними и внешними неурядицами, жители Малой Лиахви Сидамонидзе с помощью осетин и ксанцев одолели хевских эриставов Тектурманидзе и сами сделались эриставами. Затем они постепенно овладевают и арагвским эриставством, образовав единое арагвское эриставство» (Гвритишвили, 1961. С. 54).

В условиях грузинской феодальной действительности некоторые представители социальной верхушки осетин, переселившиеся в Грузию, как это видно на примере ксанского и арагвского владетельных родов, добивались признания их привилегированного положения, вливались в ряды грузинского феодального класса и, ассимилировавшись с грузинской средой, поднимались иногда на высокие ступени феодальной иерархии.

Сравнительно легкий захват феодалами Сидамонидзевыми столь большого владения объясняется, помимо слабости центральной власти, возможно, и тем, что к этому времени в северных частях эриставства уже появилось осетинское население, поддерживавшее ванатских азнауров в их борьбе с другими феодалами. Царевич Иоанн прямо указывает, что Сидамон победил князей Базалидзе с помощью осетин (Институт рукописей, ф. S, рук. 3729, л. 6).

В позднее средневековье, в основном в XVI–XVII вв., по среднему течению р. Большой Лиахви возникло и со временем превратилось в крупное феодальное владение т. н. Самачабло. Постепенно

осетинское население во владениях Мачабели увеличивается за счет продвижения осетин в южном направлении. Это подтверждается демографическим сводом 70-х годов XVIII в.

Бассейн р. Большой Лиахви ранее входил в Картлийское эриставт-эриставство, с упадком которого он был непосредственно подчинен царской власти и управлялся назначенными туда моуравами. Грузинский феодальный дом Мачабели впервые упоминается в исторических источниках в связи с вторжениями Тимура в Грузию, имевшими место в конце XIV в. Мачабеловский список «Картлис цховреба», датируемый 1736 г., при передаче текста Б. Егнаташвили вместе с описанием борьбы грузин с завоевателями дополнительно сообщает об деяниях Мачабели.

Так, Б. Егнаташвили упоминает одного из Мачабели в связи со столкновением картлийцев и самцхийцев во времена царствования Константина II (1479—1505) (Картлис цховреба, 1959. С. 352). При царе Давиде X (1505—1525), когда он с войском находился в Кахети, на Картли напали турки. Ввиду отсутствия царя турки не встретили должного сопротивления в Картли. Когда турки вторглись в ущелье Б. Лиахви, 15-летний сын Барама Мачабели (управляющего двором царя Давида) Кайхосро проявил большую отвагу в борьбе с турками. Он попросил владетеля Рачи о помощи. Получив от него 300 человек и еще 500 воинов от осетин, он на рассвете напал на ничего не подозревавших турков, разгромил их, изгнал и преследовал до Арети. Когда же Давид вернулся из Кахети и возглавил борьбу грузин с турками, Кайхосро Мачабели вновь прославил себя как отважный воин. Царь высоко оценил верность и доблесть Мачабели Барама и Кайхосро, пожаловав им много деревень на Б. Лиахви (Там же. С. 352, сн. 2—5).

В кровопролитной битве грузин с полчищами шаха Аббаса I в 1625 г. погибло 9 человек Мачабели (Там же. С. 408). Близким соратником Георгия Саакадзе был Тамаз Мачабели. О нем повествует не только мачабеловский список «Картлис цховреба» (Там же. С. 386, сн. 4), но и историческая поэма Иосифа Тбилели (Саакадзе) «Дидмоуравиани». Таким образом, Мачабели уже фигурируют в районе среднего течения р. Б. Лиахви с конца XIV в.

Вначале Мачабели были мелкими феодальными землевладельцами в Лиахвском ущелье (в его нижней части). Они постепенно расширяли свои владения верной службой царю (в XVI в.). Впоследствии же, пользуясь слабостью центральной власти и тяжелым экономическим положением местных мелких землевладельцев, они проявляют большую активность в деле расширения своего владения как путем покупки, так и прямым захватом новых земель.

Во второй половине XVII в. Мачабели самовольно занимают пустующие государственные земли (сахасо) в Лиахвском ущелье и за-

селяют их. Наместник Картли Леван (Шахкулихан) грамотой от 1704 г. закрепил за сыновьями Бадура Мачабели Пираном и Горти земли, присвоенные их отцом (ЦГА ГССР, ф. 1450, кн. 26, док. 158).

Царь Иесей (Аликулихан) грамотой от 1714 г. пожаловал двоюродным братьям – Левану, Давиду, Парсадану и Алхазу Мачабели горные селения. «Те, кого вы поселите там, – писал он, – будут служить вам на таких же условиях, на каких служат другим Мачабели их горцы и двалы» (Там же, док. 205).

Как видно из приведенных документов, царская власть, не имея возможность заселить пустующие места в горах, была вынуждена санкционировать присвоение и заселение этих мест Мачабели. Хронологически это падает на XVII и начало XVIII в.

Осетины селились и на землях других грузинских феодалов – Херхеулидзе[2], Павленишвили, Туманишвили и др. Наромамисонские осетины оставались в непосредственной зависимости от царской власти. Власть Картлийского царства распространялась и на северо-западную часть бывшей Юго-Осетинской автономной области – Кударо и примыкающие к ней места, но на нее претендовали также имеретинские цари и феодалы.

В горной полосе Картлийского царства в течение XVII в. происходит напряженная социальная борьба. Но в отличие от предыдущего времени эта борьба проходит уже не между разными общинами, а между феодалами и зависимыми от них людьми. Эта межфеодальная борьба тяжелым бременем ложилась на непосредственных производителей и усиливала классовую борьбу. Однако поскольку классовая борьба крестьянства была, естественно, стихийной и неорганизованной, носила характер индивидуального террора, она не могла поколебать устои феодальных отношений.

Политические судьбы осетинского населения Восточной Грузии. В 40-х гг. XIII в. Грузия была завоевана монголами. Они разделили страну на военно-административные единицы (думены). Расширение прав стоявших во главе этих единиц феодалов в условиях развивавшегося крепостничества и господства монголов подготавливало почву для политического разделения страны.

Господство завоевателей нарушило установившиеся отношения центральной власти с горцами Грузии. Последние попытались использовать создавшуюся ситуацию и освободиться от зависимости от центральной власти. Ослабевшая центральная власть не мирилась с потерей своего влияния на горцев и всеми силами стремилась по-прежнему держать их в повиновении.

---

[2] Вахушти Багратиони пишет относительно Херхеулидзе, что они были из Самцхе..., однако пришли в Картли после распада единства страны (Картлис цховреба,1973. С. 34).

В конце XIII в. горная часть Восточной Грузии становится ареной упорной борьбы против монголов. Газан-хан вызвал к себе царя Давида VI (1292–1310), но он не доверился монголам и со своими приверженцами укрепился в Мтиулети (Арагвском ущелье). Здесь Давид VI организовал активное сопротивление ильханам и установил связь с Золотой Ордой. Газан-хан, обеспокоенный перспективой столкновения с Золотой Ордой, попытался поскорее подавить восстание Давида VI, направив против него отборные войска и одновременно противопоставив ему его же братьев – Георгия (с 1299 года) и Вахтанга (с 1302 г.).

Монгольские отряды разоряли районы равнинной и предгорной зон. Горцы же, опираясь на естественную крепость местности, наносили врагу большой урон. Они были вовлечены в междоусобную борьбу, разыгравшуюся в конце XIII в. Ксанский эристав Шалва примкнул к царю Вахтангу и выступил против Давида. В процессе этой борьбы население Двалети, Маграндвалети, Ксани и Хеви подвергалось разорению.

В начале XIV в. в горной части Картли положение осложняется тем, что участились столкновения между разными горскими обществами – цхрадзмийцев с арагвкийцами, жамурцев с цхаватцами, между маграндвалами, жамурцами и кногойцами и т.д. На какой бы почве они ни происходили, они, безусловно, сильно парализовали политическую жизнь этой окраины.

Царь Георгий V (1314–1346) восстановил единство страны, истребил непокорных феодалов и подчинил царской власти отмежившихся было горцев. Важным шагом на пути нормализации политической жизни Грузии было решительное действие против осетин и их изгнание из захваченных прежде поселков и крепостей центральных районов Внутренней Картли.

В конце XIV в. Грузия подверглась опустошительным вторжениям среднеазиатского завоевателя Тимура. В героической борьбе грузинского народа против захватчиков активное участие принимали и осетины[3].

Тимур упорно рвался к перевальным дорогам, стремясь овладеть ими. В 1394 г. он опустошил Арагвское ущелье, в 1400 г. – Ксанское. Однако достичь главной цели — захватить Дарьяльскую дорогу – он не сумел. Вахушти Багратиони походы Тимура объясняет стремлением завоевателя лишить Грузию поддержки из Осе-

[3] Армянский историк Фома Мецопский (кон. XIV– перв. пол. XV века) в связи с борьбой грузин с войсками Тимура отмечал: «Грузия состоит из восьми языков...двалы, осетины, имеретины, мегрелы, абхазы, сваны, картвелы (картлийцы. – ред.), месхи». Мецопели, 1937, С. 20 (на груз. яз.).

тии (Вахушти, 1885, 293; Картлис цховреба, 1973. С. 272). Кроме того, Тимур опасался, как бы грузины не открыли Дарьяльский проход и не пропустили по нему отряд золотоордынского хана Тохтамыша[4].

На рубеже XV–XVI вв. северные границы Картлийского царства проходили «по сю сторону Хевхилаки, Кударо и по местам, расположенным южнее гор Цедиси и Чала» (Картлис цховреба, 1959. С. 349). Из этого сообщения видно, что осетины, жившие западнее реки Арагви и южнее Касрисхеви (до границ Имерети), входили в Картлийское царство.

Указанная пограничная линия оставалась неизменной на всем протяжении существования Картлийского царства. Горцы дальных обществ, в том числе осетины, состояли в подчинении царской власти. Степень этой подчиненности находилась в прямой связи с общим положением страны и стабильностью центральной власти. Горцы не раз выступали против установления феодальной кабалы, но царская власть стремилась добиться полного себе подчинения этих, стратегически очень важных районов страны.

При слабости же центральной власти такого господства здесь добивались крупные феодалы.

Южные осетины, так же, как и грузинские горцы, играли весьма активную роль в политической жизни страны. Основной феодальной единицей на территории современной[5] Юго-Осетинской автономной области явилось Ксанское эриставство (владения князей Амилахвари охватывали часть территории нынешнего Ленингорского района Юго-Осетинской АО). Эриставы, как крупные феодалы, не раз выступали против централистских тенденций царской власти, усматривая в них ограничение своих владельческих прав. На этой почве в позднее средневековье часто разыгрывались кровавые события в этой крупной феодальной сеньории (аналогичные события имели место в Арагвском эриставстве, во владении князей Амилахвари и др.). Цари смещали непокорных эриставов, однако все повторялось. Примирение централистских устремлений царской власти и сепаратистских тенденций эриставов было невозможно, и поэтому борьба между ними никогда не прекращалась.

Как уже было отмечено выше, Цхинвали и Двалети, т. е. основная территория нынешней Южной Осетии, являлись царскими владениями и управлялись назначенными царями чиновниками. В начале XVII в. эти территории состояли под управлением Георгия Саакадзе, выдающегося грузинского полководца и государственно-

---

[4] Следует отметить, что Тимур нанес тяжелый удар осетинам на Северном Кавказе. В результате этого удара Северо-Кавказская равнина окончательно была потеряна осетинами.

[5] Бывшей. – Л.Ч.

го деятеля. Саакадзе совмещал эту должность с должностью тбилисского моурава (Картлис цховреба, 1973. С. 420). Назначение столь выдающегося лица моуравом территорий бассейна р. Большой Лиахви и высокогорной зоны Центральной Грузии говорит о важной роли этих районов в политической жизни Картлийского царства.

Осетины, населявшие верховья р. Большой Лиахви и Двалетию, под руководством Саакадзе, а также в составе отрядов ксанского и арагвского эриставов, нужно полагать, участвовали в борьбе грузинского народа против турецких и персидских захватчиков.

За антииранскую позицию осетины подверглись опустошению со стороны персидского шаха Аббаса I во время его похода в Грузию в 1614 г. Об этом сообщает персидский историк XVII в. Искандер Мунши (Сведения, 1969. С. 89–90) и грузинский историк того же периода Парсадан Горгиджанидзе. По словам Горгиджанидзе «шах вошел в Никози. Послал оттуда войска и разорил Осетию» (История, 1925. С. 21). По осетинским народным преданиям, шахские войска достигли с. Зарамага, но перед Зарамагской крепостью они вынуждены были отступить. Таким образом, эта кровавая экспедиция шаха охватила часть территории бывшей Юго-Осетинской автономной области – верховья р. Большой Лиахви. Оттуда шахские войска перешли в Наро-Мамисонский район и опустошили Двалетию, которая была частью Картлийского царства и находилась под управлением Георгия Саакадзе.

Георгий Саакадзе в своей антииранской борьбе придавал большое значение могуществу ксанских и арагвских эриставов. Это видно из того, что он выдал свою дочь за ксанского эристава; арагвский эристав Зураб был его шурином и воспитанником. Благодаря этим родственным узам наряду с грузинским и осетинское население обоих эриставств активно выступило в поддержку Саакадзе. В составе грузинских отрядов осетины этих эриставств сражались с персидскими завоевателями в Марткобской и Марабдинской битвах (1625), избавивших Картли и Кахети от превращения их в иранские провинции (ханства).

После Марабдинской битвы иранские войска вступили в Арагвское ущелье с целью освобождения запертого в замке Арша – омусульманившегося грузинского князя и активного их сообщника Андукапара Амилахвари. На обратном пути они через Ломиси перешли в Ксанское ущелье. Георгий Саакадзе, Зураб Эристави Арагвский и брат ксанского эристава устроили им там засаду и истребили их (Картлис цховреба, 1973. С. 434).

Когда Аббасу I не удалось в открытой борьбе сломить сопротивление грузин, он изменил тактику. Ему удалось поссорить руководителей антииранской борьбы – царя Теймураза I и Георгия Саакадзе, вокруг которых были объединены отдельные группировки

грузинских феодалов. От Саакадзе отошел и его шурин З. Эристави. Разгорелась междоусобная война. Положение населения, в том числе осетин, находившихся под управлением Георгия Саакадзе, ухудшилось. Они вышли из повиновения и отказались платить повинности. Саакадзе с войском вступил в Двалетию через Зекари (Зикара) и, подавив восстание, вынудил их по-прежнему нести повинности.

Об этом походе Георгия Саакадзе сообщает и Иосиф Тбилели (Саакадзе) в исторической поэме «Дидмоуравиани». Однако он говорит не о двалах, а об осетинах (Картлис цховреба, 1939. Строфы 254–256). Примечательно, что в грузинских источниках, сообщавших об этом восстании осетин, в одном случае говорится о восстании двалов, в другом – осетин (Картлис цховреба, 1951. С. 460).

Примеры такого параллельного упоминания в источниках XVII–XVIII вв. «двалы» и «оси», «Двалети» и «Осети» свидетельство того, что эти понятия стали синонимами.

Население нагорной зоны Картли активно участвует в той борьбе, которая развернулась в Восточной Грузии между царем Картли Ростомом и царем Кахети Теймуразом I. В этой борьбе ксанский эристав Иасе поддерживал Теймураза в Имерети. Оттуда царь через Двалети прибыл в Душети и добивался картлийского престола. В 1636 г. Теймураз с помощью арагвского и ксанского эриставов изгнал из Кахети Селим-хана и вновь занял кахетинский престол, владел им до 1648 г. (Картлис цховреба, 1973. С. 440; Бердзенишвили, 1973. С. 259–262).

В 1659 г. в Кахети вспыхнуло народное восстание против кизилбашей. Руководили им арагвский эристав Заал, ксанский эристав Шалва, его брат Елизбар и Бидзина Чолокашвили. Эриставы со своими отрядами приняли активное участие в антииранской борьбе, в которой грузинский народ нанес жестокое поражение иранским завоевателям. В этой борьбе в грузинских отрядах могли принимать участие и осетины.

Участие осетин и вообще горцев Грузии в политическсй жизни страны, в борьбе с иноземными захватчиками вовсе не означало, что они мирились с политическим господством феодального центра. Они не оставляли мысли освободиться от зависимости царя или отдельных феодалов.

При царе Вахтанге V ксанские эриставы продолжали обычную для крупных феодалов политику ослабления царской власти и укрепления своей независимости. Смещение неугодных эриставов в сущности не меняло дела. Новый эристав продолжал идти по тому же пути. Так, назначенный Вахтангом V эриставом Ксани Иасе Эрнстави был вскоре изгнан сыновьями царя Георгием и Леваном, и вместо него назначен Датуна, сын Шалвы эристави.

Фрондирование грузинских феодалов в годы царствования Георгия XI было обусловлено общим состоянием дел в Закавказье, в частности в Восточной Грузии, находившейся в зависимости от Ирана. Георгий не мирился с шахским произволом в Картли. Шах преследовал как Георгия, так и его брата Арчила, который был царем Кахети, но ушел из персидского рабства и воцарился в Имерети. Против непокорных братьев шах восстанавливал местных феодалов. Так, по сведениям Вахушти, Георгию изменяли сомхитский мелик Камарбег, Ираклий Мухранбатони, братья Иасе и Елизбар Мачабели. Царь казнил Камарбега, остальные были арестованы.

Наследовавший Вахтангу V Георгий XI (1676—1688) выдал свою дочь за Датуну (ксанского зристава), чтобы таким образом добиться его верности. Однако когда царь воевал с арагвским эриставом, зять не поддержал его в этой борьбе. Преследуемый шахом, царь Арчил неоднократно вынужден был скрываться в Двалети у осетин, пользуясь их гостеприимством и защитой. Пребывание Арчила продолжалось иногда длительное время, он оттуда устанавливал связь с Россией, общался с Георгием и политическими кругами. Там же он занимался литературной деятельностью (Арчилиани, 1937. С. 84, 129).

Георгий XI принимал меры для укрепления своих связей с осетинами. По сообщению итальянского миссионера Диониджо Карло (долгое время пребывавшего в Тбилиси и Гори и хорошо информированного о политическом положении Картлийского царства) «Георгий женил своего единственного сына на дочери некоего осетинского мтавара. Благодаря этой женитьбе Георгий может рассчитывать на убежище и сумеет оказать сопротивление персам» (Диониджо, 1951. С. 151).

В борьбе с иранскими завоевателями Георгий XI широко привлекал осетин в свои войска. Южные осетины, видно, энергично поддерживали мероприятия царя. Когда Ираклий I получил власть в Картли из рук шаха, Георгий вынужден был отправить царицу в Корниси, а сам прибыл в Цхинвали, откуда последовал в Рачу (Картлис цховреба, 1973. С. 463).

Грузинские феодалы, проживавшие в с. Корниси, активно поддерживали царя Георгия. Заал Херхеулидзе был послан с войском в Марткопи против Ираклия I. Георгий XI из Цхинвали руководил борьбой за картлийский престол (Там же. С. 470).

Когда на картлийском престоле укрепился Ираклий I, ему доложили, что сыновья Арчила скрываются в Зарамаге, и предложили схватить их. По данным Вахушти, Ираклий I не хотел этого, поскольку сыновья Арчила были его племянниками — детьми сестры, но он остерегался немилости шаха и послал мдиванбега Бардзима с войском в Зарамаг. Этим войскам не удалось захватить сыновей

Арчила, так как житель Зарамага осетин Еликанашвили выступил против них, а детей царя отослал в Дигорию (Северную Осетию). Бардзим был вынужден вернуться назад с пустыми руками (Картлис цховреба, 1973. С. 465).

Естественно, что после захвата власти в Картли Ираклий I пытался укрепить свои позиции, жестоко подавляя приверженцев Георгия XI. Эриставом Ксани вместо Датуны он посадил его племянника Давида. Однако мать Датуны восстановила ксанцев против него. Восставшие ксанцы убили Давида, и Ираклию пришлось возвратить бежавшего Датуну, сделав его эриставом (Там же. С. 475–476).

В борьбе с шахским Ираном Георгий XI (и другие цари) старался привлечь и северных осетин. С этой целью, в частности, он одаривал наиболее почитаемые культовые места в Северной Осетии (Реком в Цейском ущелье, Дзивгис в Куртатии и др.) колоколами с грузинскими дарственными надписями, церковной утварью и т. д. С этого времени усилилась миссионерская деятельность грузинских церковников и среди южных осетин.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Материал извлечен из книги: «Очерки истории Юго-Осетинской автономной области». – Тбилиси, «Мецниереба», 1965, глава 45 (С. 83–104).

ЮЖНЫЕ ОСЕТИНЫ В XVIII ВЕКЕ*

Экономическое положение. Рельеф Юго-Осетинской автономной области в основном горный. В XVIII в. осетины проживали преимущественно в горной и частично предгорной частях нынешней Южной Осетии.

Территорию Картли Вахушти Багратиони делит на две хозяйственные зоны. В частности, и Ксанское ущелье Зебекурскими и Алевскими горами разделяется на две части. Ниже этих гор ущелье плодородно, с виноградниками, садами. Выше же нет ни виноградников, ни садов, растительность скудная (Картлис цховреба, 1973 С. 360). Малолиахвское ущелье выше Ванати «без виноградников, садов, как описаны другие горные ущелья, и более бесплодно (Там же. С. 362—363). Кударо и Магран-Двалети точно такие же горные районы и с такими же хозяйственными условиями. Разграничителем хозяйственных зон в ущелье реки Большой Лиахви считается с. Свери» (Там же. С. 363—364, 372, 376).

В XVIII в. южные осетины вели хозяйство, типичное для горных районов, без виноградников и садов.

Обработка незначительных земельных участков была сопряжена с огромными трудностями. Во многих местах участки создавались искусственно. Какую-нибудь ровную площадку крестьяне очищали от камней, кустарников, они на себе приносили землю и навоз, смешивали их и разбрасывали по поверхности ровным слоем. Такую искусственную почву часто сносили снежные или каменные обвалы, бурные весенние потоки, и потом необходимо было систематически ее обновлять.

Такое положение вынуждало осетин переселяться с гор в равнинные районы Картли, где они хотя и попадали в тяжелую феодальную кабалу, но все-таки значительно улучшали материальные условия своей жизни. Равнинные районы были плодородны и давали возможность населению не только прокормить себя, но и создать определенные продовольственные запасы, которые шли на продажу или на обмен на нужные товары.

Осетинские селения, появившиеся к концу XVIII в. на равнине Картли или в предгорьях, вели значительное хозяйство. Феодаль-

ные и государственные повинности они платили зерном, а определенную часть выделяли на продажу. Георгий XII писал в 1800 г. графу Мусину-Пушкину, что для рабочих предполагаемого горнорудного производства «хлеб мы сможем достать в Картли, Кахети, Казахи, Борчало и у наших крепостных осетин по существующей цене» (Цагарели, 1898. С.190). Тот же Георгий XII в 1800 г. обязал жителей удела своего сына Баграта (верховье реки Лехура, Исрольское и Меджудское ущелья) заготовить для нужд русских войск 160 коди пшеничной крупы и доставить в Тбилиси (Институт рукописей, ф. Hd, док. 1505).

Важное место в хозяйстве осетин занимало скотоводство. Они разводили коров, овец, коз, свиней, лошадей, но в небольшом количестве. По сведениям Вахушти Багратиони на каждый дом приходилось в среднем: овец от 20 до 100, лошадей и коров от 10 до 40 голов (Картлис цховреба, 1973. С. 635–636). Эти данные Вахушти относит к жителям ущелий Северной Осетии и Двалети, однако они могут быть распространены и на жителей южной нагорной зоны региона.

Зимой горцы перегоняли свои отары на равнину – во владения князей Мухранбатони и Амилахвари, которым за пользование пастбищами давали определенную плату (ЦГА, ф. 1448, док. 4273).

Осетины занимались и охотой. Вахушти указывал на наличие в Осетии оленей, серн, ланей, рысей, лисиц, волков, шакалов, барсуков, медведей и зайцев.

В хозяйстве осетин, имевшем натуральный характер, значительное место занимали кустарные промыслы и ремесла. Все хозяйственные и бытовые предметы, орудия труда в основном производились на месте, домашним способом. Вахушти отмечал, что осетины «знают искусство выделывания кожи, тканье сукон, валянье их, изготовление хороших бурок. Умеют ковать, знают слесарное ремесло, умеют выделывать вещи из дерева, строить дома... Шитье их женщин отличается чистотою и добротностью» (Картлис цховреба, 1973. С 640).

Академик И.А. Джавахишвили отмечал, что обитатели горных и низинных районов нуждались друг в друге, не могли существовать друг без друга. По причине этих естественных условий, средняя часть Грузии, низинные ее районы тесно были связаны с северными и южными ее частями (Джавахишвили, 1930. С. 317). Это положение полностью применимо и к проживавшим в горной части Грузии осетинам, которые были тесно связаны с равнинными районами региона и всей Грузии. Горные осетины путем закупок и обмена на продукты и изделия местного производства приобретали в Картли и Раче хлеб, вино, хлопчатобумажные, льняные, шелковые ткани, а также и железоскобяные изделия. Из железа они сами

делали надочажные цепи, лемехи для сох, серпы, косы, ножи, кинжалы.

Местами торгово-обменных сделок между южными (впрочем, в значительной степени и северными) осетинами и грузинами служили главным образом рынки Грузии: Тбилиси и ближайшие к осетинам мелкие периферийные рынки, как Они, Цхинвали, Ахалгори, Душети. В 80-е гг. XVIII в. С.Д. Бурнашев сообщал, что у Тбилиси «большой торг состоит с горскими и персидскими ближними соседями в их рукоделиях, т. е. медного, посудою, бумажными полотнами, набивными, крашеными и белыми, конскими верховыми уборами, саблями и кинжалами, мелкими железными вещами, платьем, шапками и обувью» (Бурнашев, 1896. С. 2—3).

Осетины на рынки Грузии привозили грубошерстные ткани, сукна, бурки, войлок, зипуны, шаровары и другие шерстяные предметы одежды, изделия из дерева для домашнего обихода, предметы женского рукоделия; продукты животноводства: сыр, масло, жир, шерсть. Пригоняли и скот (Гамрекели, 1968. С. 37).

В экономических сношениях Грузии с осетинами и с другими народами определенное значение имели ярмарки, периодически устраиваемые в Хони, Они и в других местах. По сведениям Гюльденштедта, путешествовавшего по Грузии и Кавказу в 1770—1773 гг., по пятницам на ярмарке в Хони собиралось много народу. Сюда свозили разнообразные товары как из Закавказья, так и из Северного Кавказа. Среди этих товаров были серые и черные суконные кафтаны, войлочные эпанчи, которые привозились по Онской дороге из Дигории и Басиани (Гюльденштедт, 1809. С. 355; Гюльденштедт, 1962. С. 153). По сообщению того же автора, в Они армяне и евреи торгуют железными изделиями, привозимыми из Цедиси, картлийскими хлопчатобумажными тканями, солью и просом. За этими товарами стекаются сюда осетины из Двалети и Дигории, балкары и сваны (Гюльденштедт, 1809. С. 317; Гюльденштедт, 1962. С. 107).

Экономические связи осетин с равнинными районами Грузии поощрялись правящими кругами. Они брали под свою защиту отличившихся перед ними осетин и гарантировали им беспрепятственный проезд в Грузию по личным делам. Так, в 1745 г. Шанше Эристави дал грамоту Дахчико Томашвили: «...во время войны с арагвскими эриставами много и честно служили нам... Чем только сможем, всегда будем к вам милостивы и делать всего доброго. Будет по воле вашей приходить в наш дом и уходить. Пусть никто не обидит вас, в противном случае всех примем как виновных перед нами» (ЦГА, ф. 1461, 8, л. 53).

Царь Ираклий II по приказу от 8 июня 1778 г. обязывает своих подчиненных: «Когда осетин Батошашвили Эльбердуко захочет прийти к нам, подчиненные моему приказу люди пусть не препятствуют

ему в этом и никто другой его уходу и приходу не помешает... Теперь он идет домой – пусть будет свободен его путь» (Там же, док. 55).

За торгово-обменные операции в Грузии проживавшие здесь осетины не подвергались взиманию пошлины. В одном из официальных документов говорится: «Арагвские и ксанские жители, тушины, пшавы, хевсуры и осетины Грузии были освобождены от пошлин» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч, I, л, 81).

Горское население очень дорожило правом беспошлинной торговли в Грузии. Когда русские власти решили ввести единую таможенную систему, горцы, в том числе осетины, стали требовать, чтобы было сохранено положение, установленное грузинскими царями. Они подчеркивали, что для нуждающегося горского населения платить пошлины – тяжелая обязанность (Институт рукописей, ф. Hd, док. 10832).

Грузинскими царями от пошлины были освобождены и некоторые другие горцы, в том числе северокавказские. Это естественно, ведь Грузия нуждалась в поддержке горских народов в борьбе против иноземных захватчиков и поэтому проводила по отношению к ним экономическую политику, которая обеспечивала ей такую поддержку.

Социальные отношения. Во второй половине XVIII в. в Грузии насчитывалось более 6000 дымов осетинских крестьян, в том числе 1200 дымов в Арагвском ущелье, 2000 дымов в Ксанском ущелье, 860 дымов во владениях князей Мачабели («Квали», 1898, № 11; Гвритишвили, 1949. С.120; Гамрекели, Цкитишвили, 1973. С. 151, 153). Государственные крестьяне составляли 1400 дымов (Ванеев, 1956. С. 18); остальные крестьяне проживали в Кударском ущелье и по реке Проне, в имениях князей Павленишвили, Палавандишвили, Туманишвили и др. Большинство из них проживало на территории Юго-Осетинской автономной области.

Осетины, поселившиеся на землях, принадлежавших грузинским феодалам, были превращены в крепостных крестьян и несли тяжелое бремя феодальных повинностей. Например, о мачабеловских крестьянах интересные данные содержит жалованная грамота Сепихана от 1737 г., выданная Отару Амилахвари: «Осетин из Схлеби и Джавского ущелья мы передали тебе, пусть они служат тебе. Проведите их перепись лично или через кого-либо другого. Если ты пойдешь в Крцхинвали, возьми с собой мамасахлиси, пусть запишет количество дымов, а ты сохрани книгу. Мы поможем тебе взыскать с них оброк, когда мы будем его взыскивать с других осетин... Осетины Джавского ущелья, будьте покорны Отару Амилахвари и повинуйтесь ему, когда он велит вам служить нам» (Древности Грузин, 1910. С. 447, док. 481).

Из документов явствует, что иранский ставленник заставлял мачабеловских осетин, помимо феодальных повинностей, нести также тяжелое бремя эксплуатации иноземных захватчиков.

Мачабели старались создать себе опору среди своих крестьян путем предоставления определенных привилегий некоторым из них. В Тарханной грамоте, выданной в первой половине XVIII в. Леваном Мачабели Мадине Меладзе и его братьям и дядьям, говорится: «Мы, Леван Мачабели и потомки дома моего, жалуем тебя, самоотверженно служившего нам, слугу нашего, Меладзе Мадину, дядю твоего – моурава Георгия, братьев твоих Беко и Деметрэ с потомками дома твоего, – ты верно служил нам при нашем сиротстве и нужде. Мы за твою верность и службу ничего не можем более сделать: ты просил тарханной грамоты. Ты имел ее от деда нашего, отца и дяди. У вас издавна было много тарханных и жалованных грамот, мы возобновили их. Кроме одного слуги, с тебя ничего не спросят» (Бердвенишвили, 1946. С. 33–34).

Тарханы, составлявшие служилый люд князей, дорожили своим привилегированным положением и старались верной службой феодалам сохранить его из поколения в поколение.

Осетинское население Ксанского эриставства распределялось между многочисленным родом эриставов, среди которых часто возникали трения, что требовало активного вмешательства царской власти. В приказе Ираклия II от 1774 г. сказано: «Тех из исролисхевских осетин, которые по праву достались Агабабе и Шалве, мы пожаловали Шалве Эристави, и он должен владеть ими. Если у Георгия Эристави есть обоснованная жалоба на это, пусть явится к нам на суд и заявит об этом и, если докажет свою правоту, мы присудим ему возмещение» (Институт рукописей, ф. Hd, док. 8401).

В одном из списков крестьянских дворов ксанских осетин дается следующая картина размещения 364 осетинских крестьянских дворов в эриставстве:

«В Чурта 60 сакомло (дворовой надел), кроме вновь вспаханных земель;

в селении Кердикоевых и Боселта 10 сакомло;

в Жамурни – 53 сакомло, за исключением вновь вспаханных земель;

в Ломиси и Охири – 14;

в Муджухи – 14;

в Сапершети – 20, за исключением расчищенных под пашню новых земель;

в Гдуви – 5;

в Икети и Хломисцкаро – 8;

в Сабодоре – 4;

в селении Бестаевых – 4;

в Ардиси и Бердзенткари – 8;
в Цхрацкаро – 3.

Подведен итог: 203 сакомло, за исключением расчищенных под пашню новых земель.

На Лиахви – 55 сакомло, в Потриза и Лековани вместе с Кодоланти – 23,5, в Гвидиси – 12, в Шуацхвири – 13, в Двалура – 6, в Ашатури и Цклеби – 7.

Подведен итог: 161 сакомло» (Институт рукописей, ф Hd, док. 5421).

Этот список содержит лишь наделы осетин, находившихся в собственности отдельного представителя рода зриставов, а не всех осетин, населявших Ксанское ущелье.

В 1777 г. царь наказал эриставов за измену, отнял часть их владений и передал своим сыновьям: Ксани – Георгию, бассейн Малой Лиахви – Юлону (Царевич, 1941, С. 15). В приказе от 20 января 1778 г. Ираклий II писал: «Осетины и грузины! Ксани и Лиахви мы сделали казенным имением. Никто другой не имеет к вам отношения... Клятвенно заверяем, что ни одного человека с Ксани и Лиахви мы не передадим другому» (Древности Грузии, 1909, С. 457).

Вскоре царевич Георгий разделил свое владение между своими сыновьями Иоанном и Багратом. Иоанн получил собственно Ксанское ущелье, а Баграт – ущелье Меджуды и Исроли.

Но эриставы не мирились с этим и продолжали борьбу против царской власти. Поэтому в 1786 г. Ираклий II отобрал у них Меджврисхеви и некоторые другие села, а в 1790 г. – Гвердисдзири и изгнал их с территории эриставства.

Таким образом, все эриставство оказалось в руках царевичей. Царевич Иоанн владел Ксанским, Саперщетским, Алевским, Цхрадзмийским, Чуртским, Карчохским и Жамурским ущельями, Юлон – ущельем Малой Лиахви и Гвердисдзири, а Баграт – ущельями Меджуды и Исроли, Сакоринто и Колот-Квиткири (Гвритишвили, 1961. С. 330).

Грузинские царевичи поддерживали политику эриставов, направленную на создание опорной силы на местах из своих крепостных. В 1778 г. царевич Георгий пожаловал своему крепостному крестьянину из Тба-Туаури Павлену и его сыновьям гору Мципори (Институт рукописей, ф. Hd, док. 2383), а «новому христианину» (т. е. новокрещенному) – «бывшему осетину» Халинбегашвили Фоме и его сыну Георгию – имение Схепи. В 1784 г. тому же Фоме он пожаловал в Верхней Цолде выморочное имение Молознишвили (ЦГА ГССР, ф. I 448, док. 5419, 5420).

Халинбегашвилевых жаловал еще раньше Шанше Эристави. Они пользовались этим и угнетали своих соотечественников. В этом

отношении очень характерна жалоба проживавшего в Ксанском ущелье какого-то осетина русским властям в начале XIX в. В ней говорится: «Шанше Эристов отдал нас Каланбегиру Халинбегову, коему, так как он и мы были осетинцы, служили и несли все повинности, потом захотел он взять у нас дочь, которая была невеста; хотя нам было весьма неприятно, но он, несмотря на нас, вытащил ее из дому насильно; жених ея, узнавши о сем, наложил на нас кровяной штраф, а потом, напав ночью с командою, увел у нас двух дочерей и угнал 100 волов, да еще после отнял у нас 30 волов. Таковая обида была нам сделана еще во время Эристава; когда же достались мы Багратионам, взял он у нас 4-х человек и 15 волов и до самой крайности нас разорил; мы его за сие убили и переселились оттуда. Потом царь Георгий, вызвав нас к себе, помирил нас с ними, и мы по приказанию царя, отдавши им 5 волов, 1 лошадь, совершенно помирились и друг другу дали ручательства, но они не устояли в своем слове; напав на нас, двоих из нас убили, 1 ранили и 24 человека, поймав, отвели в Кизик, откуда мы сами бежали, а семейства наши остались там, да и имения пропало у нас столько, что стоило 200 волов, да еще многие мы претерпевали обиды. Царь давал им другое место, но они по самовольству своему не принимали, отчего и сделалось с нашей стороны смертоубийство» (АКАК, II. С. 549).

Как видно из жалобы, спесь и своеволие Халинбеговых явились причиной кровавой вражды двух осетинских фамилий, продолжавшейся многие десятки лет, стоившей жизни многим людям и полного разорения ни в чем не повинных.

Бывшие владения ксанских эриставов оставались в руках царевичей вплоть до присоединения Грузии к России. Но в начале 1801 г. во время междоусобной борьбы за картлийско-кахетинский престол они вернули эриставам значительную часть их имений, стремясь обрести в их лице союзников.

Значительное число осетин проживало на территории Арагвского эриставства. По имеющимся данным нельзя установить исторические подробности заселения осетинами верхнего течения Терека и верховий Арагвского ущелья. Основным каналом заселения осетинами этих районов нужно считать Трусовское ущелье, непосредственно связанное с рядом обществ исторической Двалетии и Северной Осетии (Алагирским и Куртатинским).

В 1743 г., в результате восстания арагвского населения, эриставство было передано картлийскому царю Теймуразу II. После этого оно было отдано сначала царевичу Вахтангу, потом царевичу Левану и, наконец, в 80-х г. XVIII в. — царевичу Вахтангу.

5 июня 1780 г. в Трусовском ущелье была проведена перепись крестьянских дворов. Согласно этой переписи в 11 деревнях Трусовского ущелья 73 двора занимали 70,5 сакомло земли. Из них

только два двора были тарханами, остальные 71 двор, с 68,5 сакомло земли, были податными.

Кроме перечисленных административно-политических единиц осетины проживали и в других феодальных владениях Шида (Внутренней) Картли. В результате постоянных нашествий иноземных захватчиков и внутрифеодальных войн население этих мест уничтожалось, а владевшие ими феодалы старались вновь заселить опустевшие села. В этой связи Д.В. Гвритишвили отмечает, что «как видно, Сацициано систематически пополнялось прибывавшими туда осетинами, и этот процесс длился до XIX в. Пацийское ущелье, Магран-Двалети, Рук, Тлиа, Жамури – из этих провинций переселялись осетины в Сацициано и на развалинах грузинских сел основывались осетинские поселения» (Гвритишвили, 1961. С. 77). И. Бараташвили в 1780 г. в своей дневниковой записи отметил, что послал человека в Осетию, чтобы привести осетин и поселить их на своем пустующем владении и таким путем умножить число своих крепостных крестьян. В списке купленных им крестьян фигурируют и осетины (Бараташвили, 1950. С. 94).

По инициативе царской власти в конце XVIII в. из Тагаурского общества Северной Осетии были переселены несколько партий осетин. Их поселили в различных районах Картли в качестве удельных (сахасо) крестьян царской фамилии (ЦГА ГССР, ф. 1448, док. 31, 3613; Инст. Рук., ф. ad, док. 1617).

Во внутренних районах Картли осетины зачастую снимались с земель одного феодала и в поисках лучшей доли селились в имениях другого. Так, в приказе Вахтанга VI (начало XVIII в.) говорится: «К Паремузе пришли осетины из имений ксанского эристава. Он поселил их в Чваребском Сахорце; потом эти осетины переселились к Папуне Цицишвили... Оказалось, что он силой согнал осетин. Пусть Папуна вернет Паремузу уведенных у него осетин» (Древности Грузии, 1909. С. 296). Ксанский эристав Давид в 1771 г. жаловался, что часть ушедших от него крепостных находится в Кахети (ЦГА ГССР, ф. 1450, кн. 36, док. 202).

В XVIII в. осетины проживали и на территории Самухрано. Многие из них находились в крепостной зависимости от князей Туманишвили и Палавандишвили. Так, например, в Договорной книге, выданной Иесе, Ниниа и Беруа Маргишвили, они называют Зураба Туманишвили своим господином и обещают быть покорными ему (Там же, ф. 1450, кн. 37, док. 80).

Документы содержат данные о крестьянах-осетинах, принадлежавших Палавандишвили, и о путях их закрепощения. В 1783 г. Чоба и Апа Чибирашвили «добровольно» вступают в крепостную зависимость к Палавандишвили Гогия. «Мы не можем выплатить цены за кровь и закрепостили себя. Нас трое братьев – я, Чоба со

своей женой, мой брат и наша мать; мы стали крепостными в счет причитающейся тебе с нас цены за кровь» (Институт рукописей, ф. Hd, док. 647). Таким же образом крепостными Палавандишвили стали переселившиеся из Осетии Пилишвили Кута и его внуки Кадина, Тоба, Мосе, Каисина и Канисина. «Пришли мы из Осетии и стали твоими крепостными», – пишут они. (Там же, док. 649)

Осетины состояли крепостными и у мелких грузинских дворян Херхеулидзе, Пурцеладзе и др.

Но не все южные осетины были помещичьими крестьянами. Осетины, проживавшие в районе верховьев Большой Лиахви, в Наро-Мамисонской котловине с входящими в нее ущельями, принадлежали к категории государственных, казенных крестьян. Характер и степень их подчинения центральной власти зависели от прочности и силы последней.

В связи с разными обстоятельствами осетинское население появляется и на территории Кахети. Существуют данные о том, что в июле 1771 г. Ираклий II, обнаружив измену князей Мачабели, переселил в Лило двух братьев Мачабели вместе с их крепостными осетинами (Леонидзе, 1960. С. 157; Жордания, 1967. С. 327). И действительно, на грани XVIII–XIX вв. в Лило уже проживали осетины. Эти осетины, а также те, которые попали в отдаленные места от основного югоосетинского населения, со временем растворились среди грузин, ассимилировались с ними.

Осетинское население Кударо и ущелья реки Джоджоры входило в Имеретинское царство и подчинялось рачинскому эриставу. Однако исторические памятники и документы не сохранили конкретных сведений о характере отношений этих осетин с имеретинским царем и феодалами.

Таким образом, югоосетинское население Грузии все больше и больше попадало в феодальную зависимость или в подчинение царской власти Грузии.

Грузинское крестьянство в XVIII в. делилось на различные категории в зависимости от происхождения и социально-экономического положения: «мквидри», «мсахури», «наскиди», «нацкалобеви», «хизаны», «богано»[1] и другие. Поскольку осетины находились в зависимости от грузинских феодалов, названные категории наличествовали и среди них.

Категорию «мквидри» (коренные) составляли осетины, переселившиеся в Грузию давно. Но и в более поздние времена ряды крестьян этой категории пополнялись за счет осетин, селившихся

---

[1] Мквидри – коренные, мсахури – служилые, наскиди – купленные, нацкалобеви – пожалованные, хизаны – приютившиеся, богано – безземельные.

на землях грузинских феодалов различными путями (добровольное переселение, купля, вознаграждение и т. п.). С течением времени все они становились «мквидри».

Хизанами (приютившимися) в Грузии обычно называли крестьян, которые уходили от одного феодала и укрывались у другого. Хизанство было порождением усиления феодальной эксплуатации и обострения классовой борьбы, тяжелые экономические условия в бесплодных горных местностях вынуждали их искать более удобные места.

«Тарханы» составляли привилегированную верхушку крестьян. Они полностью или частично освобождались от помещичьих или государственных податей, но на них все же возлагались определенные обязанности в отношении своих господ. Тарханы составляли основной источник служилых людей феодалов. «Наскиди» (купленный), «тавнаскиди» (самопродавшийся) и «небиери» (добровольный) различались по происхождению их крепостной зависимости; в основном лишь в этом их отличие от других категорий крестьян.

Крепостные крестьяне состояли из следующих групп: 1. Господские. 2. Государственные. 3. Чиновничьи. 4. Церковные. 5. Платившие дань иноземным захватчикам. Повинности крестьян по отношению к их господам имели общие названия: «Служба крестьянина», «Служба по крепостническому распорядку», «Крепостническая служба», «Повинность» (бегара). Эта служба подразумевала исполнение крестьянами всех видов ренты — натуральной, отработочной, денежной (Гвритишвили, 1961. С. 125).

В ряде документов отмечено, что осетины должны были служить своим господам по «крепостному распорядку» (батонкмобис риги) или «по общему положению» (саерто дебулеба) (ЦГА ГССР, ф. 1450, кн. 37, док. 80; кн. 42, док. 301), т. е. как и крепостные грузины.

В 1782 г. в Ксани по приказу царевича Георгия осетину из Ардиси Багатару и его братьям дали выморочную землю их родичей в размере двухдневной вспашки с условием, что они будут нести за это повинности в пользу царевича (Институт рукописей, ф. Hd, док. 6125). В 1789 г. братья Томашвили получают надел в ущелье Цхрадзма. Их освободили на 3 года от отправления повинностей; потом они были «обязаны делать все, что положено владельцу этого надела» (ЦГА ГССР, ф. 1449, док. 147).

На осетин, спустившихся с гор на равнину, часто возлагалась обязанность выплачивать «гала» (хлебную подать). Некоторые крестьянские семьи обязаны были отдавать в услужение феодалам членов своих семей.

Документы не дают нам возможности различить обязанности помещичьих и государственных крестьян. По-видимому, они мало

чем отличались друг от друга. Превращение помещичьих крестьян в казенных означало в основном перемену господина, т. е. их владельцем становился царский род. Но экономическое положение государственных крестьян было сравнительно лучше.

Повинности крепостных горцев отличались от повинностей крепостных, проживавших на равнине. Главными феодальными повинностями на равнине были: гала – оброк (налог на зерновые), кулухи (налог на виноградники), сабалахо (налог за пользование пастбищами), дзгвени (приношения) и т. д.

В описи имущества царевичей (1803 г.) сказано, что владелец Арагвского ущелья Вахтанг Ираклиевич получал с населения подвластных ему грузино-осетинских сел деньги, хлеб, вино, топленое масло, овец, ягнят, свиней, кур, сено (АКАК, т. II, с. 82).

Помещичьи крестьяне, кроме выплаты феодальных податей и повинностей, несли различные обязанности и перед государством (царем). Существовали следующие государственные подати: кодиспури – каждый двор был обязан платить 3 коды (1 коди равнялся 2–4 пудам) пшеницы или ячменя; сабалахо – подать за пользование государственными пастбищами для мелкого рогатого скота; нахиристави – налог на крупный рогатый скот; пиристави – налог на мелкий рогатый скот (из 100 овец брали одну); сабазиеро (соколничья) – одна курица для сокола; саджинибо – состояла из одной курицы для конюхов; лашкар надироба – обязательное участие крепостных крестьян в военных предприятиях и в барской охоте.

К государственным повинностям относилась также обязанность принимать участие в работах по прокладке и ремонту дорог, мостов и крепостей. Крепостные крестьяне несли повинности и в пользу иноземных завоевателей: сататро (в пользу татар); салеко (в пользу дагестанских феодалов или же на содержание дагестанских наемных дружин). Во второй половине XVIII в. в Картли и Кахети была введена новая подать, так называемая сурсати (продовольственный налог), которая предназначалась для содержания войск. Осетины равнин платили сурсати зерном, а горцы – скотом, деньгами и т. д. Крестьяне отбывали также повинности: саэклесио (церковные) и самохелео (чиновничьи).

В отдельных горных районах нынешней Южной Осетии должностные лица назначались из осетин, в равнинных и предгорных районах – из грузинских азнауров. С их помощью царь или феодалы осуществляли эксплуатацию крепостных. Осетины в их пользу выплачивали специальные подати.

Таким образом, население нынешней Южной Осетии подвергалось тяжелой феодальной эксплуатации. По землям феодалов проходили дороги, связывавшие горы с равниной. Феодалы нередко задерживали осетин на этих дорогах, сажали их в ямы и требовали

выкупа в виде скота или денег. Такие препятствия тяжело отражались на экономическом положении осетинских крестьян и порой вызывали с их стороны активное сопротивление.

Классовая борьба. Общественная жизнь южных осетин протекала под знаком острой классовой, антифеодальной борьбы. Сопротивление осетинских крестьян своим господам, сочетавшееся с классовой борьбой грузинского крестьянства, и здесь имело различные формы: пассивную (бегство и уход от помещиков, отказ от выплаты податей) и активную (индивидуальная или коллективная борьба с феодалами). В XVIII в. имели место и массовые выступления против феодалов.

Из приказа Вахтанга VI, датируемого первым десятилетием XVIII в., видно, что часть осетин снялась с имения ксанского эриставства и перешла к Паремузу Джавахишвили, который поселил их в Чваребское Сахорце (Древности Грузии, 1909. С. 296). Осетин Гуси, проживавший на земле азнаура Ростома Журули в Исрольском ущелье, в течение трех лет ничего не платил своему помещику. Последний обратился с жалобой к царевичу, который приказал бокаултухуцеси (главному приставу) принудить Гуси выплатить подати за три года, отобрать у него надел и представить Журули возможность распоряжаться этим наделом по своему усмотрению (Бердзенишвили, 1945. С.188).

В 1786 г. вдова Туманишвили в жалобе на имя Ираклия II писала: «Маргишвили являются нашими крепостными. Один из братьев попал в плен и возвратился оттуда. Он явился к нам и вновь признал себя нашим крепостным... Вот уже двадцать лет как он вернулся из плена, жил на нашей земле и был нашим крепостным. Теперь он бесчинствует, беспокоит то вас, то царицу, то ваших сыновей, стараясь избавиться от крепостного состояния». Из других документов также видно, что крепостной Маргишвили был пленен, попал в Египет и сумел вернуться оттуда. Однако в Картли и Кахети того времени существовал закон, по которому вернувшийся из плена собственными усилиями крепостной освобождался от феодальной зависимости прежнего господина. Маргишвили пытался избавиться на основе закона от крепостной зависимости Туманишвили и с этой целью обращался с жалобами к царю, царице и царевичам. В то же время он продолжал жить на земле Туманишвили. На жалобу вдовы Туманишвили Ираклий II наложил резолюцию следующего содержания: «...по нашему наказу вернувшийся из плена, став чьим-либо крепостным на один или два месяца, уже не может уйти от господина. Этот же в течение стольких лет жил у своего господина, который им владел. Если бы даже и раньше он не был его крепостным, то все равно не может уйти от него, т. к. уже в течение ряда лет был его крепостным» (ЦГА ГССР, ф. 1450, кн. 37, док. 82).

«Освобождение» от крепостной зависимости освободившегося из плена крепостного выражалось лишь в предоставлении ему возможности выбрать себе нового господина.

В феодальной Грузии того периода, когда вся земля принадлежала помещикам, крестьянин не мог избежать крепостной зависимости, не порвав совершенно связи с землей. Но сделать это в условиях того времени означало гибель крестьянина, так как ему негде было устроиться. Грузинский феодальный город не мог принять его и обеспечить средствами к жизни.

К активным средствам борьбы прибегали те из свободных от крепостной зависимости крестьян, которым угрожала опасность быть втянутыми в разряд зависимых крестьян. Так, например, между князем Гогия Палавандишвили и крестьянином Чоба Чибирашвили на этой основе возникли враждебные отношения. Чоба с братом нападал на дом Палавандишвили, убил его слуг. Сам князь случайно спасся от смерти. В этой вражде победил Палавандишвили и в счет цены за кровь вынудил Чибирашвили признать себя его крепостным (Институт рукописей ГССР, ф. Hd, док. 647). Крепостными крестьянами Г. Павленишвили «добровольно» стали Пилишвили Кута и его многочисленное потомство (Там же, док. 649).

Недовольство крестьян не раз перерастало в вооруженную борьбу против феодалов. Несмотря на скудность исторических сведений, в них все же отразились факты такой борьбы. Царская власть совместно с феодалами жестоко подавляла такие тенденции и вооруженной рукой приводила крестьян в покорность. Так, в 1626 г., когда жители Двалети в массовом порядке отказались от выполнения феодальных повинностей, Георгию Саакадзе пришлось выступить против них и заставить по-прежнему платить подати. Картлийский царь Вахтанг V (1658—1676 г.) силою заставил осетинское население платить подати. В 1711 г. царь Картли Вахтанг VI предпринял поход в Наро-Мамисонскую Осетию, а также в Кударо и обложил их данью. В 40-х гг. XVIII в. Ираклий II применил силу для подчинения осетинского населения Ксанского и Арагвского эриставств. В сражениях с арагвскими осетинами отряды царя Ираклия овладели 40 (по некоторым сведениям 80) башнями, разрушили и сожгли их, жестоко расправились с трусовцами. После этих событий и ксанские осетины стали отбывать феодальные повинности.

Внутриполитические выступления грузинских феодалов отрицательно влияли на социально-экономическое положение их крепостных крестьян. Поэтому последние нередко оказывали помощь центральной власти в ее борьбе со своими феодалами. Когда в конце XVII в. разгорелась борьба за Картлийское царство между Георгием XI и Ираклием I, Георгий был разбит и его сторонники рассеялись. Среди них были арагвский эристави Георгий и Гиви Амилахвари.

Эти последние не могли укрепиться в своих крепостях, боясь быть выданными своими крестьянами. Они бежали в Двалетию и оттуда собирались перейти в Имерети (Картлис цховреба, 1973. С. 474).

В 1743 г. восставшие крепостные арагвийцы убили эристава Бежана и его брата Отия, а сами предались царю Теймуразу II, хотя и ему не платили подати, пока их выступление не было подавлено (Орбелиани,1981. С. 68–69).

Не менее остро протекала борьба крепостных ксанского эриставства против своих господ. В конце XVII и начале XVIII в. крестьянами были убиты князья Иесей, Датуна и Реваз Эристави.

Шанше Эристави в 1733 г. писал находившемуся в России Вахтангу VI, что продал татарам осетина – бывшего крепостного. Тот сбежал в пути и вернулся домой. Когда же брат Шанше – Реваз отправился к осетинам, по дороге он напал на него и убил (Броссе, 1861. С. 205) . Как видно, крепостные осетины, естественно, мстили своим угнетателям за бесчеловечное обращение с ними.

Используя натянутые отношения между крепостными и феодалами Ксанского и Арагвского эриставств, центральная власть сумела ликвидировать эти очаги постоянных внутренних войн и сепаратизма. Включив территории этих эриставств в государственный фонд, царская власть значительно укрепила свои позиции. Но, разумеется, в результате этого мероприятия положение крепостных по существу не изменилось. Впоследствии Ксани и Арагви были переданы царевичам. Однако этот шаг все же несомненно улучшил положение жителей этих владений. Был положен конец междоусобицам, в которые втягивали крестьян князья Эристави. Именно поэтому распространение слухов, что приставам будут возвращены их владения, вызвало беспокойство местных жителей. Ираклий II был вынужден клятвенно заверить население в том, что «мы не дадим вас больше роду Эриставов... Это не в интересах страны» (Абрамишвили, 1956. С. 419–420).

После воцарения Георгия XII (1798 г.) другие царевичи выступили против него. Для создания опоры в будущей борьбе за престол царевичи начали возвращать эриставам их владения. Это вновь обострило классовые противоречия. Осетины энергично выступали против феодалов.

Классовая борьба проживавших в Грузии осетин являлась частью антифеодальной борьбы грузинского крепостного крестьянства. Классовая солидарность грузинского и осетинского крестьянства документально подтверждается. Так, в 1778 г. князь Георгий Цицишвили жаловался царю Ираклию, что его крепостной Кемухташвили убил своего князя, отца Георгия, хотел убить и его самого. Кемухташвили скрывался то у осетин, то в других районах Картли. Князь просит царя оказать ему помощь в задержании и наказании непокорного крепостного (Бердзенишвили, 1945, II. С. 96–97).

Нередки были случаи, когда осетинские и грузинские крестьяне объединялись и сообща нападали на феодала, похищали его имущество. 13 апреля 1796 г. Биртвел Туманишвили писал Эгнате Туманишвили, что грузины и осетины разоряют его. Грузины привели осетин в Гори, где разрушили мельницы Султанишвили (Там же. С. 178; Гвритишвили,1979. С. 303–304). В период разорения Картли Ага-Магомед-ханом у дворянина Елиозишвили сбежал его крепостной крестьянин. С осетинским отрядом он напал на усадьбу Елиозишвили, сжег его церковь и отобрал 500 коди хлеба (ЦГА ГССР, ф. 1448, док. 2443).

Таким образом, осетинское население Грузии активно участвовало в борьбе против феодальной эксплуатации. Однако порабощенное социальным гнетом крепостное крестьянство не могло полностью осознать свои классовые интересы. Так, ни одно крестьянское выступление не ставило целью уничтожение крепостного права в масштабе всей страны. Все они были направлены против отдельных феодалов, на освобождение от податей и обретение личной свободы в узколокальных районах. Понятно, что в тех исторических условиях крестьянское движение было обречено на неудачу. Несмотря на это, антифеодальные, пусть даже стихийные, выступления имели важное значение. Они постепенно приучали крестьян к борьбе за свои классовые интересы, принуждали феодалов соблюдать известную меру в эксплуатации крепостных крестьян.

Участие южных осетин в политической жизни Картлийского царства. К концу XVII в. южные осетины начинают играть активную роль в политической жизни Картлийского царства. Это было явление естественное, поскольку, обосновавшись на территории Картли (в ущельях Большой и Малой Лиахви, Ксани, Арагви, Меджуды), они сделались органической составной частью грузинской позднесредневековой государственности и делили историческую судьбу грузинского народа. Указанное положение полностью распространяется и на население Двалети (Наро-Мамисонской котловины), которое в течение всего средневековья входило в состав Грузии (сперва единого Грузинского государства, затем Картлийского, а с 60-х годов XVIII в. Картли-Кахетинского царства)[2]. После присоединения Восточной Грузии к России Наро-Мамисонская котловина входила

---

[2] Вахушти Багратиони подчеркивает тесную связь осетинского населения Картли с Двалетией. Описав ущелья Касрис-хеви, Жгелис-хеви, Нар, Зрого (Зруг), Заха (Закка), Трусо, он продолжает: «И ущелья эти... вместе с Магран-Двалетией составляют Двалетию; и кроме того, жители Большой Лиахви, Малой Лиахви, Кснис-хеви и Кударо также суть двальцы, выселившиеся туда из этой Двалетии; они едины верою, порядками и нравами, находятся в родственных друг с другом отношениях». (Картлис цховреба, 1973. С. 648; Вахушти Багратиони, 1904. С. 147).

в Тифлисскую губернию и лишь в 1859 г. была передана Владикавказскому (Осетинскому) округу. Картлийские цари придавали большое значение укреплению своей власти над населением этой окраинной высокогорной провинции страны, так как это обеспечивало им покорность и тех грузинских феодалов, владения которых примыкали к Двалетии и в которых проживало определенное количество осетин.

Население Двалетии, пользуясь отдаленностью от центра и труднодоступностью своих населенных пунктов, нередко отказывалось от несения повинностей царям. Так было и при Вахтанге VI.

Царь Вахтанг хорошо знал Осетию. Еще до воцарения в Картли он со своим дядей Арчилом продолжительное время укрывался то в Зарамаге – в центре Двалетии, то в Дигории. Посчитав отказ населения Двалетии от несения повинностей опасным для своих позиций, он предпринял поход против них в 1711 г. В результате этого похода были приведены к покорности не только двалетские, но и кударские осетины (Картлис цховреба, 1973. С. 491; Чхеидзе, 1976. С. 28).

С приведением в покорность горных осетин власть Вахтанга VI значительно укрепилась и в Картли. Однако это не соответствовало интересам сепаратистски настроенных феодалов, в частности ксанского эристава Шанше, которые стали домогаться у персидского шаха смещения Вахтанга. После того, как Вахтанг покорил Осетию и организовал свое войско, Георгий и Датуна Эристави испугались, что он захватит их владения. Поэтому они писали шаху: «Не желаем больше Вахтанга, дайте нам в цари Иесея» (Картлис цховреба, 1973. С. 492–293).

Эти феодалы встревожились не без основания. Покорением горных осетин Вахтанг VI создал себе опорные пункты в их тылу, умножил свои военные силы и получил возможность бороться с непокорными феодалами. Последние добились отстранения Вахтанга VI от престола и воцарения его брата Иесея, но в результате больших дипломатических усилий в 1719 г. Вахтанг VI вернул себе царский престол и стал сводить счеты со своими противниками. Ксанский эристав Шанше бежал от мести царя и закрепился в своих владениях в Ксани. Вахтанг VI поручил своим сыновьям Бакару и Вахушти наказать его. Они вторглись в Ксанское и Лиахвское ущелья и овладели эриставством. Шанше был вынужден явиться к царю с саблей на шее в знак покорности.

Вахтанг VI наметил широкую программу борьбы против иранских захватчиков с помощью русских войск, но шах вновь сместил его с престола и поставил на его место кахетинского царя Константина, который с помощью дагестанских отрядов в 1723 г. взял Тбилиси и разорил его. Вахтанг и его сын Бакар укрылись в Цхинвали и оттуда боролись с турками, которые в 1723 г. заняли Картли и установили там свое господство. Однако силы были неравные, и

царю с большой свитой пришлось покинуть Картли и выехать в Россию. В этих политических событиях активную роль играли южные осетины, зависимые от царской власти или отдельных феодалов. Осетины поддерживали стремление грузинских политических деятелей к союзу с Россией, надеясь вырваться с помощью России из того тяжелого экономического и социального положения, в котором они пребывали.

Грузинские цари учитывали большую политическую значимость лояльных отношений с осетинами и предоставляли некоторым представителям осетинской знати особые привилегии, стремясь, в случае надобности, обеспечить себе их поддержку. Так, например, царь Константин (1722—1733) возобновил нарскому дворянину Жидахану Хетагури жалованную грамоту (ЦГА ГССР, ф. 1448, док. 5586; Древности Грузии, 1910. С. 252).

Турецкое господство в Картли легло тяжелым бременем на все слои общества. В 1725 г. Леван Мачабели продал Амилахвари Гиви несколько своих осетинских крепостных крестьян. В купчей грамоте прямо указывается, что к этому его вынудила тяжесть турецких поборов (Бердзенишвили, 1945. С. 215—216). Естественно, если феодалы оказались в таком затруднительном положении, то можно представить состояние непосредственных производителей — крестьян.

Население Картли (в их числе осетины) развернуло активную борьбу против турецких насильников. Против турок выступили жители Ксанского и Арагвского эриставств, Самачабло. Правитель Картли Исак-паша в 1731 г. послал крупные карательные отряды против ксанцев, «пленили многих, сожгли села, башни, заграждения, Сацхениси и пещеры, разрушили Ванатскую крепость. ...Затем напали на Самачабло, взяли Сверскую крепость и разрушили оба укрепления на противоположных берегах. Перешли Овсетскую гору, атаковали Мугути, башня была крепкая и место скалистое, поднялась пальба, погибло немало татар... ночью сбежал Теймураз Мачабели из башни со своими людьми. Догадавшись, турки зажгли факелы, ворвались, разграбили имущество и пленили многих» (Чхеидзе, 1976. С. 39). Вахушти Багратиони также сообщает об этих событиях. По его данным, турки после разгрома ксанцев и арагвийцев ворвались в Самачабло. Мачабели бежал в Рача, а враги «истребили, пленили, сокрушили крепости» (Картлис цховреба, 1973. С. 511).

В 1735 г. тяжелое господство турок в Картли сменилось господством иранских завоевателей. Шах Надир жестоко разорил Картли и обложил ее огромной данью. Опустошив равнинные области, он пытался пробраться и в горные районы, но не сумел осуществить своего намерения. Его наместник Сефи-хан арестовал некоторых правителей Грузии. Ксанскому эристави Шанше удалось избежать ареста, и, возвратившись в свои владения, он поднял восстание.

Значительное число ратников Шанше составляли осетины, которые приняли в восстании самое активное участие.

В конце апреля 1737 г. в Картли явился Сефи-хан с большим войском. Напав на ксанского эристава, он взял крепости Икорта, Ванати, Кулбити, Цихисдзири, Сурами, Ацери, Бешо и Монастери. Укрылся брат ксанского эристава Иесе с семьей в Кахети; напали на эристава, бежал он с сыном, попали в руки кизилбашей члены его семьи и его добро. Шанше отправился в Имерети, а оттуда в Россию. Собрались осетины ксанского эристава и эриставские крестьяне, взяли крепость Ананури, Монастери и Ахалгори. Призвали брата ксанского эристава Иесея из Кахети и соединились с ним (Чхеидзе, 1976. С. 47). Ратники из осетинского и грузинского населения эриставства, овладевшие несколькими важными крепостями, передали их Иесею.

Вскоре Шанше вернулся из России и возглавил борьбу против персов, однако Надир-шаху удалось схватить Шанше и жестоко подавить восстание. Ксанское эриставство он передал Гиви Амилахвари, тем самым противопоставив друг другу два сильнейших феодальных дома. Амилахвари в союзе с Арагвским эриставом подчинил себе Ксанское эриставство (Вахушти, 1913. С. 3; Картлис цховреба,1974. С. 518–519).

Историк Папуна Орбелиани следующим образом описывает организованный против Ксанского эриставства поход: «В августе месяце (1741 г.) отправилось это войско на Ксани; по приближении к Мухрани избрали предводителем Гиви Амилахвари. Разделили войско на три части, дали одну часть арагвскому эриставу и направили его на Ломиси, вторую часть на Ксани, а третью на Лиахви; напали, разорили Ксани, сожгли, пленили и истребили множество, разрушили крепости, а там, где были башни, не оставили никаких построек. Эристави Шанше бежал и вместе с семьей укрылся в крепости Ацери. Тотчас же прибыл хан и осадил крепость. Не смог сопротивляться Шанше и бежал из крепости... Разрушил [хан] крепость Ацери и разорил все крепости. Преследовали их арагвийцы и пленили оставшихся, согнали всех по сю сторону Осетии и передали их Гиви Амилахвари. Он поселил их в Пхвениси. Хан возвратился, напал на одно местечко, где оставалось немного добра. С горными осетинами было перемирие. Узнав об измене хана, они отрезали ему путь в узком проходе и напали на него. Кизилбаши бежали. Осетины схватили хана, убили Папуну Мухранбатонишвили ..., и истребили кизилбашей... (Орбелиани, 1981. С. 47–48). То же самое, но более кратко сообщает Вахушти (Картлис цховреба, 1973. С. 517).

Не справившись с Шанше в открытой борьбе, шах столкнул его с Амилахвари и арагвским эриставом, спровоцировав тем самым

братоубийственную войну. Это коренным образом изменило характер восстания. «Борьба Шанше против завоевателей, — писал академик Н.А. Бердзенишвили, — вскоре превратилась в междоусобную войну между картлийскими князьями. Шанше в союзе с лезгинами громил владения Амилахвари, а Амилахвари вместе с кизилбашами уничтожал крестьян Ксанского ущелья...» (Бердзенишвили, 1944. С. 197).

Хотя восстание жителей ксанского эриставства против кизилбашей (1736—1741 гг.) потерпело поражение, оно все же явилось одной из интереснейших страниц истории совместной борьбы грузинского и осетинского народов против иноземных захватчиков.

Иранские завоеватели обложили Картли непосильными налогами. Доведенная до отчаяния, голодающая страна ответила на это новым восстанием, которое возглавил Г. Амилахвари. Он в 1742 г. собрал предводителей Арагвского и Ксанского ущелий, объединил всех тавадов Картли и начал антииранскуго борьбу (Орбелиани, 1981. С.53). Борьба эта приняла широкие масштабы, охватив всю Картли. Г. Амилахвари укрепил все крепости на территории Ксанского и Арагвского эриставств и начал переговоры с дагестанцами, Турцией и Россией, стремясь заручиться их поддержкой. Восстание затянулось. Положение крестьян, хозяйство которых было подорвано бесконечными нападениями кизилбашей, становилось невыносимым. В таких условиях поведение князей, руководивших восстанием и преследовавших узкоклассовые интересы, все более разжигало их классовую ненависть. Рост антифеодальных настроений вылился в открытое восстание против правителей арагвского эриставства в 1743 г. Расправившись с эристави Бежаном и его двоюродным братом Отия, восставшие передали эриставство царю Теймуразу. В Кахети, во владениях Теймураза, положение было сравнительно спокойным, и крестьяне стали селиться в Кахети (Картлис цховреба, 1973. С. 520; Орбелиани, 1981. С. 77).

Кизилбаши, воспользовавшись внутренними неурядицами в Грузии, усилили военный нажим на повстанцев. Иранский полководец Аджи-Хан со своим отрядом выступил из Дирби и напал на Амилахвари, находившегося в Корниси, но потерпел поражение.

В 1744 г. царь Теймураз II и его сын Ираклий II вторглись в Ксанское ущелье и заняли его. Потерявший всякую надежду на успех Г. Амилахвари сдался Теймуразу. Во всех этих политических событиях, можно предполагать, активное участие принимали и осетины, проживавшие в ксанском эриставстве, хотя они не всегда упоминаются в источниках.

Подчинение Ксанского эриставства царской власти прошло не безболезненно. Осетины, проживавшие в эриставстве, не хотели примириться с новой властью. По сообщению П. Орбелиани, «от-

ступились эриставские осетины и стали нападать на Верхнюю Картли. Отправил царь Ираклий представителей и призвал лезгин из Анцухи, Теби и Кираз, которые подчинялись царю Кахети... Прибыло войско лезгин, расположилось лагерем в Авчалах, выдали им довольствие, назначили их предводителями Мачабели и Иесея, сына Амилахвари, и напали на отступивших осетин. Разорили их и перешли в Имерети, разорили Сацеретло (владение князя Церетели) и захватили пленных. Разорение Имерети произошло без ведома и участия царя. Но добыча, доставшаяся в Осетии, показалась им недостаточной, и поэтому они напали и на Имерети» (Орбелиани, 1981. С.110).

Предводителями дагестанского войска Мачабели и Амилахвари были назначены не случайно; их владения находились в непосредственном соседстве с Ксанским эриставством. Кроме того, как известно, и Самачабло имело смешанное грузино-осетинское население. Выступления эриставских крепостных осетин могли послужить примером для жителей феодальных владений Мачабели и Амилахвари. Поэтому естественно, что эти тавады приняли активное участие в направленной против осетин карательной экспедиции.

Но осетин, проживавших в Ксанском ущелье, не удалось подчинить. Они отказывались платить налоги и не впускали к себе царских чиновников. Так же вели себя осетины Арагвского эриставства. Ираклий и Теймураз решили принять решительные меры для их окончательного покорения. Они прибыли с войсками в Ананури и Ванати. Этим они лишили осетин возможности объединиться для совместной борьбы с царской властью. В результате царю Ираклию удалось подчинить арагвских осетин. Здесь он до основания разрушил 40 башен (Там же. С. 113). Это сильно подействовало на ксанских осетин. «Узнав о подчинении осетин арагвского эриставства, пришли они в Ванати и просили у царя Теймураза... прощения и дали оброк полностью» (Там же. С. 114).

Подчинение осетин Арагвского и Ксанского ущелий центральной власти укрепило позиции последней, ибо осетины в этих владениях составляли значительный процент населения. В записке некоего русского чиновника от 1769 г. говорится, что «арагвское и ксанское владения многолюдны и крепки, хлебородны и плодоносны и имеют каждое в своей зависимости и по нескольку тысяч осетин, живущих в Кавказских горах. И если они совокупятся в общее намерение, в таком случае во всей Грузии действовать могут, ибо и до этого они многократно восставали против грузинских царей, а через то им и великую заботу наводили в их успокоении» (Цагарели, 1891. С. 38)». Осетины, проживавшие на территории Грузии, принимали активное участие в борьбе грузинского народа против соседних мусульманских ханств и набегов дагестанских фе-

одальных владетелей, особенно участившихся в 1754–1760 гг. Эти набеги, принявшие широкий размах, совершались не только в равнинные, но и в горные районы с осетинским населением. «В 1759 году вновь вторглись в Грузию дагестанские владельцы Кохта и Чончол-Мусса с войском, составлявшим около восьми тысяч. Они разделились. Чончол-Мусса вступил в Ачабети, овладел им, многих взял в плен, поднялся по Лиахви, разгромил мачабеловских осетин и оттуда подошел к селу Авневи» (Херхеулидзе, 1854. С. 489).

Ираклий и Теймураз с помощью имеретинского царя Соломона разбили врага. Естественно, осетины, подвергшиеся нападению, активно включились в борьбу с насильниками.

Осетины участвовали вместе с грузинами и в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. За проявленную в этой войне храбрость Ираклий II наградил некоторых осетин поместьями. Так, например, в 1786 г. он выдал грамоту нарскому осетину Дахчико Хетагурову, в которой подтверждает права последнего на поместье в Цхинвали. Обращаясь к Дахчико, Ираклий пишет: «Твой сын Болатико был с нами в Аспиндзе, где мы победили турок и лезгин, он храбро сражался и был убит»[3].

Участие осетин в войне с турками подтверждается и другими данными. Старшины Нарского общества 21 марта 1783 г. сообщали П. Потемкину, что «при графе Тотлебене наши осетины находились под Ахалцихом, один из наших старшинских детей Болатико убит в сражении. Когда гвардии капитан Иван Лаврентьевич Львов ходил под Хертвисом для взятия оной крепости, тогда с ними было наших осетин 800 человек» (ЦГАДА, ф. 23, д. 13, 4,3/1, л. 164).

Внук Вахтанга VI, Александр Бакарович, стараясь захватить картлийский престол, искал себе сторонников, в частности, среди осетин. Сохранилось около двух десяток грамот, выданных им царским осетинам, которых он величает азнаурами, а некоторых даже тавадами (князьями). Влиятельным осетинам он назначал жалованье с тем расчетом, чтобы они оказали ему помощь в его начинаниях.

Вот что было написано в одной из этих грамот:

«Волею божьей мы, сын царя Бакара и внук царя Вахтанга Александр, жалуем тебе, князю Осетии Туашвили Каису, эту грамоту. Твой отец много служил моему отцу и за заслуги мы назнача-

---

[3] История, 1962. С. 159–160. В 1968 г. директор Дома-музея З. Палиашвили Важа Чинчаладзе передал Юго-Осетинскому краеведческому музею ружье. По семейному преданию, предок Чинчаладзе, участник Аспиндзской битвы, поменялся ружьем в знак ратного побратимства с осетином Черменом Гаглоевым, участником той же битвы. В настоящее время этот дорогой музейный экспонат символизирует боевое содружество грузинского и осетинского народов (Газ. «Сабчота Осети»,1968, 2/Ш, №44)

ем тебе ежегодно 100 марчили. Придешь к нам и получишь их от нас, а твой сын — от сына нашего, а твой внук — от внука нашего, пока не переведется наш род. Написано нашею рукою в Кутаиси, в бытность нашу в Имерети 19 июня 1780 года» (ЦГА ГССР, ф. I 448, док. 8855).

Старания Александра овладеть картлийским престолом не имели успеха.

Грузинский феодальный род Мачабели играл роль связующего звена между царской властью и двалетскими осетинами. Через него царь передавал поручения осетинам. Это хорошо видно из дошедших до нас документов. 12 октября 1785 г. Ираклий II писал Парсадану Мачабели: «Отправили осетина Кара-Джа и написали письмо осетинам, чтобы они выступили и оставались недели две в Тамарашени. Если войско лезгин повернет туда, пусть сразятся с ними и не пропустят. Караул стоит и у нас. Когда то войско двинется из Ахалкалаки и направится в Картли, мы вместе с русскими срочно выступим к вам на помощь. Если они пойдут к Цхинвальскому ущелью, мы пойдем следом за ними, а если направятся к Гори и его окрестностям, мы призовем осетин, они сразятся и мы наградим их... Отправьте своих людей вместе с этим Караджа, чтобы привести войска из Осетии... На сей счет действуйте весьма прилежно» (Там же, док. 5607).

На осетинский отряд Ираклий II возлагал определенную тактическую задачу — сразиться с отрядом лезгин, прорвавшимся выше Гори, и не допустить его в бассейн Большой Лиахви. Кроме того, на Парсадана Мачабели возлагалась задача обеспечить в своих владениях мир и единство. Ираклий II 12 октября 1791 г. писал ему: «...получаем твои письма. Ты ставишь нас в курс ваших дел... Мы хорошо знаем о твоей преданности нам и как до сих пор усердно заботился о тамошних делах, старайся и теперь также продолжать; установи там взаимный мир, взаимную любовь и единство» (Древности Грузии, 1910. С. 208).

В 1795 г. иранский шах Ага-Магомед-хан с 35-тысячным войском вторгся в Картли и подступил к Тбилиси. Основное ядро грузинских войск, сражавшихся против завоевателей, составляли отряды царевичей Иоанна, Давида и Вахтанга. Поскольку на территории владений этих царевичей проживало также и осетинское население, нужно полагать, что осетины наличествовали в их отрядах.

В неравной битве у Крцаниси грузины потерпели поражение. Царя Ираклия от неминуемого пленения спасли дружинники его внука, царевича Иоанна. Участие осетин в борьбе с Ага-Магомет-ханом подтверждается конкретными данными. 30 сентября 1796 г. герой Крцаниской битвы царевич Иоанн дает жалованную грамоту осетинам Туауровым (ЦГА ГССР, ф. I 448, док. 458).

В ноябре того же 1796 г. Иоанн жалует Туауровым поместье. В соответствующей грамоте было сказано: «Ты сопровождал и не покинул нас в возникшем беспорядке и самоотверженно служил нам... За вашу службу жалую тебе поместье Посура... Ты служил хорошо нам во время Ага-Магомет-хана, и мы за это награждаем тебя» (Там же, док. 516).

Потомки Туаури Ора, не имея сведений об упомянутых жалованных грамотах, сохранили память о том, что их предок в Крцанисской битве спас царя Ираклия от пленения.

В 1796 г. под командованием царевича Давида грузины организовали поход против ганджинского хана Джавада, активного участника шахского похода на Тбилиси в 1795 г. Жестокое сражение произошло у стен Ганджи, где знаменосец Давида осетин Гиви убил храброго и искусного полководца Джавад-хана – Арзумана и тем самым сильно способствовал победе грузинских войск (Багратиони, 1912. С. 55).

Из всего сказанного видно, что социально-политическая жизнь южных осетин и всего населения территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, естественно, тесно была связана с политической жизнью всей Грузии. Совместная борьба этих двух народов с иноземными захватчиками укрепляла ставшее уже традицией их боевое содружество.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Материал извлечен из книги «Очерки истории Юго-Осетинской автономной области». – Тбилиси: «Мецниереба», 1965, Глава VI (С. 105–128).

РАЗДЕЛ II

ГРУЗИНО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XI–XV ВЕКАХ*

Адыгейцы в XI–XIV вв.

Хозяйство. Адыгейцы с древних времен являлись земледельцами. Орудия земледелия, найденные при археологических раскопках – серпы, мотыги, косы, – указывают на существование достаточно развитого земледелия. Особенно можно отметить те районы, которые находились на равнинах. Выращивали итальянское просо (гоми), овес, пшеницу. Хорошо было развито земледелие и на плодородных долинах рек.

О земледелии адыгейцев упоминается в письменных источниках уже начиная с XIII века. Оно удовлетворяло не только внутренние потребности в зерне, определенное количество зерна вывозили и в другие страны. В 1288 г. в связи с голодом в Италии венецианский дож Лоренцо Тьеполо приказал закупить пшеницу за границей. «Татары, аланы, зихи (адыги), русские, турки, армяне и греки дали тогда хлеб венецианцам».

Г. Интериано (автор XV в.) писал, что у адыгов есть много итальянского проса и зерна, из которого готовят хлеб и другие блюда. И. Барбаро тоже подчеркивал, что пшеницы в этой стране растет достаточно.

Земледелие адыгейцев было экстенсивным. Имели распространение и фруктовые культуры. Они использовались не только для питания, но и на экспорт (XIII– XV вв.).

В хозяйстве адыгов основной отраслью являлось скотоводство, которое было хорошо развито. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней. Арабский автор XV века Аль-Омари отмечал, что в стране черкесов разводят скот, дающий молоко. По сообщению Шильтбергера (автор XIV– XV веков) черкесы разводили коров и овец. Овцеводство было главной отраслью скотоводства. В XIII–XV веках среди товаров, экспортируемых из Адыгеи в Геную, большое место занимали шкуры и шерсть.

Значительное место в хозяйственной жизни занимало коневодство. По сообщению И. Барбаро и Г. Интериано черкесские кони превосходили татарских. Они пользовались большим спросом.

В хозяйстве адыгов определенную роль играли пчеловодство, рыболовство и охота. По сообщению Аль-Омари, у русских, осетин

и черкесов есть белый мед хорошего вкуса. Из меда готовили напиток. Большое количество меда и воска продавали в другие страны.

Рыболовством занимались в Причерноморье и Приазовье, в устьях рек, где было много рыбы. В экспорте адыгов в XIII—XV веках большое место занимали икра, соленая и сушеная рыба.

Охота и рыболовство являлись вспомогательными отраслями хозяйства.

Среди адыгов хорошо было развито ремесло. На высоком уровне стояло кузнечное производство. В археологических комплексах встречается много железных изделий — боевое оружие, орудия земледелия, посуда. В большом количестве встречаются элементы конного снаряжения (сбруя) и т.д., остатки драгоценных и шерстяных тканей, бурок, в женских погребениях встречаются деревянные предметы, орудия для обработки дерева (пила, топор, дексель), инструменты для обработки кости. Среди адыгов были ювелиры, мастера руды, которые использовали из местных руд железо, медь, свинец и серебро. Распространено было также изготовление глиняной посуды.

Женщины избранного круга были известны вышиванием, вязанием, а женщины низших слоев пряли шерсть, вязали шерстяные вещи, изготовляли бурки, шили одежду.

О внутреннем товарообороте адыгов и торговле среди населения конкретных известий нет. Он носил характер натурального товарообмена. Гораздо значительней была внешняя торговля. Кроме письменных источников это хорошо подтверждают археологические материалы.

Адыги занимались товарооборотом и с соседними народами: с Грузией (особенно с абхазцами, осетинами), Дагестаном, Крымом, Приволжьем, кипчаками, а также с более далекими странами.

Из Грузии в Адыгею попадали кресты, культовые предметы, стеклянная посуда, браслеты, холст и др. Осетины у адыгов брали итальянское просо, хмель, овечьи шкуры. В осетинских склепах, датируемых XIV—XV вв., встречается множество металлических украшений черкесского происхождения. В черкесских курганах находится много предметов осетинского происхождения. Из Дагестана поступали серебряные и медные предметы украшения.

Однако среди внешних экономических взаимоотношений самой значительной была торговля с генуэзскими колониями. Эти колонии возникли и развивались в Крыму и на восточном побережье Черного моря в XIII веке. Генуэзские колонии были: Каффа (Феодосия) — в Крыму, Себастополис (Сухум), Песонка (Пицунда), Бата (на месте Новороссийска), Пеме — в устье Кубани, Копа — в нижнем течении Кубани, Матрега (на месте современной станицы Таманская). Торговые фактории генуэзцы строили и во внутренних районах страны. Остатки таких построек встречались на трассе ста-

рых торговых дорог, проходящих через Глухорский перевал, Большой Зеленчук, на реке Аксаут и др.

Генуезцы привозили соль, рис, ткани хлопчатобумажные, шелковые, холстовые, суконные ковры, слоновую кость, богато украшенную посуду из золота, серебра, меди, также стеклянную и глиняную посуду, сабли, украшенные надписями и гербами, зато вывозили скот и продукты скотоводства, руду, содержащую серебро, шерсть, лесоматериал, мед, воск, фрукты, пшеницу, рыбу и т.д.

У генуэзцев был большой спрос на рабов. Значительные рынки рабов XIII—XV вв. находились в Каффе, Тане (Азов), Себастополисе и Копе. Только на дамасский и Александрийский рынки генуэзцы ежегодно доставляли около 20 тысяч рабов, большинство из которых были представители народов Северного Кавказа. Много адыго-черкесов было в рядах египетских и сирийских мамлюков, а женщины пополняли гаремы Востока.

Генуэзцам рабов поставляла адыгская знать. Они продавали детей своих подданных, молодых девушек и юношей. Торговля с генуэзцами основывалась на обмене, хотя были и элементы денежных отношений, в обороте были генуэзские аспры, монеты Золотой Орды. Основным потреблением импортного товара были феодалы. Внутри страны денежного кругооборота совсем не было, вместо них действовали лоскуты холста.

Социальные взаимоотношения. В этот период продолжается ранее начатое разрушение родового строя и на его основе укрепление феодальных взаимоотношений. Эксплуататорский феодальный класс к XIV—XV векам следует считать уже сформированным. Письменные источники упоминают царей (Ал-Омари), государей (И. Барбаро), князей (генуэзские источники). Упоминается, например, государь Кремуха Биберд, зихский князь Петрозик, копский князь Белзебек. За ними следовали простые: азнаури (И. Барбаро), бароны (генуэзские источники). От князей и азнауров находились в зависимости более мелкие члены отряда, которых Интериано называет придворными вассалами. Придворные от сюзеренов за военную службу получали товары, одежду, оружие. К привилегированному сословию относились и религиозные деятели (митрополит, епископ и нижестоящие священники).

У знатных людей были «сервы» (Интериано). Под ними подразумеваются крестьяне-рабы, были и рабы, но их было мало, их использовали в домашнем хозяйстве.

Абсолютное большинство населения были свободными представителями общины. Они были организованы в сельские общины, владели значительной частью земель.

Община среди адыгов в XIII—XV вв. сохраняла еще большое значение. Ее устойчивость тормозила процесс феодализации. Феодальные взаимоотношения были в патриархальном обличии.

Феодальная собственность на землю была переплетена с системой общинного пользования. Поэтому феодальная эксплуатация маскировалась в мантии родовых обычаев и традиций.

Адыгским знатным людям приходилось реализовывать свое господство посредством физической силы. Об этом свидетельствует сообщение Интериано, что знатные люди неожиданно нападали на бедных крестьян, крали детей и скот, их потом обменивали и продавали.

О взаимоотношениях господствующих и подчиненных, о классовой борьбе в Адыгее мало что известно. Развитие адыгского общества проходило под знаком классовости, несмотря на то, что его жестокость ослабляла могущество патриархальных традиций.

Политическая история. Из-за отсутствия собственной письменности и, следовательно, историографии, о политической структуре адыгов мы знаем очень мало. Адыгские племена жили разрозненно. Не было централизованной власти, которая смогла бы объединить эти племена.

Авторы X в. эту разрозненность считали причиной их слабости, которую адыги не смогли преодолеть и позже. К XV в. Г. Интериано отмечает, что среди знатных есть и такие, у которых есть свои придворные. Все живут независимо друг от друга, не признают никакого правительства, кроме бога. Нет у них судей и нет писаных законов. Сила, умение и посредничество решали всякий спор.

Разумеется, в адыгском обществе отдельные крупные феодалы старались объединить страну, но такие попытки встречали сильное сопротивление.

В каких взаимоотношениях находились адыги с внешним миром?

В XI веке адыги имели тесные взаимоотношения с русским княжеством Тмутаракань. Оно находилось в устье Кубани, на полуострове Тамань и имело большое стратегическое значение для России. Оно же было и значительным торгово-портовым пунктом, который играл большую роль в жизни народов Северо-Западного Кавказа. Это княжество давало возможность русским не только связаться с морем, но и сделать своими подданными соседние народы Северного Кавказа.

По сообщению русского летописца, в 1022 году князь Мстислав устроил поход на касог (т.е. адыгов). Судьбу войны решил поединок между Мстиславом и касожским князем Редедей, в котором победил Мстислав. Победитель обложил касогов данью. И дань эту в XI веке адыги систематически платили русским князьям.

Начало продвижения адыгских племен на восток относится к XI веку. Истребление осетин монголами вызвало ускорение и углубление этого процесса. Его результатом стало расселение адыгов в предгорьях Центрального Кавказа. Часть адыгов, которые откололись от общей массы, называются кабардинцами, а страна Кабардой.

В XIV веке кабардинцы занимали территорию от Пятигорска до левого берега Терека. В XV веке они переходят и на правый берег Терека. Эта часть позже стала называться Малой Кабардой. Кабардинцы сформировались как отдельная этническая единица.

В XIII—XIV веках часть абазинцев, родственных абхазцам, переселилась на Северный Кавказ. До этого они жили между реками Бзыбь и Туапсе, а также в горных районах Абхазии. Другая часть абазинцев переселилась в Адыгею еще раньше.

В поисках пастбищ абазинские феодалы через перевальные дороги Марух, Клухор и др. стали поселяться среди адыгейцев на северных склонах Кавказа. В результате этого процесса произошло их культурно-этническое сближение с адыгами.

В истории адыгов определенную роль сыграла Генуэзская колонизация на берегу Черного моря, которая продолжалась приблизительно со второй половины XIII до XV века. В колониях жили люди разных национальностей, но административно они подчинялись генуэзцам.

По сообщению русских летописей в 1380 г. они воевали в войсках Мамая. По сообщению Шеревад-Дин-али Иезди (автор XV в.) в войсках Тохтамыша, сражавшихся против Тимура (Тимурленга), вместе с представителями других народов было и черкесское войско.

Второе крупное нашествие монголо-татаров на адыгов связано с именем Тимура. В 1395 г. на Тереке он жестоко разбил хана Золотой Орды Тохтамыша, взял и сжег Сарай-берке, Каффу, Азов и Астрахань и двинулся на Кубань. По сообщению Шерефад-Дин-Али Йезди черкесы подожгли степи между Азовом и Кубанью, после чего много скота Тимура пало от голода.

Тимур дошел до Эльбруса, разорил и опустошил все, истребил население, разрушил строения, подчинил всех.

Но тяжелее всех нашествие татаро-монголов на Северный Кавказ сказалось на аланах. Они были согнаны из степей, которые монголы превратили в пастбища для своего скота. Даже адыгские племена так не пострадали от монголов, как аланы. Это объясняется тем, что все внимание Золотой Орды было сосредоточено на перевалах Дарубанди и Дарьял.

Часть адыгских феодалов воспользовалась ослаблением аланов и заняла лучшие земли между реками Лаба и Терек. Это случилось в XII—XIV веках.

Адыги в союзе с аланами-осетинами воевали с правительством — русскими князьями. В результате к концу XI века русские теряют Тмутаракань. Жители княжества теряют свое этническое лицо и ассимилируются в местной среде. В XII веке Тмутараканью завладела Византия.

В первой половине XIII века на народы Северного Кавказа

обрушилось истребительное нашествие монголов. В 1235 году на Россию и Кавказ начинается поход хана Батыя. Батый помог полководцу Субеде, который встретил сильное сопротивление асутов (осетин), серксутов (черкесо-адыгов) и других.

В 1237—38 годах состоялся поход монголов на Северо-Западный Кавказ. Многочисленные, хорошо вооруженные, с железной дисциплиной татаро-монгольские орды были непобедимы.

Персидские авторы Джузджани и Рашид-ад-дин (XIII век) отмечают, что монголы подчинили половцев, русских, черкесов и асов, совершили массовое истребление населения, ограбили и разрушили все, что встречалось на их пути. Они устраивали переписи завоеванных территорий с целью обложить их тяжелой данью. Монгольские собиратели дани — баскаки — чинили жестокость и бессердечие.

Адыгов, как и других покоренных народов, монголы принуждали принимать участие в их военных мероприятиях. Аль-Омари отмечает, что у хана Золотой Орды был отряд, в состав которого входили русские, черкесы, осетины.

Генуэзцы вели разбойничью, несправедливую торговлю с местным населением. Высшие слои адыгов находили с завоевателями общий язык, а простое население было настроено враждебно к генуэзцам и боролось с ними всякими средствами. Генуэзцам приходилось укреплять колонны и фактории, содержать вооруженный гарнизон. Адыгские феодалы становились их естественными союзниками.

В 1453 году турки взяли Константинополь. В 1460 году пала Трапезундская империя. В 1475 году после того, как турки взяли Каффу (главную опору генуэзцев на Черном море), на Черном море установилось господство турков. Колонии генуэзцев были ограблены и опустошены. Они постепенно исчезли.

Во внешнеполитических отношениях адыгов с того времени основное место занимает Турция и подчиненный ей Крым. Адыгский народ начинает тяжелую и продолжительную войну против их господства.

Адыги имели определенные взаимоотношения с Грузией. В древних грузинских источниках они известны под именем джики. Естественно, их отношения устанавливались через Абхазию, по территории которой проходили перевальные дороги, которые через Марухский, Клухорский и менее значительные перевалы связывали население, проживающее в бассейне Кубани, с приморской зоной Черного моря и с районами Западной Грузии.

Грузинский историк XI века Джуаншер знает адыгов под именем джики, которые, преследуемые турками, «поселились на краю Абхазии».

О том, как складывались отношения адыгов со времени образования единой грузинской феодальной монархии, источники ни-

чего не сообщают. Причиной, видимо, было то, что внешняя политика Грузии на Северном Кавказе распространялась лишь на население Центрального Кавказа, с другими северо-кавказскими народами связь устанавливалась тоже через них.

В период могущества грузинской феодальной монархии часть адыгских племен находилась под политическим влиянием Грузии. Джики, в частности, упоминаются в составе грузинских войск, воевавших против Джалалед.

С середины XIII века в связи с господством монголов отношения грузин с адыгами значительно ослабли, и с этого периода имели место только эпизодические встречи. Часть адыгов под именем джики во второй половине XV века находилась под управлением абхазского князя Шервашидзе. После этнический термин джики сузился и распространялся только на садзебов, на одну ветвь абхазского народа.

Адыго-грузинские взаимоотношения не прошли бесследно, большая близость в материальной и духовной сфере объясняется именно этим. Вахушти в труде «Описание грузинского царства» писал, что джики во всем сходны с абхазцами: и тем, что они выращивают и разводят в хозяйстве, а также обычаями и поведением.

И те и другие занимаются ткацким делом, обработкой шерсти, льна. Наличие в адыгских языках слов грузинского происхождения также доказывает существование интенсивных взаимоотношений между ними.

Культура. О материальной культуре адыгейцев и отделившихся от них в XIII—XV вв. кабардинцев дают представление богатые материалы, найденные в результате археологических раскопок, и письменные источники.

Жилищами адыгов были легкие, проштукатуренные глиной сакли, перекрытые соломой, травой или тростником. Интериано писал (XV в.), что в Черкесии нет ни одного города, укрепленного стенами. Они построены из дерева и соломы. Знатные люди считали позором построить замок с крепкими стенами. Это служило бы доказательством того, что он трус и не может защитить себя. Поэтому жили они в стропильных, редко деревянных домах.

Если где-нибудь и встречаются развалины старых городов и стен, то ими пользовались только крестьяне, на которых было возложено защищать их.

Конечно, названный тип построек объясняется не трусостью, а хозяйственно-экономическими мотивами. При перемещении жителей аулов с одного места на другое строить каменные дома не имело смысла. Часть адыгов жила в колониях генуэзцев. Для них характерно было постоянное местожительство.

В домашнем обиходе знатных адыгов были золотая, серебряная, медная и глиняная посуда. Рядовые адыги в основном пользова-

лись медной, глиняной и деревянной посудой. Украшения у них были медные и из низкопробного серебра.

Адыгская одежда XI–XV вв. считается прототипом хорошо известной черкесской национальной одежды XIX века.

Что касается духовной культуры адыгов, то письменных сообщений о ней не имеется, и мы находимся в плену иностранных фрагментарных источников.

С давних времен адыги испытывали существенное влияние культуры византийского христианства. В XI–XIII веках это влияние продолжается, но тут определенно могло добавиться и влияние Грузии, особенно с укреплением могущества грузинской феодальной монархии. В этот период кашаги (адыги) упоминаются среди крепостных Грузии. Культурное влияние Грузии на адыгов осуществлялось через Абхазию. После нашествия монголов это влияние ослабло.

В XIV– XV вв. адыги формально оставались христианами. В приморских поясах продолжали существовать Зихская, Фанагорийская, Никопская и Матрахская (Таманская) епархии, влияние кафедры Сотирополя (Питиунта) в XIII–XIV вв. распространялось и на Северный Кавказ.

В богослужении пользовались греческим языком, которого не понимали. Г. Интериано отмечает, что адыгейцев крестили уже взрослыми и обедню служили во дворе церкви верхом сидящими на лошади. До 60-летнего возраста в церковь не ходили.

Христианство в Адыгее, так же как и у других народов Северного Кавказа, приспосабливалось к их дохристианской вере, которой придали христианизированную форму.

После покорения Византии турками на Северо-Западном Кавказе христианство ослабло. За этим последовало укрепление ислама. Его распространяла Золотая Орда, а потом Тимурленг, попытки распространения ислама имели место еще ранее, о чем свидетельствуют арабские надписи XI века на каменных плитах в Нижнем Архызе. В XIII веке у станицы Усть-Джегутинская возникает мусульманский мавзолей. Известны мечети в районе Пятигорья, Верхнем и Нижнем Джулате.

Адыги не имели своей письменности. Интериано пишет, что они и не пользовались письменностью, если требовалось послать письма, это дело они поручали евреям, которые писали по-еврейски. Обнаруженные на памятниках греческие надписи свидетельствуют о том, что среди них все же были грамотные люди. Адыги создали богатый народный фольклор. В песнях и сказаниях в основном отражены реальные факты их истории XIV–XV вв. Исполнителей адыгских песен Шора Ногмов называет кекуоками. Их творчество в народе пользовалось большой популярностью и передавалось из поколения в поколение.

Алано-осетины XI–XV вв.

Хозяйство. Расселенные на обширной территории Северного Кавказа аланы, или осетины, с XI века вошли в новую фазу исторического развития – в фазу укрепления феодально-классового общества. Экономической основой этого процесса было последующее укрепление хозяйства.

Значительной отраслью хозяйства алано-осетин (которые до нашествия в основном являлись жителями равнин) являлось земледелие. Арабский писатель X века Масуди называл царство аланов тесно (густо) населенной страной, земля которой обрабатывалась хорошо.

У станицы Змейской (Северная Осетия) раскопали погребения-жилища X–XI веков. Эти раскопки дали исключительно интересный материал о хозяйственной жизни осетин. По этим материалам ведущей отраслью хозяйства было земледелие. Здесь найдены пшеница, ямы, предназначенные для хранения зерна, ручные мельницы, серпы и другие сельскохозяйственные орудия. Надо полагать, земледелие было пахотное. В этот период грузинский плуг уже получил распространение среди осетин. Заявление доминиканского монаха Юлиана (40-годы XIII века) о том, что его два спутника не продались в Осетии, потому что не знали хлебопашества, свидетельствует о большом значении земледелия у осетин в домонгольский период. Тот же самый Юлиан, когда вопрос касался существования феодальной раздробленности и анархии в Осетии, отмечал, что пахать выходила вся деревня с оружием.

Множество остатков жилищ в районах тогдашней Осетии – на середине реки Кубань, на Зеленчуке, на территории Кабарды, в верхней части Терека, на Сунже – нельзя представить без развитого земледелия. Обнаружены там также зерна ячменя, пшеницы, ямы для хранения зерна, ручные мельницы и др.

А вообще обоснование аланов на Кавказе и их переход к оседлому образу жизни связано именно с переходом к земледелию, удельный вес которого в их хозяйстве постепенно увеличивался под влиянием тесных взаимоотношений со страной древней земледельческой культуры – Грузией.

В рассматриваемый период в Осетии – ее горных районах и на равнине – преимущество сохраняется за скотоводством. Археологические материалы и сообщения письменных источников свидетельствуют о большой роли скотоводства. Об этом свидетельствуют осетинские курганные погребения.

Обнаруженный в погребениях костный материал выявляет сложный состав скотоводства. Засвидетельствовано существование крупного и мелкого рогатого скота, коней, свиней. В погребениях мно-

жество ножниц для стрижки овец, изображения овец, что указывает на особое положение овцеводства.

Большое место занимало коневодство. На широких полях жители имели большие возможности для развития коневодства.

Вспомогательными отраслями хозяйства являлись охота и пчеловодство. По фольклорным материалам видное место в быте осетинского народа занимала охота. Из меда готовили медовые лепешки, напиток ронг. Секретарь Египетского Султана Аль-Омар (XIV в.) отмечает, что у русских, черкесов и ясов есть белый мед хорошего вкуса. Не удивительно, что в осетинском религиозном пантеоне значительное место занимает бог-покровитель охоты Афсати и покровитель пчеловодства — Анигол.

Большого развития достигла обработка металла. Эта традиция на территории Осетии продолжается с периода бронзы, в погребениях обнаружены необыкновенные изделия: топоры, кинжалы, сабли, различные украшения и т.д.

Согласно осетинскому эпосу кузнечное ремесло является древней отраслью, которая имеет своих покровителей Курдалагона и Сафа.

Змейские археологические раскопки дали замечательный материал для представления о материальной культуре и вооружении. Там найдены слегка согнутые сабли. Сабли носили в деревянных ножнах, которые были украшены серебром и оканчивались серебряным или железным наконечником. Обнаружены наконечники копий и стрел, кинжалы, кольчуги, седла.

Все это, надо полагать, производили на месте. Осетины выводили много воинов, вооружать которых без местного производства было бы невозможно. Путешественник-монах XIII века Еубруко отмечал, что аланы хорошо изготавливают оружие и закаляют его. Византийский историк XV века Лаоник Халкоддилас тоже говорит, что аланы изготавливают наилучшие доспехи, а также оружие из меди.

В осетинском языке существует термин, который означает «ювелир» — «зæрингуырд». Ювелирное мастерство и изготовление украшений являются древнейшими отраслями, которыми занимались осетины.

Существование металлообрабатывающего и кузнечного ремесла было невозможно без соответствующей сырьевой базы. В Осетии были руда, железо, серебро, которые они использовали. В XIII веке Вахушти писал, что осетины «не владеют искусством добывания, чтобы было много». Однако это касается периода, когда в Осетии и вообще везде на Северном Кавказе имел место упадок всех отраслей хозяйства, поэтому такая характеристика не соответствует Осетии домонгольского периода.

В погребениях и жилищах рассматриваемого периода обнаружено большое количество глиняной посуды. Керамическое производство было на высоком уровне, змейские раскопки и в этом отношении дали разнообразные и высококачественные керамические изделия. Это свидетельствует о существовании высококвалифицированных ремесленников, которые имели свое собственное клеймо на дне посуды.

Осетины хорошо обрабатывали шерсть и кожу, изготавливали бурки и шерстяные ткани. Принято считать, что именно в этот период сформировался горский костюм (так называемая черкеска), который полностью изготовлялся из местного сырья.

Надо полагать, что у осетин в рассматриваемый период существовал и товарооборот. Письменные источники по этому вопросу не содержат никаких сообщений, но развитие осетинского общества без него не представляется возможным, существование районов с разными природными условиями являлось естественной основой такого товарооборота.

Внутренний обмен скорее всего носил натуральный характер. Осетины не дошли до необходимости создания собственной монеты, что дает своеобразное представление о масштабах этого товарооборота.

Более или менее развитый внутренний товарооборот подразумевает существование городов. Являлись или нет осетинские города торгово-ремесленными центрами? Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют, что у осетин города были. Еще византийский писатель ритор Закария (VI в.) писал, что аланы имеют пять городов. Масуди (X в.) говорил о столице аланов Магас. В русских источниках (свод 1277 г.) упоминается славный город ясов Дедяков, который подвергся ограблению и разрушению, Джуаншер (X в.) истребление осетинских городов приписывает Вахтангу Горгасали.

И археологические раскопки выявили не один город на территории тогдашней Осетии: Джулат в окрестностях Владикавказа, Татартуп у ст. Эльхотово, Маджары на реке Кума. Обнаружено большое городище с хорошо сохранившимися остатками христианских храмов в ущелье реки Зеленчук, городище растянуто на 7 километров.

Отсутствие соответствующих материалов не дает возможности судить о городской жизни в Осетии, далеко не достаточно того, что известно о торговле и ремесле в этих городах, хотя археологические раскопки о них дают определенный материал. Последующее археологическое исследование аланских городищ расширит наше представление об их характере и значении.

Нахождение отмеченных городищ на значительных торгово-караванных дорогах (путях) определило их большую роль в торговле и в развитии ремесла, предметы иностранного происхождения в

погребениях аланского периода свидетельствуют о широких международных связях этих городов.

Для средневековой торговли было характерно существование рынков и ярмарок, которые устраивались в определенные дни. Такие базары и ярмарки не были чужды и осетинам.

Сравнительно больше сведений имеется о внешней торговле. В результате раскопок в погребениях и жилищах аланского периода найдено множество предметов иностранного происхождения: ожерелья, позолоченные бусы из стекла и пасты, золотые серьги, кольца с цветными камнями, серебряные украшения, фигурные подвески, стеклянная посуда сирийского и закавказского происхождения (пиалы, рюмки, вазы, бокалы) и др.

С XI века роль Северного Кавказа в международной торговле возрастает. Северный Кавказ становится значительным перекрестком, который связывает восточные страны с западной Европой. Эта роль была обусловлена с одной стороны близостью с полуостровами Крымом и Таманью, которые имели интенсивные торговые отношения с Византией и городами-государствами Италии (Генуя, Венеция, Пиза и др.), с другой стороны необходимостью перенесения дороги, связывающей Каспийское и Черное моря из Передней Азии (из-за господства там турко-сельджуков) на Северный Кавказ через Дарьяльский и другие перевалы.

В таких условиях осетинское царство, которое до нашествия монголов являлось главной политической силой на Северном Кавказе, не могло остаться вне тех широких международных отношений, которые установились тогда. Через дороги Дарьяла, так же как и через другие перевальные дороги, уходил товар из Закавказья на север и наоборот – с севера на юг.

Экономическое значение Дарьяла к этому времени очень возросло. Через эту дорогу грузинские купцы устанавливали интенсивные взаимоотношения с северными странами, не случайна была активность грузинских торговых кругов (в лице тбилисского амина Абуласана) в том, чтобы привести для Тамары мужа – русского царевича Георгия, они обязали купца Занкан Зорабабеля, для которого, видно, общение с народами Северного Кавказа и более отдаленными северными странами с торговой целью было делом обычным. По этим дорогам было хорошо организовано сообщение.

Упоминаются аланские купцы, которые проводили торговые операции в приморских городах Крыма – Каффе, Судаке, Херсоне на северо-восточном Кавказе – Саркели и др. Источники упоминают в этих городах египетских, иранских, скандинавских и других купцов, которые торговали между собой. Среди них были и осетины. Активные торговые отношения были у осетин с грузинским царством, даже во время монгольского нашествия.

Аланский епископ Федор (40-е годы VIII в.) свидетельствует о хождении аланских купцов в страну лазов с торговой целью. Летописец во второй половине VIII века отмечает: «Пошли в город (в Тифлис. – ***Г.Т.***) осетины торговать». Если в таких невыгодных условиях осетины ходили торговать в Грузию, то в мирные времена это принимало куда большие масштабы.

В период монгольского господства аланские купцы продолжали торговлю на побережье Черного моря и в далеких египетских городах. Арабские авторы XIII века Ибн-Абдезахир и Рукнадин Бейбарс отмечают, что эти аланы часто были исполнителями дипломатических заданий ханов Золотой орды.

Несмотря на то, что аланы-осетины находились в тесных взаимоотношениях с известными странами мира того времени, их экономика не смогла перешагнуть границы натурального хозяйства, внешняя торговля служила в основном для удовлетворения потребностей в предметах роскоши верхнего социального слоя, внутренний товарооборот был слабый. Городская жизнь тоже не развивалась.

Нашествие монголов затормозило развитие производительных сил и производственных отношений. Ликвидировать эти губительные нашествия Осетия не смогла и оказалась в продолжительном экономическом и политическом тупике.

Социальные отношения. Алано-осетинское общество вошло во второе тысячелетие как раннефеодальное общество с достаточно сильной государственной организацией.

Во главе осетинского раннефеодального общества стоял царь. У него был столичный город, замки, войско, административный аппарат, с помощью которого он правил государством. Нет оснований думать, что царская администрация была сильной. Отсутствие местных письменных источников осложняет задачу представления осетинской социальной структуры. При рассмотрении этого вопроса мы оказываемся в рамках фрагментарных данных иностранных источников.

На следующей ступени социальной лестницы после царя стоят «главные» и «князья» (это терминология грузинской феодальной историографии для отображения социальной действительности Осетии).

В VIII веке о существовании в Осетии мелких владетелей говорит доминиканский монах Юлиан. Он отмечает, что в Осетии сколько ущелий, столько и владетелей, и из них никто не думает быть подчиненным другим, монгольская история, так называемая «Юан-ши», относительно покорения осетин монголами отмечает добровольное покорение отдельных аланских владетелей монголами, чтобы сохранить свое привилегированное положение, например, «Хан-Хус, который по происхождению был ас». Когда Угеде подступал к границам его владений, он со своим народом подчинился ему, за

что получил звание «бадура» («багадур») и золотую пластинку, свидетельствующую о его власти над своим народом и землей. Также был асом /осом/ Иуиваш. Отец его Эле-Бадур подчинился Угеде. Ему приказали быть в гвардии. Названы еще несколько лиц — Матарша, Коурдзи, Атачи и др. Монгольские ханы имели специальную охрану «аси даругачи», укомплектованную из осетин, многие из них вдали от родины на службе у монголов сделали себе блестящую военную карьеру.

Мы не имеем прямых сообщений, но рядом с господствующим классом в Осетии, несомненно, существовал и эксплуатируемый класс. Вся тяжесть содержания господствующего класса ложилась на их плечи, трудно сказать конкретно, какого характера были отношения между господствующим классом и эксплуатируемым из-за отсутствия соответствующих материалов.

В Осетии был многочисленный и сильный слой свободных представителей общин. На базе разложения этого слоя возникли и стали развиваться феодальные отношения.

Установление монгольского господства остановило этот процесс феодализации; из этих свободных представителей общин были сформированы военные отряды осетинских феодалов и вообще вооруженная сила осетинского царства.

Осетинам было известно и патриархальное рабство, они часто участвовали в военных операциях, следствием чего было приобретение пленных; последних преимущественно отдавали в рабство и пользовались ими в домашнем хозяйстве.

Иностранные источники упоминают аланских купцов, но какое место занимали они в социальной жизни общества — не известно.

Археологические материалы не вызывают сомнения в том, что в Осетии существовали различные отрасли ремесленного производства: кузнецы, ювелиры, каменщики, мастера, обрабатывающие дерево, гончары, изготовители глиняной посуды и др. Но для конкретного суждения — были или нет эти отрасли отделены друг от друга — материала недостаточно, ничего не известно нам и об условиях и организации труда среди ремесленников.

Установление монгольского господства только обострило классовую борьбу. Полагаем, что сообщение монаха Юлиана надо понимать именно так: «Осетины могут выходить на пашню только всей деревней и вооруженными».

В этой борьбе господствующий класс значительно ослаб, поэтому осетинскому обществу на пути процесса феодализации понадобилось заново пройти ряд стадий.

Политическая история. До нашествия монголов у осетин было государство, которое именовалось царством. По данным грузинских исторических источников в Осетии с XI века было централизован-

ное государство, во главе государства стоит царь. Он стоит над «князьями» — великими, с которыми решает государственные вопросы. С XII века наблюдается разрушение единого государства. Государство разделяется на царства-княжества. По сообщению историка Давида Строителя в 1118 году Давида, приехавшего в Осетию, «встречали цари Осетии и их князья». Несколько царей подразумевается в Осетии и во время правления Тамары, просить руки Тамары «пришли сыновья царей Осетии». Одним из таких царевичей был Давид-Сослан.

Осетинскому государству приходилось с оружием в руках защищать свою территорию от волн кочевников, неоднократно набегавших на Северный Кавказ. Одной из таких волн являлись кипчаки. С начала XII века кипчаки, притесненные Владимиром Мономахом, потеснили осетин на Северном Кавказе, на этой почве между ними началась вражда. Давид Строитель в связи с вопросом переселения кипчаков в Грузию помирил осетин с кипчаками, после чего осетины пропустили их через Дарьял в Грузию.

С XI века международные союзы алан расширяются. Это хорошо видно по бракам правителей соседних государств с дочерьми алансках царей.

В связи с организацией переселения кипчаков Давид Строитель установил с осетинами непосредственную связь, взял в руки контроль над крепостью Дарьяла и мирно перевел кипчаков. Давид Строитель настолько высоко ценил взаимоотношения с осетинами, что одну из своих дочерей выдал замуж за осетинского царя. Со времен Давида Осетинское царство стало считаться Грузией. Это значит, что осетины были обязаны выходить с военной силой для поддержки царей Грузии.

Политику укрепления взаимоотношений с осетинами проводил и Георгий III (1156—1184), которого отец Деметре еще при жизни своей женил на дочери осетинского царя Худана Бурдухан, красоту и ум которой подчеркивал историк Тамары. Поддержку осетин Георгий использовал не только против врагов, но и внутри страны для укрепления своих позиций.

Еще теснее стали взаимоотношения Осетии с Грузией во время правления Тамары, которая вступила в брак с осетинским царевичем Давидом-Сосланом в 1189 году.

Вступали в брак с осетинками и византийские императоры. Например, Константин IX Мономах женился на дочери алан, которая находилась там в качестве заложницы. Алексей I, брат Комнина, был женат на дочери царя алан Ирине.

Осетинское царство имело взаимоотношения с древне-русскими княжествами, это были преимущественно мирные взаимоотношения, хотя нередко случались и военные столкновения. В XI—XII

веках заслуживают внимания взаимоотношения с русским княжеством Тмутаракань.

Особенно тесные взаимоотношения имели осетины с Грузией. Грузия в целях обеспечения безопасности своих северных границ и проведения своей активной политики в юго-восточном направлении, а также для использования военной силы осетин против нашествия врагов, старалась установить с осетинами добрососедские, союзнические отношения. Этой цели служили многочисленные династические браки, начало которым положил царь объединенной Грузии Георгий I (1014–1027), когда женился на дочери осетинского царя. Его сын от первой жены Баграт IV (1027–1074) тоже был женат на дочери осетинского царя Урзура, сестре Дургулеля, Борене. Баграт IV этой близостью воспользовался. В войне против Эмир Фадлана к нему на помощь пришел брат жены с 40-тысячной армией и помог ему одержать блестящую победу.

Давид-Сослан воспитывался во дворце тети Тамары (сестры отца) Русудан. Его вступление на трон Грузии увеличило значительно участие осетин в политической жизни Грузии, военные отряды осетин, сопровождавшие Давида-Сослана, являлись активными участниками войн эпохи Тамары.

Политические деятели высоко ценили установление тесных взаимоотношений с Грузией, это было выгодно и полезно не только с экономической точки зрения, но и поднимало политическое значение страны в глазах соседних стран, способствовало укреплению политического господства.

Но разорительное нашествие татаро-монголов положило конец мирным взаимоотношениям осетинского народа с грузинами и другими соседними народами. Монгольские военачальники Джебе и Субеде перешли на Северный Кавказ через проход Дербент в 1222 году, посеяли вражду между половцами и осетинами, разъединили и разгромили их.

В 1239 году монголы завоевали Осетию и возвратились на Волгу. По сообщению летописца, «у хана Батыя была Осетия и большая Кипчагетия, Хазария и Россия до темноты и моря Дарубанца».

Осетины стойко сопротивлялись монголам. Плано Карпини (1246 г.) отмечал, что только часть аланов покоряется монголам. Другой европейский путешественник В. Рубрук (1254 г.) также подчеркивает борьбу алан против монголов. Он сообщает, что приютившиеся в ущельях гор осетины внезапно нападали на стада монголов на равнине и похищали их. Поэтому монголы вынуждены были выделить значительную часть людей для охраны своего скота от осетин. При Сартахе из каждого десятка двум приходилось караулить. На рубеже XIII–XIV вв. на территории алан постоянно стояло 10-тысячное войско монголов.

В 1254 году монголы переписали завоеванные народы, среди которых помянули и осетин, и возложили на них тяжелую дань. Кроме других обязанностей их вынуждали принимать участие в тяжелых и беспрерывных походах монголов. По сообщению Аль-Омара хан Золотой Орды имел войско, состоявшее из черкесов, русских и осетин. В 1380 году в составе войска Мамая упоминаются осетины, а в 1391 году в войсках Тохтамыша, воюющего против Тимура, были русские, черкесы, аланы, половцы и другие.

Народы, завоеванные монголами, все же продолжали вести неравную борьбу. Джувейк и Рашид-ад-дин отмечают, что во время похода монголов на запад в тылу монголов произошло восстание, главными участниками которого были булгары и половцы. В нем принял участие ас (алан) – военачальник Кичиркулу. Восстание носило серьезный характер. Батый послал против них военачальников Субеде и Мунке, которым понадобилось много времени для ликвидации этого восстания.

Аль-Омар сообщает, что хан Золотой Орды при проявлении со стороны ясов непокорности нападает на них, истребляет их, забирает пленников и продает их в другие страны.

Тяжело обошлась осетинам война, возникшая между Золотой Ордой и ильханами во второй половине XIII века. Ареной борьбы стала территория Осетии.

В этих боях осетины поддержали ильханов. После войны, в 1263 году, Берке-хан (Золотая Орда) начинает преследовать осетин, и они вынуждены перейти в Грузию и искать там укрытия.

Для того чтобы сломить сопротивление осетин, монголы использовали и другие народы. В 1277 году по приказу хана Менгутарима русские князья вместе с ним устроили поход на Осетию, окружили и взяли их славную столицу Дедяков, захватили добычу, истребили население, а город сожгли.

В результате монгольских нашествий основная часть населения оказалась в разных местах. Осетины потеряли равнины на Северном Кавказе. Многие погибли в неравных боях. Часть тех осетин, которые ушли в горы Кавказа, были вынуждены для добывания жизненных средств вторгнуться в равнины Картли. С 60-х годов XIII века начинается массовое поселение осетин в Картли. Этот процесс стал интенсивным к концу XIII века. Поселение осетин в Картли ограничил Георгий Блистательный (1314–1346). Он заставил осетин отступить от равнины в горные районы, вследствие чего в северных районах Центрального Картли образовались компактные осетинские поселения, которые и стали основой населения Южной Осетии (некоторые группировки осетинского населения существовали за хребтом Кавказа и до этого).

Осетинам, уцелевшим на Северном Кавказе, последний удар

нанес Темурленг (Тамерлан). В 1395—1400 гг. развернулась на Северном Кавказе его борьба с Тохтамышем. После поражения Тохтамыша он разгромил и ограбил местное население — осетин, черкесов и др. По сообщению Шерефеддин Езида, «из врагов же, которые остались в живых, оказались бродящими, растерянными и бездомными».

Сперва монгольские, потом походы Темурленга пронеслись, оставляя тяжелые последствия. Осетинское государство пало, население было истреблено или переселилось в труднодоступные горы. Были разрушены памятники материальной культуры.

Итальянский путешественник XV века Иосиф Барбаро писал об аланах: «Этот народ, который признает христианство, истреблен и выгнан из своего жилья», после этого равнинные районы сильно опустели. Там поселяются кабардинцы, продвинувшиеся с запада, и малочисленное население осетин, оставшееся на месте и подвергшееся ассимиляции. В нагорной полосе от Эльбруса до Дигории осетин преследуют тюркские племена, которые попали сюда в результате нашествия монголов и которые становятся основой карачаевцев и балкарцев.

Таким образом, к концу XV века территория распространения осетинского населения определялась четырьмя ущельями (Тагаурское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское).

Культура. О материальной культуре алано-осетин археологические раскопки дают богатый материал. На равнине их жилье строилось из самана, в горах были каменные постройки. Жили селениями.

Археологический материал выявляет и тип одежды. В рассматриваемую эпоху это был горский костюм, так называемая «черкеска». Для изготовления таких костюмов пользовались или местной грубой шерстью, или дорогим материалом иностранного происхождения (это зависело от социально-экономического положения данной личности). Одежду украшали бронзовыми пластинками или аппликациями из позолоченной кожи.

Обувь изготовляли из кожи. Носили сапоги, гетры.

Шапки изготавливали из кожи, придавая им форму шлема. Поверхность женских шапок украшалась золотыми или серебряными бусами.

Обряд похорон не был однообразным. Покойников хоронили в каменных погребениях, подземных или полуподземных склепах. Довольно часто хоронили в катакомбах. Вместе с покойником хоронили украшения (браслеты, кольца, ожерелье, бусы), зеркало, ножницы, иголки, глиняную и стеклянную посуду. Вместе с мужчиной хоронили его военное оружие. Украшения и другие предметы техникой и композицией исполнения часто стояли на высоком уровне.

С начала X века в Осетии уже официально распространилось христианство, но глубоко оно не укоренилось. Нигде и никогда не была полностью порвана связь с язычеством. По мнению В.И. Абаева это была адаптация новых понятий и названий к старому содержанию. Осетинская действительность является отличным доказательством этого.

В. Рубрук (XIII в.), аланский епископ Тевдор (40 годы XIII века), монах Юлиан (в ту же эпоху) единогласно свидетельствуют о том, что аланы внешне являются христианами, а на самом деле только слышали имя Христа, а об обрядах ничего не знают, они у них перемешаны с языческими обрядами.

В алано-осетинах явно видно, что старые языческие боги приняли новые христианские названия, но природа их, праздники, связанные с их культом, и обряды оставались старыми. Таковы были например св. Георгий, св. Илья, св. Николай и др.

Христианская религия в Осетии распространялась сперва по инициативе Византии, посредством Абхазского царства. Но с периода образования единого Грузинского государства Грузия энергично начинает укреплять свое влияние на народы Северного Кавказа с помощью религии. Это, наверное, происходило в период ослабления влияния Византии. Византия старалась сохранять свое влияние на народы Северного Кавказа. Она даже нарушила установленные традиции и в 1240-х годах епископом алан назначила лицо аланского происхождения – Феодора, чтобы тот вел проповеди на родном аланском языке. Это тоже должно было служить восстановлению влияния Византии.

Феодор застал на месте тяжелую ситуацию. Грузинские миссионеры занимали уже прочное положение – священники благословляли своих сторонников из местных кругов. Феодор не смог устранить их.

Идеологическое влияние Грузии на осетин до монгольского нашествия было довольно прочным, а христианство в Осетии способствовало распространению культовой архитектуры, элементов письменности. На территории Осетии зафиксировано множество примеров использования как греческой, так и грузинской письменности.

Осетины и грузины имели тесные культурные взаимоотношения. Это соответствующим образом повлияло на осетинский язык, который обогащался лексическим материалом, заимствованным из грузинского языка.

Осетинский народ, не имевший своей письменности, создал богатый и интересный фольклор, в котором нашли отражение многие элементы их обычаев и быта. В осетинском фольклоре значительное место занимает нартовский эпос, имеющий мировое значение, который сформировался в рассматриваемую эпоху; он признан зеркалом

жизни осетин. Его распространение среди других народов Северного Кавказа является показателем культурно-исторического единства, взаимовлияния и творческого сотрудничества этих народов.

В Осетии широко распространено сказание об Амране (признается как влияние грузинского Амирани), а также сказание о Тариэле, что свидетельствует о большой популярности среди осетин «Витязя в тигровой шкуре». Все это является продуктом эпохи, когда грузины и северокавказские народы находились в тесных культурных и политических взаимоотношениях.

После нашествия монголов культурное развитие осетин надолго остановилось.

Тюркоязычные народы Северного Кавказа

Половцы (кипчаки). На Северном Кавказе кроме местных кавказских народов жили также народы, говорящие на тюркских языках. В рассматриваемую эпоху это были половцы, которые поселились в центральных степях Предкавказья в начале XI века. Они являлись племенем тюркского происхождения. На Северном Кавказе половцы столкнулись с алано-осетинами (занимавшими здесь господствующее положение) и отобрали у них довольно обширную территорию для кочевки.

Просторные степи Предкавказья со времени прихода туда половцев стали частью «Дешты-половец» (половецкая земля).

Половцы разводили овец, крупный рогатый скот, коней, верблюдов. С середины XIII века они переходят на оседлый образ жизни. В «Кодексе куманикусе», составленном в XIII веке, упоминается пахотная земля. Они выращивали просо, пшеницу, дыни, арбузы, лук, чеснок. В кодексе упоминаются и пекари, которых раньше половцы не имели. Кроме того, там имеются сообщения о домашнем производстве и ремеслах. Упоминаются профессии сапожника, мясника, художника, плотника, шорника, мастера по изготовлению луков, стрел, наконечников, цирюльника, портного, кузнеца, купца, трактирщика и др.

Много половцев жило в городах в Саркели, Шарукане, Сугрове и Балине, в крымских и таманьских городах. Они торговали с соседями – с народами Северного Кавказа, с Россией, с Грузией.

У половцев уже формировались зачатки раннефеодальных отношений, хотя родовые традиции были еще сильны. Войско их было организовано по фамилиям, кочевали они также пофамильно. У них были главные (правители), которые вместе со своим окружением представляли развитую родовую аристократию.

Грузия считалась с этой новой этнической силой, обосновавшейся на Северном Кавказе. Ей необходимо было не только обезв-

редить эту силу (удержать их от нашествия на Грузию), но и создать на Северном Кавказе определенное политическое равновесие. Особенно тщательно она укрепила перевальные дороги через Главный Кавказский хребет. Необходимость таких мероприятий хорошо видна в поздней записи, внесенной в историю Вахтанга Горгасали, которая, надо полагать, относится к тому времени, когда половцы уже представлялись реальной силой.

С XI века отношения половцев с Грузией носили преимущественно немирный характер, если для защиты от них приходилось проводить какие-то мероприятия. Половцы старались распространить свое влияние на юг Кавказа.

С XII века в отношениях между Грузией и половцами началась новая фаза. В 1103 году киевский князь Владимир Мономах мощным ударом разбил половцев. После этого часть половцев перешла на Дон и поселилась между Доном и Волгой, а другая часть во главе с Атараком Шарагановичем (отрок по русским источникам) обосновалась на Северном Кавказе.

Давид Строитель, который поставил себе целью окончательно выжить тюрок-сельджуков из Закавказья, решил переселить половцев в Грузию и создать из них постоянное войско. Он формирует новое войско, для которого подготавливает политическую почву: вступает в брак с дочерью Атарака Шарагановича.

Действительно, когда «...послал людей надежных и призвал половцев и тестя своего», они «с радостью приняли их, только просили, чтобы осетины пропустили их мирно». Давид вместе со своим книжником Георгием Чкондидели приехал в Осетию, помирил половцев с осетинами, взял в свои руки контроль крепостей, находившихся на перевальных дорогах, и мирно перевез многочисленных половцев с семьями, которые могли составить 40-тысячную армию. Давид дал им коней, оружие. Из них 5 тысяч наилучших воинов (заранее принявших христианскую веру) зачислил в отряд личной охраны.

Давид не трогал их организацию, которая была построена на родо-феодальных принципах: «...после того, как собрал их вокруг себя, расселил по фамилиям и назначил им правителей – военачальников».

Историк Давида пишет о половцах: «Их руками уничтожил силу Персии, ужаснул царей всех стран и с их помощью совершал невероятные дела».

Половцы принимали участие в дидгорской битве в 1121 году, в освобождении Тифлиса в 1122 году. Половцев использовали и во внутрифеодальной борьбе. Переселенные половцы постепенно ассимилировались с местной средой.

Отношения с половцами не прекращаются и в последующем. Георгий III имел с половцами близкие отношения. Летописец вре-

мен Лаша-Георгия отмечает, что если Георгий «прикажет тысячам осетин и половцам – они придут». Некоторые из них преданной службой достигают высокой должности грузинского феодального государства – амиропасалар (Кубасар). (Амиропасалар – высшая военная должность).

Экономические и политические отношения с половцами сохранялись на высоком уровне и во время правления Тамары. Известно, что в качестве жениха русского царевича Георгия привезли со двора половецкого хана (на реке Сунжа).

Не прекращается переселение новых отрядов половцев на военную службу в Грузию. Парад, устроенный при дворе Тамары, открывают «осетины и новые кипчаки». Половцы участвуют в Шамхорской войне 1195 года, где они являлись авангардным войском.

В 1222 году вторгшиеся на Северный Кавказ монголы под командованием Джебе и Субодей раскололи союз осетин и половцев и по отдельности разгромили их. После этого половцы рассыпались в разных направлениях. Некоторые из них остались на месте и смешались с монголами, другие перешли в Закавказье и приняли активное участие в местной политической жизни.

Победа монголов уничтожила половцев как политическую единицу. Та часть половцев, которая осталась в горных ущельях Кавказа, приняла участие в формировании таких народов Северного Кавказа, как карачаевцы, балкарцы и кумыки.

Карачаевцы и балкарцы. Победа монголов на Северном Кавказе внесла (вызвала) значительные этнические изменения среди местных племен. С этого времени начинается формирование карачаевцев и балкарцев. Они говорят на тюркских языках и живут на северных склонах Центрального Кавказа, за Абхазией, Сванети и Лечхуми в истоках реки Кубань и притоков Терека.

О происхождении этих народов издавна существовало множество мнений. Их предками называли гуннов, славян, кабардинцев, ногайцев, крымских татар, алан. Однако этим предположениям не хватало веской научной аргументации.

Балкарцы и карачаевцы в XIII–XIV веках формируются в своеобразных условиях тюркоязычным народом. Коротко коснемся этого процесса.

На территории, где поселились балкарцы и карачаевцы, до нашествия монголов жили аланы и местные кавказские племена. После нашествия монголов к ним добавились еще тюркоязычные половцы (кипчаки), в результате чего появилась новая этническая общность – балкарцы и карачаевцы. В карачаево-балкарском языке существует явный след аланского языкового субстрата.

Многие стороны материальной и духовной культуры алан и карачаево-балкарцев носят признаки генетического родства: сход-

ство в обряде похорон, многих предметов быта и украшений, посуды инструментов, деталей орнамента и т.д.

Указанное обстоятельство подтверждает и тот факт, что арабский автор XIV века Абулреда карачаевцев называет «аланами», а балкарцев – «асиями». Оба эти названия связаны с алано-осетинами. За карачаевцами название «алан» сохранилось и позже, до середины XIX века; мегрельцы знают их под этим именем и по настоящее время. Что же касается балкарцев, то грузинские источники называют их «басиани».

Учитывая большую роль алан в формировании карачаево-балкарцев, а также употребление карачаевцами термина «алан» в обращении друг к другу, существование тюркских топонимов и тюркорусских надписей на территории Карачая, одна группа исследователей (У. Алиев, Ш. Акбаев, А. Баучиев, К. Лайпанов) ставит вопрос о тюркском происхождении самого термина «алан» (от слова «оглан») и предполагает, что часть аланов издавна была тюркского происхождения. По их мнению именно эта часть аланов стала основным компонентом в формировании балкарцев и карачаевцев.

Указанные исследователи считают, что предками балкарцев и карачаевцев не могли быть булгары и кипчаки, так как в их фольклоре не упоминается о них. И нет прямой лингвистической связи карачаево-балкарского языка с тюркским языком. При таких условиях остается непонятным тот этногенетический процесс, в результате которого сформировалась новая этническая общность.

Участие тюркских племен в этногенезе карачаево-балкарцев на Северном Кавказе представляется таким образом.

В Передней Азии тюркоязычные булгары (половцы) упоминаются с начала нашей эры. В VII веке они добираются до некоторых ущелий Кавказа сперва с наступлением аварцев, затем хазаров. В XIII веке происходит массовое заселение территории Карачая. Это обстоятельство укрепило там тюрко-язычное население и вызвало языковую ассимиляцию местного населения.

Между тем карачаево-балкарский язык относится к кипчакской ветви тюркских языков. Это хорошо доказывается языковыми параллелями.

Поэтому представляется неверным утверждение тех авторов, которые полагают, что кипчаки не могли быть предками карачаево-балкарцев. Тот факт, что их язык родственен кипчакскому языку, и то, что формирование их началось именно в период расселения там половцев, свидетельствует о том, что половцы сыграли решающую роль в вопросе этногенеза карачаевцев и балкарцев. Местные аланские или не аланские – кавказские племена подверглись ассимиляции: тюркский элемент сюда проник вместе с ранней волной булгар и кипчаков. В XIV веке единый карачаево-балкарский народ уже был сформирован.

Отделение балкарцев от карачаевцев – расселение части их на Элтар-каче, потом в Баксане относится к более позднему периоду и связано с наступлением абазинского племени кизилбеков.

Хозяйство. Карачай был горной страной, на его территории сохранилось много остатков земледельческой культуры. Поля очищались от камней, которые складывали большими кучами, чтобы они не мешали при обработке земли, участки пересекались ручейками, из которых большинство служило для полива.

На склонах гор можно обнаружить остатки многолетней ржи. Основной хозяйственной культурой был ячмень (арпа). Он хорошо переносил высоту и поспевал к концу августа. Не случайно, что в их устных преданиях везде фигурирует ячмень. Сеяли также просо.

Карачаевцы занимались и удобрением почвы. Об орудиях земледелия ранних времен мы не имеем сведений. Позже они пахали деревянным плугом с железным сошником («каладжух»), в который запрягали быков, землю пахали неглубоко, потому что слой почвы был тонкий. После вспашки земля бороновалась бороной. Жали ячмень женщины железными серпами. Зерно первоначально молотили ручными мельницами, а потом начали использовать водяные мельницы. Эта техника земледелия позднего периода предполагается в быте карачаевцев и в рассматриваемый период.

В Карачае имеют широкое распространение яблоки, груши, алыча и др. Видимо некоторые отрасли садоводства не были чужды им и раньше.

Главной отраслью экономики Карачая было скотоводство. Они разводили крупный рогатый скот, коней, коз, преимущественно овец. Летом скот уводили на высокогорные пастбища, а осенью угоняли в предгорные долины.

В XV веке предгорные пастбища захватили абазинские феодалы, что обострило их отношения с карачаево-балкарцами. Для карачаевцев было бедствием и жаркое лето, и холодная зима, потому что из-за недостатка кормов погибало много скота.

На территории Карачаево-Балкарии получили распространение такие разновидности диких животных: джейран, тур, серна, медведь, волк, куница, зубр и т. д. Поэтому определенное значение в экономике карачаевцев имела охота.

Подобно другим горцам Северного Кавказа карачаевцы жили патриархально-родовым строем. Все необходимое в быту и хозяйстве изготовлялось дома, женщины обрабатывали шерсть, ткали, изготовляли бурки, головные уборы, из полосатого яркого войлока – книзы (такие же красивые книзы изготовляли ранее половцы), шили одежду и кожаную обувь.

Мужчины изготовляли деревянные предметы, посуду, мебель,

умели плотничать. Некоторые из них занимались добычей и обработкой руды и кузнечным ремеслом. Они изготовляли железные части плуга (сошника и др.), посуду, наконечники стрел, ножницы, ножи и др.

Карачаевцы были знакомы и с обработкой медной руды и изготовляли из нее нужные предметы. Распространено было изготовление конных сбруй.

О внутренней торговле карачаевцев в рассматриваемый период материалов не имеется, хотя допустимо существование товарооборота.

Осуществлялся товарооборот у карачаевцев с соседями — адыгейцами, абхазцами и сванами. На товарооборот с соседями положительно влияли торговые пути, проходящие через их территорию и связывающие генуезские колонии на Северо-Западном Кавказе с Грузией через Клухорский и Марухский перевалы. Несомненно, именно по этим дорогам попадали в край украшения и шелковые ткани, найденные в погребениях карачаевцев и балкарцев.

Карачаевская знать вместе с кабардинскими и абазинскими знатными людьми занималась работорговлей с генуэзцами; последние в свою очередь продавали этих рабов на рынках Малой Азии, Константинополя, Сирии, Египта.

Социальные взаимоотношения. В XIII—XIV веках у карачаевцев еще сохранялись признаки патриархально-родовых отношений. Оставались сильными родовые союзы. Земледелие носило общинный характер. Продолжали существовать явления, характерные для патриархально-родовых отношений. Карачаевцы расселялись по фамилиям. Фамилия занимала в селении отдельный квартал. На свадьбу и поминки собиралась вся фамилия, хоронили также на фамильных кладбищах. Фамилия носила экзогемический характер — внутри фамилии брак был запрещен. Были случаи, когда фамилия принимала в свой состав представителей другой фамилии. Принятыми могли оказаться преимущественно беженцы (вследствие кровной мести) из Сванетии, Кабарды, Абхазии, Мингрелии и других мест.

Земли, находившиеся поблизости жилищ, карачаевцы делили между собой, а дальние земли занимали по желанию. По наследственности земля и скот являлись фамильной собственностью. Ручьями для орошения пользовались все. Но в XIV—XV веках родовой строй у карачаевцев уже стоял на пути разложения. Постепенно формировалось классовое феодальное общество. Это и неудивительно, ибо этносы, на основе которых произошло формирование карачаевцев (половцы и аланы),переживали стадию раннефеодального классового развития.

Среди карачаевцев были знатные фамилии. Одной из таких была фамилия Крымшамхаловых. Они постепенно захватили все сенокосные и пахотные земли. При этом пользование землей посте-

пенно переходило в землевладельчество. Только пастбища оставались в общем пользовании.

Происхождение «самых влиятельных членов общин» исследователи истории карачаевцев объясняют теми социально-политическими условиями, в которых приходилось жить этому народу. На них часто нападали соседи, крали скот и уводили пленников. Они были вынуждены у входа каждого ущелья ставить надежную охрану, которая должна была вовремя сообщать о приближении врага. Во время защиты своей страны или похода в чужие страны отряды возглавляли люди, известные своим мужеством и сообразительностью, им доставалась основная часть добычи. Такие люди из защитников своего народа впоследствии превращались в его поработителей (эксплуататоров).

Как в каждом неразвитом обществе, стоявшем на низкой стадии раннефеодальных взаимоотношений, в Карачае основная масса населения являлась свободными представителями общин, которые назывались поздними. В рассматриваемый период их отношения со знатными фамилиями недостаточно ясны.

У карачаевцев были рабы – кули. Они были пленные или купленные. Если представитель другого народа вступал в брак с рабыней – карауш, он тоже становился рабом-кули. Кули мог получить свободу, тогда он становился азатом. Число кули было незначительно, они пребывали на положении домашних рабов.

Стадия развития социальных отношений, на которой находились карачаевцы в XIV–XV веках, еще не достигла степени обострения классового сопротивления и борьбы.

Политические отношения. О внутренних политических отношениях карачаевцев XIV–XV веков почти ничего не известно. Они не были организованы в какую-либо политическую единицу и не существовало такой политической силы, которая связала бы их. Объединялись они только против внешней опасности. Эта опасность исходила сначала от орд Тимурленга, а позднее от крымского ханства (XV в.). Тимурленг дошел до Эльбруса, пленил, безжалостно истреблял население, разрушал крепости. Видимо в этот период были разрушены Нижний Архыз, Хумара и другие города. Карачаевцам и балкарцам приходилось вести тяжелую борьбу с кабардинцами и абазинами из-за владения предгорными пастбищами, эта борьба хорошо отобразилась в устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев.

Культура. Материала по культуре карачаевцев XIV–XV вв. почти не имеем. Тип их жилища можно установить по материалам последующих веков. Они жили в устьях рек. Каждое селение состояло из групп одной или нескольких фамилий. Такие фамильные кварталы назывались пишре и сохранились в этнографической дей-

ствительности карачаевцев до сих пор. Жилище их строилось из дерева (сосновых бревен).

Карачаевцы владели такими видами искусства, как резьба по камню и дереву, ювелирное мастерство. Женщины шили и вышивали золотыми, серебряными и шелковыми нитками. Характерными мотивами их орнамента являются: розетки, геометрические фигурки, стилизованное изображение овец и людей (человека). Были распространены и орнаменты, изображающие растения.

В XIV—XV веках часть карачаевцев были христианами, часть язычниками. Абубеда аланов и асов (под ними подразумеваются карачаевцы и балкарцы) считает христианами. И это не удивительно. Епархия аланов до конца XIV века, до нашествия Тимурленга, находилась на территории проживания карачаевцев и было бы невероятно предположить, что она не распространяла там христианство. Со времени нашествия Тимурленга (1396 г.) церкви и святилища были разграблены и началось распространение ислама.

Инициаторами распространения христианства на этой территории были грузинские и византийские миссионеры. В XIV—XV веках ни одно из этих государств не имело возможности продолжать это дело. Грузия политически ослабла и раздробилась, Византия тоже в 1453 году окончательно пала.

Карачаевцы не имели письменности, раньше на их территории для богословских целей использовались грузинский и греческий языки и письменность. Эпизодическое знание грузинского языка у карачаевцев и балкарцев предполагается позже, потому что они имели систематические отношения с абхазцами, мегрелами, сванами и рачинцами. Вместо письменной литературы им служил богатый народный фольклор, который отображал многие стороны их жизни. В нем нашла отражение мужественная борьба карачаевцев и балкарцев против иноземных захватчиков.

Вайнахи (чеченцы-ингуши) в XI—XV веках

Хозяйство. На территории Чечено-Ингушетии в XI—XIII веках проходил процесс развития производительных сил; развивается пахотное земледелие с использованием грузинского большого плуга. Чеченское название плуга «гуата» и ингушское — «гуанта» означают комплекс пахотных инструментов.

Археологические материалы также свидетельствуют о достаточно высоком уровне земледелия. Найдено большое количество орудий земледелия, зерен пшеницы, проса, ячменя, ям для хранения зерна.

К периоду нашествия монголов вайнахи занимали горные районы и предгорный пояс реки Сунжа. Понятно, что развитием земледелия занимались преимущественно в предгорном поясе.

Что касается горных районов, то здесь основным занятием было пастбищное скотоводство. С XII века, с захватом половцами степей Северного Кавказа, горцы не могли больше пользоваться степными пастбищами и поэтому экономическая жизнь в определенной степени была нарушена. Запертыми в горах оказались вайнахи и после прихода монголов; последние со своими пастбищами часто останавливались на берегу Терека и Сунжи. После ослабления монголов на этих местах поселились кабардинцы. С обосновавшимися на равнине кочевниками вайнахи имели напряженные отношения, что имело экономическую подоплеку. В условиях горного Кавказа невозможно было развитие традиционного пастбищного овцеводства. Поскольку и пахотные земли быстро выветривались, население вынуждено было переселяться на плодородные земли равнины. После ослабления Золотой Орды с XIV века они поселяются на юге Сунжи, а отсюда к востоку до хребта Качкалик. Процессом переселения руководило сообщество высокогорных районов. Выходцы из гор акки по народным преданиям основали чеченские селения Нарчкой и Юрей-аул. Русские источники их называют ококами, места поселениях их — окоцкими землями. Одновременно они поселяются на западе кумыкских равнин. В лесных предгорьях Сунжи появились вайнахские селения Черменчук, Чечен-аул, Понторой, Курчал, Шал и др.

Экономическая жизнь вайнахов улучшилась, но зато они оказались в зависимости от кабардинских, кумыкских, дагестанских феодалов.

Было у вайнахов и ремесленное производство. Письменные источники молчат об этом, но археологические материалы выявляют металлические изделия. Широкое распространение получало изготовление глиняной посуды. В селении Дуба-юрт найдена печь для обжига глиняной посуды, датированная XI—XIII вв., у Ишхой-юрт (XIII—XV) — горнило со сводом.

Вайнахи пользовались гончарным кругом. Археологические материалы свидетельствуют о существовании у вайнахов оружейников, ювелиров, ткачей, строителей и др.

В XI—XV веках у вайнахов предполагается внутренний товарооборот определенных товаров.

Более широко участвовали вайнахи в международной торговле того времени, в которую своим выгодным географическим расположением оказался втянутым Северный Кавказ. Вайнахи были связаны с дарьяльской дорогой; по их территории проходила торговая магистраль, связывающая Черное и Каспийское моря. Аланские города являлись для вайнахов торговыми центрами.

Социальные отношения. Развитие производительных сил в Чечено-Ингушетии органически связано с разрушением патриархально-родовых отношений и с зарождением и развитием процесса ран-

нефеодальных отношений. Известно, что западные районы Чечено-Ингушетии входили в состав алано-осетинского государства. Они, естественно, не могли оставаться вне тех социальных отношений, которые сформировались в алано-осетинском государстве.

Полагается, что до нашествия монголов среди вайнахов господствовал социальный слой, который развивался под феодальным знаком.

Автор книги «Иторшани и Азмани» в связи с событиями в начале XIII века вспоминает «царей дурдзуков», которые являются вождями племен и которые прошли достаточно длинный путь в процессе формирования феодальных классов. Путем феодализации шла и родовая аристократия.

О довольно интенсивном характере этого процесса у вайнахов свидетельствует распространение христианства в центральных районах Северного Кавказа и создание ряда христианских храмов в XI—XII веках в горах Ингушетии, преимущественно в ущелье реки Асе.

Наряду с господствующим классом определялись и подчиненные классы, которые были зависимы от «царей» и «вождей». Мы не знаем, какие социальные отношения существовали у вайнахов в рассматриваемый период, в каких отношениях находились отдельные классовые слои друг с другом, но можно допустить, что пахотные земли уже были захвачены сильными фамилиями. Вожди таких фамилий становились феодальным классом.

Зависимый слой не мог быть многочисленным, потому что разрушение родового строя еще не было интенсивным и его сильные тенденции тормозили процесс феодализации. Основную часть общества составляли свободные представители общин, которые сохраняли личную свободу.

У вайнахов имело место и патриархальное рабство, рабами преимущественно были военнопленные. Их использовали в домашнем хозяйстве.

В XI—XV веках социальные отношения вайнахского общества можно характеризовать как начальную стадию раннефеодальных отношений, развитие которых затормозилось из-за нашествия монголов на Северный Кавказ.

Политическая история. История вайнахского народа XI—XIII веков совпадает с периодом существования на Центральном Северном Кавказе алано-осетинского государства. Аланское государство простиралось к востоку до реки Аргун и захватывало часть вайнахских племен. Их политическая история тоже связана с аланами. Восточная часть вайнахов к ним не относилась.

Часть вайнахов, которые жили в горных районах, начиная с XI века, оказались под политическим влиянием Грузии. С периода Давида Строителя, особенно во времена царицы Тамары, влияние Грузии усилилось. Об этом свидетельствует сохранившийся в лето-

писи «Историани и Азмани» факт того, что «... когда дидойцы и пховцы восстали против правительства Грузии, пришедший для ликвидации восстания Иван Атибаг собрал всех горцев Грузии и на горе дидойцев и пховцев занял удобную позицию...». Как видно, грузинское правительство боялось, что дурдзуки могут занять сторону восставших, приняло меры, чтобы не дать им объединиться. Дурдзуки вынуждены были присоединиться к грузинскому войску и принять участие в ликвидации восстания.

Грузино-вайнахские отношения имели двойную основу. Для Грузии вайнахи являлись силой, которую можно было использовать как против внешних, так и против внутренних врагов. Вайнахи представлялись своеобразным щитом против наступления с севера кочевников, а также плацдармом для политической экспансии Грузии.

Экономические и политические интересы со своей стороны диктовали связь с Грузией. За военную поддержку социальный верхний слой их пользовался поддержкой грузин для укрепления политического положения.

Зависимые отношения дурдзуков с Грузией продолжались и после Тамары — до нашествия монголов. По сообщению летописца (историк XIV в.) царица Русудан во время второго нашествия Джалаледина 1226—1227 гг. собрала войско своего царства, «открыла дорогу Дарьяла, вывела осетин, дурдзуков и с ними все собрались в Начармаге и неисчислимое множество их послала против захватчиков».

Для распространения своего политического влияния на вайнахов (также как и на остальных горцев Северного Кавказа) Грузия проводила усиленную пропаганду христианства, создавая и материальную основу путем строительства храмов и церквей.

Начиная с XV века в горах Ингушетии появляются храмы «Адбиерд», «Тарчили», «Тхабаерды» (означает «храм божий»). При последнем, который замечателен своими размерами и декоративным оформлением, были монастырь и епископская кафедра. В этих храмах есть фрагменты грузинских надписей XII—XIII веков. Это свидетельствует о сильном влиянии Грузии.

В этот период вайнахи находились в тесных взаимоотношениях с осетинами, которые проживали на равнине и подчинялись обосновавшимся на Северном Кавказе половцам к восточным дагестанцам-аварцам и дидойцам.

В 20-х годах XIII века, в частности в 1222 году, на Северном Кавказе появились монголы во главе с Джебе и Субеде. Они по отдельности разбили осетин и кипчаков. Окончательное покорение народов Центрального Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, свершилось в 1238—1239 гг. и связано с именем Мангу-хана. Покоренные территории вошли в состав Золотой Орды.

Плодородные земли бассейна Сунжи и Терека монголы превратили в пастбища, а местное население заперли в горах.

Еще невыносимее стало монгольское иго для вайнахов, когда со второй половины XIII века бассейн Терека и Сунжи стал ареной кровопролитной борьбы ильханов и ханов Золотой Орды. В этой борьбе побеждала то одна, то другая сторона, а местное население претерпевало очередные погромы и разорение.

Со второй половины XV века Золотая Орда распалась. После поражения, нанесенное русскими в 1380 году на Куликовом поле, Золотая Орда уже не смогла оправиться. Этим воспользовался среднеазиатский завоеватель Тимурленг. Его война с Тохтамышем 1395—1396 гг. развернулась на Северном Кавказе — в окрестностях Терека и Сунжи. Тимур победил Тохтамыша, после чего покорил остальные народы.

В XV веке Золотая Орда распалась на отдельные улусы. Господство ее на Северном Кавказе прекратилось. Вследствие ослабления господства монголов западные кабардинцы занимают берега Терека и Сунжи и поселяются там.

С середины XV века на Северном Кавказе появляется новый враг в лице крымских ханов. Эти обстоятельства вынуждали вайнахов во входах в ущелья (на реке Аргун, Фортанга, Ассе, Хуюсулау), а также в других предгорных пунктах (Гамурзиево, у реки Герчоч и др.) воздвигнуть постройки оборонного типа — башни. Эти оборонные постройки задерживали вторжение сил, обосновавшихся на равнине, в горы. Вайнахские селения на равнине оказались в зависимости от кабардинских и дагестанских феодалов.

Взаимоотношения вайнахов с Грузией изменились под влиянием нашествия монголов. Оказавшись под властью монголов, Грузия ослабла и не могла сохранить свое влияние на Северном Кавказе. Как только Георгии V Блистательный (1314—1346) смог избавиться от монгольского ига, он постарался восстановить свое прежнее влияние, его поход в Дарьяльское ущелье преследовал именно эту цель. Для восстановления своего влияния на вайнахов он должен был возобновить пропаганду христианства. С этой целью он послал миссионеров, а вместе с ними строителей, которые строили монастыри и церкви. Об этом свидетельствует глиняная утварь с грузинскими надписями, церковная посуда и храм «Гальерды». Церковное строительство осуществлялось местными ремесленниками; эти храмы (например, Магиерд и др.) своей архитектурой и техникой строительства очень похожи на местные склепы.

После распада Грузии на отдельные царства-княжества вайнахи (сохраняют) продолжают поддерживать взаимоотношения с Кахетией.

После нашествия монголов имело место переселение вайнахов на южный склон Кавказского хребта, на территорию Грузии.

Жившие в горных районах вайнахи устраивали грабительские нападения на Пшаво-Хевсуретию и соседние общества. Именно в этот период активизируются их действия на границе Тушетии.

Культура вайнахов. Материалы археологических раскопок, обнаруженные на территории Чечено-Ингушетии, свидетельствуют о непрерывном развитии материальной культуры местного населения.

Старые жилищные постройки вайнахов не сохранились, довольно часто встречаются (особенно в горной Ингушетии) подземные и полуподземные склепы (каши). Они были каменные. Склеп имел четырехугольное отверстие. На задних стенах сделаны ниши для хранения посуды и мелких предметов. Покойников, одетых в нарядную одежду, помещали на деревянные или каменные полки. В склеп клали домашнюю посуду, орудия труда и боя.

Полуподземные склепы делали на склонах гор и холмов. Для этой цели использовали естественные пещеры и трещины. Внутреннее устройство их было такое же, как в подземных склепах. Такие склепы датируются VII–XIV веками. Эти подземные и полуподземные склепы являются основой архитектуры будущих склепов и башен.

Хоронили и в каменных ящиках, которые изготавливали из больших каменных глыб. Они довольно широко распространены и датируются X–XIII веками (у сел. Гамет, Фуртуог, Дантих).

Эти ящики сложены ярусами и свидетельствуют о долговременном функционировании. Погребения в каменных ящиках встречаются и в Чечне. Этот обряд погребения довольно специфичен (западная ориентация в положении на левом боку). Он не встречается ни в Осетии, ни в Кабарде.

Характерных катакомбных погребений аланов в этот период не видно, что указывает на то, что аланы здесь смешались с местным населением.

Вместе с поселением кабардинцев на равнине Чечено-Ингушетии появляются и их характерные курганные погребения. В таких погребениях покойника клали на спину, головой на запад; вместе с ним клали оружие – кинжал, саблю, наконечники стрел, украшения – серьги, кольца, пояса, игральные бабки и др. Такие погребения есть у села Балут, Ачхол-Мартан, Базоркин, Кантышево, Назрань и других местах.

На территории Чечено-Ингушетии известен памятник, свидетельство господства Золотой Орды, под названием мавзолея Борга-каш /1405–1406 гг./. Он сооружен в честь некоего Бек-Султана. Борга-каш по-вайнахски означает могила Борга. Исторические анналы, данные фольклора, топонимики свидетельствуют о том, что Борга был известной влиятельной личностью. Вахушти называет Сунжу водой Борогна, а в устье Терека упоминает селение Бораган (Брагун).

Материальная культура Чечено-Ингушетии XIII—XV веков проявляет единство с культурой западных районов Северной Осетии. Здесь встречаются кинжалы одинаковой формы, наконечники стрел, ножи, ножницы, топоры, украшения и др. Такое же единство наблюдается в форме и орнаменте глиняной посуды. Посуду покрывали разным орнаментом: розетки, точки, параллельные штрихи, волнообразные линии, зигзаги.

Еще меньше можно сказать о духовной культуре вайнахов этого периода. Это объясняется тем, что у них не было собственной письменности, а письменные памятники других народов сохранили о них очень мало сведений.

Параллельно с миссионерской деятельностью грузинского духовенства в Чечено-Ингушетии распространилась грузинская письменность. Об этом свидетельствуют грузинская эпиграфика на культовых постройках VII—XIII веков, псалмы, обнаруженные в ущелье Асе, где был главный христианский центр вайнахов. Вероятно, среди вайнахов были знающие грузинский язык и письменность. В результате культурных взаимоотношений с Грузией в Чечено-Ингушетии получили распространение термины, связанные с христианством: джар-джвари — крест, марха-мархва — пост и т.д.

Вайнахи создали богатый фольклор, который в определенной мере заменяет письменную историю. В одном из сказаний указано «О нашествии несметных врагов, сидящих верхом, которые покрыли землю, как тучи в непогоду закрывают солнце». В фольклоре имеются сюжеты о том, как проникшие на их земли монголы громили их жилье, осаждали башни, имеются сюжеты о мужественной борьбе вайнахов против завоевателей. В легендах часто упоминают о Субедее, Мангу-хане, Тимуре, что свидетельствует о времени создания этих легенд.

Дагестан в XI—XV веках

Хозяйство. В хозяйстве Дагестана рассматриваемого периода большое место занимает земледелие, это особенно относится к приморской зоне, плодородные земли которой создавали благоприятные условия для интенсивного земледелия (садоводство, виноградарство). В персидских географических сочинениях XIII века отмечено, что Сепир (Горный Дагестан) большая и хорошо обработанная область с многочисленным населением. По описанию автора XIII века Захария Казвина пища цакуров из ячменеобразного зерна, который называется султ, каждый житель сеет столько, сколько ему нужно.

О большой роли земледелия свидетельствует богато оформленный праздник весенней пахоты, связанный с древним культом земледелия у аварцев, даргинцев, лакцев, агульцев и др.

Дербентское княжество захватило дагестанские степи. Там жили лакцы, таты, азербайджанцы и обосновавшиеся там со времен господства арабов – арабы и персы. Основными занятиями жителей были земледелие и садоводство. Находящийся на земле кумыков Тарк в начале XIV века выплачивал лакским шамхалам определенную дань (2 080 ед. риса со двора). В ежегодный доход аварских ханов входило по кили (мера веса) каждого вида зерна, который сеяли от каждого двора. В некоторых налогах выплачиваемых шамхалу Казикумуха, названы пшеница и рис.

В горных районах Дагестана основной отраслью хозяйства являлось скотоводство, особенно овцеводство. Овцеводство было распространено и в приморской зоне, где существовало развитое земледелие. В нагорной полосе многочисленные стада и пастбища являлись экономической основой феодальных кругов. Основной феодальной рентой в Дагестане являлись овцы, быки, лошади.

Из-за отсутствия соответствующих материалов мы не можем судить о масштабах и организации скотоводства, но плата отдельными обществами в качестве пастбищной ренты сотнями баранов, десятками быков и коров свидетельствует о высоком уровне развития скотоводства.

Многие горные аулы Дагестана специализировались в какой-либо отрасли ремесла. Это способствовало развитию ремесел. Аул Кубачи, известный издавна производством оружия, в рассматриваемый период продолжает развивать свои традиции. Кумух был известен ювелирными изделиями, Ахты – коврами, Анди – обработкой шерсти, Акуша – изготовлением шерстяных тканей, Сулевкент и Балахар – глиняной посудой, Дербент – производством холста, ювелирными и керамическими изделиями.

Дагестанские ювелиры широко использовали рисование, гравировку, что придавало изделиям высокую художественную ценность. В Дагестане были замечательные мастера резьбы по камню.

Ремесленное производство носило домашний характер. Продукция ремесленного производства использовалась не только во внутреннем товарообороте, но и вне страны. Это обстоятельство, конечно, не изменяло натурального характера хозяйства.

Несомненно, что дагестанские народы в рассматриваемый период занимались между собой товарооборотом, но исторических сведений об этом не сохранилось. Гораздо лучше представлена внешняя торговля.

Через приморскую зону Дагестана с древних времен пролегала одна из значительных магистралей, связывающих южные страны с северными. На этой магистрали находился Дербент (XI–XII вв.) – один из самых больших и богатых портовых городов Кавказа. В XIII–XV вв. он оставался торгово-ремесленньм центром на дороге из Передней Азии в Золотую Орду, Россию и Западную Европу.

Дербент вел большую торговлю с другими странами. Отсюда в Азербайджан и в северные страны вывозили кубачинское оружие, лакские и табасаранские ковры, холст, шерсть, фрукты.

Дагестанцы поддерживали экономические отношения со своими непосредственными соседями — грузинами, вайнахами и др.

Социальные отношения. В XI—XV веках Дагестан является раннефеодальной страной. Население делилось на два основных класса — господствующий феодальный и класс подчиненных. Завоевательная политика внешних врагов ускоряла процесс социальной дифференциации.

Местные хроники «Таяхи — Дагестан», «Асары — Дагестан», «Гулистан — Ирам» связывают происхождение дагестанских феодальных верхов с арабскими завоеваниями. В частности, мамсупы, уцмии, шамхалы считались назначенными арабским военачальником первой половины VIII века Масламом. В действительности термины уцмия, мансум, шамхал появились в XI—XIII вв. Генеалогическая связь с арабами нужна была дагестанским феодалам как оружие идеологического воздействия на местное население посредством принятия ислама.

К началу XI века в Дагестане было много феодальных владений: Серир, Тумик, Филан, Зарих, Иран, Табасаран и другие. Их владетели жили в укрепленных крепостях и овладели средствами обороны и нападения.

В XIII—XV веках на месте этих владений появляются сравнительно крупные объединения: Аварское ханство, Казикумухское шамхальство, Кайтагская уцилия, Табасаранское мансумство. Кроме них в Горном Дагестане было много полуфеодальных независимых владений. Каждое из этих владений имело свои феодальные законы.

Низам-ад-дин-шам свидетельствует о существовании в Дагестане к концу XIV века шамхалов в Аварии и Лакии, многочисленного феодального класса кумыкских эмиров, старост (калантари). Феодалы собирали отряды нукеров из зависимых от них крестьян и с их помощью осуществляли классовое господство.

Господствующим классом в Дагестане являлись ханы, шамхалы, уцмии, мансум, беки, а эксплуатируемыми: широкие слои зависимых крестьян, рабы, крестьяне, которые не только платили налоги феодалам, но и обязаны были нести трудовую повинность.

После захвата феодалами пастбищ свободные представители общин тоже оказались в зависимости от них. Присвоение общинных земель феодалом имело юридическую основу. Феодальная рента стала законом. Об этом прекрасный материал дает сохранившийся перечень ежегодного дохода Аварского ханства: с каждой семьи деньгами — 3 серебряных диргем, по мерке из всех видов зерна, которое сеяли, на 100 семей — 1 мальчика; из торговли — кусок шелковой и хлопковой ткани, от владетелей виноградников — определенное ко-

личество винограда, за преступления был назначен штраф в пользу феодала овцами и быками. Во время вступления на престол нового владетеля каждое селение платило 5 быков, во время смерти – 1 коня, во время женитьбы – по корове и две овцы.

Подчиненные Казикумухского шамхальства обязаны были платить за пастбища в горах ежегодно: в Карахе – 500 овец, Кусрахе – 300 овец, в Хибилале – в четыре года раз по барану с каждого двора, в Чамалале – 500 баранов, Тандале – 20 быков, Арчи –130 баранов, Хумве – 700 баранов, 70 кили пшеницы, 60 мер меда, в Тумале – на каждый дом по барану и по мере пшеницы. Многие селения и общины были обязаны платить продуктами. Феодальные налоги в основном носили натуральный характер, упоминается и денежная рента, которую платили аулы Кубач, Акуша, Анд, специализированные в некоторых видах производства, но условий для распространения денежной ренты не было, денежную единицу имел только Дербент.

Перечень этих налогов наглядно демонстрирует, что основной рентой являлась пастбищная рента.

Феодалы осуществляли суд в своих владениях, собирали налоги, имели военную силу и возглавляли ее.

Беки управляли селами от имени шамхалов и других крупных феодалов. Естественно, они эксплуатировали население и в свою пользу.

К господствующему классу относилось и мусульманское духовенство. Оно разрабатывало идеологическую основу для господства феодалов.

Общественный и семейный быт народов Дагестана определялся обычаями. В рассматриваемый период эти обычаи еще не были зафиксированы письменно.

Феодалы старались приковать крестьян к земле, желающие покинуть феодала платили большой штраф.

Социальная действительность Дагестана XI–XV веков, несмотря на ряд неясных вопросов (моментов, из-за недостатка материалов), содержала все основные признаки феодализма – феодальная собственность на пастбища и скот, мелкопроизводительная собственность, производительные силы натурального хозяйства, слабое распределение труда, господство натурального хозяйства и др.

Понятно, что уровень развития феодальных взаимоотношений в Дагестане был неоднороден, в приморском поясе он был сравнительно развитее, в горном – более отсталым. К тому же, в горном Дагестане было много мелких свободных общин, которые группировались вокруг крупных феодальных единиц.

Политические взаимоотношения. В рассматриваемый период Дагестан представляется слабо связанными между собой политичес-

кими единицами. Из них самым значительным было Дербентское ханство. Оно охватывало приморскую зону Дагестана, а также часть табасаранских земель. Правителям Дербента приходилось защищаться с двух сторон — с севера от кочевников, с юга — от сельджуков (XI век), а после — от Ширваншахов. Дербентские правители имели собственную монету.

Укрепилось правительство лакских шамхалов с центром Кумух. За счет других впадетелей они расширяли свои территории. Особенно их внимание привлекал приморский пояс, через который проходил значительный торговый путь. На этой дороге находится кумыкский Тарс, который с начала XIV века был под влиянием лакских шамхалов.

В горном Дагестане самой крупной единицей являлось Аварское ханство. С конца XIV века свое господство оно распространило за пределы Аварии. Значительными феодальными единицами были Кайтагское уцми и табасаранское мансумство. В этот период наблюдается тенденция к объединению страны, но феодальная раздробленность, внутренние войны, узкая экономическая база не дали ни шамхалу, ни аварскому хану объединить страну.

Южный Дагестан с конца XIV века подчинялся Ширванским ханам. Ширваншахи Хамилунах I (1417—1462) и Тарфуф-Яссари (1464—1500) старались сохранить его под своим влиянием, под их влиянием были Царух, Кайтаг, Ахт.

В рассматриваемый период внешнеполитические взаимоотношения Дагестана проходили так: с середины XI века Дербенту с юга угрожают тюрко-сельджуки, потом Грузия и Ширханский шах стараются взять его под свой контроль.

В 20-х годах XIII века продвигавшиеся из Закавказья на Северный Кавказ монголы во главе с Джебе и Субедеем подошли из Ширвана к Дагестану. Они не смогли взять Дербент, но продвинулись на север. Зато взяли Дербент половцы.

Вслед за этим Дербент был захвачен монгольским войском, назвали его «железными воротами» и поставили его главой чиновника Золотой Орды. Отсюда монголы устраивали походы на Кайтаг, Табасарань. Лакцы очень сильно сопротивлялись монголам. В частности, на лакский Кумух нападали 8 раз.

Вскоре Дагестан превратился в арену борьбы между Золотой Ордой и ильханами. Противостояние продолжалось 100 лет.

После нашествия монголов на равнинах Дагестана произошли этнические изменения. Здесь издавна шло смешение местных племен с сарматами, а в период хазарского господства — с тюркоязычньми народами. Вторжение значительной массы половцев на эту территорию в первой половине XIII века вызвало этногенетический процесс, который завершился образованием тюркоязычного

кумыкского народа. Кумыкская культура и быт ясно свидетельствуют о решающей роли местных племен в этом процессе. Кипчаки сыграли главную роль в распространении тюркского языка.

В XV веке Сефевидский Иран атакует Ширван и Дагестан. Нашествия Ирана имеют место в 1451, 1488 и 1500 гг. Персидские шейхи Джунеид и Хейдер устраивали нашествия на Дагестан под предлогом борьбы за веру; забирали пленных, которых продавали на ардабильском рынке. Однако покорить Дагестан они не смогли.

Со второй половины XV века Ширван и Дагестан устанавливают взаимоотношения с Россией. Правитель Ширвана Фарух-Яссар в 1485 году послал в Москву посла Хасан-бека Волго-Каспийской дорогой для урегулирования торговых отношений. В 1486 году Хасан-бек вернулся в сопровождении русского торгового каравана, который возглавлял знаменитый русский купец-путешественник Афанасий Никитин.

Отношения Дагестана с Грузией. В рассматриваемый период Грузия имела довольно интенсивные отношения с Дагестаном. Природно-географические и хозяйственные условия последнего определяли необходимость экономических взаимоотношений с равниной. А это обстоятельство являлось хорошей основой для политических отношений. С началом объединения грузин в единое государство имеют место и попытки укрепить свое влияние на народы Северного Кавказа. В хронике Сумбата, сына Давида, о Баграте III сказано: «... он, царь Баграт, завоевал все страны Кавказа от Джикии до Гургении, и Адарбадаган и Ширван с армянскими царями были обязаны платить им дань...»

По источникам сложно определить, какие отношения были установлены между Грузией и Дагестаном до Давида Строителя. Во время царствования Давида Грузия воевала с Сельджукскими султанами в Северном Азербайджане /Ширван/. Обе страны были заинтересованы в Дарубандском проходе – древнем караванном пути.

В 1123 году Давид в Ширване жестоко покорил сельджукского султана. В апреле 1134 года Давид с войском напал на Шабаран, дарубандуев и истребил курдов, лакцев и половцев дарубандских, и разгромил крепости ширванские Хасан и Хозаонд и страну, поддерживававшую их.

Давид соответственно оценивал большое стратегическое значение Дарубандских ворот и не ограничивался только военными мероприятиями, но старался покорить их добром и подкупить: «...наполнил курдов, леков и других дарами...». Таким путем он приобрел себе вспомогательную силу и облегчил себе борьбу.

Георгий III крепко держал Ширван, для обеспечения безопасности которого он дошел «до ворот Дарубанда, разгромил страну мускуров и шарабанов и взял Габуран».

Со времен Давида Строителя некоторые общины Дагестана подчинялись Грузии и даже платили ей дань. Но это подчинение не было гарантированным. Они использовали каждый удобный момент против центрального правительства. Во время восстания Георгия поддержали «множество кавказских горцев».

Касаясь отношений кахетинских царей с леками, Таймураз Багратиони отмечает их обязанность платить дань и упоминает, что такие же отношения были при Тамаре. Ягненка в качестве подати леки привозили «на горбу», чтобы он не похудел, кроме того, символически это означало порабощение. Когда Тамаре встретились леки, которые гнали ягнят, она потребовала, чтобы они (леки) несли их «на горбу» (на спине).

Грузинский царский двор активно вмешивался во внутреннюю жизнь дагестанских политических единиц, ставил во главе правительства выгодных для себя лиц. Это отмечает летописец царицы Тамары Басил.

Грузинская историография сохранила сведения о восстании одного из дагестанских племен — дидойцев — против центрального правительства (время царствования Тамары 1204 год). Иване Атабаг, используя значительную военную силу, изолировал восставших от других соседних народов и после трехмесячной борьбы вынудил их выдать заложников и платить повинность по-старому.

Нашествие монголов ослабило Грузию политически. Этому способствовали многократные разрушительные нашествия Тимурленга на Грузию и на Кавказ. Эти события привели в движение и горские племена. Началось передвижение некоторых дагестанских племен к югу, на равнину. Гундзебцы по дороге смешивались с половцами, продвигались на юг и рассеялись в северных районах восточной Кахетии.

Дагестанцы были вынуждены перейти на сторону Тимурленга. По сообщению монаха Егнаташвили (XVII век), когда в 1393 году Тимурленг разгромил Картли и Кахетию и подошел к Шаху, «собрались все местные, великие и простые, кавказцы и леки...».

Со времен Тимурленга в Дагестане, волей или неволей, распространяется ислам. На этой почве отношения с Грузией постепенно принимают враждебный характер. Попытка центрального правительства Грузии восстановить свое влияние над Дагестаном не увенчалась успехом. Правда, Теймураз Багратиони пишет Александру I (1414—1442 гг.), что «разогнал оттуда муллов и прежний порядок восстановлен», но эти мероприятия ему уже не помогали. В последующий период начинаются систематические грабительские нашествия дагестанских феодалов на Картли и Кахетию, чем причиняли стране большой ущерб.

Культура. Дагестанские народы создали самобытную культуру. Среди памятников материальной культуры в первую очередь надо

отметить постройки жилищного, хозяйственного и оборонного характера (крепости, башни). Жилые дома в горах были каменные, а на равнине – землянки. Среди построек оборонного характера значительное место занимает укрепленный комплекс Дербент, который останавливал кочевников, шедших с севера. Крепость простиралась на большое расстояние.

В средние века в Дагестане высокого развития достигла резьба по камню. Письменности в крае не было, но народы Дагестана создали богатый и выразительный фольклор: обрядовую поэзию, сказки, песни и т.д.

В средневековом дагестанском устном народном творчестве большое место занимают исторические легенды и предания. Они повествуют о героической борьбе против завоевателей (арабов, монголов, персов), об отношении к исламу и христианству.

В Дагестане XI–XV вв. не было единой религии. Распространение христианства начинается еще с VI века из Армении и Албании. Ислам распространялся в Дагестане с первой половины VIII века в связи с походом арабского военачальника Маслама. Но обе эти религии в начале рассматриваемого периода имели распространение только среди господствующих кругов. Широкие массы населения оставались язычниками. Здесь ясно виден классовый характер религии.

Продолжали существовать тотемные и космогонические представления. Во многих местах сохранились признаки обожествления огня и солнца. В некоторых аварских селениях предметом высшей клятвы оставались огонь и небесные светила, у лакцев бог солнца являлся высшим божеством в языческом пантеоне.

Вместе с усилением феодализации дагестанского общества, в результате своеобразных внешних политических обстоятельств – нашествие и влияние монголов, Ирана – углубляется процесс исламизации. Центром его распространения являются Ширван–Дербент–Гилан. Усиленные мероприятия для распространения ислама проводил Темурленг.

На территории Дагестана в XII–XIV веках сохранились памятники арабской эпиграфии, отмечается увеличение числа кади и мулл, усиление их влияния. В XV веке уже упоминаются дагестанцы, побывавшие в Мекке, Медине – «святых» местах магометан.

В Кумухе распространение ислама датируется XI–XIII веками, в Кубаче – XV веком. В 1395 году кумухов и кайтагов покорил Тимурленг и заставил принять ислам; на медрессе кубачинцев сохранилась надпись – 1404 год, а Кала-Корнеш – 1422 год.

Немало последователей ислама нашлось и среди аварцев. Об этом свидетельствует множество куфских надписей в Хундза. Здесь же обнаружено единственное местное произведение на арабском языке, датированное XV веком. К XV веку распространение ислама в Дагестане в основном было завершено.

Во время могущества грузинского государства в Дагестане распространялось христианство, особенно в его юго-западных районах. Историк Давида Строителя считает большой заслугой Давида распространение христианства среди соседних народов. Даже во времена Тамары находившиеся в подчинении Грузии дидайцы были далеки от настоящего христианства.

После монголов грузинское государство ослабло и не могло так интенсивно продолжать миссионерское дело. В 70-х годах ХШ века распространением христианства среди леков занимался Пимен Салос.

В Анцухи, Цахуре, Гинухе были построены христианские церкви. Такая же церковь была в с. Датуна (близ Хундена) в горном Дагестане. В Хундзи и других селениях множество христианских погребений.

Немало каменных крестов с грузинскими и грузино-аварскими надписями было обнаружено в районах Хундза, Гутаба, Унцукул и др. Грузино-аварские надписи свидетельствуют о том, что имели место попытки создания аварской письменности на базе грузинской графики.

Однако распад и политическое ослабление Грузии не дали возможности последующему распространению и закреплению христианства в Дагестане, и его место постепенно занял ислам.

В Дагестане в рассматриваемый период пользовались пехлеви и арабской письменностью, вместе с распространением ислама широко распространились арабский язык и письменность. Автор XIII века Захарий Казвин пишет о медрессе в селе Цахур, где были учителя и ученики. Имели место попытки создать на базе арабского языка собственную письменность. Захарий Казвин при описании Цахура отмечал, что они перевели две книги на лезгинский язык и ими руководствуются.

Самое раннее произведение, дошедшее до нас, — «Завещание Гандуника», написанное неким андийским Аль-Мирзой (1485). На базе арабской письменности шла подготовка местных духовных лиц. С XV века встречаются сочинения, сборники сочинений арабских авторов, переписанных местными лицами.

В рассматриваемый период материальная и духовная культура народов Дагестана получили дальнейшее развитие.

ПРИЛОЖЕНИЕ

* Извлечение главы 3 книги «Очерки истории горских народов Северного Кавказа». Часть 1. Тбилиси: «Мецниереба», 1969. В авторском коллективе «Очерков»: З. Анчабадзе, Т. Борцвадзе и М. Цинцадзе.

Рукописный вариант перевода с грузинского на русский хранится в библиотеке СОИГСИ. Перевод с грузинского С.М. Басиевой.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII ВЕКЕ

Северная Осетия в XVIII веке

Осетия в XVIII веке охватывала четыре ущелья Центрального Северного Кавказа – Тагаурское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское. Хозяйство соответствовало природно-географическим условиям.

Хозяйство. Историк первой половины XVIII века Вахушти Багратиони так характеризует хозяйство Осетии того времени: «Эта страна малонаселенная, неплодородная, потому что там ничего не выращивается, кроме пшеницы, овса, ячменя, из-за поздней весны и ранней осени. Но и этого не могут сеять достаточно из-за скалистой местности и недостатка земель. Кроме того, здесь часто бывает град, после чего они остаются голодными». Как видно из этого описания, база для земледелия у осетин была ограничена из-за климатических условий и гористой местности. Выгодные пахотные земли, которые были в наличии, находились преимущественно на склонах гор и требовали систематической очистки от камней. Частые дожди и ливни смывали почву, ее надо было восстанавливать, удобрять, поливать. В условиях примитивной техники земледелия это была тяжелая и объемная работа.

В 1755 году тагаурские феодалы писали императрице Елизавете Петровне о своих тяжелых условиях жизни в горах из-за отсутствия земли и просили разрешения переселиться на равнину. Такое разрешение они получили позже. В экономике Северной Осетии значительное место занимало скотоводство. По Вахушти, «у них есть овцы, коровы, кони, козы, свиньи». Ограниченность скотоводства объясняется недостатком пастбищ и сенокосов.

Одной из вспомогательных отраслей хозяйства в XVIII веке оставалась охота, что обусловлено богатой фауной. В Северной Осетии были распространены: тур, серна, косуля, заяц и др. Осетины хорошо владели рядом отраслей ремесленного производства». Вахушти писал: «Они обрабатывают кожу, шерсть, изготавливают хорошие бурки. Им известны кузнечное и слесарное ремесло, умеют обрабатывать дерево, строить дома, добывать свинец, серу, селитру. Женщины их умеют тонко и красиво шить». Осетинские кузнецы изготавливали железные сошники, мотыги, топоры и т.д. Обработ-

ка дерева достигла высокого уровня, посуда и другие предметы домашнего обихода в основном изготовлялись из дерева. Изготавливали седла, сбруи и т.д. Все перечисленные отрасли ремесленного производства носили домашний характер. Они еще не вышли за пределы натурального хозяйства, несмотря на то, что часть изделий уже становилась объектом обмена.

Из краткой характеристики хозяйства Осетии видно, что осетины не могли обходиться без товарооборота. Мало того, что своего зерна было далеко не достаточно, многие необходимые предметы нужно было приобретать у соседей.

О внутреннем товарообороте Вахушти кратко сообщает: «Нет у них тетри (серебро) в качестве денег, между собой торговали бурками, шерстью, овцами, коровами и пленными». Но такой внутренний товарооборот не мог носить широкого характера из-за однородности хозяйственных условий.

Внешняя торговля была сравнительно развита. Осетины торговали с соседними народами — кабардинцами, грузинами, русскими. Последние свои крепости на Кавказской линии превратили в пункты товарообмена с горцами. Вахушти подчеркивает экономический фактор как определяющий зависимость осетин от соседних народов (Картли, Кахетии, Кабарды), и отмечает: «в основном подчиняются соседям из-за средств к существованию». В Картли, Кахетии, Кабарде, Кизляре, Моздоке осетины приобретали зерно, соль, рыбу, различные ткани, железные изделия и т.д. По сообщению Гюльденштедта (70-е годы XVIII века) северные осетины часто посещали ярмарки в Хони и Они, где продавали или обменивали свою продукцию — шерсть, черкески, бурки и т.д. на нужные им товары.

Политические деятели Грузии понимали экономическую заинтересованность осетин в отношениях с Грузией и способствовали свободному общению для торговли. Разрешение на свободную торговлю получали целые ущелья (например, Тагаурское, Зарамагское) или отдельные личности. Имеется сообщение, что Вахтанг VI и Ираклий I старались использовать серебряные и свинцовые руды Алагирского ущелья. Путем сотрудничества с осетинами они одно время получали полуобработанную руду. Но это была только попытка, которая из-за неблагоприятных политических обстоятельств не получила развития. В Грузии осетины издавна пользовались правом безналоговой торговли. Это было большое облегчение. В торговых отношениях осетин с грузинами большую роль играло так называемое «жалованье», которое грузинские цари назначали представителям Северной Осетии за оказанные услуги. Согласно составленным документам свое жалованье они предпочитали брать материалами.

Торговля осетин с грузинами, русскими, кабардинцами ограничивается рамками натурального хозяйства, это были отношения гор-

ской экономики с равнинной, масштабы и интенсивность которых определялись историческими условиями.

Социальные отношения. Социальное развитие осетинского общества в XVIII веке носило феодальный характер. Общество делилось на господствующие и зависимые классы.

Феодальный класс в разных ущельях Осетии был известен под разными названиями. А в общем назывались «алдарами». Это старый социальный термин. Этим же термином именовали осетины грузинских и кабардинских князей. Вахушти говорил о них: «У них есть знатные фамилии. Осетины делятся на такие фамилии: Сидамоновы, Чахилидзе, Тагауровы, Куртатуловы, Баделидзе, Басиани(овы), и они являются знатными».

Первыми послами в Петербурге в 1748–1752 гг. были представители осетинского господствующего класса: Зураб Елиханов, Елисей Лукович, Хетагов и Патемирза Куртатский. По материалам комиссии Осетии у Елиханова было 3 тысячи крепостных, у Хетагова – 2 тысячи, у Куртатского – 1,5 тысячи. Зураб был приближенным ко двору Вахтанга VI, стал его казначеем и сопровождал его в Россию. Из России он вернулся на родину. Среди осетин пользовался большим авторитетом.

В грузинских документах XVIII века часто упоминаются осетинские дворяне из Нара, Тагаурии. Царь Константин (1722–1733) дает письменное дарование нарскому дворянину Жидахан Хетагуру. Царевич Вахтанг в 1776 г. с уважением упоминает тагаурского дворянина Кундухишвили. Целую группу «дворян» и «князей» называет Александр Бакарович (1780 г.). Он назначает им жалованье для оказания помощи при защите престола Картли. В русских официальных документах верхний социальный слой называется старшинами. Отношения с осетинами осуществлялись посредством старшин.

В разных ущельях Осетии социальное развитие было различным. Причиной тому был различный хозяйственно-экономический и политический уровень развития в отдельных частях Осетии. Осетинские феодальные круги находились в тесных взаимоотношениях с кабардинскими феодалами, в них они видели опору для защиты и укрепления своего классового господства. Взаимоотношения с грузинскими феодалами тоже укрепляли их классовые позиции.

Какова была социальная картина подчиненного класса? В Дигории зависимый класс, или так называемый «черный народ», были адамихаты, кумаги и косаги. Адамихаты – основная часть зависимого класса – по наследству находились под властью какой-либо феодальной фамилии. Это положение не менялось и тогда, когда адамихат переезжал в другой аул. Феодал мог добраться до его имущества. Все имущество адамихата, умершего без наследников, пере-

ходило в руки феодала, а жена становилась его служанкой. Если адамихат уезжал из Дигории, участок земли его тоже переходил к феодалу. При продаже земли в первую очередь он должен был предложить ее феодалу. Феодал мог без разрешения адамихата использовать его коня, быка и т.д. Адамихаты обязаны были платить своему господину определенную повинность. Они обязаны были дать быка или овцу на свадьбу или поминки в доме господина. Эти обязанности обычно назывались «подарками». В горах не существовало земельной повинности, потому что земля считалась собственностью адамихата. На равнине заставляли платить и земельную повинность, так как своя земля считалась собственностью феодалов. Переселение на равнину начинается в конце XVIII – первой половине XIX века.

На следующей ступени зависимого класса в Дигории стояли кумаяги. Феодальные круги в Осетии кроме законной жены имели право иметь невольницу, т.н. номылус, которая социально стояла ниже. Их приобретали с помощью урвада, который платили родителям девушки. Такая невольница жила вместе со слугами или на конюшне. Дети их назывались кумаягами. Положение их было почти рабское, хотя адат ставил их выше рабов. Они обязаны были исполнять любую работу в доме и на поле «отца». После смерти господина мужчины могли отделяться, получали участок земли, пару быков, котел, топор и веревку для устройства своего хозяйства. После отделения они выполняли определенную повинность господину. Иметь кумаягов было привилегией только феодального класса.

Следующая ступень зависимого класса – кусаги («рабочие») или рабы. Рабами были пленные или купленные. Раб не имел никаких прав, его могли наказать, продать. В хозяйстве господина он исполнял любую работу. Раб имел право приобрести движимое и недвижимое имущество. Все имели право иметь раба, даже сами рабы. В Дигории существовала еще одна группа зависимого класса – хехесы. Они были выходцами из разных мест, причиной их переселения в основном была кровная месть. Они поселялись на земле феодала, исполняли ему земельную повинность, но лично были свободными.

Отмеченная картина феодальных взаимоотношений с небольшими изменениями встречается в Тагаурии и Куртате. В Тагаурии адамихатам соответствуют фарсаглаги, кумаягам – кавдасарды, кусагам – цагайраги. Но существенной разницы между ними не было. Права алдаров в Осетии отображают классово-сословную структуру общества. Оно видно в цене крови разных социальных групп и в количестве урвада. Господствующий класс пользовался всякими привилегиями – им обязаны были служить, в их пользу были установлены разнообразные штрафы.

В XVIII веке в Осетии непосредственные производители — адамихаты и фарсаглаги — владели средствами производства и землей. Номинальным собственником этих земель был феодал. Это их право исходило из патрональных взаимоотношений, а часто за счет новых поселенцев, пришедших на их землю. Непосредственные производители находились в личной зависимости от своего феодала. Они еще не являлись крепостными в полном смысле этого слова, потому что могли уйти от одного феодала к другому, но это право никак не улучшало их положение. С переходом к другому феодалу личная зависимость не исчезала, а с уходом из общества терялось право на землю и усадьбу.

Развитие осетинского общества в XVIII веке проходило под знаком классовой борьбы. Феодальный слой при осуществлении своего классового господства сталкивался с сильным сопротивлением зависимого класса. Прочные общинно-родовые традиции в какой-то мере ослабляли эту борьбу, но она все же была. Осетинский фольклор сохранил много исторических песен и сказаний, которые отражают жестокость этой борьбы. «Песня о Чермене» повествует о враждебном отношении алдаров Тулатовых к кавдасарду Чермену. При разделе земель Тулатовы выделили Чермену негодный участок земли. Чермен вступил в борьбу с алдарами и пал в этой неравной борьбе. В сознании осетинского народа Чермен остался символом борьбы против социального гнета. В сказании «Сыновья Бата» повествуется о неравной смертельной борьбе между алдаром Кануковым и кавдасардами братьями Асланбеком и Будзи, которые погибают в этой борьбе.

На острую классовую борьбу указывает тот факт, что в конце XVIII века из Тагаурии по разрешению Георгия XII многие жители переселяются в Картли. В ответ на протест тагаурских алдаров царь Георгий заявил, что они идут добровольно, и вернуть обратно их не могут.

В XVIII веке одной из причин обострения классовой борьбы было оживление торгово-экономических отношений с Россией, Кабардой, Грузией. Это влекло разрушение натурального хозяйства Осетии. Потребности феодалов увеличивались», они требовали все больше и больше налогов, что вызывало недовольство народа. На этой почве развернулась борьба в 1781 году, о которой рассказывает офицер российской службы Штедер. По Штедеру волнения в Дигории продолжались более 10 лет. Феодалы требовали исполнять повинности «по законам, установленным отцами» (т.е. увеличенных). А крестьяне согласны были платить «по законам дедов». Против феодалов вместе с адамихатами выступали и кумаяги. Обе стороны были вооружены. Штедер брал на себя роль посредника между ними. После продолжительного спора феодалы, боясь народа, согласились

вернуть им земли, скот, вооружение, которые отняли у них силой, освободить порабощенных дигорцев и разрешить им исполнять повинность по-старому.

Классовая борьба осетин, как и вообще крестьянское движение, была неорганизованной, стихийной. Они боролись против эксплуататоров, чтобы сохранить патриархальные взаимоотношения. Осетинские крестьяне часто искали выход в переселениях из одного места в другое или в индивидуальной мести господину. Классовые позиции осетинских феодалов достаточно укрепились после присоединения Осетии к России, которое началось во второй половине XVIII века.

Политическая история. В XVIII веке Северная Осетия состояла из отдельных ущелий – обществ. Эти ущелья не имели центрального правления. Каждое жило своей независимой жизнью. Вопросы местного значения решали алдары или т.н. «старшины», с ними связывались правящие круги соседних народов.

В местной политической жизни определенную роль играли старейшины фамилий. Вахушти особо подчеркивает это обстоятельство: «У них сохранилось уважение к старшим, они признают их как хозяев, которые решают все вопросы мира и войны». Конечно, не все старейшины пользовались одинаково большим уважением. Значение их определялось потенциальной силой фамилии, к которой принадлежали старейшины. Главную роль играли те старейшины, которые принадлежали к верхнему социальному слою.

В XVIII веке Северная Осетия находится в тесных политических взаимоотношениях с Грузией, Кабардой, Россией. В отношениях этих стран видны характерные явления политических обстоятельств. Кабардинцы, после нашествия монголов, заняли центральные равнины Северного Кавказа, которые раньше занимали осетины. Большая Кабарда занимала территорию от реки Кумы до Терека, Малая Кабарда – от Терека до реки Сунжи. Кабарда тоже была объединением феодальных владений. Кабардинские феодалы воспользовались своим господствующим положением на равнине, смогли покорить соседние районы осетин и обязали их платить дань. Кабардинские феодалы во главе своих отрядов нападали на осетин, угоняли скот, крали людей. Со своей стороны осетины тоже нападали на кабардинские села и наносили им большой ущерб. Зависимость от кабардинских феодалов была следствием насилия, против которого осетины боролись. Безусловно, борьба эта объясняется и тем, что осетинские и кабардинские феодалы нашли общий язык и поддерживали друг друга, тем самым укрепляя свои классовые позиции. Во многих осетинских исторических сообщениях повествуется о военной помощи, которую кабардинские феодалы оказывали осетинским феодалам для покорения собственных подчиненных. И

осетинские феодалы поддерживали взаимоотношения с кабардинскими князьями. Но простой народ и часть старшин (из Алагир-Куртата) вели неустанную борьбу против кабардинских феодалов. Кроме непосредственной борьбы они обращались к правительству России, просили защитить их от кабардинских феодалов.

В XVIII веке значительно оживились политические отношения Осетии с Грузией. Вахтанг VI в 1711 году выступил против осетин, дошел до Зарамага и подчинил всех жителей его. Правительственные круги Картли-Имеретии имели особо тесные взаимоотношения с осетинами Наро-Мамисонского ущелья. Осетины этого ущелья часто получали от грузинских царей грамоты, дары и жалованье.

Северные осетины часто принимали участие в войнах Картли-Кахети против иностранных завоевателей. В 40-х годах XVIII века к Гиви Амилахвару, воюющему против Персии, «...пришло войско осетин и черкес, чтобы помочь Амилахвару». Теймураз II и Ираклий II в борьбе с соседними мусульманскими ханствами систематически прибегали к военной помощи осетин. В 1750 году осетины воевали под их знаменем. В 1751 году принимали активное участие в борьбе против Азатхана, в 1752 году – против Нурсалбека и получали щедрые подарки от Теймураза и Ираклия. Осетины участвовали в Аспидской войне 1770 года, в операциях по взятию Хиртвиса в 1771 году. В 1785 году в связи с нашествием Омархана на Картли-Кахетию с Северного Кавказа прибыло на помощь к Ираклию 400 осетин и ингушей.

Северных осетин часто использовали во внутрифеодальной борьбе. По сообщению царевича Баграта в 1791 году тагаурские и куртатинские осетины вместе с войсками Ираклия и по приказу его помогли внуку Ираклия Давиду Арчиловичу, боровшемуся за престол Имеретии. Он стал царем под именем Соломон II. Грузинские документы сообщают о том, как они использовали осетинские военные силы. По мере необходимости с ними отправляли представителя царя, он приглашал войско и одновременно договаривался о плате. Подобные функции часто исполняли дворяне из Степанцминда Казбег Габриелович Чопикашвили и его братья. Тот факт, что через Тагаурское ущелье проходила почти единственная дорога, связывающая Россию с Картли-Кахетией, вынуждал политических деятелей Грузии быть в добрых отношениях с тагаурскими осетинами. Ввиду этого их главарям платили жалованье.

Западные районы Северной Осетии (например, Дигория) преимущественно были связаны с Рача-Имеретией. Обоснование русских на Северном Кавказе осетины встретили с большим интересом. Они видели в них силу, которая могла защитить их от кабардинского насилия и создать условия для переселения на равнину.

Россия, боясь обострения отношений с Турцией, воздерживалась от явного вмешательства в дела осетин, но прибегала к мероприятиям, которые укрепили бы среди осетин прорусскую ориентацию и помогли бы найти опору в местных кругах. Центральное местоположение (расположение) осетин на Северном Кавказе значительно увеличивало их стратегическое значение в деле сближения России с Закавказьем. Через Осетию проходили такие магистрали, как Военно-Грузинская и Осетинская дороги.

Укрепляя отношения с Россией, осетины рассчитывали поселиться на равнине, защититься от Кабарды и расширить торговлю с Россией. В укреплении русско-осетинских отношений большую роль сыграла «Осетинская Комиссия». Ее создало русское правительство в 1744 году по инициативе грузинских духовных лиц, переселившихся в Россию вместе с Вахтангом. Осетинская Комиссия проводила активную деятельность среди осетин и ингушей в пользу российского правительства путем пропаганды христианства. По определенным политическим соображениям российское правительство укомплектовало комиссию полностью из грузинских духовных лиц. Члены комиссии изучали местную политическую обстановку, настроение народа, обычаи, религию, отношения с соседними странами, природные условия и соответственно информировали правительство России.

По совету комиссии осетины послали в Россию послов. Осетинские послы вместе с архимандритом Пахомием выехали из Зарамага 25 сентября 1749 года. Руководителем был Зураб Елиханов. 9 февраля 1750 года они добрались до Петербурга. Их целью было:

1) ввести Осетию в состав России;

2) обеспечить внешнюю безопасность;

3) получить право переселения на предгорные равнины.

По политическим соображениям правительство России не могло удовлетворить просьбу осетинских послов. Они получили только право беспошлинной торговли в Астрахани и Кизляре. В 1763 году после постройки Моздокской крепости осетины поселяются вокруг нее. Правительство России предоставило переселенцам определенные льготы: старшинам и простым людям — по 5 руб., а также семена, пахотную и сенокосную земли, землю под огород и лес.

Еще в 60-х годах правительство России проявляло интерес к природным богатствам Осетии. В 1768—1774 гг. в горы Осетии были снаряжены три экспедиции для изучения политической обстановки и решения вопроса о постройке завода на базе свинцово-серебряных руд Осетии.

Победа в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. развязала России руки для проведения активной политики на Северном Кавказе. По Кючук-Кайнарджийскому договору нейтралитет отменялся, и

так как осетинское общество считалось зависимым, то и его формально объявили подданным России. А фактически частью Российской империи Осетия стала позже. Правительство России проводило политику подкупа социального верхнего слоя. В свиту Потемкина входило много осетинских старшин, которые имели воинские звания и получали жалованье.

Культура. Классовое неравенство осетинского общества отражалось и на их культуре. Феодалы жили в домах-крепостях с оградой, это был комплекс жилья и боевых башен. Ограду строили в местах стратегически выгодных, откуда можно было наблюдать за врагом. В Северной Осетии самыми значительными оборонными строениями были: башня Дударовых в Ларсе, Кануковых в Кобане, Абисаловых в Махческе, Тугановых в Дзинаге и др.

Все сравнительно сильные фамилии имели свои башни, где укрывались во время опасности. Башни были 3—5-этажные. С башнями соединялись жилые постройки с узкими оконцами. Во время надобности в них устанавливалось оружие. Жилые постройки были без всякого архитектурного оформления, и конструкция их тоже подчинялась оборонным интересам.

Простой люд жил в так называемых «хадзарах», которые строились из сланца. Крыша хадзара была плоская с отверстием для дыма. С потолка к очагу спускалась цепь для котла. На склонах гор осетинские аулы были расположены ярусами, так что одна плоская крыша служила коридором для другой. Очаг делил хадзар на две части. На мужской стороне стояла длинная деревянная лавка, на стене висели: сабли, ружья, пистолеты, рога тура, фандыр, на женской половине стульев не было. Здесь на полках были расположены предметы домашнего обихода, а на полу, вдоль стены — медные котлы разных размеров, глиняная посуда, корзины, корыта, деревянные ведра и т.д. Состоятельные осетины кроме хадзара имели спальные комнаты, отдельно коровник и конюшню. Домашнего имущества у них было больше и лучше.

Одежда осетин была кавказская. Вахушти подробно описывает их одеяние и материал, из которого он изготовлялся. Материал одежды определялся их имущественным положением.

О религии в Северной Осетии Вахушти сообщает: «Их знатные являются магометане, а простые люди — христиане». Как видно из сообщения Вахушти, осетинская религия представляла собой смесь магометанской, христианской и языческой религий.

В 40-х годах в Осетии начинает проповедовать христианство миссионерная комиссия Осетии. В нее входили грузинские духовные представители во главе о архимандритом Пахомием. Члены комиссии за свой счет обучали осетинских детей грузинской грамо-

те, проповедовали христианство, крестили осетин, переводили богословские книги с грузинского языка на осетинский.

В 1745—1791 годы комиссия окрестила всего 8 193 человека. В этот период Северная Осетия не имела письменности, была культурно отсталой. Политическое положение страны исключало какую-либо культурную деятельность. Комиссия была единственной, которая с политико-миссионерской целью проводила определенную культурно-просветительскую работу. Осетины, воспитанные комиссией, после завершения учебы получали благословение священников и потом сами занимались определенной культурной деятельностью.

Сыновья верхнего социального слоя умудрялись получать образование в Картли. В первой половине XVIII века таковыми были Зураб Елиханов, воспитанный при дворе Вахтанга VI, впоследствии глава послов Осетии; в Картлии низшее духовное образование получил один из этих послов — Хетагов. Вахушти писал, что часть осетин, которые ходят в Картлив и Рачу, владеют грузинским языком. Среди осетин многие владели кабардинским и балкарским языками.

В 1764 году в Моздоке открылась школа миссионеров для сыновей верхнего социального слоя. Численность учащихся в ней была невелика и методы обучения порочны, но, несмотря на это, она была первым центром в Осетии по распространению грамоты. В 1798 году в Московской Синодальной конторе были напечатаны осетинский букварь и книга для чтения, которые составили Моздокский епископ Гайоз и осетинский священник Павел Генцауров. Это было начало нового этапа в культурной жизни осетин.

Чечено-Ингушетия в XVIII веке

Хозяйство. В XVIII веке в основном заканчивается процесс переселения чечено-ингушского населения с горных районов на равнину. Для переселенцев основной отраслью хозяйства было земледелие.

К концу XVIII века чеченцы, поселявшиеся в бассейнах Сунжи и Терека, заимствовали у соседей улучшенные орудия труда, обрабатывали пахотные земли, луга, пастбища, они имели виноградники, огороды. Чеченцам, которые только спустились с гор, они выделяли землю.

В феврале 1761 года в канцелярии Астраханской губернии было получено письмо архимандрита Пахомия, которое сопровождалось еще двумя письмами ингушских и осетинских старшин. Они сообщали, что кабардинские и чеченские владетели собираются на них напасть и просили их защиты — прислать к ним ротмистра войска Терского Киреева, который не покидал бы их во время пахоты в

марте-апреле и во время жатвы – в июле-августе, чтобы на них не смели нападать. Это сообщение указывает на большую роль полеводства среди ингушей.

В горах были другие условия для земледелия, обработка земли здесь требовала большого труда – землю надо было очищать от камней, кустарника, выровнять, удобрить, основным орудием пахоты в горах была соха. Горцы не имели собственного хлеба и приобретали его на равнине.

В жизни чеченцев и ингушей значительную роль играло скотоводство. Летом скот держали в горах, весной и осенью – в открытых местах – степях, а зимой – в деревне, они специально заготавливали на зиму корм скоту. Карательные экспедиции России в XVIII веке делали все, чтобы покорить ингушей – жгли корма, убивали скот, разрушали жилье. Из отраслей скотоводства лучше было развито овцеводство.

Ремесленное производство в XVIII веке носило натуральный характер, только продукция отдельных отраслей поступала на рынок. Чеченцы были хорошими мастерами холодного оружия, высоким качеством холодного оружия известен был аул Аухо. Среди чеченцев и ингушей были мастера, которые изготовляли сбруи, глиняную и деревянную посуду, оружие. Производили хорошие бурки, шерсть, ковры, паласы и т.д. Эта продукция в основном использовалась внутри семьи, и только часть ее обменивалась.

О внутренней торговле чеченцев и ингушей в XVIII веке письменные источники сведений не сохранили. Определенная разновидность товарообмена среди них, конечно, имела место. Продукты своего хозяйства жители гор обменивали у жителей равнины на хлеб, соль и т.д.

Более интенсивной была внешняя торговля вайнахов. Торговые отношения устанавливаются у них с гребенскими казаками, с которыми они были непосредственными соседями на реках Терек и Сунжа. В 10-х годах XVIII века поселения гребенских казахов переместились на левый берег Терека. В 1735 году были восстановлены город и крепость Кизляр – главный экономический центр Северного Кавказа в XVIII и в первой трети XIX века. Население Кизляра растет за счет закавказского населения (грузин, армян), а также за счет жителей гор. В 1725 году пожар испепелил Кизляр, но в 1735 году он снова был восстановлен. В 1798 году Кизляр насчитывал 5,5 тысяч жителей.

После основания Кизляра, как крепости, на левом берегу Терека появились станицы донских казаков – Бороздинская, Дубовская, Каргалинская. С 30-х годов Кизляр устанавливает тесные экономические связи с Чечено-Ингушетией и Дагестаном. До основания Моздока (1763 г.) осетины тоже торговали в Кизляре. Большое

значение для ингушей имели Моздок и Владикавказ (основан в 1784 г. как крепость). Источники не дают представления об объеме торговли чеченцев и ингушей. Торговля в основном носила характер товарообмена, гребенские казаки за Тереком обменивали соль, рыбу, домотканный холст, огородные культуры, а от горцев получали бурки, арбы, колеса, коней и т.д.

Селение, которое сегодня носит название Толстовюрт, было известно изготовлением мотыг, серпов, ножей и т.д. Этим товаром оно снабжало не только соседние селения, но и кизлярский рынок. В селении Барагун изготавливалась медная посуда для продажи, а холодное оружие, изготовленное атагайцами, восхваляется даже в казацком фольклоре. Ичкерия известна была своими бурками.

С 30-х годов XVIII века чеченцы имели интенсивные торговые отношения с Кизляром. Возили дрова, шпалеры для виноградников, строительный лес (плотами). Плоты готовили зимой, а во время многоводья сплавляли их по Сунже и Тереку до Кизляра.

Социальные отношения. Обработка равнины, развитие производительных сил ускоряли классовую дифференциацию вайнахского общества.

Социальное разделение общества происходит лишь под знаком появления неравенства между фамилиями. Сильные фамилии начинали борьбу за пахотно-сенокосные земли, подчиняли себе слабых. Пленных соотечественников продавали иностранцам. «Знатные» и «прославленные» биаччи — военные вожди — создавали отряды, нападали и грабили аулы, угоняли скот и пленных. Биаччи становились феодалами, они гордились своей властью и богатством.

В официальных русских документах XVIII века часто фигурируют ингушские старшины и чеченские владетели. Архимандрит Арсен вместе с Григорием в августе 1756 года крестили ингушей «начальных людей — 5, остальных — 30».

Ингушский старшина Абрам Пахомиев (крестил Пахома) просил у правительства России защитить его от кабардинских феодалов. Об опасности нападения кабардинских и чеченских феодалов на ингушей писал в своем докладе Пахом в канцелярию Астраханского губернатора в 1761 году.

Ингушские старшины и чеченские владетели являлись привилегированными членами общества, которые выступали от имени общества при решении внешнеполитических вопросов. Соответствующих материалов, в которых бы ясно отражалась социальная жизнь вайнахов, юридическая сторона их жизни — не существует, но нельзя сомневаться в феодальном характере их власти. Это означает наследственное право выбора старшин. На ту же мысль наталкивают записки ингушского офицера Базора Мамилова, которые он представил в «Комитет, рассматривавший личные и имущественные права» в

1859 г. Он писал о своих предках, что среди ингушей они были первые князья, ни один вопрос, касающийся любой фамилии, не решался без них. Они собирали ограды. Они запрещали жителям охоту в определенных местах. Нарушившего запрет, заставляли платить штраф в 12 коров. Они роднились с кабардинскими феодалами, владетелями землей и башнями. Верхний слой вайнахов для укрепления своего социального положения использовал свои связи с грузинскими царями, кабардинскими и дагестанскими феодалами.

В середине XVIII века упоминается чеченский владетель Айдемиров, у которого были уздени, в 1767 году некий чеченец Магомед Казиев в Кизляре заявляет, что он «холоп» чеченского владетеля Алибека Казбулатова из села Алдиш. Эти фрагментные материалы дают возможность заключить, что часть узденей (свободный слой) находился в большей или меньшей зависимости от феодалов.

Чеченцы и ингуши имели рабов, которых использовали как рабочую силу, рабы были совершенно бесправны, но они у ингушей имели перспективу освободиться, получить землю, после чего они становились независимыми. Сильные и знатные в своем хозяйстве кроме труда рабов использовали труд своих бедных односельчан. Использование рабского труда вызывало разрушение родовой общины, формировались новые формы взаимоотношений — общественно-территориальные или сельские общины, правда, пока еще существовала коллективная собственность на пастбища, леса, пахотные земли, но укреплялась частная собственность на продукцию земли.

Территориальная община долго сохранялась в Чечено-Ингушетии. Она с многочисленными патриархально-родовыми пережитками являлась сильным орудием в борьбе против крепостничества. Чеченцы и ингуши, переселившиеся на равнину, оказались в зависимости у кабардинских, кумыкских и дагестанских феодалов.

В первой половине XVIII века дагестанские владетели Айдамир и Муса Чопаловы владели «значительной частью Чечни. Кумыкский владетель Айдамир Бардиканов захватил аул Большая Чечня и Большой Атаг. Брагунскими чеченцами владел Мудар. Кабардинский Девлет-Гирей Черкасский владел черкесскими селами —Шал, Герменчук и др. О конкретных формах зависимости чеченцев и ингушей от иностранных владетелей материалов не имеется. Известно, например, что кабардинским феодалам они платили ясак крупным и мелким рогатым скотом. Социальную природу вайнахского общества XVIII века можно охарактеризовать как ступень раннефеодальных отношений, где феодальные отношения существовали рядом с патриархально-родовыми. Последние не развивались, а наоборот, происходила их трансформация в сторону феодализма. Поэтому их надо рассматривать как определенный тип так называемого «горского феодализма».

Развитие вайнахского общества в XVIII веке проходило под знаком классовой борьбы. Чеченцы и ингуши, организованные в сельские общины, упорно сопротивлялись элементам феодализма, стремившегося превратить их в крепостных. По сообщению Буткова в 1763 году ингуши обратились к кизлярскому коменданту с просьбой освободить их от кабардинских феодалов и принять в подданство России. В 1769 году ингушские старшины просят русских защитить их от притеснения кабардинских феодалов.

В 1797 году чеченцы восстали против пришлых феодалов и изгнали их, но царизм вмешался в эту борьбу, чеченцы были наказаны; царизм вынуждал их подчиниться кумыкским, кабардинским и дагестанским феодалам, такое же восстание в 1774 году было жестоко подавлено.

Политическая история. О внутренней политической структуре чеченцев и ингушей в XVIII веке судить трудно, не существовало какой-либо политической силы или организации, которая связала бы их в единое государство. Каждое общество жило исходя из своих узких интересов. Поэтому они легко попадали в подчинение соседних феодалов. Союз старейшин («мекхеи») не представлял государственной власти.

В XVIII веке ингуши и чеченцы имели определенные отношения со своими соседями: осетинами, кабардинцами, кумыками, дагестанцами и грузинскими горцами. Нередко эти отношения переходили в вооруженное столкновение, что на той ступени их развития выглядело совершенно закономерным.

Но более или менее регулярные отношения имели чеченцы и ингуши с Россией и Картли-Кахетией. Россия к этому времени подошла непосредственно к чечено-ингушским поселениям. Казачьи станицы, которые она населила по соседству с вайнахами, являлись хорошей опорой для колонизации этого края при помощи осетинской комиссии, которая работала в 40-х годах XVIII века. Царизм проповедовал христианство, этим и еще той иллюзией, что она защитит их от угнетения кабардинских и других феодалов, царизм внедрял русскую ориентацию. Россия вмешивалась во внутреннюю жизнь Чечено-Ингушетии. Применяла оружие для их покорения, часто натравливала их друг на друга, втягивала в войну. В 1758 году в походе русских против чеченцев принимало участие 100 крещеных ингушей. Укоренение России на Северном Кавказе вызывало ярость Турции и Крымского ханства. Усиленной пропагандой мусульманской религии и непосредственными походами они старались покорить Северный Кавказ и одновременно Чечено-Ингушетию и тем самым помешать последующим успехам России. В 1735 году крымский хан вторгся на Северный Кавказ и хотел пройти по чеченскому ущелью. Чеченцы жестоко разгромили татар.

Со второй половины XVIII века отношения вайнахов с Картли-Кахетией стали более активными, в 50-х годах на дарьяльской дороге было восстановлено торгово-караванное сообщение. Это вызвало оживление в отношениях с ингушами, которые жили на восточной стороне дороги и которых грузинские источники именовали кистами.

При обострении отношений Картли-Кахетии с соседними кизилбашскими (мусульманскими) ханствами в 1750 году Теймураз и Ираклий собрали свое войско: имеретинцев, черкесов, осетин и «кавказцев» (вайнахов). В 1751 году они пригласили черкесов, осетин и других горцев («из горных стран»).

По сообщению историка XVIII века Папуна Орбелиани, в связи с вторжением Нурсалбека в Картли-Кахетию, Теймуразу и Ираклию на помощь прибыли с северного Кавказа в Аданури войска черкесов, калмыков, джиков, киотов и глыгвов, ногайцев и осетин. Эти войска были со своими старшинами, разместили их в Дидубе, поставили на довольствие. Когда провожали эти войска на родину, всех щедро одарили и наградили, они дали слово нашим царям: «По вашему приказу, как ваши подчиненные, явимся тут же и умрем у вас на службе».

В русско-турецкую войну были втянуты Ираклий I и Соломон I (1769—1774 гг.). Капитан Львов 8 ноября 1773 года писал графу Панину, что вместе с Ираклием были и ингуши. Ингушский отряд сопровождал Ираклия и в 1778 году перед походом на Ереван. По сообщению Н. Дубровина в связи с нашествием Омархана Аварского в 1785 году у Ираклия 20 сентября 1784 г. находились 400 осетин и ингушей.

В ноябре 1784 года в письме к Потемкину Ираклий отмечает: «Всегда, когда у нас бывала необходимость в военной силе, мы вызывали войска из Черкесии, Осетии и Ингушетии, вызвали их и сейчас, написали им письма и прошу Ваше Высокоблагородие разрешить им, ибо очень нуждаемся в военной силе по вышеупомянутым причинам».

Сохранились документы Ираклия I, в которых ингушу Балдук Чичишвили (1786 г.), глигвам Адхазу и Шолугу Чичишвиди восстанавливает жалованье, которое они должны были получать ежегодно за преданную службу, имелись и другие подобные документы, с их помощью политические деятели Картли-Кахетии, по мере надобности, получали военную помощь.

В 1791 году Ираклий написал письмо Габриелу Казибегишвили и велел обеспечить подготовку и переход в Грузию по военной необходимости тагаурцев, ингушей, глигвов и др. Наемное войско получало питание и определенную плату на протяжении всего времени — пока они там находились. Итак, на основе приведенных фактов об отношениях вайнахов с Картии-Кахетией, можно сказать:

1. Картли-Кахетия использует вайнахов в оборонительной борьбе с иностранными захватчиками.

2. Политические и экономические интересы вайнахов в определенной мере были обращены к Картли-Кахетии, что обуславливало их участие в политических акциях грузин, за это они получали определенную плату, подарки и добычу.

Нельзя не отметить и тот факт, что в отношениях вайнахов с Картли-Кахетией имели место и немирные эксцессы, что выражалось в нападениях на грузинских горцев с целью захвата скота и пленных. Но такие нападения устраивали и грузины. Это явление получило широкое отражение в народном фольклоре обеих сторон. На основе таких фольклорных материалов созданы блестящие произведения, например, поэма Важа Пшавела «Алуда Кетелаури» «Стумар-Маспинзели», тушинская баллада о Тине Парсмели.

В XVIII веке продолжается инфильтрация вайнахов в Закавказье. Бацбийцы или цова-тушины – результат переселения больших групп вайнахов. Со временем произошла их культурно-этнографическая ассимиляция с грузинским народом. Этнический обмен или движение для кавказских высокогорий обычное явление. У вайнахов встречаются фамилии грузинского происхождения и наоборот.

Культура. О материальной и духовной культуре вайнахов в XVIII в. систематических сообщений нет. По характеристике Вахушти Багратиони «селения, населенные ингушами (вайнахами), застроены домами, башнями»... Из этой характеристики и по другим данным видно, что вайнахи жили в крупных поселках. Такие поселки состояли из разных фамилий. Каждая фамилия старалась иметь башню, которая дополняла оборонные функции. Были распространены дома-крепости; как жилищные, так и фортификационные постройки строили из камня.

Из ингушской архитектуры наиболее характерными являются башни. Внешне они похожи на осетинские склепы и находят аналогии в грузинском высокогорье, особенно в Пшаво-Хевсуретии и Тушетии.

Вахушти коротко отмечает, что «природно-географические и хозяйственные условия ингушей, дзурдзуков, глигвов одинаковы, а также и по вере, обычаям, обрядам, поведению. Только язык у них свой и женщины одеты иначе. Не убивают друг друга и не знают кровной мести. Если такое случается, старейшины совещаются и устанавливают мир».

По Вахушти религия вайнахов представляется как смесь язычества, христианства и сунитского магометанства. Магометанство в этот период господствовало среди чеченцев, оттуда получило распространение среди ингушей, но остатки христианства пока были сильнее. «Осетинская духовная комиссия», которую в 40-х годах

XVIII века создало Российское правительство из грузинских духовных лиц, переселившихся из Грузии в Россию, энергично старалась активизировать эти остатки христианства для укрепления влияния России на Чечено-Ингушетию.

В результате их деятельности активизировалось распространение среди ингушей элементов грузинской письменности и языка. Кабардинские феодалы и муллы мешали работе комиссии. Вайнахи прочно сохранили адаты гостеприимства, уважения к старшим, с помощью которых решались все жизненные вопросы.

В XVIII веке вайнахи оставались бесписьменным народом, но они создали богатый фольклор, в котором нашли отражение многие стороны их жизни. Интенсивными были их отношения с казаками, у которых они многое заимствовали, так же как и казаки у них. Развитие материальной и духовной культуры вайнахов происходило в тесной взаимосвязи с грузинами, осетинами, казаками, кабардинцами и дагестанцами.

ПРИМЕЧАНИЕ

Извлечение п. 4 и 5 главы 5 из книги «Очерки горских народов Северного Кавказа», часть 2. — Тбилиси: «Мецниереба», 1978 (на груз. яз.).

Авторский коллектив «Очерков»: З. Анчабадзе, Т. Борцвадзе, Г. Гасвиани, Г. Тогошвили, А. Шавхелишвили, А. Лежава, М. Цинцадзе.

Рукописный вариант книги на русском языке хранится в библиотеке СОИГСИ. Перевод с грузинского С.М. Басиевой.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ГРУЗИЕЙ В ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Народы Северного Кавказа становятся объектом внимания грузинской историографии с момента ее возникновения. Это было обусловлено той большой ролью, которую играли жители Кавказских гор и Предкавказской равнины в политической жизни Закавказья вообще, Грузии в частности. Однако феодальная историография ввиду своей классовой и методологической ограниченности не смогла дать полную картину интенсивных и многогранных отношений Грузии с чрезвычайно интересным по своей этнической, социально-политической и культурной пестроте северокавказским миром. Грузинская феодальная историография, по справедливому признанию академика АН Груз. ССР Н.А. Бердзенишвили, проявляла интерес лишь к военно-политическим вопросам, что касается экономических и культурных вопросов, они оставались вне поля зрения ее интересов. В этом отношении недалеко от феодальной историографии ушла и грузинская буржуазная историография, не успевшая оформиться в силу непродолжительности эпохи и особенностей развития края.

Поэтому научное изучение истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией фактически начинается в советское время. Начало его связано с именем выдающегося грузинского историка И.А. Джавахишвили, который, исходя из теории иберийско-кавказской языковой общности, призывал грузинскую интеллигенцию изучать и знать историю народов Северного Кавказа.

И.А. Джавахишвили много сил отдал лингвистическому обоснованию языкового родства картвельских (грузинских) и других кавказских (дагестанско-чеченских, абхазо-адыгских) языков[1]. ** Он же на основе анализа древнейшей топо- и этнонимики, ономастики обширных краев Северного Кавказа выдвинул суждение, что в I тыс. до н.э. в живущих здесь скифо-сарматах в основном подразумевается родственное грузинам северокавказское население. Исходя из того, что северокавказские (абхазо-адыгские и чечено-дагестанские) имена встречаются и в Закавказье, он заключал, что в

[1] Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

древнее время эти племена должны были проживать именно в Южном Кавказе – адыгские племена в западной части исторической Грузии, а восточнее от них – чечено-дагестанские племена. Отсюда они распространились в места их позднейшего распространения[2].

Академик АН Груз. ССР Г.А. Меликишвили, считая удачным анализ отдельных топонимических фактов И.А. Джавахишвили, придерживается того мнения, что существующие факты, особенно зафиксированные в сравнительно позднее время, не дают возможность считать, что в древнейшее время сначала все Закавказье, а затем и весь Северный Кавказ и более северные земли были заселены абхазо-адыгскими и чечено-дагестанскими племенами[3].

Концепция И.А. Джавахишвили, какой бы оценки она ни вызывала в настоящее время, дала мощный толчок изучению языков и истории народов Северного Кавказа. Созданный в 1958 г. по инициативе и под руководством З.В. Акчабадзе (ныне член-кор. АН Груз. ССР) специальный отдел истории горских народов Кавказа в Институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР (позже был переименован в «Отдел истории народов Кавказа») изучению истории народов Северного Кавказа, их взаимоотношений с Грузией придал целенаправленный, планомерный характер.

Чтобы полнее показать современное состояние изучения вопросов истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии, группируем соответствующую литературу по двум основным проблемам: 1) социально-экономическое и политическое развитие Северного Кавказа и 2) грузино-северокавказские взаимоотношения.

Вопросы социально-экономического и политического развития народов Северного Кавказа сравнительно позже стали предметом внимания грузинских историков.

Академик АН ГССР С. Н. Джанашиа в статье «Вахушти о грузинском феодализме», анализируя его данные и по Осетии, заключает, что по Вахушти, на примере осетин, в становлении феодальных отношений этнический момент играет значительную роль. Сосредоточив внимание на высказывании Вахушти о большой роли старейшин в решении общественных дел, С.Н. Джанашиа пишет, что «здесь великолепно нарисовано ставшее на путь разложения родовое общество своими патриархами, в руках которых находится правосудие и вершение всех дел общины». Эту картину С.Н. Джа-

---

[2] Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950, с. 247–250.

[3] Очерки истории Грузии, I. Тбилиси, 1970, с. 324 (на груз. яз.).

нашиа считает бытом племен, находившихся в условиях полупатриархального или же патриархального строя. Обратив внимание на сведения Вахушти о том, что осетины и дзурдзуки своим владельцам дают дань, называемую подарком, он замечает, что то, что на языке времен патриархальных отношений называется подарком, для представителей же более развитого феодального общества является ничем иным, как данью. С.Н. Джанашия впервые подметил также, что по Вахушти осетинские общества стояли на различных уровнях социального развития, что, например, Дигории характерно наличие «господ, имеющих крепостных крестьян»[4].

В 1956 г. была опубликована статья З.В. Анчабадзе «Социальное положение фольфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в.». В ней фольфокотлы, составляющие более половины всего горского населения Северо-Западного Кавказа, характеризуются как социальная группа с типичными чертами переходных классов. Этой группе была присуща систематическая дифференциация в социально-экономическом отношении. Незначительная часть их постепенно пробивалась в дворянское сословие, основная же масса теряла свои прежние права, унаследованные от патриархально-общинной эпохи, и все более подпадала в социальную зависимость от феодально-племенной верхушки. В статье приводятся интересные материалы о различных формах классовой борьбы фольфокотлских масс. Автор рассматривает т. н. фольфокотлские «революции» как объективно-регрессивные явления, которые велись с позиции патриархальной демократии. Они не могли изменить тенденцию исторического развития. Сравнительная легкость таких «революций» объясняется обстоятельствами, обычными для раннеклассового общества: социально-политической слабостью господствующего класса, с одной стороны, с другой — относительной организованностью хорошо вооруженной массы свободных общинников, чуждых рабской психологии и забитости крепостных крестьян развитого феодального общества. Фольфокотлские «победы» сами по себе были яркими показателями недоразвитости адыгейского феодализма. Не случайно они достигали больших успехов у тех племен, которые были слабее феодализированы [5].

Изучению социально-экономических отношений в Кабарде в первой половине XIX в. серию статей, затем объединенных в монографию[6], посвятил Т. Дж. Боцвадзе. На основе тщательного анализа

---

[4] Анналы, I, Тбилиси, 1947, с 11—12 (на груз. яз.).

[5] Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, т. II, 1956, с. 201—202, 204—207.

[6] Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. Тбилиси, 1965.

неопубликованных архивных материалов и критического осмысления существующей по проблеме литературы (как дореволюционной, так и советской) он изучил хозяйственно-экономическое развитие Кабарды рассматриваемого периода, соотношение земледелия и скотоводства, формы землевладения, феодальный и зависимый классы, социальные отношения между ними, характер классовой борьбы и др.

Автор рассматривает процесс разложения патриархально-общинного строя в Кабарде в XVI–XVIII вв., протекавший «в условиях длительного и почти постоянного взаимодействия, с одной стороны, с Россией и Грузией, а с другой – с такими отсталыми феодальными государствами, как Турция и Крымское ханство, а также с отдельными объединениями адыго-черкесов, Осетии, Дагестана и др., в которых, подобно Кабарде, также складывались феодальные отношения»[7].

Итоги исследовательской работы Т. Боцвадзе по данному вопросу сводятся к следующим выводам: в первой половине XIX века существовавшие в Кабарде социальные категории (пшиуорки и пшитли), хотя и продолжали еще складываться и развиваться, в целом все же соответствовали высшей ступени раннефеодальных отношений, имея все возможности для перехода к стадии развитого феодализма, несмотря на то, что феодальные порядки в определенной степени были завуалированы сохранившимися в быту многочисленными патриархально-общинными пережитками [8].

М.В. Цинцадзе в своей монографии «Социально-экономическое и культурное положение адыгейцев в XVI–XVIII вв.» (Тбилиси, 1962, на груз. яз.) считает, что к началу позднего средневековья адыгейцы стояли на пути феодализации. С XVI в. они оказались в центре острой политической борьбы, которая велась между Россией, Турцией и Ираном. Это обстоятельство, а также распространение ислама Турцией в XVIII в., отрицательно повлияло на дальнейшее развитие страны.

Адыгейцев рассматриваемого периода автор характеризует как оседлых земледельцев, имевших древнюю и сложную для того времени систему земледелия, основанную на многовековом опыте эффективного севооборота.

Автор характеризует и другие отрасли хозяйственной деятельности адыгов: скотоводство (полукочевого характера), пчеловодство, рыболовство, кустарные промыслы и ремесла. Хозяйство адыгов характеризуется им как полупатриархальное, натуральное, с крайне слабым развитием торговли, не вышедшей из стадии натурального

---

[7] Указ. раб., с. 117–118.
[8] Там же, с. 118.

обмена. Социальный же строй адыгейцев рассматривается как ранняя стадия феодализма, в недрах которого еще отчетливо сохранились пережитки патриархально-общинного строя. Вследствие отсталого экономического базиса и сложной внешней и внутренней обстановки, в которой пребывали адыгейцы в XVI–XVIII вв., феодализация здесь происходила замедленными темпами[9].

Вопрос о социальном строе двалов XIII–XIV вв. – жителей высокогорной зоны Центрального Кавказа в Наро-Мамисонской котловине, ныне входящей в СО АССР, был изучен В.Н. Гамрекели. Путем анализа отрывочных данных родовой летописи ксанских эриставов («Памятник Эриставов») автор приходит к мнению, что до конца XIV века в Двалетии не было феодализма и господствующим являлся общинный строй, что двалы в своем социальном развитии значительно отстали от своих соседей – мтаулов и осетин. Вместе с тем автор находит ряд признаков, свидетельствующих о том, что общинный строй у двалов находился в стадии перерождения. Он же указывает, что в горско-кавказской действительности вместо распадающейся общины заступало феодальное государство – феодализм[10].

Изучение социального строя отдельных народов Северного Кавказа в советской историографии, вообще, и в грузинской, в частности, дало возможность приступить к обобщению того процесса, который привел их к феодально-классовым отношениям. В этом смысле большой интерес представляет статья профессоров З.В. Анчабадзе и А.И. Робакидзе «К вопросу о природе кавказского горского феодализма»[11].

Как отмечают авторы, Северный Кавказ по естественно-географическим условиям делится на равнину, предгорье и высокогорье, характеризующиеся определенными типами ведения хозяйства. Социальные отношения соответствовали им. В результате монгольских нашествий его жители оторвались от магистрального пути исторического развития, «встали в сторону от истории», что определило, по сравнению с равниной, большую сохранность традиционных форм их общественно-экономической жизни.

В XVIII–XIX вв. у горцев Кавказа существовало два типа собственности – частная, которая была господствующей, и общинная собственность. Частная собственность была представлена двумя подтипами – феодальной собственностью (которая также была господствующей) и трудовой собственностью рядовых общинников. Здесь,

---

[9] Указанная в тексте работа, с. 58. 100–101.

[10] Двалы и Двалетия в I–XV вв. Тбилиси, 1961, с. 112–113.

[11] Иберийско-кавказское языкознание, XVIII в. Тбилиси, 1979, с. 111–126 (на груз. яз.).

как и во всех развивающихся феодальных обществах, феодальная собственность медленно, но неуклонно росла за счет земель, находящихся в общинной и индивидуально-трудовой собственности не только путем «тихого» социально-экономического развития, но и путем насильственной экспроприации земель феодалами.

Авторы статьи прослеживают пути возникновения феодально-зависимых отношений у кавказских горцев и подчеркивают, что становление и развитие сословной дифференциации у горцев Кавказа происходило непосредственно на основе разложения общинно-родового строя в условиях военно-демократического строя и развивалось по пути раннефеодального общества. Следствием этого они считают наличие таких пережиточных форм дофеодальных отношений, как семейная община, патронимия, солидарная система правления, кровная месть, общинные формы собственности, аталычество, заложничество, левират, сорорат, авункулат и пр. Это определило живучесть названных пережитков на все время существования феодального общества.

З.В. Ачабадзе и А.И. Робакидзе приходят к заключению, что социальная система кавказских горцев представляла определенную разновидность раннефеодальных отношений. В своем развитии она прошла три ступени – низшую, среднюю и высшую. На низшем уровне раннефеодальных отношений стояли горские общины Чечни и Ингушетии, большинство дагестанских горских «свободных обществ», алагирские и наро-мамисонские осетинские общества. На средней стадии стояли ханства Аварское и Казикумухское, Табасаранское майсумство, большинство осетинских обществ, карачаевцы и балкарцы, «демократические» племена Адыгеи. Между ними была разница, но они были количественного характера и не выходили за рамки средней ступени раннефеодальных отношений. На этой ступени господствующий класс уже сложился, свободные общинники являются основными производителями, дворянство не успело еще сформироваться. На высшей ступени раннефеодальных отношений стояли Кабарда, Засулакская Кумыкия, шамхальство Тарковское, Мехтулинское ханство, низменная часть Табасарана, «аристократические» племена адыгов.

В связи с усилением в позднее средневековье (в XVII–XVIII вв.) экспансии горцев Дагестана на Восточно-грузинскую равнину, грузинские советские историки стали отводить большое внимание изучению этого явления. Исследователей интересовал социальный строй возникших на северо-восточной окраине Кахетии Джаро-Белаканских обществ, образовавшихся из вышедших аварских и цахурских горских дагестанских обществ в XVII в. Впервые этот вопрос поставил И. Петрушевский в монографии «Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия» (Тифл., 1934). Возникновение этих обществ как особых социально-политических об-

разований на Кавказе он считал результатом грузино-дагестанских взаимоотношений. По его мнению, «Джаро-Белаканские аристократические республики в конце XVIII в.— начале XIX в. находились уже в стадии раннего феодализма, сохраняя лишь более или менее значительные пережитки архаической формации». В определении социально-экономического строя Джаро-Белаканских обществ к И. Петрушевскому примыкает М.К. Думбадзе, рассматривая его «смешением черт раннефеодального строя с пережитками родового строя».[12] Т.Г. Папуашвили также считает, что со второй половины XVIII в. в Джаро-Белакани и Елисуйском султанате происходит процесс феодализации, который быстрее проходил в султанате, чем в Джаро-Белаканских вольных обществах[13]. М.К. Думбадзе пишет, что «олезгиневшаяся часть прежнего грузинского феодального слоя была более многочисленная, имела больший социальный вес и сильнее повлияла на процесс феодализации в Джаро-Белаканских обществах, чем это утверждает И. Петрушевский»[14].

Вопросы социально-экономического развития горного Дагестана специально рассмотрел В.Н. Гамрекели в своей докторской диссертации, защищенной в ТГУ 26 января 1972 года и посвященной взаимоотношениям Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке[15]. Вопросы эти он затронул в связи с раскрытием социально-экономической почвы «лекианоба». «Лекианоба», т. е. экспансия горцев Дагестана (букв. «лезгинщина»), он считает социальным явлением, для правильного понимания которого необходимо разобраться в социальной структуре населения горного Дагестана и в тех ведущих социальных процессах, которые имели место там в XVII—XVIII вв.

По мнению В.Н. Гамрекели, население горного Дагестана было организовано в социально-политические образования двух видов: 1) в союзы сельских общин, находившихся на заключительной стадии развития общинного строя и накануне установления откровенно феодальных отношений; 2) в ханства, уже оформившиеся раннефеодальные образования.

Согласно автору, в XVII—XVIII вв. в результате распада общины в общественной жизни решающую роль стала играть общинная верхушка. Общинный строй начал испытывать кризис. Вследствие перенаселенности края ни нуждающиеся общинники, ни феодализирующаяся общинная верхушка не могли удовлетворить на месте свои потребности (первые — в средствах жизни, вторые — в сред-

---

[12] Из истории Восточной Кахетии (Саингило) в XIX в., дореформенный период. Тбилиси, 1953, с. 73, 80 (на груз. яз.).

[13] *Джаро-Белакани*. Тбилиси, 1972, с. 57 (на груз. яз.)

[14] Указ. раб, с. 51, 61—62, 81.

[15] Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1972.

ствах для своего дальнейшего имущественного и социального роста). Таким образом, оба полярных слоя узденей средства для достижения своих целей ищут вне общины. На этой почве возникает и развивается тенденция экспансии.

Далее автор перечисляет формы экспансии: переселение на другие территории вне горного Дагестана, работа по найму или служба в наемном войске вне горного Дагестана, набеги, разбой или многолюдные ополчения. Из этих форм развитие получили такие формы экспансии, как служба в наемном войске, ополчения и набеги. Эти формы экспансии наиболее соответствовали интересам того слоя, который стал выполнять решающую роль в организации общественной жизни общин. Участие в набегах и служба в наемном войске считались почетными, сулили вожакам славу, а большому числу горцев — добычу. Потому-то набеги и наемничество стали промыслом[16].

Автор находит принципиально правомерным и методически оправданным поиск аналогий между эпохой викингов в истории Скандинавии (особенно Норвегии) и периодом «лекианоба» в истории горного Дагестана. Оба эти явления признаются им стадиально близкими в смысле социально-структурного развития соответствующих обществ[17].

О социальном строе горцев Северного Кавказа интересную концепцию выдвинул академик АН ГССР Г.А. Меликишвили[18]. Он отмечает тенденцию преувеличения степени развития феодальных отношений в горных и частично также в негорных районах Кавказа, что приводит к ошибочным выводам. В некоторых регионах Кавказа он признает наличие переплетения элементов как «восточного феодализма», так и «горского феодализма» — напр., сохранение основной массой производителей личной свободы и права на землю, управленческий характер господствующего класса, отсутствие у него в ряде случаев прав наследственной собственности на средства производства и личности производителя. И хотя «горский феодализм» выглядит менее развитым, чем «восточный», типологически близость между ними имеется.

Ввиду того, что такие формы феодализма, как «горский», «кочевой» «восточный» являются самобытно, автономно функционирующими системами и в силу присущих им органических качеств почти не перерастают в развитый феодализм западноевропейского

---

[16] *В.Н. Гамрекели.* Указ. работа, с. 38—41.

[17] Социально-экономическая почва «лекианоба» в XVIII в. «Мацне» (ист. серия), № I, 1972, с 111—124.

[18] К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. Ж. «История СССР», № 6, 1975, с. 47—53.

типа (в котором доминируют основанные на землевладении отношения), автор считает справедливым отказ от применения этого термина («раннефеодальный») в отношении отличного от западноевропейского типа феодализма. В отношении «горского феодализма» он признает более приемлемым использование терминов «дофеодальный», «протофеодальный», чем термин раннефеодальный»[19].

Социальные отношения горских народов Северного Кавказа занимают и грузинских этнографов. На этнографическом материале им были посвящены интересные работы А.И. Робакидзе и Р.Л. Харадзе[20]. Они выявили специфический характер рабства у кавказских горцев, который служил интересам не рабовладельческих, а феодальных отношений[21]. Семейному быту горцев Центрального Кавказа посвящено обстоятельное исследование В.Дж. Итонишвили[22]. Совершенно естественно, что в грузинской советской историографии наиболее значительное место занимают вопросы многогранных взаимоотношений Грузии с народами Северного Кавказа. В течение веков Северный Кавказ представлял для Грузии барьер от кочевых народов, надежный тыл и неиссякаемый источник вспомогательных военных сил в борьбе с разными завоевателями.

И.А. Джавахишвили в своем капитальном труде «История грузинского народа» (в пяти книгах) и в других работах анализировал сведения грузинских и иноязычных источников о союзнических или иного характера отношениях между грузинами и северокавказскими народами. Он считал, что почти все северокавказские народы были в вассальной зависимости от грузинской феодальной монархии, начиная с начала XII века. Для обозначения этих вассально-сюзеренных отношений он ввел термин «кмаднапицоба». И хотя в отношении многих северокавказских народов это положение не подтверждается прямыми историческими сведениями, тем не менее оно безраздельно господствует в грузинской историографии[23].

---

[19] *Меликишвили Г.А.* Указ. раб., с. 52.

[20] Харадзе Р.Л. Сельская община в Балкарии. Материалы по этнографии Грузии, XI, 1960 (на груз. яз.); Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии. «Кавказ» – этнографический сборник (КЭС), II. Т.б., 1968.

[21] *Робакидзе А.И.* Кавказоведческие проблемы грузинской этнографии (КЭС), IV. Тб. 1972.

[22] Семейный быт горцев Центрального Кавказа, I. Семейный быт нахов и осетин. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.); его же. Семейный быт кавказских народов (историографический очерк). Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).

[23] На Научной сессии института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР в апреле 1977 г. Г. Д. Тогошвили подверг критике это положение, считая, что вассальная зависимость многих северокавказских народов исторически не подтверждается. Вассалами Грузии были только горцы, непосредственно граничащие с Грузией.

Интересные наблюдения о грузино-северокавказских взаимоотношениях имеются у С. Н. Джанашиа. Он требовал изучать историю Грузии в тесной связи с историей соседних народов, учитывая ее связи с окружающим миром. Освещая военно-союзнические отношения древней Грузии с народами Северного Кавказа, он указывал и на наличие между ними довольно интенсивных торгово-экономических связей[24].

С.Н. Джанашиа придавал большое значение военной поддержке абхазскому эриставу Леону со стороны его тестя – хазарского кагана в завоевании независимости от Византийской империи[25]. Он же считал, что феодальная монархия Грузии осуществляла идеологическую экспансию на Северном Кавказе – распространяла христианство, посредством которого грузинский язык и письменность стали проникать в среду осетин и черкесов[26]. В специальных работах С.Н. Джанашиа доказывает существование на территории Западной Грузии черкесской топонимики, свидетельствующей о наличии черкесского элемента в населении преисторической Грузии[27]. В статье «Свано-адыгские (черкесские) языковые встречи» рассмотрены не только вопросы родства картвельских и адыгских языков, но и изучены расселение и взаимовлияние народов, носителей этих языков[28].

Заслуживает внимания исследование С.Н. Джанашиа «О генеалогии Эгаате Ингороква», где выяснено происхождение известного грузинского писателя и демократа Э. Ниношвили. На основе разных данных он убедительно обосновал черкесское происхождение фамилии Ингорокава. По фамильным преданиям она вышла из Кабарды и прибыла в Гурию через Абхазию, которая «и поныне явно носит глубокий след интенсивных культурных взаимоотношений с Кабардой»[29]. «В культурной циркуляции предфеодальной и феодальной Грузии энергия других кавказских народов, в том числе, конечно, и абхазо-черкесов, проявляется в немалой степени»,[30] – заключает С. Джанашиа.

Крупный вклад в изучение грузино-северокавказских взаимоотношений внес академик АН ГССР Н.А. Бердзенишвили. У него нет специальных работ, посвященных этой проблеме, но в его трудах по истории Грузии и русско-грузинских взаимоотношений даны

---

[24] Труды, I. Тб., 1849, с . 17, 194–195.

[25] Труды, II. Тб., 1852, с . 322.

[26] История Грузии, учебник для средней школы. Тб., 1946, с 158; Труды II, с 306.

[27] Труды, III. Тб., 1959, с. 117–123.

[28] Труды, III, с 81–116.

[29] Труды, II, с 488.

[30] Там же, с. 490.

основополагающие выводы по многим важным вопросам истории народов Северного Кавказа. Весьма плодотворной нам кажется мысль Н.А. Бердзенишвили о том, что «внешняя политика нашей страны в разное время, враждебные или дружественные отношения нашей страны с соседними народами, так же как война за захват чужих стран, теснейшим образом были связаны с классовой борьбой, проходящей внутри нашего общества... Некоторые из них были результатом этой классовой борьбы, и ни один из них не проходил вне этого общественного явления»[31]. Он требовал по этому же принципу подходить и к грузино-северокавказским отношениям.

Н. А. Бердзенишвили подчеркивал, что феодальная Грузия втягивала в феодальные отношения кавказских горцев, что дагестанцы, дидойцы, дурдзуки, пховцы, мтиулы, осетины, двалы, сваны, джики в продолжение веков боролись с влиянием феодальной равнины, но отсталые горцы постепенно терпели поражение, и феодальные отношения распространялись во все уголки. Вместе с феодализацией осуществлялась и их христианизация[32]. По его мнению, Грузия в XII—нач. XIII вв. осуществляла политику по объединению вокруг себя всего Кавказа, что черкесы и осетины, дурдзуки и хундзи органически участвовали в образовании единого большого кавказского феодального мира, поэтому они не могли остаться вне этого мира, возникшего под главенством Грузии. К концу царствования Тамары все эти северокавказские народы находились среди вассалов царя Грузии и, кроме политического влияния, испытывали и культурное влияние Грузии[33]. В этой связи небезынтересно отметить, что в грузинской и вообще кавказоведческой литературе христианские культовые памятники, встречающиеся в разных районах горного Кавказа, считались построенными грузинскими царями. В посмертно изданных трудах Н.А. Бердзенишвили утверждается, что их строили представители местной знати в качестве доказательства их принадлежности к грузинским феодальным кругам[34].

Примечательно, что Н.А. Бердзенишвили под культурным влиянием не подразумевает механическое перенесение культурных достижений одного народа на другой. По его мнению, субъекта культурного влияния нельзя игнорировать, но «влияние в конце концов в основном определено тем, кто является объектом этого влияния. Поэтому о чужом влиянии можно говорить главным образом с точ-

---

[31] Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии. Вопросы истории Грузии, II. Тб., 1965, с. 5 (на груз. яз.).

[32] Вопросы истории Грузии, VI. Тб., 1973, с. 62 (на груз. яз.).

[33] Вопросы истории Грузии, V. Тб., 1971, с. 159 (на груз. яз.); История Грузии. Учебное пособие под ред. Н.А. Бердзенишвили. Тб., 1958, с. 204—205.

[34] Вопросы истории Грузии, VII. Тб., 1974, с. 91 (на груз. яз.).

ки зрения техники, а не с точки зрения идей. Идеи, если даже они не местного происхождения, должны быть поддержаны местными условиями»[35]. Из этого вытекает, что он рассматривал северокавказское население стоящим на такой ступени социально-политического развития, которая позволяла им воспринимать классовую христианскую религию и вместе с ней письменную (грузинскую) культуру.

Н.А. Бердзенишвили считал, что вытесненные с северокавказской равнины черкеско-абхазские племена, осетины, хундзи и глигвы (чечено-дагестанские племена) двинулись в сторону Закавказья и стали смешиваться с племенами, живущими к югу от Кавказского хребта – абхазами, двалами, лховцами, что процесс этот местами проходил медленно и мирно, а кое-где, особенно в Картли, стремительно и болезненно. Результатом этой экспансии горцев, продолжавшейся веками, явились Джаро-Белакан-Саимгило, Тианети, Юго-Осетия, в Западной Грузии – Абхазия[36].

Ученый коснулся грузино-дагестанских отношений, освещая их, главным образом, в переплетении и в связи с грузино-русскими и грузино-турецко-иранскими отношениями.

В труде «Дороги в эпоху Руставели» (Тб., 1966) Н.А. Бердзенишвили высказал интересные соображения о маршрутах, политическом и экономическом значении перевальных дорог через Кавказский хребет, о периодах их оживления или захирения в зависимости от развития исторических событий как на Кавказе, так и на международной арене. Перевальные пути признаны местами интенсивных экономических и культурных взаимоотношений между странами юга и севера.

По грузино-северокавказским взаимоотношениям интересные наблюдения имеются у академика АН ГССР Г. А. Меликишвили. Им была высказана мысль, что в древнейшее время (в эпоху поздней бронзы и в античное время) на территории Грузии рядом с грузинскими племенами, должно быть, проживали различные племена абхазо-адыгского и чечено-дагестанского происхождения[37]. Обратив внимание на то, какое место занимает мотив взаимоотношений Грузии с северокавказскими горцами в «Картлис цховраба», и именно на то, что среди первых фарнавазианов (царской динас-

---

[35] Вопросы истории Грузии, II, с. 48.

[36] Вопросы истории Грузии, III. Тб., 1966, с. 288; VI, с. 125.

[37] К вопросу древнейшего населения Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тб., 1965, с. 78–79; Очерки истории Грузии, I. Тб., 1971, с 356. 431–432. Эта мысль автора вызывает возражения среди грузинских ученых. См.: О.М. Джапаридзе. Арх. раскопки в Триалети. Тб., 1969, с. 235; Д.Л. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии. Тб., 1977, с. 63–64 (все на груз. яз.).

тии Картли-Иберии) встречаются имена североиранские (скифо-сарматские), Г. Меликишвили считает это показателем той большой роли, которую северокавказские объединения играли в истории Картли на заре ее государственности[38]. Анализ грузино-северокавказских связей первых веков нашей эры позволяет ученому считать, что военно-политическое могущество Иберии в значительной степени опиралось на мирные и союзнические отношения с соседними горскими и кочевыми племенами[39].

В настоящее время в грузинской историографии уже имеются монографии по вопросам взаимоотношений Грузии со всеми основными народами Северного Кавказа.

Грузино-дагестанские связи в XVI—XVIII вв. впервые монографически изучила Д.Г. Мегреладзе в своей кандидатской диссертации «Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений» (Тбилиси, 1954). В сжатом виде основные положения диссертации были опубликованы позже в статье под тем же названием[40]. Д.Г. Мегреладзе рассматривает эти взаимоотношения в плоскости проблемы связей населения высокогорья и низменности. Автор подчеркивает наличие между Грузией и Дагестаном длительных экономических и культурных взаимоотношений, иллюстрируя их убедительным фактическим материалом. В позднее средневековье в эти отношения вкрались негативные явления, связанные с набегами дагестанских феодалов и племенных вождей — беладов на равнину Восточной Грузии. Основная часть труда посвящена именно этому явлению «лекианоба», принявшему весьма болезненный и опасный для Грузии характер.

Грузино-дагестанским отношениям посвящена монография Т. Дж. Боцвадзе «Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений в XV—XVIII вв.». В ней грузино-дагестанские политические отношения исследуются в двух направлениях: 1) как развивалась экспансия дагестанцев во всех формах ее проявления на Восточную Грузию, какие проблемы вставали в связи с этим перед грузинским феодальным обществом, как оно пыталось их решить; 2) как вплетался дагестанский вопрос во внешнеполитические отношения Грузии с Ираном, Турцией и Россией, какие изменения претерпевали грузино-дагестанские отношения под влиянием внешнеполитических факторов. Автор проводит мысль, что межкавказские взаимоотношения большей частью обусловливались взаимоотношениями России, Турции, Крыма, Ирана. Дагестанский вопрос он считает

---

[38] К истории древней Грузии. Тб., 1959, с. 39.

[39] Очерки истории Грузии, I, стр. 31 (на груз. яз.).

[40] «Мацне» — Вестник отдел. общ. наук. АН ГССР, 1967, № 6. с. 117—140 (на груз. яз.).

основным внешнеполитическим вопросом Грузии и набеги дагестанских феодалов ставит на одну доску с иранской и турецкой агрессией. По его мнению, дагестанский вопрос заставлял Грузию искать сближения с Россией и в конечном итоге предопределил присоединение ее к России.

Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в историческом прошлом стали предметом изучения А.И. Шавхелишвили[41]. На основе исторических источников он дает характеристику грузино-вайнахским экономическим, культурным и политическим взаимоотношениям, игравшим важную роль в жизни обеих сторон. В своих многочисленных статьях, публикуемых на грузинском, русском и вайнахском языках, он много внимания уделяет взаимоотношениям между вейнахами и грузинскими горцами в области материальной и духовной культуры, процессам этнической инфильтрации между ними, связывающим их путям и другим .вопросам истории этих народов[42].

В общей проблеме грузино-северокавказских отношений по своей давности и интенсивности особое место занимают грузино-осетинские взаимоотношения. Им посвящены четыре монографии и ряд статей Г.Д. Тогошвили, раскрывающие экономические, политические и культурные связи между Грузией и Осетией с древнейших времен до установления в Грузии Советской власти. Грузино-осетинские многовековые взаимоотношения под влиянием различных факторов, меняя как формы правления, так и характер, как правило, оставались взаимовыгодными, дружественными[43].

Грузино-кабардинские отношения рассматриваются в монографии Т. Дж. Боцвадзе «Из истории грузино-кабардинских отноше-

---

[41] Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до IV в.), Грозный, 1963; Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XVI–XVIII вв. Тб., 1980 (на груз. яз.).

[42] Из истории материальной культуры Тушетии и Чечни. КЭС III, 1970; Из истории взаимоотношений Тушетии и Чечено-Ингушетии (XVI–перв. пол. XIX в.), «Орга», № 2, 1974 (на чеч. яз.); то же в ж. «Утро гор», № 4, 1974. Террит. расселение тушин и связывающие их с Чечено-Ингушетией дороги. Мацне. № 2, 1972; Из истории горцев Восточной Грузии. Тб., 1976 и др.

[43] Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.). Сталинир, 1958; Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв. Тбилиси, 1969; Взаимоотношения между грузинским и осетинским народами в 1801–1921 гг. Тб., 1969; Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тб., 1977 (на груз. яз.); Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России. Сборник трудов Сев.-Осет. НИИ, т. XXXI (история). Ордж., 1976, с 131–149.

ний XVI–XVIII вв.» (Тб., 1963, на груз. яз.). В ней освещены не только непосредственные связи между позднесредневековыми грузинскими политическими единицами и кабардинской знатью, но и роль Кабарды в развитии русско-грузинских отношений. Автор рассматривает Кабарду как своего рода золотой мост, посредством которого Грузия прорвала вражеское окружение и, связав свою судьбу с Россией, вышла на путь европейского развития.

Т.Дж. Боцвадзе специально изучил роль северокавказских народов во взаимоотношениях России и Грузии в XVI–XVIII вв. По его мнению, в указанный период во внешней политике Грузии основное место занимали политические связи с Россией, а в развитии русско-грузинских отношений позиция северокавказских политических образований имела весьма важное значение, поскольку эти связи могли осуществиться только через Северный Кавказ. Автор подчеркивает, что несмотря на реакционные позиции определенных правящих кругов северокавказских политических образований, в целом они сыграли положительную роль во внешнеполитических отношениях Грузии. Это он объясняет совпадением их политических интересов — с одной стороны, борьбой против ирано-турецкой агрессии, с другой — стремлением к сближению с Россией[44].

Экономическим связям Восточной Грузии с Северным Кавказом посвящены труды В.Н. Гамрекели[45]. В них характеризуются экономические связи с различными ареалами Северо-Восточного Кавказа, выделенными автором для более точного представления картины этих связей. Автор наметил три таких ареала: 1) Высокогорье Большого Кавказа, 2) Северокавказское побережье Каспия и 3) Поселения Притеречья. Торговые связи Грузии с каждым из этих ареалов складывались и развивались особо и имели различный характер.

Некоторые аспекты грузино-северокавказских торговых связей рассматриваются также в статье М. Самсонадзе «Из истории внешней торговли Грузии в конце XVIII–нач. XIX в.»[46].

В 1974 г. вышла книга Д.К. Степнадзе «Политические взаимоотношения Грузии с народами Кавказа в XII в.». В ней одна глава посвящена грузино-северокавказским взаимоотношениям. Автор, в

---

[44] *Т. Дж. Боцвадзе.* Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тб., 1974.

[45] Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., I и II. Тб., 196S 1977; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тб., 1968. В этой книге подробно рассматривается вопрос о возникновении грузинских поселений в российских пределах Северного Кавказа и их роли в общественной жизни Северного Кавказа, в развитии связей Грузии с Северным Кавказом и Россией.

[46]Мацне (ист. серия), № 1, 1972, с. 20–31 (на груз. яз.).

отличие от установившегося в грузинской историографии взгляда, проводит мысль, что средства и методы политической экспансии Грузии на Северном Кавказе были идентичны ее политике в отношении закавказских соседей и что северокавказские народы уже на рубеже X–XI вв. попадают в вассальную зависимость от Грузии[47].

Некоторые вопросы абхазо-адыгских взаимосвязей освещены в монографии З.В. Анчабадзе «Из средневековой истории Абхазии» (Сухуми, 1959). О взаимосвязях грузинских и северокавказских горцев говорится в монографиях С. И. Макалатия «Мтиулети» (1930), «Хевсурети» (1930), «Горная Рача» (1930), «Тушети» (1933), «Пшави» (1934), «Хеви» (1934), «Боевые и оборонительные сооружения в Нагорной Грузии» (1945) (Все изданы в Тбилиси на груз. яз.). Заслуживает внимания статья З.В. Анчабадзе и М.В. Цинцадзе «Грузия и Северный Кавказ в XII – первой половине XIII в.», в которой показано значение существующих интенсивных и многогранных связей для обеих сторон[48].

Вопросам грузино-адыгейских хозяйственно-экономических и культурных связей в позднее средневековье посвящена статья М. В. Цинцадзе[49].

В книге С. Рехвиашвили «Из истории дружбы между грузинскими и северокавказскими горцами» (Тб., 1977, на груз. яз.) впервые в грузинской историографии освещена существующая между горцами Западного Кавказа практика искусственного родства (кердзоба – куначество) и связанные с ней обычаи, способствующие развитию торгово-экономических и культурных связей между ними.

В.Н. Гамрекели посвятил ряд работ двалам, жителям высокогорной части Центрального Кавказа. Они причислены им к нахским племенам, на различных стадиях своего исторического развития ассимилированных грузинами и осетинами. Памятники материальной культуры из этого региона рассматриваются в аспекте грузино-северокавказских взаимосвязей[50].

---

[47] Соображения автора встретили возражение (докл. Г.Д. Тогошвили на XXVI Научной сессии Института истории, археологии и этнографии АН Груз. ССР, 1977, и его же книга «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах». Тб., 1977, на груз. яз.).

[48] Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966 (на груз. яз.).

[49] Из истории грузино-адыгских экономических и культурных взаимоотношений. Сообщения АН Груз. ССР, XLV, № 2, 1967, с. 553–558.

[50] Двалы и Двалетия в I–XV вв. Тб., 196. К анализу топонимики Двалетии. Труды Инст. истории, т. V, в. I, 1958 (на груз. яз.). Исторические материалы из Двалетии. Вестник Госмузея Грузии, т. XXIV–B, 1963; Двалетские ворота на Центральном Кавкасиони (пограничные укрепления), «Дзеглис мегобари» (Друзья памятников культуры), № 5, 1965; Материалы к истории взаимосвязей Двалетии и Картли, «Дзеглис мегобари», № 14, 1968.

Отдельные вопросы русско-грузино-осетинских связей нашли отражение в статьях В.Г. Мачарадзе[51].

Много работ было посвящено грузино-северокавказским культурным связям. Одни из них касаются грузинских надписей, встречающихся в горных ущельях Северного Кавказа на стенах культовых сооружений, другие – памятников материальной культуры (церквей, башен и т. д.), третьи – распространению рукописных грузинских церковных книг среди горцев Северного Кавказа и т. д.[52]

---

[51] Из истории русско-осетинских отношений в 80–90 гг. XVIII в. Сообщения АН Груз. ССР, XLIV, № 2, 1966; К вопросу о присоединении Северной Осетии к России. Тезисы докладов Научной сессии истфака ТГУ и кафедр истории пединститутов Грузии. Тб., 1967, с. 12–13; Описание осетинских деревень Д. Эристави (80-х гг. XVIII в.), Мацне, № 1, 1967, с. 110–121.

[52] *А. Чикобава.* Грузино-хундзская надпись XIV в. из Дагестана. Сообщ. АН ГССР, т. I, № 4, 1940; *М.И. Джандиери, Г.И. Лежава.* Архитектура горных районов Грузии. М., 1940; *З. Долидзе.* Хозита-Майрам – документ культурных взаимоотношений Грузии с народами Северного Кавказа. Сообщ. АН ГССР, т. XV, № 2, 1954; *его же:* Архитектурные памятники в с. Тли – новый документ культурных связей Грузии и Двалетии. Сообщ. АН ГССР, Т. XXI, № 6, 1968; *Т. Гудава.* Две надписи (грузинская и грузино-хундзская) из Дагестана. Материалы для истории Грузии и Кавказа, в. 30. Тб., 1954; *Г.С. Ахвледиани.* Историческая справка о Двалетии и двалах; *его же:* По поводу обнаружения Зарамагской псалтыри (сборник избранных работ по осетинскому языку, I. Тб., 1960); *А.Г. Шапидзе.* Одна страница из грузино-осетинских культурных взаимоотношений. Мацне, № 1, 1964 (на груз. яз.), *Р.О. Шмерлинг.* Церковь Датуна в Дагестане. Мацне, 1968, № 2; *Г.Г. Гамбашидзе.* Отчет об археологических изысканиях в христианских храмах «Ткоба-Ерды» и «Алби-Ерды» в Ингушетии. Сб. «Археологические исследования в Грузии в 1969 г.». Тб., 1971; Грузинская псалтырь в Ингушетии. Тезисы Научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Тб., 1972, с. 21–22; К объяснению названия храма Ткоба-Ерда. Мацне (ист. серия), № 2, 1974; Памятники грузинской культуры в Двалетии, ж. «Сабчота Хеловнеба, №3, 1976; Зов веков (памятники грузинской культуры в Дагестане). Газ. «Комунисти», 9, VII, 1977; *Л. Лимшиашвили, М. Антадзе.* Результаты реставрационных работ, проведенных на Ткоба-Ерды, «Дзеглис мегобари», 1971, № 26. *Л.Г. Цитланадзе.* Дарьяльская крепость. «Дзеглис мегобари», 1971, № 27–28; *ее же:* Итоги археологического исследования в Хеви, Мацне (истор. серия), № 1. 1977, с. 93–108 (на груз. яз.); *З.Ш. Дидебулидзе.* Из культурных взаимоотношений Грузии и Центрального Предкавказья в X–XII вв. (по данным материальной культуры). Мацне (ист. серия, № 1, 1973; Корни дружбы уходят в глубь веков. Ж. «Лит. Грузия», 1973, № 9; Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья (X–XII вв.), автореф. канд. дисс., 1974. *В.Г. Мачарадзе.* К истории первой печатной осетинской книги. Ж. «Литературная Грузия», № 2, 1967; *Д. Г. Гвасалия.* Арагвские ворота (Дариалани). Разыскания по истории Военно-Грузинской дороги. Мацне (ист. серия), № 2, 1972, с. 30–44 (на груз. яз.).

Следует отметить ту большую работу, которую ведут грузинские этнографы в области кавказоведения. На этнографическом материале они выявляют грузино-кавказские культурно-исторические и генетические связи, общие черты культуры и быта, хозяйственных занятий, обусловленных общностью происхождения, сходными общественно-экономическими условиями, взаимным обогащением. В трудах грузинских этнографов выявлены те явления культуры и быта, которые характеризуют культурно-историческую общность народов Кавказа. Таковыми признаны отгонная система скотоводства, интенсивное полеводство со сложной системой орошения, с особыми формами пахотного орудия, патронимическая форма поселения, монументальные жилые и боевые комплексы, структура и порядок распределения в большой семье, соблюдение единых форм адата и некоторых обычаев и обрядов горцами Кавказа независимо от этнической принадлежности и религиозной веры и т. д.[53]

---

[53] *А.И. Робакидзе.* Форма поселения в Балкарии. Материалы по этнографии Грузии (МЭГ), XI, 1960; МЭГ, XII–XIII, 1963; Кавказский этнографический сборник, I, 1964; *его же:* Жилища и поселения горных ингушей, КЭС, II, 1968; *Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе.* К вопросу о нахской этнонимике, КЭС, II; *А. И. Робакидзе, Г.Г. Гегечкори.* Формы жилища и структура поселения горной Осетии, КЭС, V в. I, 1975; *Б. В. Гамкрелидзе.* Скотоводство в горной Ингушетии, автореф. канд. дис. Тбилиси, 1969; *его же:* Формы землепользования в горной Ингушетии. Саисторио Кребули, II , 1971; *его же:* Система скотоводства в горной Осетии, КЭС, V3, 1980; *Н. В. Джавахадзе.* Термины родства у горных ингушей, КЭС, II; *Г. Г. Гегечкори.* Жилище типа «цча» в ущелье реки Армхи и ее притоков, КЭС, II;. *В.Д. Итонишвили.* Пережитки семейной общины в горной Ингушетии, КЭС, II. М.*В. Кантария.* К вопросу о формах землевладения и землепользования в Кабарде на рубеже XIX–XX вв. Материалы по этнографии Грузии, X, 1959 (на груз. яз.); ее же: К вопросу о некоторых трудовых объединениях, связанных со вспашкой в Кабарде. Сб. статей по истории Кабарды и Балкарии в VIII в., 1959; *ее же:* Из истории хозяйственного быта в Кабарде (кабардинские пахотные орудия); Некоторые обряды, связанные с земледелием. КЭС, I, Тб., 1964; *ее же:* Полеводство в Кабарде (по этнографическим материалам), автореф. канд. диссертации. Тб., 1965; *ее же:* О некоторых пережитках аграрного культа в Кабарде, Ученые записки адыгейского НИИ, т. VIII, Майкоп, 1968; *ее же:* Некоторые способы исчисления времени в Чечено-Ингушетии, Мацне, № 4, 1977; *ее же:* Об особенностях механизма преемственности и передачи традиций. Мацне, № 4, 1978; *ее же:* Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии, КЭС, т. V, 1980; *Г. Чачашвили.* Грузино-адыгейские этнографические параллели в народном ткачестве. МЭГ, XII–XIII, с 361–380 (на груз. яз.); *Г. Чиковани.* Из общественного быта осетин – ныхас, автореферат канд. дисс, Тб., 1973; Структура ущелий Северной Осетии в прошлом по нихасам, «Саисторио Кребули», II. Тб., 1971 (на груз. яз.) и др.

Вопросы совместной борьбы грузинского и северокавказских народов, их революционное содружество в борьбе за свержение царского самодержавия и за победу и упрочение Советской власти освещены в трудах А.П. Лежава[54]. Экономическим и культурным взаимоотношениям трудящихся Грузии и Северного Кавказа в предвоенный период (в 1921 —1941 гг.) посвящена кандидатская диссертация Г. Д. Тогошвили[55].

В грузинской советской историографии имеются работы, касающиеся отдельных вопросов средневековой истории народов Северного Кавказа. Среди них нужно упомянуть работы З.В. Анчабадзе «Кабарда и политика России на Кавказе в XVIII в.»[56], «Взаимоотношения балкарцев с соседними народами Кавказа в XVI—первой пол. XIX в.»[57], «Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских источников XII—XIII вв.»[58], З. В. Анчабадзе и Т. Д. Боцвадзе «Взаимоотношения Грузии с Кабардой и Балкарией в XVI—XVIII вв.»[59], М. Мургулия «К вопросу об этногенезе кипчаков»[60].

Разработка отдельных вопросов истории народов Северного Кавказа, их взаимоотношения с Грузией позволили созданию обобщающего труда «Очерки истории горских народов Кавказа», I том которого, охватывающий период с древнейших времен до «конца XVIII века, вышел в Тбилиси на груз. яз. в 1969 году[61], а II том (с 1801 года до Февральской революции 1917 года) — в 1978 году.

«Очерки» были составлены сотрудниками Отдела истории народов Кавказа: З.В. Анчабадзе, Т.Д. Боцвадзе, Г.А. Гасвиани,

---

[54] Революционное содружество грузинского и северокавказких народов в борьбе против деникинщины. Тб., 1970 (на груз, яз.); Из истории революционного содружества народов Грузии и Северного Кавказа (1900—1917 гг.). Тб., 1971 (на груз. яз.); из истории революционного содружества народов Грузии и Северного Кавказа (1905— 1921 гг.). Тб., 1973; Революционное содружество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе за победу Социалистической революции. М., 1978; Из истории борьбы за светлое будущее. Тб., 1980 (на груз. яз.).

[55] Экономические и культурные связи Грузинской ССР с народами Северного Кавказа. Автореф. канд. диссерт., Тб., 1971; В.И. Ленин об экономических взаимоотношениях Грузинской ССР с Северным Кавказом. Мацне, № 2, 1970; Из истории социалистического соревнования трудящихся Грузии и Северного Кавказа. Мацне (ист. серия), № 3, 1977 и др.

[56] См. в книге «История Кабарды». М., 1957.

[57] См. в книге «История балкарского народа». Нальчик, 1961.

[58] Сборник материалов научной сессии. Нальчик, 1960.

[59] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. М., 1967.

[60] Труды ТГУ. Т. XI, Тб., 1965.

[61] Отзыв на I том «Очерков» был напечатан в журнале «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» (общественные науки), № 3, 1975 г.

А.П. Лежава, Г.Д. Тогошвили, А.И. Шавхелишвили и М.В. Цинцадзе под научным руководством и редакцией 3. В. Анчабадзе.

В «Очерках» освещены вопросы социально-экономической, политической и культурной истории горских народов Северного Кавказа. Должное внимание уделено этническим процессам, происходящим на Северном Кавказе на различных этапах их исторического развития, их взаимоотношениям как между собой, так и с Грузией, а в позднее средневековье и в новое время — с Россией, сыгравшей решающую роль в исторических судьбах народов Кавказа вообще.

В настоящее время у грузинских историков имеются все условия расширить и углубить исследование вопросов истории народов Северного Кавказа, их взаимоотношений с Грузией. Перспективные планы научно-исследовательской работы грузинских ученых в этом плане обнадеживают.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Статья Г.Д. Тогошвили извлечена из сборника «Грузино-северокавказские взаимоотношения». Тбилиси, «Мацниереба», 1981 (на рус. яз.).

**Из-за специфичности и библиографического характера статьи редакция сочла необходимым сохранить без изменения форму подачи научного (ссылочного) аппарата.

РАЗДЕЛ III

М.Р. Гасанов

Г.Д. ТОГОШВИЛИ – УЧЕНЫЙ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРУЗИНО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ*

Изучение взаимоотношений и взаимовлияния народов Кавказа – одно из важнейших направлений отечественного кавказоведения. Большой вклад в становление и разработку данной проблемы внес профессор Георгий Давидович Тогошвили (1932–1989) – многие годы заведовавший отделом истории народов Северного Кавказа Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР.

Судьба Г.Д. Тогошвили типична для многих ученых его поколения. Он родился в деревне Тогоиани Каспского района Грузии в бедной осетинской семье. В 1954 г. закончил исторический факультет Горийского педагогического института и в этом же году поступил в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии АН Грузии, в котором проработал до конца своих дней.

Свои научные интересы Г.Д. Тогошвили сразу же связал с малоизученной в то время проблемой грузино-осетинских взаимоотношений, которая и стала главным направлением его научной деятельности. Разрабатывая ее, ученый защитил сначала кандидатскую (1959), а затем докторскую (1971) диссертации, основные положения которых были опубликованы в десятках статей и трех монографиях [1–3]. Работы Г.Д. Тогошвили отличает широкий тематический, географический и хронологический диапазон исследования, привлечение богатого фактического материала, научная честность и добросовестность.

Вопросы взаимоотношений Грузии с осетинами рассматриваются Г.Д. Тогошвили в контексте взаимоотношений Грузии с другими народами Северного Кавказа, а также с Россией на протяжении значительного периода – с древнейших времен до первой четверти XX в. При таком подходе автору пришлось самостоятельно разрешать целый комплекс сложных и разносторонних вопросов источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, истории многих народов Кавказа. Ученый внес значительный вклад в исследование этнической истории осетинского народа, рассмотрел такие важные и сложные проблемы, как происхождение осетин, причины и ход их миграции, расселение осетин на территории Гру-

зии, влияние на этнографические процессы на Северном Кавказе, взаимоотношений Алании и Византии.

Эти вопросы решались Г.Д. Тогошвили на основе сравнительного обобщения накопленных к тому времени археологических материалов, данных антропологии, языкознания, этнографии, фольклористики и других дисциплин. Особое внимание он уделил извлечению и текстологическому анализу данных об отношениях Грузии с предками современных осетин из письменных источников: римских (Плиний Старший, Иосиф Флавий, Корнелий Тацит, Флавий Арриан), византийских (Прокопий Кесарийский, Николай Мистик), армянских (Мовсес Хоренаци) и арабских (Масуди, Ибн-Руст) писателей, ученых, путешественников. При этом значительное место в его трудах занимает анализ сведений по данной проблеме грузинских летописей, исторических сочинений (Картлис цховреба, Вахушти Багратиони) и грамот.

Результаты этих исследований легли в основу работ Г.Д. Тогошвили по древнему и средневековому периоду грузино-осетинских отношений, а также опубликованы в сборниках документов, источниковедческих статьях и монографиях о Л. Мровели, В. Багратиони и др. Выявленные и обобщенные ученым материалы о грузино-осетинских экономических, политических и культурных взаимосвязях на протяжении многих веков составляют источниковую базу названных проблем, хотя некоторые положения его первых книг в настоящее время устарели. В частности, современные археологические данные и другие источники приводят исследователей к выводам о более сложном, чем это представлялось Г.Д. Тогошвили, характере этнических процессов на Северном Кавказе в древности и средневековье, генетической преемственности скифо-сармато-аланских племен с современными осетинами.

Несмотря на фрагментарность и противоречивость использованных источников, Г.Д. Тогошвили удалось уточнить ряд спорных вопросов исторической географии Кавказа, осветить проблемы расселения грузин и осетин. С XI по XIII в., по его мнению, устанавливается в основном мирными средствами взаимовыгодная в целом союзно-вассальная зависимость Осетии от Грузии. В этой связи он специально рассмотрел матримониальные связи правящих кругов Грузии и Осетии, в частности, династические браки XI–XIII вв., гарантировавшие в средние века государствам взаимоподдержку и сотрудничество [4–5].

Ученый убедительно показывает катастрофические последствия нашествия монгольских и других завоевателей на Кавказ, их влияние на состояние межэтнических контактов, в том числе на грузино-осетинские взаимоотношения. В отличие от многих кавказове-

дов, Г.Д. Тогошвили был сторонником версии о переселении осетин на территорию Грузии (впоследствии получившей название Юго-Осетии) только под воздействием нашествия монголов. Он выражал сомнение в возможности массового переселения предков осетин на южные склоны Кавказа в более ранние эпохи, хотя и приводил в своих работах сообщения источников о таких фактах. Изучение большого комплекса фактов истории XV–XVIII вв., периода распада единой Грузии, привели его к выводу об отсутствии в это время стабильной этнической и политической границы между Осетией и грузинскими феодальными владениями.

Рассматривая политические взаимоотношения Осетии и Грузии в указанный период, Г.Д. Тогошвили избегал упрощения. Он не только выявлял позитивные факты экономических и культурных контактов, различные формы боевого содружества осетин и грузин в борьбе с бесконечным потоком иноземных нашествий, но и анализировал частые столкновения осетин и других горских народов Северного Кавказа и Закавказья с грузинскими царствами и феодальными владениями. Исследование всего комплекса данных источников позволило ему доказать, что этнический момент в этих конфликтах не играл существенной роли. Корни отмеченных процессов он видел в социально-экономических изменениях в грузинском и горских обществах и последствиях нашествий монголов, шахского Ирана и Османской империи.

Заслугой Г.Д. Тогошвили является убедительный показ значения для экономических и военно-политических взаимосвязей Грузии, Осетии, других народов Северного Кавказа и России основных перевальных путей – «Дарьяльские ворота» (Военно-Грузинская дорога), «Двалетский» (Военно-Осетинская дорога), «Такверский» (из Дигории в Лечхуми) и Абхазский (через Клухорский перевал – Военно-Сухумская дорога). Им прослежена эволюция роли этих перевалов на различных этапах истории, вплоть до начала XX в.

На значительном конкретном материале Г.Д. Тогошвили раскрыл выгоду грузино-осетинских экономических отношений, восходящих к глубокой древности и не прекращавшихся в годы многочисленных междоусобиц и нашествий иноземных захватчиков. Экономические взаимоотношения между осетинами и грузинским населением (картлийцами, имеретинцами и др.) ученый рассматривал как взаимоотношения горцев с жителями равнинных районов. Они осуществлялись в типичных для таких взаимосвязей формах, выражавших естественную экономическую зависимость горных, в основном скотоводческих, районов от продуктов земледелия равнин Картли и Имерети.

Г.Д. Тогошвили на основе многочисленных материалов выявил значение углубления грузино-осетинских взаимоотношений для разви-

тия союзных отношений Грузии и Осетии с Россией, завершившихся последующим присоединением к ней.

Как отмечал ученый, на всем протяжении самостоятельного существования феодальная Грузия и ее правящие круги в условиях сложной международной обстановки на Кавказе вели в отношении осетин разную политику. Они стремились полностью подчинить южных осетин, а с северными — старались сохранять нормальные, добрососедские отношения, чтобы в необходимых случаях обеспечить себе военную поддержку с их стороны.

Важное место в исследованиях Г.Д. Тогошвили занимают вопросы историко-культурных взаимоотношений Грузии с Осетией и другими народами Северного Кавказа. Он подчеркивал прогрессивное значение христианизации Осетии, рассматривая ее как дальнейшее развитие грузино-осетинских политических и культурных связей. Он считал неубедительными доводы дореволюционных ученых и деятелей церкви о ранней христианизации Осетии (I—IV вв. н.э.) и связывал ее начало с миссионерской деятельностью византийских церковников (VI в.), которая привела к официальной христианизации Осетии в начале X в. При этом ученый проследил постепенное вытеснение Грузией византийского влияния как в религиозной, так и в культурных областях жизни Осетии.

Серьезное внимание уделил Г.Д. Тогошвили деятельности «Осетинской духовной комиссии», организованной русским правительством в 1744 г., и грузинских церковных деятелей, эмигрировавших в Россию. Он отмечает не только вклад «Комиссии» в распространение православного христианства в Осетии, но и ее роль в усилении предпосылок присоединения Осетии к России, укреплении русско-грузинских отношений. Подробно охарактеризована им роль многих деятелей «Осетинской комиссии» в распространении в Осетии письменности на грузинском, осетинском и русском языках, развитии просвещения. Следует отметить взвешенность и объективность ученого в освещении роли христианской миссионерской деятельности в распространении просвещения среди осетин, его позиция почти полностью была свободна от традиционных идеологических стереотипов недавнего прошлого. Думается, что в таком подходе нуждается и изучение роли ислама в осетинском обществе.

Если общественная мысль Осетии второй половины XIX — начала XX в. прослежена довольно полно [6—8], то начальный этап развития общественной мысли, просветительства в Осетии в первой половине XIX в. известны в меньшей степени. В этом отношении труды Г.Д. Тогошвили продолжают оставаться наиболее насыщенными фактическим материалом, важными наблюдениями, открывая интересные перспективы разработки этой темы. Им исследова-

на деятельность первых осетинских просветителей (И. Ялгузидзе), вклад грузинских просветителей (Я. Картлешвили, 3. Гвимрадзе, Д. Наскидашвили, Г. Церетели) в осетинскую культуру и осетинских (Г. Джатишвили) – в грузинскую. Освещает он и становление в Осетии духовного и светского образования в XIX в.

Г.Д. Тогошвили показывает, как тяжело жилось при царском колониализме народам Северного Кавказа и Грузии, и подчеркивает, что это явилось одной из причин широкого народно-освободительного и антифеодального движения на Кавказе. Он раскрывает роль и различные цели социальных слоев в этой борьбе, анализирует совместную борьбу трудящихся Грузии, Осетии и других народов Кавказа во второй половине XIX в. и в трех русских революциях. В связи с этим он рассматривает вопросы пореформенного развития Северной и Южной Осетии, ход утверждения на Кавказе капиталистических отношений.

Анализ сложных проблем грузино-осетинских и северокавказских отношений привлек внимание Г.Д. Тогошвили к изучению социально-экономических отношений у различных народов Северного Кавказа. Результаты этих исследований легли в основу коллективной монографии грузинских историков «Очерки истории горских народов Северного Кавказа» [9], одним из основных авторов которой он был. В I томе им написаны такие разделы, как «Северная Осетия в XI–XV в.», «Адыгейцы в XI–XV вв.», «Вайнахи в XI–XV вв.», «Дагестан в XI–XV вв.», «Тюркоязычные народы Северного Кавказа» и др.; во II томе – раздел «Северный Кавказ в пореформенный период XIX в.»[1].

Исследователь не обошел вниманием и вопросы историографии Северного Кавказа. В его работах проанализирован вклад в кавказоведение дореволюционных и советских грузинских историков – М. Джанашвили, Н.А. Бердзенишвили, З.В. Анчабадзе и др. [10–11].

Г.Д. Тогошвили был не только крупным ученым, но и организатором науки. Под его руководством отдел истории народов Северного Кавказа Института истории, археологии и этнографии АН Грузии продолжил традиции грузинской исторической науки в изучении грузино-северокавказских отношений и утвердился как ведущий научный центр в разработке этих проблем.

Результаты своих исследований Г.Д. Тогошвили использовал в учебном процессе. Он читал спецкурсы по грузино-северокавказским взаимоотношениям в Юго-Осетинском и Северо-Осетинском

---

[1] Оценку этого издания см. в рецензии З.Ш. Дидебулидзе в журнале «Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки». 1980. №1. С. 97–99.

университетах, других вузах Северного Кавказа. Под его руководством получили путевку в науку десятки ученых Северной и Южной Осетии, Дагестана, Чечни и Ингушетии, Адыгеи и др.

Профессор Г.Д. Тогошвили был замечательным человеком, истинным интернационалистом. Не будет преувеличением сказать, что он был гением доброты, настоящим горцем в полном смысле этого слова. Каждая моя встреча с ним за многие годы (я его знал с 1963 г., когда, будучи аспирантом, впервые познакомился с ним в Тбилиси) была не похожа на предыдущую, отличалась каким-то особенным штрихом, была согрета теплотой его искреннего отношения. Необычайное личное обаяние, светлый и острый ум, доброжелательность и простота снискали ему искреннюю любовь и глубокое уважение ученых, коллег, студентов и всех тех, с кем ему приходилось хотя бы однажды встретиться.

Труды Георгия Давидовича Тогошвили – яркое свидетельство общности исторических судеб народов Кавказа, которые, несмотря на драматические и трагические страницы истории, на протяжении многих веков находили мирные средства разрешения конфликтов. Определяющими в их жизни были взаимовыгодные, взаимообогащающие экономические, политические и культурные отношения. Введенные в научный оборот Г.Д. Тогошвили источники, его выводы и наблюдения по рассматриваемой проблематике занимают достойное место в науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Тогошвили Г.Д.** Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.). Цхинвали, 1958. Груз.

2. **Тогошвили Г.Д.** Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв. Тбилиси, 1969. Груз.

3. **Тогошвили Г.Д.** Взаимоотношения грузинского и осетинского народов в 1801–1921 гг. Тбилиси, 1971. Груз.

4. **Тогошвили Т.Д.** К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI–XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси, 1988.

5. **Тогошвили Г.Д.** Давид-Сослан. Владикавказ, 1990.

6. **Тотоев М.С.** Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.

7. **Цховребов З.П.** Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX–начало XX в.). М., 1977.

8. **Дзидзоев М.** Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX–начало XX в.). – Орджоникидзе, 1977.

9. **Очерки** истории горских народов Кавказа. В 2 т. Тбилиси, 1978. Т. 1; 1983. Т. 2. Груз.

10. Тогошвили Г.Д. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

11. Тогошвили Г.Д. Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Автор статьи доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета. Опубликована в журнале «Научная мысль Кавказа». № 1, 1996 г. С. 89–92.

Г.Д. Тогошвили с друзьями-коллегами И.Н. Цховребовым (слева) и Л.А. Чибировым (справа). Владикавказ, 1967

Г.Д. Тогошвили среди юго-осетинских коллег.
Сидят: И.В. Хабалашвили, З.Д. Гаглоева, Б.В. Техов, Г.Д. Тогошвили
Стоят: М.П. Санакоев, И.Н. Цховребов, Л.А. Чибиров, Б.З. Плиев и А.Р. Чочиев. Цхинвал, 1975

Участники Республиканской встречи историков Грузии и Южной Осетии.
Слева направо: Б.З. Плиев, П.В. Догузов, И.Н. Цховребов, А.С. Прангишвили (вице-президент АН ГССР), В.Д. Цховребов, З.Д. Гаглоева, М.П. Санакоев, Б.В. Техов, Е.А. Джиоева, Ю.С. Гаглойти, Л.Х. Басаев, Ю.Н. Техова (секретарь Юго-Осетинского обкома КПСС), Л.А. Чибиров, Г.Д. Тогошвили, И.В. Хабалашвили, Г.Р. Гатикоев и М.Ш. Цотниашвили. Боржоми, 1979

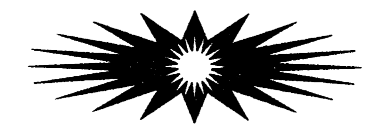
Участники Всесоюзной научной конференции «Генезис и основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа». Махачкала, 1980. В верхнем ряду второй справа (в очках) Г.Д. Тогошвили

Г.Д. Тогошвили среди коллег.
Слева направо: Д.Г. Гвасалия, М.Р. Гасанов, Г.Д. Тогошвили, З.Д. Гаглоева и А.И. Робакидзе

Перед открытием Народного университета осетинской культуры.
Слева направо: Х.Парастаев, С. Кокашвили (ректор университета), Л. Чибиров, Г. Хубулури (второй справа) и Г. Тогошвили

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список основных трудов Г.Д. Тогошвили

— Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.). Цхинвал, 1958 (гр.).

— Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв. Тбилиси, 1969 (гр.).

— Взаимоотношения грузинского и осетинского народов в 1801–1921 гг. Тб., 1969 (гр.).

— Из истории грузино-осетинских взаимоотношений в XVIII в. // Сообщения АН ГССР.Т. XXXVI, № 1, Тбилиси, 1961. С.123–127.

— История Осетии в документах и материалах (С древнейших времен до конца XVIII в.). Т. I, Цхинвал, 1962. Автор предисловия и один из составителей сборника.

— Леонтий Мровели о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Ордж., 1967.

— Очерки истории народов Северного Кавказа. Ч. I. Тбилиси, 1969 (гр.).

— Очерки истории горских народов Северного Кавказа. Ч. II. Тбилиси, 1978 (соавтор).

— Герб древней Осетии // Фидиуаг, 1972, № 4.

— Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Института истории, экономики, языка и культуры (история). Ордж., 1976.

— Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тбилиси, 1977 (гр.).

— Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981 (гр.).

— Сослан-Давид (к вопросу о его генеологии) // ИЮОНИИ. Вып. XXXVI, Тбилиси, 1983.

— К допросу о времени и условиях переселения осетин на территории Грузии // ИЮОНИИ. ВЫП. XXVI. Тб., Мецниереба, 1984. С. 195–214.

— Население Осетии. Краткий историко-демографический обзор. Цхинвал, 1983 (соавтор И. Хабалашвили).

— Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
— К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI–XIII вв.// Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988 (гр).
— История южных осетин. Учебное пособие для средней общеобразовательной школы. Вл., 1990 (соавтор).
— Сослан-Давид. Вл., 1990.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А

Абаев, 1949: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

Абаев, 1958: Абаев В.И. Еще раз о запоздалых открытиях // ВЯ, 1955, № 5.

Абаев, 1958: Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. I. М.-Л., 1958.

Абаев, 1981: Абаев В.И. Миф и история о поэме Руставели «Вепхвисткаосани // Сборник, посвященный 95-летию со дня рождения Акакия Шанидзе. Тб., 1981.

Абаев, 1966: Абаев В.И. О фольклорной основе поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». К 800-летию со дня рождения великого поэта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXV. Вып.4. М., 1966.

Абаев, 1982: Абаев В.И. Происхождение осетинских фамильных имен. Cærazontæ и Æghuzatæ // ЛО, 1982, № 62.

Абашидзе, 1969: Абашидзе В. Очерки из истории политических учений Грузии. Тб., 1969 (гр).

Абрамишвили, 1956: Абрамишвили А. Документы и маргиналии // Труды Цхинвальского пединститута. Вып. III.Сталинир, 1956.

Абуладзе, 1974: Абуладзе. К изучению хронологии истории Грузии XII–XIII вв. // Мацне (серия: история), 1974, № 2.

Акты – Акты Кавказской археографической комиссии. Под редакцией Берже. Т. I. Тифл., 1866; Т. II, Тифлис, 1868; Т. III, Тифлис, 1869; Т. IV, Тифлис, 1970; Т.V, Тифлис, 1872; Т. VI (ч. II), Тифлис, 1875; Т. VII, Тифлис, 1878; Т. VIII, Тифлис, 1881.

Алексеева, 1949: Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // УЗ. ЛГУ. Л., 1949.

Алексеева, 1957: Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре Черкесии в XVI–XVII вв. Черкеск, 1957.

Алибегашвили, 1957: Алибегашвили Г. Четыре портрета Тамар. Тб., 1957.

Амиранашвили, 1958: Амиранашвили Г. История грузинского искусства. М., 1963.

Антология, 1958: Антология грузинской поэзии. М., 1958.

Антелава, 1980: Антелава. Вопросы социально-политической истории Грузии XI–XV вв. Тб., 1980.

Анчабадзе, 1956: Анчабадзе З.В. Социальное положение фольфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе // Труды института истории им. И.А. Джавихи АН ГССР, т. II , 1956.

Анчабадзе, 1966: **Анчабадзе З.В., Цинцадзе М.В.** Грузия и Северный Кавказ в XII – первой половине XIII вв. // Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966 (гр).

Анчабадзе, 1979: Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Иберийско-Кавказское языкознание. XVIII. ТБ., 1979 (гр).

Ардасенов, 1957: Ардасенов Х.Н. Очерки истории осетинской литературы. Ордж., 1957.

Арциховский, 1955: Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1955.

Арчилиани, 1937: Арчилиани. Сочинения. Под ред. А. Барамидзе и Н. Бердзенишвили. Т.II. Тб., 1937.

Ахвледиани, 1925: Ахвледиани Г.С. К истории осетинского языка // Известия ТГУ. Вып. V. Тб., 1925.

Ахвледиани, 1926: Ахвледиани Г.С. К истории осетинского языка // Вестник ТГУ. Т. VI. Тб., 1926.

Ахвледиани, 1926: Ахвледиани Г.С. Осетинская рукопись 1802 // Вестник ТГУ. Т.VII, Тб., 1926.

Ахвледиани, 1928: Ахвледиани Г.С. Вокруг Иоанна Ялгузидзе / / Фидиуаг, 1928, № 2.

Ахвледиани, 1941: Ахвледиани Г.С. // Известия ТГУ. Вып. X. Тб., 1941.

Ахвледиани, 1960: Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. I. Тб., 1960.

Ахвледиани, 1960: Ахвледиани Г.С. Историческая справка о Двалети и двалах // (Сб. избр. труд.).

Б

Бакрадзе, 1874: Бакрадзе Дж. Газ. Кавказ, 1874, №

Баладзори, 1927: Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод с арабского проф. П.К. Жузе. Баку.

Барамидзе, 1945: Барамидзе А. Очерки. Тб. (гр.).

Барамидзе, 1945: Барамидзе А. Вопросы Тамариани // Очерки из истории грузинской литературы. Т.III. Тб., 1945.

Барамидзе, 1966: Барамидзе А.Г. Тамариани // История грузинской литературы. II. Тб., 1966.

Барамидзе, 1975: Барамидзе А.Г. Шота Руставели. Тб., 1975.

Барамидзе, 1975: Барамидзе А.Г. Витязь в тигровой шкуре. Тб., 1975.

Бараташвили, 1950: Жизнь И. Бараташвили.Тб, 1950. Изд. А. Иоселиани.

Баратов, 1965: Баратов. История Грузии. Тетрадь I. СПб., 1965.

Баратов, 1871: Баратов. История Грузии.Тетрадь II– III. СПб., 1871.

Баратов, 1871: Баратов. История Грузии.Тетрадь IV–V.Спб., 1871.

Барбаро, 1836; Барбаро И. Путешествие в 1436 г. в Тану // Библиотека иностранных писателей о России, т. 1. СПб., 1836.

Басили, 1938: Басили – историк царицы Тамар // Памятники эпохи Руставели. Перевод и введение В.Д.Дондуа. Исследования и примечания М.М. Бердзенишвили. Л., 1938.

Басили, 1944: Езосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар. Изд. И.Джавахишвили. Тб., 1944(гр.).

Батонишвили, 1941: Батонишвили Б. Новый рассказ. Тб., 1941.

Бекоева, 1956: Бекоева С.Г. Южная Осетия в годы первой революции. Ст., 1956.

Белокуров, 1889: Белокуров С. Сношения России с Кавказом // Материалы. Вып. I. М., 1889.

Бердзенишвили, 1938: Бердзенишвили Н.А. Очерк истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII–XIV вв.). Тб., 1938 (гр).

Бердзенишвили, 1940: Бердзенишвили Н.А. Документ из социальной истории Грузии. I. Тб., 1940.

Бердзенишвили, 1945: Бердзенишвили Н.А. Документы из социальной истории Грузии. II. Тб., 1945.

Бердзенишвили, 1944: Бердзенишвили Н.А. Из истории русско-грузинских взаимоотношений // МИГК.Ч.I. Тб., 1944.

Бердзенишвили, 1944: Бердзенишвили Н.А. Из истории Грузии XVIII в. // МИГК.1, Тб., 1944.

Бердзенишвили и др., 1946: Бердзенишвили Н.А., Джавахишвили И.А., Джанашиа С.Н. Под ред. С. Джанашиа. История Грузии с древнейших времен до конца XIX в. Тб., 1946(гр).

Бердзенишвили, 1955: Бердзенишвили Н.А. Классовая и внутриклассовая борьба. 1. Тб.,1955.

Бердзенишвили и др., 1958: Бердзенишвили Н.А., Месхи Ш.А., Ратиани и др. История Грузии (под ред. Н. Бердзенишвили). Тб., 1958.

Бердзенишвили, 1965: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. II. Тб., 1965 (гр).

Бердзенишвили, 1965: Бердзенишвили Н.А. К вопросу древнейшего населения Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1965.

Бердзенишвили, 1966: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. III. Тб., 1966 (гр).

Бердзенишвили, 1966: Бердзенишвили Н.А. Дороги в эпоху Руставели // Труды института истории АН ГССР, 1966.

Бердзенишвили, 1967: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. Тб., 1967.

Бердзенишвили, 1971: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. V. Тб., 1971 (гр).

Бердзенишвили, 1973: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. VI. Тб., 1973 (гр).

Бердзенишвили, 1974: Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т.VII.Тб., 1974 (гр).

Бигулаев, 1959: Бигулаев В. Краткая история осетинского письма. Дз., 1959.

Бирзе, 1937: Бирзе А.М. Попытка освоения природных богатств Осетии в XVIII в. // Красный архив, 34(83), 1937.

Блиев, 1961: Блиев М.М. Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Ордж., 1961.

Блиев, 1970: Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Ордж., 1970.

Багрянородный, 1899: Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». Предисловие Г. Ласкина. М., 1899.

Багрянородный, 1934: Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91. М.-Л., 1934.

Борьба, 1918: Газета «Борьба», 1918, (на рус. яз), № 36.

Борцвадзе, 1963: Борцвадзе Т. Дж. Из истории грузино-кабардинских отношений XVI–XVIII вв. Тб., 1963 (гр)

Борцвадзе, 1965: Борцвадзе Т. Дж. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX В. Тб., 1965.

Борцвадзе, 1974: Борцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тб., 1974 (гр).

Броссе, 1861: Броссе М. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. СПб, 1861.

Броссе, 1895: Броссе М. История Грузии (перевод, комментарии и издание С. Гогоберидзе). Тифл., 1895.

Бутков, 1969: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб., 1869.

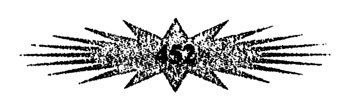
В

Ванеев, 1936: Ванееев З.Н. К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Вып. Ст., 1936.

Ванеев, 1936 а: Социально-экономическое положение крестьян Юго-Осетии накануне революции // Известия ЮОНИИ. Вып. III.Ст., 1936.

Ванеев, 1941: Ванеев З.Н. Исторические известия об аланах-осах // Материалы по древней и средневековой истории Осетии. Ст., 1941.

Ванеев, 1956: Ванеев З.Н. Народные предания о происхождении осетин. Ст., 1956.

Ванеев, 1956: Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Ст., 1956.

Ванеев, 1959: Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Ст. 1959.

Вано, 1913: Вано (Темирканов). История Осетии. Вл., 1913 (ос.).

Вахушти, 1885: Вахушти Багратиони. История Грузии. Т. I. Под ред. Д. Бакрадзе. Тифл., 1885 (гр.).

Вахушти, 1904: Вахушти Багратиони. География Грузии (введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили) // ЗКИРГО. XXIV. Вып.У. Тифл., 1904.

Вахушти, 1913: Вахушти Багратиони. История Грузии (Сакартвелос цховреба). Изд. Чичинадзе. Тб., 1913 (гр.).

Вахушти, 1940: Вахушти Багратиони. История Грузии. Под ред. М. Джанашвили. Тб., 1940.

Вахушти, 1941: Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского (География Грузии). Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили. Тб., 1941(гр).

Владимиров, 1902: Владимиров И.А. Древнехристианский храм близ аула Сенты в Кубанской области// Известия Императорской археологической комиссии. Вып IV. Спб., 1902.

Вертепов, Максимов, 1892: Вертепов Г., Максимов Е. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 2. Вл., 1892.

Вопросы, 1975: Вопросы истории Грузии. Т.II. Тб., 1965 (гр).

Г

Гаглоева, 1974: Гаглоева З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тб., 1974.

Гамбашидзе, 1976: Гамбашидзе Г.Г. Памятник грузинской культуры из Двалети // Журн. «Сабчота Хеловнеба» (Советское искусство). Тб., 1976.

Гаглойти, 1969: Гаглойти Ю.С. Средневековая летопись о Давиде Сослане // ЛО, 1969, № 33.

Гагнстгаузен, 1857: Гагнстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни. Ч. II. Спб., 1857.

Гадиев, 1959: Гадиев С. Избранное (на осет. яз.). Ст., 1959.

Гальцев, 1966: Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. Ордж., 1966.

Гамрекели, 1957: Гамрекели В.Н. О племени двалов // МЭГ. Тб, 1957.

Гамрекели, 1958: Гамрекели В.Н. К анализу топонимики Двалети // Труды института истории АНГССР. Т. V, вып. I . Тб., 1958 (гр).

Гамрекели, 1958: Гамрекели В.Н. К анализу топонимики Двалети. // Труды института истории АН ГССР. Т. IV. вып.1. Тб., 1958.

Гамрекели, 1961: Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия. Тб., 1961.

Гамрекели, 1968: Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. 1. Тб., 1968.

Гамрекели, 1972: Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. докторской дисс. Тб., 1972.

Гамрекели, 1972: Гамрекели В.Н. Социально-экономическая почва «лекианоба» в 18 в. Мацне. Серия «История». № 1. Тб., 1972 (гр.).

Гамрекели, 1975: Гамрекели В.Н. Из истории Грузии рубежа XIII—XIV вв. // Мравалтави. Филолого-исторические разыскания. Т. V. Тб., 1975 (гр.).

Гамсахурдиа, 1987; Гамсахурдиа З.К. Литературные разыскания II (XVII), Тб., 1987.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и прокультуры. Т. II. Тб., 1984.

Гатуев, 1891: Гатуев А. Христианство в Осетии // Терские ведомости, 1891, № 19.

Гвасалия, 1972: Гвасалия Д.Г. Арагвские ворота (Дариалан) // Мацне, Серия «История», № 2. Тб., 1972.

Гвритишвили, 1949: Гвритишвили Д.К. К вопросу об этнической принадлежности двалов и переселения осетин // Мимомхилвели (Обозреватель). Ежегодник института истории им. И. Джавахишвили. I. Тб., 1949.

Гвритишвили, 1953: Гвритишвили Д.К. Из истории борьбы грузинского народа с турецкими и персидскими захватчиками в перв. пол. XVIII в. // Мимомхилвели. Т. III, Тб., 1953.

Гвритишвили, 1955: Гвритишвили Д.К. Из истории социальных отношений в феодальной Грузии. Тб., 1955 (гр.).

Гедеванишвили, 1915: Гедеванишвили И. Военное искусство в Грузии. Тифл., 1915.

Георгика, 1934: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Перевод, редакция и комментарии С. Каучишвили. Т. II. Тб., 1934.

Георгика, 1936: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. Тб., 1936.

Георгика, 1941: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. IV, ч. 1. Тб., 1941.

Георгика, 1952: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. IV, ч. 2. Тб., 1952.

Гильдендорф, 1982: Гильдендорф И. Фреска открывает тайну. Тб., 1982.

Гильдендорф, 1983: Гильдендорф. И. Комплексное исследование фрескового портрета царицы Тамар // Сабчота Хеловнеба, 1983, № 10.

Глонти, 1955: Глонти А. Очерки. Тб., 1955(гр).

Гогебашвили, 1912: Гогебашвили Я. Врата природы. Тб., 1912 (гр.).

Гогебашвили, 1940: Гогебашвили Я. Рассказы. Тб., 1940.

Гозалишвили, 1940: Гозалишвили Ш.Г. Каспские ворота // ВИЯИМК. Вып. V–VI. Тб., 1940.

Гозалишвили, 1960: Гозалишвили Ш.Г. Коста Хетагуров. Ст., 1960

Грузинские старины, 1920: Грузинские старины. Тб., 1920.

Грузия, 1976: Грузия во вт. пол. XX в. // Детская энциклопедия. Т. 8. Тб., 1979 (гр).

Гуткаев, 1955: Гуткаев Дз. А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе // Известия ЮОНИИ. Вып. VII. Ст., 1955.

Гуткаев, 1965: Гуткаев Дз. А. Об осетинской газете «Ног цард», 1907 // Известия ЮОНИИ. Вып. XIV. Ст., 1965.

Гуткаев, 1969: Гуткаев Дз. А. Тифлисское Осетинское издательское общество. 1906–1909. // Известия ЮОНИИ. Вып. XVI. Тб., 1969.

Гугуа, Месхиа, 1982: Гугуа В. Месхиа Ш. История Грузии (для 7–10-го класса). Тб., 1982 (гр).

Гугушвили, 1938: Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Грузии. Тб., 1938 (гр.).

Гугушвили, 1954: Гугушвили П.В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Т. I. Тб., 1954 (гр.).

Гугушвили, 1955: Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Тб., 1955 (гр.).

Гугушвили, 1956: Гугушвили П.В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Т.11. Тб., 1956 (гр.).

Гугушвили, 1962: Гугушвили П. В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Т.V. Тб., 1962 (гр).

Гугушвили, 1967: Гугушвили П.В. Народное хозяйство Грузинской ССР 1921–1967. Тб., 1967 (гр.).

Гуриев, 1981: Гуриев Т.А. Антропонимия осетинского нартского общества. Ордж., 1981.

Гучуа, 1955: Гучуа В.Г. Хизанство и хизанский вопрос в Грузии. Автореф. канд. диссерт. Тб., 1955

Гюльденштедт, 1809: Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

Гюльденштедт, 1809а: Гюльденштедт И.А. Путешествие Гюльденштедта в Грузию. Перевод и редакция. Г. Гелашвили. Тб., 1962.

Д

Джавахадзе, 1971: Джавахадзе Н.В. Термины родства у горских ингушей // КЭС. II. Тб., 1971.

Джавахишвили, 1914: Джавахишвили И.А. История Грузии. Кн. II. Тифл., 1914.
Джавахишвили, 1919: Джавахишвили И.А. Границы Грузии с исторической и современной точек зрения. Тб, 1919 (гр).
Джавахишвили, 1930: Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Т. I. Тб., 1930.
Джавахишвили, 1935: Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Т. II. Тб., 1935.
Джавахишвили 1937: Джавахишвили И.А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тб., 1937 (гр).
Джавахишвили, 1941: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. Тб., 1941 (гр).
Джавахишвили, 1948: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. II. Тб., 1948 (гр).
Джавахишвили, 1949: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. III. Тб., 1949 (гр).
Джавахишвили 1950: Джавахишвили И.А. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего востока. Тб., 1950.
Джавахашвили, 1951: Джавхишвили И.А. История грузинского народа. Кн. I. Изд. 4, Тб., 1951(гр).
Джавахишвили, 1958: Джавахишвили И.А. История Грузии. Тб., 1958.
Джанашвили, 1895: Джанашвили М. Об осетинской истории // Новое обозрение, 1895. № 4076.
Джанашвили, 1897: Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. Тифл., 1897.
Джанашвили, 1904: Джанашвили М. Царица Тамар и его историк // Моамбе, 1904. № 2, февраль.
Джанашвили, 1905: Джанашвили М. Картлис цховреба // СМОМПК. Вып. XXXV. Тифл., 1905.
Джанашвили, 1906.: Джанашвили М. История Грузии. Тб., 1906.
Джанашвили, 1917: Джанашвили М. Царица Тамар. Тифл., 1917 (гр).
Джанашиа, 1937: Джанашиа С.Н. Общественные науки современной Грузии. К 20-летию Великой Октябрьской революции // Моамбе. I. Тб., 1937 (гр.).
Джанашиа, 1949: Джанашиа С.Н.. Труды. Т. I. Тб., 1949(гр.).
Джанашиа, 1952: Джанашиа. С. Н. Труды. Т.II. Тб., 1952(гр.).
Джанашиа, 1959: Джанашиа. С. Н. Труды. Т.III. Тб., 1959(гр.).
Джанашиа, 1965: Джанашиа. С. Н. Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитическом обиходе Грузии // Вопросы истории Грузии. Тб., 1965. (гр.).
Джанашиа, 1947: Джанашиа С.Н. Анналы, I, Тб., 1947.

Джанашиа, 1966: Джанашиа С.Н. Раскопки в Северной Осетии // Вечерний Тбилиси, 1966, 21 июня.
Джанриери, 1940: Джанриери М.И., Лежава Г.И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940.
Джапаридзе, 1953: Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА, выпуск 18. М., 1953.
Джапаридзе, 1969: Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Триалети. Тб., 1969 (гр).
Джаро-Белокани, 1972: Джаро-Белокани. Тб., 1972.
Джуаншер, 1955:.Джуаншер. Жизнь Вахтанга Горгасала. Картлис цховреба. Под ред. С. Каучишвили. Тб. 1955.1 .
Джугели, 1920: Джугели В. Тяжелый крест. Тб., 1920.
Джусойты, 1958: Джусойты Н.Г. Коста Хетагуров. Очерк творчества. Ст., 1958.
Джусойты, 1980: Джусойты Н.Г. История осетинской литературы. Тб.,1980.
Дзасохов, 1967: Дзасохов Н.Г. Поэт из Куртатии // Литературная Грузия, № 8, 1967.
Дзидзигури, 1954: Дзидзигури Ш. Разыскания по грузинской диалектологии. Тб., 1954.
Дидебулидзе, 1973: Дидебулидзе З.Ш. Из истории культурных взаимоотношений Грузии и центрального Предкавказья в X–XII вв. //Мацне. Серия «История», № 1. Тб., 1973.
Диониджио, 1951: Диониджио К. Описание Тбилиси. Перевод и редакция Б. Гиоргадзе // МИГК. Вып. 29. Тб., 1951.
Догузов, 1960: Догузов П.В. Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX начала XX вв. Ст., 1950.
Долидзе, 1954: Долидзе И. Хозиты Майрам. Памятник грузино-северокавказского единства // Вестник АН ГССР. Т. XV. № 2, 1954 .
Долидзе, Шмерлинг, 1956: Долидзе В., Шмерлинг Р. Военно-грузинская дорога. Тб., 1956.
Долидзе, 1959: Долидзе В.И. Осетинская народная музыка // Известия СОНИИ. Т. XXII. Вып. 2. Ордж., 1959.
Дондуа, 1937: Дондуа К. Чудовищная неграмотность // Известия, 1937, 23 декабря.
Дондуров, 1937; Дондуров Д. Шота Руставели. М., 1937.
Доссон, 1937: Доссон. История монголов. Т. I. Иркутск, 1937.
Древности Грузии, 1909: Древности Грузии. I–II. Тифл., 1909.
Древности Грузии, 1910: Древности Грузии. III. Тифл., 1910.
Древности Грузии, 1920: Древности Грузии. Тифл., 1920.
Дроеба, 1870: Дроеба. Газ. 1870 (гр.).
Дроеба, 1883: Дроеба. Газ. 1883(гр.).
Дроеба, 1907: Дроеба. Газ. 1907(гр.).

Дубровин, 1871: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I, Тифл., 1871.

Дубровин, 1878: Дубровин Н.Ф. Братья Потемкины на Кавказе // РВ. № 3, 11 и 12, 1878.

Дубровин, 1886: Дубровин Н.Ф. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. М., 1886.

Думбадзе, 1953: Думбадзе М.К. Из истории Восточной Кахети (Саингило), XIX в.. Дореформенный период. Тб., 1953 (гр).

Думбадзе, 1966: Думбадзе М.К. Еще раз о Давиде-Сослане // Вечерний Тбилиси, 1966, 29 декабря.

Дьячков-Тарасов, 1930: Дьячков-Тарасов. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый восток. Кн. 29. М., 1930.

Е

Егнатешвили, 1940: Егнатешвили Б. Жизнь новой Картли. Под ред. И. Джавахишвили. Тб., 1940.

Егнатешвили, 1959: Егнатешвили Б. Житие Картли. Т. II. Тб., 1959.

Епископ Феодор, 1898: Епископа Феодора «аланское послание» // ЗООИД, Т. XXI. Одесса, 1898.

Еремян, 1948: Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // Научные труды Ереванского государственного университета. Т. XXIII. Евреван. 1946.

Ж

Житие Картли, 1949: Житие Картли. Издание З. Чичинадзе. Тб., 1949.

Житие новой Картли, 1940: Ахали Картлис цховреба (Жизнь новой Картли). Под ред. И. Джавахишвили. Тб, 1940.

Жизнь царицы, 1985: Жизнь царицы цариц Тамар. Перевод и введение В. Дондуа. Исследование и примечания М. Бердзенишвили. Тб, 1985.

Жордания, 1892: Жордания Т. .Хроники и другие материалы истории и словесности Грузии. Т. I. Тифл., 1892.

Жордания, 1897: Жордания Т. Хроники. Т. II. Тифл., 1897.

Жордания, 1967: Жордания Т. Хроники. Т. III. Тб., 1967.

З

Закавказская речь, 1911: Закавказская речь. Газ. на русском языке. Тб., 1911.

Закарая, 1978: Закарая П. Грузинская центрально-купольная архитектура XI–XVIII вв. Тб., 1978.

Записки, 1898: Записки Одесского Общества истории и древностей Российских. Т. XXI. Одесса, 1898.

И

Иберо-кавказское, 1979: Иберо-кавказское языкознание. Вып. 18. Тб., 1979 (гр.).

Ибн-Русте, 1903: Ибн-Русте. Книга драгоценных камней. Перевод П.А. Караулова // СМОМПК, вып. 32. Тифлис, 1903.

Иванов, 1914: Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об ассах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. 3. СПб., 1914.

Иващенко, 1941: Иващенко. Материалы к изучению культуры колхов // МИГК. Вып. II. Тб., 1941.

Иверия. Газ. 1884, 1887, 1891, 1894, 1898, 1901, 1905, 1908 (гр.).

Иессен, 1941: Иессен А.А. Отчет об археологических работах в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936. М., Л., 1941.

Илуридзе, 1888: Илуридзе М. Исторический очерк деятельности православного миссионерства на Кавказе в XVIII и XIX вв. Причины его успехов и неудач // Пастырь. Газ. 1888.

Инадзе, 1953: Инадзе Д.П. К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии). Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 1953.

Ингороква, 1941: Ингороква П. Исторические памятники Сванетии. Ч. I-II, Тб., 1941.

Ингороква, 1954: Ингороква П. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века // Очерки по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии. Тб., 1954. (гр.).

Иоселиани, 1936: Иоселиани. Жизнь Георгия XIII. Под редакцией Гацерелиа. Тб., 1936.

Исари, 1907: Исари. Газ. 1907.

Историани, 1941: Историани и азмани шараван дедтани. Изд. К. Кекелидзе. Тб., 1951.

Историко-этнологические, 1950: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1950.

Исторические записки, 1948: Исторические записки, № 25, 1948.

Исторические хроники, 1980: Исторические хроники Грузии. Тб., 1980.

История, 1925: История Парсадана Горгиджанидзе. Изд. С. Какабадзе // Исторический вестник II. Тб., 1925.

История, 1945: История грузинского народа. Т. II. Тб., 1945 (гр).

История, 1954: История и восхождение венценосцев. Пер. К.С. Кекелидзе. Тб., 1954.

История, 1954: История Осетии. Макет. Дз., 1954.

История, 1958: История грузинской литературы. Т. II. Тб., 1958

История, 1959: История Северо-Осетинской АССР. Под ред. С.К. Бушуева. М., 1959.

История, 1960: История Южной Осетии в документах и материалах. Т. II. Ст., 1960.

История, 1961: История Южной Осетии в документах и материалах. Т. III. Ст., 1961.

История, 1962: История Осетии в документах и материалах. Т. I. Цхинвал, 1962.

История, 1966: История грузинской литературы. Т. II. Тб., 1966.

История, 1966: История Северо-Осетинской АССР. Ордж. 1966.

История, 1987: История Северо-Осетинской АССР. Ордж. 1968.

История Грузии, 1946: История Грузии. Под ред. Джанашиа. Тб., 1946.

История, 1946: История Грузии. Учебник для средней школы. Тб., 1946.

История Грузии, 1956: История Грузии. I. Тб., 1956.

История Грузии, 1958: История Грузии. I. Под редакцией Н. Бердзенишвили. Тб., 1958.

История Грузии, 1979: История Грузии (словарь). Сост. Метревели Р.В. Тб., 1979.

История Грузии, 1988: История Грузии. Учебное пособие для VIII–IX классов. ТБ., 1988 (на груз. яз.).

История, 1983: История грузинского народа. Сочинение в XII томах. Т. II. Тб., 1983.

История, 1957: История Кабарды. М., 1957.

История, 1961: История балкарского народа. Нальчик, 1961.

История, 1965: История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1965.

История христианства, 1869: История христианства России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1869.

История царства, 1976: История царства Грузии. Перевод, примечания и комментарии Н.Т. Накашидзе. Тб., 1976.

Итонишвили, 1969: Итонишвили В.Дж. Семейный быт горцев Центрального Кавказа, I. Семейный быт нахов и осетин. Тб., 1969 (гр).

К

Кабардино-русские, 1957: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. М., 1957.

Какабадзе, 1966: Какабадзе К.С. Руставели и его «Вепхвистка-осани». Тб., 1966 (гр).

Калоев, 1967: Калоев Б.А. Осетины. М., 1967.

Калмасоба, 1948: Калмасоба. Т. II. Тб., 1948.

Кантария, 1959: Кантария М.В. К вопросу о формах земледелия и землепользования в Кабарде на рубеже XIX– XX вв. // МЭГ, X, 1959 (гр).

Капанадзе, 1949: Капанадзе Д. О медной монете с именами Георгия и Тамары. КСИИМП. Вып. XXIV. М., 1949.

Карамзин, 1892: Карамзин Н.М. История государства Российского. III. СПб., 1892.

Караулов, 1908: Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОЭМПК.Вып 38. Тифл., 1908.

Карпини, 1911: Карпини Плано. История монголов. Пер. А.И. Малейна. СПб., 1901.

Картлис цховреба, 1849: Картлис цховреба . Изд. Броссе, Спб., 1849.

Картлис цховреба, 1906: Картлис цховреба . Изд. И. Такайшвили. Тб., 1906.

Картлис цховреба, 1954: Картлис цховреба. Изд. Чубинашвили, Спб. 1954.

Картлис цховреба, 1955: Картлис цховреба. Под ред. Каучишвили. Т. I. Тб., 1955.

Картлис цховреба, 1959: Картлис цховреба. Т. II. Под ред. С. Каучишвили. Тб., 1959.

Картлис цховреба, 1973: Картлис цховреба. Т. IV. Тб., 1973 (гр).

Каучишвили, 1951: Каучишвили Т.С. Греческие надписи в Грузии. Тб., 1951.

Каучишвили, 1936–1952: Каучишвили Т.С. Сведения византийских писателей о Грузии. Тб., 1936–1952.

Квали, 1898: Квали (Борозда) Грузинский журнал, № 11. 1898.

Кекелидзе, 1947: Кекелидзе К.К. Сахалхо ганатлеба (Народное образование). Газ. 1947.

Кекелидзе, 1935: Кекелидзе К.К. Ранняя феодальная грузинская литература. Тб., 1935.

Кекелидзе, 1936: Кекелидзе К.К. Руставелологические штудии. Тб., 1936.

Кекелидзе, 1941: Кекелидзе К.К. История грузинской литературы. Тб., 1941.

Кекелидзе, 1956: Кекелидзе К.К. Один момент из политического мышления в литературе классической эпохи // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. 1. Тб., 1956.

Кетелаури, 1981: Кетелаури С. В плену ложных обвинений // Мнатноба, 1981, № 8.

Кикнадзе, 1971: Кикнадзе Р.К. К восполнению одного места сочинения одного анонимного историка XIV в. // Мацне, серия «история», № 4. 1971.

Кикнадзе, 1980: Кикнадзе Р.К. Очерки по источниковедению истории Грузии. Пареджан Горгиджанидзе и «Картлис цховреба». Тб., 1980.

Кикодзе, 1943: Кикодзе Г. Материалы для истории Грузии и Кавказа. Вып. V. Тб., 1943.

Кипшидзе, 1914: Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка.Тифл. 1914.

Клапрот, 1967: Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 // ОГРИП. Ордж., 1967.

Кодзаев, 1903: Кодзаев А.Н. Древние осетины и Осетия. Вл., 1903.

Кокиев, 1926: Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч. I. Вл., 1926.

Кокиев, 1933: Кокиев Г.А. Материалы по истории Осетии. Ордж., 1933.

Кокиев, 1934: Кокиев Г.А. Материалы по истории Осетии XVIII в. // Известия СОНИИ. Вып. VI. Ордж., 1934.

Коковцев, 1913: Коковцев П.К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке. Спб., 1913.

Коммунист, 1920: Коммунист. Журн. № 10.

Коммунисти, 1920: Коммунисти. Газ. на гр. яз. 1920.

Коммунунистури, 1956: Коммунунистури агзрисатвис (За коммунистическое воспитание). Журн. на гр. яз. 1956.

Красный архив, 1937: Красный архив, 1937.

Крупнов, 1946: Крупнов Е.И. К вопросу о хронологии кобанской культуры // УЗ КБНИИ, Т I. Нальчик, 1946.

Крупнов, 1946а: Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946.

Крупнов, 1947: Крупнов Е.И. К вопросу о культурных связях // УЗ КБНИИ. Вып. 2. Нальчик, 1947.

Крупнов, 1951: Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА СССР. № 23. М., 1951.

Крупнов, 1951: Крупнов Е.И. Предисловие. МИА № 23. М., 1951.

Крупнов, 1952: Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды // Вестник КБНИИ.Т.VII. Нальчик, 1952.

Крупнов, 1952: Крупнов Е.И. О происхождении осетинского народа // Социалистическая Осетия. Газ. 1952.

Крупнов, 1957: Крупнов Е.И. О происхождении и датировке кобанской культуры // СА, 1957, № 1. М., 1957.

Крупнов, 1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кузнецов, 1974: Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974.

Кузнецов, 1977: Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Ордж., 1977.

Кулаковский, 1897: Кулаковский Ю. Археологические известия и заметки. № 2. 1897.

Кулаковский, 1898: Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник, V. СПб., 1898.

Кулов, 1966: Кулов Б.С. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX начале XX вв. Ордж., 1966.

Куссаева, 1953: Куссаева С.С. Археологические материалы Восточной Осетии в VI–IX вв. (Чми, Балта, как исторические источники по древней Алании). Канд. диссерт., Госэрмитаж. Л., 1953.

Л

Лавров, 1956: Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956, № 1.

Лавров, 1883: Лавров Л.И. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. III. Тифл., 1883.

Латышев, 1890: Латышев В.С. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1890.

Латышев, 1947: Латышев В.С. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1–4.

Латышев, 1948: Латышев В.С. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1–4.

Латышев, 1949: Латышев В.С. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949, № 2.

Лачабадзе, 1959: Лачабадзе З.В. Из средневековой истории Абхазии. Сухуми, 1959.

Левченко, 1940: Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. М., 1940.

Леонидзе, 1960: Леонидзе. Намцреви // Мнатноби, 1960, № 9.

Лежава, 1971: Лежава А.П. Из истории революционного содружества народов Грузии и Северного Кавказа (1900–1917). Тб., 1971 (гр.).

Леонтович, 1883: Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Одесса, 1883.

Литературные разыскания, 1987: Литературные разыскания II (XVIII). Тб., 1987.

Лолашвили, 1971: Лолашвили И. Тайна склепа Давида-Сослана. Тб., 1971.

Ломинадзе, 1897: Ломинадзе Ш.По Рионскому ущелью // СМОМПК. Вып. XXII. Отд. II. Тб., 1897.

Ломашвили, 1975: Ломашвили Дж. Письма. Тб., 1975.

Лордкипанидзе, 1954: Лордкипанидзе М.Д. Из истории политического развития феодальной Грузии // Вестник МИГК. Вып. XXXI, Тб., 1954.

Лордкипанидзе, 1976: Лордкипанидзе М.Д. Грузия во второй половине XII в. // Детская энциклопедия, т. 8. Тб., 1976 (на груз. яз.).

Лордкипанидзе, 1977: Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI—нач. XIII вв. Тб., 1977.

М

Маевский, 1896: Маевский В.Т. Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Тиф., 1896.

Макалатия, 1929: Макалатия С. Горная Рача. Тб., 1929.

Макалатия, 1930: Макалатия С. Мтиулети. Тб., 1930 (гр).

Макалатия, 1934: Макалатия С. Горная Рача. Тб., 1934(гр).

Макалатия,1934: Макалатия С. Пшави Тб., 1934 (гр).

Макалатия, 1942: Макалатия С. Хеви. Тб,. 1942 (гр).

Макалатия, 1942: Макалатия С. Царица Тамар. Тб., 1942.

Макалатия, 1961: Макалатия С. Дзамское ущелье. Тб., 1961(гр).

Макарий, 1863: Макарий архиепископ. История христианства в России. Изд. 2-е. СПб., 1863.

Максимов, 1892: Максимов Е. Осетины // Терский сборник. Вып. II. Вл., 1892.

Мамиев, 1967; Мамиев Г. Давид-Сослан // Фидиуаг, № 7, 1967 (на осет. яз.).

Мамукаев, 1969: Мамукаев Т.Б. Тайна Нузальской часовни. Ордж., 1969.

Мамулов, 1925: Мамулов П.Б. Осетинская народная музыка // Известия ЮОНИИК. Вып. I. Ст., 1925.

Мачабели, 1887: Мачабели С.В. Экономический быт крестьян Закавказья. Тифл., 1887.

Магометов, 1958: Магометов А.Х. Николай Берзенов — этнограф // Известия СОНИИ. Т. XXI. Ордж., 1958.

Магометов, 1958: Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Ордж., 1958.

Материалы, 1933: Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. Ордж., 1933.

Материалы, 1942: Материалы по истории осетинского народа. Т.V.Ордж., 1942.

Материалы, 1943: Материалы по истории осетинского народа, T.V. Ордж., 1943.

Манандян, 1948: Манандян И. О местонахождении Caspiavia u Caspiae Portal // Исторические записки, 1948, № 25.

Маркс. Энгельс, 1933: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IX. М., 1933.

Маркс. Энгельс, 1959: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. М., 1959.

Матианэ, 1955: Матианэ Картлисай (Летопись Картли) // Картлис цховреба, I. Тб., 1955.

Матианэ, 1976: Матианэ Картлисай. Перевод, введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1971.

Марр, 1926: Марр Н.Я. К определению племенного происхождения Георгия, сына Тамары // Известия АН СССР, 1926, № 6.

Марр, 1935: Марр Н.Я. Древнегрузинские однописцы. Певец Тамар // Избранные работы. Т. IV. Л., 1935.

Марцеллин, 1949: Марцеллин Аммиан. История // ВДИ, 1949, № 3.

Махарадзе, 1921: Махарадзе Ф. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М., 1921.

Махарадзе, 1928: Махарадзе Ф. Советы в борьбе за Советскую власть в Грузии 1917–1921 гг. Тб., 1928.

Махарадзе, 1967: Махарадзе Н. Первая русская газета на Кавказе. Рукопись кандидатской диссертации. Тб., 1968.

Мачарадзе, 1966: Мачарадзе В.Г. Из истории русско-осетинских взаимоотношений в 80–90-е гг. // Сообщения АН ГССР. Вып. XLV, № 2. Тб., 1966.

Мачарадзе, 1967: Мачарадзе В.Г. Описание осетинских деревень Д. Эристави (80-х гг. XVIII в.) // Мацне, № 1, 1967.

Мгвинели, 1912: Мгвинели Шио. Три документа. Изд. С. Какабадзе. Тб., 1912.

Мегрелидзе, 1968: Мегрелидзе Д.Г. Из истории русско-дагестанских взаимоотношений в XV–XVIII вв. Тб., 1968 (гр).

Мегрелидзе, 1966: Мегрелидзе И.В. Новые данные о Давиде-Сослане // Вечерний Тбилиси. 1966, 29 сентября.

Мегрелидзе, 1967: Мегрелидзе И.В. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений // Мацне (Вестник). 1967, № 6 (гр).

Меликишвили, 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.

Меликишвили, 1965: Меликишвили Г.А. К вопросу древнего населения Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1965.

Меликишвили, 1973: Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений. Тб., 1973 (гр).

Меликишвили, 1971: Меликишвили Г.А. Очерки истории Грузии. Тб., 1971.

Меликишвили, 1975: Меликишвили Г.А. К вопросу о характере закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР, 1975, № 6.

Мелисет-Бек, 1925: Меликсет-Бек Л. К археологии и этнологии Туальской Оссии // Труды ЗНА. Тб., 1925.

Месхиа, 1939: Месхиа Ш.А. Жизнь и деятельность Теймураза Багратиони // Вестник МИГК. Тб., 1939.

Месхиа, 1954: Месхиа Ш.А. Памятники эриставов // Вестник МИГК. Вып. 30. Тб., 1954.

Месхиа, 1959: Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии. Тб., 1959.

Месхиа, Лордкипанидзе, 1969: Месхиа Ш.А. Лордкипанидзе М. В кривом зеркале. По поводу извращения прошлого в одном историческом романе // Коммунисти, 1969, 18 января (гр).

Месхиа, 1970: Месхиа Ш.А. Заметки по истории древней Руси и Грузии // Мнатноби, 1970, № 1, (гр).

Мецонски, 1937: Мецонски Фома. История Ланг-Тимура // МИА. Вып. XXIII (археология, керамика). Тб., 1937.

Миллер, 1881: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М., 1881.

Миллер, 1886: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. М., 1886.

Миллер, 1886: Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. Спб., 1886.

Миллер, 1887: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887.

Миллер, 1889: Миллер В.Ф. Археологические экскурсии // МАК. Т. I. М., 1889.

Миллер, 1893: Миллер В.Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. III, 1893.

Минаева, 1956: Минаева Т.М. Могильники Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. Т. XXVI, 1956.

Могзаури, 1905: Могзаури (Путешественник). Газ. на гр. яз.

Мровели, 1955: Мровели Леонтий. Жизнь грузинских царей // Картлис цховреба. Под ред. С. Каучишвили. Т. I, Тб., 1955.

Муравьев, 1948: Муравьев А. Грузия и Армения. Ч. I. Спб., 1948.

Мусхелишвили, 1977: Мусхелишвили Д.Д. Основные вопросы исторической географии Грузии.Тб., 1977.

Мцкемси, 1884: Мцкемси (Пастух). Журн. 1884, № 11, (гр.).

Н

Набати, 1885: Набати. Журн. 1885, (гр.).

Нагоев, 1974: Нагоев А.Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Нальчик, 1974.

Народная власть, 1918: Народная власть. Газ.

Научные труды, 1946: Научные труды Ереванского государственного университета. Т. XXIII. Ереван, 1946.

Никонов, 1956: Никонов И.Д. Крестьянское движение в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. Ст., 1956.

Новое обозрение, 1905: Новое обозрение. Газ.

Ног цард, 1907: Ног цард (Новая жизнь). Газ на ос. яз.

Нуцубидзе, 1958: Нуцубидзе Ш. Творчество Руставели. Тб., 1958.

О

Обозрение, 1836: Обозрение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836.

Одишели, 1976: Одишели Дж. Один вопрос грузинской исторической хронологии (рубеж XII–XIII вв.) // Цискари. 1976, 17 марта.

Описание Тбилиси, 1951: Описание Тбилиси. Перевод Б. Барамидзе // Вестник МИГК. Вып. XXIX, Тб., 1951.

Орбели, 1938: Орбели И. Бронзовая курильница XII в. в виде барса // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

Орбелиани, 1854: Орбелиани П. Амбавни Картлиса (История Картли) // Картлис цховреба. II. Изд. Д.Чубинашвили. СПб., 1854.

Орджоникидзе, 1939: Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи. М., 1939.

Очерки, 1970: Очерки истории Грузии. Т. I. Тб., 1970 (гр).

Очерки, 1979: Очерки истории Грузии. Т. III. Тб., 1979 (гр).

Очерки, 1985: Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тб., 1985.

Осетинское, 1960: Осетинское народное творчество. Т. I. Ордж., 1960.

Осетинские, 1962: Осетинские народные сказки. Сост. А. Бязров. Т. III. Цх., 1962.

Отхмезури, 1981: Отхмезури. Грузинские лапидарные надписи XII–XIII в. как исторический источник. Тб., 1981 (гр).

П

Пайчадзе, Миминишвили, 1974; Пайчадзе Г., Миминишвили Р. Витязь в тигровой шкуре и время Тамар. Тб., 1974 (на гр. яз.).

Памятники, 1925: Памятники народного творчества осетин. Издание ОСНИИ. Вып. I. Вл., 1925.

Памятники, 1927: Памятники народного творчества осетин. Вып. II. Вл., 1927.

Памятники, 1928: Памятники народого творчества осетин. Вып. III. Вл., 1928.

Памятники эриставов, 1954: Памятники эриставов. Тексты. Изд. Месхиа // Вестник МИГК. Ч. 30. Тб., 1954.

Памятники эриставов, 1979: Памятники эриставов (Перевод, исследование и примечания С. Какабадзе). Тб., 1979.

Папаскири, 1977: Папаскири З.В. Эпизод из истории русско-грузинских взаимоотношений // История СССР, 1977. № 1.

Папаскири, 1982: Папаскири З.В. У истоков русско-грузинских политических взаимоотношений. Тб., 1982.

Папуашвили, 1972: Папуашвили Т.Г. Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тб., 1972 (гр).

Пахомов, 1938: Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II. Баку, 1938 .

Пахомов, 1940: Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.

Пахомов, 1949: Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. V. Баку, 1949.

Петрушевский, 1934: Петрушевский И. Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифл., 1934.

Пигулевская, 1951: Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951..

Полиевктов, 1932: Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифл., 1932.

Полиевктов А., 1937: Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615–1640). Тб., 1937.

Полное собрание, 1927: Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 2. Л. 1927.

Правда Грузии, 1921: Правда Грузии. Газ.

Пурцеладзе, 1942: Пурцеладзе

Путешествие, 1836. Путешествие в Тану // Библиотека иностранных писателей в России. СПб., 1836. Т. I. Отд.1.

Пфаф, 1870: Пфаф В.Б. Материалы для древней истории осетин // ССКГ. Вып. IV. Тифл., 1870.

Пфаф, 1871: Пфаф В.Б. Материалы для древней истории Осетии (прод.) // ССКГ. Вып. V. Тифл., 1871.

Пфаф, 1871: Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Т. I. Тифл., 1871.

Пфаф, 1871: Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Т. I. Тифл., 1871.

Пфаф, 1872 : Пфаф В.Б. Народное право осетин (прод.) // ССК. Т. II. Тифл., 1872.

Пфаф, 1872: Этнологическое исследование об осетинах // ССК. Т. II. Тифл., 1872.

Пчелина, 1925: Пчелина Е.Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хуссар (Юго-Осетии) // Труды ЗНА. Тифл., 1925.

Пчелина, 1946: Пчелина Е.Г.Нузальская часовня в Северной Осетии // Архив СОНИИ. Истор. Отд., ф. 6, оп. I, № 10.

Пчелина, 1947: Пчелина Е.Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. Т. IV, 1947.

Р

Рассказ, 1863: Рассказ доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев // Записки. Т.V. 1863.

Ратиани, 1975: Ратиани П. Витязь в тигровой шкуре и его автор. Т. I. Тб., 1975.

Рейнегс, 1787: Рейнегс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. II. СПб., 1787.

Рехвиашвили, 1977: Рехвиашвили С. Из истории дружбы между грузинскими и северокавказскими горцами. Тб. 1977 (гр).

Робакидзе, 1951: Робакидзе А.И. Пчеловодство в Гурии // МЭГ. Вып. V. Тб., 1951 (гр).

Робакидзе, 1960: Робакидзе А.И. Формы поселений в Балкарии // МЭГ. Вып. X1. Тб., 1960.

Робакидзе, 1960: Робакидзе А.И. К истории пчеловодства в Грузии. Тб,. 1960 (гр).

Робакидзе, 1972: Робакидзе А.И. Кавказоведческие проблемы грузинской этнографии // КЭС. Вып. IV. Тб., 1972.

Робакидзе, Гегечкори, 1975: Робакидзе А.И. Гегечкори Г.Г. Формы жилища и структура поселений горной Осетии // КЭС. Вып V (I). Тб., 1975.

Рубруквис, 1943: Рубруквис В. Путешествие в восточные страны // Вестник МИГК. Ч.V. Тб., 1943 (гр.).

Рубрук, 1957: Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

Руставели, 1966: Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Под редакцией П. Ингороква. С монографией о Ш. Руставели и текстологическим исследованием поэмы в двух томах. Т. I. Тб., 1966 (гр).

Руставели, 1977: Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Перевод с грузинского Н. Заболоцкого. М., 1977.

С

Сабчота хеловнеба, 1983, 1987: Сабчота хеловнеба (Советское искусство). Журнал на гр. яз.

Сакартвело, 1916–1921:Сакартвело (Грузия). Газ. на груз. яз.

Сакартвелос кали, 1988; Сакартвелос кали (журнал «Женщины Грузии), № 12 Тб., 1988 (на груз. яз.).

Сакартвелос сидзвелени (Древности Грузии)

Скартвелос цховреба, : Сакартвелос цховреба (Жизнь Грузии)
Салагаева, 1984: Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Ордж., 1984.
Самсонидзе, 1972: Самсонидзе М. Из истории внешней торговли Грузии в конце XVIII–нач. XIX вв. // Мацне (серия:история), 1972, № 1.
Саникидзе,1976: Саникидзе Л. Сабли без ножен (эпическая история Грузии). Тб., 1976 (гр).
Саришвили, 1956: Саришвили Т. Школа и народное образование в дореволюционной Осетии. Тб., Ст., 1956 (гр).
Саришвили, 1965: Саришвили Т. Грузино-осетинские культурно-педагогические взаимоотношения. Тб., 1965 (гр).
Сахалхо газети, 1870, 1910, 1914: Сахалхо газети (Народная газета). Газ. на гр. яз.
Сахалхо сакме, 1919: Сахалхо сакме (Народное дело). Газ. на гр. яз.
Северный Кавказ, 1893: Северный Кавказ. Газ.
Сведения, 1903: Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Перевод Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып. XXXII. Тифл., 1903.
Семенов, 1948: Семенов Л.П. Археологические разыскания в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. XII, 1948.
Семенов, 1951: Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА. Вып. 23. М., 1951.
Силагадзе, 1966: Силагадзе В. Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели // Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966.
Силагадзе, 1988: Силагадзе В.Г. Из хронологии истории Грузии начала XIII в. // Мацне. (серия : история), 1988, № 2.
Сисоев, 1898: Сисоев В. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. Вып. VII. 1898.
Сихарулидзе, 1943: Сихарулидзе. Царица Тамар в народном творчестве. Тб., 1943 (гр).
Скитский, 1947: Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1967 г. // Известия СОНИИ. Т. X. Ордж., 1947.
Скитский, 1949: Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I. Дз., 1949.
Скитский, 1956: Скитский Б.В.. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I. Дз., 1956.
Сношения России с Грузией 1768–1777г. // АВПР, д. 7, оп. 110/2, л. 2.
Собинин, 1882: Собинин. Грузинский рай. СПб,. 1882.
Соплис цховреба, 1989; Соплис цховреба (Сельская жизнь), 1989 от 16 мая.

Социально-экономические, 1965: Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тб., 1965.

Степнадзе, 1973: Степнадзе Дж. Политические взаимоотношения Грузии с народами Кавказа в XII в. Тб., 1973 (гр).

Степнадзе, 1985: Степнадзе Дж. Грузия в XII–перв. четверти XIII в. Тб., 1985 (гр).

Степнадзе, 1987: Тетка Тамар Русудан // Мнатноби, 1987, № 7.

Страбон, 1957: Страбон. География. Перевод Т. Каучишвили. Тб., 1957 (гр).

Сумбат, 1955: Сумбат Давидович. Жизнь и деяния (уцкеба-?) Багратионов. Картлис цховреба. Под ред. С. Каучишвили. I. Тб., 1955.

Т

Такайшвили, 1904: Такайшвили Е. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Тифлисская губерния. Борчалинский уезд. Триалетское приставство. Тифл., 1904.

Такайшвили, 1906: Такайшвили Е. Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения» // СМОМПК. Вып. XXXVI. Отд. I. Тифл., 1906.

Тацит, 1887: Сочинения Корнелия Тацита. Т. II. Перевод В.И. Модестова. СПб., 1887.

Тбилели, 1939: Тбилели Дидмоуравиани (Великий моурави). Тб., 1939.

Тезисы, 1957: К 40-летию ВОСР. Тезисы. М., 1957.

Терек, 1906: Терек. Газ.

Терские Ведомости, 1906: Терские Ведомости. Газ.

Тизенгаузен, 1884: Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. М., 1884.

Тизенгаузен, 1941: Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М., 1941.

Тифлисский листок, 1877, 1900, 1905, 1906, 1911, 1912: Тифлисский листок. Газ.

Тогошвили, 1958: Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-осетинских взаимоотношений. С древнейших времен по XIV в. Цх., 1958 (гр).

Тогошвили, Цховребов, 1962: Тогошвили Г.Д, Цховребов И.Н. История Осетии в документах и материалах. Т. I. Цх., 1962.

Тогошвили, 1969: Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв. Тб., 1969 (гр).

Тогошвили, 1969: Тогошвили Г.Д. Взаимоотношения между грузинским и осетинским народами в 1801–1921 гг. Тб., 1969.

Тогошвили, 1977: Тогошвили Г.Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тб., 1977. (гр).

Тогошвили, 1961: Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-осетинских экономических взаимоотношений в XVIII в. // Сообщения АН ГССР. Т. XXVI. № 1, 1961.

Тогошвили, 1971: Тогошвили М.Г. Экономические и культурные связи Груз. ССР с народами Северного Кавказа. Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 1971.

Тогошвили, 1976: Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов СОНИИ, т. XXXI (история), Орджоникидзе, 1976.

Тогошвили, 1983: Тогошвили Г.Д. Сослан-Давид. (К вопросу о его генеалогии) // ИЮОНИИ. Вып. XXVI. Тб., 1983.

Тотоев, 1957: Тотоев М.С. Очерки истории и культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Ордж., 1957.

Толстой, 1854: Толстой В.С. Тагаурцы // Вестник ИРГО. СПб, 1854.

Труды, 1956: Труды Института истории им. И. Джавахишвили АН ГССР. Т.II. Тб., 1956.

У

Уварова, 1879: Уварова П. Кавказ. Путевые заметки. Спб. 1879.

Урбнели, 1889: Урбнели (Хизанишвили). Георгий Блистательный. Царь Грузии. Тифл., 1889

Урланис, 1960: Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960.

Ф

Фадеев, 1958: Фадеев А.В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев в XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков // ВИ, № 5, 1958.

Фарфоровский, 1917: Фарфоровский С. Народное образование у осетин // ЖМНП, январь, 1917.

Фидиуаг, 1965: Фидиуаг (Глашатай). Журн. на осет. яз.

Х

Хаким, 1950: Хаким Мусса. Образ Коста в творчестве Махарбека Туганова // Мах дуг. № 3, 1950.

Хаким, 1962: Хаким Мусса. Махарбек Туганов. Ордж., 1962.

Хантадзе, 1957: Хантадзе Ш. Грузинские деятели на Северном Квказе в XVIII в. // ВГМГ. XIX-А и XX-В. Тб., 1957 (гр).

Харадзе, 1960: Харадзе Р. Л. Сельская община в Балкарии // МЭГ. Вып. XI. Тб., 1960 (гр).

Харадзе, Робакидзе, 1968: Харадзе Р.Л. Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Имеретии // КЭС. Т.II. Тб., 1968.

Харадзе, 1960: Харадзе Р.Л. Сельская община в Балкарии // МЭГ, XI, 1960.

Харадзе, 1968: Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горской Ингушетии // КЭС, II, Тб., 1968.

Херхеулидзе, 1854: Херхеулидзе О. Царствование Ираклия II // Картлис цховреба. Т. II. Изд. Чубинишвили. СПб, 1854.

Хоренаци, 1984: Хоренаци Мовсес. История Армении. Перевод с древнеармянского, вступление и примечания А. Абуладзе. Тб., 1984 (гр).

Хоренский, 1893: Хоренский М. История Армении. Новый перевод Н.О. Эммина. М., 1893.

Хроника, 1892: Хроника и другие материалы по истории Грузии. Собр. Т. Жордания. Т. I. Тифл., 1892 (гр.).

Хроника, 1897: Хроника и другие материалы по истории Грузии. Собр. Т. Жордания. Т. II. Тифл., 1897(гр).

Хроника, 1941: Хроника Ксанских эриставов. Перевод М. Джанашвили // Известия ЮОНИИ. Вып. IV. Ст., 1941.

Ц

Цабаев, 1961: Цабаев В.Г. Юго-Осетинский театр. Цх., 1961.

Цагарели, 1877: Цагарели А. Из поездки в Закавказский край летом 1877 г. // ЖМНП, 1877, ноябрь.

Цагарели, 1891: Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии (с 1768 по 1774). Т. I. СПб., 1891.

Цагарели, 1898: Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии (с 1768 по 1774 гг.). Т. II. СПб., 1898.

Царевич Баграт, 1941: Царевич Баграт. Новая история. Тб., 1941 (гр).

Царица Тамар, 1917: Царица Тамар. Тифл., 1917 (гр).

Церетели, 1958: Церетели Ал. Древняя Грузия. I. Тб., 1958 (гр).

Цинцадзе, 1946: Цинцадзе Л. Донесения капитана Отара Туманова из Грузии // Труды ТГУ. Т. XXXVII. Тб., 1946.

Цинцадзе, 1956: Цинцадзе Я.З. Разыскания по истории русско-грузинских отношений (X–XVI вв.). Тб., 1956 (гр).

Цинцадзе, 1962: Цинцадзе М.В. Социально-экономическое и культурное положение адыгейцев в XVI–XVII вв. Тб., 1962 (гр).

Цинцадзе, 1967: Цинцадзе М.В. Из истории грузино-адыгских экономических и культурных взаимоотношений // Сообщения АН ГССР. Вып. XLV, № 2,. Тб., 1967.

Цинцадзе, 1971: Цинцадзе Я.З. Басианская битва. Тб., 1971 (гр).

Цнобис пурцели, 1905: Цнобис пурцели (Страница знания). Газ. на гр. яз.

Цотниашвили, 1979: Цотниашвили А. Коста Хетагуров и грузинское общество. Цх., 1979.

Цховребов, 1983: Цховребов В.Д.. Владимир Санакоев. Цх., 1983.

Цховребов, Плиев, 1957: Цховребов И.Н., Плиев Б.З. Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть 1917–1921 гг. // Известия ЮОНИИ. Вып. VIII. Ст., 1957.

Цховребов, 1958: Цховребов И.Н. Борьба трудящихся Южной Осетии за выполнение планов 4-й пятилетки в области промышленности // Известия ЮОНИИ. Вып. IX. Сталинир, 1958.

Цховребов, 1962: Цховребов И.Н. Революционное движение в Юго-Осетии в 1910–1914 гг. // Известия ЮОНИИ. Вып. XI, 1962.

Цховребов, 1963: Цховребов И.Н. Осетины в военной службе в русской армии в XVIII–XIX вв. // Известия ЮОНИИ. Вып. XII. 1963.

Цховребов, Санакоев, 1981: Цховребов И.Н., Санакоев М.П. Южная Осетия в период трех революций. Тб., 1981.

Ч

Чавчавадзе, 1987: Чавчавадзе И. Соч. Т.IV. Тб., 1987.

Чавчавадзе, 1952: Чавчавадзе И. Соч. Т.II. Тб., 1952 (гр.).

Чахрухадзе, 1937: Чахрухадзе Д. Тамараиани. Издание С. Какабадзе. Тб,.1937.

Чахрухадзе, 1942: Чахрухадзе Д. Тамараиани. Пер. с груз. Ш. Нуцубидзе. Тб., 1942.

Чахрухадзе, 1958: Чахрухадзе Д. Тамараиани. Фрагмент в переводе С. Линкина // Анталогия грузинской поэзии. М., 1958.

Чачашвили, : Чачашвили Г. Грузино-адыгейские этнографические параллели в народном ткачестве // МЭГ, XII– XIII.

Чвени азри, 1909: Чвени азри (Наше мнение). Газ. на гр. яз.

Чвени республика, : Чвени республика (Наша республика). Газ. на гр. яз.

Челидзе, 1980: Челидзе В.В. Исторические хроники Грузии. Тб., 1980.

Чикобава, 1940: Чикобава А. Грузино-Хунзайская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщения АН ГССР. Т. I, № 4, Тб., 1940.

Чиковани, 1973: Чиковани Г. Из общественного быта осетин. Ныхас. Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 1973.

Читая, 1939: Читая Г.С. Краткий отчет об этнографической экспедиции в Ксанское ущелье // ВИЯИМК. Т. IV. Тб., 1939.

Чичинадзе, 1913: Чичинадзе З. История Осетии. Тб,. 1913 (гр).

Чичинадзе, 1915: Чичинадзе З. Осетия по грузинским источникам (книгам). Тифл., 1915 (гр).

Чичинадзе, 1919: Чичинадзе З. Переселение осетин в Картли и роль грузин в этом процессе. Тб., 1919 (гр).

Чкония, 1947: Чкония Т. Древности, найденные в Горьковской области // Литературные разыскания. IV. Тб., 1947.

Чхеидзе, 1854: Чхеидзе. Жизнь царей // Картлис цховреба. Изд. Чубинашвили. СПб, 1854.

Чырыстон цард, 1913, 1915: Чырыстон цард (Христинская жизнь). Журн. (осет).

Ш

Шавтели, 1942: Шавтели И. Абдул-Мессия. Перевод с грузинского Ш. Нуцубидзе. Тб., 1942.

Шавтели, 1964: Шавтели И. Абдулмессиани. Восхваление царицы Тамар и Давида-Сослана. Подготовка к изданию, комментарии и словарь И.А. Лолашвили. Тб., 1964 (гр).

Шавхелишвили, 1963: Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений грузинского и чечено-ингушского народов (с древнейших времен до IV в). Грозный, 1963.

Шавхелишвили, 1970: Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений Тушети и Чечни // КЭС, III, ТБ., 1970.

Шавхелишвили, 1980: Шавхелишвили А.И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией (XVI—XVIII вв.). Тб., 1980 (гр).

Шаишмелашвили, 1981: Шаишмелашвили И.Д. Шамхори. Басиани. Тб., 1981 (гр).

Шаишмелашвили, 1986: Шаишмелашвили Т. Образ Тамар в церкви Вознесения // Ахалгазрда Коммунисти. Газ. на гр. яз. 1986, 9 января.

Шанидзе, 1964: Шанидзе А. Страница о грузино-осетинских культурных взаимоотношениях // Мацне, 1964, № 6.

Шаншиашвили, 1977: Шаншиашвили С. Чтобы помнили и вы, молодые. Тб., 1977 (гр).

Шегрен, 1844: Шегрен А.М. Осетинская грамматика. СПб,. 1844.

Шмерлинг и др., 1960: Шмерлинг Р., Долидзе Р., Барамидзе Т. Окрестности Тбилиси. Тб., 1960.

Шмерлинг, 1968: Шмерлинг Р.О. Церковь Датуна в Дагестане // Мацне, 1968, № 2.

Шошиашвили, 1975: Шошиашвили Н. Датировка копии спис-

ка царицы Анны «Жития Грузии» // Мравалтави (историко-филологические разыскания). V. Тб., 1975.

Шрома, 1882, 1906: Шрома (Труд). Газ. на гр. Тб., 1882. 1906.

Э

Энгельс, 1953: Энгельс. Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953.

Эртоба, 1918–1920: Эртоба (Единство). Газ. на гр. яз.

Ю

Юлиан, 1898: Юлиан. Рассказ Римско-католического миссионера, доминиканца Юлиана о путешествии в странах приволжских венгерцев, совершенным перед 1235 г. // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1898.

Я

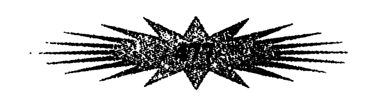
Яновский, 1836: Обзор российских владений за Кавказом. СПб, 1836.

Asitique, tome VI, Paris, 1830.

Historie de la Siounie par Stephanas Orbelian. Перевод М. Броссе. СПб., 1864.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР – Архив внешней политики России
ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ – Вестник древней истории
Вл. – Владикавказ
ВИ – Вопросы истории. Журнал
ВИЯИМК – Вестник Института языка, истории и материальной культуры
ВОСР – Великая Октябрьская социалистическая революция
ВЯ – Вопросы языкознания
ГЦГА – Грузинский центральный государственный архив
ГЦИА – Грузинский центральный исторический архив
Дз. – Дзауджикау
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ЗКИРГО – Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества
ЗНА – Закавказская научная ассоциация
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК – Известия государственной академии института материальной культуры
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИЭСОЯ – Историко-этимологический словарь осетинского языка
Институт рукописей – Институт рукописей АН ГССР им. К. Кекелидзе
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
Л. – Ленинград
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛО – Литературная Осетия. Альманах
М.-Л. – Москва–Ленинград
МАК – Материалы по археологии Кавказа
Мацне – Вестник отделения общественных наук АН ГССР
МГУ – Московский государственный университет им. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГК – Материалы по истории Грузии и Кавказа
М. – Москва
МЭГ – Материалы по этнографии Грузии
ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников
ОСНИИ – Осетинский научно-исследовательский институт
Партархив – Партархив Северо-Осетинского обкома КПСС

ППКОО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Составитель проф. Л.А. Чибиров. Кн.1, Цх,.1981; кн. 2, Цх., 1982, кн. 3, Цх,, 1987.

РВ – Русский вестник. Журнал

СА – Советская археология. Журнал

СО АССР – Северо-Осетинская автономная советская социалистическая республика

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

ССК – Сборник сведений о Кавказе

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа

СПб. – Санкт-Петербург

Ст. – Сталинир

СЭ – Советская этнография. Журнал

УЗ – Ученые записки

ЦГА СОАССР – Центральный государственный архив СОАССР

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив (СССР)

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив Ленинграда

ЦГАГ – Центральный государственный архив Грузии

ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

ЮОНИИК – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Составитель
ЧИБИРОВ ЛЮДВИГ АЛЕКСЕЕВИЧ

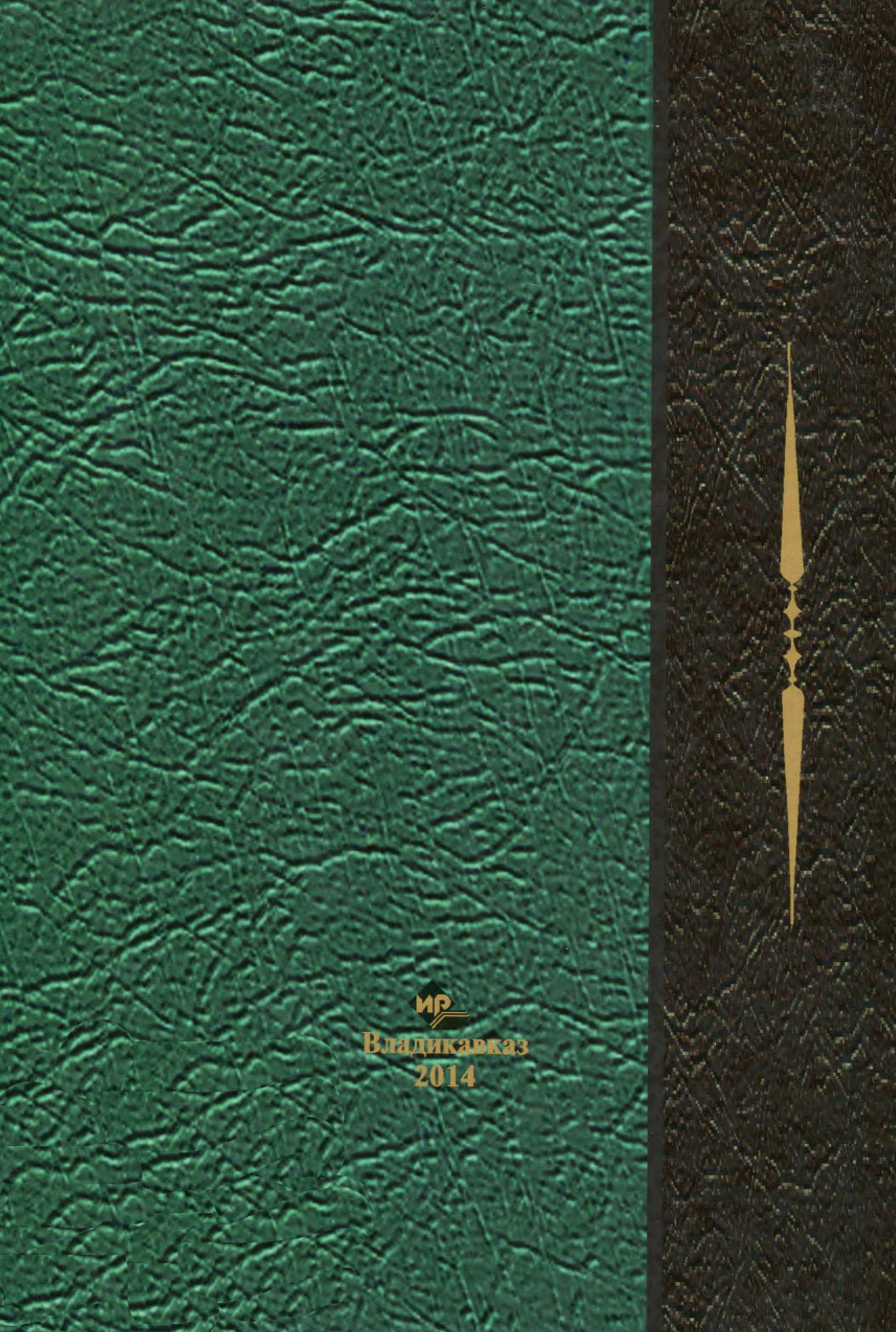
ТОГОШВИЛИ ГЕОРГИЙ ДАВИДОВИЧ

Избранные труды
по кавказоведению

Том 2

Редактор *С.Г. Датриева*
Художник *Н.Ф. Василенко*
Технический редактор *А.В. Ядыкина*
Корректор *Г.Б. Карданова*
Компьютерная верстка *Дж.О. Амбаловой*

Сдано в набор 03.09.13. Подписано к печати 11.03.14. Формат бумаги 60х90$^1/_{16}$. Бум. офс. № 1. Гарн. шрифта «Times». Печать офсетная. Усл.-п.л. 30. Учетно-изд. л. 31,14. Тираж 500 экз. Заказ №316. С 7.
Министерство культуры и массовых коммуникаций РСО–Алания
ГУП РСО–Алания «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.
Отпечатано в ИП Лавор И.Н., «Лаки Пак». 344013, г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112.

ИР
Владикавказ
2014